В
1561

М. КАРИНСКІЙ.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛѢ НОВАГО ЭМПИРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1914.

М. КАРИНСКІЙ.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛѢ
НОВАГО ЭМПИРИЗМА
ПО ВОПРОСУ
ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1914.

Прав. 1989

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1914 годъ.

Б
1561

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Естественных Наук
Академии Наук СССР
023
59

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
A) Общая характеристика взгляда новаго эмпиризма на истины самоочевидныя	1— 30
B) Критическій эмпиризмъ Милля и его борьба противъ научнаго значенія немыслимости	30— 70
C) Взглядъ Милля на процессъ убѣжденія въ истинахъ самоочевидныхъ	70—132
D) Возвышеніе Спенсеромъ немыслимости отрицанія сужденія на степень критерія истины	132—213
E) Значеніе, которое должно принадлежать неразрывнымъ ассоціаціямъ по эмпиризму	213—325
F) Значеніе научнаго знанія при отожествленіи эмпиризмомъ критерія достовѣрности съ необходимою мыслимостію	325—381
G) Необходимыя поправки къ Спенсеровому ученію о значеніи научнаго знанія	381—421
H) Новый эмпиризмъ и общій критическій вопросъ о свободѣ знанія отъ предвзятыхъ предположеній	421—495
I) Отрицаніе Миллемъ и Спенсеромъ умозрительной очевидности	495—565
K) Заключеніе	565

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛѢ НОВАГО ЭМПИРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ.

А) Общая характеристика взгляда новаго эмпиризма на истины самоочевидныя.

Вопросъ о самоочевидныхъ истинахъ съ точки зрѣнія эмпиризма распадается на три вопроса: 1) о правѣ самоочевидныхъ истинъ считаться умозрительнымъ знаніемъ, 2) о происхожденіи въ непосредственномъ сознаніи вѣры въ самоочевидныя истины и 3) о достовѣрности этихъ истинъ.

1.

Локкъ рѣшительно настаивалъ на той мысли, что всѣ наши представленія и понятія или, какъ онъ называлъ ихъ, идеи заимствуются изъ нашихъ воспріятій, частью внѣшняго, частью внутренняго. Но отъ вопроса о происхожденіи идей Локкъ отчетливо отличалъ вопросъ о происхожденіи самаго знанія, т. е. сужденій, въ которыхъ (сверхъ бытія предметовъ, соотвѣтствующихъ идеямъ) устанавливаются различныя связи и отношенія непосредственно между идеями, а чрезъ нихъ и между предметами, соотвѣтствующими идеямъ. И онъ думалъ, что хотя для знанія необходимы идеи, а поэтому необходимы и соотвѣтствующія воспріятія, изъ которыхъ единственно могутъ быть получаемы идеи, но для того, чтобы устанавливать сужденія, т. е. усматривать связи между идеями, нѣтъ необходимости въ воспріятіи наблюдать ту связь или отношеніе между предметами, которая должна утверждаться въ сужденіи. Нѣкоторыя связи или отношенія между идеями могутъ, по его взгляду, прямо быть усмотрѣны нашею мыслью путемъ разсмотрѣнія самыхъ идей, чрезъ чисто умственный актъ со-

поставленія и сличенія другъ съ другомъ ихъ содержанія; и это возможно не только при выводномъ знаніи, т. е. при такомъ убѣжденіи въ сужденіяхъ, при которомъ истинность сужденія усматривается изъ другихъ, сужденій, ранѣе признанныхъ истинными, но и при знаніи непосредственномъ, при которомъ мы не нуждаемся въ ссылкѣ на какія бы то ни было другія сужденія [1]). Въ послѣднемъ случаѣ мы, очевидно, будемъ имѣть, по Локку, самоочевидную истину.

Лейбницъ не раздѣлялъ ученія Локка о происхожденіи идей. Но онъ намѣчаетъ такую точку зрѣнія для объясненія умозрительнаго знанія, которая могла имѣть значеніе и для философа, который принималъ бы ученіе Локка о происхожденіи идей. Локкъ не давалъ точнаго понятія о томъ процессѣ непосредственнаго усмотрѣнія связей между идеями, которымъ устанавливаются самоочевидныя истины; а безъ этого нельзя было, конечно, отчетливо уяснить себѣ научное значеніе этого процесса. Лейбницъ смотритъ на умозрительное знаніе какъ на знаніе аналитическое, основанное на законѣ противорѣчія. Тотъ процессъ непосредственнаго усмотрѣнія мыслью на самыхъ идеяхъ различныхъ связей и отношеній между ними, который Локкъ не пытался опредѣлить точнѣе, превращался у Лейбница въ процессъ аналитическій, въ процессъ извлеченія сказуемаго изъ самаго понятія подлежащаго. То содержаніе, которое въ умозрительномъ сужденіи прилагается въ сказуемомъ подлежащему, предполагается, по этой теоріи, уже заранѣе заключавшимся въ подлежащемъ, только темно, неотчетливо; а поэтому приписаніе его подлежащему какъ простое уясненіе того, что всегда составляло неизбѣжную принадлежность понятія подлежащаго, не нуждается ни въ какой ссылкѣ на внѣшнюю дѣйствительность. Гдѣ этотъ процессъ не сложенъ, т. е. гдѣ извлеченіе изъ понятія того или другого свойства его или отношенія не требуетъ, въ качествѣ предшествующаго звена, извлеченія изъ него какихъ-либо другихъ свойствъ или отношеній, тамъ мы будемъ имѣть, конечно, самоочевидную истину.

Такъ открывалась, повидимому, возможность установить такое понятіе о процессѣ убѣжденія въ самоочевидныхъ истинахъ и вообще объ умозрительномъ знаніи, которое дѣлало вполнѣ прозрачнымъ для мысли его значеніе. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ и получалась возможность отдѣлить дѣйствительное умозрительное знаніе отъ су-

---

[1]) См. мою статью „Учебники логики М. М. Троицкаго“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889 г. іюнь, стр. 487—488.

жденій, которыя ошибочно могли считаться за такое знаніе, то тотчасъ же и возникъ вопросъ, дѣйствительно ли это понятіе объ умозрѣнія приложимо ко всему тому, что считалось доселѣ умозрительнымъ.

Юмъ, который въ ученіи о происхожденіи идей въ сущности раздѣлялъ взлядъ Локка, нашелъ, что, ни въ какихъ представленіяхъ нашихъ о фактахъ которыя были бы несогласны съ какими угодно общими сужденіями о дѣйствительныхъ предметахъ, за исключеніемъ сужденій математическихъ [1]), нѣтъ противорѣчія и такія представленія такъ же легко и опредѣленно могутъ быть составлены нами, какъ если бы они вполнѣ согласовались съ дѣйствительностью [2]). Отсюда онъ вывелъ, что никакія общія сужденія о дѣйствительныхъ предметахъ, кромѣ сужденій математичекихъ, не основываются на умозрѣніи. Такъ вѣра во всю совокупность общихъ истинъ, за исключеніемъ истинъ математическихъ, превращалась въ простой результатъ вліянія частныхъ фактовъ на сознаніе.

Но затѣмъ совершился фактъ, который грозилъ поставить въ вопросъ все, что было пріобрѣтено эмпиризмомъ чрезъ философію Юма. Кантъ разъяснялъ, что не только анализированные Юмомъ законы причинной послѣдовательности явленій, но и законы математики также не аналитичны, и, слѣдовательно, представленіе, несогласное съ ними, если бы оно было возможно, такъ же мало заключало бы въ себѣ противорѣчіе, какъ и представленіе о порядкѣ событій, не согласномъ съ самымъ очевиднымъ изъ законовъ причинной связи. Однако вмѣсто того, чтобы на этомъ основаніи распространить эмпиристическіе выводы Юма и на математику, Кантъ пришелъ совсѣмъ къ другому выводу. Опираясь между прочимъ на тотъ фактъ, что математическія сужденія до такой степени поражаютъ непосредственное сознаніе своею независимою отъ опыта очевидностью, что даже такой рѣшительный и послѣдовательный противникъ догматизма, какимъ былъ Юмъ, не сомнѣвался въ ихъ умозрительномъ характерѣ, Кантъ вывелъ отсюда, что ошибочно было бы умозрительное знаніе ограничивать знаніемъ аналитическимъ. Но если это такъ, то отрицать право и не математическихъ сужденій считаться умозрительными за то только,

[1]) Математическія сужденія въ качествѣ сужденій объ отношеніяхъ Юмъ отличалъ отъ всѣхъ другихъ, относящихся къ нашему знанію сужденій какъ сужденій о фактахъ.

[2]) *D. Hume.* Essays and Treatises on sev. subj. Vol. II. A new Edit. London. 1784.

что они не опираются исключительно на законъ противорѣчія, оказывалось уже невозможнымъ. Такимъ образомъ допущеніе Юмомъ умозрительнаго характера математическаго знанія оказалось въ аргументаціи Канта добавочнымъ доводомъ въ пользу признаннаго Кантомъ права расширить умозрительное знаніе далѣе предѣловъ математики, т. е. оно содѣйствовало разрушенію всего, что, казалось, было прочно пріобрѣтено Юмовой философіей въ пользу эмпиризма.

Ближайшій результатъ этого для эмпиризма былъ ясенъ. Кто не находилъ основаній вмѣстѣ съ Кантомъ признать возможность синтетическихъ сужденій a priori, тотъ долженъ былъ мысль о происхожденіи вѣры въ общія сужденія изъ вліянія на сознаніе частныхъ фактовъ проводить далѣе, чѣмъ это дѣлалъ Юмъ; онъ долженъ былъ изъ этого же вліянія объяснять и происхожденіе вѣры въ математическія сужденія. Оба авторитетнѣйшіе представители новаго эмпиризма, Милль и Спенсеръ, идутъ этимъ путемъ; оба они признаютъ математику въ ея послѣднихъ посылкахъ, въ ея самоочевидныхъ истинахъ за простой результатъ данныхъ въ воспріятіи связей и отношеній предметовъ.

Но урокъ, извлеченный эмпиризмомъ изъ удара, который нанесенъ былъ Кантомъ Юмовой философіи, этимъ не ограничивался. Если эмпиризмъ не хотѣлъ быть вторично пойманнымъ въ неосторожномъ признаніи за умозрительное знаніе такихъ положеній, достовѣрность которыхъ не усматривается непосредственно изъ самаго ихъ содержанія то ему было совершенно естественно съ крайнею подозрительностью относиться ко всякому сужденію, претендующему на аналитическую очевидность.

Метафизика была выброшена за бортъ уже Юмомъ. Какъ скоро относительно науки, издавна считавшейся за образецъ умозрительнаго знанія, математики, Кантомъ было установлено, что она синтетична то вопросъ объ аналитическомъ знаніи, на сколько онъ касался наукъ, изучавшаго дѣйствительное бытіе, былъ исчерпанъ. И если не ставить вопроса объ этикѣ, съ которой теперь мы не имѣемъ дѣла, то оставалась еще не затронутой только наука о самомъ познаніи, логика, формулы которой, подобно положеніямъ математики, поражали своею очевидностью и, конечно, имѣли притязаніе на чисто аналитическій характеръ. Было обстоятельство, которое ставило логическія формулы вывода въ особую связь съ математическими аксіомами и заставляло представителей эмпиризма провести и на логикѣ тотъ взглядъ, который примѣнялся теперь къ математикѣ. У многихъ фи-

лософовъ новаго времени, начиная съ Бэкона, проглядывало сознаніе той аналогіи, какую имѣютъ нѣкоторыя математическія аксіомы, всего яснѣе аксіома о равенствѣ между собой двухъ величинъ, равныхъ одной и той же третьей, съ силлогистическими формулами выводовъ [1]). Въ позднѣйшее время сознаніе этой аналогіи все глубже и глубже проникло логическія изслѣдованія и повело даже къ попыткамъ, сколько возможно, тѣснѣе сблизить логическія формулы выводовъ съ этими математическими аксіомами, даже передѣлывать общую теорію вывода по выводамъ, соотвѣтствующимъ этимъ аксіомамъ. Хотя подобные взляды далеко не всегда попадали на настоящую дорогу, тѣмъ не менѣе они все болѣе и болѣе дѣлали очевиднымъ близкое родство силлогистическихъ формулъ съ нѣкоторыми математическими аксіомами по ихъ содержанію и по ихъ значенію въ выводныхъ процессахъ. А такъ какъ, принимая синтетическій характеръ математическихъ аксіомъ и опытное происхожденіе вѣры въ нихъ, представители эмпиризма не различали между ними такихъ, которыя прямо служатъ посылками выводовъ, отъ такихъ, которыя сродны силлогическимъ формуламъ и сами имѣютъ значеніе формулъ вывода, то простая послѣдовательность побуждала переносить на логическія формулы выводовъ тѣ взгляды, къ которымъ приходили въ отношеніи къ математическимъ аксіомамъ.

Спенсеръ прямо указываетъ на родство, которое подмѣчалось между силлогистическими формулами и разнообразными математическими аксіомами, точно такъ же какъ и между процессами выводовъ, совершающихся на основаніи логическихъ формулъ выводовъ, съ одной стороны и процессами, соотвѣтствующими математическимъ аксіомамъ, съ другой, и видитъ въ этомъ рѣшительное основаніе для того, чтобы придавать одно и то же значеніе и одинъ и тотъ же характеръ достовѣрности формуламъ и аксіомамъ. Соотвѣтственно особому взгляду своему на познавательный процессъ онъ въ тѣхъ и другихъ видитъ не формулы выводовъ, а законы объективнаго бытія, которые, конечно, должны устанавливаться въ сознаніи однимъ и тѣмъ же путемъ. „Какъ скоро допущено, говоритъ Спенсеръ, что математическій анализъ имѣетъ дѣло съ отношеніями, которыя разсматриваются какъ существующія объективно, и что въ послѣдней инстанціи онъ про-

---

[1]) Эта аналогія есть результатъ того, что эти аксіомы на самомъ дѣлѣ суть особыя формулы выводовъ, примѣненныя только къ предметамъ, съ которыми имѣетъ дѣло математика, какъ показано въ моей „Классификаціи выводовъ“.

вѣряетъ свои заключенія, относящіяся къ необходимымъ взаимно-зависимостямъ этихъ объективныхъ отношеній, чрезъ апелляцію къ дѣйствительному воспріятію, то необходимо допустить, что и эта форма математическаго анализа (—дѣло идетъ о попыткѣ Буля свести всѣ выводы къ математическимъ процессамъ—), на которую можетъ быть сведена логика, дѣлаетъ то же самое“ [1]).

Милль вопроса о происхожденіи логическихъ формулъ вывода въ своей Логикѣ не затрогивалъ, а по нѣкоторымъ выраженіямъ, допущеннымъ имъ здѣсь, можно было предполагать даже, что онъ придаетъ имъ особый характеръ достовѣрности, болѣе принудительный, чѣмъ аксіомамъ математики, которыя онъ ясно и рѣшительно возводитъ къ опыту. Однако на возраженіе, которое ему сдѣлано было по этому поводу Спенсеромъ, онъ поспѣшилъ заявить, что онъ не держится приписываемаго ему Спенсеромъ мнѣнія, и объяснилъ недоразумѣніе простою допущенною имъ неточностью выраженій [2]). Такимъ образомъ и въ этомъ расширеніи значенія опыта на логическія формулы выводовъ оба мыслителя идутъ рука объ руку.

Но стремленіе объяснять вѣру въ общія сужденія вліяніемъ на сознаніе частныхъ фактовъ не ограничивается въ новомъ эмпиризмѣ и отрицаніемъ умозрительнаго характера логическихъ формулъ вывода. На возведеніе логическихъ формулъ выводовъ къ опыту можно смотрѣть какъ не превращеніе ихъ изъ аналитическихъ сужденій въ синтетическія, хотя Спенсеръ и не задается цѣлью доказать, что въ нихъ сказуемое не содержится въ понятіи подлежащаго. Но новый эмпиризмъ идетъ на встрѣчу болѣе радикальной перемѣнѣ взгляда на умозрѣніе. Онъ стремится къ отрицанію умозрительнаго характера даже и за аналитическими сужденіями. Умозрительная достовѣрность аналитическихъ сужденій вообще какъ у Канта, такъ еще и у Лейбница, опиралась, какъ извѣстно, на логическій законъ противорѣчія. Убѣжденіе наше въ достовѣрности этого закона Милль хочетъ поставить въ зависимость отъ вліянія на сознаніе фактовъ воспріятія. Онъ говоритъ [3]): я „признаю его (этотъ законъ,) какъ и

---

[1]) *H. Spencer.* The Principles of Psychology. 2 ed. London — Edinburgh. 1870—1872. Vol. II, p. 89. См. также ibid. 426. Русскій переводъ: Основанія психологіи Спенсера. С.-Пб. 1876, т. III, стр. 93—94. См. также т. IV, стр. 124.

[2]) *J. S. Mill.* A System of Logic ratiocinative and inductive. Edit 7. London. 1868. Vol. 1, p. 301. Русскій переводъ: Милль. Система Логики. Изданіе 2-е 1878. Т. I, стр. 300.

[3]) *Mill.* Syst. of. Log. I. 307—308; р. пер. I. 305—306.

другія аксіомы, однимъ изъ нашихъ первыхъ и самыхъ привычныхъ обобщеній изъ опыта. Первичнымъ основаніемъ этого обобщенія я считаю положеніе, что вѣрованіе и невѣріе суть два различныя духовныя состоянія, изъ которыхъ одно исключаетъ другое. Это мы знаемъ изъ простѣйшаго наблюденія нашего собственнаго духа. И перенеся наше наблюденіе во внѣ, мы находимъ, что свѣтъ и темнота, звукъ и безмолвіе, движеніе и покой, равенство и неравенство, предшествіе и слѣдованіе, одновременность и послѣдовательность, какое либо положительное явленіе и его отрицательное суть явленія разныя, которыя рѣзко противоположны и изъ которыхъ одно всегда отсутствуетъ тамъ, гдѣ другое присутствуетъ. Обсуждаемую аксіому я признаю обобщеніемъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ". Ту же самую мысль выражаетъ Спенсеръ непосредственно въ примѣненіи къ такъ называемому закону исключеннаго третьяго или средняго, но выражаетъ ее такъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ то же думаетъ и о законѣ противорѣчія [1]). Изъ одного этого объясненія происхожденія вѣры въ законъ противорѣчія изъ наблюденія фактовъ внутренней жизни и внѣшней природы, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы самый этотъ законъ вовсе не признавался представителями новаго эмпиризма за законъ умственной дѣятельности человѣка. Дѣло идетъ о законѣ не внѣшней дѣйствительности, а нашей собственной мысли. И философу, который утверждаетъ, что мы узнаемъ о немъ и убѣждаемся въ немъ чрезъ наблюденіе надъ жизнью нашего сознанія (и явленіями внѣшняго бытія), ничто не мѣшаетъ въ то же время признавать этотъ законъ роковымъ закономъ нашей умственной дѣятельности, фактически принудительно господствующимъ надъ нею внѣ всякой зависимости отъ нашихъ наблюденій надъ нею и отъ возникновенія въ сознаніи понятія объ этомъ законѣ и вѣры въ него. Но признать, что эта вѣра въ законъ противорѣчія опирается исключительно на факты опыта, это во всякомъ случаѣ значитъ признать, что сужденіе, въ которомъ выражается этотъ законъ, не можетъ быть оправдано изъ самаго его содержанія, т. е. что истинность его не можетъ быть непосредственно усмотрѣна мыслью изъ самыхъ понятій, входящихъ въ него. Если же теперь принимается, что это сужденіе есть общая формула всѣхъ аналитическихъ сужденій, то утверждать, что эта формула основывается на опытѣ, это значитъ признать, что убѣжденіе въ аналитическихъ сужденіяхъ, хотя бы оно и зависѣло

[1]) *Spencer.* Princ. of Psych. II. 423—425; р. пер. IV. 121—123.

отъ свойствъ нашего ума, въ себѣ самомъ не имѣетъ гарантіи своей истинности, а получаетъ эту гарантію лишь потому, что факты опыта постоянно подтверждаютъ истинность такихъ (аналитическихъ) сужденій. Такимъ образомъ новый эмпиризмъ не только отрицаетъ умозрительный синтезъ, но высказываетъ такіе взгляды, которые прямо ведутъ къ отрицанію и за аналитическими сужденіями права назваться умозрительными истинами и къ признанію, что ихъ достовѣрность можетъ основываться лишь на подтвержденіи ихъ опытомъ.

Впрочемъ представители современнаго эмпиризма не только объясняютъ вліяніемъ опыта нашу вѣру въ сужденія, въ которыхъ выражаются законы мысли, но они склонны этимъ же путемъ объяснять и самую необходимость для мышленія подчиняться этимъ законамъ, т. е. склонны признать эти законы не въ собственномъ смыслѣ законами мысли, а простыми ея навыками, образовавшимися подъ вліяніемъ фактовъ опыта. Милль выражаетъ эту мысль не аподиктически, а проблематически. Въ виду того, что положенія, которыя считались за положенія необходимо мыслимыя, не оказывались такими впослѣдствіи, онъ отказывается произнести рѣшительное сужденіе и относительно такъ называемыхъ основныхъ законовъ мысли (законовъ тожества, противорѣчія и исключеннаго средняго), относятся ли они къ самой конституціи мысли или имѣютъ опытное происхожденіе. Онъ рѣшается утверждать только, что изъ всѣхъ положеній они имѣли бы сравнительно наибольшее право быть признанными за относящіяся къ самой конституціи мысли [1]). Спенсеръ, не упоминая прямо о законахъ мысли, высказывается несравненно болѣе рѣшительно о логическихъ положеніяхъ вообще, подъ которыми, нужно думать, подразумѣваются и такъ называемые законы мысли: „положенія логики, говоритъ онъ, выражаютъ прежде всего необходимыя зависимости между вещами, а не необходимыя зависимости между мыслями; и на сколько они выражаютъ необходимыя зависимости между мыслями, они дѣлаютъ это непосредственно, они дѣлаютъ это лишь по стольку, по скольку зависимости между мыслями вылѣплены соотвѣтственно зависимостямъ между вещами“ [2]). Подъ вылѣпленностью соотвѣтственно зависимостямъ между вещами Спенсеръ разумѣетъ форму психической жизни, образующуюся подъ вліяніемъ опыта.

---

[1]) *Mill.* An Examination of Hamiltons Philosophy. London. 1865. p. 417—418. Сл. p. 67.

[2]) *Spencer.* Princ. of. Psych. II. 90—91; p. пер. IV. 95.

У Милля намѣчается еще и другой взглядъ на аналитическія сужденія, также лишающій ихъ всякаго умозрительнаго характера, но совсѣмъ на другомъ основаніи. Говоря о предложеніяхъ, въ которыхъ свойства, соозначаемыя сказуемымъ, суть часть тѣхъ свойствъ, которыя соозначаются подлежащимъ, т. е. о сужденіяхъ, по терминологіи Канта, аналитическихъ, Милль замѣчаетъ, что „они суть или опредѣленія или части опредѣленій“ [1]). Но въ той главѣ своей Логики, въ которой онъ излагаетъ свое ученіе объ опредѣленіи, Милль говоритъ: „по самому простому и наиболѣе правильному понятію объ опредѣленіи оно есть предложеніе, высказывающее смыслъ слова, именно либо смыслъ, соединяемый съ словомъ въ обыкновенномъ его употребленіи, либо смыслъ, который намѣренъ придавать ему говорящій или пишущій ради особыхъ цѣлей своей рѣчи“ [2]). Но если это такъ, то я не знаю, какимъ образомъ можно бы было избѣжать вывода, что сужденія, называемыя аналитическими, на самомъ дѣлѣ суть сужденія синтетическія. Часть аналитическихъ сужденій, именно тѣ изъ нихъ, въ которыхъ тотъ или другой авторъ самостоятельно устанавливаетъ новое значеніе за опредѣленнымъ терминомъ, какъ понятно само собою, окажутся даже не сужденіями въ смыслѣ утвержденій или отрицаній какой-нибудь мысли, а простыми заявленіями рѣшимости употреблять извѣстный терминъ въ извѣстномъ значеніи. Всѣ остальныя аналитическія сужденія, разъясняющія общеустановившійся смыслъ терминовъ, окажутся совершенно такими же синтетическими сужденіями, каковы сужденія, обыкновенно называемыя синтетическими. Они будутъ различаться отъ послѣднихъ лишь тѣмъ, что въ то время какъ въ послѣднихъ субъектомъ служатъ предметы, характеризуемые извѣстными признаками, подразумѣваемыми подъ терминомъ подлежащаго, а предикатомъ какое-нибудь другое свойство, подразумѣваемое подъ терминомъ сказуемаго, въ такъ называемыхъ аналитическимъ сужденіяхъ субъектомъ будетъ служить извѣстное слово или терминъ, а предикатъ будетъ содержать въ себѣ разъясненіе тѣхъ свойствъ, которыя при обычномъ употребленіи этого термина соединяются съ нимъ въ представленіи. Или, если угодно, можно разъяснить смыслъ второй части аналитическихъ сужденій такъ: субъектомъ будутъ служить въ нихъ предметы, для которыхъ обычнымъ наименованіемъ въ общей практикѣ служитъ опредѣленное

---

[1]) *Mill.* Exam. of Ham. Phil. 359.

[2]) *Mill.* Syst. of Log. I. 148; р. пер. I. 152.

слово или терминъ, а предикатомъ тѣ свойства этихъ предметовъ, представленіе о которыхъ общее сознаніе соединяетъ съ этимъ терминомъ. Опредѣленное слово и смыслъ, съ нимъ соединяемый,—это, конечно, двѣ вещи, совершенно различныя. Мы могли научиться соединять съ словами тотъ смыслъ, который соединяютъ съ ними наши соотечественники, лишь изъ опыта, изъ частыхъ одновременныхъ появленій въ нашемъ воспріятіи опредѣленныхъ словъ и предметовъ, отличающихся опредѣленными свойствами. И если возникаетъ вопросъ или недоумѣніе относительно (если выразиться терминологіей Милля) соозначеніе слова, т. е. относительно тѣхъ свойствъ предметовъ, которыя имѣются въ виду при обыкновенномъ употребленіи этого слова, то разрѣшеніе этого вопроса, которое и окажется аналитическимъ сужденіемъ въ миллевомъ смыслѣ, должно въ концѣ концовъ, конечно, опираться на воспоминаемыхъ нами или вновь наблюдаемыхъ разнообразныхъ случаяхъ его употребленія. Если бы Милль отчетливо разъяснилъ все это и при этомъ отчетливо доказалъ, что всѣ сужденія, которыя не подходятъ подъ его понятіе объ опредѣленіяхъ, но которыя также называются аналитическими, суть сужденія синтетическія уже въ обычномъ употребленіи этого термина, то это, по моему мнѣнію, было бы крупнымъ шагомъ впередъ въ теоріи знанія. Но ничего этого у Милля не находимъ, и не видно даже, что онъ сознаетъ, что признаніе аналитическихъ сужденій опредѣленіями въ его смыслѣ есть отнесеніе ихъ къ сужденіямъ синтетическимъ особаго только класса.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что у обоихъ авторитетнѣйшихъ представителей новаго эмпиризма, въ различіе отъ Юма, вліяніемъ частныхъ фактовъ на сознаніе объясняется не только вѣра въ математическія истины, но и вѣра въ логическія формулы выводовъ, и у обоихъ является положительный наклонъ отрицать существованіе какой бы то ни было очевидности, которая претендовала бы на иное происхожденіе.

2.

Самоочевидныя истины въ нашемъ непосредственномъ сознаніи внушаютъ невольную вѣру къ себѣ. Когда эта самоочевидность разъяснялась какъ возможность чисто умозрительнаго усмотрѣнія истиннаго сужденія изъ самого содержанія входящихъ въ него представленій, тогда эта невольная вѣра въ сужденіе не требовала ни-

какого дальнѣйшаго объясненія, она естественно разсматривалась, какъ простой результатъ вліянія представленій, составляющихъ содержаніе сужденія, на мыслящее сознаніе человѣка. Но, какъ скоро за самоочевидными истинами отрицалось значеніе даже вообще сужденій умозрительныхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, теряло смыслъ и это объясненіе невольной вѣры въ нихъ. И такъ какъ эмпиризмъ въ основаніе всѣхъ познавательныхъ явленій полагалъ вліяніе на сознаніе частныхъ фактовъ, то въ концѣ концовъ изъ этого же вліянія должна была объясняться ими и эта невольная вѣра.

Непосредственное сознаніе испытываетъ невольную вѣру не только въ отношеніи къ истинамъ самоочевиднымъ, но и въ отношеніи къ безчисленнымъ другимъ положеніямъ, которыя завѣдомо для него возникаютъ изъ опыта и только въ опытѣ могутъ имѣть свое основаніе, и на которыя оно никакъ не смотритъ, какъ на положенія самоочевидныя. И если теперь оказывалось, что и самоочевидность сужденій никакъ не есть слѣдствіе особаго усмотрѣнія ихъ истинности изъ содержанія входящихъ въ нихъ представленій, то спрашивалось, почему же непосредственное сознаніе смотритъ на нихъ однихъ какъ на самоочевидныя, тогда какъ безчисленнымъ другимъ, вызывающимъ также невольную вѣру, не приписываетъ самоочевидности. Этотъ вопросъ возникалъ въ отношеніи ко всѣмъ самоочевиднымъ положеніямъ, вѣра въ которыя не разъяснялась изъ ихъ содержанія, и долженъ былъ возникать одинаково какъ у тѣхъ, которые совсѣмъ отрицали умозрительный характеръ этихъ положеній, такъ и у тѣхъ, которые не отказывались смотрѣть на нихъ, какъ на умозрительныя истины. У послѣднихъ онъ возникалъ даже скорѣе и съ большей энергіей, такъ какъ сохранить за этими сужденіями значеніе сужденій умозрительныхъ послѣ того, какъ пришлось отказаться отъ мысли объ ихъ аналитическомъ характерѣ, конечно, можно было только вслѣдствіе живого сознанія, что для непосредственнаго сознанія они все же имѣютъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ всѣ другія сужденія, вызывающія также невольную вѣру. Если самое содержаніе сужденій не объясняло того факта, что непосредственное сознаніе отличаетъ ихъ отъ другихъ сужденій, какъ самоочевидныя, то приходилось, повидимому, искать этого объясненія въ какихъ-либо особенностяхъ невольной вѣры, возбуждаемой ими; приходилось отличать эту вѣру отъ той невольной вѣры, которыя возбуждаютъ другія положенія. И какъ скоро были бы указаны эти особенности, задачей эмпиризма, отрицавшаго вообще умозрительный характеръ самоочевидныхъ истинъ,

дѣлалось—объяснить изъ вліянія частныхъ фактовъ на сознаніе невольную вѣру, которая отличалась бы этими именно особенностями.

Кантъ указалъ на безусловную всеобщность и необходимость, которыя невольная вѣра придаетъ сужденіямъ, считающимся самоочевидными, какъ на такія черты, которыя отличаютъ эту вѣру отъ невольной вѣры въ другія сужденія.

Это, конечно, не было открытіемъ Канта. И Лейбницъ, и даже уже Локкъ очень ясно понимали, что общія сужденія, истинность которыхъ должна усматриваться умозрительно, должны отличаться особою бесусловною всеобщностью и необходимостью. Но рѣзко выставлять эти черты на первый планъ въ качествѣ критеріевъ умозрительности сужденія для нихъ не было никакого повода. Умозрительнымъ было для нихъ то сужденіе, истинность котораго усматривалась мыслью изъ самыхъ представленій, въ него входящихъ. И они искренно вѣрили, что всякій, кто образовалъ отчетливыя представленія, нужныя для того или другого изъ этихъ сужденій, легко можетъ изъ самыхъ этихъ представленіи убѣдиться въ необходимости той связи, въ какую ставятся они въ сужденіи. Поэтому тѣмъ критеріемъ умозрительности сужденія, который неизбѣжно подразумѣвался ими, была казавшаяся имъ вполнѣ очевидною возможностью убѣждаться въ истинности сужденія изъ самыхъ представленій, въ него входящихъ, какъ скоро эти представленія образованы сознаніемъ со всею отчетливостью.

Но когда Кантъ увѣрился, что большая часть сужденій, признававшихся умозрительными, не можетъ быть оправдана изъ самаго ихъ содержанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ совершенно невозможнымъ, вслѣдствіе особаго вліянія этихъ сужденій на сознаніе, отрѣшиться отъ мысли объ ихъ умозрительномъ характерѣ, тогда оказывалось для него необходимымъ въ самой невольной вѣрѣ въ нихъ непосредственнаго сознанія отъискать тѣ признаки, которые, отличая эту вѣру отъ другихъ случаевъ вѣры, объясняли бы взглядъ на нихъ непосредственнаго сознанія, какъ на истины самоочевидныя. И Кантъ указалъ на безусловную всеобщность и необходимость, которыя придаются имъ этой вѣрой и которые не могутъ быть оправданы опытомъ, какъ на отличительныя черты этой вѣры. Поэтому на эти черты онъ не могъ не смотрѣть, какъ на такія черты, которыя рѣшительно и безаппелляціонно заставляютъ принимать ихъ умозрительный характеръ. Вслѣдствіе этого для самой его критики чистаго разума онъ ставитъ лишь задачу разъяснить возможность умозри-

тельнаго синтеза; а признать этотъ синтезъ считалось необходимымъ уже заранѣе на основаніи этихъ признаковъ умозрительныхъ сужденій. Такъ дѣйствительно и ставится имъ дѣло въ примѣненіи къ чистой математикѣ и чистому естествознанію. „Объ этихъ наукахъ, говоритъ Кантъ, такъ какъ онѣ даны фактически, вопросомъ, соотвѣтствующимъ положенію дѣла, будетъ вопросъ, какимъ образомъ онѣ возможны, а то, что онѣ возможны, доказывается самымъ фактомъ ихъ существованія“ [1]). Конечно, чтобы объяснить существованіе синтетическихъ умозрительныхъ сужденій, критика чистаго разума старалась доказать въ самой конституціи человѣческаго ума наличность условій, нужныхъ для ихъ существованія; и если принять, что критикой доказано наличное существованіе этихъ условій, то можно будетъ уже отсюда заключать и къ умозрительности сужденій, которыя связаны съ этими условіями. Но самъ Кантъ смотритъ на это дѣло иначе, и оно ставится у него иначе. Безусловная всеобщность и необходимость, какія придаетъ этимъ сужденіямъ невольная вѣра, представляютъ для него настолько ясное и убѣдительное основаніе для признанія ихъ независимой отъ опыта достовѣрности, что даже и доказательства наличнаго существованія въ нашей познавательной способности условій, необходимыхъ для сужденій a priori, у него никакъ не претендуютъ на независимость отъ этого основанія; наоборотъ, при развитіи ихъ онъ постоянно обращается къ ссылкѣ на ту же всеобщность и необходимость считающихся самоочевидными сужденій. Онъ, очевидно, смотритъ на эту ссылку, какъ на аргументъ самый надежный и безъ котораго нельзя обойтись при всякихъ другихъ аргументахъ. Безусловная необходимость математическихъ сужденій, какъ извѣстно, прямо играетъ у него роль одного изъ доказательствъ взгляда на пространство и время, какъ на созерцанія a priori, т. е. какъ на условія умозрительнаго синтеза. Не такъ торжественно, но не разъ и очень опредѣленно аппеллируетъ Кантъ къ безусловной всеобщности и необходимости высшихъ посылокъ естествознанія и въ своей трансцендентальной логикѣ. Такъ, на характеръ необходимости, отличающій понятіе и сужденіе объ общей причинной связи явленій, онъ ссылается для того, чтобы обосновать необходимость своей трансцендентальной дедукціи категорій [2]). И, настаивая на этой дедукціи въ противуположность взгляду на эти категоріи (эмпирической

[1]) *Kant.* Krit. d. r. Ver. ed. Adickes. Berlin. 1889. p. 54.
[2]) Ibid., 135.

дедукціи ихъ) Локка и Юма, онъ опять ставитъ на видъ, въ качествѣ рѣшительнаго аргумента, такую мысль: „эмпирическое выведеніе ихъ (причинности и другихъ категорій), далѣе котораго не идутъ оба эти мыслителя, нельзя согласить съ фактическимъ существованіемъ научныхъ познаній a priori, которые мы имѣемъ, напримѣръ, въ чистой математикѣ и общемъ естествознаніи, и, слѣдовательно, опровергается фактомъ“ [1]). Приступая къ доказательству своихъ трансцендентальныхъ основоположеній, онъ указываетъ на необходимость, которою они характеризуются въ сознаніи, какъ на такое завѣреніе въ ихъ происхожденіи a priori, которое хорошо обезпечиваетъ отъ опасности счесть эмпирическое положеніе за сужденіе a priori и наоборотъ [2]). Какое рѣшающее значеніе придавалъ онъ мысли о безусловной всеобщности и необходимости самоочевидныхъ истинъ для всѣхъ своихъ изслѣдованій въ области чистаго разума, это достаточно видно изъ слѣдующаго факта. Уже послѣ изданія Критики чистаго разума, когда всѣ разъясненія условій знанія a priori предполагались достаточно установленными Критикой, насколько она могла ихъ установить, онъ ставитъ вопросъ: не можетъ ли случиться, что кто-нибудь откроетъ, что нѣтъ никакого познанія a priori; и при рѣшеніи этого вопроса главнымъ образомъ онъ ссылается на то, что „желаетъ выжать необходимость изъ опытнаго положенія (ex punice aquam), а съ нею создать истинную всеобщность . . . есть прямое противорѣчіе“ [3]).

Такимъ образомъ, если взять то положеніе дѣла, которое создавалось такъ называемой критической философіей [4]), то задача эмпиризма въ объясненіи невольной вѣры сознанія въ очевидныя истины должна была сводиться къ объясненію, изъ вліянія частныхъ фактовъ на сознаніе, той безусловной всеобщности и той необходимости,

---

[1]) Ibid., 138.

[2]) Ibid., 188.

[3]) *Kant.* Kr. d. pr. Vern. ed. Kirchm. 12.

[4]) Наиболѣе важной, проникающей всю Критику чистаго разума, мыслью была мысль о связи между чисто умозрительнымъ синтезомъ и постановкой объективности въ сознаніи. Новый эмпиризмъ не оставляетъ вопросовъ о постановкѣ объективности въ сознаніи безъ изслѣдованія и важнѣйшіе представители его развиваютъ каждый свой взглядъ по этому вопросу. Но спорный и трудный вопросъ о нашей вѣрѣ въ объективное бытіе имѣетъ свою особою исторію, хотя подчасъ и прихотливо переплетающуюся съ исторіей вопроса объ очевидныхъ истинахъ. А поэтому я счелъ болѣе цѣлеобразнымъ выдѣлить разборъ ученія философовъ эмпиризма объ объективномъ бытіи изъ разбора взглядовъ ихъ на истины самоочевидныя.

которыя придавались этимъ сужденіямъ этой вѣрой. Но на самомъ дѣлѣ въ новомъ эмпиризмѣ этотъ вопросъ ставится нѣсколько иначе, и не безъ основанія.

Уже Юмъ имѣлъ дѣло съ этой вѣрой въ самоочевидныя сужденія какъ сужденія безусловно всеобщія и необходимыя, но она не остановила его на пути къ эмпирическимъ выводамъ. Тѣмъ не менѣе Юмъ не рѣшился провести эти выводы въ отношеніи къ математическому знанію. Можно было, конечно, сказать (какъ это предполагалось той постановкой вопроса объ умозрительныхъ синтетическихъ сужденіяхъ, которую дѣлалъ Кантъ), что это было со стороны Юма только непослѣдовательностью, которая вполнѣ объясняется ошибочнымъ взглядомъ на математическія сужденія, какъ на сужденія, по терминологіи Канта, аналитическія. Пусть такъ. Но этимъ все дѣло не объясняется. Такое объясненіе не избавляетъ отъ вопроса: почему же Юмъ принялъ за аналитическія сужденія математическія истины и въ то же время не счелъ аналитичечкими сужденіями такіе законы причинной связи, которымъ непосредственное сознаніе также склонно приписывать безусловную всеобщность и необходимость. Естественно является вопросъ: не соблазняла ли Юма въ математическихъ истинахъ какая-нибудь черта или совсѣмъ не существующая или, можетъ быть, менѣе замѣтная въ другихъ истинахъ. Въ нихъ (и прежде всего въ положеніяхъ геометріи) дѣйствительно очень ярко выступала черта, которая могла производить иллюзію ихъ аналитичности даже и у такого философа, который успѣлъ бы уже разобраться въ подобномъ же вопросѣ относительно многихъ другихъ сужденій.

Въ общемъ сужденіи не предикатъ только, но и субъектъ характеризуется понятіями, т. е. такими отвлеченными представленіями, которыя составляютъ лишь какую-либо одну черту или только нѣсколько чертъ конкретнаго образа. Подъ аналитическими сужденіями разумѣются такія, въ которыхъ предикатъ характеризуется понятіемъ, входящимъ въ понятіе субъекта, и въ которыхъ, поэтому, отрицаніе предиката дѣлаетъ сужденіе противорѣчивымъ. Для того, чтобы общее сужденіе оказалось аналитическимъ, и отрицаніе въ немъ предиката дѣлало его противорѣчивымъ, очевидно, нужно, чтобы понятіе, характеризующее предикатъ, входило въ то понятіе или отвлеченное представленіе, которымъ характеризуется субъектъ. Но предположимъ теперь, что мы имѣемъ сужденіе, въ которомъ понятіе, которымъ характеризуется сказуемое, не входя въ то отвлеченное представленіе, которымъ характеризуется подлежащее, тѣмъ не менѣе неизбѣжно входитъ въ

каждый конкретный образъ, который подходилъ бы подъ отвлеченное представленіе, которымъ характеризуется подлежащее. Такое сужденіе, конечно, не будетъ аналитическимъ, отрицаніе въ немъ сказуемаго не сдѣлаетъ его сужденіемъ противорѣчивымъ. Но такое отрицаніе будетъ сходно съ отрицаніемъ предиката въ аналитическомъ сужденіи въ томъ отношеніи, что мы не будемъ въ состояніи создать соотвѣтствующаго ему образа, точно такъ же, какъ не можемъ создать образа для сужденія противорѣчиваго; отрицаніе сказуемаго въ этомъ случаѣ будетъ, правда, не противорѣчиво, но также совершенно невообразимо для насъ, какъ невообразимо все противорѣчивое. Геометрическія сужденія, напримѣръ, отличаются именно тѣмъ, что исключенія изъ нихъ совершенно ясно для нашего сознанія отличаются подобною невообразимостью. И ошибка, которую дѣлалъ Юмъ, состояла собственно въ томъ, что онъ противорѣчіе отожествляетъ съ невообразимостью и на представленія, необходимо соединяющіяся одно съ другимъ въ нашемъ представленіи, смотритъ какъ на представленія, аналитически заключающіяся одно въ другомъ. Но, по мнѣнію Юма, никакъ не все, что наша невольная вѣра признаетъ всегда и необходимо соединеннымъ въ бытіи, неразрывно соединено въ нашемъ представленіи. Тѣ связи въ бытіи, которыя, хотя внушаютъ такую именно вѣру, но не оказываются неразрывными въ нашемъ представленіи, не считаются имъ аналитическими, и исключенія изъ нихъ не считаются противорѣчивыми. И къ положеніямъ перваго рода, т. е. такимъ, исключенія изъ которыхъ для насъ совершенно невообразимы, а поэтому признаются имъ противорѣчивыми, онъ относитъ математическія истины; ко вторымъ, т. е. къ такимъ, исключенія изъ которыхъ, правда, совершенно не допускаюсся нашей вѣрой, но представимы для насъ, онъ относитъ всѣ положенія о фактахъ. Сказавъ, что „положенія математики открываются черезъ чистую дѣятельность мысли, не будучи зависимы отъ какого-либо существованія въ мірѣ“, Юмъ то свойство положеній о фактахъ, которое противополагается имъ этой чертѣ математическихъ положеній, рисуетъ такъ: „противоположность какому нибудь факту всегда возможна, потому что она никогда не заключаетъ въ себѣ противорѣчія“, и въ поясненіе добавляетъ, что она можетъ быть представлена душою съ тою же легкостью и опредѣленностью, какъ если бы она точно согласовалась съ дѣйствительностью [1]). И анализируя представляющіяся наиболѣе очевидными послѣдователь-

[1]) *Hume.* Ess. and. Treat. II. 27.

ности событій, онъ доказываетъ, что они познаются не умозрительно, тѣмъ, что факты, которые были бы не согласны съ этими послѣдовательностями, вполнѣ вообразимы для насъ.

Такимъ образомъ, если устранить изъ разсужденій Юма ошибочное смѣшеніе противорѣчія съ невообразимостью, то будетъ ясно, что Юмъ среди положеній, которымъ наша невольная вѣра приписываетъ всеобщность и необходимость, различалъ два случая: одинъ, когда все дѣло ограничивается тѣмъ, что наше сознаніе не допускаетъ существованія фактовъ, не согласныхъ съ положеніемъ, другой, когда для сознанія оказывается невозможно даже составить образъ, соотвѣтствующій подобному факту, Юмъ отрицалъ умозрительный характеръ перваго рода убѣжденій, но въ невообразимости исключеній изъ сужденія, наоборотъ, видѣлъ доказательство умозрительнаго характера этого сужденія.

Такъ какъ Кантъ призналъ умозрительный характеръ одинаково не только за тѣми сужденіями, въ которыхъ Юмъ указывалъ особую черту, совершенную невообразимость для насъ исключеній изъ нихъ, но и за тѣми, въ которыхъ по Юму все дѣло ограничивалось такой вѣрой въ ихъ истинность, которая совсѣмъ не допускала исключеній изъ нихъ въ реальномъ мірѣ, то, естественно, онъ критерій умозрительности сужденія искалъ въ такихъ особенностяхъ невольной вѣры, которыя казались общими тѣмъ и другимъ сужденіямъ. Поэтому онъ поставилъ этотъ критерій въ той всеобщности и необходимости, которую невольная вѣра одинаково придавала тѣмъ и другимъ сужденіямъ. Новый эмпиризмъ, прямо наоборотъ, одинаково отрицаетъ умозрительный характеръ тѣхъ и другихъ сужденій. Понятно, что, желая объяснить изъ вліянія частныхъ фактовъ на сознаніе тѣ особенности невольной вѣры, которыя возбуждаютъ мысль объ умозрительномъ характерѣ сужденій, онъ не можетъ ограничиться доказательствомъ того, что изъ вліянія частныхъ фактовъ можетъ происходить вообще такая вѣра, которая придаетъ сужденію характеръ всеобщности и необходимости. Онъ долженъ былъ доказывать, что подобнымъ же путемъ можетъ происходить эта вѣра и въ тѣхъ случаяхъ, когда, она характеризуется совершенною неспособностью даже вообразить не согласныя съ нею явленія.

Представители новаго эмпиризма, конечно, хорошо знали, что феноменъ невообразимости заставлялъ признавать умозрительное знаніе и такихъ мыслителей (напримѣръ Юма), которые охотно признавали опытное происхожденіе вѣры, не соединенной съ этимъ феноменомъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Они не могли не сознавать, что безусловная всеобщность и необходимость сужденія не могла бы Кантомъ выставляться въ качествѣ совершенно очевиднаго, не требующаго разъясненій и доказательствъ, критерія истины, послѣ того какъ Юмъ находилъ возможнымъ изъ опыта объяснять происхожденіе невольной вѣры, если бы Кантъ не могъ сослаться на математическія сужденія, умозрительный характеръ которыхъ не рѣшился отрицать Юмъ; а, между тѣмъ, то, что удержало Юма возвести къ опыту математическія сужденія, была не простая вѣра сознанія въ ихъ всеобщность и необходимость, а вѣра, соединенная съ сознаніемъ совершенной невообразимости не согласныхъ съ ними явленій. Что же касается невольной вѣры во всеобщность и необходимость сужденія, не соединяющейся съ невообразимостію исключеній изъ него, то новому эмпиризму даже кажется этотъ фактъ немного отличающимся отъ простого факта невольной вѣры въ сужденіе вообще, такъ какъ пока не доказаны эта всеобщность и необходимость иначе, чѣмъ простой ссылкой на эту невольную вѣру, то вся сущность дѣла исключительно и остается въ одинаковомъ во всѣхъ случаяхъ фактѣ невольной вѣры. Наконецъ, въ вѣрѣ въ сужденіе, которая соединена съ совершенною невообразимостью исключеній изъ него, представители новаго эмпиризма сами (какъ сейчасъ увидимъ) видѣли результатъ высшаго развитія тѣхъ же самыхъ условій, которыя должны были, по ихъ взгляду, разъяснять вѣру, не соединенную съ этими условіями. А потому опытное разъясненіе невообразимости было въ ихъ глазахъ разъясненіемъ опытнаго происхожденія и всякой невольной вѣры въ общее положеніе. Все это естественно повело къ тому, что вопросъ о происхожденіи вѣры въ истины самоочевидныя у представителей новаго эмпиризма трактуется, какъ такой вопросъ, сущность котораго сводится къ задачѣ — разъяснить такую вѣру во всеобщія и необходимыя сужденія, которая характеризуется совершенною невообразимостью исключеній изъ этихъ сужденій.

Оба авторитетные представителя новаго эмпиризма, Милль и Спенсеръ, собственно характеризуютъ особенность невольной вѣры въ сужденія самоочевидныя, какъ необходимую мыслимость этихъ сужденій или, отрицательно, какъ немыслимость исключеній изъ нихъ. И когда возникаетъ вопросъ о точномъ смыслѣ термина немыслимости, оба утверждаютъ, что въ точномъ смыслѣ съ этимъ терминомъ должна соединяться мысль о совершенной неспособности сознанія составить образъ, не согласный съ сужденіемъ, т. е. совершенная невообразимость не

согласнаго съ сужденіемъ факта, и что только вслѣдствіе нежелательной неточности терминологіи съ нимъ нерѣдко соединяется также мысль о простой неимовѣрности этого факта, не соединенной съ неспособностью вообразить его [1]). Такимъ образомъ, объясненіе тѣхъ особенностей вѣры въ сужденіе, которыя возбуждаютъ мысль объ умозрительномъ характерѣ сужденія, является у нихъ въ качествѣ объясненія феномена немыслимости изъ вліянія частныхъ фактовъ на сознаніе.

Что касается теперь самаго способа этого объясненія, то общій характеръ его уже подсказывался Юмовой философіей. Отрицая умозрительный характеръ всѣхъ сужденій, исключенія изъ которыхъ не были невообразимы, Юмъ, конечно, сталкивался съ вопросомъ, какъ объяснить нашу вѣру въ сужденія, когда она, не соединяясь съ невообразимостью не согласныхъ съ ней фактовъ, тѣмъ не менѣе, рѣшительно отказывается допустить существованіе въ мірѣ дѣйствительномъ фактовъ, несогласныхъ съ сужденіемъ. Онъ, какъ увидимъ далѣе, отрицалъ возможность логически оправдать эту вѣру опытнымъ путемъ. Поэтому ему оставалось только этимъ же опытнымъ путемъ психологически объяснить происхожденіе такой вѣры. И Юмъ объяснялъ возникновеніе этой вѣры изъ частаго повторенія въ сознаніи соотвѣтствующихъ ей соединеній фактовъ и изъ образующейся такимъ путемъ привычки сознанія при появленіи одного факта ожидать другого. Этою мыслію, конечно, можно было воспользоваться и для объясненія феномена немыслимости исключеній изъ сужденія.

Но для того, чтобы перенести условія, которыми Юмъ объяснялъ происхожденіе вѣры въ законы причинной связи событій, на феноменъ немыслимости исключеній изъ сужденій, нужно было, очевидно, придать этимъ условіямъ несравненно большее значеніе въ психической жизни, нежели какое придавалъ имъ Юмъ; нужно было признать, что частыя повторенія опредѣленной комбинаціи явленій и образующаяся отсюда привычка при появленіи одного изъ этихъ явленій ожидать другого могутъ порождать не только связь представленій, достаточную для того, чтобы случай, не согласный съ этой связью, представлялся сознанію совершенно неимовѣрнымъ, но и достаточную для того, чтобы оказалось совершенно невозможнымъ построеніе въ воображеніи не согласнаго съ нею образа. Во всякомъ случаѣ Юмъ

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I, 301—302; р. пер. I, 301. *Spencer.* Pr. of Psych. II 408—409; р. пер. IV, 106—107.

ничего подобнаго не имѣлъ въ виду, да и не могъ имѣть, такъ какъ эта совершенная нерасторжимость связи извѣстныхъ представленій была, какъ мы видѣли, для него въ существѣ дѣла критеріемъ умозрительности сужденія, и, за отсутствіемъ именно ея сужденія о законахъ причинной связи, вызывающія невольную вѣру въ сознаніи, теряли въ его глазахъ право признаваться умозрительными истинами.

Но мысль Юма о значеніи повтореній тѣхъ или другихъ психическихъ явленій для образованія психическихъ навыковъ нашла себѣ всестороннее освѣщеніе и развитіе въ установившемся и мало по малу охватившемъ всю науку о душѣ ученіи преимущественно англійской психологіи, о значеніи ассоціаціи представленій въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ душевной жизни. Подъ свѣтомъ этого ученія сведеніе къ ассоціаціи полной невообразимости тѣхъ или другихъ сочетаній представленій представлялось совершенно послѣдовательнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ примѣненія тѣхъ же самыхъ законовъ психической жизни, вліяніе которыхъ мы постоянно наблюдаемъ въ самыхъ обычныхъ явленіяхъ этой жизни: „Въ человѣческой природѣ, говоритъ Милль, нѣтъ болѣе общепризнаннаго факта, чѣмъ испытываемое сначала крайнее затрудненіе представлять себѣ что-либо возможнымъ, что противорѣчитъ давнишнему и привычному опыту, или даже укоренившимся привычкамъ мысли. И это затрудненіе есть необходимый результатъ основныхъ законовъ человѣческаго ума. Если мы часто видѣли и представляли себѣ два предмета вмѣстѣ, и никогда, ни въ одномъ случаѣ не видѣли и не представляли себѣ ихъ отдѣльно, то по основному закону ассоціаціи существуетъ увеличивающееся затрудненіе представить себѣ эти двѣ вещи розно, и затрудненіе это можетъ, наконецъ, стать непреодолимымъ“ [1]). Для Спенсера, который признаетъ теорію наслѣдственной передачи навыковъ представленія, образовавшихся чрезъ ассоціацію представленій, возникновеніе феномена немыслимости ассоціативнымъ путемъ, конечно, кажется дѣломъ еще болѣе естественнымъ.

3.

Изъ предшествующаго видно, что взгляды представителей новаго эмпиризма, относящіеся къ вопросамъ о правѣ самоочевидныхъ истинъ считаться умозрительнымъ знаніемъ и о происхожденіи вѣры въ

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I, 266; р. пер. 266—267.

нихъ, составляютъ только дальнѣйшее, въ одномъ направленіи довольно послѣдовательно совершающееся развитіе взглядовъ, высказывавшихся по тому же вопросу эмпиризмомъ до-кантовскимъ, и что сами эти взгляды существенно не разнятся другъ отъ друга, представляя одну стройную и достаточно связную систему. Совсѣмъ не то оказывается, когда мы обращаемся къ разрѣшенію новымъ эмпиризмомъ послѣдняго, не менѣе существеннаго вопроса относительно самоочевидныхъ истинъ, вопроса о достовѣрности этихъ истинъ.

Когда Декартъ подъ впечатлѣніемъ разрушавшейся вѣры въ цѣлую массу взглядовъ, унаслѣдованныхъ отъ схоластической науки, потребовалъ, чтобы всѣ положенія, которыя изъявляли притязаніе на значеніе научныхъ истинъ, представили твердыя, вполнѣ очевидныя для мысли гарантіи своей истинности, тогда между другими подобными вопросами не могъ не возникнуть передъ философскимъ сознаніемъ и вопросъ о томъ, насколько можно приписать научное значеніе тѣмъ общимъ истинамъ, которыя опирались на согласныя съ ними частные факты.

Локкъ, который первый въ новое время попытался систематически и съ ясно поставленною критическою задачею обозрѣть познавательныя силы духа и всѣ способы возможнаго для человѣка познанія, не могъ не столкнуться съ этимъ вопросомъ. Онъ признавалъ всѣ истины математики, морали, нѣкоторыя философскія положенія и много разнообразныхъ другихъ истинъ за такія положенія, истинность которыхъ частью посредственно, частью непосредственно усматривается мыслью чрезъ сличеніе идей, составляющихъ самое ихъ содержаніе. И, конечно, его должно было поразить рѣзкое различіе, которое должны были имѣть по своей достовѣрности, съ одной стороны, тѣ общія положенія, которыя искали своей опоры въ согласныхъ съ ними частныхъ фактахъ, съ другой—тѣ, истинность которыхъ обусловливалась отношеніемъ между идеями, которое усматривалось мыслію. Никакое сомнѣніе въ достовѣрности послѣднихъ казалось невозможнымъ, такъ какъ ни одинъ частный случай, точно подходящій подъ извѣстную идею, конечно, не могъ не имѣть тѣхъ связей или отношеній, которыя, какъ предполагалось, точно предопредѣлены самымъ содержаніемъ этой идеи. Наоборотъ, почему бы мы не могли сомнѣваться въ дѣйствительной всеобщности положенія, которое исключительно опирается на частные случаи, когда всѣхъ частныхъ случаевъ, подходящихъ подъ это положеніе, никогда нельзя пересмотрѣть, а поэтому фактическое его доказательство никогда не сможетъ по-

крыть его сполна во всемъ его объемѣ? Пораженный такою противоположностью, Локкъ только тѣ общія положенія, которыя усматриваются изъ идей, счелъ достойными имени знанія, общія же положенія, доказываемыя частными фактами, противополагалъ знанію въ качествѣ мнѣній, истинность которыхъ не усматривается, а только принимается нами: они, по его мнѣнію, никогда не могутъ быть вполнѣ достовѣрными истинами [1]).

И какъ скоро Юмъ всѣ общія положенія о фактахъ (въ противоположность сужденіямъ математическимъ) свелъ къ сужденіямъ о причинной связи явленій и въ то же время пришелъ къ мысли, что всѣ эти сужденія не могутъ усматриваться мыслію изъ самыхъ идей, составляющихъ ихъ содержаніе, а могутъ ссылаться въ свое подтвержденіе лишь на частные факты, то уже, на основаніи локковой критики такого рода сужденій, онъ долженъ былъ отсюда сдѣлать выводъ, что все знаніе, за исключеніемъ математическаго, есть на самомъ дѣлѣ лишь мнѣніе. Юму оставалось и самой этой критикѣ и выводу изъ нея придать лишь наиболѣе острый и энергическій характеръ. Но такъ какъ теперь въ томъ отдѣлѣ знанія, который получалъ значеніе простого мнѣнія, оказалось очень много такого, къ чему непосредственное сознаніе относится съ такимъ сильнымъ убѣжденіемъ, какъ будто бы оно имѣло дѣло здѣсь съ самыми очевидными истинами, то передъ Юмомъ явилась особая задача объяснить эту, какъ онъ называлъ это убѣжденіе, вѣру. И онъ ищетъ разъясненій этой вѣры, какъ выше сказано, въ привычкѣ сознанія, зависящей отъ частаго повторенія тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ соединеній фактовъ.

Нельзя сказать, чтобы эти скептическіе выводы относительно эмпирическаго знанія были проведены вполнѣ послѣдовательно. Несмотря на то, что, по Локку, наряду съ мнѣніями человѣческое сознаніе владѣло довольно значительнымъ запасомъ знанія, который можно при усердномъ изслѣдованіи расширять далѣе и далѣе, тѣмъ не менѣе, уже самъ Локкъ, въ виду огромнаго практическаго значенія въ жизни человѣка тѣхъ положеній, которыя были имъ причислены къ мнѣнію, старался во имя различныхъ косвенныхъ соображеній возвысить цѣнность мнѣнія. У Юма все знаніе, за исключеніемъ

---

[1]) См. мою статью „Учебники логики М. М. Троицкаго“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1889 г., іюнь, стр. 487—489.

математическаго, превращается въ простую вѣру и понятно, что этотъ скептицизмъ его смущаетъ.

Настоящимъ послѣдовательнымъ скептикомъ Юмъ остается исключительно въ отношеніи къ метафизическому знанію: съ этимъ знаніемъ онъ, повидимому, хотѣлъ бы порѣшить окончательно. Къ познанію явленій, если вникнуть въ дѣло точнѣе, онъ относится совсѣмъ иначе. Онъ не только не хочетъ и, конечно, не можетъ отрицать практическую пригодность этого знанія, но и признаетъ неминуемую необходимость для человѣка вѣрить этому знанію, несмотря на теоретическія основанія сомнѣнія. „Эта вѣра, говоритъ онъ, становится неизбѣжнымъ результатомъ, какъ скоро душа оказывается въ извѣстныхъ условіяхъ (т. е. когда мы воспринимаемъ какую-нибудь вещь, которая постоянно прежде сопровождалась опредѣленною другою). Когда мы находимся въ такомъ положеніи, это явленіе въ душѣ столь же неминуемо, какъ чувство любви, когда мы получаемъ благодѣяніе, или ненависти, когда терпимъ оскорбленія. Всѣ эти явленія суть родъ естественнаго инстинкта, котораго не можетъ ни возбуждать, ни предотвращать обдумываніе или мыслительный процессъ“. [1]). Но этого недостаточно. По мнѣнію Юма, даже выходитъ, что эта невольная вѣра, хотя она не можетъ быть оправдана логически, тѣмъ не менѣе, такова, что съ нею взгляды человѣка фактически оказываются въ согласіи съ предметомъ вѣры, съ дѣйствительностію. „Подобно тому, говоритъ онъ, какъ природа научила насъ пользоваться своими членами, не давая намъ познанія мускуловъ и нервовъ, чрезъ которые это совершается, такъ она вселила въ насъ также инстинктъ, который ведетъ мысли въ направленіи, соотвѣтствующемъ тому направленію, которое она установила для внѣшнихъ предметовъ, хотя мы совсѣмъ не знаемъ мощи и силъ, отъ которыхъ зависитъ это правильное теченіе и послѣдовательный порядокъ предметовъ“ [2]). И въ слѣдующихъ за его скептическими разсужденіями разсужденіяхъ о вѣроятности, о свободѣ человѣческой воли, о чудѣ, онъ постоянно говоритъ о законосообразной послѣдовательности какъ физическихъ, такъ и психическихъ явленій въ такомъ смыслѣ, какъ будто сплошная законосообразность бытія составляетъ вполнѣ достовѣрную истину, и подъ предположеніемъ этой истины рѣшаетъ существующіе споры по вопросамъ, о которыхъ разсуждаетъ; и только для обозначенія этой достовѣрности

---

[1]) *Hume.* Ess. and Treat. II, 50.

[2]) Ibid., 60.

употребляетъ иные термины, чѣмъ для достовѣрности, которую онъ приписываетъ знанію.

Но это стремленіе Юма охранить довѣріе къ опытному познанію, конечно, казалось Канту противорѣчіемъ его основнымъ скептическимъ выводамъ, непослѣдовательными уступками требованіямъ непосредственнаго сознанія. Кантъ не беретъ во вниманіе эти юмовы ограниченія скептицизма въ отношеніи къ опытному знанію. Онъ характеризуетъ выводы юмовой философіи, какъ скептицизмъ, изъ котораго не исключена и наука объ явленіяхъ, за исключеніемъ, конечно, математики. И своей „Критики", возстановлявшей право умозрѣнія, онъ ставитъ въ заслугу, что она спасаетъ науку объ явленіяхъ отъ скептицизма. Былъ ли этотъ кантовъ аргументъ въ пользу его „Критики" правиленъ или нѣтъ, этотъ вопросъ теперь нами не ставится. Но для насъ важно здѣсь то, что новый эмпиризмъ стремится поставить дѣло такъ, чтобы не оказывалось вовсе повода къ упреку его въ скептицизмѣ. Онъ находитъ, что за существующей наукой можетъ быть установлена достовѣрность при полномъ отрицаніи умозрительнаго знанія.

Во всякомъ случаѣ въ состояніи научнаго сознанія въ новое время могли найти достаточные поводы и Юмъ къ своему стремленію смягчить свои скептическіе выводы относительно налично существующей науки, и представители новаго эмпиризма къ своимъ попыткамъ совсѣмъ лишить значенія эти выводы въ примѣненіи къ этой наукѣ. Впечатлѣніе отъ погрома схоластической науки давно уже и совсѣмъ улеглось; оно замѣнилось впечатлѣніемъ отъ постепеннаго роста науки твердой и устойчивой въ своихъ точныхъ выводахъ. И если отказъ опытному знанію въ правахъ достовѣрнаго знанія нѣкогда имѣлъ понятную для всѣхъ цѣль, такъ какъ предостерегалъ отъ возможныхъ въ будущемъ разочарованій, подобныхъ тѣмъ, которыя пережили въ недалекомъ прошедшемъ, то теперь онъ могъ казаться страннымъ, не согласнымъ съ прочнымъ положеніемъ, завоеваннымъ опытной наукой. Съ другой стороны, скептицизмъ въ опытномъ знаніи, конечно, могъ смущать менѣе, когда этому знанію противопоставлялось знаніе умозрительное, предѣлы котораго раздвигались широко и которому охотно вѣрили. Но скептицизмъ въ опытномъ знаніи, когда все знаніе сплошь, безъ остатка, разрѣшали на эмпирическіе элементы, дѣлался полнымъ скептицизмомъ, мириться съ которымъ, конечно, было не легко при томъ широкомъ развитіи стремленія къ знанію, которое отличаетъ новое время.

Но имѣли или не имѣли эти фактическія условія вліяніе на взгляды представителей новаго эмпиризма, для опредѣленія собственно научнаго значенія этихъ взглядовъ, важность можетъ имѣть, конечно, единственно научная состоятельность тѣхъ мыслей, которыя противопоставляли они скептической аргументаціи.

Въ юмовской аргументаціи въ пользу скептицизма, несомнѣнно, были, если смотрѣть съ точки зрѣнія, преобладавшей въ новое время, недостатки, противъ которыхъ сражаться было нетрудно. Въ ней безъ всякой, повидимому, нужды довольно тѣсно соединялось опредѣленное пониманіе причинной связи явленій съ опредѣленнымъ взглядомъ на способы установленія этой связи. Причинная связь между явленіями толковалась у Юма какъ порожденіе одного явленія другимъ, и въ силу этого отъ установки этой связи между тѣми или другими опредѣленными явленіями онъ находилъ нужнымъ требовать, чтобы она давала совершенно понятное для мысли объясненіе происхожденія одного явленія изъ другого. И Юмъ въ своей скептической аргументаціи прежде всего старался разъяснить, что при воспріятіи явленія, считающагося причиной другого, никакъ не воспринимается сила, которая производитъ это другое явленіе. Онъ старался доказать, что въ воспріятіи все дѣло ограничивается сознаніемъ простой послѣдовательности одного явленія за другимъ, которая сама по себѣ никакъ не даетъ права предшествующее явленіе назвать причиной, послѣдующее дѣйствіемъ этой причины въ смыслѣ ея порожденія. Уже отсюда онъ хотѣлъ вывести невозможность устанавливать законы послѣдовательности явленій. Но въ новое время находили, обыкновенно, что, если оставить въ сторонѣ вопросъ о силѣ, производящей явленіе, и о процессѣ возникновенія одного явленія изъ другого, устанавливаемые опытною наукою законы причинной связи между явленіями не потеряютъ отсюда всякій смыслъ; подъ причинной связью явленій для опытной науки останется возможность разумѣть простую правильную однообразную послѣдовательность одного явленія за другимъ, и разъясненіе частнаго факта послѣдовательности явленій изъ закона возможно будетъ толковать просто, какъ возведеніе частнаго случая послѣдовательности къ опредѣленному классу случаевъ, въ которомъ всегда предполагается такая же послѣдовательность. При такомъ взглядѣ для опытной установки законовъ послѣдовательности явленій не оказывается нужды въ воспріятіи силы, порождающей явленія, или самого процесса возникновенія одного явленія изъ другого. Когда рѣчь идетъ о законахъ причинной связи явленій и объ объясненіи

явленій съ помощью этихъ законовъ, Милль [1]) и Спенсеръ [2]) такъ именно и смотрятъ на дѣло. А поэтому ихъ взгляды дѣлаются недоступны скептическому возраженію Юма, насколько оно основывалось на разъясненіи невоспріемлемости силы, порождающей явленія.

Но Юмъ не ограничивается ученіемъ о невоспріемлемости силы. Онъ готовъ допустить, что, непосредственно не воспринимая силы, мы можемъ заключать о существованіи ея въ опредѣленномъ данномъ случаѣ изъ самаго факта возникновенія явленія. Но онъ указываетъ на то, что если сила, производящая извѣстное явленіе, не усматривается умозрительно въ идеѣ явленія, ему предшествующаго, если, слѣдовательно, для мысли нѣтъ необходимости съ опредѣленнымъ предшествующимъ явленіемъ соединять представленіе о силѣ, производящей другое явленіе, то доказать изъ частныхъ фактовъ соединенія этой силы съ извѣстнымъ предшествующимъ явленіемъ общее положеніе мы будемъ не въ состояніи. Пусть въ тѣхъ случаяхъ возникновенія извѣстнаго явленія, которые мы наблюдали, производящая его сила должна была соединяться съ этимъ именно предшествующимъ явленіемъ. Но почему мы должны предполагать, что порядокъ природы всегда однообразенъ? Вѣдь нѣтъ никакого противорѣчія въ той мысли, что порядокъ природы измѣнится, и сила, соединявшаяся въ прошедшемъ съ извѣстнымъ предшествующимъ явленіемъ, не будетъ соединяться съ нимъ въ будущемъ. И доказать эту мысль объ однообразіи порядка природы опытно, фактами, мы не можемъ. Для этого доказательства мы должны были бы сослаться на существовавшія доселѣ наблюденія, свидѣтельствующія объ этомъ однообразіи. Но это однообразіе въ прошедшемъ будетъ доказывать однообразіе природы вообще, т. е. во всякое время опять только подъ тѣмъ условіемъ, если мы предположимъ, что будущее должно быть похоже на прошедшее, т. е. если предположимъ ту же мысль о постоянномъ однообразіи порядка природы. Возраженіе Юма противъ вывода общихъ сужденій изъ частныхъ фактовъ, какъ скоро получало эту форму, конечно, могло примѣняться къ опытному доказательству законовъ причинной связи и въ томъ случаѣ, если понимать подъ ними простыя постоянныя однообразія послѣдовательности явленій.

Но и это возраженіе въ изложеніи Юма имѣло одну сторону,

---

[1]) Syst. of Log. I. 363—364, 528; р. пер. I. 357—358, 507—508.
[2]) First Princ. 1883, p. 69—73.

которую могли объяснять недостаточнымъ развитіемъ ученія объ индукціи въ то время.

Юмъ разъяснялъ нашу вѣру въ каждое общее положеніе привычкой, развивающейся отъ многократнаго повторенія соотвѣтствующихъ этому положенію частныхъ случаевъ. Вообще Юмъ такъ разсуждалъ о законахъ причинной связи явленій, какъ будто каждый изъ нихъ долженъ устанавливаться и устанавливается фактически единственно путемъ наблюденія многочисленныхъ частныхъ случаевъ, подъ него подходящихъ. Но опытная наука постепенно сама пришла къ убѣжденію, что точное доказательство законовъ причинной связи явленій можетъ достигаться съ помощью методовъ исключенія и экспериментальнымъ путемъ, при чемъ не оказывается даже необходимости въ наблюденіи очень многочисленныхъ фактовъ, соотвѣтствующихъ закону, которые, согласно взгляду Юма, оказались бы нужными для возбужденія въ сознаніи вѣры въ него. А что касается доказательства законовъ причинной связи явленій чрезъ простое многократное появленіе въ сознаніи случаевъ, соотвѣтствующихъ закону, то эта простѣйшая форма индукціи, inductio per enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria, разсматривается новой наукой даже какъ очень ненадежный методъ для установки закона. Отсюда выходило, что возраженіе Юма, взятое прямо въ той формѣ, въ какой оно развивается имъ, непосредственно направляется исключительно противъ такого метода доказательства, неудовлетворительность котораго достаточно ясно сознается и самой опытной наукой. Представители новаго эмпиризма, изъ которыхъ одинъ, Милль, самъ въ своей логикѣ занимался подробной разработкой научныхъ методовъ опытнаго доказательства законовъ причинной связи между явленіями, конечно, хорошо понимали это и поэтому не имѣли повода думать, что эмпиризмъ нужно защищать отъ возраженія Юма, взятаго прямо въ той формѣ, въ какой непосредственно было выражено оно у Юма.

Но этотъ же новый взглядъ на научные методы открывалъ въ научныхъ доказательствахъ сторону, къ которой оказывалось вполнѣ приложимо юмово возраженіе. Анализируя сложные, имѣвшіе болѣе научной силы, методы доказательства законовъ причинной связи явленій, обыкновенно, приходили къ тому выводу, что при примѣненіи ихъ предполагается истинность нѣкоторыхъ самыхъ общихъ положеній и прежде всего общаго положенія о томъ, что каждое измѣненіе должно имѣть причину. Эти самыя общія положенія оказы-

ваются, такимъ образомъ, высшими посылками, отъ достовѣрности которыхъ зависитъ и достовѣрность всѣхъ законовъ, которые доказываются съ помощью болѣе сложныхъ методовъ. Послѣдующая за Юмомъ философія отнесла возраженія Юма къ нашему убѣжденію въ этихъ высшихъ посылкахъ всякаго нашего знанія, такъ какъ сами эти посылки, конечно, уже не могли доказываться съ помощью тѣхъ сложныхъ методовъ, которые предполагаютъ уже ихъ истинность. Стараясь обезопасить опытныя доказательства причинной связи явленій отъ скептическихъ возраженій Юма, Кантъ хорошо видѣлъ необходимость гарантировать достовѣрность именно этихъ общихъ посылокъ, хотя ученіе о методахъ доказательства въ эпоху Канта и не было еще развито. Отсюда самыя высшія посылки опытнаго знанія и прежде всего общій законъ причинности и законъ субстанціальности, имѣющіе, какъ предполагается, особое значеніе именно при доказательствѣ законовъ причинной связи явленій [1]), провозглашены были Кантомъ умозрительными истинами. Такого исхода для представителей новаго эмпиризма, конечно, нѣтъ. Они послѣдовательно изгоняютъ умозрѣніе сполна изъ естествознанія. Какимъ же образомъ они находятъ возможнымъ въ виду юмова возраженія отстаивать достовѣрность послѣднихъ посылокъ естествознанія? Въ отношеніи къ нимъ этотъ вопросъ получаетъ еще болѣе широкій смыслъ. Въ различіе отъ Юма они отрицаютъ умозрѣніе и въ математикѣ. Математическія науки искони считались науками выводными, которыхъ достовѣрность вполнѣ зависитъ отъ достовѣрности посылокъ. Къ доказательствамъ послѣднихъ посылокъ (аксіомъ) и здѣсь, конечно, не могутъ быть приложены сложные методы, которые требуютъ новыхъ посылокъ. А поэтому юмово возраженіе приложимо и сюда. Такимъ образомъ, принимаемая новымъ эмпиризмомъ достовѣрность знанія вызываетъ общій вопросъ: какимъ образомъ думаетъ онъ вообще оправдать достовѣрность послѣднихъ посылокъ всякаго знанія?

Но на этомъ именно пунктѣ, въ которомъ, такъ сказать, концентрируется разногласіе представителей новаго эмпиризма съ скептической стороной юмова ученія относительно опытнаго знанія, они оказываются и совершенно несогласными другъ съ другомъ. Въ отвѣтѣ на вопросъ: что же собственно даетъ высшимъ посылкамъ

---

[1]) Законъ субстанціальности становится часто посылкой при выводахъ законовъ причинной связи, если растолковать его въ смыслѣ закона о неуничтожимости матеріи.

опытнаго знанія достовѣрность, они рѣшительно расходятся во взглядахъ. Спенсеръ, повидимому, совершенно неожиданно, въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ сближается съ мнѣніемъ принципіальныхъ противниковъ эмпиризма, приверженцевъ ученія объ умозрительномъ характерѣ ихъ достовѣрности. Эти посылки, конечно, принадлежатъ къ такъ называемымъ истинамъ самоочевиднымъ, которыя въ новомъ эмпиризмѣ характеризуются какъ истины необходимо мыслимыя или, отрицательно, какъ истины, противорѣчія которыхъ не мыслимы. И рѣзко расходясь съ приверженцами умозрительнаго знанія въ объясненіи происхожденія этой немыслимости и настаивая на происхожденіи ея отъ вліянія на сознаніе частныхъ фактовъ, соотвѣтствующихъ этимъ истинамъ, Спенсеръ, тѣмъ не менѣе, согласно съ ними въ этой именно немыслимости исключеній изъ очевидныхъ истинъ видитъ высшее основаніе ихъ достовѣрности. Милль, наоборотъ, при оцѣнкѣ достовѣрности сужденія рѣшительно отрицаетъ всякое научное значеніе ссылки на немыслимость исключеній изъ него. Онъ думаетъ, что достовѣрность послѣднихъ посылокъ опытнаго знанія вполнѣ удовлетворительно гарантируется простѣйшей индукціею, т. е. индукціей per enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria. Вполнѣ соглашаясь, что этотъ методъ доказательства долженъ быть сочтенъ за крайне несовершенный методъ, когда дѣло идетъ объ установленіи всѣхъ тѣхъ общихъ сужденій, доказательство которыхъ составляетъ задачу опытныхъ наукъ, Милль настаиваетъ на томъ, что этотъ методъ получаетъ особую, высшую, убѣдительную силу, когда примѣняется къ сужденіямъ, которыя оказываются высшими посылками знанія.

Такъ, при рѣшеніи одного изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ теоріи знанія, вопроса о достовѣрности самоочевидныхъ истинъ, въ рѣшеніи котораго мы могли наблюдать нѣкоторую двойственность уже у Юма, авторитетнѣйшіе представители новаго эмпиризма развиваютъ два, противорѣчащіе одинъ другому, взгляда, и при томъ оба эти взгляда оказываются одинаково несогласными съ тѣмъ направленіемъ въ рѣшеніи этого вопроса, которое намѣчалось, повидимому, въ до-кантовскомъ движеніи философской мысли.

Отчего происходитъ это рѣзкое различіе въ мнѣніяхъ мыслителей, согласныхъ между собою въ рѣшеніи другихъ основныхъ вопросовъ теоріи знанія? Какое изъ борящихся мнѣній имѣетъ въ свою пользу болѣе вѣскую аргументацію? Какое изъ нихъ могло бы быть признано болѣе послѣдовательнымъ выраженіемъ эмпиристической доктрины,

разсматриваемой въ ея цѣломъ? Таковы вопросы, которые естественно возникаютъ при этомъ удивительномъ разногласіи представителей новаго эмпиризма.

Мнѣ кажется, внимательно всмотрѣться въ это разногласіе имѣетъ для теоріи знанія и нѣкоторый положительный интересъ даже безотносительно къ рѣшенію основного спорнаго вопроса между эмпиризмомъ и раціонализмомъ о послѣднихъ основаніяхъ нашей вѣры въ самоочевидныя истины. Вѣдь во всякомъ случаѣ тѣ истины, которыя поражаютъ наше непосредственное сознаніе своею самоочевидностію, по большей части таковы, что сознаніе постоянно встрѣчаетъ огромное количество частныхъ фактовъ, согласныхъ съ ними, которые не могутъ не производить вліянія на сознаніе. А поэтому, какія бы другія условія достовѣрности этихъ истинъ ни предполагались, во всякомъ случаѣ никогда не излишенъ и всегда законенъ для теоріи знанія вопросъ: имѣетъ ли, и если имѣетъ, то какое значеніе имѣетъ относительно признанія ихъ достовѣрными этотъ несомнѣнный фактъ постояннаго появленія въ сознаніи случаевъ, совершенно согласныхъ съ ними? А вѣдь это и есть тотъ вопросъ, который возбуждалъ въ Юмѣ его скептическія разсужденія и въ то же время вызывалъ у него мысли, повидимому, не согласныя съ этими разсужденіями, и который въ послѣднее время вызвалъ разногласіе въ школѣ новаго эмпиризма.

В) Критическій эмпиризмъ Милля и его борьба противъ научнаго значенія немыслимости.

I.

Кантъ въ введеніи въ свою Критику для доказательства умозрительности извѣстныхъ истинъ ссылался на безусловную всеобщность и необходимость ихъ какъ на фактъ, не требующій доказательства. Въ существѣ это была ссылка на вѣру непосредственнаго сознанія въ безусловную всеобщность и необходимость этихъ сужденій; слѣдовательно, эта ссылка представляла собою остатки философскаго догматизма. Дѣйствительнымъ шагомъ впередъ въ критическомъ направленіи было снятіе этого догматизма, различеніе факта невольной вѣры въ безусловную всеобщность и необходимость сужденія отъ логическаго права признавать эту всеобщность и необходимость. Изъ наиболѣе видныхъ представителей эмпиризма Милль смѣло и рѣшительно сдѣ-

лалъ это различеніе. По поводу ссылокъ на неминуемость вѣры въ законъ причинности и другія подобнаго рода истины для доказательства особаго характера и достовѣрности этихъ истинъ, онъ энергически возражаетъ: „Я долженъ протестовать противъ утвержденія, будто истинность факта внѣшней природы доказывается склонностію, хотя бы и сильною, и общею, человѣческаго духа вѣрить въ этотъ фактъ. Вѣра не доказательство и не освобождаетъ отъ необходимости доказательства... Если бы вѣра когда-либо доходила до непреодолимой необходимости, то аппеллировать противъ нея было бы безполезно, потому что не было бы возможности ее измѣнить. Но изъ этого не вытекала бы истинность вѣры, а вытекало бы только то, что человѣчество подчинено постоянной необходимости вѣрить тому, что можетъ и не быть истиннымъ“ [1]). Такимъ образомъ, Милль въ теоріи знанія выступаетъ какъ философъ, дѣлающій шагъ впередъ въ томъ критическомъ направленіи, которое шло непрерывно отъ Декарта до Канта включительно [2]).

Критически отнестись къ невольной вѣрѣ, которую вызываетъ извѣстное положеніе въ нашемъ непосредственномъ сознаніи, — это, конечно, никакъ еще не значитъ признать это положеніе за ложное, никакъ не значитъ даже рѣшительно отрицать всякое значеніе невольной вѣры. Невольная вѣра во всякомъ случаѣ есть явленіе въ познавательной жизни субъекта и не можетъ не имѣть позади себя, на заднемъ фонѣ сознанія, какихъ-либо условій, ее объясняющихъ. И до вывода этихъ условій на свѣтъ сознанія не возможна, конечно, критическая оцѣнка пригодности или непригодности этихъ условій логически оправдывать вѣру. Какъ бы глубоко ни проникла вѣра въ жизнь сознанія, было бы догматизмомъ безъ разъясненія и критической оцѣнки ея условій признать за положеніемъ, вызывающимъ ее, значеніе научной истины, которая, по самому понятію о наукѣ, должна быть положеніемъ насквозь прозрачнымъ для мысли въ своихъ основаніяхъ. Но чѣмъ глубже проникаетъ вѣра въ жизнь сознанія, тѣмъ настоятельнѣе для науки потребность вскрыть хранящіяся въ тайникахъ духа условія, ее объясняющія, для того, чтобы имѣть возможность, произведя ихъ критическую оцѣнку, опредѣлить познавательное значеніе самой вѣры, т. е. рѣшить, таковы ли эти условія, что только психологически объясняютъ фактъ вѣры, или таковы, что

[1]) *Mill.* Syst. of Log., II, p. 96—98 русск. пер. II, стр. 89—90.

[2]) Моя книга Объ истинахъ самоочевидныхъ, стр. 6—16.

способны логически оправдать ее. Милль съ яснымъ критическимъ сознаніемъ признаетъ и высказываетъ все это. По поводу подобныхъ ссылокъ на невольную вѣру въ существованіе внѣшняго міра онъ говоритъ: „убѣжденіе не есть рѣшительное доказательство его собственной истинности, если не отрицать такихъ вещей, какъ idola tribus; но, какъ скоро оно фактъ, оно обязываетъ противниковъ показать, изъ чего могло возникнуть такое общее и, повидимому, самопроизвольное убѣжденіе, если не изъ дѣйствительнаго существованія предмета убѣжденія“ [1]).

По согласному убѣжденію представителей новаго эмпиризма, которое здѣсь не составляетъ предмета нашего обсужденія, невольная вѣра въ сужденіе, выражающаяся въ немыслимости его отрицанія, есть результатъ опытно образовавшейся тѣсной ассоціаціи между представленіями, составляющими содержаніе этихъ сужденій. Отсюда вопросъ о достовѣрности этой вѣры для философа эмпирическаго направленія естественно сводился къ вопросу, можно ли тѣсную ассоціацію между представленіями признать за надежный критерій истинности сужденія, въ которомъ утверждается связь между вещами, соотвѣтствующая этой ассоціаціи между представленіями. При рѣшеніи этого вопроса Милль не оставляетъ критической точки зрѣнія. Но въ точный анализъ тѣхъ предположеній относительно критеріевъ состоятельности доказательства, которые должны подразумѣваться при довѣріи къ свидѣтельству тѣсной ассоціаціи, сопровождающейся немыслимостью противорѣчащихъ ей сочетаній, онъ, очевидно, не считаетъ нужнымъ входить; не считаетъ нужнымъ и критически сличать эти предположенія съ своими собственными предположеніями о критеріи состоятельнаго доказательства, которыя онъ не можетъ не имѣть въ качествѣ философа, признающаго фактическое существованіе достовѣрнаго знанія. Ему кажется, что критическая оцѣнка вѣры въ сужденіе, основывающейся на немыслимости исключенія изъ него, вполнѣ можетъ быть достигнута самымъ простымъ отрицательнымъ путемъ, указаніемъ на отрицательныя инстанціи, съ которыми эта вѣра неизбѣжно должна, по его мнѣнію, сталкиваться. „Я не могу не удивляться, говоритъ Милль, что такъ много важности придается обстоятельству немыслимости, когда такой обильный опытъ показываетъ, что наша способность или неспособность обнять вещь мыслію имѣетъ весьма мало дѣла съ возможностію вещи самой въ

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I. 306; русск. пер. I. 304.

себѣ, и въ дѣйствительности по большей части есть дѣло случая и зависитъ отъ минувшей исторіи и привычекъ нашего ума“ [1]). Въ исторіи науки, думаетъ онъ, есть замѣчательные примѣры подобнаго случайнаго образованія немыслимости, „примѣры того, что наиболѣе образованные люди, ссылаясь на немыслимость, отрицали возможность такихъ вещей, которыя ихъ потомки... нашли легко мыслимыми, а теперь каждый признаетъ истинными“ [2]). И для фактическаго подтвержденія этой мысли Милль не разъ обращается къ историческимъ примѣрамъ ссылокъ на немыслимость такихъ вещей, которыя позднѣе оказывались мыслимыми и истинными. Примѣрами служатъ у него ссылки болѣе древнихъ авторовъ на немыслимость антиподовъ, на немыслимость дѣйствія тѣлъ другъ на друга на разстояніи, на немыслимость огромныхъ пространствъ, которыя предполагаетъ коперникова система, на немыслимость звѣздъ, не прикрѣпленныхъ къ небесной тверди [3]). Подобные примѣры казались очень благопріятными для его ученія, такъ какъ ими достигалась двойная цѣль. Они служили вѣскимъ возраженіемъ противъ ученія, которое хотѣло объяснять феноменъ немыслимости самой природой познавательной способности. Въ противоположность этому ученію эти примѣры, наглядно показывая, что бывшее ранѣе немыслимымъ, позднѣе становилось мыслимымъ, подтверждали общую теорію ассоціанистовъ относительно происхожденія немыслимости. Съ другой стороны, такъ какъ считавшіяся ранѣе немыслимыми сочетанія представленій позднѣе оказывались не только мыслимыми, но и соотвѣтствующими дѣйствительности, то это доказывало, что ссылка на немыслимость не должна приниматься въ расчетъ при изслѣдованіи истины. Опираясь на такой вѣскій аргументъ, Милль рѣшительно относитъ мысль о ложности немыслимаго къ заблужденіямъ, которыя могутъ твердо укорениться въ умѣ, но отъ которыхъ должна предостерегать логика [4]).

Однако, эта, какъ казалось, самая простая и вмѣстѣ самая надежная аргументація противъ научнаго значенія ссылокъ на немыслимость оказывается на дѣлѣ совсѣмъ не затронувшей самаго важнаго пункта въ вопросѣ. Мы видѣли, что изъ случаевъ невольной вѣры сознанія въ то или другое сужденіе отъ представителей новаго эмпи-

[1]) Syst. of Log., I. 266; p. пер. I. 266.

[2]) Syst. of Log., I. 267; p. пер. I. 267.

[3]) Syst. of Log., I. 267 — 268, II. 316 — 319, — p. пер. I. 267 — 268; II. 291—293; Exam. of Ham. Phil. 64.

[4]) Syst. of Log., II. 316; p. пер. II, 291.

ризма всего болѣе требовали разъясненія не случаи неимовѣрности факта, который, однако, остается для насъ вообразимымъ, а тѣ случаи, когда извѣстное сочетаніе явленій оказывается для насъ невообразимо, и что эти представители сами немыслимостію въ собственномъ смыслѣ считали совершенную невообразимость для насъ опредѣленнаго сочетанія представленій. И въ отношеніи къ приводимымъ Миллемъ отрицательнымъ инстанціямъ можно поставить вопросъ: указываемые имъ случаи неудачныхъ ссылокъ на немыслимость нужно ли отнести, съ точки зрѣнія самого Милля, къ ссылкамъ только на неимовѣрность или вмѣстѣ и на невообразимость. Само собою понятно, что если бы оказалось, что во всѣхъ нихъ дѣло идетъ о простой неимовѣрности, то они уже не могли бы считаться по крайней мѣрѣ прямыми и рѣшительными отрицательными инстанціями противъ возникшаго, какъ мы видѣли, въ нѣдрахъ самой эмпиристической школы взгляда, по которому ссылка на немыслимость, понимаемую въ собственномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ невообразимости, выступала въ качествѣ высшаго основанія всего знанія.

Не разъ и съ особою силою Милль ставитъ на видъ неудачныя ссылки на немыслимость антиподовъ. Но когда онъ самъ старается различить два разъясненныя выше смысла термина немыслимости, вотъ что онъ говоритъ: „Антиподы не были немыслимы въ первомъ значеніи слова (т. е. въ смыслѣ невообразимости). Идея о нихъ могла быть образована безъ затрудненія: они вполнѣ могли быть изображены предъ умственнымъ взоромъ. Что было трудно и, какъ казалось тогда, невозможно, это предположить ихъ вѣроятность. Можно было составить идею о людяхъ, прикрѣпленныхъ ступнями къ нижней сторонѣ земли, но затѣмъ должно было послѣдовать убѣжденіе, что они должны свалиться. Антиподы не были невообразимы, но они были неимовѣрны“ [1]).

Но если это такъ въ отношеніи къ немыслимости, на которую ссылались лица, отвергавшія существованія антиподовъ, то очевидно, то же нужно будетъ сказать и о ссылкѣ древнихъ на немыслимость звѣздъ, не прикрѣпленныхъ къ небесной тверди. Къ нимъ, конечно, приложимо то же, что утверждается Миллемъ въ сейчасъ приведенныхъ словахъ его объ антиподахъ: не трудно было составить образъ звѣздъ, разсѣянныхъ по небесному пространству, но затѣмъ послѣдовало бы убѣжденіе, что онѣ упадутъ внизъ или разлетятся во всѣ

[1]) Syst. of. Log., 1, p. 302; р. пер. I. 301.

стороны. Слѣдовательно, и звѣзды, не прикрѣпленныя къ тверди, были просто неимовѣрны, а никакъ не невообразимы.

О философахъ, отрицавшихъ вліяніе другъ на друга тѣлъ безъ непосредственнаго соприкосновенія и ссылавшихся на немыслимость такого вліянія, Милль говоритъ: „Не по недостатку наблюденій картезіанцы были неспособны мыслить, что одно тѣло можетъ произвести движеніе въ другомъ безъ соприкосновенія. Они имѣли столько же наблюденій другихъ способовъ произведенія движенія, сколько и этого. Планеты вращались, и тяжелыя тѣла падали въ каждый часъ ихъ жизни. Но они воображали эти явленія производимыми скрытымъ, невидимымъ механизмомъ и безъ него были неспособны мыслить того, что они видѣли. Немыслимость, вмѣсто того, чтобы выражать собою ихъ опытъ, господствовала надъ нимъ и гнела его“ [1]). Такимъ образомъ, при этой ссылкѣ на немыслимость, по взгляду Милля, ссылались на немыслимость такой комбинаціи явленій, которая постоянно встрѣчалась въ воспріятіи. Но у Милля же мы находимъ о законѣ неуничтожимости матеріи слѣдующую мысль: „Я вполнѣ допускаю, что это истинный законъ природы, но мнѣ представляется, что нѣтъ человѣческаго существа, для котораго противоположное предположеніе было бы немыслимо, т. е., которое сколько-нибудь затруднялось бы вообразить часть матеріи уничтоженною, такъ какъ кажущееся уничтоженіе ея, ни въ какомъ отношеніи не различимое для невооруженныхъ глазъ отъ дѣйствительнаго, бываетъ каждый разъ, когда высыхаетъ вода или сгораетъ топливо“ [2]). Въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Милль еще рѣшительнѣе утверждаетъ, что появленіе въ нашемъ воспріятіи факта, бывшаго доселѣ для насъ невообразимымъ, или даже простой иллюзіи, соотвѣтствующей этому факту [3]), должно сопровождаться прекращеніемъ феномена невообразимости. Такимъ образомъ, самъ Милль, очевидно, отрицаетъ невообразимость такихъ комбинацій, которыя встрѣчаются въ воспріятіи; а, слѣдовательно, и ссылки на немыслимость дѣйствія другъ на друга тѣлъ на разстояніи, которыя считаетъ совершенно не согласными съ фактами, постоянно встрѣчающимися въ воспріятіи, онъ долженъ былъ, конечно, толковать въ смыслѣ ссылокъ на про-

[1]) Syst. of Log., 1, p. 298—299; p. пер. I. 299.
[2]) Syst. of Log., 1, p. 277; p. пер. I. 277—278.
[3]) Exam. of Ham. Phil., 72, 269.

стую неимовѣрность, а никакъ не на невообразимость, какъ бы ни толковали ихъ тѣ лица, которыя ими пользовались.

Что касается, наконецъ, ссылокъ противниковъ коперниковой системы на немыслимость огромныхъ пространствъ, предполагаемыхъ ею, то здѣсь, повидимому, дѣло, по взгляду самого Милля, не могло не касаться представленія или воображенія этихъ пространствъ. Однако, о какой же именно невообразимости могли говорить противники системы Коперника? О невообразимости огромныхъ пространствъ въ единичномъ актѣ представленія? Эта мысль была бы совершенно справедлива. Но я сомнѣваюсь, чтобы Милль рѣшился утверждать, что эти огромныя пространства стали для насъ вообразимы въ единичномъ актѣ представленія. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ невообразимое для древнихъ не сдѣлалось вообразимымъ для насъ. Съ другой стороны въ единичномъ актѣ представленія нельзя обнять не огромныя только пространства коперниковой системы, но и пространства, предполагавшіяся системой Птоломея, даже пространство, занимаемое нашею землею, даже пространства, простирающіяся на какія-нибудь сотни верстъ.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что въ нашемъ воспріятіи одни и тѣ же дѣйствительныя протяженія даны различно, смотря по разстоянію, съ какого совершается ихъ воспріятіе. Міровыя пространства постоянно даны для нашего воспріятія въ звѣздномъ небѣ. И о возможности представленія огромныхъ пространствъ только потому и поднимается вопросъ, что мы различаемъ видимое, кажущееся протяженіе и разстояніе отъ протяженія и разстоянія дѣйствительнаго. Что же это за дѣйствительное протяженіе и разстояніе? За фактическую величину дѣйствительныхъ предметовъ и разстояній между ними наше непосредственное сознаніе принимаетъ ту величину, съ какою даны въ нашемъ воспріятіи небольшіе предметы на такомъ разстояніи отъ глаза, на которомъ для насъ возможно самое отчетливое видѣніе ихъ. Съ этой точки зрѣнія послѣдовательно нужно признать только видимыми и фиктивными не протяженія только и разстоянія небесныя, но и всѣ земныя, данныя въ воспріятіи протяженія и разстоянія, какъ скоро они даны въ такомъ отдаленіи отъ насъ, которое нельзя счесть самымъ благопріятнымъ для совершенно отчетливаго воспріятія каждой незначительной ихъ части. А поэтому тотъ, кто, отрицая возможность для насъ имѣть въ одномъ актѣ представленія огромныя пространства коперниковой системы, не отрицалъ бы въ то же время для насъ возможности въ одномъ актѣ представленія имѣть простран-

ства, простирающіяся, напримѣръ, на сотни верстъ, утверждалъ бы въ существѣ дѣла совершенно странную мысль. Онъ утверждалъ бы, что мы можемъ имѣть въ единичномъ актѣ представленія пространства, въ которомъ могутъ такъ размѣститься предметы, имѣющіе въ своей совокупности сотни верстъ протяженія, что каждая часть каждаго изъ этихъ предметовъ, равная, напримѣръ, четверти аршина, имѣла бы ту самую величину, какую имѣла бы она въ нашемъ воспріятіи при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для ея воспріятія. Если эта мысль съ самаго перваго взгляда не поражаетъ насъ необыкновенною странностью, то только благодаря тому, что, привыкнувъ въ отношеніи къ земнымъ предметамъ быстро и достаточно точно судить о дѣйствительныхъ ихъ величинахъ по видимымъ ихъ величинамъ, мы почти не различаемъ этой послѣдней величины отъ соединяющагося съ ней сужденія о первой, и, смотря на болѣе или менѣе отдаленные предметы, полагаемъ, что уже въ самомъ воспріятіи мы имѣемъ огромныя протяженія. А отсюда уже мы заключаемъ и о воображаемыхъ нами протяженіяхъ, о которыхъ судимъ, руководясь привычками, усвоенными на протяженіяхъ воспринимаемыхъ. Но на самомъ дѣлѣ видимыя или кажущіяся величины воспріятія совершенно ничтожны. Самая огромная величина въ воспріятіи есть, конечно, величина линіи небесной дуги, которая шла бы отъ одной изъ точекъ горизонта къ противоположной точкѣ горизонта. Но если мы постараемся съ приблизительною точностью опредѣлить на глазомѣръ величину входящей въ эту линію линіи, пересѣкающей какое-нибудь созвѣздіе (т. е. кажущуюся длину этого созвѣздія), и потомъ хотя бы по астрономической картѣ, рисующей видъ неба, вычислимъ, сколько такого рода линій должно составить цѣлую дугу, то мы легко убѣдимся, какъ ничтожна величина видимаго или кажущагося пространства воспріятія. И отсюда мы также легко поймемъ, что фактически еще болѣе иллюзорными должны оказаться тѣ дополненія къ пространству воспріятія, которыя мы могли бы сдѣлать съ помощью воображенія и которыя мы могли бы соединить съ тою или другою частью пространства воспріятія въ одномъ актѣ представленія. Поэтому противники коперниковой системы, не отрицавшіе пространствъ, предполагаемыхъ птоломеевой системой, могли бы только по недоразумѣнію, отрицая огромныя пространства коперниковой системы, ссылаться на невообразимость ихъ въ одномъ актѣ представленія.

Впрочемъ невозможность обнять огромныя пространства въ одномъ актѣ представленія и сама по себѣ, конечно, никакъ не одно и то же,

что невозможность вообще обнять ихъ въ представленіи. А поэтому не слѣдуетъ ли разумѣть подъ немыслимостью огромныхъ пространствъ, на которую ссылались противники коперниковой системы, нашу неспособность вообще исчерпать ихъ въ какомъ угодно рядѣ представленій, въ которомъ мы переходили бы послѣдовательно отъ одной части пространства къ другой? Но въ такомъ случаѣ можно спросить: что могли разумѣть они подъ этою неисчерпываемою величиною, безконечную въ собственномъ смыслѣ величину или величину ограниченную и только имѣющую слишкомъ большіе размѣры. Въ послѣднемъ случаѣ невозможность обозрѣть ее въ послѣдовательномъ рядѣ представленій могла бы объясняться только тѣмъ, что законченный процессъ ея обозрѣнія потребовалъ бы большаго времени, чѣмъ какое представляетъ скоротечная жизнь человѣка. Но тогда огромныя пространства никакъ не оказались бы въ противорѣчіи съ самой природой нашего представленія, которое, оставаясь тѣмъ же самымъ, должно бы было быть сочтено способнымъ исчерпать ихъ при достаточной для того продолжительности человѣческой жизни. Но когда кто-нибудь невообразимость извѣстнаго предмета считалъ доказательствомъ его невозможности, то онъ, конечно, не могъ разумѣть подъ нею невозможность представить предметъ, зависящую отъ какихъ-либо случайныхъ причинъ, а разумѣлъ несогласіе предмета съ самою природою представленія, съ его законами. Если же имѣлось въ виду безконечное пространство, обнять которое считалось невозможнымъ для человѣка по самой природѣ его представленія, тогда какимъ образомъ эту ссылку на немыслимость Милль могъ бы счесть за отрицательную инстанцію противъ научнаго значенія ссылокъ на немыслимость? Вѣдь для этого онъ долженъ бы былъ въ собственномъ смыслѣ безграничное пространство признать научно-доказанной истиной. А какъ бы онъ могъ это сдѣлать, если бы въ доказательство этой истины самъ не сослался на другую, обратную невообразимость, невообразимость для насъ конца пространства?

Мнѣ кажется, что ссылки на немыслимость огромныхъ пространствъ коперниковой системы самъ Милль могъ толковать только въ томъ смыслѣ, что эти пространства на столько превосходили пространства, на которыя противники коперниковой системы привыкли смотрѣть, какъ на самыя величайшія, что ихъ мысль отказывалась вѣрить ихъ существованію, и если, подъ вліяніемъ этой неспособности повѣрить, они ссылались дѣйствительно на невообразимость для нихъ этихъ пространствъ, то лишь вслѣдствіе смутнаго представленія о причи-

нахъ этой невообразимости и о значеніи, которое она можетъ здѣсь имѣть.

Такимъ образомъ тѣ отрицательныя инстанціи, съ помощью которыхъ, казалось, можно было столь же легко какъ и рѣшительно покончить дѣло съ вопросомъ о научномъ значеніи немыслимости, оказываются имѣющими тотъ недостатокъ, что съ точки зрѣнія самого Милля они касаются исключительно неимовѣрности, и совсѣмъ не затрогиваютъ того, что самъ онъ признаетъ немыслимостію въ собственномъ смыслѣ.

Мы можемъ легко понять, почему этому обстоятельству Милль не придавалъ особаго значенія и иногда даже прямо выводилъ заключеніе вообще о немыслимости изъ примѣровъ, которые въ другихъ мѣстахъ самъ же толковалъ въ смыслѣ случаевъ простой неимовѣрности. Ассоціація была для него причиною того и другого феномена; и сущность того и другого феномена была одинакова. Эта сущность состояла въ затрудненіи отдѣлить другъ отъ друга представленія, которыя тѣсно связаны ассоціаціей. Все различіе между неимовѣрностью и невообразимостью сводилось къ тому, что при первой затрудненіе къ раздѣленію представленій, связанныхъ ассоціаціей, оказывалось при надлежащихъ усиліяхъ преодолимымъ, при невообразимости же оно было не преодолимо. Съ этой точки зрѣнія неимовѣрное было также невообразимымъ, но только невообразимымъ въ болѣе слабой степени. А поэтому совершенно естественнымъ представлялось на отрицательныя инстанціи, которыя непосредственно поражали неимовѣрность, смотрѣть какъ на такія инстанціи, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ поражаютъ и невообразимость. Все, что подразумѣвалось при такомъ расширеніи вывода, касавшагося непосредственно неимовѣрности, на немыслимость вообще, сводилось къ простой мысли, что не видно никакихъ основаній дѣлать изъ вывода исключеній въ пользу явленій, которыя отличаются отъ остальныхъ исключительно степенью крѣпости той связи, которая одинаково характеризуетъ оба рода явленій. И критическая точка зрѣнія, на которой стоитъ Милль въ своей борьбѣ противъ научнаго значенія немыслимости, ни въ какомъ случаѣ не стоитъ, по крайней мѣрѣ, въ прямомъ противорѣчіи съ этимъ предположеніемъ. Во всякомъ случаѣ она давала право поставить такое предположеніе, предоставляя дальнѣйшимъ научнымъ изслѣдованіямъ болѣе рѣшительный приговоръ.

Но Милль не ограничивается критикой кажущихся ему несостоятельными взглядовъ его предшественниковъ. Онъ признаетъ полную

научную достовѣрность того, что доказано съ помощью опредѣленныхъ методовъ знанія, слѣдовательно, признаетъ опредѣленные критеріи, которымъ должны отвѣчать научно-достовѣрныя сужденія. И отсюда открывается возможность поставить вопросъ о невообразимости съ точки зрѣнія этихъ критеріевъ съ тою цѣлью, чтобы уяснить себѣ, не окажется ли и здѣсь какихъ-либо данныхъ къ его разрѣшенію.

Милль философъ эмпиризма. По его ученію послѣднія посылки знанія должны имѣть свое послѣднее основаніе въ частныхъ фактахъ, имъ соотвѣтствующихъ. Но теперь невообразимость, по его ученію, есть результатъ образовавшейся связи между представленіями. А эта связь также образуется опытнымъ путемъ и послѣднимъ основаніемъ своимъ имѣетъ вліяніе на сознаніе частныхъ фактовъ. Отсюда у насъ возникаетъ вопросъ: почему же тѣ же самые, какъ казалось бы, частные факты въ одномъ случаѣ считаются гарантіей достовѣрности сужденія, въ другомъ, наоборотъ, оказываются неспособными давать сужденію никакого научнаго значенія? Устанавливается ли твердая, опредѣленная грань между этими двумя случаями и въ чемъ она должна состоять?

У Милля можно встрѣтить два разъясненія, изъ которыхъ можно извлечь отвѣты на эти вопросы.

Во-первыхъ, онъ указываетъ на то, что хотя ассоціаціи обыкновенно и образуются изъ вліянія на сознаніе соотвѣтствующихъ имъ фактовъ въ воспріятіи, но на образованія ихъ и вмѣстѣ съ ними твердыхъ навыковъ мысли могутъ вліять и соотвѣтствующія имъ простыя идеи или представленія, которыя иногда могутъ даже оказаться въ противорѣчіи съ показаніями наличнаго опыта. „Единообразіе противныхъ опытовъ, говоритъ Милль, есть только одна изъ многихъ причинъ немыслимости. Преданіе, перешедшее изъ періода болѣе ограниченнаго знанія, есть одна изъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ ея. Простая привычка къ одному способу происхожденія явленія часто достаточна для того, чтобы каждый другой казался немыслимымъ. Все, что связываетъ двѣ идеи крѣпкой ассоціаціей, можетъ сдѣлать невозможнымъ въ мысли ихъ раздѣленіе и постоянно дѣлаетъ это“ [1]).

Во-вторыхъ, признавая, какъ сказано было уже выше, что всякія посылки знанія должны доказываться при помощи простѣйшаго вида индукціи, т. е. индукціи чрезъ простое перечисленіе, Милль самъ

[1]) Syst. of Log. I. 298; р. пер. I. 298.

видитъ ясно близость доказательствъ по этому методу съ основаніями убѣжденій, непосредственно опирающихся на ассоціативную связь представленій. Этотъ методъ по существу есть та самая индукція, которая признавалась древними. А эту индукцію древнихъ Милль самъ сопоставляетъ съ ассоціаціей: „это родъ наведенія, говоритъ онъ объ индукціи древнихъ, который естественъ для ума, не привыкшаго къ научнымъ методамъ. Склонность выводить будущее изъ прошедшаго, неизвѣстное изъ извѣстнаго, которую нѣкоторые называютъ инстинктомъ, другіе считаютъ за ассоціацію, есть просто естественная склонность надѣяться, что то, что находили вѣрнымъ разъ или много разъ и ни разу не находили ложнымъ, окажется вѣрнымъ и опять“ [1]). Но взятый самъ по себѣ такой способъ доказательства Милль не признаетъ научнымъ. По его характеристикѣ это тотъ способъ заключенія, который жителю центральной Африки до позднѣйшаго появленія тамъ европейцевъ давалъ бы право заключать, что всѣ человѣческія существа черны, и который европейцу также до сравнительно позднѣйшихъ наблюденій давалъ бы право вѣрить, что всѣ лебеди бѣлы. И Милль старается разъяснить, что когда въ наукѣ этотъ методъ примѣняется къ доказательству послѣднихъ посылокъ знанія, то снимается съ него та ограниченность, вслѣдствіе которой оказывается при его обычномъ употребленіи возможность допускать погрѣшности въ выводахъ. Въ простѣйшей формѣ индукціи вообще мы отъ частныхъ фактовъ, соотвѣтствующихъ извѣстному общему положенію, заключаемъ къ истинности послѣдняго. Но изъ того, что положеніе согласуется со всѣми извѣстными намъ частными фактами, и мы не знаемъ ни одного случая, противорѣчащаго ему, еще не слѣдуетъ, думаетъ Милль, что это положеніе есть всеобщая истина, законъ природы. Такое заключеніе можетъ оказаться погрѣшительнымъ. Однако, по его мнѣнію, „мы имѣемъ полное право утверждать это положеніе какъ эмпирическій законъ истинный въ извѣстныхъ предѣлахъ времени, мѣста и обстоятельствъ, лишь бы число совпаденій было больше, чѣмъ какое съ нѣкоторою вѣроятностію можно приписать случаю“. Но почему мы не въ правѣ распространить значеніе его далѣе этихъ предѣловъ? Потому, отвѣчаетъ Милль, что господство его въ этихъ предѣлахъ „можетъ быть слѣдствіемъ распредѣленій, изъ существованія которыхъ въ одномъ мѣстѣ нельзя заключать о существованіи ихъ въ другомъ, или можетъ зависѣть отъ слу-

[1]) Syst. of Log. I. 347; р. пер. I. 341—342.

чайнаго отсутствія противодѣйствующихъ вліяній, которыя могутъ оказаться налицо при какой-нибудь перемѣнѣ во времени или при малѣйшей смѣнѣ обстоятельствъ". А поэтому, „если мы предположимъ, что предметы, подлежащіе обобщенію, такъ широко распространены, что нѣтъ ни времени, ни мѣста, ни комбинаціи обстоятельствъ, при которыхъ не представлялось бы примѣровъ истинности или ложности обобщенія, и если бы во всѣхъ случаяхъ оно оказывалось истиннымъ, то его истинность не можетъ зависѣть ни отъ какихъ распредѣленій кромѣ тѣхъ, которыя существуютъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, и не можетъ быть подорвана никакими противодѣйствующими вліяніями, кромѣ такихъ, которыя нигдѣ фактически не встрѣчаются. Такимъ образомъ положеніе становится эмпирическимъ закономъ, сопротяженнымъ всему человѣческому опыту; а при такихъ условіяхъ исчезаетъ различіе между эмпирическими законами и законами природы, и положеніе занимаетъ мѣсто между наиболѣе твердо установленными, прочными, самыми важными и самыми широкими истинами, доступными наукѣ" [1]). Этими чертами, по Миллю, и отличается индукція, когда индуктивнымъ путемъ устанавливаются послѣднія посылки знанія.

Такъ, повидимому, устанавливается твердая грань между индукціей, доказывающей послѣднія посылки знанія, за которой признается самое высокое научное значеніе, и ссылкой на немыслимость исключеній, за которой не признается никакого научнаго значенія, хотя она, подобно индукціи, считается за результатъ вліянія частныхъ фактовъ на сознаніе.

Однако изъ этихъ же разъясненій видно, что сущность простѣйшаго вида индукціи одинакова въ обоихъ случаяхъ, даетъ ли она погрѣшительные выводы или даетъ выводы, признаваемые вполнѣ достовѣрными, и различаются оба случая лишь такими условіями, которыя зависятъ отъ особенностей тѣхъ истинъ, которыя доказываются чрезъ индукцію. Это обстоятельство получаетъ важность, когда мы видимъ, что при разъясненіи недостатковъ ассоціативныхъ связей Милль, наоборотъ, не различаетъ различныхъ степеней этихъ связей, и дѣло идетъ у него о немыслимости вообще. Но если простѣйшій индуктивный выводъ, будучи погрѣшительнымъ вообще, оказывается способнымъ, по мнѣнію Милля, достигать безусловной достовѣрности при извѣстныхъ условіяхъ, то съ какимъ правомъ мы стали бы су-

[1]) Syst. of Log. II. 103; р. пер. II. 95—96.

дить на основаніи недостатковъ выводовъ, основанныхъ на ассоціаціи вообще, о выводахъ, основанныхъ на такой ассоціаціи, которая порождаетъ феноменъ невообразимости и которая должна же имѣть свои особенности? Прежде чѣмъ судить объ этой послѣдней ассоціаціи, нужно уяснить принимаемыя Миллемъ ея особенности и сличить ихъ тщательно съ особыми условіями индукціи, дающей, по Миллю, достовѣрный выводъ.

Для Милля какъ ассоціациста, конечно, совершенная неразрывность связи между извѣстными представленіями, служащая условіемъ невообразимости исключеній изъ сужденія, не можетъ имѣть того смысла, который долженъ бы былъ придавать ей философъ, объясняющій ее самой конституціей познавательныхъ силъ человѣка. Въ глазахъ такого философа нерасторжимость связи между извѣстными представленіями можетъ быть нерасторжимостью безусловною. Но Милль долженъ послѣдовательно признать, что „ассоціаціи, имѣющія свое происхожденіе въ опытѣ, безъ сомнѣнія расторжимы чрезъ соотвѣтствующее количество опыта противоположнаго“ [1]). Милль совершенно нерасторжимою связью между представленіями называетъ просто связь, для расторженія которой былъ бы необходимъ прямо противорѣчащій ей опытъ, и которая, слѣдовательно, должна оказаться совершенно нерасторжимой при данныхъ фактическихъ условіямъ, т.-е. при томъ порядкѣ и той законосообразности, которые фактически даны въ мірѣ. Поречисливъ нѣсколько примѣровъ совершенной невообразимости, Милль говоритъ: „эти вещи для васъ, въ буквальномъ смыслѣ, немыслимы подъ условіемъ существованія нашего ума и нашего опыта въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь“ [2]). Но и это признаніе невообразимости все же таки есть признаніе такого факта, который достаточно отличенъ отъ другихъ результатовъ ассоціативной связи для того, чтобы остановить на немъ вниманіе. Мы не можемъ забыть, что мы въ самыхъ безчисленныхъ и разнообразныхъ случаяхъ можемъ составлять комбинаціи представленій, совершенно противорѣчащія самымъ привычнымъ для насъ наблюденіямъ. Мы знаемъ, правда, что могутъ встрѣчаться затрудненія въ образованіи комбинацій представленій, несогласныхъ съ привычнымъ опытомъ, у людей, которые не отличаются богатствомъ и разнообразіемъ опыта и не сдѣлали навыка свободно распоряжаться своими представленіями при составленіи образовъ, не

---

[1]) Exam. of. Ham. Phil., p. 264.
[2]) Exam. of. Ham. Phil., p. 67.

соотвѣтствующихъ дѣйствительности. Но мы также хорошо знаемъ, что при сколько-нибудь широкомъ опытѣ и при навыкѣ составлять образы предметовъ, не существовавшихъ при личномъ опытѣ, мы не чувствуемъ никакихъ затрудненій въ составленіи образовъ, совершенно несогласныхъ съ привычнымъ намъ порядкомъ явленій. Намъ нѣтъ труда воображать себѣ какихъ угодно животныхъ, какія угодно растенія, предметы неорганической природы, какъ бы сильно не отличались они отъ окружающей насъ дѣйствительности. Точно также, какъ замѣчалъ уже Юмъ, мы безъ друда можемъ составлять себѣ представленія и о такой послѣдовательности явленій, которая противорѣчитъ и законамъ, которые съ особою необходимостью признаются нами неизмѣнными, и образовавшимся у насъ навыкамъ ожидать опредѣленную послѣдовательность явленій. Понятно, что Милль долженъ былъ указать на какія-нибудь особенности тѣхъ соединеній представленій, противорѣчіе которымъ для насъ оказывается невообразимымъ, просто для того, чтобы объяснить, почему того же не бываетъ при всѣхъ другихъ соединеніяхъ, которыя всѣ подлежатъ однимъ и тѣмъ же законамъ ассоціаціи.

И Милль не отказывается дать такое объясненіе. Это дѣлаетъ онъ и въ своей логикѣ, гдѣ онъ подробно останавливается на вопросѣ о значеніи немыслимости при разъясненіи своего взгляда на геометрическія аксіомы [1]), и особенно въ своемъ изслѣдованіи гамильтоновой философіи, гдѣ онъ долженъ былъ прямо отвѣчать на требованіе своихъ философскихъ противниковъ объяснить особенныя условія, при которыхъ ассоціація представленій порождаетъ феноменъ невообразимости [2]). Въ томъ и другомъ сочиненіи одинаково, но въ послѣднемъ только болѣе опредѣленно и рельефно, Милль выставляетъ два главныя условія, которыя необходимы, по его мнѣнію, для порожденія этого феномена, и соединеніе которыхъ не встрѣчается при другихъ ассоціаціяхъ. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы ассоціація, начинаясь съ самаго ранняго періода сознанія, поддерживалась самымъ частымъ, самымъ постояннымъ повтореніемъ въ опытѣ соотвѣтствующихъ ей сочетаній или, какъ онъ выражается въ одномъ мѣстѣ, чтобы мы встрѣчались съ этимъ сочетаніемъ „съ самаго перваго просвѣта сознанія почти въ каждый моментъ нашей жизни“. Второе условіе состоитъ въ томъ, чтобы въ опытѣ не встрѣчалось сочетаній „даже отдаленно

---

[1]) Syst. of Log. I. p. 268—270; p. пер. I. 269—270.

[2]) Exam. of Ham. Phil., p. 266—269. Ср. p. 63, 69—70.

сходныхъ“ съ сочетаніемъ невообразимымъ, имѣющихъ съ нимъ какую либо „аналогію“, вообще не встрѣчалось ничего, что могло бы послужить моделью для ихъ образованія [1]).

Да и въ чемъ другомъ могли бы состоять для ассоціациста особыя условія невообразимости? Если вся сущность дѣла въ этомъ явленіи должна объясняться особою чрезвычайною крѣпостью образовавшейся опытнымъ путемъ ассоціативной связи представленій и если, по обычному взгляду ассоціанистовъ, ассоціаціи образуются по смежности и сходству, то что же могло бы довести связь представленій до совершенной неразрывности, если не продолжающееся съ самаго начала жизни ежеминутное повтореніе соединенныхъ смежностью явленій и полное отсутствіе соединеній, не только прямо противорѣчащихъ образующейся связи, но даже и отдаленно сходныхъ съ противорѣчащими?

Попытаемся же теперь сличить эти разъясненныя самимъ Миллемъ особыя условія, необходимыя для образованія совершенной невообразимости, съ тѣми недостатками ассоціативныхъ соединеній, которыя, опять по взгляду самого же Милля, лишаютъ ихъ научнаго значенія.

Отрицая научное значеніе немыслимости, Милль указывалъ на то, что могутъ образовываться ассоціаціи, совершенно несогласимыя съ фактами данныхъ въ воспріятіи соединеній, заставляющія перетолковывать эти факты. Но какъ это будетъ приложимо къ ассоціаціямъ, сопровождающимся дѣйствительною невообразимостью несоотвѣтствующихъ имъ соединеній, когда оказывается, что въ качествѣ условія, необходимаго для образованія нерасторжимой ассоціаціи, требуется совершенное отсутствіе въ воспріятіи связей между явленіями, даже отдаленно похожихъ на соединенія, несогласныя съ образовавшимися

---

[1]) Въ Syst. of Log. I. p. 269—270; p. пер. 270—271 въ качествѣ фактора, также объясняющаго немыслимость противорѣчія геометрическимъ аксіомамъ, ставится особое сходство геометрическихъ воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными, а равно и тотъ фактъ, что геометрическое наблюденіе состоитъ въ простомъ осмотрѣ рисунка. Это, по Миллю, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ, что каждая попытка построить въ воображеніи образъ, несогласный съ аксіомой, должна оказаться научнымъ опытомъ, соотвѣтствующимъ опыту надъ дѣйствительной фигурой и доказывающимъ аксіому. Но это условіе указывается здѣсь какъ дополнительное къ разъясненнымъ выше двумъ главнымъ, не исключающее нужды въ нихъ. Притомъ же оно имѣетъ примѣненіе исключительно къ математическимъ невообразимостямъ. Наконецъ, какъ это разъяснится далѣе, оно стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ основными ассоціанистическими взглядами Милля и всего новаго эмпиризма. А поэтому это условіе здѣсь я обхожу совсѣмъ.

нерасторжимыми связями [1]). Что же касается фактовъ, которые были бы прямо несогласимы съ неразрывною ассоціаціею, а не только болѣе или менѣе похожи на эти факты, то намъ уже ранѣе приходилось указывать на то, что появленіе такихъ фактовъ въ воспріятіи или даже появленіе иллюзій, имъ соотвѣтствующихъ, совершенно доста-

---

[1]) Вопросъ о состоятельности ассоціанистическихъ объясненій всякаго рода невообразимостей не входитъ совсѣмъ здѣсь въ мою задачу. Но я не могу не отмѣтить особой, могу сказать, чрезвычайной странности этой мысли Милля, необходимой ему для ассоціанистическаго объясненія невообразимости. По разсужденіямъ Милля объ этомъ предметѣ должно выходить, что вообразить вопреки опыту человѣческое тѣло остающимся неразрушимымъ въ огнѣ или вообразить существо съ лошадинымъ туловищемъ и человѣческою головою должно оказаться для насъ совершенно возможнымъ въ силу того, что въ опытѣ встрѣчаются предметы, въ извѣстныхъ отношеніяхъ сходные съ человѣческимъ тѣломъ и однако неразрушающіеся отъ огня, и разнообразныя сочетанія различныхъ туловищъ съ различными головами; и, наоборотъ, вообразить двукратное пересѣченіе прямыхъ должно оказаться для насъ совершенно невозможнымъ вслѣдствіе отсутствія всякой модели, всякаго случая, сколько-нибудь сходнаго съ такимъ противорѣчіемъ аксіомѣ. Но совершенно нельзя понять, почему всякое двукратное пересѣченіе линій, искривленныхъ слегка мало замѣтнымъ для насъ образомъ и на большомъ протяженіи, не могло бы послужить для насъ такою моделью. Если предположить при какихъ бы то ни было условіяхъ возможнымъ для насъ построеніе въ воображеніи двухъ прямыхъ, два раза взаимно пересѣкающихся, то вѣдь нельзя не признать, что подобный образъ для нашего сознанія долженъ бы былъ оказаться много похожѣе на образъ двукратнаго пересѣченія двухъ линій, имѣющихъ ничтожное, едва замѣтное для насъ искривленіе, чѣмъ образъ человѣческаго тѣла, не терпящаго никакихъ измѣненій отъ дѣйствія огня, походилъ бы на образъ какихъ-либо несгораемыхъ по своей природѣ веществъ, также подвергающихся дѣйствію огня: первые два образа, при ничтожномъ искривленіи линій во второмъ изъ нихъ, могли бы только едва замѣтно для насъ отличаться одинъ отъ другого и, можетъ быть, даже не иначе какъ съ помощью исскуственныхъ приспособленій, дѣлающихъ болѣе рѣзкимъ и замѣтнымъ для насъ это различіе. А потому, если бы весь вопросъ о возможности построенія въ воображеніи образа, противорѣчащаго геометричестой аксіомѣ, состоялъ бы лишь въ подысканіи случая, хотя бы только отдаленно сходнаго съ нимъ, то не могло быть совсѣмъ никакой рѣчи объ невозможности подобнаго построенія. Воображаемая фигура, которая представляла бы противорѣчащій аксіомѣ случай, дѣйствительно признается нами болѣе рѣзко отличающейся отъ случая двукратнаго пересѣченія линій, даже ничтожно искривленныхъ, чѣмъ отличается образъ человѣческаго тѣла, не сгорающаго на огнѣ, отъ образа вещества, не сгорающаго по своей природѣ и подверженнаго дѣйствію пламени; но признаются рѣзко отличающимися другъ отъ друга первые два образа вовсе не по различію впечатлѣній, которыя они должны бы были производить на наше сознаніе въ томъ случаѣ, если бы оба они одинаково могли бы быть построены, а потому, что одинъ можетъ быть построенъ, а другой нѣтъ, тогда какъ

точно по Миллю для разрушенія образовавшейся уже невообразимости. Дѣйствительная невообразимость, слѣдовательно, не только не можетъ стоять въ какомъ-либо противорѣчіи съ опытомъ субъекта, но исключаетъ даже существованіе въ воспріятіи сочетаній явленій, только сходныхъ съ невообразимыми.

Съ другой стороны и та совокупность фактовъ, которая должна считаться нужной для образованія нерасторжимой ассоціаціи, по приведеннымъ разъясненіямъ Милля относительно условій ея образованія, оказывается соотвѣтствующей никакъ не индукціи, допускающей погрѣшительные выводы, а той, которую Милль считаетъ вполнѣ достовѣрной. Достовѣрная индукція, какъ мы видѣли, по Миллю, должна отличаться отъ индукціи, допускающей ошибочные выводы, тѣмъ, что нѣтъ времени, мѣста и обстоятельствъ, гдѣ сознаніе не могло бы встрѣтиться съ фактами, которые подходятъ подъ доказываемое положеніе и оказываются въ согласіи съ нимъ. Но оказывается, что для отличенія условій образованія невообразимости отъ условій болѣе слабыхъ ассоціацій, которыя фактически не сопровождаются невообразимостью несогласныхъ съ ассоціаціей соединеній, Милль долженъ былъ признать необходимымъ для образованія нерасторжимой ассоціаціи постоянное съ начала жизни и возможно частое повтореніе въ опытѣ опредѣленныхъ соединеній, повтореніе съ перваго проблеска сознанія почти въ каждый послѣдующій моментъ. А наблюденія, отличающіяся такими чертами, возможны, конечно, лишь въ томъ случаѣ, когда наблюдаемые факты даны или могутъ быть восприняты во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, при всякихъ обстоятельствахъ.

Если Милль съ критической точки зрѣнія могъ не находить основаній сдѣлать для неразрывныхъ ассоціацій исключеніе изъ общаго его положенія о ненадежности ссылки на ассоціативныя соединенія, то съ точки зрѣнія защищаемаго имъ эмпиризма, въ которомъ высшія посылки знанія могутъ основываться только на частныхъ фактахъ, было для него простою непослѣдовательностію отказать въ достовѣрности ассоціаціямъ неразрывнымъ, для объясненія которыхъ опытнымъ

послѣдніе два образа одинаково легко могутъ быть построены въ нашемъ воображеніи. И если, по Миллю, непосредственной причиной невообразимости образа и, слѣдовательно, этого рѣзкаго различія его отъ образовъ, которые при его вообразимости должны бы были оказаться сходными съ нимъ, служитъ особая сила ассоціативной связи представленій, входящихъ въ аксіому, то считать это рѣзкое различіе причиной этой тѣсной ассоціативной связи—это значило бы причину объяснять изъ дѣйствія, произведеннаго этой же самой причиной.

путемъ должны были, по его взгляду, потребоваться факты въ такой полнотѣ и такомъ обиліи, какія должны были превосходить всякую индукцію per enumerationem simplicem. И Спенсеръ, раздѣляющій съ Миллемъ основные эмпиристическіе и ассоціанистическіе взгляды, могъ совершенно справедливо потребовать признанія научнаго значенія неразрывныхъ ассоціацій во имя послѣдовательнаго развитія этихъ взглядовъ. Милль съ правомъ могъ возражать противъ упрека въ непослѣдовательности только то, что неразрывная ассоціативная связь между представленіями, если бы она и могла быть признана свидѣтельствомъ истинности сужденія, то свидѣтельствомъ не прямымъ, а только косвеннымъ, тогда какъ индукція составляетъ прямое доказательство сужденія. Прямымъ доказательствомъ послѣднихъ посылокъ знанія могутъ служить лишь частные факты, оказывающіеся согласными съ ними: эти факты прямо и представляетъ индукція, а неразрывная ассоціативная связь лишь косвенно свидѣтельствуетъ, что эти факты нѣкогда существовали и вліяли на сознаніе [1]). Но это соображеніе могло бы быть приведено лишь въ защиту нѣкотораго преимущества индукціи предъ ссылкой на невообразимость, но никакъ не могло устранить правъ послѣдней по крайней мѣрѣ въ глазахъ философа, который самъ объяснялъ невообразимость такъ, что она несомнѣнно должна была свидѣтельствовать о вліяніи на сознаніе фактовъ, вполнѣ достаточныхъ для составленія совершенно законной, по его мнѣнію, индукціи. Спенсеръ съ правомъ могъ при отвѣтѣ на это возраженіе Милля указать на то, что и ссылка на невообразимость также имѣетъ на своей сторонѣ преимущество и очень важное. Припоминаніе и точное разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ случаевъ предшествующаго опыта, которые могутъ служить фактическимъ матеріаломъ при рѣшеніи вопроса объ истинности или ошибочности извѣстнаго общаго сужденія, не только потребовало бы огромнаго

[1]) Syst. of Log. I. 297—298; р. пер. 297. Милль находитъ возможнымъ приводить противъ возраженій Спенсера еще ту мысль (Syst. of Log. I. 298—299; р. пер. 298), что немыслимость не всегда отвѣчаетъ доселѣ существовавшему опыту; но это только потому, что Спенсеръ (Princ. of Psych. II. 415—416; р. п. IV. 113—114), разъясняя необходимость признать на основаніи принциповъ Милля достовѣрность свидѣтельства немыслимости, не беретъ во вниманіе двойственности смысла термина немыслимости у Милля и особыхъ условій образованія, по его ученію, невообразимости; а поэтому спенсеровъ упрекъ Миллю въ непослѣдовательности есть лишь разъясненіе общей мысли, что сведеніе всякой достовѣрности къ опыту должно вести къ признанію особой достовѣрности неразрывныхъ связей между представленіями, составляющими результатъ всего опыта.

времени, но и прямо невозможно: громаднѣйшее число ихъ исчезаетъ изъ памяти, и большая часть сохраняемаго памятью не отличается надлежащею точностью, такъ какъ при самомъ воспріятіи они не останавливали на себѣ должнаго вниманія. А между тѣмъ на образованіе неразрывной ассоціаціи вліяетъ каждый случай, все равно останавливалъ ли онъ на себѣ вниманіе или не останавливалъ, сохранился ли въ памяти или не сохранился, такъ какъ при дѣйствіи на сознаніе исключеній изъ привычныхъ ассоціацій не могло бы образоваться полной невообразимости противорѣчащаго ассоціаціи образа. Такимъ образомъ неразрывная ассоціація должна оказаться свидѣтельствомъ о существованіи въ сознаніи такого огромнаго количества фактовъ, согласныхъ съ извѣстнымъ положеніемъ, котораго никогда не можетъ представить никакой сознательно совершенный индуктивный процессъ [1]).

Въ системѣ Спенсера это послѣднее преимущество неразрывныхъ сочетаній сравнительно съ индукціей получаетъ даже особое, чрезвычайное значеніе вслѣдствіе введенія имъ въ психологію принципа эволюціи. Миллева попытка объяснить неразрывныя связи между представленіями изъ ассоціаціи развивается, очевидно, въ сенсуалистическомъ направленіи. На протяженіи жизни каждаго индивидуума ассоціація должна превратить образующіяся между опредѣленными представленіями связи въ связи неразрывныя безъ всякихъ особенныхъ задатковъ къ тому въ организаціи кромѣ прирожденной способности къ образованію ассоціацій вообще. Спенсеръ вводитъ и сюда, какъ и всюду въ бытіи, принципъ эволюціи. Самыя неразрывныя ассоціаціи между представленіями, которыя выражаются въ полной невообразимости противорѣчащихъ имъ сочетаній, разсматриваются, правда, у него, какъ и у Милля, какъ результатъ повторенія извѣстныхъ сочетаній явленій въ воспріятіи, — повтореній частыхъ, не имѣвшихъ исключеній, но повтореній, совершавшихся не на протяженіи только жизни индивидуума, а на протяженіи жизни безчисленныхъ поколѣній его предковъ, даже и не изъ царства только человѣческаго, но и изъ міра животныхъ. Навыки къ опредѣленнымъ очень часто встрѣчающимся въ опытѣ сочетаніямъ явленій, по взгляду Спенсера, зарегистровываются, такъ сказать, въ самомъ организмѣ, въ его нервной системѣ, передаются по наслѣдству потомкамъ и укрѣпляются такимъ образомъ при содѣйствіи индивидуальнаго опыта позднѣйшихъ

[1]) *Spencer.* Princ. of Psych. II. 417—419; р. пер. IV. 115—117.

поколѣній болѣе и болѣе. И только съ помощію этой все большей и большей закрѣпленности ихъ вѣками и тысячелѣтіями въ организаціи эти навыки превращаются въ такія ассоціаціи, которыя оказываются уже совершенно нерасторжимыми для нашихъ усилій и выражаются въ совершенной невообразимости противорѣчащихъ имъ сочетаній [1]). Понятно, что съ этой точки зрѣнія та въ высшей степени тѣсная ассоціація, которая сопровождается полною неспособностью вообразить противорѣчащія ей сочетанія, получаетъ право разсматриваться въ качествѣ представительницы такого опыта, который безконечно и неизмѣримо превосходитъ все, что можетъ собрать какая угодно сознательная индукція [2]).

Но какое бы кто ни придавалъ значеніе этому введенію принципа эволюціи въ объясненіе нерасторжимыхъ сочетаній, во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ, что стремленіе Милля лишить всякаго научнаго значенія ссылку на совершенную нерасторжимость тѣхъ или другихъ сочетаній между представленіями стоитъ въ противорѣчіи съ его эмпиристическимъ возведеніемъ всякой достовѣрности къ вліянію на сознаніе частныхъ фактовъ съ одной стороны и съ его ассоціанистическимъ разъясненіемъ происхожденія нерасторжимой связи между представленіями съ другой.

Но Миллево отрицаніе всякаго научнаго значенія за невообразимостью страдаетъ и не только этимъ противорѣчіемъ его основнымъ принципамъ.

В. Критическій эмпиризмъ Милля и его борьба противъ научнаго значенія немыслимости.

II.

Какъ ни рѣшительно, повидимому, Милль отрицаетъ всякое право доказывать общія истины на основаніи нерасторжимости связи входящихъ въ нихъ представленій, тѣмъ не менѣе онъ оказывается не въ состояніи провести этотъ взглядъ свой послѣдовательно. Спенсеръ отмѣчаетъ нѣсколько вкравшихся у него непослѣдовательностей, состоящихъ въ употребленіи такихъ выраженій относительно логическихъ формулъ выводовъ, которыя не соотвѣтствовали взглядамъ философа, признающаго простѣйшую форму индукціи послѣднимъ

[1]) *Spencer.* Princ. of Psych. I. 470—471; р. пер. II. 196—197.

[2]) *Spencer.* Princ. of Psych. II. 419—420; р. пер. IV. 117—118.

основаніемъ всякаго знанія [1]). Но эти непослѣдовательности не очень значительны, и Милль безъ труда могъ бы объяснить ихъ допущенною имъ неточностью изложенія, какъ онъ и поступилъ дѣйствительно въ упомянутомъ нами выше случаѣ, относящемся къ формулѣ первой фигуры силлогизма. Но у Милля есть непослѣдовательность, несравненно болѣе крупная, которая къ неудачной терминологіи или вообще къ случайности сведена быть не можетъ и на которую совсѣмъ не указываетъ Спенсеръ. А между тѣмъ эта непослѣдовательность такова, что, впадая въ нее, Милль, хотя и незамѣтно для самого себя, въ существѣ дѣла фактически сводитъ къ нулю всю свою борьбу противъ научнаго значенія немыслимости въ собственномъ смыслѣ.

Камнемъ преткновенія для Милля оказались тѣ самыя геометрическія (и вообще математическія) аксіомы, на которыхъ Милль развивалъ свою полемику противъ значенія немыслимости и взглядъ на которыя составлялъ, какъ мы видѣли, рѣшительный пунктъ въ преобразованіи юмовскаго эмпиризма въ эмпиризмъ новый.

Искони существовала вѣра, что можно получать достовѣрное убѣжденіе въ аксіомахъ путемъ разсмотрѣнія простыхъ образовъ воображенія. Для доказательства значенія аксіомъ въ мірѣ дѣйствительномъ геометры въ былое время охотно и не опасаясь возраженій ссылались на совершенную невообразимость для насъ образовъ, имъ противорѣчащихъ. Вѣра въ аксіомы, въ отличіе отъ вѣры во всѣ другія самоочевидныя истины, казалось, имѣла преимущественное право соединяться съ мыслію объ особой, неопытной ихъ достовѣрности, такъ какъ въ противоположность вѣрѣ въ другія положенія, касающіяся также внѣшняго бытія, здѣсь былъ, повидимому, до прозрачности ясенъ самый процессъ, съ помощію котораго она достигается. Здѣсь процессъ этотъ, несомнѣнно, повидимому состоялъ въ опытахъ надъ простыми образами воображенія, соотвѣтствующими геометрическимъ понятіямъ, и доказывалъ, что законы, выражающіеся въ аксіомахъ, бесусловно господствуютъ даже надъ нашимъ воображеніемъ.

Милль точно такъ же не находитъ возможнымъ отрицать взглядъ обычнаго сознанія на наше право „отъ воображаемыхъ геометрическихъ линій заключать къ дѣйствительнымъ съ совершенно такою же достовѣрностью, съ какою мы заключали бы отъ одной дѣйствитель-

[1]) *Spencer.* Princ. of Psych. II. 420—422; р. пер. IV. 118—120.

ной линіи къ другой“ [1]), какъ не отрицалъ того и Кантъ. Но Кантъ для объясненія такого факта имѣлъ ученіе о созерцаніяхъ a priori. Милль кантовскаго ученія о созерцаніяхъ a priori и связаннаго съ нимъ ученія объ особомъ непосредственномъ усмотрѣніи конструкціи понятія въ построеніи конкретнаго образа, конечно, раздѣлять не можетъ. Но онъ ничего подобнаго и не считаетъ нужнымъ для объясненія того процесса усмотрѣнія истинности аксіомъ изъ созерцанія простыхъ представленій, который онъ принимаетъ вмѣстѣ съ общимъ сознаніемъ. Для Милля этотъ процессъ есть хорошо знакомый намъ процессъ наблюденій, который постоянно совершается нами надъ данными въ воспріятіи предметами при установкѣ какихъ бы то ни было, а не исключительно геометрическихъ истинъ и который въ данномъ случаѣ только примѣняется не къ воспріятіямъ, какъ это обыкновенно бываетъ, а къ представленіямъ. „Основанія геометріи, говоритъ Милль, возводились бы къ прямому наблюденію, даже если бы опыты (которые въ этомъ случаѣ состоятъ единственно во внимательномъ созерцаніи) производились только надъ тѣмъ, что мы называемъ нашими идеями, т. е. надъ чертежами въ нашемъ умѣ, а не надъ внѣшними предметами“ [2]). И такъ какъ аксіомы, подобно всѣмъ другимъ послѣднимъ посылкамъ знанія, могутъ по Миллю быть доказываемы только черезъ простѣйшую форму индукціи [3]), то, конечно, ничѣмъ инымъ кромѣ этой индукціи не могло въ его глазахъ быть и то наблюденіе надъ воображаемыми рисунками, которое должно доказывать аксіомы [4]).

Такой взглядъ долженъ былъ требовать разъясненія двухъ вещей: съ одной стороны возможности совершать индуктивный процессъ надъ образами воображенія съ такою же точностію, съ какою совершается онъ надъ дѣйствительными предметами, съ другой права переносить результаты этого процесса на дѣйствительные предметы. И Милль объясненіе всего этого видитъ въ одномъ „изъ характеристическихъ свойствъ геометрическихъ формъ, въ ихъ способности рисоваться воображенію съ отчетливостію, равною дѣйствительности, или, другими словами, въ точномъ сходствѣ нашихъ идей о формѣ съ ощущеніями, какими онѣ внушаются“. „Это свойство, говоритъ онъ, прежде всего,

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I. 263; p. пер. 1. 263.

[2]) *Mill.* Syst. of Log. I. 262; p. пер. 1. 262—263.

[3]) *Mill.* Syst. of Log. II. 145—146; p. пер. 2. 133—134.

[4]) Милль дѣйствительно и называетъ этотъ процессъ индукціей изъ наблюденія надъ умственными рисунками, Syst. of Log. I. 263; p. пер. I. 263.

дѣлаетъ насъ способными (по крайней мѣрѣ при небольшой практикѣ) создавать умственные рисунки всевозможныхъ сочетаній линій и угловъ, совершенно такъ же сходные съ дѣйствительностію, какъ рисунки, которые сдѣлали бы мы на бумагѣ. И, за тѣмъ, эти умственные рисунки способны служить предметомъ геометрическихъ наблюденій совершенно такъ же, какъ соотвѣтствующія реальности, такъ какъ рисунки, если они достаточно точны, конечно, представляютъ всѣ свойства, какія обнаруживались бы на дѣйствительныхъ предметахъ въ данное мгновеніе и на первый взглядъ. А въ геометріи мы имѣемъ дѣло съ такими свойствами, а не съ недоступнымъ для рисунковъ дѣйствіемъ тѣлъ другъ на друга“ [1]).

Во второй половинѣ приведенной цитаты изъ особенной отчетливости геометрическихъ представленій разъясняются особыя удобства наблюденія надъ ними. Эта мысль не стоитъ въ противорѣчіи съ особенностями Миллева взгляда на научное значеніе ассоціацій. Но и въ этой мысли не видно достаточнаго критическаго отношенія Милля къ ходячимъ взглядамъ на очень сложные познавательные процессы.

Если бы Милль говорилъ о преимуществахъ наблюденія надъ геометрическими представленіями сравнительно съ наблюденіемъ надъ другими представленіями, то его мысль была бы понятна. Подъ особою отчетливостію воображаемыхъ геометрическихъ рисунковъ Милль, очевидно, разумѣетъ тотъ фактъ, что въ то время какъ образы такихъ, напримѣръ, нашихъ ощущеній, каковы звуки, цвѣта, запахи, суть на самомъ дѣлѣ какъ бы нѣкоторыя только указанія на нихъ, почти приближающіяся къ простымъ знакамъ, представленія геометрическихъ свойствъ оказываются, наоборотъ, точными копіями того, что они обозначаютъ. Это различіе имѣетъ очень серьезное основаніе, въ которое на этомъ мѣстѣ намъ нѣтъ нужды входить. И значеніе этого различія вообще для такого наблюденія надъ представленіями, которое имѣетъ въ виду Милль, отрицать нельзя, хотя и чрезмѣрно преувеличивать его тоже не слѣдуетъ. Не нужно забывать, что когда мы разсматриваемъ свои представленія со стороны самаго представляющагося въ нихъ содержанія (а не какъ акты представляющей силы), т. е. когда, разсматривая представленія, мы имѣемъ въ виду самые предметы, которые могли бы быть обозначены этими представленіями, то мы подъ всякимъ представленіемъ, одинаково какъ отчетливымъ такъ и не отчетливымъ, подразумѣваемъ не самый тотъ видъ содер-

[1]) *Mill.* Syst, ef Log. 1. 262; р. пер. 1. 262.

жанія, какой фактически данъ въ представленіи, а тотъ видъ его, въ какомъ оно явилось бы намъ, когда бы оно ощущалось, т. е. когда оно было бы дано въ воспріятіи. Хотя при простомъ моемъ представленіи звука ничто не звучитъ, и при простомъ представленіи запаха ничто не пахнетъ, но, представляя предметъ звучащимъ или имѣющимъ запахъ, я приписываю ему не нѣчто беззвучное или лишенное запаха, а тотъ звукъ или запахъ, которые были бы даны мнѣ непосредственно, когда я испытывалъ бы соотвѣтствующія ощущенія; и при наблюденіяхъ подобнаго рода надъ представленіемъ, оно берется въ неразрывной слитности съ этимъ своимъ толкованіемъ, или, лучше сказать, подъ представленіемъ и разумѣется тогда именно истолкованное содержаніе его. А въ этомъ истолкованіи мы обыкновенно не ошибаемся. Однако въ представленіяхъ, которыя приближаются къ простымъ знакамъ ощущеній, повидимому, все же скрадываются, не получаютъ соотвѣтственнаго или по крайней мѣрѣ рельефнаго обозначенія, а, слѣдовательно, и не могутъ получить точнаго истолкованія болѣе тонкіе оттѣнки содержанія. Если никто не лишенъ способности различать въ представленіи не только запахи отъ цвѣтовъ или звуковъ, но и различные цвѣта или звуки другъ отъ друга и иногда съ очень большою точностію, все же, какъ кажется, нельзя отрицать, что при этого рода представленіяхъ обозначаемая реальность, за исключеніемъ развѣ особыхъ чрезвычайныхъ случаевъ, указывается для мысли, а, слѣдовательно, и можетъ быть истолкована только болѣе обще, менѣе опредѣленно, чѣмъ указывается она геометрическими представленіями, содержащими копію представляемаго, не отличающуюся отъ дѣйствительности.

Но Милль хочетъ имѣть болѣе. Онъ утверждаетъ, что воображаемые геометрическіе рисунки могутъ быть предметами геометрическихъ наблюденій, не хуже изображаемыхъ ими дѣйствительныхъ предметовъ. А это уже никакъ не критическое преувеличеніе факта. Для точнаго наблюденія нужна не только отчетливость изображенія наблюдаемаго предмета. Для него нужны еще два условія, которыя есть при наблюденіи внѣшнихъ предметовъ и которыхъ не можетъ быть при наблюденіи надъ образами, создаваемыми воображеніемъ. Первые могутъ, во-первыхъ, сохранять устойчивость, не подвергаясь постояннымъ и неуслѣдимымъ измѣненіямъ съ такихъ сторонъ, которыя могутъ имѣть значеніе для результата наблюденія. А это даетъ возможность подвергать ихъ какому угодно тщательному и продолжительному разсмотрѣнію, даетъ возможность сосредоточивать вниманіе поочередно

на различныхъ частяхъ и подробностяхъ предмета безъ опасенія, что остальныя части измѣнятся. Ничего подобнаго не можетъ быть при конструкціяхъ только воображаемыхъ. Рѣшится ли кто-нибудь утверждать, что воображаемый имъ рисунокъ останется совсѣмъ безъ измѣненія на сколько-нибудь продолжительное время при переходахъ сосредоточеннаго вниманія съ однихъ частей его на другія? Возможно-ли это, когда даже и существовать въ нашемъ представленіи рисунокъ можетъ исключительно только благодаря постоянному порожденію его вновь и вновь усиліями воображенія, и когда каждый переходъ вниманія съ однихъ частей его на другія есть въ существѣ дѣла измѣненіе образа, ослабленіе рисунка до полнаго уничтоженія его въ не наблюдаемыхъ сейчасъ частяхъ и оживленіе въ наблюдаемыхъ? Только наше живое убѣжденіе въ томъ, что наша творческая сила при постоянныхъ подновленіяхъ рисунка руководится стремленіемъ сохранить по возможности одинаковый составъ образа, иллюзорно принимается нами за совершенную неизмѣняемость образа при его наблюденіи. Но стремленіе сохранить совершенную одинаковость образа по его составу еще не гарантируетъ дѣйствительной совершенной одинаковости его даже и по составу. Второе еще болѣе важное преимущество данныхъ въ воспріятіи предметовъ состоитъ въ возможности примѣнять какія угодно искусственныя средства и приспособленія какъ при выборѣ или самостоятельномъ построеніи чертежа, наиболѣе точно соотвѣтствующаго нужнымъ намъ условіямъ, такъ и при наблюденіи въ немъ тѣхъ свойствъ, въ существованіи которыхъ мы хотимъ убѣдиться. Въ отношеніи къ воображаемымъ рисункамъ нѣтъ смысла говорить о чемъ-нибудь подобномъ. А, между тѣмъ, если доказательство аксіомъ на образахъ воображенія должно основываться дѣйствительно на наблюденіи, а не казаться только основаннымъ на наблюденіи, то все это можетъ отъ него потребоваться такъ же, какъ и отъ всякаго доказательства, основаннаго на наблюденіи.

Это ошибка думать, что наблюденія, которыя могли бы доказывать аксіому такъ же, какъ доказываются наблюденіями другіе законы, могутъ быть наблюденіями „съ перваго взгляда“. Никто изъ вникавшихъ въ дѣло серьезно, конечно, не скажетъ, что, напримѣръ, аксіому параллелей можно достаточно точно доказать наблюденіемъ, приводя исключительно примѣры такихъ конструкцій, въ которыхъ двѣ прямыя, пересѣкающіяся третьей, были бы очень наклонны одна къ другой и притомъ еще пересѣкались съ третьей на очень близкомъ разстояніи одна отъ другой. Такіе случаи такъ часты въ на-

шемъ наблюденіи и такъ удобны для точной установки наблюдаемаго результата и всякаго рода провѣрокъ, что не трудно усмотрѣть примѣненіе къ нимъ аксіомы и съ перваго взгляда. Но зато, если все доказательство аксіомы должно сводиться исключительно къ наблюденію, разсмотрѣніе однихъ такихъ случаевъ оставляетъ широкое мѣсто вопросу, не зависитъ ли результатъ, который получается при нихъ, отъ того, что разстояніе между двумя прямыми, которыя пересѣкаются третьей, берется недостаточно значительное, а сумма внутреннихъ угловъ, образуемыхъ ими съ сѣкущей, на слишкомъ замѣтную величину менѣе двухъ прямыхъ угловъ. Поэтому конструкціи, соотвѣтствующія аксіомѣ, должны, конечно, считаться тѣмъ цѣннѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ отдаленнѣе одна отъ другой будутъ точки пересѣченія двухъ прямыхъ третьей, и чѣмъ болѣе сумма внутреннихъ угловъ, образуемыхъ этимъ пересѣченіемъ, приближается къ двумъ прямымъ. Но развѣ мы можемъ въ воображеніи, при построеніи двухъ угловъ на двухъ очень отдаленныхъ точкахъ сѣкущей, точно опредѣлять ихъ сумму для того, чтобы увѣриться въ разницѣ ея отъ суммы двухъ прямыхъ угловъ, когда эта разница очень ничтожна, и развѣ это можемъ мы въ воображеніи совершать съ тою же достовѣрностію, съ какою мы можемъ сдѣлать это съ помощію искусственныхъ приспособленій въ воспріятіи? И развѣ мы можемъ съ увѣренностію утверждать, что въ процессѣ построенія и созерцанія такой конструкціи въ воображеніи не являются такія незамѣтныя для насъ уклоненія отъ прямизны линій, отъ принятой величины угловъ, которыя способны понижать цѣнность и даже достовѣрность результата и которыхъ мы можемъ легко избѣжать въ воспріятіи уже вслѣдствіе устойчивости предметовъ воспріятія, а также вслѣдствіе широкой возможности примѣненія здѣсь какихъ угодно искусственныхъ приспособленій? Конечно, я не то хочу сказать, что въ воспріятіи возможна во всѣхъ этихъ отношеніяхъ безусловная точность, а лишь то, что эта точность во всякомъ случаѣ не сличима съ точностію наблюденія въ воображеніи.

Въ первой половинѣ вышеприведенной цитаты изъ Милля идетъ рѣчь о сторонѣ дѣла наиболѣе для насъ существенной, о правѣ переносить выводы изъ наблюденія надъ воображаемыми рисунками на фактическую дѣйствительность. Собственно въ ней только утверждается, что отчетливость воображаемыхъ рисунковъ, равная дѣйствительности, даетъ намъ возможность создавать въ воображеніи рисунки, не менѣе сходные съ дѣйствительностію, чѣмъ рисунки на бумагѣ; но

прямо не говорится, въ чемъ именно состоитъ значеніе этого сходства. Однако, тотчасъ за сдѣланной выпиской это значеніе разъясняется. „При всѣхъ системахъ экспериментаціи, говоритъ Милль, мы беремъ нѣкоторые предметы для того, чтобы они служили представителями всѣхъ сходныхъ съ ними; а въ настоящемъ случаѣ условія, которыя дѣлаютъ реальный предметъ способнымъ быть представителемъ класса, оказываются вполнѣ выполненными предметомъ, существующимъ исключительно въ нашемъ воображеніи“ [1]). Ясно, что зависящее отъ отчетливости сходство геометрическихъ воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными важно въ глазахъ Милля въ томъ отношеніи, что, по его мнѣнію, оно даетъ намъ право замѣнять этими воображаемыми рисунками дѣйствительные предметы въ той индукціи, въ которой собранные и подвергающіеся наблюденію экземпляры должны являться представителями цѣлаго класса.

Но какимъ образомъ это право могло бы основываться на томъ сходствѣ воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными, которое предполагается отчетливостію геометрическихъ представленій? Построяя въ воображеніи рисунки, соотвѣтствующіе понятію, характеризующему субъектъ той или другой геометрической аксіомы, я, вслѣдствіе „отчетливости геометрическихъ образовъ, равной дѣйствительности“, могу быть увѣренъ, что если бы я по этимъ рисункамъ сдѣлалъ рисунки въ дѣйствительномъ мірѣ, или если бы нашлись въ этомъ мірѣ предметы, которые въ моей мысли могли бы быть обозначены этими рисунками, то мои воображаемые рисунки, по геометрической сторонѣ своей, оказались бы вполнѣ сходными съ этими дѣйствительными предметами. Но индукція, которая даетъ положенію достовѣрность и примѣняется къ доказательству высшихъ посылокъ знанія, по ученію Милля, никакъ не состоитъ въ наблюденіи какого угодно собранія предметовъ, относящихся къ извѣстному классу, т. е. подходящихъ подъ понятіе, характеризующее субъектъ этого положенія. Онъ самъ, какъ мы видѣли, учитъ, что подобная индукція, подобно ассоціаціямъ, была бы плохимъ доказательствомъ закона природы. Для достовѣрной индукціи, по его же ученію, требуется не то только, чтобы брались предметы, относящіеся къ извѣстному классу, и всѣ они оказывались имѣющими извѣстное свойство; для нея требуется, чтобы они были даны на всякомъ мѣстѣ, во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ, т.-е. чтобы они были даны при всѣхъ

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I. 262; р. пер. I. 263.

возможныхъ разнообразныхъ условіяхъ и всегда оказывались имѣющими это свойство. Только эта данность предметовъ, подвергающихся наблюденію, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ отличаетъ достовѣрную индукцію отъ погрѣшительной; только она можетъ обезпечивать право признать постоянно наблюдаемое у нихъ свойство за свойство цѣлаго класса, т.-е. всѣхъ предметовъ, подходящихъ подъ то же понятіе, какъ и они. Предположимъ же теперь, что то сходство геометрическихъ воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными, которое предполагается отчетливостію геометрическихъ представленій, совсѣмъ сравниваетъ ихъ съ дѣйствительными геометрическими предметами. Но что же, спрашивается, дастъ намъ право признать, что то свойство, которое мы постоянно наблюдали бы въ рисункахъ извѣстнаго класса, построенныхъ въ нашемъ воображеніи, есть постоянное свойство всѣхъ реальныхъ предметовъ этого класса? Что здѣсь въ области воображенія будетъ отвѣчать той чертѣ достовѣрной индукціи, по которой экземпляры, изслѣдованные ею, должны быть даны при всевозможныхъ условіяхъ и которая считается необходимой для индукціи достовѣрной? Отвѣчать этой чертѣ въ области воображенія могли бы развѣ только наши попытки всевозможнымъ образомъ модифицировать воображаемые рисунки, исчерпать по возможности всѣ способы составленія ихъ воображеніемъ для того, чтобы убѣдиться, что при всяческихъ усиліяхъ воображенія разнообразить ихъ извѣстное наблюдаемое въ нихъ свойство неизмѣнно остается при нихъ. Но убѣдиться въ этомъ, это значитъ убѣдиться въ томъ, что связь между опредѣленными классовыми свойствами и какимъ либо особымъ наблюдаемымъ у предметовъ этого класса свойствомъ въ нашемъ воображеніи не разрывна, т.-е. что фигура, противорѣчащая доказываемому такимъ способомъ положенію, для насъ совершенно не мыслима. И если теперь это убѣжденіе въ немыслимости противорѣчащаго сужденію образа оказывается неообходимымъ для того, чтобы мы получили право перенести наблюдаемое свойство съ воображаемыхъ рисунковъ на цѣлый классъ соотвѣтствующихъ дѣйствительныхъ предметовъ, то это будетъ означать, что по крайней мѣрѣ здѣсь, въ области геометрической (и вообще математической) признается право немыслимостію опредѣленныхъ сочетаній пользоваться, какъ доказательствомъ невозможности ихъ въ реальномъ мірѣ. Какимъ же образомъ можно будетъ съ этимъ согласить тотъ фактъ, что Милль ведетъ энергическую полемику противъ научнаго значенія ссылокъ на немыслимость исключеній изъ сужденія прямо по поводу признанія достовѣрности геометрическихъ аксіомъ

и въ примѣненіи къ этой достовѣрности? Ясно, что эта полемика, по крайней мѣрѣ въ ея непосредственномъ примѣненіи къ геометрическимъ аксіомамъ, есть чистое недоразумѣніе, происшедшее отъ того, что Милль, увѣрившись въ возможности достигать въ геометрической области достовѣрнаго знанія чрезъ наблюденіе надъ образами воображенія, не уяснилъ себѣ, что этотъ путь убѣжденія предполагаетъ достовѣрность тѣхъ неразрывныхъ связей между представленіями, за которыми онъ отрицаетъ всякое научное значеніе.

Оставляя въ сторонѣ полемику Милля прямо противъ научнаго значенія немыслимости въ геометрической области, мы можемъ спросить, не могло ли признаніе научнаго значенія неразрывной связи геометрическихъ представленій, оказывающееся необходимымъ для Миллева разъясненія законности убѣжденія въ аксіомахъ на представленіяхъ, разсматриваться какъ совершенно особый случай, который можетъ быть оправданъ своими особыми основаніями и не ведетъ по крайней мѣрѣ къ признанію научнаго значенія немыслимости вообще? Но какія же основанія мы могли бы извлечь для этого изъ разсужденій Милля по поводу этого особаго случая?

Разъясняя право замѣнять въ индукціи, доказывающей геометрическія аксіомы, дѣйствительные предметы воображаемыми рисунками, Милль, какъ мы видѣли, ссылается на особое сходство послѣднихъ съ первыми, зависящее отъ отчетливости геометрическихъ представленій. Но это сходство не можетъ быть, конечно, растолковано Миллемъ, какъ ассоціанистомъ, въ смыслѣ необходимости для образа подчиняться и тѣмъ же законамъ, какимъ подчинены дѣйствительныя геометрическія реальности. Представленія геометрическія, подобно всѣмъ другимъ представленіямъ, сами по себѣ, т.-е. по самому своему содержанію, не имѣютъ у него никакихъ тенденцій соединяться одно съ другимъ такъ или иначе; ихъ связи, какихъ бы степеней неразрывности они ни достигали, подобно связямъ между всѣми другими представленіями, суть простой результатъ встрѣчи ихъ въ сознаніи и ассоціацій, совершающихся опять по тѣмъ же законамъ, которымъ подчинено соединеніе всѣхъ другихъ представленій. Такимъ образомъ, такихъ основаній для довѣрія неразрывнымъ сочетаніямъ геометрическихъ представленій, которыя предполагали бы особое, не ассоціативное происхожденіе этихъ сочетаній, здѣсь быть не можетъ.

У Милля, при разъясненіи процесса убѣжденія въ аксіомахъ на представленіяхъ, встрѣчается такая мысль, которая даже и въ томъ случаѣ, если предполагаются одинаковые законы происхожденія всѣхъ

связей представленій, можетъ, повидимому, оправдывать особое довѣріе къ связямъ между представленіями одного рода, напримѣръ, геометрическими, сравнительно съ связями между другими представленіями.

Милль отрицаетъ право ссылаться на немыслимость исключеній изъ сужденія на основаніи отрицательныхъ инстанцій, на основаніи примѣровъ, которые, по его мнѣнію, доказываютъ, что немыслимость, будучи случайнымъ явленіемъ, можетъ не совпадать съ реальною невозможностью тѣхъ соединеній, которыя оказываются немыслимыми. Но, это, конечно, не препятствуетъ ему признавать, что нѣкоторыя изъ немыслимыхъ соединеній и даже очень многія изъ нихъ, и между ними геометрическія, могутъ совпадать съ случаями, противорѣчащими законамъ соединеній реальностей. Ничто не препятствовало ему и поставить вопросъ, не благопріятствуетъ ли особая отчетливость геометрическихъ представленій тому, чтобы въ геометрической области достигали совершенной неразрывности лишь такія соединенія представленій, которыя точно соотвѣтствуютъ геометрической законосообразности въ бытіи. Для философа, держащагося эмпирической теоріи знанія, этотъ вопросъ могъ, конечно, быть рѣшенъ только опытомъ. И если геометрическія невообразимости дѣйствительно фактически соотвѣтствуютъ реальнымъ невозможностямъ, то почему это не могло бы быть установлено опытомъ? То право замѣнять въ индукціи дѣйствительные предметы воображаемыми, которое, какъ мы видѣли, Милль выводилъ изъ сходства воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными, всего черезъ нѣсколько строкъ послѣ выписанной цитаты, онъ хочетъ дѣйствительно обосновать на опытѣ. „Мы не были бы уполномочены, говоритъ онъ, замѣнять наблюденіями надъ образами въ нашемъ умѣ наблюденіе надъ дѣйствительностію, если бы долговременный опытъ не научилъ насъ, что свойства дѣйствительныхъ предметовъ вѣрно представляются въ образѣ; такимъ же образомъ мы съ научной стороны правы, описывая животное, которое никогда не видали, по его дагерротипному изображенію, но не ранѣе, чѣмъ когда обширный опытъ научилъ насъ, что наблюденіе надъ такимъ изображеніемъ совершенно равносильно съ наблюденіемъ надъ оригиналомъ“ [1]).

Но отчего бы неразрывныя связи между представленіями и въ области другихъ представленій, не математическихъ, не могли бы оказаться соотвѣтствующими законамъ реальностей? И отчего бы опыт-

[1]) *Mill.* Syst. of Log. 1. 263; р. пер. 1. 263.

нымъ путемъ мы не могли убѣждаться въ этомъ? Указывая случаи неразрывныхъ соединеній, самъ Милль ставитъ между ними, напримѣръ, и невозможность для насъ представить какое либо тѣло одновременно и все бѣлымъ и все чернымъ [1]), и несомнѣнно, что по его взгляду эта невообразимость соотвѣтствуетъ реальной невозможности. А эта невообразимость касается совсѣмъ не математическихъ представленій и, конечно, знаніе о соотвѣтствіи ея съ реальною невозможностію Милль, согласно съ своими общими взглядами, также могъ объяснять только изъ опыта. Слѣдовательно, при такомъ объясненіи не было бы права говорить объ особой отчетливости геометрическихъ (и вообще математическихъ) представленій, какъ исключительномъ условіи, дающемъ право научно пользоваться неразрывными связями представленій.

Но сущность дѣла не въ этомъ. Сущность дѣла въ томъ, что если принять, что право доказывать аксіомы чрезъ наблюденіе надъ воображаемыми рисунками должно быть само доказано опытомъ, то оно окажется правомъ, не имѣющимъ никакого смысла, внутреннимъ противорѣчіемъ. Чтобы опытно убѣдиться въ томъ, что неразрывныя геометрическія ассоціаціи соотвѣтствуютъ законамъ геометрическихъ реальностей, для этого нужно сличить эти неразрывныя ассоціаціи съ этими законами. А для того, чтобы имѣть возможность сличить ихъ другъ съ другомъ, предварительно, конечно, нужно опытнымъ путемъ установить тѣ и другіе. Но зачѣмъ послѣ этого мы стали бы уже установленные геометрическіе законы еще разъ устанавливать съ помощію индукціи надъ воображаемыми рисунками? И какую силу могло бы имѣть это новое доказательство ихъ, когда оно предполагаетъ ихъ точную установку для того, чтобы само могло состояться, и когда, слѣдовательно, оно само опирается на принятой уже достовѣрности этой установки?

Кто-нибудь можетъ подумать, что для эмпиризма не трудно избѣжать этого противорѣчія. Вѣдь соотвѣтствіе между неразрывными геометрическими ассоціаціями и соотвѣтствующими геометрическими законами можно, повидимому, доказывать, не имѣя непосредственно дѣла съ геометрическими аксіомами и ассоціаціями, имъ соотвѣтствующими; для этого нужно только установить соотвѣтствіе очень многихъ другихъ неразрывныхъ геометрическихъ ассоціацій другимъ геометрическимъ законамъ и изъ этихъ хорошо установленныхъ многочислен-

---

[1]) *Mill.* Exam. of Ham. Phil. 67.

ныхъ случаевъ соотвѣтствія геометрическихъ неразрывныхъ ассоціацій геометрическимъ законамъ вывести индуктивнымъ путемъ общую мысль о соотвѣтствіи вообще въ геометрической области неразрывныхъ ассоціацій законамъ; и такимъ образомъ получится право безъ противорѣчія себѣ доказывать геометрическія аксіомы индукціей надъ воображаемыми рисунками. Однако, такой путь совсѣмъ не приложимъ къ доказательству геометрическихъ аксіомъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, когда ставится вопросъ о геометрическихъ аксіомахъ, ставится вопросъ объ основаніяхъ убѣжденія въ послѣднихъ посылкахъ геометрическаго знанія, отъ которыхъ зависитъ убѣжденіе во всѣхъ другихъ геометрическихъ истинахъ, доказываемыхъ съ ихъ помощію. А при описанномъ сейчасъ способѣ убѣжденія въ аксіомахъ, прямо наоборотъ, признаніе ихъ истинности оказалось бы зависимымъ отъ признанія истинности другихъ геометрическихъ законовъ, которые такимъ образомъ превратились бы въ аксіомы; и вопросъ объ основаніяхъ истинности нѣсколькихъ аксіомъ только смѣнился бы въ этомъ случаѣ вопросомъ объ основаніяхъ истинности огромнаго числа тѣхъ положеній, которыя оказались бы необходимыми для ихъ доказательства. Во-вторыхъ, эти многіе другіе законы, которые необходимо было бы установить ранѣе обоснованія аксіомъ, по большей части не отличаются своею очевидностію, подобно аксіомамъ. А это значитъ, что, хотя бы связи между представленіями, входящими въ нихъ, и были неразрывны, все же намъ нельзя убѣждаться въ этой неразрывности непосредственно. Для того, чтобы съ помощію простого наблюденія установить, напримѣръ, равенство суммы угловъ треугольника двумъ прямымъ угламъ или равенство квадратовъ катетовъ прямоугольнаго треугольника квадрату гипотенузы или равенство площади двухъ треугольниковъ, имѣющихъ одинаковыя основанія и высоты,— для этого потребовались бы такіе пріемы и приспособленія, которые совсѣмъ не примѣнимы къ области воображенія. Если же мы не можемъ непосредственно убѣждаться въ неразрывности въ нашемъ воображеніи связей между представленіями, соотвѣтствующихъ большинству геометрическихъ законовъ, то, конечно, не можемъ индуктивно устанавливать и соотвѣтствіе между такими связями и геометрическими законами.

Въ выписанной цитатѣ Милль сравниваетъ возможность для насъ опытно убѣждаться въ правѣ пользоваться, при доказательствѣ аксіомъ воображаемыми рисунками съ возможностью опытно убѣждаться въ правѣ судить о животномъ по его дагерротипному изображенію. Сра-

вненіе остроумно; но, если въ немъ дѣло идетъ дѣйствительно о воображаемыхъ рисункахъ, то оно къ дѣлу не подходитъ. Дагерротипное изображеніе имѣетъ въ единичномъ предметѣ свой оригиналъ, который служитъ условіемъ возникновенія этого именно изображенія, и вопросъ о сходствѣ дагерротипныхъ изображеній съ дѣйствительностію есть вопросъ о сходствѣ каждаго такого изображенія съ тѣмъ единичнымъ предметомъ, который служитъ его оригиналомъ. Создаваемые воображеніемъ геометрическіе рисунки не предполагаютъ каждый свой особый оригиналъ, который бы служилъ условіемъ этого именно рисунка, и тотъ вопросъ о сходствѣ этихъ рисунковъ съ дѣйствительностію, рѣшеніе котораго давало бы право переносить наблюдаемое въ этихъ рисункахъ свойство на весь соотвѣтствующій классъ реальныхъ предметовъ, есть, какъ мы видѣли, совсѣмъ не вопросъ о сходствѣ каждаго такого рисунка съ какимъ-нибудь реальнымъ предметомъ, а вопросъ о сходствѣ неразрывныхъ связей, которыя обнаружились бы одинаково во всѣхъ воображаемыхъ рисункахъ съ законосообразными связями бытія. И къ опытному рѣшенію этого вопроса приступить нельзя, предварительно не установивъ тѣхъ законосообразныхъ связей въ бытіи, которыя должны быть сравнены съ неразрывными связями соотвѣтствующихъ представленій. Я не говорю уже о томъ, что сходство дагерротипныхъ изображеній съ ихъ оригиналами устанавливается экспериментальнымъ путемъ, который, по теоріи Милля, совсѣмъ не приложимъ къ доказательству послѣднихъ посылокъ знанія.

Выше мы видѣли, что индукція надъ воображаемыми геометрическими рисунками, которая по теоріи Милля достовѣрно убѣждала бы въ аксіомахъ, была бы возможна лишь въ томъ случаѣ, если бы допущена была законность вѣры въ соотвѣтствіе неразрывной связи геометрическихъ представленій геометрической законосообразности въ бытіи. А теперь мы видимъ, что Милль не можетъ указать никакихъ особыхъ основаній для того, чтобы сдѣлать въ области геометрическихъ (и вообще математическихъ) представленій исключеніе изъ общаго своего положенія о неправомѣрности этой вѣры. Отсюда слѣдуетъ, что Миллево признаніе возможности убѣждаться въ аксіомахъ на созерцаніи простыхъ образовъ можетъ быть связано съ его общими эмпиристическими и ассоціанистическими убѣжденіями лишь въ томъ случаѣ, если признать простымъ недоразумѣніемъ полемику его противъ научнаго значенія не только геометрической невообразимости, но и невообразимости вообще.

Въ примѣчаніи къ тому параграфу своей логики, въ которомъ изложенъ сейчасъ разобранный взглядъ, Милль, оспаривая различныя возраженія, высказывавшіяся противъ этого взгляда, придаетъ ему, повидимому, такое толкованіе, при которомъ все сказанное мною выше теряетъ всякое значеніе. Здѣсь для обозначенія тѣхъ образовъ, на которыхъ должны доказываться аксіомы, вмѣсто терминовъ „представленіе“, „воображеніе“, является терминъ „воспоминаніе“ (recollection), и все примѣчаніе заканчивается такими замѣчательными словами: „истина въ томъ, что мы можемъ изучать природу и постоянно изучаемъ ее по нашимъ воспоминаніямъ, когда сами предметы отсутствуютъ, и что относительно геометрическихъ формъ мы можемъ полагаться на наши воспоминанія вполнѣ, а въ большинствѣ другихъ случаевъ только несовершенно“ [1]).

Если взять воспоминаніе въ его обычномъ пониманіи и провести эту мысль Милля во всей послѣдовательности, то, конечно, придется принять предполагаемый Миллемъ индуктивный процессъ надъ воображаемыми рисунками за процессъ припоминанія требуемыхъ его достовѣрной индукціей наблюденій надъ дѣйствительными предметами.

Само собою понятно, что при такомъ процессѣ мы могли бы не нуждаться ни въ какой вѣрѣ въ соотвѣтствіе неразрывныхъ связей нашихъ представленій съ законосообразными связями реальностей; намъ даже могло бы не быть никакого дѣла вообще до неразрывныхъ связей представленій. Вѣдь въ подобномъ процессѣ припоминанія результатовъ наблюденій надъ дѣйствительными предметами перенесеніе постоянно наблюдавшагося у воспоминаемыхъ предметовъ свойства на весь классъ этихъ предметовъ могло бы оправдываться прямо тѣмъ же, чѣмъ оно оправдывается въ достовѣрной миллевой индукціи, т. е. тѣмъ, что воспоминаемые теперь предметы при самомъ наблюденіи ихъ въ воспріятіи даны были при всякихъ возможныхъ условіяхъ. Но совершенно очевидно, что не о подобныхъ процессахъ припоминанія результатовъ прежнихъ наблюденій идетъ рѣчь у Милля. Такія припоминанія не только совершенно законно занимаютъ мѣсто во всякой индукціи, но почти изъ нихъ однихъ и состоитъ и можетъ только состоять та индукція простѣйшей формы, которой, по Миллю, должны доказываться всѣ послѣднія посылки знанія. Никогда не было и никогда быть не можетъ, чтобы при индукціи черезъ простое перечисленіе всѣ случаи, нужные для подтвер-

[1]) *Mill.* Syst. of Log. 1, 264; р. пер. 1, 265.

женія общей истины, могли быть даны фактически въ одномъ актѣ воспріятія. Наблюденія надъ безчисленнымъ множествомъ предметовъ всегда могутъ свидѣтельствоваться только памятью и воспоминаніемъ. И это приложимо не только къ доказательствамъ по этому методу и не только даже къ доказательствамъ по всякому методу, требующему ряда фактовъ, но даже и къ такому, которое требовало бы, положимъ, единичнаго эксперимента. Вѣдь не долженъ же ученый всю свою жизнь ежеминутно совершать этотъ экспериментъ для того, чтобы въ какую угодно минуту имѣть возможность выразить законную увѣренность въ истинѣ, доказываемой съ его помощію. Для него простое твердое сознаніе, что нужный экспериментъ былъ сдѣланъ и результатъ былъ точно наблюдаемъ, конечно, совершенно достаточно для того, чтобы считать научно обоснованнымъ положеніе, вытекающее изъ него. А поэтому не убѣжденіе только въ геометрическихъ (и вообще математическихъ) аксіомахъ, предполагающихъ отчетливыя представленія, но убѣжденіе въ какихъ угодно истинахъ, какія бы представленія, отчетливыя или неотчетливыя, въ нихъ ни входили, и о какой-бы связи они ни говорили, „существующей ли въ данное мгновеніе и на первый взглядъ“ или предполагающей „не доступное рисункамъ дѣйствіе тѣлъ другъ на друга“, всегда неизбѣжно основывается на ранѣе наблюдавшихся и теперь только воспоминаемыхъ фактахъ. И объяснять процессъ убѣжденія въ аксіомахъ, совершающійся на представленіяхъ, этого рода воспоминаніями—это значило бы весь процессъ установки и даже не только всѣхъ высшихъ посылокъ знанія, но и вообще всего знанія, насколько оно выходитъ за предѣлы даннаго въ настоящій моментъ воспріятія, свести на процессъ усмотрѣнія истины на простыхъ образахъ. А отрицаніе надлежащей точности и обще-научнаго значенія у процессовъ такого рода всюду, кромѣ математики, должно повести къ отрицанію дѣйствительнаго знанія во всѣхъ наукахъ, кромѣ математики, какъ это было у Юма, въ прямое противорѣчіе съ тѣмъ признаніемъ достовѣрности научнаго знанія, которое отличаетъ представителей новаго эмпиризма.

Что же Милль разумѣлъ и могъ разумѣть подъ воспоминаніями, когда обозначалъ этимъ терминомъ въ примѣчаніи то, что въ текстѣ логики называлъ воображаемыми рисунками?

Въ томъ же примѣчаніи высказывая ту мысль, что воспоминанія о цвѣтахъ или запахахъ могутъ также стать въ особыхъ частныхъ случаяхъ предметомъ опыта, Милль для поясненія говоритъ, что лицо, которое видѣло два голубыхъ цвѣтка порознь и не сравнивало

ихъ, могло бы (если бы впечатлѣнія его были живы и отчетливы) впослѣдствіи дать точный отвѣтъ на вопросъ, какой изъ цвѣтковъ имѣлъ болѣе темный оттѣнокъ. Не дается ли этимъ понять, что дѣло идетъ о такихъ случаяхъ воспоминанія, когда съ помощію воспоминанія устанавливается такая особенность предмета, бывшаго въ воспріятіи, которая не была прямо констатирована сознаніемъ во время наблюденія предмета при самомъ его воспріятіи и которая удостовѣряется для сознанія впервые чрезъ созерцаніе образа воспоминаемаго предмета? Но и такое предположеніе совершенно не допустимо.

Отожествленіе воображаемыхъ рисунковъ съ воспоминаніями, понимаемыми въ этомъ смыслѣ, могло бы избавлять отъ затрудненій взглядъ Милля на процессъ убѣжденія въ аксіомахъ на образахъ лишь въ томъ случаѣ, когда бы предполагалось, что какъ скоро въ воспоминаемомъ образѣ предмета созерцается нами то свойство, отношеніе котораго къ этому предмету мы хотимъ установить, тотчасъ пробуждается воспоминаніе, что это свойство существовало въ предметѣ и при воспріятіи его нами, и на основаніи этого пробудившагося воспоминанія мы и приписываемъ предмету это свойство. Предположимъ, наоборотъ, что о свойствѣ, созерцаемомъ нами въ воспоминаемомъ образѣ предмета, воспоминаніе опредѣленно не говоритъ намъ, что оно существовало при его воспріятіи, и мы приписываемъ его предмету исключительно потому, что оно невольно возникаетъ въ его образѣ, даже неотдѣлимо отъ этого образа. О чемъ же этотъ фактъ могъ бы свидѣтельствовать, когда онъ повторился бы и при созерцаніи также воспоминаемыхъ образовъ безчисленныхъ другихъ предметовъ того же класса, которые предполагаются индукціей? Конечно, для ассоціониста онъ могъ бы свидѣтельствовать только о томъ, что ассоціація этого свойства съ классовыми свойствами всѣхъ этихъ предметовъ настолько сильна, что представленіе этого свойства неизбѣжно входитъ въ представленіе каждаго предмета этого класса. Вѣдь все равно, имѣли ли бы всѣ до одного предметы этого класса это свойство или встрѣчались бы исключенія изъ этого правила, образы этихъ предметовъ, во всякомъ случаѣ должны бы были, по Миллю, оказаться съ этимъ свойствомъ, какъ скоро ассоціація не разрывна. Что же въ такомъ случаѣ будетъ доказывать индукція, совершающаяся съ помощью этихъ образовъ, если она не основывается на вѣрѣ, что неразрывная ассоціація между извѣстными представленіями есть доказательство законосообразной связи между соотвѣтствующими реальностями?

Съ другой стороны, предположить, что по мнѣнію Милля въ этой индукціи созерцаемое въ образахъ опредѣленное свойство соединяется съ воспоминаніемъ о существованіи его въ каждомъ изъ воспоминаемыхъ предметовъ, и на этомъ именно воспоминаніи и основывается приписаніе нами этого свойства этимъ предметамъ, также совершенно не возможно. Можно сомнѣваться, чтобы Милль счелъ возможнымъ такими случайными воспоминаніями наполнить индуктивный процессъ, который долженъ изобиловать предметами, относящимися ко всякому мѣсту и времени и ко всякимъ условіямъ. Притомъ же тотъ процессъ убѣжденія въ аксіомахъ на созерцаніи простыхъ образовъ, на который ссылались защитники чисто умозрительнаго убѣжденія въ аксіомахъ, былъ процессомъ убѣжденія на образахъ, никакъ не воспоминаемыхъ, а въ собственномъ смыслѣ воображаемыхъ. И Милль, конечно, хорошо понимаетъ это и въ этомъ именно смыслѣ излагаетъ ихъ взглядъ съ цѣлью противопоставить ему собственное разъясненіе этого процесса. И изложивъ этотъ взглядъ, Милль не говоритъ ни того, что защитники умозрительнаго убѣжденія въ аксіомахъ ошибочно описываютъ этотъ процессъ, какъ процессъ, совершающійся надъ рисунками, въ собственномъ смыслѣ воображаемыми, а не воспоминаемыми, ни того, что описываемый ими процессъ надъ воображаемыми рисунками не можетъ давать достовѣрнаго знанія, которое требуетъ не воображаемыхъ рисунковъ, а воспоминаній. Милль просто берется, не предполагая умозрительнаго знанія, исключительно изъ особой отчетливости геометрическихъ представленій объяснить возможность и достовѣрность этого самого процесса, на который ссылались защитники умозрительнаго характера геометрическаго знанія. Развѣ могъ бы онъ такъ ставить дѣло, если бы предполагалъ, что созерцаемыя на рисункахъ свойства должны быть прикрѣплены къ предметамъ прямыми воспоминаніями о фактахъ воспріятія,—воспоминаніями, для которыхъ совсѣмъ не было мѣста въ процессахъ, о которыхъ говорили его противники? Сущность процесса Милль разъясняетъ, какъ наблюденіе надъ воображаемыми рисунками, какъ такіе опыты надъ ними, „которые единственно состоятъ во внимательномъ ихъ созерцаніи“, какъ „единственно въ мысли совершающійся процессъ надъ образами безъ дѣйствительнаго воспріятія“ предметовъ. Развѣ можно было такъ характеризовать процессъ, если предполагалось, что созерцаемое на образахъ приписывается предметамъ исключительно въ силу ссылки памяти на предшествующія воспріятія, что эта ссылка играетъ самую существенную роль во

всемъ процессѣ? Своимъ разъясненіемъ процесса, по его собственнымъ словамъ, Милль хочетъ доказать, что вслѣдствіе отчетливости геометрическихъ образовъ и происходящаго отсюда сходства ихъ съ дѣйствительными геометрическими реальностями мы „по воображаемымъ линіямъ можемъ судить о дѣйствительныхъ съ тою же достовѣрностью, какъ по одной дѣйствительной линіи о другой“. Но ужели же можно предположить, что Милль думаетъ, что воспоминаніе о принадлежности извѣстнаго свойства извѣстному предмету, вызванное созерцаніемъ образа этого предмета, только благодаря отчетливости геометрическихъ представленій, можетъ давать право приписать это свойство этому предмету,— да притомъ еще давать право лишь въ той же степени, въ какой его давало бы разсмотрѣніе совсѣмъ другого дѣйствительнаго предмета, относящагося только къ тому же классу? Если бы дѣло шло объ отнесеніи къ предметамъ такихъ свойствъ, о существованіи которыхъ въ предметахъ свидѣтельствуетъ воспоминаніе, тогда Милль могъ бы сравнивать достовѣрность этого отнесенія только съ достовѣрностію воспріятій тѣхъ же самыхъ предметовъ, а никакъ не съ достовѣрностію выводовъ отъ однихъ предметовъ того же класса къ другимъ. Такимъ образомъ, мы опять приходимъ къ тому же вопросу: что же именно разумѣется Миллемъ подъ геометрическими воспоминаніями, которыя неожиданно являются въ его примѣчаніи?

Тотчасъ же за признаніемъ возможности въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ изучать даже запахи и цвѣта предметовъ по воспоминаніямъ, Милль въ томъ же примѣчаніи переходитъ къ вопросу о воспоминаніи геометрическихъ формъ. Онъ начинаетъ изложеніе своего взгляда по этому предмету замѣчаніемъ, что и эти воспоминанія у иныхъ людей сохраняются въ памяти очень не точно, напримѣръ, очертаніе различныхъ частей лица того или другого человѣка даже послѣ продолжительнаго знакомства съ нимъ. „Но, продолжаетъ онъ, каждый имѣетъ совершенно опредѣленный умственный образъ прямой линіи, круга или прямоугольника. И каждый съ увѣренностью заключаетъ отъ этихъ умственныхъ образовъ къ соотвѣтствующимъ внѣшнимъ вещамъ“. Указываемый въ этихъ словахъ процессъ, который и долженъ служить поясненіемъ для убѣжденія въ аксіомахъ, получаемаго чрезъ созерцаніе образовъ, ставится здѣсь Миллемъ въ одинъ рядъ съ описанными передъ нимъ случаями точныхъ и неточныхъ воспоминаній частныхъ единичныхъ предметовъ, но, тѣмъ не менѣе, оказывается очень отличнымъ отъ нихъ. Приписываніе внѣшнимъ предметамъ того, что созерцается въ образѣ, оказы-

вается здѣсь не припоминаніемъ того факта, что это созерцаемое свойство было фактически дано на единичныхъ предметахъ, опредѣленныхъ по мѣсту, времени и остальнымъ условіямъ, а характеризуется, какъ *заключеніе изъ совершенно опредѣленнаго для насъ образа того или другого общаго геометрическаго понятія*, напримѣръ, прямой линіи, круга и пр. Изъ этихъ словъ ясно, что и при этомъ обращеніи Милля къ воспоминаніямъ совершенно такъ же, какъ при разъясненіи того же процесса въ самомъ текстѣ логики, у Милля совсѣмъ не предносилась сколько-нибудь опредѣленная мысль объ обозрѣніи огромнаго числа единичныхъ предметовъ, различающихся по мѣсту, времени, обстоятельствамъ, какъ требуетъ того его научная индукція. Онъ просто смотритъ на „совершенно опредѣленные для насъ образы“ тѣхъ или другихъ геометрическихъ понятій, насколько они оказываются совершенно опредѣленными, т. е. насколько въ нихъ классовыя свойства оказываются неразрывно связанными съ нѣкоторыми другими свойствами, какъ на точныя копіи какихъ угодно реальныхъ предметовъ, подходящихъ подъ тѣ же понятія. И въ силу этого эти неразрывно связанныя съ общимъ понятіемъ свойства онъ разсматриваетъ какъ невольное воспоминаніе, которое не можетъ не быть приложимо къ какимъ угодно изъ воспринятыхъ прежде предметовъ, подходящихъ подъ соотвѣтствующее понятіе. Вслѣдствіе этого не только оказывается совершенно излишнимъ созерцаемое въ воспоминаемомъ образѣ свойство закрѣплять особымъ припоминаніемъ того, что это свойство существовало въ предметѣ при его воспріятіи, но оказывается совершенно излишнимъ и вообще отчетливое воспоминаніе единичныхъ случаевъ, требуемыхъ индукціею. Понятно, что процессъ, къ которому прилагается терминъ воспоминаніе, на самомъ дѣлѣ ничѣмъ инымъ и не можетъ быть какъ только „заключеніемъ изъ вполнѣ опредѣленныхъ для насъ образовъ“ тѣхъ или другихъ общихъ геометрическихъ понятій. Милль не замѣчаетъ, что описанный такъ процессъ ничего не имѣетъ общаго съ его индукціей, какъ методомъ доказательства общихъ истинъ, а его воспоминаніе, какъ примѣняется оно имъ къ этому процессу, есть на самомъ дѣлѣ простое проявленіе той неразрывной связи однихъ представленій съ другими, которое онъ призналъ результатомъ неимѣющей научнаго значенія ассоціаціи.

Не уяснивъ себѣ, что въ основаніи процесса усмотрѣнія истинности аксіомъ на представленіяхъ, лежитъ неразрывная связь представленій, Милль вынужденъ обращаться въ разныя стороны для его объясненія, то ссылаясь на особую отчетливость геометрическихъ

представленій, то ища въ долголѣтнемъ опытѣ удостовѣренія въ правѣ положиться на нихъ, то отожествляя ихъ съ воспоминаніями. Твердымъ остается у него одно: стоя самъ подъ очарованіемъ этого процесса, онъ не можетъ допустить мысли объ его недостовѣрности. Но этимъ онъ фактически, самъ того не замѣчая, беретъ назадъ всю свою полемику противъ научнаго значенія неразрывныхъ связей между представленіями.

С. Взглядъ Милля на процессъ убѣжденія въ истинахъ самоочевидныхъ.

Въ предшествующей главѣ мы разсматривали отношеніе Милля къ ученію Спенсера о немыслимости какъ основаніи нашего убѣжденія въ послѣднихъ посылкахъ знанія, и мы нашли, что Милль не имѣлъ права полемизировать противъ взгляда Спенсера по двумъ причинамъ, во-первыхъ, потому, что признаваемый имъ самимъ взглядъ на законный способъ убѣждаться въ аксіомахъ послѣдовательно долженъ вести и къ признанію законности того способа, на который указывалъ Спенсеръ, во-вторыхъ, потому, что онъ самъ, хотя и не замѣчая того, въ отношеніи къ важнѣйшему пункту спора, къ математическому знанію, въ прямое противорѣчіе своей полемикѣ со Спенсеромъ, утверждаетъ прямо то же, что утверждалъ Спенсеръ.

Теперь мы должны обратиться къ критическому анализу ученія самого Милля объ основаніяхъ нашего убѣжденія въ послѣднихъ посылкахъ знанія.

Послѣдовательное развитіе критической точки зрѣнія Милль видитъ въ томъ, чтобы отрицать всякое свидѣтельство о дѣйствительности кромѣ непосредственнаго свидѣтельства о ней ея же самой. Онъ хочетъ принимать за научно доказанное только то, что въ концѣ концовъ основывается на фактахъ воспріятія. Отсюда методомъ, которымъ должны доказываться послѣднія посылки знанія, по его ученію, можетъ быть только индукція простѣйшей формы какъ заключеніе отъ того или другого числа частныхъ случаевъ при отсутствіи случаевъ, имъ противорѣчащихъ, къ цѣлому классу подобныхъ случаевъ, слѣдовательно, какъ обобщеніе частныхъ наблюденій. Этотъ выводъ онъ признаетъ достовѣрнымъ, какъ скоро выводное сужденіе таково, что частные случаи, подтверждающіе его, встрѣчаются въ обиліи во всякое время, въ каждомъ мѣстѣ, при всякихъ обстоятельствахъ.

I.

Не трудно замѣтить, что въ простѣйшей индукціи между посылками и выводнымъ сужденіемъ, какъ бы многочисленны и повсемѣстны ни были факты, на которые ссылаются посылки, нѣтъ такой непосредственно очевидной для нашей мысли связи, которую мы находимъ, напримѣръ, въ выводахъ силлогистическихъ. Въ то время какъ въ послѣднихъ, утверждая посылки, мы ясно видимъ, что при предположеніи ихъ истинности было бы совершенно невозможно, чтобы не было истиннымъ выводное сужденіе, при индуктивныхъ выводахъ простѣйшей формы дѣло стоитъ нѣсколько иначе. Правда, и здѣсь мы чувствуемъ, что частные факты, представляемые въ посылкахъ, способны возбуждать въ насъ вѣру въ общее сужденіе, которое изъ нихъ выводится, и чѣмъ обильнѣе эти факты, тѣмъ болѣе живую вѣру они возбуждаютъ. Но мы никакъ не видимъ, почему при всей безспорности этихъ частныхъ фактовъ, выводное сужденіе, которое обнимаетъ не ихъ только, но и неисчислимое множество другихъ фактовъ того же рода, которые уже намъ даны не были, не могло бы оказаться ошибочнымъ. Выведенная мысль не слѣдуетъ для насъ съ полною очевидностію изъ посылокъ. Поэтому традиціонная логика признавала индуктивные выводы простѣйшей формы только вѣроятными, а не достовѣрными, по большей части впрочемъ не пытаясь даже объяснить, что же именно разумѣется подъ этою вѣроятностію съ логической, а не просто съ психологической точки зрѣнія.

Милль при общемъ опредѣленіи индукціи стоитъ на той же традиціонной точкѣ зрѣнія. Для него индукція, по самому своему понятію, есть процессъ обобщенія. Неудивительно поэтому, что и онъ сознаетъ недостатокъ очевидности связи между посылками и заключеніемъ въ этомъ выводѣ. И такъ какъ этотъ выводъ тѣмъ не менѣе долженъ лежать у него въ основаніи всего знанія, то онъ старается восполнить этотъ недостатокъ.

Пріемъ, съ помощію котораго Милль, частію подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ современныхъ ему писателей по логикѣ, тверже державшихся традиціонныхъ принциповъ, хочетъ достигнуть этой цѣли, состоитъ въ томъ, что онъ дополняетъ формулу индуктивнаго вывода вставкой такого положенія, которое, будучи принято въ качествѣ особой большей посылки, превращаетъ индукцію въ силлогизмъ первой фигуры и,

такимъ образомъ, придаетъ индуктивному выводу ту же очевидность, какая отличаетъ выводы силлогистическіе. Основываясь на самомъ понятіи объ индукціи вообще какъ обобщеніи, какъ заключеніи отъ извѣстныхъ фактовъ къ неизвѣстнымъ, онъ утверждаетъ, что ею неизбѣжно подразумѣвается общее положеніе объ единообразіи порядка природы въ качествѣ общаго принципа или аксіомы каждой индукціи,—подразумѣвается въ томъ смыслѣ, что каждая индукція можетъ быть превращена въ силлогизмъ, и въ такомъ случаѣ это положеніе должно сдѣлаться самой высшей, большей посылкой каждой индукціи [1]). Такъ какъ выводы всѣхъ послѣднихъ посылокъ знанія суть по Миллю также индукціи, слѣдовательно также обобщенія, заключенія отъ извѣстныхъ фактовъ къ неизвѣстнымъ, то изъ этого нужно, конечно, выводить, что и при такихъ индукціяхъ растолкованное въ извѣстномъ смыслѣ общее положеніе объ единообразіи природы должно считаться также принципомъ или аксіомой, должно приниматься за большую посылку силлогизма, въ которую каждая изъ этихъ индукцій можетъ быть превращена.

Но такое разъясненіе очевидности индуктивныхъ выводовъ, когда оно предлагается философомъ, который смотритъ на индукцію какъ на методъ, къ которому должно возводиться доказательство всѣхъ общихъ сужденій, только запутываетъ дѣло, нисколько его не разъясняя.

Съ точки зрѣнія такого философа это положеніе объ единообразіи природы само, конечно, не можетъ доказываться иначе какъ съ помощію индукціи же простѣйшей формы, какъ Милль это и признаетъ. Если же это такъ и если съ другой стороны индукція по самому своему понятію требуетъ предположенія объ однообразіи порядка природы, которое при всегда возможномъ превращеніи ея въ силлогизмъ должно занять мѣсто большей посылки, то отсюда должно слѣдовать, что самое положеніе объ однообразіи природы можетъ доказываться только съ помощію такого вывода, въ которомъ оно само же должно занимать мѣсто большей посылки, т. е. можетъ доказываться только подъ предположеніемъ уже своей же собственной истинности. Какъ же это возможно? [2]).

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I. 341—345; p. п. 1. 336—339.

[2]) Ставя этотъ вопросъ, я имѣю въ виду затрудненіе для этой теоріи никакъ не историко-психологическое, а строго гносеологическое. Я спрашиваю не о томъ, какъ фактически могъ прійти человѣкъ къ положенію объ однообразіи порядка при-

У Милля есть свой особый взглядъ на значеніе большей посылки, устраняющій, повидимому, трудность отвѣта на этотъ вопросъ, которая для всякаго другого философа могла бы показаться неодолимой. Отрицать обычный взглядъ на значеніе большей посылки и искать новаго взгляда заставляетъ его убѣжденіе въ томъ, что во всякой большей посылкѣ силлогизма непремѣнно уже подразумѣвается, заключается выводное сужденіе. При такомъ убѣжденіи, очевидно, уже не только этотъ случай, гдѣ большей посылкой служило бы само выводное сужденіе, но и какой угодно случай примѣненія большей посылки въ какомъ угодно силлогизмѣ долженъ разсматриваться какъ petitio principii, если на большую посылку смотрѣть какъ на доказательство заключенія. Особая теорія значенія большей посылки должна устранять этотъ предполагаемый Миллемъ недостатокъ обычной силлогистической теоріи. Милль принимаетъ, что значеніе большей посылки состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы ею доказывалось выводное сужденіе; послѣднее выводится изъ частныхъ фактовъ, изъ которыхъ только могла быть выведена и сама большая посылка, а поэтому большая посылка ровно ничего не можетъ прибавлять къ доказательству выводного сужденія [1]). Значеніе большей посылки, по его мнѣнію, опредѣляется слѣдующими соображеніями. Съ одной стороны несомнѣнно, что наведеніе, которое признается достаточнымъ для вывода изъ него частнаго факта, оправдывающимъ одно частное предсказаніе, не можетъ не быть признано достаточнымъ доказательствомъ неопредѣленнаго множества сходныхъ фактовъ или общей теоремы. Съ другой стороны для насъ чрезвычайно важно поставить передъ своимъ сознаніемъ эту общую теорему и формулировать, такимъ образомъ, въ полномъ объемѣ все то, что должна доказывать индукція, если мы въ правѣ вывести изъ нея извѣстное частное положеніе. Это важно во-первыхъ потому, что общее положеніе представляетъ для нашей мысли болѣе значительный предметъ и поэтому заставляетъ насъ

роды, когда для этого онъ долженъ былъ уже вѣрить въ это однообразіе. Съ этимъ недоумѣніемъ Милль справляется легко. Первоначальная вѣра въ единообразіе могла возникать и безъ посылокъ, которыя могли бы достаточно оправдать ее. Я спрашиваю о томъ, какъ можетъ эта вѣра оправдываться логически, оправдываться для точной науки, которая требуетъ достовѣрнаго, логически оправданнаго знанія, когда для логическаго оправданія ея оказывается нужнымъ въ качествѣ посылки вывода то самое положеніе, которое впервые должно быть оправдано черезъ этотъ выводъ.

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I. 203—205, 207, 214; p. n. I. 208—210, 212, 218.

обратить на процессъ вывода больше вниманія, тщательнѣе взвѣсить, достаточны ли для него собранные нами факты; во-вторыхъ, потому, что когда дѣло идетъ о выводѣ къ цѣлому классу, слишкомъ поспѣшное заключеніе легко можетъ быть предупреждено припоминаніемъ какого-нибудь извѣстнаго намъ, противорѣчащаго заключенію, случая, тогда какъ при непосредственномъ выводѣ изъ частныхъ фактовъ прямо частнаго заключенія неполнота знакомства съ частнымъ предметомъ и непосредственная заинтересованность ихъ могутъ вызывать неосторожную поспѣшность въ выводѣ [1]). Можно думать, что этотъ взглядъ Милля на значеніе большей посылки въ силлогизмѣ и оправдывалъ въ его собственныхъ глазахъ его рѣшимость провозгласить принципомъ каждой индукціи, ея послѣднею большею посылкою такое положеніе, которое, по его же мнѣнію, само могло доказываться только индуктивнымъ методомъ. По крайней мѣрѣ онъ самъ примѣняетъ эту теорію большей посылки къ своему принципу индукціи. Сказавъ, что, при возможномъ превращеніи всякой индукціи въ силлогизмъ, аксіома индукціи должна оказаться конечною большею посылкой всѣхъ индукцій, онъ въ поясненіе прибавляетъ, что она будетъ стоять ко всѣмъ индукціямъ въ томъ отношеніи, въ которомъ, какъ было уже достаточно показано, большая посылка силлогизма всегда стоитъ къ заключенію, нисколько не содѣйствуя доказательству, но составляя его необходимое условіе, такъ какъ нельзя признать доказаннымъ ни одно заключеніе, къ которому нельзя прибрать истинной большей посылки [2]).

Но если предположить, что Милль въ этомъ именно смыслѣ устранялъ выше высказанное затрудненіе, то это показываетъ только, что Милль не взялъ во вниманіе, что, лишая большую посылку значенія необходимой составной части доказательства, онъ лишалъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно всякаго значенія при индуктивномъ выводѣ простѣйшей формы, устранялъ совершенно всякую нужду въ ея существованіи въ этомъ выводѣ. Въ самомъ дѣлѣ то значеніе, которое остается у Милля за этой посылкой, послѣ того, какъ онъ лишилъ ее значенія доказательства, очевидно, примѣнимо исключительно къ тѣмъ случаямъ вывода, когда изъ собранныхъ фактовъ мы должны вывести сужденіе, по своему объему болѣе частное, чѣмъ то сужденіе, которое могло бы быть изъ нихъ выведено, и которое, какъ предпола-

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I. 218—219; p. n. I. 222—223.
[2]) *Mill.* Syst. of Log. I. 343; p. n. I. 337—338.

гается, должно изъ нихъ непремѣнно слѣдовать, если изъ нихъ съ правомъ можетъ быть выведено нужное намъ болѣе частное сужденіе. Вѣдь только этотъ болѣе общій характеръ большей посылки и можетъ по Миллю возвышать вниманіе наше при ея предварительномъ выводѣ; только подъ условіемъ этого болѣе общаго, сравнительно съ выводнымъ сужденіемъ, характера ея, особая установка ея становится отвѣтомъ на вопросъ, какой наиболѣе широкій выводъ долженъ считаться нами обязательнымъ, если мы признаемъ себя въ правѣ сдѣлать опредѣленный частный выводъ. Слѣдовательно, по Миллевой теоріи большей посылки, установка этой посылки исключительно примѣнима къ тѣмъ процессамъ, которые въ собственномъ смыслѣ называются силлогистическими, гдѣ частное сужденіе по обыкновенному взгляду непосредственно выводится изъ общаго сужденія, а по взгляду Милля, непосредственно выводится изъ тѣхъ частныхъ фактовъ, изъ которыхъ индуктивнымъ путемъ выводится и сама эта общая посылка. Но предположимъ, что изъ опредѣленныхъ частныхъ фактовъ мы хотимъ сдѣлать не частный выводъ, а именно тотъ общій выводъ, которымъ сполна исчерпывались бы полномочія, даваемыя намъ этими частными фактами, т. е. предположимъ, что мы дѣлаемъ въ собственномъ смыслѣ индуктивный выводъ (индукцію чрезъ простое перечисленіе). Тогда ни о какомъ предварительномъ выводѣ болѣе общаго сужденія изъ тѣхъ же частныхъ фактовъ, который способенъ бы былъ возбудить болѣе вниманія мысли или болѣе исчерпывалъ бы полномочія, даваемыя фактами, чѣмъ выводъ, который мы хотимъ сдѣлать, не можетъ быть, очевидно, никакой рѣчи. А поэтому въ большей посылкѣ никакой такой нужды или такого смысла, какіе единственно оставляетъ за нею Милль, не оказывается. При индукціи большая посылка съ тѣмъ значеніемъ, какое даетъ ей Милль, могла бы оказаться возможной только тогда, когда мы, сверхъ тѣхъ фактовъ, всѣ полномочія которыхъ исчерпываются возможнымъ выводомъ извѣстнаго общаго сужденія, захотѣли бы для подтвержденія этого же самаго общаго сужденія сослаться на рядъ еще такихъ частныхъ случаевъ, которые доказываютъ еще болѣе широкое или болѣе общее положеніе, т. е. если мы — выражаясь терминологіей обычной — хотимъ доказать общее сужденіе сверхъ индукціи еще силлогизмомъ; въ такомъ случаѣ это послѣднее болѣе общее положеніе могло бы Миллемъ быть названо большей посылкой и играть ту двусмысленную роль, которую Милль приписываетъ большей посылкѣ. Но если дѣло идетъ не объ этихъ случаяхъ, а исключительно объ

индуктивномъ доказательствѣ простѣйшей формы, гдѣ все ограничивается выводомъ изъ фактовъ общаго положенія столь широкаго, какое только можетъ быть изъ нихъ выведено, то ни о какой большей посылкѣ въ Миллевомъ смыслѣ здѣсь не можетъ быть, очевидно, и рѣчи. Съ другой стороны, не менѣе очевидно, что индукція, съ помощію которой доказывалось бы положеніе объ единообразіи порядка природы, которое, какъ большая посылка всѣхъ индукцій, должно считаться самымъ общимъ положеніемъ, только и можетъ допускать эту чистую индукцію, не соединенную уже ни съ какой дедукціей.— И поэтому, если Милль съ самымъ понятіемъ объ индукціи хочетъ связать понятіе объ общемъ принципѣ, который былъ бы общей большей посылкой каждой индукціи, и въ то же время хочетъ, чтобы этотъ принципъ самъ доказывался индуктивно, то это, конечно, должно остаться явнымъ противорѣчіемъ, даже если принять его особую теорію большей посылки силлогизма [1]).

Есть и другое неудобство въ этомъ признаніи положенія объ единообразіи порядка природы за принципъ и возможную большую посылку каждой индукціи. Такой общей истины, которая говорила бы объ единообразіи порядка природы и которая способна бы была стать посылкой каждой индукціи, совсѣмъ не существуетъ. Поэтому, если бы даже мы, оставивъ въ сторонѣ совсѣмъ не разрѣшимый для эмпиризма вопросъ о доказательствѣ самой этой большей посылки, попытались бы взглянуть на нее просто, какъ на всеобщее сужденіе, которое, сдѣлавшись такъ или иначе само достовѣрной истиной, можетъ играть роль посылки при всѣхъ другихъ индукціяхъ, то это, и даже по самому Миллю, оказалось бы невозможнымъ.

Милль находитъ, что положеніе объ однообразіи порядка природы скорѣе отличается краткостію, чѣмъ опредѣленностію и можетъ возбуждать недоразумѣнія. „Дѣйствительно, говоритъ онъ [2]), порядокъ природы не только единообразенъ, но и до безконечности различенъ. Нѣкоторыя явленія всегда повторяются въ тѣхъ же самыхъ комбинаціяхъ, въ которыхъ мы встрѣтили ихъ впервые. Другія кажутся совсѣмъ своенравными; иныя же, которыя мы привыкли считать связанными исключительно съ особеннымъ рядомъ комбинацій, неожиданно встрѣчаемъ отдѣленными отъ нѣкоторыхъ изъ элементовъ, съ которыми до сихъ поръ мы находили ихъ соединенными, и въ связи

---

[1]) Разборъ самой этой теоріи см. мою Классификацію выводовъ 49—62.

[2]) *Mill.* Syst. of, Log: I, 346; р. п. I, 341.

съ иными совершенно противнаго рода". Это побуждаетъ Милля точнѣе опредѣлить тотъ смыслъ, какой должно получить положеніе объ единообразіи порядка природы для того, чтобы оно оказалось вѣрной истиной, способной стать надежнымъ принципомъ индукціи. Милль указываетъ на проникающее всю природу однообразіе порядка въ томъ отношеніи, что всякое возникающее явленіе всегда имѣетъ въ числѣ явленій, непосредственно ему предшествующихъ, такія, за которыми оно неизмѣнно слѣдуетъ. Онъ разъясняетъ, что теченіе природы, хотя оно за различные моменты и представляетъ, повидимому, самое прихотливое разнообразіе, однако, вслѣдствіе подчиненности этому закону оказывается тканью, сплошь составленною изъ мелкихъ сочетаній, изъ которыхъ каждое постоянно, т. е. выражаетъ собою законъ природы [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Милль ставитъ на видъ, что отчетливо разобраться въ плетеніи этой ткани можно также только съ помощію истины о законосообразности природы, понятой въ этомъ же смыслѣ. При своемъ описаніи сложныхъ индуктивныхъ методовъ доказательства причинной связи явленій, онъ проводитъ ту мысль, что основаніемъ всѣхъ этихъ логическихъ процессовъ служитъ это же однообразіе, т. е. общій законъ связи причины съ дѣйствіемъ [2]). Такъ, законъ причинности оказывается имѣющимъ принципіальное значеніе для индуктивной установки отдѣльныхъ законовъ причинной связи явленій. И Милль называетъ понятіе о причинѣ корнемъ всей теоріи наведенія [3]), убѣжденіе въ законѣ связи причины съ дѣйствіемъ главною опорою индуктивной науки и источникомъ, изъ котораго почерпаютъ свою силу правила индуктивной логики [4]) и отъ котораго зависитъ сила всѣхъ индуктивныхъ методовъ; о самомъ индуктивномъ процессѣ Милль говоритъ, что существенно онъ есть изслѣдованіе случаевъ причинной связи явленій [5]). И не указывая никакого болѣе широкаго закона, который можно было бы отожествить съ предполагаемымъ принципомъ индукціи, Милль всѣмъ своимъ изложеніемъ индуктивныхъ процессовъ внушаетъ читателю своей логики мысль, что общій законъ причинности представляетъ собою этотъ принципъ. На ту главу своей логики, въ которой разъясняется индук-

---

[1]) *Mill.* Syst. of. Log. I. 354; p. п. I. 348.
[2]) Ibid., II. 95; p. п. II. 88.
[3]) Ibid., I. 363; p. п. I. 356.
[4]) Ibid., I. 364—365; p. п. 351—358.
[5]) Ibid., I. 413; p. п. I. 407.

тивная достовѣрность закона причинности, онъ указываетъ какъ на такую главу, въ которой должна разъясняться индуктивная достовѣрность принципа индукціи [1]), и, наоборотъ, приступая въ этой главѣ къ развитію той мысли, что законъ причинности доказывается индуктивно, онъ отожествляетъ эту мысль съ ранѣе высказанною мыслію, что принципъ индукціи доказывается индуктивно [2]).

Но отожествить законъ причинности съ принципомъ индукціи Милль могъ бы только въ томъ случаѣ, если бы онъ не былъ представителемъ новаго эмпиризма, а повторялъ по вопросу о правѣ тѣхъ или другихъ положеній считаться за умозрительныя истины и по постановкѣ задачъ опытнаго знанія тѣ взгляды, которыхъ представителемъ былъ Юмъ. Оставляя, подобно Юму, за математикой значеніе умозрительнаго знанія и сводя, подобно ему же, все знаніе фактовъ на знаніе законовъ причинной связи явленій, Милль получилъ бы, конечно, право, опираясь на вышеизложенныя разъясненія, смотрѣть на общій законъ причинности какъ на такую истину, которая можетъ занять мѣсто посылки въ индуктивныхъ доказательствахъ всѣхъ другихъ опытныхъ истинъ. Но Милль смотритъ на математику, какъ на опытную науку, и аксіомы, служащія послѣдними посылками математическаго знанія, разсматриваются у него, какъ индуктивныя истины. А, между тѣмъ, онъ самъ не выражаетъ ни малѣйшаго стремленія поставить индуктивное доказательство аксіомъ въ зависимость отъ общаго закона причинности. Онъ признаетъ ихъ совершенно независимыми отъ какой бы то ни было истины по своему доказательству и уравниваетъ ихъ и по достовѣрности, и по способу доказательства не съ истинами, которыя выводятся при посредствѣ общаго закона причинности, а съ самымъ закономъ причинности [3]).

Съ другой стороны, и задачи нематематическаго знанія у Милля нѣсколько измѣняются сравнительно съ Юмомъ. Кромѣ положеній, говорящихъ о послѣдовательности явленій, въ отношеніи къ которымъ общій законъ причинности имѣетъ исключительное значеніе, съ помощію индукціи же доказываются, выражаясь терминологіей Милля, и положенія, говорящія о существованіи явленій. Это, конечно, несомнѣнно, что многія изъ сосуществующихъ явленій сосуществуютъ частію потому, что сосуществовали или сосуществуютъ ихъ причины,

---

[1]) *Mill.* Syst of. Log. I. 345 прим.; р: п. I. 340 прим.

[2]) Ibid., II. 100; р. п. II. 93.

[3]) Ibid., II. 143—144, 145, 168. р. II. 131—132, 133, 157.

частію потому, что происходятъ отъ одной и той же причины [1]), а поэтому установка и объясненіе такого рода сосуществованій можетъ происходить чрезъ изслѣдованіе причинной связи. Но Милль самъ принимаетъ—и совершенно справедливо,—что могутъ быть сосуществованія (свойствъ), независимыя отъ законовъ причинной связи, и что даже и такія сосуществованія, которыя зависятъ отъ причинныхъ связей явленій, не могутъ, пока эти связи остаются не разъясненными, устанавливаться съ помощію тѣхъ методовъ, которые предполагаютъ убѣжденіе въ господствѣ общаго закона причинности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ пріобрѣтаемое нами знаніе о сосуществованіи явленій должно, конечно, достигаться съ помощію индукціи, которая должна быть независима отъ убѣжденія въ общемъ законѣ причинности. Правда, Милль не придаетъ высшей достовѣрности этого рода положеніямъ о сосуществованіи [2]) и думаетъ, что индукціей можно установить такія положенія только въ качествѣ (не законовъ природы, а) эмпирическихъ законовъ, которымъ можно приписать истинность лишь въ предѣлахъ времени, мѣста и обстоятельствъ, въ которыхъ происходили наблюденія, или въ случаяхъ въ строгомъ смыслѣ смежныхъ. Но все же, насколько такого рода индукціи признаются законными и имѣющими, пусть и въ опредѣленныхъ границахъ, доказательную силу, онѣ не должны стоять въ независимости отъ принципа всякой индукціи, который долженъ оказаться послѣдней большей посылкой всякой индукціи при превращеніи ея въ силлогизмъ, которое признается возможнымъ для каждой индукціи.

Такимъ образомъ, все значеніе общаго закона причинности для индукціи, какъ оно ни велико и какъ ни старается Милль связать его съ своимъ ученіемъ о принципѣ индукціи, на дѣлѣ, по его же собственнымъ взглядамъ, должно ограничиться одной, правда, очень важной и очень широко развившейся въ наукѣ группой индуктивныхъ выводовъ, нисколько не затрогивая другія. И какой-либо общей истины, говорящей объ однообразіи порядка природы, которая могла бы быть привлечена въ качествѣ посылки въ индуктивныя доказательства всѣхъ безъ исключенія другихъ истинъ, доказываемыхъ индуктивнымъ путемъ, совсѣмъ не оказывается.

У Милля по частнымъ поводамъ встрѣчаются такія мысли, которыя можно, повидимому, принять за указаніе на тотъ путь, которымъ

---

[1]) Ibid., II. 110; р. п. II. 101.

[2]) Ibid., II. 120; р. п. II. 110.

внимательный читатель его логики можетъ выбраться изъ всѣхъ этихъ противорѣчій, соединенныхъ съ провозглашеніемъ положенія объ единообразіи порядка природы принципомъ и высшей посылкой всякаго наведенія.

Въ интересахъ разъясненія частію самаго существованія, частію законности тѣхъ индукцій, которыя должны предварять вѣру въ общую аксіому индукціи и давать матеріалъ для индуктивнаго доказательства самой этой аксіомы, Милль не одинъ разъ [1]) настаиваетъ на той мысли, что для основательности индукціи нѣтъ необходимости въ убѣжденіи, что однообразіе порядка проникаетъ всю природу; для этой цѣли достаточно, чтобы существовало убѣжденіе въ однообразіи порядка того класса явленій, котораго касается практически совершаемая индукція. Индукція, доказывающая, что огонь жжетъ, не требуетъ предположенія объ однообразныхъ законахъ, дѣйствующихъ во всей вселенной; для нея достаточно убѣжденія въ однообразіи порядка тѣхъ явленій, которыхъ она касается, въ однообразіи дѣйствія огня на внѣшнія чувства и на горючія вещества. Ничто не препятствуетъ, думаетъ Милль, даже и тому, чтобы подобное убѣжденіе о частномъ единообразіи природы пріобрѣталось само изъ тѣхъ самыхъ фактовъ, на основаніи которыхъ съ помощію этого убѣжденія устанавливается опредѣленная истина.

Отчего бы, повидимому, нельзя было примѣнить эти разсужденія не къ индукціямъ только, предваряющимъ науку, но и къ индукціямъ, которыя и при существующей уже вѣрѣ въ законъ причинности не могутъ опираться на эту вѣру и должны совершаться независимо отъ нея? Приведенный мною изъ Милля примѣръ убѣжденія въ дѣйствіяхъ огня есть примѣръ индукціи простѣйшей формы. Но эта простѣйшая форма индукціи и есть, по Миллю, та форма индукціи, которою должны доказываться всѣ положенія, убѣжденіе въ которыхъ оказывается не зависимымъ отъ убѣжденія въ общемъ законѣ причинной связи явленій и къ которымъ относятся: самъ законъ причинности, математическія аксіомы и всѣ тѣ сужденія о сосуществованіи явленій, которыя оказывается невозможнымъ по тѣмъ или другимъ причинамъ возвести къ причинной связи явленій. И если выводу положенія „огонь жжетъ“ изъ частныхъ фактовъ должна придавать основательность приставка въ качествѣ большей посылки сужденія объ однообразіи въ дѣйствіяхъ огня на

[1]) Ibid., I. 345. II. 101; p. n. I. 339—340 прим. II. 94 прим.

внѣшнія чувства и на горючія вещества, то почему мы не должны думать, что, по мнѣнію Милля, и при неизбѣжныхъ въ наукѣ новаго времени индукціяхъ простѣйшей формы подразумѣваются подобныя же положенія объ единообразіи природы, ограничивающіяся лишь опредѣленной сферою отношеній между явленіями и, конечно, достовѣрныя настолько, насколько широко распространены въ бытіи эти отношенія? И если у Милля общій законъ причинности выступаетъ на первый планъ, дѣлается представителемъ общаго принципа индукціи, то не должно ли это объясняться тѣмъ, что этотъ законъ говоритъ о такой сторонѣ единообразія порядка природы, которая оказалась очень плодотворной для опытной науки и развила обиліе сложныхъ индуктивныхъ методовъ, тогда какъ другія стороны единообразія могутъ лечь въ основаніе лишь отдѣльныхъ индукцій? Милль ничего подобнаго прямо и опредѣленно не говоритъ. Но пусть онъ думаетъ именно такъ; исчезли ли бы тѣ затрудненія, которыя соединены съ его ученіемъ о принципѣ индукцій?

При этомъ взглядѣ точно такъ же, какъ и безъ него, нельзя толковать положеніе объ однообразіи порядка природы въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы оно было единымъ принципомъ наведенія, нельзя говорить, что при всегда возможномъ превращеніи каждой индукціи въ силлогизмъ, одно положеніе окажется послѣдней большей посылкой во всѣхъ ихъ. У индукціи окажется тогда принциповъ и большихъ посылокъ никакъ не менѣе, чѣмъ сколько тѣхъ дѣйствительныхъ послѣднихъ посылокъ знанія, которыя доказываются по Миллю простѣйшей индукціей, опирающейся на факты, встрѣчающіеся всегда, вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ. Каждая такая индукція будетъ имѣть въ качествѣ своего принципа такое положеніе объ единообразіи порядка природы, которое по своему содержанію совершенно столько же будетъ различаться отъ принципа всякой другой подобной же индукціи, сколько различаются тѣ дѣйствительныя послѣднія посылки, которыя должны будутъ выводиться индуктивно съ помощію этихъ принциповъ. Каждый принципъ, правда, будетъ говорить объ единообразіи природы, но объ единообразіи совсѣмъ въ другомъ отношеніи, а не въ томъ, о которомъ говоритъ другой принципъ. А обобщить всѣ эти принципы въ одну всеобщую истину, которая была бы способна замѣнить ихъ въ индукціяхъ, получившихъ въ нихъ свои принципы, или съ помощію которой они сами могли бы выводиться, было бы совершенно такъ же невозможно, какъ невозможно всѣ дѣйствительныя послѣднія посылки знанія обобщить въ одномъ сужденіи, съ по-

мощію котораго всѣ они могли бы выводиться. Такимъ образомъ и съ помощію этого толкованія Миллевой мысли о принципѣ индукціи не получается такого положенія, которое, будучи тѣмъ и другимъ способомъ доказано, могло бы имѣть притязаніе стать посылкой индуктивныхъ доказательствъ всѣхъ другихъ положеній. Послѣднія посылки знанія уступаютъ здѣсь только это свое значеніе равному количеству другихъ положеній, которыя становятся посылками при выводѣ ихъ самихъ.

Но что же представляли бы изъ себя эти новыя посылки? Объ этомъ мы можемъ судить по приведенному выше изъ Милля примѣру подобной посылки, устанавливающей частичное единообразіе въ порядкѣ природы. Выведенное индуктивно сужденіе „огонь жжетъ“ и предполагаемая посылка этого индуктивнаго вывода объ единообразіи въ дѣйствіяхъ огня на наше тѣло и на другія горючія вещества, выведенная изъ тѣхъ же фактовъ, несомнѣнно одинаковы по своему объему, обнимаютъ одни и тѣ же явленія. Они, правда, нѣсколько различаются по своему содержанію. Но чѣмъ же различаются? Когда мы утверждаемъ, что огонь жжетъ, и соединяемъ съ этимъ предложеніемъ дѣйствительно вѣрную мысль, то мы, конечно, говоримъ не о дѣйствіяхъ огня на что угодно, а о его дѣйствіи на наше тѣло и на горючія вещества. Когда характеризуемъ это дѣйствіе какъ жженіе, то тѣмъ самымъ устанавливаемъ одинаковую черту въ дѣйствіи огня на поименованные предметы. Если все это имѣть въ виду, то будетъ ясно, что положеніе, выставляемое въ качествѣ посылки, различается отъ положенія выводного исключительно недостаточною опредѣленностію своего содержанія; оно говоритъ такъ же, какъ и послѣднее, объ одинаковомъ дѣйствіи огня на наше тѣло и на другія сгораемыя вещества, и различается отъ него только тѣмъ, что точно не опредѣляетъ этого дѣйствія, не характеризуетъ его какъ жженіе. Прибавимъ къ этому слѣдующія соображенія: 1) оба эти положенія, какъ предполагается, должны получиться изъ однихъ и тѣхъ же частныхъ фактовъ, и 2) изъ частныхъ фактовъ нельзя получить представленія о „нѣкоторомъ дѣйствіи огня“, не получивъ представленія о „жженіи“, а слѣдовательно первое представленіе есть простое отвлеченіе отъ болѣе конкретнаго послѣдняго, т. е. мнимая посылка можетъ быть только результатомъ отвлеченія отъ выводного сужденія. Отсюда ясна вся безцѣльность этой прибавки посылки ради „основательности“ вывода. Само собою понятно, что то же самое выйдетъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы къ индукціямъ, доказывающимъ послѣднія по-

сылки знанія, подыщемъ соотвѣтствующіе принципы, утверждающіе единообразіе порядка природы относительно той связи явленій, о которой говоритъ доказываемая послѣдняя посылка.

Едва ли нужно пояснять, что все, что выше было сказано о невозможности доказывать индуктивно положеніе, которое должно считаться принципомъ индукціи, остается вполнѣ приложимымъ и къ этимъ многочисленнымъ принципамъ. За отсутствіемъ общаго положенія, которое обнимало бы ихъ всѣ и способно было бы стать посылкой при выводѣ ихъ самихъ, требованіе отъ каждой индукціи принципа, способнаго превратиться въ большую посылку, необходимо поведетъ къ тому, что при выводѣ самыхъ этихъ принциповъ изъ фактовъ роль принципа и большей посылки пришлось бы играть имъ же самимъ.

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли на Миллево ученіе о принципѣ индукціи и какое бы толкованіе ему ни придали, всегда должны прійти къ мысли, что достигнуть своей цѣли, т. е. придать очевидность съ точки зрѣнія общенаучнаго сознанія индуктивному доказательству простѣйшей формы оно не можетъ и можетъ вести за собою только противорѣчія и несообразности. Устанавливая общій принципъ индукціи, Милль введенъ былъ въ заблужденіе сложными индуктивными процессами, при которыхъ дѣйствительно съ его точки зрѣнія предполагались общія посылки, предварительно доказанныя индуктивно. Но эти процессы на самомъ дѣлѣ дедуктивны [1]), и съ Миллевой точки зрѣнія при болѣе послѣдовательномъ ея развитіи также должны считаться не индуктивными, а дедуктивными, такъ какъ предполагаютъ уже установленную истину о всеобщей причинной связи событій. Что же касается до индукціи въ собственномъ смыслѣ, т. е. индукціи чрезъ простое перечисленіе, которою, по его мнѣнію, доказываются всѣ послѣднія посылки знанія, то всѣ общія положенія о бытіи съ точки зрѣнія эмпиризма могутъ быть никакъ не принципомъ, а только выводными сужденіями изъ этой индукціи. И это нужно сказать и о положеніи или о положеніяхъ объ единообразіи природы, ровно столько же, какъ и о всѣхъ другихъ общихъ положеніяхъ, такъ какъ всякое общее сужденіе, выводимое изъ индукціи, и есть именно утвержденіе однообразія порядка природы относительно соединенія извѣстныхъ явленій, выраженное только вполнѣ опредѣленно, а не въ неопредѣленной формѣ. Неопредѣленную

[1]) Это я доказывалъ, между прочимъ, въ своей Классификаціи выводовъ, 6—13.

форму, конечно, ничто не препятствуетъ придать ему, но лишь тогда, когда оно уже выведено и когда послѣ этого вывода оказалась бы какая-либо нужда въ подобномъ неопредѣленномъ сужденіи.

II.

Какъ индукція черезъ простое перечисленіе вообще, такъ и тотъ ея случай, которому Милль приписываетъ достовѣрность и которымъ должны доказываться, по его мнѣнію, послѣднія посылки знанія, дѣйствительно подразумѣваютъ принципъ, но никакъ не въ смыслѣ какого-либо естественно-научнаго закона, общаго положенія о всѣхъ явленіяхъ природы, а въ смыслѣ логической формулы самаго вывода, въ смыслѣ положенія, въ которомъ утверждается связь между посылками и выводнымъ сужденіемъ. Признать достовѣрнымъ тотъ случай индуктивнаго вывода, которымъ, по Миллю, должны доказываться послѣднія посылки знанія, это значитъ признать вѣрнымъ положеніе, что какъ скоро даны единичные факты соединенія другъ съ другомъ опредѣленныхъ явленій, и притомъ такіе факты, которые такъ распространены въ природѣ, что нѣтъ ни мѣста, ни времени, ни обстоятельствъ, среди которыхъ они не встрѣчались бы, то не можетъ не быть достовѣрнымъ общее сужденіе о связи между этими явленіями. И, наоборотъ, какъ скоро признано вѣрнымъ это положеніе, представляющее формулу вывода, то, конечно, не окажется нужды ни въ какомъ другомъ принципѣ, ни въ какомъ общемъ положеніи о явленіяхъ природы для того, чтобы изъ фактовъ, соотвѣтствующихъ этой формулѣ, выводить общее заключеніе. А поэтому если задача состояла въ томъ, чтобы съ обще-научной точки зрѣнія представить выводы, которыми у Милля должны оправдываться послѣднія посылки знанія, способными не только возбуждать вѣру, а такъ же очевидными для мысли, какъ очевидны для нея другіе выводы, не возбуждающіе сомнѣнія въ своей состоятельности, то для разрѣшенія этой задачи нужно было разъяснить эту формулу такъ, чтобы была вполнѣ понятна необходимая связь между ея подлежащимъ, которое состоитъ въ предположеніи истинности фактовъ, служащимъ посылками вывода, и ея сказуемымъ, въ которомъ утверждается истинность выводного сужденія.

Милль подходитъ ближе къ этому существенному для него вопросу, когда говоритъ не объ индукціи вообще, которая у него (а вслѣдъ за нимъ и во многихъ системахъ логики даже и не эмпиристическаго

направленія) совмѣщаетъ не индуктивные только, но и дедуктивные процессы и поэтому уже въ себѣ самой носитъ зародыши противорѣчій и запутанности, а старается разъяснить логическую состоятельность непосредственно того вывода, которымъ должны у него доказываться послѣднія посылки знанія.

Когда Милль преслѣдуетъ эту послѣднюю цѣль, онъ разсуждаетъ по существу слѣдующимъ образомъ. Подъ индукціей черезъ простое перечисленіе разумѣются такіе выводы, когда мы, зная примѣры совпаденія одного явленія съ другимъ и не зная ни одного противорѣчащаго случая, выводимъ отсюда общее положеніе о связи этихъ явленій. Однако, чтобы имѣть право заключать о всеобщей истинности чего-либо на томъ основаніи, что мы не имѣли противорѣчащаго примѣра въ наблюденіи, мы должны имѣть основаніе быть увѣренными, что если бы были въ природѣ подобные примѣры, то мы о нихъ знали бы. И эта именно увѣренность прогрессируетъ, по его мнѣнію, съ широтою объема сужденія, съ распространенностію примѣровъ его въ опытѣ. Чѣмъ болѣе общъ законъ, тѣмъ изъ большей суммы опытовъ онъ выведенъ и тѣмъ болѣе возвышается вѣроятность, что если бы исключенія существовали, то какія-нибудь изъ нихъ встрѣтились бы намъ при нашихъ наблюденіяхъ. Отсюда получается общее положеніе: ненадежность метода простого перечисленія обратно пропорціональна широтѣ обобщенія. Процессъ этотъ, учитъ Милль, призраченъ и недостаточенъ въ той мѣрѣ, въ какой наблюдаемый предметъ спеціаленъ и ограниченъ въ объемѣ. Съ расширеніемъ этого объема этотъ методъ все менѣе и менѣе подверженъ ошибкѣ; и самыя всеобщія истины должны оказаться и самыми достовѣрными [1]). Въ общихъ разсужденіяхъ своихъ объ этомъ предметѣ Милль не идетъ далѣе подобныхъ соображеній. Однако, одни эти соображенія недостаточны по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, по этому разъясненію достовѣрность того вывода, которымъ должны доказываться послѣднія посылки, представляется высшею, предѣльною степенью той вѣроятности, которая предполагается принадлежащей вообще индуктивному выводу per enumerationem simplicem и которая должна расти съ расширеніемъ объема доказываемаго сужденія. Но въ такомъ случаѣ, очевидно, должно быть предположено, что простое знаніе частныхъ случаевъ совпаденія

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I. 347—348, 355—356. II. 101—102; p. n. I. 342. 349. II. 94—95.

опредѣленныхъ явленій при отсутствіи въ воспріятіи примѣровъ противорѣчащихъ, даетъ уже законное право съ нѣкоторою вѣроятностію обобщать эти случаи, выводить изъ нихъ общее заключеніе. Если въ самомъ этомъ выводѣ нѣтъ вѣроятности, то и достовѣрности, которая разъясняется только какъ высшая степень этой вѣроятности, возникнуть будетъ не изъ чего. Милль сознаетъ обязательность для него признать вѣроятность выводовъ простой индукціи. Онъ называетъ вообще индукцію чрезъ простое перечисленіе выводомъ хотя и погрѣшительнымъ, но законнымъ [1]). Но если это такъ, если законность связи въ той модификаціи простѣйшей индукціи, выводъ изъ которой признается достовѣрнымъ, предполагаетъ уже законность связи между посылками и выводнымъ сужденіемъ въ простѣйшей индукціи вообще, то и разъясненіе достовѣрности этой особой модификаціи вывода требуетъ прежде всего разъясненія вѣроятности простѣйшаго индуктивнаго вывода вообще, изъ которой вырастаетъ эта достовѣрность.

Можно подумать, что Милль имѣлъ право предположить безъ дальнѣйшаго разъясненія вѣроятность простѣйшаго индуктивнаго вывода вообще, такъ какъ она приписывалась этому выводу традиціонной логикой и, слѣдовательно, считалась понятной для обще-научнаго сознанія. Однако это не совсѣмъ такъ. Правда, традиціонная логика, отрицая достовѣрность выводовъ простой индукціи, говорила объ ихъ вѣроятности. Но въ болѣе раннее время, не придавая этимъ выводамъ особой важности, она не задавалась и вопросами точнѣе опредѣлить понятіе объ этой вѣроятности и логически оправдать ее. Въ позднѣйшее время эти вопросы стали настоятельнѣе, такъ какъ все болѣе и болѣе дѣлалось явнымъ значеніе опыта и индукціи для науки. Но въ то же время чаще и чаще пришлось убѣждаться, какъ ошибочны и шатки общія положенія, которыя опираются просто на существованіе въ наблюденіи примѣровъ, согласныхъ съ положеніемъ, и на отсутствіе въ немъ примѣровъ, ему противорѣчащихъ. Уже Бэконъ рѣшительно возсталъ противъ всякаго значенія этого рода выводовъ, и его полемика ни въ какомъ случаѣ не прошла безслѣдно. Самъ Милль, вообще не мало потрудившійся надъ переработкой отсталыхъ логическихъ взглядовъ, въ только что цитованныхъ мѣстахъ называетъ эти выводы призрачными и недостаточными, а тотчасъ затѣмъ еще рѣшительнѣе говоритъ [2]), что когда мы заключаемъ по этому методу, то

[1]) Ibid. II. 101; р. п. II. 94.
[2]) Ibid., II. 102; р. п. II. 95.

обыкновенно грубо ошибаемся. О какой же вѣроятности вывода можно говорить, когда онъ прямо признается призрачнымъ и обыкновенно ведущимъ къ грубымъ ошибкамъ? Да и кто же въ самомъ дѣлѣ въ новое время сталъ бы утверждать, что просто изъ того, что есть примѣры совпаденія извѣстныхъ явленій и мы не знаемъ случаевъ противорѣчащихъ, наука имѣетъ право съ какою нибудь вѣроятностью заключать, что изъ сужденія, въ которомъ было бы выражено это совпаденіе, совсѣмъ нѣтъ исключенія, что оно законъ природы, всеобщая истина? Ясно, что вѣроятность, которая можетъ быть присуща выводамъ простѣйшей индукціи и которая въ извѣстныхъ случаяхъ, по ученію Милля, должна переходить въ достовѣрность, не можетъ не быть обусловленной какими нибудь усложненіями или ограниченіями вывода. А поэтому, какъ скоро достовѣрность того вывода, которымъ доказываются по Миллю послѣднія посылки знанія, разсматривается прямо какъ высшая степень вѣроятности, принадлежащей выводамъ по простѣйшей индукціи вообще, то эта достовѣрность не можетъ считаться разъясненною, пока не будутъ указаны тѣ усложненія или ограниченія индуктивныхъ выводовъ вообще, при которыхъ уже о нихъ нельзя будетъ сказать, что они выводы призрачные и обыкновенно ведутъ къ грубымъ ошибкамъ.

Другой недостатокъ изложенныхъ общихъ разсужденій Милля состоитъ въ томъ, что самое ученіе его о прямой пропорціональности между широтой выведеннаго индуктивно сужденія и его достовѣрностью на дѣлѣ вовсе не такъ очевидно, какъ это можетъ представляться съ перваго взгляда. Собственно возможное большее увеличеніе частныхъ случаевъ представляемыхъ индукціей, даже если взять его въ связи съ нѣкоторыми другими условіями, никакъ не можетъ возвысить индукцію, разсматриваемую какъ процессъ обобщенія, отъ степени вѣроятнаго вывода до степени вывода достовѣрнаго, а есть лишь необходимое условіе простой его вѣроятности. Но во всякомъ случаѣ, когда говорятъ объ увеличеніи числа наблюдаемыхъ случаевъ, какъ фактѣ, значеніе котораго не требуетъ дальнѣйшаго разъясненія, то обыкновенно предполагаютъ, что всѣ остальныя условія вывода остаются одинаковыми, т. е. что дѣло идетъ, напримѣръ, объ установкѣ одного и того же закона, только съ помощью большей, чѣмъ это дѣлалось ранѣе, суммы наблюдаемыхъ частныхъ случаевъ. Если бы дѣло шло объ установленіи одного и того же закона и при томъ весь вопросъ, какъ это должно выходить по Миллю, сводился къ тому, могли-ли исключенія изъ закона остаться незамѣченными, какъ скоро они бы

существовали, то значеніе сравнительнаго обилія бывшихъ въ наблюденіи случаевъ было бы ясно уже изъ того, что при этомъ сравнительномъ обиліи примѣровъ въ той же степени выгодно измѣняется пропорціональное отношеніе между бывшими въ наблюденіи случаями, по которымъ приходится заключать къ случаямъ, оставшимся безъ наблюденія, и этими послѣдними, среди которыхъ можно предполагать отрицательныя инстанціи. Но у Милля сравниваются выводы законовъ различныхъ, болѣе узкаго по объему съ болѣе широкимъ, такого, примѣры котораго не слишкомъ часто встрѣчаются въ бытіи, съ такимъ, примѣры котораго болѣе распространены въ бытіи; и обиліе бывшихъ въ наблюденіи примѣровъ становится въ зависимость не отъ тщательнаго ихъ отыскиванія по разнообразнымъ мѣстамъ и при всевозможныхъ условіяхъ, а исключительно отъ самой распространенности въ мірѣ явленій, подлежащихъ такому закону. А при такихъ условіяхъ пропорція между изслѣдованными экземплярами, изъ которыхъ дѣлается выводъ, и цѣлымъ классомъ явленій, а слѣдовательно и экземплярами, которые остаются не изслѣдованными и среди которыхъ можно ожидать исключенія, предполагается одинаковой; а поэтому отъ обилія примѣровъ съ этой, по крайней мѣрѣ, стороны никакой выгоды, очевидно, ожидать нельзя. Если бы, зная, что извѣстныхъ предметовъ сотня, мы, предположимъ, сочли бы возможнымъ заключать о нихъ по двадцати экземплярамъ, взятымъ на удачу, то слѣдуетъ-ли отсюда, что мы съ тою же вѣроятностью могли бы заключать по двадцати же экземплярамъ, если бы предметовъ была тысяча? Слѣдуетъ-ли, что всякое увеличеніе въ послѣднемъ случаѣ наблюдаемыхъ экземпляровъ сверхъ двадцати сдѣлало бы наше заключеніе къ тысячѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ заключеніе по двадцати экземплярамъ къ сотнѣ? Если, поэтому, выведенное индуктивно болѣе широкое по объему сужденіе въ самомъ дѣлѣ кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ болѣе узкое сужденіе, то логически оправдать эту сравнительную вѣроятность нельзя простой ссылкой на обиліе примѣровъ, которые мы имѣемъ въ этомъ случаѣ, а нужно или искать другого оправданія этому факту или во всякомъ случаѣ точнѣе разъяснить, вслѣдствіе какихъ причинъ на это обиліе можно смотрѣть не какъ на фактическое только условіе большей вѣры, а какъ на такое условіе, которое и логически законно возвышаетъ эту вѣру.

У Милля есть объясненіе, изъ котораго можно извлечь отвѣтъ на эти недоумѣнія. Оно прямо примыкаетъ у него къ высказаннымъ

общимъ его соображеніямъ и даже прямо ставится съ цѣлью дать болѣе очевидности этимъ общимъ соображеніямъ, хотя Милль ограничиваетъ его значеніе лишь одною, правда, очень важною, сферою единообразій въ совпаденіяхъ явленій, именно совпаденіями, зависящими отъ общаго закона причинной связи явленій.

Въ этомъ объясненіи, открыто признавъ, что выводы всеобщаго сужденія при помощи простой индукціи обыкновенно бываютъ грубыми ошибками, онъ говоритъ [1]): „но мы въ полномъ правѣ утверждать“ выводное сужденіе „какъ законъ эмпирическій, истинный въ предѣлахъ мѣста, времени и обстоятельствъ, лишь бы число совпаденій было больше, чѣмъ какое можно съ нѣкоторою вѣроятностью приписать случайности“. Подъ эмпирическимъ закономъ Милль разумѣетъ [2]) производныя единообразія, представляющія или совпаденіе дѣйствій одной и той же причины или соединеніе причины съ отдаленнымъ ея слѣдствіемъ или результатъ соединеннаго дѣйствія нѣсколькихъ законовъ природы, особенно когда оно условлено распредѣленіемъ дѣятелей. Ограничивается значеніе этихъ эмпирическихъ законовъ предѣлами мѣста, времени и обстоятельствъ наблюденія потому, что предполагается, что съ перемѣной мѣста, времени, обстоятельствъ могутъ встрѣтиться препятствія къ возникновенію дѣйствій, не непосредственно связанныхъ съ причиной или къ соединенію результатовъ нѣсколькихъ законовъ и можетъ оказаться иное распредѣленіе дѣятелей. Такъ получаетъ болѣе точное опредѣленіе законный выводъ изъ индукціи. А вмѣстѣ съ тѣмъ признаніемъ возможности индуктивно устанавливать эмпирическій законъ получаетъ болѣе опредѣленности и то значеніе, которое приписывается широтѣ индуктивно выведеннаго сужденія. Чѣмъ шире выводимое изъ фактовъ обобщеніе, чѣмъ болѣе распространены въ бытіи случаи, къ нему относящіеся, тѣмъ, конечно, разнообразнѣе условія, съ которыми они встрѣчаются, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, исключается предположеніе о возможности условій способныхъ парализовать примѣненіе установленнаго эмпирическаго закона. Чѣмъ болѣе распространены въ бытіи случаи, относящіеся къ эмпирическому закону, тѣмъ болѣе также они сталкиваются со всевозможными распредѣленіями дѣятелей, а слѣдовательно исключается возможность зависимости фактическихъ совпаденій явленій отъ того или другого опредѣленнаго

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. II. 102—103. p. n. 95—96.

[2]) Ibid. II. 38—42, 47—48, 78—80, p. n. II. 36—40, 45—46, 72—74.

распредѣленія этихъ дѣятелей. Такъ исключаются, по мнѣнію Милля, всѣ предположенія о не прямой или сложной зависимости совпаденій отъ законовъ и очищается путь для установленія прямой непосредственной зависимости одного изъ совпадающихъ явленій отъ другого, т. е. къ установкѣ закона природы. Эмпирическій законъ, случаи примѣненія котораго встрѣчаются во всякомъ мѣстѣ, во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ, самъ собою возвышается на степень закона природы, имѣющаго значеніе для всякаго мѣста, для всякаго времени и для всякихъ обстоятельствъ.

Этимъ объясненіемъ несомнѣнно, по моему мнѣнію, существенный для эмпиризма вопросъ о переходѣ отъ частныхъ фактовъ къ установкѣ законовъ становится на болѣе твердую почву, но несомнѣнно также, что это совершается не безъ пожертвованія нѣкоторыми общими взглядами на логическіе процессы, ревниво проводимыми въ логикѣ Милля.

Эмпиризмъ въ основаніи знанія долженъ полагать исключительно частные факты. Эмпиристъ, желающій отстаивать логическую законность знанія, долженъ прежде всего объяснить логическую состоятельность вывода закона изъ частныхъ фактовъ. Для Милля единственный основной процессъ этого вывода есть простая индукція. О всякомъ усложненіи этого процесса предполагается, что оно уже подразумѣваетъ установку съ помощью простѣйшей индукціи высшихъ посылокъ знанія. Самая же простѣйшая индукція понимается какъ обобщеніе, какъ процессъ, который по существу состоитъ въ томъ, что мы, зная примѣры, согласные съ общимъ сужденіемъ, и не имѣя примѣровъ, противорѣчащихъ ему, устанавливаемъ общее сужденіе, достовѣрность котораго измѣряется массой встрѣчающихся въ опытѣ случаевъ, согласныхъ съ нимъ. Съ сейчасъ изложеннымъ объясненіемъ, которое оказалось нужнымъ, чтобы придать очевидность мысли о законности этого процесса, эта теорія получаетъ нѣсколько другой видъ. Если мы, отрѣшившись отъ частностей, возьмемъ общую мысль этого объясненія, то прежде всего увидимъ, что въ первомъ моментѣ характеризованнаго здѣсь логическаго процесса дѣйствительно приписывается логическая значимость процессу вывода изъ частныхъ фактовъ, согласныхъ съ извѣстнымъ общимъ сужденіемъ и изъ отсутствія въ нашемъ наблюденіи фактовъ, ему противорѣчащихъ. Но приписывается въ этомъ случаѣ логическая значимость этому выводу ни въ какомъ случаѣ не какъ выводу общаго сужденія: такой выводъ общаго сужденія, наоборотъ, здѣсь же открыто объявляется выводомъ, обыкно-

венно ведущимъ къ грубому заблужденію. Законнымъ признается болѣе скромный выводъ къ эмпирическому закону, къ признанію только принудительности совпаденія, его условности, которая можетъ быть и прямой, простой непосредственной и не терпящей исключеній, если бы совпаденіе оказалось закономъ природы, но можетъ быть и не прямой, посредственной и сложной, а слѣдовательно могущей оказаться и измѣнчивой при перемѣнѣ обстоятельствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и характеристическая черта процесса измѣняется: отъ совокупности частныхъ фактовъ, которые лежатъ у него въ основаніи, требуется совсѣмъ не то, чтобы она вселяла убѣжденіе въ невѣроятности съ нашей стороны просмотра исключеній изъ общаго сужденія, если бы подобныя исключенія существовали дѣйствительно, какъ это неизбѣжно требуется отъ индукціи, выводное сужденіе которой разсматривается какъ обобщеніе. Требованіе отъ совокупности частныхъ фактовъ совпаденія явленій здѣсь болѣе скромное и состоитъ въ томъ, чтобы она дѣлала для насъ невѣроятной случайность совпаденія. И если мы спрашиваемъ у Милля, что онъ называетъ случайностью совпаденія, то онъ очень опредѣленно отвѣчаетъ намъ [1]), что подъ явленіями, случайно совпадающими по времени, должны подразумѣваться явленія, которыя отнюдь не приведены въ соотношеніе связью причины съ дѣйствіемъ, не суть ни дѣйствія одной и той же причины, ни дѣйствія причинъ, между которыми есть какой-нибудь законъ сосуществованія, ни даже дѣйствія одного и того же распредѣленія первоначальныхъ дѣятелей. Въ понятіи случайнаго совпаденія явленій мы, очевидно, имѣемъ простое отрицательное соотносительное понятіе съ выше указаннымъ понятіемъ эмпирическаго закона. Вызванное постояннымъ совпаденіемъ явленій убѣжденіе въ неслучайности этого совпаденія точно равняется, слѣдовательно, убѣжденію въ существованіи эмпирическаго закона. А въ понятіи эмпирическаго закона, очевидно, перечисляются предположенія, которыя мы можемъ сдѣлать объ условіяхъ совпаденія, которое вслѣдствіе частныхъ случаевъ появленія своего въ воспріятіи признано никакъ не случайнымъ, а принудительнымъ, зависящимъ отъ какихъ-нибудь условій. И хотя Милль указываетъ здѣсь лишь на одно только усложненіе индуктивнаго процесса, на требованіе значительной массы примѣровъ, все-таки выводной процессъ дѣлается гораздо понятнѣе съ общенаучной точки зрѣнія,—понятнѣе уже потому, что задача его скромнѣе. Слишкомъ частыя совпаденія явленій

[1]) *Mill.* Sygt. of Log. II. 50—51; р. п. II. 48.

и при болѣе точной наукѣ всегда останавливаютъ на себѣ вниманіе изслѣдователя и побуждаютъ его доискиваться ихъ условій, конечно потому, что онъ считаетъ совершенно невѣроятнымъ приписать имъ совершенную случайность. И едва-ли можно отрицать, что такой взглядъ никакъ не вредитъ, а несомнѣнно содѣйствуетъ росту знанія; и во всякомъ случаѣ здѣсь мы не встрѣтимся съ такими отрицательными индукціями, которыя заставляли бы признать, что этого рода выводъ обыкновенно ведетъ къ грубымъ ошибкамъ.

Если мы обратимся теперь ко второму моменту процесса, о которомъ говоритъ вышеприведенное объясненіе Милля, то хотя весь этотъ процессъ для Милля долженъ быть простѣйшей формой индукціи, не терпящей никакихъ усложненій, пока не установлены общія истины, однако, здѣсь мы видимъ очевидное усложненіе. Дѣло идетъ, очевидно, о процессѣ исключенія различныхъ предположеній, которыя могли бы объяснять установленную неслучайность совпаденія косвенными причинами и которыя, по мнѣнію Милля, должны устраняться разнообразіемъ условій и распредѣленій, съ которыми должны встрѣчаться частные случаи совпаденій, какъ скоро они широко распространены въ мірѣ. И если мы опять возьмемъ этотъ процессъ исключенія по его общему характеру, не придавая никакого особаго значенія способу, въ зависимости отъ котораго ставится оно у Милля, то, по моему мнѣнію, придемъ къ той же мысли, что общенаучное сознаніе не можетъ имѣть никакихъ причинъ отрицать возможную законность такихъ процессовъ. Отчего бы относительно опредѣленнаго факта совпаденія, которое признано не случайнымъ, мы лишены были права ставить гипотезы о возможныхъ его условіяхъ и затѣмъ устранять тѣ или другія изъ сдѣланныхъ предположеній на основаніи подмѣчаемаго противорѣчія ихъ съ фактами или даже путемъ основанной на фактахъ же сравнительной оцѣнки ихъ вѣроятности и такимъ образомъ общей неопредѣленной мысли объ условленности совпаденія постепенно давать большую и большую опредѣленность? Здѣсь мы имѣли бы лишь признаваемый логически законнымъ усложненный гипотетическій процессъ. Конечно, выводъ, полученный такимъ путемъ, не можетъ претендовать на какую-нибудь безусловную достовѣрность уже потому, что гипотетическій процессъ, чтобы прійти къ опредѣленному результату, при данныхъ условіяхъ предполагаетъ, что мы можемъ исчерпать всѣ предположенія относительно обусловленности совпаденія; а составляя эти предположенія по указаніямъ опыта, мы можемъ утверждать только, что исчерпали предположенія, которыя можно со-

ставить на основаніи ранѣе пріобрѣтеннаго знакомства съ бытіемъ. Поэтому при бѣдности опыта болѣе или менѣе очевидная неслучайность совпаденія двухъ явленій обыкновенно сразу же отожествляется съ прямою причинною зависимостью ихъ одного отъ другого. И если обогащеніе опытомъ и развитіе подъ его вліяніемъ изслѣдующей мысли ведутъ къ признанію, что такое отожествленіе есть лишь слишкомъ поспѣшная гипотеза, если опытъ научаетъ, что опредѣленное совпаденіе явленій, никакъ не переставая быть не случайнымъ, можетъ все же и не представлять собою прямой законъ причинной связи между этими явленіями, а можетъ быть результатомъ связи посредственной, непрямой и сложной, то все же и при самомъ широкомъ опытѣ, съ безусловною достовѣрностью вполнѣ нельзя поручиться, что сдѣланныя предположенія объ этихъ косвенныхъ связяхъ исчерпываютъ сполна всѣ возможности. Но и самъ Милль, говоря о достовѣрности того вывода, съ помощью котораго должны устанавливаться у него послѣднія посылки знанія, прежде всего говоритъ [1]) о достовѣрности относительной, т. е. большей, чѣмъ достовѣрность другихъ выводовъ, и если и приписываетъ ей безусловность [2]), то только въ смыслѣ безусловной достаточности ея для всѣхъ практическихъ цѣлей.

Такъ мы приходимъ къ мысли, что обсуждаемое теперь миллево разъясненіе значенія основного индуктивнаго процесса, хотя и не совсѣмъ согласно съ общей тенденціей его логики, но по своей общей мысли способно все же поставить существенный для эмпиризма вопросъ съ точки зрѣнія общаго научнаго сознанія на болѣе твердую почву. Однако, если взять его прямо въ томъ видѣ, какой имѣетъ оно у Милля, то нельзя не признать, что имъ совсѣмъ не достигаются тѣ результаты, которые могли бы быть достигнуты при болѣе послѣдовательномъ и болѣе широкомъ развитіи положенной въ его основу общей мысли. Оставляя въ сторонѣ менѣе существенные недочеты и непослѣдовательности, мы не можемъ не остановиться на двухъ главнѣйшихъ недостаткахъ этого объясненія.

Во-первыхъ, какъ сказано было выше, Милль очень опредѣленно примѣняетъ взглядъ, развитый въ этомъ объясненіи, лишь къ однообразіямъ, зависящимъ отъ закона связи причины со слѣдствіемъ. Можно подумать, что это ограниченіе не есть на самомъ дѣлѣ ограниченіе и Милль указалъ на примѣненіе объясненія къ этимъ едино-

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. II. 103; р. п. II. 96.

[2]) Ibid. II. 105; р. п. II, 98.

образіямъ только потому, что въ цѣломъ рядѣ предшествующихъ главъ его логики обсуждались исключительно процессы, имѣющіе дѣло съ этими единообразіями (о чемъ Милль здѣсь же и упоминаетъ), а процессы, имѣющіе дѣло съ другими единообразіями, кратко разсматриваются уже далѣе и потому примѣнять этотъ же взглядъ и къ нимъ казалось преждевременнымъ. Однако и послѣ разъясненія вопроса о сосуществованіяхъ, независимыхъ отъ связи причины съ дѣйствіемъ, Милль [1]) повторяетъ послѣднюю половину объясненія опять исключительно въ примѣненіи къ единообразіямъ, зависящимъ отъ общаго закона причинной связи; а относительно широты обобщенія независимыхъ отъ него единообразій сосуществованія тутъ же замѣчаетъ только: чѣмъ болѣе общъ законъ, тѣмъ изъ большей суммы случаевъ онъ выведенъ и тѣмъ больше, слѣдовательно, вѣроятность, что если бы исключенія существовали, то нѣкоторыя уже представились бы. Но если согласиться съ такимъ ограниченіемъ, то какая же польза отъ объясненія, которое оказывается приложимымъ только къ однообразіямъ, зависящимъ отъ закона причинности? Мы имѣемъ послѣднія посылки знанія, которыя представляютъ собою законы сосуществованія: обѣ важнѣйшія геометрическія аксіомы, аксіома о невозможности двумъ прямымъ замкнуть пространство и аксіома параллелей суть положенія, въ которыхъ рѣшается вопросъ о возможности сосуществованія въ предметѣ однихъ опредѣленныхъ свойствъ съ опредѣленными другими. Къ индуктивному доказательству этихъ истинъ, слѣдовательно, по мнѣнію самого Милля, разсматриваемое объясненіе, которое впервые даетъ возможность понять состоятельность подобныхъ доказательствъ съ точки зрѣнія общенаучнаго сознанія и которое, по словамъ самого Милля, дѣлаетъ очевиднымъ логическое значеніе широты выводного сужденія, оказывается совсѣмъ неприложимымъ [2]).

Для насъ самый существенный вопросъ состоитъ, конечно, въ томъ,

---

[1]) Ibid. II. 120—121; p. n. II. 111.

[2]) Если Милль на этой сторонѣ дѣла не сосредоточилъ всего своего вниманія если онъ аксіомы математики, которымъ самъ приписываетъ особую достовѣрность и очевидность, оставилъ со стороны объясненія убѣдительности ихъ доказательства въ положеніи наименѣе выгодномъ, то это, конечно, могло случиться только благодаря разобранному уже мною ученію его о возможности доказывать эти аксіомы на представленіяхъ. Это придавало имъ, по мнѣнію Милля, свою особую очевидность, на которую онъ и ссылается, говоря объ ихъ индуктивномъ доказательствѣ. *Mill.* Syst. of Log. II. 145—146, 154, p. n. II. 133—134, 142—143.

должны ли мы смотрѣть на это ограниченіе наиболѣе серьезнаго объясненія состоятельности выводовъ, которыми должны доказываться въ эмпиризмѣ послѣднія посылки знанія, какъ на роковую необходимость для эмпиризма или только какъ на ошибку Милля.

Самъ онъ не говоритъ опредѣленно, почему считаетъ нужнымъ это ограниченіе. Во всякомъ случаѣ самый важный пунктъ въ объясненіи, признаніе права за простѣйшей индукціей устанавливать эмпирическіе законы, несомнѣнно, по мнѣнію самого Милля, можетъ относиться не къ совпаденіямъ только, зависящимъ отъ законовъ причинной связи, но и ко всякаго рода совпаденіямъ. Свойства предметовъ Милль [1]) дѣлитъ на зависящія отъ причинъ и не зависящія и соотвѣтственно этому дѣлитъ и подмѣчаемое нашимъ наблюденіемъ сосуществованіе свойствъ также на два вида. Совершенно понятно, что къ единообразіямъ сосуществованія свойствъ перваго вида должны были прилагаться имъ сполна всѣ процессы, которые онъ считаетъ примѣнимыми къ единообразіямъ, зависящимъ отъ общаго закона причинной связи явленій. Но и говоря о сосуществованіи свойствъ, независимыхъ отъ этого закона, онъ [2]), правда, изъ этой независимости дѣлаетъ выводъ, что болѣе строгіе методы наведенія, какъ предполагающіе вѣру въ законъ причинной связи, здѣсь неприложимы; однако онъ отсюда же никакъ не выводитъ, что въ отношеніи къ этимъ единообразіямъ невозможна и установка эмпирическаго закона; наоборотъ, въ своихъ разсужденіяхъ объ этихъ единообразіяхъ онъ всюду предполагаетъ, такъ сказать, въ качествѣ безспорной истины, что и относительно ихъ, какъ и относительно всякаго рода индуктивно устанавливаемыхъ единообразій совпаденія явленій, съ помощью простой индукціи можетъ быть устанавливаемъ эмпирическій законъ. Такимъ образомъ, если онъ ограничиваетъ разбираемое нами свое объясненіе исключительно единообразіями, зависящими отъ общаго закона причинности, то основаніе этого можетъ заключаться исключительно только во второмъ моментѣ описываемаго въ этомъ объясненіи процесса, въ исключеніи всѣхъ возможныхъ предположеній объ условіи совпаденія опредѣленныхъ явленій кромѣ предположенія о прямой и непосредственной связи между самыми этими явленіями. Но на чемъ же могла бы основываться такая мысль?

Конечно, не невозможно предположить, что этотъ моментъ исклю-

---

[1]) Ibid. II. 113—115; p. n. II. 104—105.

[2]) Ibid. II. 115—116, 120; p. n. 105—107, 110.

ченія, по мнѣнію Милля, предполагаетъ уже вѣру въ общую аксіому всѣхъ единообразій, къ которымъ примѣняется объясненіе, т. е. въ законъ причинной связи; а такъ какъ сосуществованія, не зависящія отъ этого закона, не имѣютъ и своего особаго общаго закона, который могъ бы служить посылкой при процессѣ исключенія, то въ отношеніи къ нимъ этотъ процессъ Миллемъ и считается невозможнымъ. Въ пользу такого толкованія Миллева взгляда можно даже сослаться и на тотъ фактъ, что самъ Милль [1]) указываетъ на это именно различіе между единообразіями, зависящими отъ общаго закона причинной связи и единообразіями, не зависящими отъ него, какъ на условіе возможности совершать процессы исключенія въ отношеніи къ первымъ и невозможности совершать ихъ въ отношеніи ко вторымъ. Однако, это доказательство мнѣ не представляется рѣшительнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ у Милля дѣло идетъ о процессѣ исключенія, совершающемся путемъ сложныхъ индуктивныхъ методовъ, а не вслѣдствіе простой широты выводного сужденія, получаемаго чрезъ индукцію per enumerationem simplicem; и притомъ, хотя то значеніе, какое онъ въ разбираемомъ объясненіи придаетъ этой широтѣ, явно состоитъ въ исключеніи различныхъ предположеній относительно условій извѣстнаго единообразія опредѣленныхъ совпаденій, однако самъ Милль нигдѣ не называетъ этотъ моментъ процесса исключеніемъ и послѣдовательно смотритъ на весь процессъ какъ на простое индуктивное обобщеніе.

Но важнѣйшее затрудненіе придать такое толкованіе взгляду Милля состоитъ въ томъ, что если бы мнѣніе Милля было дѣйствительно таково, то объясненіе его, о которомъ идетъ рѣчь, потеряло бы всякій смыслъ, такъ какъ, будучи неприложимо, по мнѣнію Милля, къ математическимъ аксіомамъ, оказалось бы въ то же время совершенно неприложимымъ и къ положенію, которое, по Миллю, лежитъ въ основаніи естествознанія, т. е. къ общему закону причинной связи явленій. И въ такомъ случаѣ намъ оставалось бы только удивляться тому, какъ Миллю могло прійти на мысль сослаться на это объясненіе, когда у него рѣчь идетъ о значеніи широты выводного сужденія для его достовѣрности при индуктивныхъ выводахъ per enumerationem simplicem и притомъ въ интересахъ обезпеченія достовѣрности доказательства закона причинной связи явленій. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ индукціи, которыя предполагаютъ убѣжденіе въ за-

[1]) Ibid. II. 115; p. n. 105—106.

конѣ причинности, по ученію самого Милля, должны имѣть достовѣрность независимую отъ широты выводного сужденія, а зависящую отъ широты и достовѣрности самаго закона причинной связи явленій, что именно и даетъ по его взгляду особое значеніе сложнымъ индуктивнымъ методамъ. Съ другой стороны, какъ можно при разъясненіи убѣдительности доказательства общаго закона причинной связи явленій ссылаться на такое значеніе индуктивныхъ выводовъ, которое можно приписать имъ, лишь предполагая уже достовѣрность этого закона? Оставимъ на минуту Милля и попытаемся точнѣе вникнуть въ сущность дѣла.

Какъ скоро право устанавливать невѣроятность случайнаго совпаденія явленій признано одинаково въ отношеніи къ единообразіямъ совпаденій, какъ зависящимъ отъ общаго закона причинной связи, такъ и не зависящимъ отъ него, тотчасъ, конечно, понятіе о случайномъ совпаденіи явленій должно нѣсколько измѣниться. Подъ случайными совпаденіями должны разумѣться совпаденія, не только не зависящія посредственно или непосредственно отъ законовъ причинной связи между явленіями, но и не служащія выраженіемъ какого-либо самостоятельнаго закона сосуществованія. Понятно, что соотвѣтственно съ этимъ измѣнится и соотносительное съ понятіемъ случайнаго совпаденія понятіе эмпирическаго закона. Въ него войдетъ въ качествѣ особаго возможнаго предположенія предположеніе, что совпаденіе есть выраженіе самостоятельнаго закона сосуществованія. По ученію Милля, всѣ единообразія послѣдовательности должны объясняться изъ законовъ причинной связи. Что же касается единообразій сосуществованія, то они могутъ быть или самостоятельными законами сосуществованія или производными единообразіями вслѣдствіе усложненія отношеній между явленіями по ихъ причинной зависимости. Поэтому, когда мы устанавливаемъ неслучайность единообразія сосуществованія, то эмпирическій законъ выражаетъ собственно дилемму: это единообразіе или должно выражать собою самостоятельный законъ сосуществованія или быть результатомъ какого-нибудь усложненія причинныхъ отношеній этихъ явленій. Послѣдній членъ этой дилеммы, конечно, можетъ самъ распадаться на нѣсколько болѣе частныхъ предположеній; и между ними необходимо займетъ мѣсто и такое предположеніе, что единообразно сосуществующія явленія, можетъ быть, суть дѣйствія различныхъ причинъ, сосуществующихъ дѣятелей. И если по ученію Милля объ единообразіяхъ, зависящихъ отъ закона связи причины съ дѣйствіемъ, мы должны признать, что чѣмъ шире

распредѣлены въ бытіи примѣры такого единообразія, тѣмъ болѣе исключается мысль о зависимости его отъ особыхъ распредѣленій дѣятелей, то, конечно, и при предполагаемомъ вопросѣ о производности или непроизводности извѣстнаго единообразія сосуществованія, чѣмъ шире въ бытіи распространены случаи этого единообразія, тѣмъ менѣе вѣроятнымъ должно дѣлаться предположеніе о зависимости его отъ распредѣленія дѣятелей. Этимъ проблемматическимъ примѣромъ я хочу показать, что кто широту распространенія въ бытіи проявленій извѣстнаго единообразія считаетъ важнымъ факторомъ при исключеніи различныхъ предположеній относительно условности однообразій, зависящихъ отъ общаго закона причинной связи, тотъ только вслѣдствіе непослѣдовательности могъ бы думать, что эта широта распространенія единообразія не можетъ имѣть совершенно никакого значенія при опредѣленіи, путемъ исключенія, самостоятельныхъ единообразій сосуществованія; онъ не можетъ такъ думать, потому что какъ многія изъ предположеній, подлежащихъ исключенію, такъ и основанія исключенія должны часто оказываться одинаковыми въ обоихъ случаяхъ.

Если это такъ, то этимъ, повидимому, указывается и единственный, по моему мнѣнію, путь, объяснить взглядъ на этотъ предметъ Милля. Милль, какъ было уже замѣчено, вовсе не обращаетъ вниманія на то, что въ объясняемомъ имъ процессѣ существенную роль играетъ исключеніе возможныхъ предположеній. Все его вниманіе исключительно сосредоточено на конечномъ желательномъ результатѣ процесса, на установкѣ съ его помощію закона природы, будетъ ли то опредѣленнаго закона причинной связи или опредѣленнаго закона сосуществованія. Онъ находитъ, что съ широтой распространенности въ мірѣ проявленій однообразія все болѣе и болѣе теряютъ значеніе предположенія о зависимости единообразія отъ случайнаго отсутствія вліяній, противодѣйствующихъ сложнымъ условіямъ, его производящимъ, и о зависимости его отъ фактическаго распредѣленія дѣятелей. И такъ какъ съ другой стороны онъ думаетъ, что при единообразіяхъ, зависящихъ отъ общаго закона причинной связи, съ устраненіемъ этихъ предположеній устраняются и всѣ предположенія о косвенной и сложной условности единообразія, а слѣдовательно получается право твердо установить законъ природы, то онъ и указываетъ на эти процессы какъ на разъясненіе этой установки. Но съ помощью подобныхъ исключеній, по его мнѣнію, нельзя прійти къ столь же опредѣленному и рѣшительному выводу,

когда дѣло касается твердой установки самостоятельнаго закона сосуществованія; а поэтому эти процессы исключенія, хотя бы они и здѣсь были вполнѣ возможны и помогали ограниченію сферы возможныхъ предположеній, лишаются въ его глазахъ всякаго значенія, такъ какъ съ помощью ихъ твердо не устанавливается тотъ результатъ, который исключительно его занимаетъ.

Во всякомъ случаѣ изъ всего предшествующаго можно, мнѣ кажется, сдѣлать тотъ выводъ, что если даже процессы установки эмпирическаго закона и исключенія различныхъ входящихъ въ понятіе о немъ предположеній принимать прямо въ той формѣ, какъ представляются они въ Миллевомъ объясненіи значенія широты индуктивно выведенныхъ сужденій, то все же нѣтъ никакого права думать, что они примѣнимы, когда дѣло идетъ объ единообразіяхъ одного рода, и совсѣмъ не примѣнимы, когда дѣло идетъ объ единообразіяхъ другого рода.

Еще болѣе важенъ другой недостатокъ въ развитіи у Милля общей мысли, лежащей въ основаніи разбираемаго нами его объясненія, — недостатокъ, который неблагопріятно отражается на всей постановкѣ ученія его о достовѣрности знанія.

Такъ какъ эмпиризмъ, въ противоположность другимъ направленіямъ, могъ указать исключительно только на частные факты какъ на послѣднее основаніе знанія, то можно бы было думать, что существенный для него вопросъ о логическомъ правѣ перехода отъ частныхъ фактовъ къ законамъ побудитъ его внимательнѣе анализировать самые эти частные факты, точнѣе уяснить себѣ дѣйствительно ли всѣ они имѣютъ въ этомъ отношеніи совершенно одинаковое значеніе, не ошибочно ли сглаживаетъ всякое различіе между ними индукція, давая всѣмъ имъ одинаковое значеніе единичныхъ и совершенно равноцѣнныхъ примѣровъ опредѣленнаго соединенія явленій.

Прежнія работы по логикѣ указывали довольно опредѣленно пунктъ, на который эмпиризмъ съ надеждой на успѣхъ могъ сосредоточить свое вниманіе. Наука уже давно оцѣнила громадную важность экспериментаціи для установки научныхъ истинъ. Изъ писателей новаго времени, можетъ быть, самъ Милль не менѣе, чѣмъ какой нибудь другой писатель по логикѣ, обнаруживаетъ вообще живое сознаніе этой важности. Но было особое обстоятельство, которое, какъ нужно полагать, послужило для Милля помѣхой при уясненіи значенія экспериментаціи для разрѣшенія того существеннаго для эмпиризма вопроса, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Милль обратилъ

особое вниманіе на разъясненіе той мысли, что сложные индуктивные выводы, въ которыхъ очень часто и очень крупную роль играютъ факты, полученные экспериментальнымъ путемъ, зависятъ отъ предварительно полученнаго убѣжденія въ общемъ законѣ причинной связи явленій. И самое напряженное стремленіе провести эту мысль во всей ея послѣдовательности совсѣмъ затушевало въ сознаніи Милля самостоятельное значеніе экспериментаціи, независимое отъ подкрѣпленія, которое могутъ находить выводы изъ фактовъ, полученныхъ съ ея помощью, отъ ранѣе установленнаго закона причинной связи явленій.

Милль въ своей логикѣ посвящаетъ цѣлую главу [1]) различенію наблюденія отъ опыта и разъясненію значенія того и другого. Но это дѣлается у него подъ предположеніемъ [2]), что дѣло идетъ объ описаніи и оцѣнкѣ этихъ способовъ знакомства съ фактами, когда уже заранѣе установлена истина, что каждому факту, начинающему существовать, есть причина и что эту причину слѣдуетъ искать между фактами, которые непосредственно предшествовали этому событію. И поэтому опытъ и наблюденіе здѣсь является [3]) какъ способы установки опредѣленныхъ причинныхъ связей между явленіями уже подъ предположеніемъ, что должны существовать какія-либо причины наблюдаемыхъ и экспериментируемыхъ явленій. Правда, въ этой же главѣ онъ, между прочимъ, разъясняетъ [4]), что наблюденіемъ можно доказать неизмѣнное предшествующее извѣстнаго явленія, но никакъ не безусловное его предшествующее, не его причину, и послѣднее доказывается только экспериментомъ. Но, разъясняя такъ называемый методъ различія, къ которому и сводится это экспериментальное доказательство причинной связи между опредѣленными явленіями, онъ [5]) очень опредѣленно учитъ, что этимъ методомъ доказывается причинная связь явленій лишь подъ предположеніемъ, что перемѣна, происшедшая отъ введенія извѣстныхъ фактовъ въ совокупность извѣстныхъ обстоятельствъ, должна имѣть причину. Говоря объ индукціи per enumerationem simplicem какъ методѣ, которымъ пользовались древніе, онъ [6]) видитъ недостатокъ его въ томъ, что наблюденіе у древнихъ предполагалось пассивное, такъ какъ понятіе объ

---

[1]) *Mill.* Syst. of. Log. I. 414—424; p. п. I. 408—417.
[2]) Ibid. I. 414; p. п. 408.
[3]) Ibid. I 416—418; p. п. 410—411.
[4]) Ibid. I. 422—423; p. п. I. 416.
[5]) Ibid. II. 95—96; p. п. II. 88.
[6]) Ibid. I. 347; p. п. I. 342.

отыскиваніи отрицательныхъ инстанцій, о произведеніи ради этого опытовъ, о допрашиваніи природы принадлежитъ позднѣйшему времени; и такимъ образомъ онъ хочетъ, повидимому, указать на особое значеніе экспериментаціи, возможное и при этомъ простѣйшемъ индуктивномъ методѣ. Но на дѣлѣ это не такъ; на дѣлѣ здѣсь же онъ говоритъ, что по этому методу мы имѣемъ право заключать, лишь когда убѣждены, что если бы исключенія существовали, то мы знали бы о нихъ, а это возможно лишь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, подъ которыми разумѣетъ единственно индукціи съ самымъ широкимъ выводнымъ сужденіемъ, т. е. индукціи, которыя имѣютъ дѣло съ частными случаями, повсюду въ изобиліи распространенными въ природѣ. Такимъ образомъ путь, который предполагаетъ произведеніе опытовъ, активное изслѣдованіе природы, онъ разсматриваетъ какъ результатъ такого усложненія, которое предполагаетъ уже установленными простѣйшей индукціей послѣднія посылки. Поэтому, когда Милль говоритъ о простѣйшей индукціи, которой доказываются послѣднія посылки знанія и тѣмъ впервые открывается по его мнѣнію путь для всякихъ возможныхъ усложненій доказательства, то онъ можетъ, правда, разумѣть подъ фактами, которые обнимаетъ эта индукція, не только факты чистаго наблюденія, но и факты, въ произведеніи которыхъ участвовалъ человѣческій произволъ, человѣческая самодѣятельность, слѣдовательно, представляющіе различныя формы экспериментированія; по моему мнѣнію, онъ даже не можетъ не подразумѣвать подъ своей простѣйшей индукціей и эти послѣдніе факты, такъ какъ почему они были бы исключены, когда они существуютъ? Но говоря объ этой индукціи, онъ совсѣмъ не выдѣляетъ эти факты изъ всѣхъ остальныхъ, не останавливаетъ на нихъ особаго вниманія, не задается вопросомъ о какомъ-нибудь ихъ особомъ значеніи для вывода. И потому-то всю силу, все значеніе доказательства этой индукціи онъ исключительно видитъ въ широтѣ получаемаго обобщенія, въ повсемѣстности распространенія случаевъ, на которыхъ она опирается. Потому-то это индуктивное доказательство разъясняется у него въ такомъ смыслѣ, какъ будто всѣ факты, одинаково наблюденія и эксперименты, имѣли для него совершенно то же значеніе, и индукція нисколько не проигрывала бы въ своей силѣ, еслибы все дѣло ограничивалось простыми наблюденіями и нисколько не выигрывала бы, еслибы соединялась съ экспериментаціей.

Съ этимъ же полнымъ игнорированіемъ всякаго особаго значенія экспериментаціи въ выводахъ, при которыхъ не предполагается убѣ-

жденія въ общемъ законѣ причинной связи явленій, стояло у Милля въ неизбѣжной связи и другое ограниченіе значенія экспериментаціи, ограниченіе значенія ея исключительно выводами, относящимися къ причинной связи явленій. При признаваемомъ Миллемъ сплошномъ дедуктивномъ характерѣ математическаго знанія, на долю индукціи остается у него исключительно установка послѣднихъ посылокъ этого знанія, аксіомъ. Но всѣ послѣднія посылки знанія должны, по его мнѣнію, устанавливаться съ помощію простѣйшей индукціи, въ которой, какъ мы видимъ, особое значеніе экспериментаціи исключено, а поэтому оно не можетъ подразумѣваться и при доказательствѣ математическихъ аксіомъ. Но и вообще при индуктивной установкѣ какихъ бы то ни было истинъ, сверхъ законовъ причинной связи явленій, значеніе экспериментаціи оказывается устраненнымъ, такъ какъ логика Милля знаетъ сложную индукцію лишь въ качествѣ пріемовъ при изслѣдованіи и доказательствѣ законовъ причинной связи, а всѣ остальныя истины, въ родѣ напримѣръ, единообразій сосуществованія явленій, когда предполагается ихъ независимость отъ общаго закона причинной связи, оказываются предоставленными простѣйшей формѣ индукціи, при которой какого-либо особаго значенія экспериментаціи не предполагается.

Однако, ужели все это такъ и на самомъ дѣлѣ? Конечно, нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ томъ, что убѣжденіе въ общей причинной связи явленій, какъ скоро оно существуетъ и принимается въ разсчетъ, можетъ очень разнообразно входить въ наши выводы частныхъ законовъ причинной связи явленій, можетъ входить и въ тѣ выводы, которые имѣютъ дѣло съ фактами, полученными экспериментальнымъ путемъ; и входя въ эти выводы, вѣра въ законъ причинности несомнѣнно содѣйствуетъ ихъ убѣдительности. Но съ другой стороны не менѣе несомнѣнно, что фактически мы можемъ пользоваться экспериментаціей и тогда, когда мы поставили бы въ вопросъ всеобщность закона связи причины съ дѣйствіемъ, равно также какъ и при доказательствѣ такихъ положеній, которыя не представляютъ собою частныхъ законовъ этой связи. И ужели мы должны думать, что экспериментація, которая какъ эксперементація не можетъ, конечно, не отличаться отъ простого наблюденія во всѣхъ этихъ случаяхъ не внесетъ въ процессъ вывода ничего такого, чего бы не могло бы внести въ него простое наблюденіе.

Въ вопросѣ, который теперь насъ занимаетъ, это полное игнорированіе Миллемъ особаго значенія эксперементаціи ея внѣ зависимости

отъ вѣры въ законъ причинности выразилось въ томъ, что Милль вѣрную общую мысль о значеніи установки эмпирическаго закона и процесса исключенія для разъясненія перехода отъ частныхъ фактовъ къ закону неразрывно связалъ съ пассивной индукціей, къ которой всѣ факты предполагаются имѣющими одинаковое значеніе просто наблюдаемыхъ фактовъ и тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности указать на процессы, которые гораздо рѣшительнѣе и вѣрнѣе могутъ достигать требуемыхъ результатовъ.

Обратимся прежде всего къ убѣжденію въ неслучайности совпаденія опредѣленныхъ явленій.

Какъ скоро я замѣчаю, что опредѣленное явленіе С тотчасъ послѣдовало, какъ скоро я по произвольному акту рѣшимости (А) совершилъ извѣстное дѣйствіе В, то я получаю возможность повторять этотъ опытъ въ какомъ угодно мѣстѣ, въ какой угодно моментъ времени и въ какомъ угодно количествѣ случаевъ. Если опыты продолжаютъ удаваться, то прежде всего получается возможность имѣть какое угодно количество совпаденій, опредѣленно комбинированныхъ условій съ опредѣленнымъ результатомъ и такимъ образомъ восполнять сколько угодно количественный недостатокъ фактовъ, если дѣло идетъ о совпаденіяхъ, которыя не встрѣчаются сами по себѣ въ природѣ въ слишкомъ большомъ обиліи. Само собою понятно, что это значеніе экспериментаціи не требуетъ никакихъ другихъ предположеній кромѣ тѣхъ, которыя подразумѣваются вообще при допускаемой Миллемъ установкѣ эмпирическаго закона.

Но пусть дѣло идетъ о совпаденіи, случаи котораго разсѣяны въ природѣ въ достаточномъ количествѣ. Самый произволъ (А) въ выборѣ мѣста и времени для совершенія дѣйствія В, за которымъ должно послѣдовать опредѣленное явленіе С, безмѣрно понижаетъ вѣроятность случайности въ появленіи В при повтореніи опытовъ сравнительно съ пониженіемъ ея при простомъ наблюденіи того же числа случаевъ. И для того, чтобы доказать это, вовсе не нужно даже обращаться къ индетерминистическому понятію о произволѣ, котораго всѣми мѣрами избѣгаетъ современная психологія; для этого достаточно понятія о немъ, какъ о рѣшимости произвести опредѣленный фактъ, руководящейся внутренними мотивами. Въ самомъ дѣлѣ, когда нашимъ произволомъ опредѣляется мѣсто и время опыта, то къ случайности совпаденія явленія С съ дѣйствіемъ В прибавляется еще случайность совпаденія того же самаго явленія С съ актомъ нашей произвольной рѣшимости А, который непосредственно опредѣлялъ мѣсто и время

появленія B, а черезъ него посредственно мѣсто и время появленія C. Такимъ образомъ въ то время какъ при наблюденіи идетъ вопросъ о невѣроятности извѣстнаго числа совпаденій двухъ опредѣленныхъ событій, при экспериментаціи идетъ вопросъ о вѣроятности того же числа совпаденій, трехъ событій. Опять и здѣсь мы видимъ такое значеніе экспериментаціи, для котораго не нужно никакихъ другихъ предположеній, кромѣ тѣхъ, которыя подразумѣваются Миллемъ, когда онъ для установленія эмпирическаго закона требуетъ отъ индукціи, чтобы число совпаденій, на которыя она ссылается, было болѣе, чѣмъ какое съ вѣроятностью можно объяснить простою случайностію.

Элементъ активности, произвола, характеризующій экспериментацію, на столько важенъ при установкѣ неслучайности совпаденія, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неслучайность устанавливается, повидимому, на основаніи чисто пассивнаго наблюденія, при болѣе точномъ анализѣ оказывается необходимымъ участіе той же активности, того же произвола, проявляющагося только въ иной формѣ.

Ставя B черезъ актъ произвольной рѣшимости A и наблюдая появленіе C, мы непосредственно ставимъ вопросъ о случайности совпаденія C не просто съ B, а съ B, слѣдующимъ за A. Это, правда, усложняетъ дальнѣйшій процессъ исключенія; для него является особая задача, излишняя при установкѣ случайности путемъ простого наблюденія совпаденій C съ B,—задача опредѣлить, не совпадаетъ ли C съ B только потому, что оба они самостоятельно связаны съ произвольнымъ актомъ A. Но эта задача рѣшается безъ труда, такъ какъ мы хорошо знаемъ, что всѣ A, не соединенные съ B, не сопровождаются и C, т. е. что произвольная рѣшимость, направленная на иныя дѣйствія, а не на B, никогда не сопровождается измѣненіемъ C. А между тѣмъ самая постановка вопроса о не случайности совпаденія, какъ она непосредственно дѣлается при экспериментаціи, т. е. постановка его въ такой формѣ, случайно или неслучайно C совпадаетъ (не просто съ B, а) съ A, сопровождающимся B, необыкновенно облегчаетъ его рѣшеніе. Кромѣ вышеуказанной причины, она облегчаетъ рѣшеніе вопроса еще и потому, что всѣ случаи соединенія A съ B неизбѣжно попадаютъ въ наше наблюденіе: акты произвольной рѣшимости (A) поставить B вмѣстѣ съ самой постановкой B, какъ акты моего сознанія, всѣ сполна падаютъ въ мое наблюденіе. Поэтому, совершивъ рядъ такихъ актовъ и находя, что при каждомъ случаѣ соединенія A съ B наблюдались появленія C, я имѣю полное право утверждать, что во всѣхъ досель бывшихъ

случаяхъ соединенія A съ B появлялось измѣненіе C. A такъ какъ случайно совпадающими явленіями называются такія, у которыхъ не предполагается какихъ-либо условій, благопріятствующихъ взаимному совпаденію ихъ болѣе, чѣмъ совпаденію ихъ съ какими-либо другими явленіями, то совпаденіе C съ A, соединенныхъ съ B, являющееся безъ исключенія каждый разъ, какъ только A соединяется съ B, при сколько кибудь значительномъ количествѣ опытовъ, естественно даетъ право отрицать вѣроятность случайности такого совпаденія. Совсѣмъ инымъ оказывается дѣло, когда вопросъ о случайности или неслучайности совпаденія долженъ быть рѣшенъ на основаніи пассивнаго наблюденія надъ событіемъ B, въ произведеніи котораго совсѣмъ не участвовалъ никакой нашъ произвольный актъ A. О случаяхъ B, не вызванныхъ нашею самодѣятельностію не только нельзя сказать, что ихъ существуетъ столько, сколько наблюдается, но, наоборотъ, какъ бы ни было значительно количество случаевъ B, падающихъ въ наблюденіе, оно обыкновенно ничтожно сравнительно съ безчисленными случаями того же рода, существующими даже только въ доступной вообще нашему наблюденію части вселенной; это есть неизбѣжное слѣдствіе разнообразной ограниченности нашего воспріятія за каждый моментъ времени. А потому, если бы всѣ B, падающія въ наше воспріятіе, оказались въ сопровожденіи C, то, оставаясь строго въ предѣлахъ факта, мы могли бы утверждать только, что нѣкоторая незначительная часть всѣхъ B совпадала съ C. И если бы мы предположили, что на основаніи сдѣланныхъ наблюденій, мы имѣемъ право относительно событій B утверждать исключительно этотъ фактъ, то не трудно видѣть, что изъ него сколько-нибудь твердаго вывода о неслучайности соединенія C съ B сдѣлать было бы совершенно не возможно. Міровой процессъ въ каждый моментъ обнимаетъ безконечное количество разнообразныхъ явленій и въ каждомъ мѣстѣ всегда оказывается масса сосуществующихъ фактовъ. А поэтому, если бы не было никакихъ условій, благопріятствующихъ сосуществованію C съ B болѣе, чѣмъ сосуществованію этихъ явленій съ другими явленіями, не было бы ничего невѣроятнаго въ томъ, что изъ безконечнаго количества случаевъ существованія явленій B незначительная часть ихъ, воспринятая нами, совпала съ явленіями C. Совершенно невѣроятной случайность этого совпаденія оказалась бы лишь въ томъ случаѣ, если бы мы могли утверждать, что болѣе или менѣе значительная часть всѣхъ B сопровождалась явленіями C. И если мы, встрѣчая въ наблюденіи при извѣстныхъ условіяхъ постоянное безъисключительное совпаденіе C съ B, при-

знаемъ за собою законное право твердо устанавливать не случайность этого совпаденія, когда знаемъ, что попадавшіе въ наше воспріятіе случаи B составляютъ лишь ничтожную часть безчисленнаго количества этихъ случаевъ, не падающихъ въ наше наблюденіе, то это, конечно, только потому, что считаемъ себя въ правѣ на данные въ воспріятіи случаи существованія извѣстнаго явленія, сопровождаемаго другимъ явленіемъ, смотрѣть какъ на представителей болѣе или менѣе значительной массы случаевъ этого рода, существующей въ доступной вообще нашему наблюденію части вселенной. А если это такъ, то придется признать, что дѣлаемый изъ пассивныхъ наблюденій выводъ о неслучайности опредѣленныхъ совпаденій дѣлается никакъ не непосредственно изъ того или другого количества констатированныхъ въ наблюденіи фактовъ, а дѣлается уже изъ выведенной изъ этихъ фактовъ мысли по крайней мѣрѣ о значительномъ распространеніи въ доступной нашему наблюденію части бытія извѣстнаго рода совпаденій. Вотъ на этомъ то предварительномъ выводѣ, безъ котораго не имѣлъ бы законности и самый выводъ о неслучайности совпаденій, мы и должны теперь обратить свое вниманіе и спросить: на чемъ же онъ основывается, въ силу чего мы признаемъ его законность?

Предположимъ, что мы имѣли бы въ отношеніи къ какому-нибудь классу явленій право подозрѣвать, что наше воспріятіе, обращаясь то къ тому, то къ другому изъ случаевъ этого класса за разрѣшеніемъ вопроса о сопровожденіи или несопровожденіи этого явленія какимъ-либо опредѣленнымъ другимъ явленіемъ, уже по самой природѣ своей подчинено роковой тенденціи обращаться въ каждый моментъ къ тому мѣсту, гдѣ какъ разъ оказывается искомое нами совпаденіе явленій и отсутствуютъ случаи противорѣчащіе. Понятно, что мы изъ наблюденія случаевъ совпаденія, какъ они ни были бы многочисленны, не сочли бы себя въ правѣ судить о случаяхъ невоспринятыхъ, а слѣдовательно не могли бы говорить о невѣроятности случайности такихъ совпаденій въ самомъ бытіи. Это значитъ, что если мы считаемъ законнымъ смотрѣть на встрѣчающіяся въ воспріятіи случаи совпаденія опредѣленнаго явленія съ опредѣленнымъ другимъ, какъ на представителей цѣлой массы такихъ случаевъ, не падавшихъ въ наше воспріятіе, то это только потому, что мы увѣрены, что при опредѣленіи мѣста, времени, обстоятельствъ наблюденія мы способны поступать произвольно, т. е. опредѣляться мотивами, которые не стоятъ въ какой-нибудь необходимой связи съ существованіемъ или

несуществованіемъ опредѣленнаго совпаденія, и могли бы быть одними и тѣми же, встрѣтились ли бы мы съ совпаденіемъ или несовпаденіемъ опредѣленныхъ явленій. Эта сознаваемая нами способность совершенно произвольно опредѣлять мѣсто, время, обстоятельства воспріятія того или другого класса явленій, и даетъ намъ право, въ случаѣ достаточно частой встрѣчи съ явленіями этого класса въ сопровожденіи ихъ опредѣленными другими, смотрѣть на самую эту встрѣчу какъ не на случайную, а какъ на зависящую отъ какихъ то условій. Неслучайнымъ здѣсь оказывается совпаденіе двухъ фактовъ, произвольной рѣшимости нашей искать явленіе извѣстнаго класса при опредѣленныхъ условіяхъ мѣста и времени, и 2) встрѣчи этого явленія въ сопровожденіи опредѣленнаго другого. Такъ какъ всѣ случаи подобной нашей произвольной рѣшимости могутъ падать въ наше наблюденіе, то мы, постоянно встрѣчая опредѣленное явленіе не иначе какъ въ соединеніи съ другимъ и имѣя такихъ наблюденій значительное количество, получаемъ право утверждать невѣроятность случайности совпаденія нашей произвольной рѣшимости наблюдать при опредѣленныхъ условіяхъ времени и мѣста со встрѣчей этого явленія въ соединеніи съ опредѣленнымъ другимъ. Сознаніе произвольности собственныхъ воспріятій заставляетъ условіе этого совпаденія относить на объектъ и только такимъ образомъ при такъ называемомъ пассивномъ наблюденіи получается то, что Милль называетъ эмпирическимъ закономъ.

Милль, какъ мы видѣли, въ своемъ объясненіи законности всякой простой индукціи отступилъ отъ понятія о ней, какъ обобщеніи, не указавъ условій, при которыхъ изъ установки эмпирическаго закона она переходитъ въ обобщеніе. А онъ могъ это сдѣлать. Для этого только нужно было не ограничиваться требованіемъ лишь значительнаго количества случаевъ. Установивъ неслучайность встрѣчи воспріятія съ опредѣленнымъ совпаденіемъ и отнесши условія ея на объектъ, мы можемъ ставить предположенія относительно этихъ условій. И опять та же произвольность воспріятія даетъ намъ возможность отыскивать данныя для исключенія различныхъ предположеній относительно этой возможной обусловленности. Мы произвольно разнообразимъ мѣсто, время и обстоятельства наблюденія, даже намѣренно направляемъ свое наблюденіе туда и при такихъ условіяхъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ мы почему-либо можемъ предполагать возможность встрѣтить случаи, противорѣчащіе совпаденію. И если при всѣхъ подобнаго рода видоизмѣненіяхъ условій встрѣчи съ явленіемъ

опредѣленнаго класса мы всегда встрѣчаемъ его въ сопровожденіи опредѣленнаго другого, то этимъ исключаются различныя предположенія о зависимости признаннаго неслучайнымъ факта встрѣчи сознанія съ опредѣленнымъ соединеніемъ явленій, напримѣръ о возможной зависимости его отъ особаго распространенія этихъ соединеній въ обычномъ районѣ нашихъ наблюденій, или среди такихъ условій, съ которыми наблюденіе обыкновенно связано и пр. п. Устраняя подобныя предположенія путемъ модификаціи условій воспріятія, мы получаемъ право объяснить этотъ фактъ, именно, что воспріятіе при всей произвольности его актовъ встрѣчаетъ опредѣленныя явленія не иначе какъ въ сопровожденіи опредѣленными другими, повсемѣстнымъ преобладаніемъ такого рода соединеній въ доступной нашему воспріятію части вселенной. Это есть процессъ, который можно назвать индукціей въ собственномъ смыслѣ. Основное предположеніе его есть произвольность актовъ нашего воспріятія. Только въ силу этой произвольности постоянныя совпаденія опредѣленныхъ явленій въ воспріятіи заставляютъ насъ смотрѣть на встрѣчу воспріятія съ такими совпаденіями какъ на фактъ неслучайный. Только произвольность воспріятія можетъ такъ разнообразить его условіе, чтобы всѣ возбуждаемыя опытомъ предположенія объ условіяхъ этой встрѣчи, кромѣ предположенія о самомъ широкомъ распространеніи совпаденія въ бытіи, исключались съ помощію цѣлесообразнаго видоизмѣненія условій встрѣчи воспріятія съ изучаемыми явленіями. Однако въ результатѣ процесса все же рѣшительнаго сужденія о всеобщности совпаденія никогда получиться не можетъ; такое заключеніе остается лишь простою неопредѣленною вѣроятностію, дальше которой заключенія простой индукціи идти не могуть. Но при благопріятныхъ условіяхъ для исключенія легко достигается твердое и законное убѣжденіе въ чрезвычайномъ преобладаніи въ бытіи этого совпаденія. А это преобладаніе нетолько доводитъ до высшей степени невѣроятность случайности самаго совпаденія въ бытіи, но и можетъ давать матеріалъ для точнаго опредѣленія той законосообразности, которой должно объясняться это совпаденіе.

Такимъ образомъ, для установки неслучайности совпаденій экспериментація, гдѣ она возможна, ведетъ къ цѣли прямѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ наблюденіе, и процессы установки неслучайности совпаденія, которые основываются на индукціи, опирающейся на факты пассивнаго наблюденія, все же предполагаютъ активные и произвольные акты, подобные тѣмъ, какіе предполагаетъ экспериментація.

Что касается теперь второго момента въ Миллевомъ объясненіи установки законовъ чрезъ простѣйшую индукцію, момента исключенія возможныхъ другихъ предположеній принудительнаго совпаденія явленій, сверхъ предположенія о прямой и непосредственной связи между ними, то очень легко убѣдиться, какого могущественнаго средства для объясненія этой стороны дѣла лишается Милль, предоставляя достиженіе этой цѣли исключительно широтѣ обобщенія и игнорируя всякое особое значеніе экспериментаціи. Для этого стоитъ только сличить то, что самъ же онъ говоритъ о преимуществахъ экспериментаціи передъ наблюденіемъ, съ тѣми задачами, рѣшеніе которыхъ онъ предоставляетъ широтѣ обобщенія. Эта широта обобщенія, это распространеніе случаевъ совпаденія на огромное количество предметовъ должно, по его разъясненіямъ, завѣрять въ независимости совпаденія опредѣленныхъ явленій отъ того или другого опредѣленнаго распредѣленія дѣятелей и объ отсутствіи въ бытіи условій способныхъ парализовать принудительность совпаденія. Но, указывая на открывающуюся при экспериментаціи возможность видоизмѣнять обстоятельства, при которыхъ должно произойти явленіе, Милль самъ говоритъ [1]), что экспериментація „въ тысячи случаяхъ даетъ возможность производить именно тотъ рядъ измѣненій, въ которомъ мы нуждаемся для того, чтобы открыть законъ явленія. Природа же, построенная отнюдь не по тому плану, чтобы облегчить намъ изслѣдованія, а по совершенно иному, рѣдко оказываетъ намъ эту услугу... Всѣ знаютъ, что опытъ даетъ намъ возможность получать неисчислимыя комбинаціи обстоятельствъ, не встрѣчающіяся въ природѣ и такимъ образомъ добавлять къ опытамъ природы множество нашихъ собственныхъ опытовъ“.

Но, указывая на это преимущество экспериментаціи, Милль игнорируетъ при этомъ еще то обстоятельство, что экспериментація по самому своему понятію, какъ самодѣятельное и произвольное введеніе въ извѣстную сумму обстоятельствъ того или другого факта или тѣхъ или другихъ фактовъ, сопровождающееся извѣстными перемѣнами, сама по себѣ уже есть измѣненіе обычныхъ природныхъ условій и очень существенное, совершенно независимо отъ того, представляетъ ли соединеніе извѣстнаго факта съ извѣстными обстоятельствами, которое совершается экспериментаторомъ, обычное въ природѣ соединеніе или не представляетъ. Самое появленіе вводимаго

[1]) *Mill.* Syst. of. Log. I. 417—418; р. п. I. 411—412.

произвольно факта въ извѣстную сумму обстоятельствъ есть при экспериментаціи результатъ произвольной человѣческой дѣятельности, которая руководится простыми представленіями о предметахъ и фактахъ и желаніемъ достигнуть поставленныхъ цѣлей. Здѣсь, слѣдовательно, мы несомнѣнно имѣемъ совершенно новый, никогда не могущій произойти, внѣ предѣловъ дѣятельнаго вліянія человѣческаго сознанія на природу, случай, при которомъ встрѣча опредѣленнаго факта съ опредѣленными обстоятельствами зависитъ отъ опредѣленныхъ психическихъ состояній, отъ фактовъ человѣческаго сознанія. Это не только перемѣна въ условіяхъ, при которыхъ обыкновенно происходятъ въ природѣ соединенія этого факта съ этими обстоятельствами, но и перемѣна очень важная уже потому, что наглядно свидѣтельствуетъ, что для наступленія событія, ожидаемаго нами и наблюдаемаго при произвольномъ соединеніи извѣстнаго факта съ извѣстными обстоятельствами, не имѣютъ никакого значенія тѣ матеріальные факты, можетъ быть намъ и совсѣмъ неизвѣстные или не вполнѣ извѣстные, которые при обыкновенномъ теченіи природы, безъ вторженія въ нее человѣческой самодѣятельности, служатъ условіями самаго этого соединенія опредѣленнаго факта съ опредѣленными обстоятельствами. Возможное вліяніе всѣхъ этихъ условій на ожидаемое измѣненіе сразу исключается, такъ какъ эти условія замѣняются теперь зависящими отъ нашихъ психическихъ состояній, извѣстными намъ движеніями органовъ нашего тѣла, которыя, будучи направлены на другіе предметы, какъ это намъ хорошо извѣстно, никакъ не сопровождаются перемѣнами, соотвѣтствующими наблюдаемой. Экспериментація, такимъ образомъ, сама собою исключаетъ цѣлую массу предположеній о разнообразныхъ посредственныхъ, косвенныхъ зависимостяхъ наблюдаемой перемѣны. Если мы обыкновенно живо не чувствуемъ, какую огромную услугу съ этой стороны доставляетъ намъ самодѣятельная установка условій событія при экспериментаціи, то это, какъ мнѣ кажется, происходитъ исключительно благодаря тому, что этого рода активность проявляется нами не при научной экспериментаціи только, а въ каждый моментъ нашей жизни, при всякаго рода неисчислимыхъ измѣненіяхъ, производимыхъ нами самодѣятельно въ окружающей насъ средѣ. Эти безчисленные факты помогаютъ намъ составить огромный запасъ свѣдѣній о несущественныхъ, не имѣющихъ значенія обстоятельствахъ при всякаго рода перемѣнахъ. И этимъ огромнымъ запасомъ свѣдѣній, которымъ мы обязаны именно нашей активности, произвольной самодѣятельности,

мы, конечно, пользуемся и при нашихъ пассивныхъ наблюденіяхъ. А поэтому и при этихъ пассивныхъ наблюденіяхъ оказывается уже исключенной масса предположеній, которыя даже и не ставятся нами и не придутъ намъ на мысль, а если бы и пришли на мысль, то показались бы намъ до очевидности нелѣпыми. Но они не ставятся потому, что уже заранѣе устранены; они представляются нелѣпыми, по крайней мѣрѣ преимущественно благодаря результатамъ той экспериментаціи, не задающейся научными цѣлями, которая охватываетъ сплошь всю нашу жизнь и поэтому безконечно богата своими результатами.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, во-первыхъ, то, что никакая широта обобщенія, даже по взгляду самого Милля, не можетъ дать такого наиболѣе желательнаго въ интересахъ процессовъ исключенія разнообразія случаевъ совпаденія, какое можетъ создавать экспериментація, конечно, тамъ и въ той степени, гдѣ и въ какой степени мы успѣваемъ подчинить явленія своему произволу. Во-вторыхъ, изъ сказаннаго же мы видимъ, что самая возможность достигать опредѣленныхъ результатовъ съ помощью процессовъ наблюденія въ значительной степени зависитъ отъ результатовъ, которые получаются отъ всей практической произвольной дѣятельности человѣка; а эта дѣятельность, правда, отличается своими цѣлями отъ экспериментаціи, но имѣетъ въ своемъ основаніи тѣ же начала, что и экспериментація, и можетъ достигать тѣхъ же результатовъ, когда эти результаты не требуютъ особыхъ тонкихъ и искусственныхъ приспособленій. Думать, что процессъ исключенія при помощи экспериментаціи нуждается въ такихъ предположеніяхъ, отъ которыхъ свободенъ процессъ исключенія, совершаемый на наблюденіяхъ, мнѣ представляется большой психологической ошибкой, такъ какъ при этомъ забывается, что многіе результаты, получаемые изъ наблюденія, мы имѣемъ лишь вслѣдствіе той опытности, какою владѣемъ мы, благодаря тому, что мы не только зрители, но и дѣятели въ мірѣ.

Съ другой стороны ограниченіе значенія экспериментаціи установкой законовъ послѣдовательности явленій, ограниченіе, которое стоитъ у Милля въ тѣсной связи съ мыслію о зависимости особаго значенія экспериментаціи отъ вѣры въ общій законъ причинной связи явленій, по моему мнѣнію, есть чистое предубѣжденіе, ровно ни на чемъ не основанное. Если Милль хочетъ доказывать, что основаніемъ нашего убѣжденія въ математическихъ аксіомахъ исключительно служитъ индукція, то нельзя не признать, что онъ самъ лишилъ себя воз-

можности развить этотъ взглядъ съ наибольшимъ правдоподобіемъ, когда оставляетъ за фактами этой индукціи лишь то значеніе, которое могутъ имѣть простые факты наблюденія. Ужели всѣ средства и усилія, которыя я могу употребить, дѣлая попытки создать чертежъ, противорѣчащій той или другой аксіомѣ, имѣютъ совершенно то же значеніе для убѣжденія въ истинности аксіомы, какъ подобное же количество встрѣтившихся мнѣ въ опытѣ чертежей, соотвѣтствующихъ аксіомѣ? Выше по другому поводу я уже имѣлъ случай разъяснять, что съ точки зрѣнія эмпиризма для убѣжденія въ аксіомѣ не всѣ конструкціи могутъ имѣть одинаковую цѣну; и во всякомъ случаѣ при созданіи чертежа, подобно какъ и при всякой экспериментаціи, я могу прямо руководиться цѣлію создать такіе чертежи, которые наиболѣе содѣйствовали бы исключенію возникающаго во мнѣ предположенія о зависимости связи явленій, о которомъ говоритъ аксіома, отъ того или другого условія, которое можетъ быть устранено при извѣстныхъ условіяхъ построенія. Пусть природа въ формахъ и очертаніяхъ безчисленныхъ предметовъ, входящихъ въ нее, исчерпываетъ всевозможныя геометрическія формы при всевозможныхъ условіяхъ ихъ конструкціи; но вѣдь мнѣ никогда не переглядѣть всѣхъ этихъ формъ и очертаній во всѣхъ безчисленныхъ предметахъ и не всегда возможно найти какъ разъ тѣ образы и очертанія, которые представляются необходимыми для устраненія возникающаго во мнѣ предположенія. Все равно, есть или не есть въ природѣ конструкція, созданная при опредѣленныхъ условіяхъ, могу или не могу я найти ее,—фактъ остается фактомъ: я могу при помощи произвольныхъ построеній, при произвольно выбранныхъ условіяхъ дѣлать какія мнѣ угодно попытки нарочито разорвать ту связь между опредѣленными свойствами, которая предполагается аксіомой и такимъ образомъ убѣждаться въ этой неразрывности. И на точкѣ зрѣнія Милля, признающаго опытный характеръ убѣжденія въ аксіомахъ, едва ли можно сдѣлать какое-либо серьезное возраженіе противъ мысли, что такимъ путемъ, чрезъ произвольное построеніе случаевъ, наиболѣе ведущихъ къ цѣли, наиболѣе нужныхъ мнѣ, на столько же скорѣе и вѣрнѣе я могу достигнуть этой цѣли, на сколько скорѣе и вѣрнѣе достигну подобной же цѣли при экспериментаціи во всѣхъ другихъ случаяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что доказательство, построенное на такого рода экспериментированіи, не нашло бы для себя точной формулы среди тѣхъ сложныхъ формулъ индуктивнаго доказательства, которыя нашли подробное разъясненіе

въ логикѣ Милля и которыя имѣютъ въ виду установку частныхъ законовъ причинной связи явленій. Но это доказываетъ только, что выводы, которые основывались бы на такого рода экспериментахъ, требуютъ еще своего логическаго анализа, хотя фактическая возможность ихъ едва ли подлежитъ спору.

Итакъ, Милль справедливо думаетъ, что съ точки зрѣнія общенаучнаго сознанія возможенъ переходъ отъ частныхъ фактовъ къ закону. Ошибка его при раскрытіи этой мысли прежде всего состоитъ въ томъ, что, давая сбивчивое и невѣрное общее понятіе объ этомъ переходѣ, онъ болѣе правильное разъясненіе его пріурочиваетъ исключительно къ явленіямъ, зависящимъ отъ общаго закона причинной связи. Затѣмъ еще болѣе важная ошибка его при послѣдовательномъ проведеніи общей теоріи состоитъ въ игнорированіи огромной роли, какую играетъ въ выводахъ этого рода активность человѣческаго сознанія:

Но для оцѣнки взгляда Милля для насъ недостаточно знать, что обще-научное сознаніе допускаетъ переходъ отъ частныхъ фактовъ къ общимъ законамъ. Для насъ, сверхъ того, нужно по возможности точнѣе опредѣлить, какое толкованіе должна получить эта допускамая съ точки зрѣнія обще-научнаго сознанія мысль при послѣдовательномъ развитіи доктринъ новаго эмпиризма.

III.

Миллева теорія индукціи есть собственно теорія установки законовъ природы изъ частныхъ фактовъ. Но Юмъ уже указывалъ на нѣкоторое ограниченіе познанія законовъ природы при эмпирическихъ предположеніяхъ. И это ограниченіе обязательно должно быть признано эмпиризмомъ, все равно, остался ли бы онъ въ той формѣ, какую имѣлъ онъ у самого Юма, или развился бы въ той послѣдовательности, какую получилъ онъ въ системахъ новыхъ его представителей. Ошибка Юма состояла только въ томъ, что онъ хорошо понятое и хорошо разъясненное имъ ограниченіе познанія законовъ природы, не представивъ на то достаточныхъ основаній, развилъ въ скептическую теорію.

Юмъ ставилъ собственно вопросъ о достовѣрности нашего убѣжденія въ фактахъ, какъ скоро это убѣжденіе касается предметовъ, которые прямо и непосредственно не свидѣтельствуются нашимъ воспріятіемъ или нашею памятью. Само собою понятно, что этотъ вопросъ разрѣшался бы въ утвердительномъ смыслѣ, если бы нашлись

основанія принять, что мы можемъ на основаніи фактовъ, удостовѣряемыхъ нашимъ воспріятіемъ и нашей памятью, съ достовѣрностію устанавливать общія сужденія. Поэтому скептическое отношеніе къ познанію фактовъ, которые не даны намъ сейчасъ и не были даны ранѣе, неизбѣжно должно было быть и скептическимъ отношеніемъ къ установкѣ общихъ сужденій. Юмъ и сосредоточилъ свою критику познанія на данныхъ въ воспріятіи фактовъ на критикѣ установки этихъ сужденій.

Право устанавливать общія сужденія на основаніи частныхъ фактовъ, какъ было уже ранѣе сказано мною, оспаривалось до Юма. Юмъ придалъ особую силу этому критическому взгляду, сосредоточивая свою критику на такой сторонѣ вывода изъ частныхъ фактовъ, которая, не представляя сама прямо обобщенія, тѣмъ не менѣе наиболѣе благопріятствовала признанію за подобными выводами права считаться обобщеніями. Юмъ выходилъ изъ мысли, что выводы относительно фактовъ, не данныхъ въ воспріятіи, опираются на причинныя связи явленій. Признаніе причинной связи между опредѣленными явленіями не есть признаніе только простой, хотя бы и постоянной, послѣдовательности одного явленія за другимъ, а есть признаніе такой послѣдовательности, которая должна разъяснять возникновеніе одного явленія изъ другого или, по крайней мѣрѣ, которая указываетъ на неслучайность, принудительность слѣдованія одного явленія за другимъ. Отсюда съ понятіемъ о причинѣ соединялось понятіе о силѣ, производящей опредѣленное дѣйствіе. Поэтому, какъ скоро находили возможнымъ признать послѣдовательность опредѣленныхъ явленій связанной закономъ причинной связи, выводъ всеобщаго сужденія уже не представлялся результатомъ простого обобщенія встрѣчавшихся въ опытѣ совпаденій двухъ фактовъ по времени. Онъ казался естественнымъ результатомъ той особой принудительной связи между явленіями, которую считали легко доказуемой. Казалось, что убѣдиться въ томъ, что извѣстныя явленія не по простой случайности встрѣчаются въ нашемъ опытѣ, а принудительно слѣдуютъ одно за другимъ, значитъ убѣдиться, что между ними есть необходимая связь. А необходимая связь не даетъ ли право устанавливать всеобщее сужденіе? Дѣло, такимъ образомъ, оказывалось сложнѣе, чѣмъ оно представлялось тѣмъ, которые захотѣли бы видѣть въ выводѣ общихъ сужденій простое обобщеніе встрѣчающихся совпаденій частныхъ фактовъ.

Какъ скоро уяснялось, что при выводѣ изъ частныхъ фактовъ

общаго сужденія есть посредствующій пунктъ, установка принудительной связи между явленіями, о совпаденіи которыхъ свидѣтельствовало воспріятіе, то для философа, который захотѣлъ бы оспаривать законность вывода общаго сужденія изъ частныхъ фактовъ, представлялось, повидимому, два пути: ему нужно было или доказать невозможность изъ частныхъ фактовъ устанавливать принудительную связь явленій или отрицать право изъ принудительной связи явленій выводить мысль о всеобщности этой связи.

Обращаясь къ Юму, мы находимъ, что Юмъ настаиваетъ на той мысли, что въ получаемомъ чрезъ воспріятіе содержаніи явленій, признаваемыхъ нами причинами другихъ явленій, не заключается ничего, что заставляло бы насъ смотрѣть на первыя, какъ на способныя порождать послѣднія. Но при разъясненіи своихъ скептическихъ выводовъ онъ настаиваетъ на этой мысли никакъ не съ тою цѣлію, чтобы прямо изъ нея вывести, что опытъ не даетъ никакихъ средствъ убѣдиться въ томъ, что съ опредѣленными явленіями соединяется сила, порождающая другія явленія, или что первыя служатъ дѣйствительно причинами послѣднихъ, обусловливаютъ принудительность слѣдованія ихъ за собою. Можно думать, что онъ не выводитъ прямо отсюда этой мысли потому, что понимаетъ, что сверхъ получаемаго изъ воспріятія содержанія явленій опытъ даетъ также послѣдовательность въ ихъ теченіи. И если эта послѣдовательность для воспріятія всегда есть только простая послѣдовательность, въ которой не заключается прямо никакой черты, которая могла бы быть названа принудительностію, то все же остается еще вопросомъ, не можетъ ли эта принудительность быть установлена нами на основаніи какихъ-либо особенностей этой послѣдовательности, напримѣръ, на основаніи того факта, что эта послѣдовательность одного явленія за другимъ постоянна, не представляетъ никакихъ исключеній и проч. п. Но какими бы соображеніями Юмъ при этомъ ни руководился, во всякомъ случаѣ онъ настаиваетъ на мысли объ отсутствіи въ содержаніи воспріятія элемента, который могъ бы быть названъ силою, исключительно съ тою цѣлью, чтобы показать, что изъ самыхъ представленій нашихъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя получаютъ въ нашихъ глазахъ значеніе причинъ, нельзя чисто умозрительнымъ путемъ вывести, что они дѣйствительно и есть эти причины; и отсюда Юмъ выводитъ только, что наше убѣжденіе въ причинной связи никакъ не есть результатъ умозрѣнія, а поэтому могло бы быть только результатомъ опыта. Затѣмъ слѣдовало бы, повидимому,

ожидать отчетливо поставленнаго вопроса, можетъ ли опытъ убѣждать насъ въ томъ, что съ опредѣленными фактами соединялась сила, способная производить другіе факты, или что опредѣленные факты доселѣ соединялись дѣйствительно не случайно, а принудительно съ другими фактами. Однако, Юмъ вполнѣ опредѣленно подобнаго вопроса не ставитъ. Установивъ ту мысль, что изъ самаго понятія о тѣхъ или другихъ данныхъ въ воспріятіи явленій нельзя вывести существованія при нихъ силы, нужной для произведенія другихъ явленій, и, не задаваясь вопросомъ о томъ, не даетъ ли опытъ какихъ-нибудь мотивовъ предполагать эту силу, онъ просто принимаетъ, что уже пріобрѣтенъ опытъ относительно фактическихъ процессовъ причинной связи и ставитъ вопросъ о конечныхъ выводахъ изъ этого опыта [1]). И онъ при этомъ допускаетъ, что мы опытнымъ путемъ нашли, что извѣстныя вещи всегда соединялись съ извѣстными дѣйствіями [2]), что „во всѣхъ прежнихъ случаяхъ извѣстныя чувственныя свойства соединялись съ извѣстными скрытыми силами“, и съ этой стороны „теченіе природы было правильно“ [3]). И, допустивъ эти предположенія, Юмъ доказываетъ, что все же невозможно изъ установленныхъ такимъ образомъ дѣйствительныхъ фактовъ причинной связи въ прошедшемъ заключать къ будущему, то-есть превращать это сужденіе о соединеніи опредѣленныхъ причинъ съ опредѣленными дѣйствіями въ сужденіе общее. И основаніе отрицать право на это заключеніе Юмъ видитъ въ томъ, что для насъ вполнѣ мыслима перемѣна въ обычномъ теченіи природы или что нѣтъ основанія принять, что это правильное теченіе не измѣнится. Такимъ образомъ, невозможность установить общее сужденіе изъ опыта, при обоснованіи Юмомъ скептицизма, опиралась у него на мысли, что опытомъ нельзя доказать постоянства, неизмѣняемости въ обычномъ, устанавливаемомъ нами съ помощью опыта, теченіи природы.

Что же означаетъ это допущеніе возможности опытно устанавливать не простую только послѣдовательность одного явленія за другимъ, а связь между ними принудительную, причинную, то-есть соединеніе съ однимъ явленіемъ силы, производящей другое явленіе? Что означаетъ допущеніе, что съ этой стороны можетъ быть установлена правильность теченія природы въ прошедшемъ, т.-е. можетъ быть установлено положеніе, что во всѣхъ прошлыхъ случаяхъ съ

[1]) *Hume*, Essays and Treat. on sever. subj. Vol. II, p. 35.
[2]) Ibid., p. 37.
[3]) Ibid., p. 40.

опредѣленными явленіями соединялись силы, производящія опредѣленныя дѣйствія? Развѣ это не означаетъ того, что Юмомъ—пусть только гипотетически—допущено, что опытно могутъ быть нами установлены законы причинной связи, которымъ фактически слѣдовала природа въ періоды нашего наблюденія надъ нею? Отсюда ясно, что Юмъ въ обоснованіи своего скептицизма идетъ по второму изъ указанныхъ двухъ возможныхъ представлявшихся ему путей критики знанія, опирающагося на опытъ. Условно допуская возможность познанія законовъ, онъ хочетъ доказать только невозможность при посредствѣ даже установленной причинной связи явленій убѣдиться въ общихъ сужденіяхъ, указывая на совершенное безсиліе опыта для обоснованія мысли о неизмѣнности этихъ законовъ.

Само собою понятно, что я вовсе не хочу этимъ сказать, что условно допущенное въ этомъ случаѣ Юмомъ опытное познаніе правильнаго въ смыслѣ законосообразности теченія природы въ прошедшемъ представлялось ему достижимымъ. Будучи далекъ отъ этой мысли, онъ самое понятіе о производящей силѣ, присутствіе которой въ прежней жизни природы здѣсь допускается, въ развиваемыхъ далѣе взглядахъ разъясняетъ лишь изъ ощущенія, которое производитъ на насъ связь нашихъ представленій, образовавшаяся въ нашей мысли вслѣдствіе повтореній совпаденія явленій въ нашемъ сознаніи. Конечно, отсюда прямо еще не слѣдовало, чтобы это понятіе о силѣ не могло законно быть перенесено на внѣшніе предметы, какъ скоро какимъ-либо косвеннымъ путемъ можно было бы убѣдиться въ необходимости дополнить наше понятіе о нихъ, получаемое изъ внѣшняго воспріятія чрезъ это представленіе, получаемое изъ воспріятія внутренняго. И въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ о чудѣ самъ Юмъ понятіе о дѣйствующихъ въ природѣ законахъ и понятіе объ обычномъ теченіи природы употребляетъ какъ равнозначительныя. Однако, несомнѣнно, что онъ скрытыхъ силъ не допускаетъ и увѣренъ, что „никакого другого понятія о причинѣ и дѣйствіи мы не имѣемъ, кромѣ понятія о двухъ вещахъ, которыя часто соединялись одна съ другой [1]). Но каково бы ни было мнѣніе самого Юма по этому вопросу, для насъ важенъ собственно тотъ фактъ, что при обоснованіи своего скептицизма онъ не представляетъ доказательства невозможности познанія фактической законосообразности природы; наоборотъ, гипотетически допускаетъ такое познаніе и доказываетъ лишь невозмож-

[1]) Ibid., 44—45, 169.

ность убѣдиться въ неизмѣнности фактически существующаго законосообразнаго теченія природы.

И такая постановка дѣла, когда цѣлью ставилось разъяснить невозможность всеобщихъ сужденій относительно послѣдовательности явленій, несомнѣнно могла казаться очень практичной. Совершенно ясно доказать невозможность убѣждаться въ неслучайной, принудительной послѣдовательности явленій было, конечно, очень трудно. Наоборотъ, разъяснить съ эмпиристической точки зрѣнія совершенную недостаточность опыта для доказательства неизмѣнности фактическихъ связей между вещами не представлялось никакихъ затрудненій. Какъ скоро было признано, что принудительная связь явленій никакъ не можетъ быть понята изъ самаго содержанія этихъ явленій, то отсюда самъ собою представлялся выводъ, что существенное условіе этой связи, то-есть то, почему извѣстныя явленія должны имѣть принудительную связь съ другими и именно съ извѣстными другими, а не съ какими-либо иными, должно оставаться для насъ совершенно неизвѣстнымъ. А совершенно не зная условія, отъ котораго зависитъ принудительная связь между опредѣленными явленіями, мы, устанавливая эту связь, конечно, только то и можемъ утверждать, что она есть фактически, что явленія должны быть признаны слѣдующими другъ за другомъ въ опредѣленномъ порядкѣ не случайно, а принудительно; и въ такомъ случаѣ мы лишены какихъ бы то ни было данныхъ гадать о томъ, прекратится или не прекратится эта связь, и если прекратится, то когда прекратится.

Такимъ образомъ невозможность съ эмпиристической точки зрѣнія разрѣшить сомнѣніе относительно неизмѣнности законовъ, фактически господствующихъ въ мірѣ, достаточно твердо установлена была уже Юмомъ. И Миллю оставалось лишь констатировать это ограниченіе знанія. Признавъ, подобно Юму, совершенную непонятность для насъ связи между явленіями, Милль, конечно, долженъ былъ дѣлить съ Юмомъ и всѣ выводы изъ этого взгляда, а слѣдовательно и ту мысль, что принудительность совпаденій между явленіями, которая предполагается закономъ, мы можемъ утверждать только какъ фактъ, свидѣтельствуемый опытомъ, и поэтому исключительно въ границахъ опыта. Милль открыто и признаетъ этотъ выводъ и даже даетъ ему болѣе послѣдовательности, чѣмъ имѣлъ онъ у Юма. Онъ ограничиваетъ возможность безусловнаго примѣненія закона не временемъ только, но и пространствомъ. Районъ, который совпадаетъ съ бытіемъ, когда мы имѣемъ въ виду бытіе, доступное нашему опыту, перестаетъ совпадать

съ бытіемъ, когда мы разумѣемъ подъ бытіемъ вселенную вообще. И если увѣренность наша въ законосообразной связи явленій основывается на опытѣ, то понятно, что мы не имѣемъ права дознанныя опытно связи явленій распространять на тѣ области вселенной, которыя лежатъ внѣ предѣловъ, до которыхъ простирается нашъ опытъ. Такъ именно и учитъ Милль о самой важнѣйшей аксіомѣ, на которой должны основываться по его взгляду всѣ сложные индуктивные выводы, объ общемъ законѣ причинной связи, открыто заявляя, что его нужно признавать закономъ не вселенной, а лишь той ея части, которая доступна нашимъ средствамъ наблюденія, осторожно расширяя значеніе его на смежные случаи; расширеніе значенія его далѣе этихъ предѣловъ есть, по словамъ Милля, бездоказательное предположеніе [1]). Не менѣе рѣшительно онъ говоритъ и объ ограниченіи признанія значенія его во времени. Когда онъ доказываетъ, что вѣра въ причинную связь не относится къ конституціи человѣческаго ума, то, высказавъ ту мысль, что для дисциплинированнаго ума нетрудно представить хаосъ въ смыслѣ череды событій, не связанныхъ законами причинной связи, въ какой-нибудь изъ отдаленныхъ частей вселенной, онъ тотчасъ за этимъ говоритъ о предположеніи наступленія подобнаго хаоса въ будущемъ на нашей планетѣ, какъ о такомъ предположеніи, которое вполнѣ можно себѣ вообразить [2]). И разъясняя, что, по его пониманію причинной связи, убѣжденіе въ существованіи такой связи между опредѣленными явленіями есть убѣжденіе не только въ томъ, что за опредѣленнымъ предшествующимъ явленіемъ всегда наступало опредѣленное послѣдующее, но и въ томъ, что за первымъ всегда будетъ наступать послѣднее, Милль прибавляетъ: „пока продолжится настоящее устройство вселенной“; а въ примѣчаніи къ этому мѣсту разъясняетъ, что подъ настоящимъ устройствомъ вещей онъ разумѣетъ совокупность основныхъ законовъ природы [3]). Понятно, что подъ возможностью хаоса въ будущемъ, подъ возможностью измѣненія настоящаго устройства вселенной у Милля разумѣется то, что Юмъ разумѣлъ подъ возможнымъ измѣненіемъ обычнаго порядка природы.

---

[1]) *Mill*, Syst. of Log. II, 108, p. n. II, 100.

[2]) Ibid., II, 98—99, p. n. II, 91.

[3]) Ibid., I, 375—376, p. n. I, 368—369. Въ подобномъ же смыслѣ (ibid., I, 385, p. n. I, 378) говоря, что человѣкъ при соотвѣтствующемъ знаніи всѣхъ основныхъ законовъ природы и подробностей настоящаго состоянія міра могъ бы предсказать всю послѣдующую исторію вселенной, добавляетъ: „лишь бы не возникло новое хотѣніе въ силѣ, способной управлять міромъ“.

Самъ Юмъ не удовлетворялся простымъ признаніемъ возможности перемѣны въ законосообразности природы. Онъ смотрѣлъ на эту мысль не какъ на простое ограниченіе знанія, а какъ на основаніе для его полнаго отрицанія, какъ на доказательство скептицизма. У Милля она является въ качествѣ простого ограниченія знанія. И если бы эмпиризмъ остановился на той ступени развитія, на которой мы находимъ его у Юма, и если бы Милль долженъ былъ имѣть дѣло лишь съ тѣми основаніями скептицизма, которыя были развиты Юмомъ, то слѣдовало бы признать, что Милль совершенно справедливо не обращаетъ вниманіе на крайніе скептическіе выводы Юма. Какъ бы ни смотрѣлъ самъ Юмъ на возможность опытно установить законы природы, онъ, какъ мы видѣли, разсмотрѣніе ея не дѣлаетъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія и свой рѣшительный аргументъ направляетъ никакъ не противъ нея, а, наоборотъ, при этомъ аргументѣ гипотетически допускаетъ ее. А поэтому его скептицизмъ не имѣлъ основанія простираться и на эту сторону дѣла. А между тѣмъ Миллева теорія индукціи есть именно теорія установки законовъ природы, слѣдовательно, прямо должна разъяснять пунктъ, который по существу былъ обойденъ критикой Юма.

Если Юмъ находилъ возможность, опираясь исключительно на отсутствіе въ содержаніи внѣшняго воспріятія ощущенія силы и на возможную перемѣну въ законосообразности природы, утверждать полный скептицизмъ въ знаніи, то это, нужно полагать, произошло по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ стоитъ подъ вліяніемъ того понятія о знаніи, которое съ особою рѣшительностію развиваетъ Локкъ и по которому къ знанію въ собственномъ смыслѣ относятся исключительно такія положенія, которыя частію посредственно, частію непосредственно должны усматриваться изъ самаго содержанія представленій и поэтому должны отличаться безусловнымъ характеромъ. Во-вторыхъ, здѣсь имѣлъ немалое значеніе и особый взглядъ Юма на задачи опытнаго знанія. Задача опытнаго знанія, какъ сказано выше, сводится Юмомъ къ познанію фактовъ, которые не удостовѣряются воспріятіемъ и памятью и подъ которыми ближайшимъ образомъ разумѣются Юмомъ факты будущіе. Юмъ хорошо понимаетъ, что допущеніе возможности перемѣны въ законосообразности природы на эмпиристическихъ основаніяхъ съ совершенно одинаковымъ правомъ должно относиться къ какому угодно моменту, хотя бы ближайшему къ настоящему. Вѣдь, въ каждый моментъ, который непосредственно предшествовалъ бы перемѣнѣ въ законосообразности, люди имѣли бы

совершенно тѣ же основанія довѣрять налично существующей законосообразности, какія мы имѣемъ сейчасъ; а поэтому сохраненіе обычнаго теченія природы въ самомъ ближайшемъ будущемъ моментѣ нисколько не гарантировано для насъ болѣе, чѣмъ сохраненіе его въ какое угодно отдаленное отъ насъ время. Поэтому все будущее сполна становится недостовѣрнымъ. При такихъ условіяхъ, какъ скоро задача знанія сводилась собственно къ познанію будущихъ явленій, полный скептицизмъ казался естественнымъ выводомъ.

Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Установка закона и въ отношеніи къ настоящему и прошедшему не есть простое констатированіе существующихъ теперь въ воспріятіи иля воспринятыхъ ранѣе явленій. Въ качествѣ знанія законовъ, господствующихъ хотя бы только въ настоящемъ и прошедшемъ, наука есть установка не случайной, а принудительной связи явленій; а эта связь по эмпиризму непосредственно не дана въ воспріятіи даже и въ тѣхъ явленіяхъ, которыя въ воспріятіи существовали. Притомъ же, какъ уже замѣчалось, и изъ прошедшихъ, и изъ настоящихъ явленій мы имѣли и имѣемъ въ своемъ воспріятіи лишь ничтожную часть. А между тѣмъ установка того, что Умъ называетъ обычнымъ теченіемъ природы и что считаетъ способнымъ измѣниться въ какой угодно моментъ будущаго, хотя она основывается на наблюденіи этой ничтожной части явленій, обнимаетъ собою не ее только, а безконечное число явленій, если имѣть въ виду даже только тотъ районъ вселенной, который, говоря вообще, доступенъ наблюденію людей. Наши выводы изъ установленныхъ законовъ разъясняютъ для насъ многое въ настоящемъ и прошедшемъ, что не было дано въ воспріятіи, и поэтому если бы они и не простирались на будущее, въ которомъ предполагается возможность перемѣны законосообразности, все же должны были бы считаться знаніемъ многихъ явленій, не удостовѣряемыхъ непосредственно воспріятіемъ и памятью. Но и самое это рѣшительное исключеніе всего будущаго изъ области знанія, основанное на допущенной возможности перемѣны въ законосообразности природы, есть, во всякомъ случаѣ, выводъ слишкомъ преувеличенный подъ вліяніемъ особаго понятія о знаніи. Убѣждаясь въ томъ, что извѣстное совпаденіе явленій есть выраженіе закона, т.-е. свидѣтельствуетъ о принудительной связи между явленіями, мы чрезъ самое признаніе этой принудительной связи ставимъ въ бытіи условіе, которое нуждается только въ продолженіи своего существованія для того, чтобы совпаденія явленій существовали не только въ настоящемъ и прошедшемъ, но продолжались и въ буду-

щемъ, такъ что перемѣна въ этихъ совпаденіяхъ въ будущемъ должна предполагать особый, чрезвычайный положительный актъ, смѣняющій налично существующее значеніе этого условія, устраняющій нѣчто, правда, намъ совершенно неизвѣстное, но несомнѣнно констатируемое нами по своему существованію, создающее принудительную связь явленій. Такимъ образомъ, устанавливая законосообразную связь между опредѣленными явленіями не на основаніи сличенія содержанія самыхъ явленій, а на основаніи опыта, мы, правда, вслѣдствіе этого неизбѣжно допускаемъ возможность—говоря языкомъ Милля—перемѣны въ устройствѣ вселенной въ будущемъ и тѣмъ самымъ отказываемся отъ права въ господствѣ закона надъ будущимъ видѣть истину безусловную. Однако, чрезъ это мы никакъ не теряемъ права смотрѣть на нее какъ на истину, ограниченную опредѣленнымъ условіемъ, „продолженіемъ настоящаго устройства вселенной“, т.-е. за нами остается право утверждать господство въ бытіи опредѣленнаго сочетанія при всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ будущаго, за единственнымъ исключеніемъ того случая, если совершится чрезвычайный для нашего опыта актъ отмѣны того условія, которое дѣйствуетъ фактически и производитъ признанную нами принудительную связь явленій.

Но если Милль въ тѣхъ эмпиристическихъ посылкахъ, которыя раздѣляетъ онъ съ Юмомъ, совершенно справедливо видитъ основаніе только для ограниченія знанія, а никакъ не для совершеннаго отрицанія его, то мы не должны при этомъ забывать, что новый эмпиризмъ, представителемъ котораго является Милль, идетъ гораздо далѣе Юма въ развитіи эмпиристическихъ принциповъ, и что взглядъ, не опровергнутый Юмомъ, можетъ оказаться недопустимымъ съ точки зрѣнія этого дальнѣйшаго развитія этихъ принциповъ.

Старается ли Милль превратить формулу индуктивнаго вывода вообще въ формулу силлогистическую прибавкой къ ней особой большей посылки, или старается для того особаго случая индукціи, которымъ, по его мнѣнію, доказываются послѣднія посылки знанія, подъискать особое объясненіе его достовѣрности, — все это въ существѣ дѣла сводится къ одной цѣли. Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что эмпиризмъ, отрицая умозрительныя посылки знанія, тѣмъ не менѣе можетъ въ основаніи знанія положить такіе выводные процессы, состоятельность которыхъ признается на обще-научной точкѣ зрѣнія, т.-е. на которые обще-научное сознаніе смотритъ какъ на достаточно надежные пріемы для установки научныхъ истинъ и

которыми оно довѣрчиво пользуется въ качествѣ такихъ пріемовъ. И если это, какъ мы видѣли, можно признать совершенно вѣрнымъ, допустивъ только указанныя выше поправки и дополненія, то всего этого мало для того, чтобы доказать возможность логически состоятельной науки съ эмпиристической точки зрѣнія. Для этого нужно, чтобы выводы, состоятельности которыхъ вѣритъ обще-научное сознаніе, могли быть признаны состоятельными и съ точки зрѣнія эмпиристической теоріи знанія. Милль, конечно, это предполагаетъ. Но, какъ мы уже знаемъ, Милль вмѣстѣ со Спенсеромъ проводитъ эмпиристическій взглядъ и на логическія формы и учитъ, что формулы выводовъ не могутъ быть умозрительными сужденіями, а должны основываться на опытѣ. А это ученіе ставитъ неодолимое препятствіе къ тому, чтобы признавать логическую состоятельность выводовъ, допускаемыхъ обще-научнымъ сознаніемъ.

Мы уже говорили, что формула выражаетъ предполагаемую выводомъ связь между посылками и выводнымъ сужденіемъ; она представляетъ собою сокращеніе общей схемы выводного процесса въ одно сужденіе, въ которомъ подлежащее содержитъ предположеніе объ истинности посылокъ, а сказуемое—мысль объ истинности выводного сужденія, и въ которомъ утверждается, что изъ перваго слѣдуетъ послѣдняя. Отсюда слѣдуетъ, что признать достовѣрность формулы, значитъ признать логическую состоятельность вывода, сдѣланнаго по этой формулѣ, и что основанія, по которымъ мы признаемъ достовѣрность формулы, суть тѣ самыя основанія, по которымъ мы признаемъ состоятельность вывода. Поэтому признать, что достовѣрность формулы никакъ не можетъ быть усмотрѣна просто изъ самаго ея содержанія, изъ разсмотрѣнія ея подлежащаго и сказуемаго и изъ сличенія ихъ, это значитъ признать, что логическая состоятельность вывода никакъ не можетъ быть усмотрѣна изъ простого разсмотрѣнія посылокъ и выводного сужденія. Если бы кто-нибудь сталъ утверждать, что, имѣя извѣстныя посылки, онъ имѣетъ совершенно законное основаніе, опираясь исключительно на нихъ и не нуждаясь ни въ чемъ болѣе, утверждать истинность извѣстнаго выводного сужденія, то тѣмъ самымъ онъ утверждалъ бы, что, если бы этотъ выводъ превратить въ одно сужденіе, въ которомъ посылки будутъ занимать мѣсто подлежащаго, а выводное сужденіе мѣсто сказуемаго, то это сужденіе будетъ истиной самоочевидной, т.-е. его достовѣрность будетъ непосредственно усматриваться мыслію изъ разсмотрѣнія его подлежащаго и его сказуемаго. И такъ какъ это сужденіе, если взять его въ болѣе отвлеченной формѣ, къ

которой оно подходило бы ко всѣмъ выводамъ того же типа, превратится въ формулу вывода, то и эта формула вывода должна будетъ быть признана самоочевиднымъ сужденіемъ. Такимъ образомъ, новый эмпиризмъ, утверждая, что формулы выводовъ не суть сужденія, оправдываемыя изъ самаго своего содержанія, долженъ признавать, что изъ посылокъ вывода выводное сужденіе непосредственно мыслью усмотрѣно быть не можетъ или что логическая состоятельность вывода сама по себѣ не очевидна. То же, конечно, онъ долженъ утверждать и о томъ выводѣ, который лежитъ у него въ основаніи знанія или съ помощью котораго доказываются послѣднія посылки знанія.

Признавая формулы вывода не умозрительными сужденіями и тѣмъ не менѣе признавая ихъ достовѣрность, новый эмпиризмъ считаетъ ихъ сужденіями, основанными на опытѣ, т.-е. такими, которыя должны доказываться частными фактами. Что же это можетъ означать? Такъ какъ формула есть общее сужденіе, утверждающее истинность всѣхъ выводныхъ сужденій, которыя выводятся изъ опредѣленнаго рода посылокъ, то доказывать это сужденіе опытомъ, частными случаями, значитъ доказывать его, ссылаясь на то, что истинность выводныхъ сужденій, которыя получены были нами въ прежнихъ случаяхъ изъ подобныхъ же посылокъ, впослѣдствіи была обнаружена фактически. Но возможно ли это?

Доказывать опытно формулу вывода, лежащаго по эмпиризму въ основаніи знанія, значитъ доказывать ее съ помощью этого же самаго вывода. Но, спрашивая о достовѣрности формулы вывода, лежащаго въ основѣ знанія, мы спрашиваемъ объ основаніяхъ логической состоятельности этого вывода, и если мы получаемъ въ отвѣтъ, что она доказывается черезъ выводъ по этой же самой формулѣ, то мы должны придти къ мысли, что логическая состоятельность этого вывода доказана быть не можетъ. Доказательство, которое ведется съ помощью извѣстнаго вывода, конечно, лишь настолько и можетъ что-нибудь доказывать, насколько предполагается логическая состоятельность вывода. А поэтому, когда вопросъ ставится о самой этой состоятельности, то что же можетъ доказывать доказательство, уже само предполагающее эту состоятельность? Буду ли я доказывать законъ природы чрезъ ссылку на частные факты, отвѣчающіе закону, хотя бы и съ тѣми усложненіями, которыя предполагаются при выводахъ этого рода, признаваемыхъ Миллемъ достовѣрными, или буду доказывать общее сужденіе, составляющее формулу этого вывода, чрезъ подобную же ссылку на существовавшіе и оказавшіеся состоятельными примѣры та-

кихъ выводовъ,—въ обоихъ случаяхъ формула вывода будетъ одна и та же и, слѣдовательно, одна и та же логическая состоятельность обоихъ доказательствъ. И если первое доказательство можетъ имѣть въ нашихъ глазахъ логическую состоятельность, т. е. можетъ дѣйствительно доказывать выводимое изъ него сужденіе только подъ условіемъ особаго самостоятельнаго доказательства своей формулы, то и второе доказательство не можетъ имѣть въ нашихъ глазахъ логической состоятельности, т.-е. не можетъ доказывать выводимаго изъ него сужденія безъ самостоятельнаго доказательства своей формулы. И если второе доказательство и есть единственно возможное доказательство формулы, то достовѣрность формулы или логическая состоятельность основного вывода, очевидно, не можетъ быть доказана. Когда дѣло идетъ о выводѣ, который долженъ лежать въ основаніи всего знанія, и когда всѣ другіе выводы признаются его усложненіями, предполагающими посылки, пріобрѣтенныя съ его помощью, тогда нельзя говорить о логической состоятельности этого вывода такъ, какъ будто бы она сама могла доказываться только черезъ выводъ, такъ какъ всякій выводъ будетъ ее уже предполагать, а слѣдовательно, при всякомъ такомъ доказательствѣ будетъ подниматься тотъ же вопросъ о состоятельности этого основного вывода.

Можно прибавить къ этому, что опытное доказательство состоятельности вывода, лежащаго у Милля въ основаніи знанія, встрѣчается еще и съ совершенно особымъ затрудненіемъ. Какъ это ни представляется на первый взглядъ страннымъ, тѣмъ не менѣе нужно положительно утверждать, что частныхъ примѣровъ, на которыхъ оно должно опираться и которые точно соотвѣтствовали бы требованіямъ отъ такого доказательства, здѣсь вовсе нѣтъ и быть не можетъ. Когда я для опытнаго убѣжденія въ логической состоятельности, напримѣръ, вывода по первой фигурѣ силлогизма счелъ бы нужнымъ обратиться къ прежнимъ выводамъ своимъ или обще-научнымъ, совершавшимся по этой формулѣ, съ цѣлью увѣриться, что они постоянно оказывались вѣрными, то я могъ бы дѣйствительно найти много случаевъ, когда выведенное ранѣе сужденіе позднѣе фактически оказывалось вѣрнымъ, т. е. выведенный изъ общаго сужденія частный случай былъ удостовѣренъ наблюденіемъ. Но приложима ли такая повѣрка въ собственномъ смыслѣ къ выводамъ законовъ изъ частныхъ случаевъ? Въ воспріятіи мы никогда не имѣемъ и не можемъ имѣть всѣхъ случаевъ, подходящихъ подъ законъ. Поэтому истинность законовъ, давно выведенныхъ хотя бы и отдаленными отъ нашего времени

поколѣніями, и для насъ сейчасъ точно такъ же, какъ и для нихъ въ былое время, основывается исключительно на выводѣ, т.-е. принимается подъ условіемъ вѣры въ логическую значимость вывода, а никакъ не на томъ основаніи, чтобы они теперь стали фактами, прямо и непосредственно усматриваемыми въ воспріятіи. Послѣ какого угодно продолжительнаго періода опытной провѣрки выведеннаго закона можно ссылаться на то, что, не смотря на многократныя встрѣчи наши съ явленіями, о которыхъ говоритъ онъ, мы не знаемъ прямыхъ отрицательныхъ инстанцій противъ принятія его; можно сослаться также на то, что примѣровъ, которые относятся къ классу, о которомъ говоритъ онъ, теперь скопилось несравненно болѣе, чѣмъ сколько могли имѣть ихъ наши предшественники, такъ какъ къ примѣрамъ, которые прошли чрезъ ихъ воспріятіе, прибавились примѣры, которые прошли чрезъ наше воспріятіе, и такимъ образомъ посылки для вывода сдѣлались полнѣе. Но при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ никогда не окажется возможнымъ сказать, что истинность сужденія о классѣ теперь уже основывается—выражаясь языкомъ Милля—не на индукціи, не на предполагаемомъ правѣ отъ примѣровъ заключать къ классу, а на прямомъ усмотрѣніи истины черезъ воспріятіе. Поэтому индуктивное доказательство индуктивной формулы, если бы оно и не было внутреннимъ противорѣчіемъ, никогда не могло бы соотвѣтствовать даже индуктивному доказательству законовъ природы, такъ какъ въ то время, какъ примѣры, представляемые въ подтвержденіе закона природы, всегда суть дѣйствительные факты, примѣры оказавшихся истинными выводовъ, на которые мы должны бы сослаться для доказательства формулы, на дѣлѣ были бы совсѣмъ не примѣрами оказавшихся истинными выводовъ, а лишь примѣрами выводовъ, противъ которыхъ мы не встрѣчали отрицательныхъ инстанцій и посылки которыхъ постоянно пополнялись, т.-е. это были бы примѣры сужденій, которымъ мы вѣримъ лишь вслѣдствіе вѣры въ состоятельность индуктивнаго доказательства. Сверхъ того, такое индуктивное доказательство формулы индуктивнаго вывода и само по себѣ не будетъ выше той индукціи древнихъ, которую Милль справедливо осуждаетъ, какъ методъ, обыкновенно ведущій къ грубымъ ошибкамъ, такъ какъ примѣры простѣйшихъ индукцій по формулѣ, дающей по Миллю достовѣрные выводы, не могутъ быть даже многочисленны, какъ касающіеся только самыхъ общихъ истинъ. Да и какой смыслъ будетъ имѣть въ примѣненіи къ индукціи, доказывающей эту формулу, Миллево требованіе отъ достовѣрной индукціи, чтобы случаи, на которые ссы-

лается индукція, встрѣчались на всякомъ мѣстѣ, во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ?

Такимъ образомъ, опытное доказательство формулы вывода, лежащаго по Миллю въ основаніи всего знанія, оказывается со всѣхъ сторонъ совершенно невозможнымъ. Если же по новому эмпиризму эти формулы не могутъ быть и самоочевидными истинами, т.-е. выводъ не можетъ быть логически оправданъ изъ самаго его содержанія, изъ простого умственнаго разсмотрѣнія посылокъ и выводного сужденія, то онъ, слѣдовательно, никакимъ образомъ не можетъ быть оправданъ. И если имѣть въ виду, что обще-научное сознаніе пользуется этимъ выводомъ, то, съ точки зрѣнія эмпиризма, это будетъ значить только, что посылки, соотвѣтствующія формулѣ этого вывода, вызываютъ въ насъ невольную и интенсивную вѣру въ то сужденіе, которое мы называемъ выводнымъ сужденіемъ. И различіе, которое существуетъ въ этомъ случаѣ между этими посылками и посылками, напримѣръ, индукціи древнихъ, будетъ состоять совсѣмъ не въ томъ, чтобы первыя оправдывали выводимое изъ нихъ сужденіе, а вторыя не способны были оправдывать его, такъ какъ оказывается, что первыя такъ же мало способны дѣйствительно оправдать выводное сужденіе, какъ и послѣднія. Различіе между ними должно быть сведено къ тому, что послѣднія, какъ скоро сознаніемъ подмѣчено, что выводы изъ нихъ нерѣдко встрѣчаются съ отрицательными инстанціями, перестаютъ возбуждать вѣру, тогда какъ первыя, не встрѣчаясь въ опытѣ съ подобными отрицательными инстанціями противъ сужденій, выводимыхъ изъ нихъ, не имѣли съ этой стороны повода парализоваться въ своемъ вліяніи на сознаніе и, несмотря на богатый и разносторонній опытъ, пріобрѣтенный человѣчествомъ, оказываются способными возбуждать эту вѣру. Довѣріе обще-научнаго сознанія къ выводамъ, которые эмпиризмъ кладетъ въ основаніе науки, можетъ съ эмпиристической точки зрѣнія объясняться только этимъ путемъ. И различеніе научнаго знанія отъ ненаучной вѣры для Милля, очевидно, не будетъ уже различеніемъ доказанныхъ сужденій отъ недоказанныхъ; оно превратится въ различеніе такихъ сужденій, условія вѣры въ которыя не встрѣчаются, несмотря на все богатство опыта и вниманіе къ нему, съ фактами, прямо способными парализовать воздѣйствіе ихъ на сознаніе, отъ такихъ условій, которыя встрѣчаются съ подобными фактами; и если послѣдніе выводы иногда продолжаютъ производить вліяніе на обычное сознаніе, то лишь благодаря недостатку знакомства его съ тѣмъ, что уже фактически сдѣлалось до-

стояніемъ науки, или благодаря недостатку вниманія его ко многимъ уже извѣстнымъ фактамъ, способнымъ парализовать вліяніе этихъ условій на сознаніе.

Милль далекъ отъ этой послѣдовательности. По образцу логиковъ, которые, признавая, умозрительную очевидность формулъ выводовъ, не лишены возможности смотрѣть на выводное сужденіе какъ на сужденіе, усматриваемое мыслью непосредственно изъ посылокъ, и которые поэтому имѣютъ всякое право различать простое условіе вѣры отъ доказательства истины въ собственномъ смыслѣ,—онъ видитъ въ выводахъ, имъ разъясняемыхъ, доказательство истины и различаетъ это доказательство какъ то, чему должна подчиняться мысль въ интересахъ познанія истины, отъ простого условія вѣры, которому мысль незаконно подчиняется, хотя бы и съ необходимостью. „Подъ доказательствомъ—говоритъ онъ [1])—не разумѣются всѣ и всякія вещи, порождающія вѣру. Есть много вещей, порождающихъ вѣру, помимо доказательства. Часто одна сильная ассоціація порождаетъ вѣру столь упорную, что ея не поколеблютъ ни опытъ, ни доводъ. Доказательство есть не то, чему умъ подчиняется или не можетъ не подчиняться, а то, чему онъ долженъ былъ бы подчиняться, при подчиненіи чему вѣра его остается согласною съ фактомъ“.

Милль здѣсь, очевидно, придаетъ чрезвычайное значеніе тому обстоятельству, что выводы, достовѣрность которыхъ онъ признаетъ, опираются на факты. Доказательство характеризуется имъ какъ то, при подчиненіи чему вѣра остается согласною съ фактомъ. Но здѣсь есть нѣкоторое недоразумѣніе. Такъ какъ научная вѣра, о которой идетъ рѣчь, имѣетъ самымъ предметомъ своимъ фактическую дѣйствительность, то, конечно, убѣжденіе, о которомъ было бы можно сказать, что оно согласно съ фактами, содержало бы въ себѣ несомнѣнную истину. Но въ томъ то и вопросъ, какъ убѣдиться, что оно дѣйствительно согласно въ этомъ смыслѣ съ фактомъ. То обстоятельство, что оно пріобрѣтается на фактахъ, еще не значитъ, что оно есть простое констатированіе того, что подмѣчено на самыхъ фактахъ. Какъ убѣжденіе въ законѣ, оно можетъ быть только выводомъ изъ фактовъ. А выводъ, если принять ученіе, что формула вывода не можетъ быть сужденіемъ, оправдываемымъ изъ самаго своего содержанія, долженъ, какъ мы видѣли, разсматриваться, подобно ассоціаціи, какъ простое условіе вѣры, которое не можетъ оправдывать

[1]) *Mill.* Syst. of Log. II, 97, p. II, 90.

мысли объ истинности сужденія, т.-е. мысли о томъ, что сужденіе согласно съ фактомъ.

Милль въ своей „Логикѣ“ отчетливо не разъясняетъ вопроса о формулахъ вывода, объ ихъ значеніи и объ ихъ доказательствѣ. Какъ уже намъ приходилось замѣчать, онъ здѣсь о формулахъ силлогистическихъ выводовъ иногда даже выражался такъ, что давалъ возможность подозрѣвать, что онъ приписываетъ имъ иную достовѣрность, чѣмъ достовѣрность, которая могла бы происходить отъ предполагаемаго опытнаго ихъ подтвержденія. И лишь указаніе Спенсера на надлежащую послѣдовательность эмпиризма въ этомъ отношеніи заставляетъ его твердо высказать свою мысль о формулахъ. Неудивительно, что значеніе этой мысли для рѣшенія вопроса объ основаніяхъ состоятельности выводовъ представляется имъ весьма неясно. Нигдѣ въ „Логикѣ“ онъ не высказываетъ опредѣленно даже взгляда, вытекающаго изъ этой мысли, именно, что состоятельность вывода для насъ доказывается лишь тѣмъ, что существовавшіе случаи выводовъ по той же формулѣ всегда оправдывались. При разъясненіи несостоятельности метода древнихъ онъ ссылается, правда, на то, что выводныя сужденія, полученныя съ помощью этого метода, не оправдывались. Но эта отрицательная мысль могла бы быть высказана и философомъ, не ставящимъ состоятельность вывода въ прямую зависимость отъ обнаружившейся истинности сужденій, выведенныхъ согласно съ формулою этого вывода. Разъясняя тотъ особый случай простой индукціи, который долженъ считаться достовѣрнымъ, онъ, между прочимъ, говоритъ [1]): „Мы не обладаемъ высшей повѣркой, которой могли бы подвергнуть опытъ вообще (т. е. индуктивный выводъ), но дѣлаемъ опытъ его собственной повѣркой. Опытъ служитъ повѣркой того, что между единообразіями, которыя онъ дѣйствительно или повидимому обнаруживаетъ, нѣкоторыя надежнѣе другихъ“. Отсюда, повидимому, можно заключить, что онъ понимаетъ и съ положительной стороны значеніе признаваемой имъ необходимости довольствоваться фактическимъ доказательствомъ формулы вывода и признаетъ, что мы довѣряемъ болѣе широкимъ выводамъ потому, что тѣ случаи вывода, гдѣ выводное сужденіе было болѣе широкое, фактически оказывались выводами вѣрными. На самомъ дѣлѣ по дальнѣйшимъ его словамъ выходитъ, что онъ хочетъ сказать, что самая широта выводного сужденія, самое соединяющееся съ нею большее количество и разнообразіе предметовъ, къ которымъ онъ примѣняется,

[1]) Ibid., I, 356; p. n. I, 349.

должны дѣлать для насъ выводъ и болѣе очевиднымъ. „И поэтому— такъ заключается выписанная цитата — существованіе единообразія можетъ быть на основаніи какого-либо даннаго числа случаевъ предположено съ тѣмъ большею степенью увѣренности, чѣмъ единообразнѣйшими оказались единообразія въ томъ классѣ, къ которому принадлежитъ случай". Изъ этихъ словъ выходитъ, что логическая состоятельность наиболѣе широкихъ выводовъ должна по Миллю основываться не на томъ, что частые случаи подобныхъ выводовъ, которые доселѣ дѣлались людьми, оказывались истинными, а должна прямо слѣдовать изъ самой широты вывода, изъ того, что единообразіе, которое имѣется въ виду при немъ, само оказывается наиболѣе единообразнымъ, распространено на многіе или на всѣ виды опредѣленнаго класса. Но, требуя отъ достовѣрной индукціи широты выводного сужденія, распространенія примѣровъ его на всякое мѣсто, на всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ, мы этимъ устанавливаемъ лишь для индукціи условіе ея вывода и должны внести эти требованія въ ея формулу, такъ какъ формула должна обнимать всѣ условія вывода. И если по Миллю при этой широтѣ выводного сужденія выводъ дѣлается очевиднымъ изъ посылокъ, то это должно будетъ значить, что эта формула, по его взгляду, есть для мысли очевидное сужденіе по самому своему содержанію; а вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ значить, что имъ отрицается нужда въ опытномъ доказательствѣ этой формулы. Здѣсь очевидное недоразумѣніе. Признавая формулы выводовъ доказываемыми индуктивно, Милль принялъ усиленіе требованій отъ индуктивнаго вывода за доказательство его формулы. Но усиленіе требованій само должно входить въ формулу, а индуктивнымъ доказательствомъ формулы могутъ быть только случаи выводовъ, сдѣланныхъ по формулѣ и оказавшихся истинными.

Такимъ образомъ, послѣдовательное проведеніе эмпиристическихъ принциповъ въ логикѣ, признаніе, что самыя формулы вывода могутъ доказываться только опытомъ, должно превращать выводы, которые эмпиризмъ хотѣлъ положить въ основѣ науки, въ простыя условія вѣры, вліяніе которыхъ на созданіе остается не парализованнымъ прямыми отрицательными инстанціями.

Правда, и подобный взглядъ не мѣшаетъ, повидимому, эмпиризму не только проводить опредѣленную черту между научными выводами и не имѣющими научнаго значенія мнѣніями, которыя также могутъ быть предметомъ вѣры, но даже уравнивать, по крайней мѣрѣ съ практической стороны, признанныя научными положенія съ доказан-

ными истинами, дѣлать первыя, такъ сказать, суррогатами послѣднихъ. Практическое значеніе доказательства сужденія выражается въ томъ, что доказательство, логически оправдывая вѣру, не допускаетъ никакихъ колебаній въ ней ни при какихъ условіяхъ. И признаваемые Миллемъ научные выводы, повидимому, должны имѣть тотъ же самый результатъ, такъ какъ должны производить вѣру, не парализуясь въ этомъ вліяніи своемъ на сознаніе никакими отрицательными инстанціями.

Однако, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія обыкновеннаго сознанія, подобная параллель, хотя бы только съ практической стороны, между вѣрой доказанной и вѣрой, просто производимой опредѣленными условіями—дѣло невозможное. Съ точки зрѣнія этого сознанія выводы, все равно какъ тѣ, которыхъ значеніе позднѣе, при болѣе широкомъ опытѣ, подрывается отрицательными инстанціями, такъ и тѣ, которые не имѣютъ противъ себя такихъ инстанцій,—только потому и производили или производятъ вѣру, что мы смотримъ на посылки, какъ на доказательство этой вѣры, оправдывающее ее. И если вліяніе извѣстныхъ выводовъ на сознаніе парализуется, когда нѣкоторыя изъ выводныхъ сужденій, полученныхъ съ ихъ помощью, оказываются ошибочными, и мы подмѣчаемъ и обобщаемъ эти ошибки, то съ точки зрѣнія обыкновеннаго сознанія это объясняется тѣмъ, что на такихъ отрицательныхъ инстанціяхъ мы наглядно сознаемъ неспособность посылокъ оправдывать выводъ. А поэтому, если бы и относительно выводовъ, которые не встрѣчаются съ такими отрицательными инстанціями, мы убѣдились какимъ бы то ни было путемъ, что и они на самомъ дѣлѣ не могутъ оправдывать выводнаго сужденія и что они составляютъ простое психологическое условіе вѣры, то, по взгляду обычнаго сознанія, вліяніе ихъ такъ же было бы парализовано, какъ и вліяніе условій, встрѣчавшихся съ отрицательными инстанціями. И, такимъ образомъ, самое это признаніе эмпиризма, что формула вывода допускаетъ только опытное доказательство, которое должно, какъ мы видѣли, оказаться невозможнымъ,—самое это признаніе, если бы оно было вѣрно и было твердо усвоено, лишало бы вѣру, производимую научными выводами, того преимущества, которое способно дѣлать ее суррогатомъ дѣйствительнаго знанія: оно должно бы было колебать ее.

Поэтому, чтобы разъяснить и оправдать значеніе науки, отрицая въ то же время способность научныхъ выводовъ оправдывать научныя положенія, эмпиризмъ долженъ былъ бы доказать, что тѣ или другія положенія, лежащія въ основѣ науки, должны вызывать вѣру во вся-

комъ случаѣ, совершенно независимо отъ того, доказываютъ ли эту вѣру условія, ее вызывающія, или не доказываютъ, и какъ бы ни смотрѣло сознаніе на значеніе этихъ условій. Это значитъ, что оправдать значеніе науки, не признавая состоятельности научныхъ выводовъ, можно, только признавъ, что тѣ или другія условія вѣры съ роковою необходимостію дѣйствуютъ на сознаніе.

Милль слишкомъ далеко зашелъ по критическому пути, чтобы допускать что-нибудь подобное. Онъ глубоко вѣритъ [1]), „что нѣтъ предположенія, о которомъ можно было бы утверждать, что умъ человѣческій долженъ вѣрить въ него вѣчно и безповоротно“, и что „каждый властенъ развить въ себѣ привычки мышленія, которыя сдѣлаютъ его независимымъ отъ вѣрованій“, которыя считались или считаются неибѣжными для мысли.

Но эмпиризмъ имѣетъ и такого представителя, который сдѣлалъ попытку проложить и этотъ путь, т.-е. доказать, что есть условія, порождающія вѣру съ роковою необходимостію, и который, такимъ образомъ, открываетъ, повидимому, для эмпиризма возможность оправдать съ практической стороны все значеніе науки даже и въ томъ случаѣ, когда было бы сознано, что взгляды новаго эмпиризма на логическую мысль, на формулы выводовъ ведутъ къ отрицанію возможности разсматривать научные выводы, какъ дѣйствительныя доказательства выводимыхъ изъ нихъ сужденій.

Такимъ представителемъ эмпиризма является Спенсеръ. Необходимая мыслимость сужденія, отрицательно выражающаяся въ немыслимости исключеній изъ него, выступаетъ у Спенсера не въ качествѣ только высшаго критерія истины, но и въ качествѣ такого условія вѣры, которое роковымъ образомъ производитъ вліяніе на человѣческое сознаніе и которое поэтому не только законно, но и съ безусловною необходимостію порождаетъ вѣру, не допускающую никакихъ сомнѣній или колебаній.

D. Возвышеніе Спенсеромъ немыслимости отрицанія сужденія на степень критерія истины.

Отрицая всякую чисто умозрительную очевидность, новый эмпиризмъ долженъ былъ основаніе убѣжденія въ высшихъ посылкахъ знанія искать во вліяніи на сознаніе соотвѣтствующихъ имъ частныхъ фактовъ. Ясно понимая это, и въ то же время желая держаться на

[1]) Ibid., II, 98. II, 90—91.

критической точкѣ зрѣнія, Милль искалъ точнаго научнаго метода, который по суду общенаучнаго сознанія оправдывалъ бы выводъ общихъ положеній изъ частныхъ фактовъ. Простѣйшая индукція по традиціямъ логики была единственно тѣмъ методомъ, задачей котораго ставился выводъ общихъ положеній прямо и исключительно изъ частныхъ фактовъ; и поэтому было совершенно естественно, что Милль обратился къ этому методу. Но мы видѣли, что этимъ путемъ цѣль не могла быть достигнута. Частью въ особенностяхъ простѣйшей индукціи какъ научнаго метода, частью въ тѣхъ предположеніяхъ о знаніи, которыя дѣлалъ новый эмпиризмъ, заключались основанія, вслѣдствіе которыхъ оказывалось невозможнымъ логически оправдать достовѣрность выводовъ, которые могли быть получены по простѣйшей формѣ индукціи.

Но былъ ли тотъ путь, на который указывала теорія Милля, единственнымъ путемъ для достиженія цѣли, къ которой стремился эмпиризмъ? Можно было задаться смѣлымъ вопросомъ: была ли нужда эмпиризму для разъясненія достовѣрности послѣднихъ посылокъ знанія искать научнаго метода?

То вліяніе частныхъ фактовъ на сознаніе, въ которомъ исключительно долженъ былъ эмпиризмъ искать основаній для достовѣрности знанія, во всякомъ случаѣ не все сполна сводилось въ эмпиризмѣ къ тому значенію этихъ фактовъ, которое они могли бы имѣть при научно-методическомъ доказательствѣ той или другой истины. Положенія, которыя въ наукѣ играютъ роль общихъ высшихъ посылокъ знанія, отличаются въ глазахъ самого эмпиризма особою чертою. Новый эмпиризмъ, вполнѣ отрицая чисто умозрительный характеръ этихъ положеній, тѣмъ не менѣе не могъ не согласиться съ противоположнымъ ему направленіемъ въ томъ, что отрицаніе ихъ совершенно немыслимо для насъ. И эту немыслимость ему оказалось необходимымъ точно такъ же сводить къ вліянію частныхъ фактовъ на сознаніе, какъ въ томъ же вліяніи приходилось искать и разъясненія достовѣрности знанія. Пусть же теперь будетъ признано, что совершенная немыслимость для насъ отрицанія того или другого сужденія можетъ быть вполнѣ удовлетворительно объяснена вліяніемъ частныхъ фактовъ на сознаніе. Окажется ли въ такомъ случаѣ нужда за разъясненіемъ достовѣрности тѣхъ же сужденій отыскивать научный методъ, съ помощью котораго они могли бы быть логически оправданы непосредственно и исключительно изъ частныхъ фактовъ? Почему, казалось бы, эта самая немыслимость ихъ отрицанія не могла бы и для эмпиризма стать гарантіей ихъ достовѣрности, какъ она была гарантіей ихъ достовѣр-

ности для направленія противоположнаго эмпиризму? Пусть противники эмпиризма, когда ссылались они на немыслимость отрицанія того или другого сужденія какъ на доказательство его безусловной достовѣрности, ставили эту немыслимость въ связь съ чисто умозрительнымъ характеромъ сужденія. Но немыслимость, понимаемая въ смыслѣ совершенной неспособности нашей вообразить исключеніе изъ сужденія, сама по себѣ съ фактической стороны остается однимъ и тѣмъ же феноменомъ, какъ бы ни объясняли ея происхожденіе. Почему же, казалось бы, она и въ эмпиризмѣ не могла послужить такой же опорой достовѣрности знанія, какой она служила у мыслителей, признававшихъ умозрительное знаніе?

Гносеологія Спенсера представляетъ попытку при эмпирическихъ предположеніяхъ установить за немыслимостью отрицанія сужденія значеніе высшаго критерія достовѣрности сужденій для того, чтобы, опираясь на этотъ критерій, разъяснить и оправдать достовѣрность научнаго знанія.

1.

Спенсеръ никакъ не смотритъ на свою теорію знанія какъ на стоящую въ антагонизмѣ съ Миллевой теоріей. Находя различіе своихъ взглядовъ отъ Миллевыхъ „скорѣе поверхностнымъ, чѣмъ существеннымъ“ [1]), онъ видитъ доказательство значенія, усвояемаго имъ немыслимости, въ томъ, что оно составляетъ неизбѣжный выводъ изъ такихъ взглядовъ на основаніи достовѣрности знанія, въ которыхъ онъ совершенно согласенъ съ Миллемъ.

Выше при критикѣ Миллевой теоріи было показано, что борьба Милля противъ немыслимости, какъ критерія достовѣрности, стояла въ противорѣчіи съ его же ученіемъ объ условіяхъ достовѣрности индукціи съ одной стороны и объ условіяхъ возникновенія феномена немыслимости съ другой. Поэтому Спенсеру не было ни малѣйшаго затрудненія представить усвояемое имъ немыслимости значеніе какъ простой выводъ изъ Миллевыхъ взглядовъ. Онъ совершенно справедливо разъясняетъ [2]), „что если, какъ утверждаетъ Милль, въ природѣ существуютъ абсолютныя единообразія, если эти единообразія производятъ, — какъ это и дѣйствительно должно быть, — столь же абсолютныя единообразія въ нашей опытности, и если, какъ показы-

[1]) Spencer. Princ. of Psych. II, 407—408. Not. p. n. IV, 104—105, прим.
[2]) Spencer. Princ. of Psych. II, 416, p. n. IV, 114.

ваетъ Милль, эти абсолютныя единообразія въ нашей опытности дѣлаютъ насъ неспособными мыслить ихъ отрицаніе, тогда соотвѣтственно каждому абсолютному единообразію въ природѣ, постоянно повторяющемуся въ нашей опытности, должно существовать въ насъ нѣкоторое убѣжденіе, отрицаніе котораго немыслимо, и которое абсолютно справедливо. Въ этой обширной области случаевъ субъективная немыслимость соотвѣтствуетъ объективной невозможности". Въ той же критикѣ Милловой теоріи мы видѣли, что Спенсеръ отчетливо понимаетъ, что такъ какъ свидѣтельство о вліяніи частныхъ фактовъ на сознаніе, извлекаемое изъ сознанія немыслимости отрицанія извѣстнаго сужденія, не стоитъ въ зависимости, подобно индукціи, отъ ограниченной человѣческой памяти, то оно въ глазахъ самого Милля, если бы Милль обратилъ вниманіе на послѣдовательные выводы изъ своихъ же взглядовъ, должно бы было получить большее преимущество передъ его индуктивнымъ доказательствомъ [1]). Тамъ же было указано и на то, что какъ скоро самъ Спенсеръ призналъ совершенную немыслимость отрицанія сужденія за результатъ зарегистрированнаго въ самомъ организмѣ опыта всей человѣческой расы, и даже не одной человѣческой расы, но и разнообразныхъ видовъ животнаго царства, изъ которыхъ, по его теоріи эволюціи, должна была развиться человѣческая раса, то опытъ, о которомъ должна была свидѣтельствовать немыслимость, долженъ былъ оказаться по своему обилію безконечно превышающимъ тотъ опытъ, на который могла сослаться Миллевская индукція [2]). Понятно, къ чему съ этой точки зрѣнія долженъ былъ сводиться весь процессъ убѣжденія въ необходимыхъ связяхъ въ бытіи. Для того, „чтобы увѣриться, дѣйствительно ли извѣстное сказуемое неизмѣнно сосуществуетъ съ своимъ подлежащимъ, говоритъ Спенсеръ [3]), мы не имѣемъ другого пути, какъ только поискать такого случая, гдѣ бы это подлежащее существовало безъ этого сказуемаго", т.-е. попытаться „замѣнить это неизмѣнно существующее сказуемое какимъ-либо другимъ или просто вытѣснить его совсѣмъ изъ сознанія, не замѣняя его ничѣмъ другимъ"; и неудача въ этомъ „есть открытіе того, что здѣсь вмѣстѣ съ подлежащимъ неизмѣнно существуетъ и сказуемое".

---

[1]) Spencer. Princ. of Psych. II, 416—419, p. n. IV, 115—117. Ср. выше стр. 48—49.

[2]) Spencer. Princ. of Psych. II, 419—420, p. n. IV, 117—118. Ср. выше 49—50.

[3]) Spencer. Princ. of Psych. II, 406—407, p. n. IV, 104—105.

Спенсеръ не ограничивается доказательствомъ необходимости для Миллевскаго эмпиризма видѣть въ немыслимости критерій достовѣрности. Онъ разъясняетъ нужду расширить примѣненіе этого критерія, показываетъ, что въ оправданіи съ помощью этого критерія нуждаются такія основанія научнаго знанія, объ оправданіи которыхъ у Милля вовсе не поднимается и рѣчи.

Сверхъ тѣхъ общихъ положеній, которыя при доказательствѣ научныхъ истинъ играютъ роль послѣднихъ посылокъ, для науки нужны факты, изъ которыхъ съ помощью послѣднихъ посылокъ знанія и дѣлаются выводы научныхъ положеній, и которые по эмпиризму, конечно, необходимы и для той индукціи, которой устанавливаются самыя эти посылки. Милль ограничился вопросомъ объ основаніяхъ достовѣрности общихъ посылокъ знанія. Факты, насколько они заимствуются изъ воспріятія, не возбуждаютъ въ немъ никакого подобнаго вопроса. Онъ, правда, знаетъ, что Кантъ хотѣлъ въ самомъ воспріятіи констатировать элементы a priori, и не только пространство и время, которыя считалъ созерцаніями a priori, но и синтезъ, опирающійся на чистыхъ понятіяхъ разсудка, и что Кантъ основывался при этомъ на томъ, что въ фактахъ сознаніе имѣетъ дѣло съ объектами и съ объективными отношеніями, а въ понятіяхъ a priori мы и имѣемъ, по его мнѣнію, именно понятія объ объектѣ и объ объективныхъ отношеніяхъ. Милль вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ, конечно, и то, что съ помощью такого констатированія элементовъ a priori на фактахъ воспріятія Кантъ хотѣлъ поставить внѣ сомнѣнія господство чисто умозрительныхъ элементовъ надъ тѣмъ сырымъ матеріаломъ, изъ котораго должны конструироваться воспріятія, представляющія этотъ матеріалъ уже въ объединенномъ видѣ. И Милль самъ никакъ не отрицаетъ той мысли, что воспріятія въ томъ видѣ, какъ они возникаютъ въ нашемъ развитомъ сознаніи, ни въ какомъ случаѣ нельзя счесть за непосредственно данныя намъ безъ всякаго участія нашей самодѣятельности связки наличныхъ ощущеній; онъ признаетъ, что они предполагаютъ ранѣе совершавшіеся познавательные процессы и понятны только какъ результатъ этихъ процессовъ. Но для установки цѣльной эмпиристической теоріи знанія онъ считаетъ совершенно достаточнымъ доказать, что эти процессы не заключаютъ въ себѣ никакихъ элементовъ a priori, и что результаты этихъ процессовъ потому получаютъ въ сознаніи твердую и устойчивую форму, что закрѣплены ассоціаціей. Ему не приходитъ на мысль, что самое это разъясненіе вызываетъ вопросъ объ основаніяхъ довѣрія къ фактамъ, извлекаемымъ изъ вос-

пріятій, и о роли, какую играетъ въ этомъ довѣріи наше довѣріе къ устойчивымъ ассоціаціямъ представленій. Спенсеръ поднимаетъ этотъ вопросъ и разъясняетъ огромное значеніе ассоціацій въ воспріятіи съ цѣлью показать, что довѣріе науки къ фактамъ, составляющимъ фундаментъ знанія, есть довѣріе къ неразрывнымъ ассоціаціямъ и опирается на немыслимость отрицанія.

Воспріятія нашего развитаго сознанія, какъ учитъ психологія, независимо отъ того или другого ея направленія, всегда представляютъ соединенія пространственнаго синтеза наличныхъ ощущеній съ простыми представленіями объ ощущеніяхъ, ранѣе нами испытанныхъ. Окидывая взглядомъ предметы, стоящіе передо мною, я воспринимаю ихъ какъ столъ, зеркало, кресло и т. д. Но подъ столомъ, зеркаломъ и пр. я понимаю не простые раскрашенные рисунки, которые одни только доступны чувству зрѣнія. Я понимаю подъ ними соединеніе многихъ другихъ свойствъ, плотности, тяжести, гладкости или шероховатости и пр., которыя зрѣнію непосредственно недоступны, но безъ которыхъ рисунки и оставались бы только рисунками, а не были бы опредѣленными вещественными предметами, хотя бы и понимаемыми просто въ смыслѣ явленій. Я воспринимаю видимые мною предметы какъ опредѣленные вещественные предметы, какъ столъ, зеркало и пр., конечно, потому, что изъ болѣе раннихъ опытовъ научился, что съ извѣстными зрительными свойствами обыкновенно соединяются въ предметѣ и многія другія свойства, познаваемыя незрительно, а съ помощію другихъ чувствъ. Однако при самомъ актѣ зрительнаго воспріятія я вовсе не припоминаю, если нѣтъ къ тому особаго повода, объ этихъ болѣе раннихъ опытахъ, сознательно не смотрю на теперешнее воспріятіе въ самый моментъ его возникновенія какъ на индуктивный выводъ изъ нихъ. Можетъ быть нѣкогда, послѣ перваго ознакомленія съ тѣмъ фактомъ, что при воспріятіи опредѣленнаго зрительнаго объекта можно получить отъ него цѣлый рядъ другихъ незрительныхъ ощущеній, я нуждался, при новой встрѣчѣ съ подобнаго же рода зрительнымъ объектомъ, въ припоминаніи прежнихъ случаевъ соединенія подобныхъ зрительныхъ ощущеній съ извѣстными незрительными для того, чтобы изъ этихъ прежнихъ опытовъ сознательно сдѣлать соотвѣтствующій выводъ къ наличному зрительному объекту и съ помощью этого вывода соединить съ данными теперь зрительными свойствами неданныя незрительныя. Но если мы и предположимъ, что нѣкогда это такъ именно и было, то все же для насъ остается несомнѣннымъ, что вслѣдствіе частаго повторенія подобныхъ

дополненій опредѣленныхъ зрительныхъ ощущеній опредѣленными незрительными ассоціація между свойствами, обыкновенно сосуществующими въ предметахъ, окрѣпла въ нашемъ сознаніи до такой степени, что теперь мы уже не нуждаемся ни въ какомъ припоминаніи какихъ-либо частныхъ случаевъ изъ прежняго нашего опыта, и съ появленіемъ въ нашемъ воспріятіи опредѣленнаго зрительнаго объекта моментально, безъ всякихъ посредствующихъ звеньевъ и невольно является въ насъ сознаніе предмета, относящагося къ такому классу, въ характеристику котораго необходимо входятъ, кромѣ зрительныхъ, и другія свойства; и это сознаніе является такъ, какъ будто бы для порожденія его совѣмъ и не предполагается никакихъ другихъ условій кромѣ того взгляда на предметъ, за которымъ оно непосредственно слѣдуетъ. И такъ какъ о каждомъ воспріятіи, если точно его анализировать, можно утверждать, что въ немъ съ пространственнымъ синтезомъ налично данныхъ ощущеній соединены и простыя представленія объ ощущеніяхъ, теперь не данныхъ, но ранѣе испытанныхъ нами въ соединеніи съ какими-либо изъ ощущеній теперь данныхъ, то отсюда должно выходить, что наши воспріятія, принимаемыя нами за факты, на самомъ дѣлѣ представляютъ всегда закрѣпленныя тѣсною ассоціативною связью соединенія дѣйствительно сейчасъ ощущаемаго съ простыми представленіями. А это значитъ, что и то довѣріе къ воспринятому явленію, какъ къ факту, непосредственно данному, которое обычно встрѣчается въ нашей повседневной жизни, есть на дѣлѣ довѣріе къ окрѣпшей ассоціативной связи.

Однако ассоціаціи этого рода, очень сходныя съ обыкновенными принимаемыми нами на вѣру, ассоціативно укрѣпившимися въ насъ мнѣніями, по большей части таковы, что не могутъ быть признаны за ассоціаціи совершенно неразрывныя, и научно развитою мыслію безъ особаго труда многія изъ нихъ отличаются отъ чистаго пространственнаго синтеза наличныхъ ощущеній, съ которымъ соединены, и принимаются ею за то, что они ёсть на самомъ дѣлѣ, т.-е. за ассоціированныя съ нимъ представленія. При научномъ изслѣдованіи эти представленія, конечно, въ той степени, въ которой они не представляютъ совершенно неразрывной связи съ чистымъ пространственнымъ синтезомъ ощущеній и различаются отъ него, обыкновенно въ интересахъ научной осторожности замѣняются нарочито вызванными соотвѣтствующими имъ ощущеніями. Вслѣдствіе этого о большей части этихъ ассоціацій никакъ нельзя утверждать, что онѣ принимаются наукой на вѣру въ ихъ неразрывность.

Но какъ Спенсеръ, такъ и Милль принадлежатъ къ такому направленію психологіи, которое расширяетъ значеніе ассоціацій для воспріятія гораздо далѣе разъясненныхъ случаевъ. По ученію психологовъ этого направленія, какъ самое представленіе пространства, такъ вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и все распредѣленіе ощущеній въ пространствѣ и всесторонняя пространственная опредѣленность въ нашихъ воспріятіяхъ каждаго ощущенія порознь не принимаются въ собственномъ смыслѣ за непосредственно данныя, а разсматриваются какъ результатъ очень сложныхъ ассоціацій представленій о различныхъ порядкахъ смѣны непространственныхъ самихъ въ себѣ мускульныхъ ощущеній въ ихъ связи съ разнообразными другими (осязательными и зрительными) ощущеніями. Съ этой точки зрѣнія даже повидимому чистый отъ всякой примѣси представленій пространственный синтезъ ощущеній въ воспріятіи оказывается на самомъ дѣлѣ сплошь тканью, сотканною ассоціаціями изъ такого первоначально даннаго непространственно матеріала, который въ нашемъ развитомъ сознаніи мы даже не можемъ имѣть въ его чистомъ видѣ невплетеннымъ въ эту ткань. Этотъ синтезъ, такимъ образомъ, оказывается, подобно всякимъ другимъ дополненіямъ ощущеній представленіями въ воспріятіяхъ, простымъ толкованіемъ непосредственно даннаго матеріала, которое предполагаетъ совершившіеся ранѣе познавательные процессы и которое въ отличіе отъ многихъ другихъ подобныхъ толкованій получило только особую чрезвычайную принудительность для нашего сознанія въ силу образовавшейся неразрывной связи между его элементами и особенностями наличныхъ ощущеній. И если теперь не только обычное сознаніе, но и наука—этотъ пространственный синтезъ ощущеній, на сколько онъ оказывается безусловно принудительнымъ для сознанія, принимаетъ прямо за фактъ, даетъ ему то же познавательное значеніе, какое придавало бы непосредственно данному, то послѣдовательно съ точки зрѣнія этого психологическаго направленія такое отношеніе непосредственнаго сознанія и науки къ этому синтезу должно получить смыслъ довѣрія къ неразрывной ассоціаціи, закрѣпившей результатъ нѣкогда пережитыхъ познавательныхъ процессовъ. И Спенсеръ, разъясняя ту мысль, что разумые выводы, подъ которыми онъ здѣсь непосредственно разумѣетъ выводы отъ частныхъ случаевъ къ частнымъ же случаямъ, переходятъ вслѣдствіе частаго повторенія въ выводы автоматическіе или въ органическія интуиціи, совершенно согласно съ этой точкой зрѣнія учитъ: „всѣ пріобрѣтенныя нами непосредственныя воспріятія могутъ служить поясннтельнымъ примѣромъ этой истины. Всѣ тѣ без-

численные случаи, въ которыхъ мы, повидимому, прямо опредѣляемъ разстоянія, формы, массы, различія въ сотканіи и т. д. окружающихъ насъ предметовъ, суть такіе случаи, въ которыхъ психическія состоянія, соотвѣтствовавшія прежде явленіямъ, усматриваемымъ отдѣльно, и соединявшіяся потомъ въ нашей мысли между собою путемъ вывода, стали вслѣдствіе постояннаго совпаденія связанными между собою неразрывнымъ образомъ, такъ что первоначально разумное знаніе превратилось въ интуитивное“ [1]).

[1]) Spencer. Princ. of Psych. I. 160 p. p. II. 185. Правда, у Спенсера (но не у Милля) вводится ученіе о постепенномъ приспособленіи самой организаціи къ пространственному созерцанію путемъ наслѣдственной передачи совершающихся въ ней измѣненій, такъ что пространственныя отношенія въ воспріятіяхъ нашей развитой жизни могутъ повидимому разсматриваться въ его системѣ уже какъ непосредственно данные факты, какъ простая реакція организма на внѣшнія раздраженія; Спенсеръ общія пространственныя отношенія самъ называетъ „автоматическими элементами сознанія“, „формами интуиціи“. (Ib. I. 467 p. p. 2. 192—193). Но все это, конечно, нисколько не мѣшаетъ ему признавать, что въ этихъ зарегистрированныхъ въ самой нашей организаціи формахъ мы имѣемъ никакъ не постоянныя непосредственныя воздѣйствія среды, а результаты познавательныхъ процессовъ, только закрѣпленные ассоціаціей. Притомъ же даже эти развивающіяся въ насъ уже при посредствѣ врожденныхъ организаціи задатковъ общія формы интуиціи совсѣмъ не оказываются, по его ученію, вполнѣ тожественными съ чисто автоматическими рефлексами; для фактической установки ихъ въ опредѣленномъ индивидуальномъ сознаніи требуется все же опредѣленное количество индивидуальныхъ опытовъ, такъ что развитіе ихъ въ воспріятіи опредѣленнаго индивидуума только „въ гораздо большей степени должно быть приписано нервной организаціи и ея росту, чѣмъ индивидуальнымъ опытамъ“, а никакъ не исключительно этой организаціи и ея росту. А моментальная и принудительная установка въ воспріятіи пространственной опредѣленности единичныхъ предметовъ, отличающихся другъ отъ друга своими пространственными формами и отношеніями, опредѣленный пространственный распорядокъ наличныхъ ощущеній въ каждомъ частномъ воспріятіи, конечно, еще въ большей степени, чѣмъ общія пространственныя отношенія, должны зависѣть отъ индивидуальнаго опыта, хотя и не воспоминаемаго, и отъ ассоціацій, которыя должны были образоваться въ этомъ индивидуальномъ опытѣ.

Спенсеръ въ сведеніи воспріятія къ ассоціативнымъ связямъ идетъ и далѣе. Принимая, что психическая жизнь на болѣе высокихъ ступеняхъ ея эволюціи допускаетъ лишь послѣдовательность явленій и не допускаетъ ихъ одновременности, онъ одновременность явленій въ воспріятіи объясняетъ быстротой взаимной смѣны одного явленія другими при условіи, конечно, тѣсной ассоціаціи между ними (Ibid. I. 395, 410—412. II. 275—276, p. p. II. III. 128—129; III. 286—287). Взглядовъ Спенсера на постановку въ сознаніи внѣшней объективности и на происхожденіе представленія о времени мы здѣсь совсѣмъ не касаемся,—перваго потому, что вопросъ о взглядахъ новаго времени на постановку въ сознаніи внѣшней объективности нуждается, какъ было уже замѣчено нами, въ особомъ спеціальномъ изслѣдованіи послѣдняго потому, что происхожденіе представленія о времени у Спенсера болѣе нуждается въ

Такимъ образомъ наука, по Спенсеру, подразумѣваетъ довѣріе къ ассоціативнымъ соединеніямъ, насколько она имѣетъ своимъ фундаментомъ факты, заимствуемые изъ воспріятія. Этимъ, конечно, не утверждается законность довѣрія ко всему тому толкованію непосредственно даннаго матеріала, которое соединено съ каждымъ воспріятіемъ. Такъ какъ это довѣріе къ толкованію непосредственно даннаго можетъ опираться только на его очевидность, а эта очевидность имѣетъ по Спенсеру то же ассоціативное происхожденіе, какъ и очевидность общихъ истинъ, то и критеріемъ истины здѣсь, какъ и при общихъ сужденіяхъ, должна, по его взгляду, считаться та же совершенная неразрывность ассоціаціи, выражающаяся въ совершенной немыслимости отрицанія. Только здѣсь соотвѣтственно особенностямъ, отличающимъ акты воспріятія отъ общихъ сужденій, она получаетъ особый характеръ. При общихъ сужденіяхъ немыслимость противорѣчія сознаётся безъ всякаго ограниченія времени, а поэтому соединеніе явленій, о которомъ говоритъ сужденіе, ставится какъ постоянно абсолютное. При воспріятіи немыслимость противорѣчія данному въ немъ соединенію сознается какъ ограниченная временемъ воспріятія, и поэтому соединеніе ставится какъ временно абсолютное, но все же какъ абсолютное. И эта абсолютность соединенія и полная немыслимость его отрицанія, по мнѣнію Спенсера, вполнѣ опредѣленно отличаютъ въ воспріятіи то, что требуетъ безусловнаго признанія, отъ того, что можетъ нуждаться въ провѣркѣ. Пусть я, напримѣръ, вижу спину сидящей и производящей извѣстныя движенія фигуры и принимаю эту фигуру за старика. Здѣсь связь соединеннаго въ воспріятіи матеріала вовсе не абсолютна и отрицаніе ея вовсе не немыслимо для меня. Если мнѣ разъяснятъ, что это сидитъ молодой человѣкъ или женщина, намѣренно перерядившіеся и принявшіе позу старика, или даже просто кукла, снабженная механизмомъ для произведенія опредѣленныхъ движеній, то мое воспріятіе тотчасъ же можетъ получить иной, соотвѣтствующій этому разъясненію смыслъ. Но если, напримѣръ, я, глядя на извѣстный предметъ, констатирую опредѣленные цвѣта, распредѣленные въ опредѣленномъ порядкѣ, или смотря на солнце, утверждаю, что вижу свѣтъ, или ощущая въ темнотѣ сопротивленіе, утверждаю, что сопротивляющееся протяженно, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я утверждаю такое соединеніе явленій, отрицаніе котораго для меня совершенно немыслимо за время воспріятія и ко-

---

процессахъ абстракціи и сличенія послѣдовательныхъ порядковъ смѣны, чѣмъ въ развитіи ассоціативной связи между представленіями.

торое, слѣдовательно, вполнѣ удовлетворяетъ самому надежному критерію истины. Недостовѣрныя утвержденія, основанныя на воспріятіи и опирающіяся иногда, повидимому, на ту же немыслимость, какъ и достовѣрныя, отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что они представляютъ сложныя утвержденія, въ которыхъ, сверхъ явно утверждаемаго, многое подразумѣвается, и поэтому немыслимость всего утверждаемаго въ нихъ не достаточно отчетливо оцѣнивается сознаніемъ. Чтобы избѣжать подобной ошибочной оцѣнки нужно сложныя утвержденія, заключающія въ себѣ много подразумѣваній, разлагать на простыя, испытывать эти простыя каждое порознь и утверждать немыслимость отрицанія сложнаго лишь въ томъ случаѣ, когда выдержатъ строгое испытаніе всѣ простѣйшія сужденія, изъ которыхъ состоитъ оно [1]).

Это различіе Спенсерова взгляда отъ Миллева относительно способа нашего убѣжденія во всѣхъ послѣднихъ основаніяхъ нашего знанія, если бы имъ все дѣло и ограничивалось, должно бы было возбуждать недоумѣнія. Если исключить высшія общія посылки знанія и факты, т. е. все то, что можетъ считаться основаніемъ или предположеніемъ научнаго званія, и имѣть въ виду устанавливаемыя самой наукой положенія, то нельзя будетъ отрицать, что наука выступаетъ въ отношеніи къ этимъ положеніямъ съ требованіемъ доказательства, т. е. вывода ихъ изъ фактовъ или изъ другихъ достовѣрныхъ положеній и что удовлетвореніемъ именно этому требованію научныя положенія отличаются отъ ненаучныхъ мнѣній, довѣріе къ которымъ главнымъ образомъ возбуждается и поддерживается окрѣпшими соотвѣтствующими имъ ассоціаціями. Съ этой точки зрѣнія ассоціативная связь представленій оказывается, повидимому, чѣмъ-то стоящимъ въ антагонизмѣ съ научнымъ знаніемъ и, поэтому, чуждымъ всякаго познавательнаго значенія. И можно спросить, на сколько это гармонируетъ съ ученіемъ Спенсера о критеріи истины. Правда, критеріемъ истины ставится у Спенсера не ассоціація вообще, а асссоціація, достигшая неразрывности, т. е. высшей степени своей интенсивности, и въ объясненіе ея значенія указывается на то, что она опирается не только на воспоминаемые, но и на не воспоминаемые факты. Но неразрывная асоціація различается лишь степенью отъ всякой другой. И не при образованіи только неразрывной ассоціаціи, но и при образованіи ассоціацій всякихъ другихъ степеней участвуютъ не сознательные только или воспоминаемые процессы, но и несознательные и неспо-

[1]) Spencer. Princ. of Psych. II. 395—404, 410, p. n. IV, 93—101, 108.

собные къ воспоминанію, слѣдовательно всегда участвуетъ несравненно большее число фактовъ, чѣмъ сколько можетъ обозрѣть сознательный процессъ. Какимъ же образомъ можно бы было не только придавать познавательное значеніе, но и приписать значеніе самого высшаго критерія истины неразрывной ассоціаціи, сполна отрицая въ то же время всякое познавательное значеніе за всякими другими степенями ассоціативной связи, даже приближающимися къ этой высшей степени? Съ другой стороны невольно возникаетъ вопросъ и о томъ: откуда же возьметъ свое познавательное значеніе самый процессъ вывода, который наука безмѣрко возвышаетъ надъ ассоціативными связями представленій при обсужденіи положеній, подлежащихъ научному изслѣдованію, если высшій критерій истины можно искать только въ крѣпости ассоціативной связи? Этотъ послѣдній вопросъ получаетъ, повидимому, особую силу, когда мы останавливаемъ свое вниманіе на простѣйшемъ индуктивномъ выводѣ, который хотя и не признается наукой способнымъ установить достовѣрное общее сужденіе, но никакъ не теряетъ въ глазахъ ея совершенно всякое познавательное значеніе и во всякомъ случаѣ предпочитается ею при доказательствѣ положеній, подлежащихъ научному изслѣдованію, простой ссылкѣ на ассоціативныя связи. Если стать на общую эмпирическую точку зрѣнія и признать вліяніе частныхъ фактовъ на сознаніе за послѣднее основаніе всякой научной достовѣрности, и если при этомъ съ Миллемъ и Спенсеромъ все познавательное значеніе этого вліянія ставить исключительно въ зависимость отъ его постоянства и отъ обилія вліяющихъ фактовъ, то все различіе простѣйшаго индуктивнаго вывода отъ ссылокъ на ассоціацію должно будетъ, повидимому, сводиться къ одной чертѣ. При выводѣ утверждаемое сужденіе будетъ основываться на сознательномъ осмотрѣ фактовъ и сознательномъ сопоставленіи ихъ съ этимъ сужденіемъ, тогда какъ при ссылкѣ на ассоціативную связь какой бы то ни было интенсивности все дѣло ограничивается сознаніемъ ассоціативной связи между основными элементами сужденія,— связи, произведенной этими же фактами и еще многими другими, которые остаются за предѣлами возможнаго для насъ воспоминанія. Но если бы это такъ дѣйствительно и было, то отсюда должно бы было слѣдовать, что сознательный обзоръ фактовъ и сознательное сопоставленіе ихъ съ доказываемымъ сужденіемъ имѣетъ для науки несличимо большее познавательное значеніе, чѣмъ ассоціація, образовавшаяся чрезъ вліяніе на сознаніе хотя бы несравненно большаго количества фактовъ. Какъ же бы это можно было согласить со Спенсеровымъ

признаніемъ неразрывной ассоціаціи за высшій критерій достовѣрности сужденія? Ясно, что признаніе этого критерія не могло не соединяться съ нѣкоторой особой теоріей, иначе объясняющей весь познавательный процессъ, чѣмъ объясняетъ его Милль. И Спенсеръ даетъ такую теорію.

Жизнь вообще есть, по его опредѣленію [1]), приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ или комбинація перемѣнъ, соотвѣтствующихъ внѣшнимъ сосуществованіямъ и послѣдовательностямъ. Это понятіе примѣняется имъ и къ психической жизни. И психическая жизнь должна служить тому же, совершающемуся только при болѣе сложныхъ условіяхъ, процессу приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Въ органической жизни, какъ обнаруживается она въ растеніяхъ и животныхъ самыхъ низшихъ типовъ, гдѣ внѣшнія дѣятельности, къ отношеніямъ которыхъ приспособляются отношенія внутреннихъ состояній, сводятся исключительно къ дѣятельностямъ среды, которая находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ организмомъ, нѣтъ въ собственномъ смыслѣ психической жизни. Въ болѣе развитыхъ организмахъ животнаго міра, гдѣ внутреннія отношенія приспособляются къ отношеніямъ такихъ внѣшнихъ предметовъ, которые находятся отъ организма на извѣстномъ разстояніи, и гдѣ поэтому должны различаться впечатлѣнія, идущія издали черезъ среду, является въ собственномъ смыслѣ психическая жизнь, и отсюда открывается для организма возможность отвѣчать цѣлесообразными въ интересахъ поддержанія жизни движеніями на еще только имѣющую послѣдовать встрѣчу съ внѣшнимъ предметомъ. Зрительныя, напримѣръ, впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ, за которыми могутъ слѣдовать цѣлесообразныя движенія организма, способствующія ему избѣжать опасности, грозящей отъ этихъ предметовъ, или облегчающія ему возможность воспользоваться ими какъ пищей, служатъ, очевидно, приспособленіемъ внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Такъ это бываетъ на первыхъ ступеняхъ психической жизни. Но то же слѣдуетъ сказать, по мнѣнію Спенсера, и о всѣхъ даже самыхъ высшихъ формахъ познавательныхъ процессовъ. Всѣ различныя познавательныя способности „не могутъ быть не чѣмъ инымъ какъ или способами, съ помощію которыхъ достигается приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, или особенными частями процесса приспособленія“ [2]). Будучи средствами, съ помощію которыхъ дости-

[1]) Spencer. First. Princ. 84. Princ. of. Psych. I, 407, p. n. II, 124.
[2]) Spencer. Princ. of Psych. I, 389—392, p. n. II, 104—107.

гается въ интересахъ поддержанія жизни приспособленіе между внутренними отношеніями и внѣшними, сложныя познавательныя явленія, чтобы служить этой цѣли, должны, конечно, сами въ отношеніяхъ между составляющими ихъ элементами представлять соотвѣтствіе внѣшнимъ отношеніямъ, и „весь прогрессъ познанія поэтому сводится къ прогрессу такого рода соотвѣтствій въ пространствѣ, во времени, въ спеціальности, общности и сложности“, т. е. къ тому, что постепенно развиваются познавательныя явленія, соотвѣтствующія болѣе отдаленнымъ по времени и пространству, болѣе сложнымъ и запутаннымъ внѣшнимъ отношеніямъ [1]).

Въ чемъ же собственно должно выражаться это соотвѣтствіе для того, чтобы оно могло служить общей цѣли—приспособленію внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ? Сознаніе не можетъ отражать въ каждый моментъ всѣхъ послѣдовательностей и сосуществованій, какія есть въ этотъ моментъ въ бытіи; вслѣдствіе перемѣщеній организма и его органовъ оно не можетъ отражать во всей послѣдовательности всѣхъ измѣненій даже какой-нибудь одной части бытія. Соотвѣтствіе внутреннихъ отношеній вмѣшнимъ можетъ состоять только [2]) въ томъ, что „устойчивость (persistence) связи между состояніями сознанія пропорціональна устойчивости связи между тѣми внѣшними дѣятельностями, на которыя они отвѣчаютъ. Отношенія между внѣшними предметами, аттрибутами, дѣйствіями бываютъ всѣхъ степеней, отъ необходимыхъ до случайныхъ. Отношенія между отвѣчающими имъ состояніями сознанія должны подобнымъ же образомъ быть всѣхъ степеней, отъ необходимыхъ до случайныхъ. Когда имѣетъ мѣсто какое-нибудь состояніе *a*, то стремленіе слѣдовать за нимъ со стороны какого-нибудь другого состоянія *д* должно быть сильно или слабо сообразно со степенью того постоянства, съ которою А и Д (предметы или аттрибуты, производящіе ихъ) слѣдуютъ другъ за другомъ въ средѣ. Если В въ средѣ слѣдуетъ за А съ большимъ постоянствомъ, чѣмъ Д, то поддержаніе соотвѣтствія предполагаетъ, что когда *a* возникаетъ въ сознаніи, то за нимъ послѣдуетъ скорѣе *в*, чѣмъ д“. И „если бы сила связи между внутренними состояніями была не пропорціальна постоянству отношеній между отвѣчающими имъ внѣшними дѣятелями, то изъ этого произошла бы неудача въ соотвѣтствіи, т. е. произошло бы несогласіе между внутреннимъ порядкомъ и внѣшнимъ“,

---

[1]) Spencer. Princ. of Psych. I. 384, p. п. II. 100. First. Princ. 84—85.

[2]) Spencer. Princ. of Psych. I. 408—409 слич. 416, p. п. II. 125—126, слич. 135.

которое угрожаетъ продолженію жизни. У ночной бабочки, напримѣръ, впечатлѣніе пламени не соединено съ чѣмъ-нибудь похожимъ на ощущеніе ожога; у птицъ необитаемыхъ острововъ нѣтъ той связи психическихъ состояній, которая заставляетъ нашихъ птицъ улетать при приближеніи человѣка; и въ результатѣ получается рискъ разрушенія организма, какъ скоро появляются условія, при которыхъ эта связь могла бы помогать избѣгнуть опасности. И такъ какъ этотъ параллелизмъ связей между представленіями съ связями соотвѣтствующихъ имъ реальностей нѣтъ основаній разсматривать какъ результатъ вмѣшней творческой дѣятельности, которая вложила бы въ душу живыхъ существъ представленія, отличающіяся такими же связями, которыя существуютъ въ бытіи между предметами, то его нужно признать результатомъ опыта индивидуумовъ, расъ, даже преемственно развивающихся другъ изъ друга различныхъ видовъ животнаго царства. Ассоціація и есть именно тотъ процессъ, съ помощію котораго достигается тотъ результатъ, что внутренняя связь между представленіями становится соотвѣтствующею связи между обозначаемыми имъ реальностями. Послѣдовательное появленіе въ сознаніи [1]) двухъ состояній неизбѣжно сопровождается тѣмъ, что новое появленіе перваго изъ этихъ состояній сопровождается стремленіемъ къ возникновенію и второго. И связи между психическими состояніями, образуемыя такимъ путемъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должны оказываться пропорціональны числу повтореній встрѣчи этихъ состояній одного съ другимъ въ сознаніи. А безконечное число этихъ повтореній въ ряду безчисленныхъ поколѣній, наслѣдственно передающихъ другъ другу происходящія отъ этихъ повтореній измѣненія въ самой нервной системѣ, должно сопровождаться порожденіемъ безусловно неразрывной связи между повторяющимися вмѣстѣ явленіями. Такъ ассоціативная связь представленій не только не оказывается чѣмъ-то, стоящимъ въ антагонизмѣ съ процессомъ познанія связи явленій, но она не оказывается даже чѣмъ-то внѣшнимъ, стороннимъ этому процессу. Она получаетъ, наоборотъ, значеніе естественнаго, законнаго выраженія результата этого процесса.

Этимъ, конечно, устраняется неудобство приписывать высшую степень достовѣрности тѣснѣйшей ассоціативной связи и въ то же время отрицать всякое познавательное значеніе за ассоціаціей вообще во всѣхъ другихъ ея степеняхъ. Но здѣсь же, повидимому, скрывается

[1]) Spencer Princ. of Psich. I. 424—425, p. p. II. 143—144.

для теоріи Спенсера противоположная опасность—приписать высокое познавательное значеніе такимъ степенямъ ассоціаціи, довѣріе къ которымъ прямо противорѣчило бы научнымъ требованіямъ, такъ какъ по этой теоріи различнымъ степенямъ интенсивной связи должны отвѣчать различныя степени постоянства связи между реальностями. Однако Спенсеръ находитъ средство избѣжать и этой опасности.

Если степенью интенсивности связи между представленіями выражается результатъ познавательнаго процесса относительно степени постоянства связи между соотвѣтствующими представленіямъ реальностями, то это еще не значитъ, что этотъ результатъ всегда долженъ быть точенъ и несомнѣненъ и степень интенсивности связи между представленіями, его выражающая, должна всегда точно соотвѣтствовать относительному постоянству связи реальностей. Вѣдь дѣло идетъ не о связи представленій, предустановленной творческимъ актомъ, а о связи ассоціативной, образовавшейся путемъ вліянія явленій на сознаніе. А поэтому и законъ соотвѣтствія этой связи постоянству отношеній между реальностями есть только, какъ выражается Спенсеръ [1]), „законъ психической дѣятельности, разсматриваемой in abstracto... законъ, съ которымъ психическая дѣятельность сообразуется все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ она все далѣе и далѣе подвигается по пути прогресса“. Это ограниченіе, конечно, не должно подрывать безусловной достовѣрности, которая, на разъясненныхъ выше основаніяхъ, должна по Спенсеру принадлежать совершенно неразрывнымъ ассоціаціямъ. Спенсеръ хочетъ этимъ сказать только, что не всѣ явленія и ихъ связи стоятъ въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ для вліянія ихъ на сознаніе, при которыхъ результатъ познавательнаго процесса могъ бы считаться несомнѣнно достигнутымъ непосредственно чрезъ частные случаи встрѣчи ихъ въ сознаніи. Онъ разъясняетъ [2]), что психическія отношенія въ организмѣ должны всего лучше соотвѣтствовать тѣмъ физическимъ отношеніямъ, съ которыми организмъ приходитъ въ наиболѣе частое соприкосновеніе, что изъ болѣе доступныхъ ему отношеній соотвѣтствіе быстрѣе должно развиться въ примѣненіи къ болѣе простымъ отношеніямъ, чѣмъ къ болѣе сложнымъ, и что наконецъ установленіе какого бы то ни было соотвѣтствія предполагаетъ достаточное развитіе организма

[1]) Spencer. Princ. of Psych. I. 418, p. II. 136.
[2]) Spencer. Princ. of Psych. I. 425—426, p. II. 144—146.

для его пониманія. Этимъ, нужно думать, и должно объясняться по Спенсеру (прямо онъ этого не говоритъ), что всякія не достигшія совершенной неразрывности ассоціативныя связи представленій, хотя фактически онѣ и служатъ неизбѣжно руководителями въ практической жизни, допускаютъ все же предположеніе, что онѣ, можетъ быть, и не выражаютъ точно относительнаго постоянства связи соотвѣтствующихъ представленіямъ реальностей, а представляютъ собою результатъ познавательнаго процесса, поставленнаго въ менѣе благопріятныя условія, а поэтому и не имѣющаго права считаться завершеннымъ. Здѣсь-то, конечно, и долженъ получить свои права особый процессъ, процессъ вывода или, какъ часто называетъ его Спенсеръ, разсужденія.

Но на чемъ же могутъ основываться по этой теоріи права самаго этого процесса вывода или разсужденія? Если Спенсеръ, подобно Миллю, не знаетъ никакой иной достовѣрности, кромѣ достовѣрности, зависящей отъ обилія и постоянства вліянія на сознаніе частныхъ фактовъ и если въ этомъ отношеніи всѣ преимущества, по его ученію, падаютъ на неразрывныя ассоціаціи, выражающіяся въ совершенной немыслимости отрицанія, то и достовѣрности разсужденія у него, конечно, неоткуда получиться иначе какъ отъ подобной же ассоціаціи. По ученію Спенсера убѣдительность вывода и дѣйствительно основывается на ассоціативной связи. Для вывода требуются посылки, которыя для того, чтобы быть достовѣрными, съ точки зрѣнія Спенсера, сами должны, конечно, основываться на сознаваемой немыслимости ихъ отрицанія. Но однѣхъ посылокъ для вывода недостаточно. Не изъ какихъ угодно, хотя бы и истинныхъ сужденій, вытекаетъ какое угодно слѣдствіе, а изъ опредѣленныхъ посылокъ можно выводить только опредѣленное слѣдствіе, т.-е. между посылками и выводнымъ сужденіемъ, если выводъ долженъ быть законенъ, должно существовать опредѣленное отношеніе, которое можно выразить въ сужденіи, обыкновенно называющемся формулой вывода. Поэтому для вывода нужно сверхъ посылокъ усмотрѣніе необходимой связи между ними съ одной стороны и выводнымъ сужденіемъ съ другой. Сужденія, въ которыхъ можетъ быть выражена эта связь, во многихъ выводахъ, напримѣръ, силлогистическихъ, математическихъ, отличаются точно такою же немыслимостію для насъ исключеній изъ нихъ, какъ и очевиднѣйшія изъ общихъ положеній, служащихъ послѣдними посылками знанія. Отсюда усмотрѣніе связи между посылками и выводнымъ сужденіемъ естественно получило у Спенсера смыслъ сознанія образо-

вавшейся неразрывной ассоціаціи между ними. И Спенсеръ [1]) совершенно послѣдовательно учитъ, что своему разсужденію мы можемъ довѣрять только на основаніи предположенія, что абсолютныя однообразія мысли соотвѣтствуютъ абсолютнымъ однообразіямъ вещей и что мы не можемъ указать никакого другого ручательства за истинность логическихъ интуицій кромѣ того, на которое опираются всѣ интуиціи, а именно кромѣ невозможности мыслить ихъ иначе. Этотъ взглядъ на процессъ вывода или разсужденія означаетъ, что связь, которая соединяетъ посылки съ заключеніемъ, напримѣръ, въ выводахъ, формулой которыхъ служитъ аксіома о равенствѣ между собою двухъ величинъ равныхъ одной и той же третьей, есть результатъ огромнаго количества прошедшихъ передъ сознаніемъ случаевъ, когда при равенствѣ двухъ величинъ одной и той же третьей онѣ сами оказывались равными одна другой. Вслѣдствіе этого, когда мы имѣемъ какія бы то ни было двѣ величины, равныя одной и той же третьей, мы не можемъ себѣ представить эти величины неравными одна другой; представленіе послѣдняго равенства неизбѣжно соединяется съ представленіемъ равенства ихъ одной и той же третьей, входитъ въ послѣднее точно также, какъ по подобной же причинѣ подлежащее какой-либо послѣдней посылки знанія мы не можемъ себѣ представить безъ представленія сказуемаго [2]). Съ этой точки зрѣнія процессъ вывода долженъ былъ оказаться процессомъ совершенно аналогичнымъ съ процессомъ убѣжденія въ сужденіи путемъ непосреднаго его усмотрѣнія: онъ будетъ, подобно послѣднему, непосреднымъ усмотрѣніемъ тѣсной ассоціативной связи только не между двумя представленіями, изъ которыхъ одно занимаетъ мѣсто подлежащаго, другое сказуемаго обсуждаемаго нами сужденія, а между посылками и самымъ этимъ сужденіемъ.

Если выводъ, подобно сужденіямъ, принимаемымъ нами безъ доказательства, основывается на ассоціаціи, то и права его на довѣріе сравнительно съ правами этихъ сужденій опредѣляются легко. Если ассоціація въ томъ и другомъ случаѣ одинаковой интенсивности, напримѣръ, одинаково неразрывна, то убѣжденіе, основанное на непосредственной связи между основными элементами подлежащаго разсмотрѣнію сужденія во всякомъ случаѣ имѣетъ большое преимуще-

---

[1]) Spencer. Princ. of Psych. II, 426, 449—450. p. n. IV, 124, 147—148.

[2]) Spencer. Princ. of Psych. II, 31, 411 — 412, 415 — 416, p. n. III, 30; IV, 110, 114.

ство предъ выводомъ того же сужденія, такъ какъ въ процессѣ вывода мы прибѣгаемъ къ ссылкѣ на немыслимость отрицанія не одинъ только разъ, какъ это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сужденіе опирается непосредственно на неразрывной ассоціаціи входящихъ въ него элементовъ, а нѣсколько разъ: на нее мы должны опираться и для убѣжденія въ истинности каждаго сужденія, входящаго въ посылки, и при усмотрѣніи связи между посылками и выводнымъ сужденіемъ. И хотя ссылка на немыслимость есть высшій критерій истины, однако и при безусловно вѣрномъ критеріи остается все же возможность ошибиться въ примѣненіи этого критерія къ опредѣленному частному случаю, неосторожно принять за совершенно немыслимое то, что на дѣлѣ не таково; и чѣмъ большее число разъ при убѣжденіи въ извѣстномъ сужденіи оказывается необходимымъ воспользоваться критеріемъ, тѣмъ, конечно, больше возможности впасть въ эту ошибку [1]). И во всякомъ случаѣ прибѣгать къ выводу или разсужденію при непосредственной очевидности сужденія значитъ переоцѣнивать значеніе разсужденія, не понимать того, что это значеніе есть значеніе производное, само зависитъ отъ значенія очевидности сужденій. „Разсужденіе есть не болѣе какъ перекоординированіе данныхъ, уже координированныхъ между собою нѣкоторыми болѣе простыми способами; а простое перекоординированіе столь же мало можетъ придать достигнутымъ результатамъ особенную состоятельность, независимую отъ той, какою обладали прежде координированныя состоянія, какъ мало можетъ придать куску дерева обтачиваніе его въ извѣстную форму какую-либо особенную силу, независимую отъ той, которой обладаетъ уже субстанція дерева“ [2]). Но, конечно, дѣло получаетъ другой характеръ, когда выводъ опирается на несравненно болѣе интенсивную ассоціацію, чѣмъ какая соединяетъ непосредственно элементы изслѣдуемаго сужденія. Такъ какъ по Спенсеру, какъ мы уже видѣли, должно выходить, что болѣе слабыя ассоціаціи, вслѣдствіе естественныхъ условій роста психической жизни, не могутъ считаться за несомнѣнное выраженіе соотвѣтствующей степени постоянства связи самыхъ явленій, то закрѣпленіе ихъ, хотя и посредственной, но болѣе сильной ассоціаціей должно считаться вполнѣ гармонирующимъ съ принятымъ имъ критеріемъ истины. Выводъ имѣетъ вполнѣ законное значеніе въ той области, гдѣ къ сужденію

[1]) Spencer, Princ. of Psych. II, 429—434, 442; p. n. IV, 128—133, 140.
[2]) Spencer, Princ. of Psych. II, 315, p. n. IV, 10.

непосредственно не приложимъ критерій немыслимости, и имѣетъ законное значеніе именно потому, что посредственно онъ сводитъ сужденія, относящіяся къ этой области, къ тому же критерію, т. е. связанное слабою ассоціаціей сводитъ къ ассоціаціи крѣпчайшей.

Что касается, наконецъ, выше разъясненнаго недоумѣнія относительно собственно индуктивнаго вывода [1]), то отвѣтъ на него Спенсера вполнѣ опредѣляется, мнѣ кажется, изложеннымъ общимъ ученіемъ его о выводахъ. Убѣдительность простого индуктивнаго вывода, подобно всякому другому выводу, должна зависѣть отъ ассоціативной связи, образовавшейся между посылками, отвѣчающими общей формулѣ этого вывода, и заключеніемъ, отвѣчающей той же формулѣ. Въ примѣненіи къ индуктивному выводу это должно будетъ означать, что мы очень часто при существованіи опредѣленнаго количества извѣстныхъ намъ случаевъ совпаденій какого-либо рода явленій съ опредѣленными другими наблюдали, что всякое вновь встрѣчающееся подобнаго же рода явленіе соединяется съ тѣми же другими. А поэтому, какъ скоро мы обозрѣваемъ сознаніемъ много случаевъ соединенія извѣстнаго явленія съ извѣстнымъ другимъ, то съ такимъ обозрѣніемъ принудительно связывается у насъ мысль о соединеніи всякихъ явленій того же рода съ тѣми же другими. Вслѣдствіе этого, если задаваясь вопросомъ о томъ, имѣютъ ли всѣ А предикатъ В, и не довѣряя ассоціаціи между ними, образовавшейся чрезъ вліяніе на сознаніе частныхъ фактовъ, соотвѣтствующихъ сужденію „А есть В“, мы вызываемъ въ сознаніе и стремимся сознательно обозрѣть подобные частные факты, то дѣлаемъ мы это совсѣмъ не потому, чтобы сознательное сопоставленіе обсуждаемаго сужденія съ фактическими данными имѣло въ качествѣ именно сознательнаго сопоставленія несоизмѣримо большее значеніе для оправданія этого сужденія, чѣмъ простое сознаніе ассоціативной связи субъекта съ его предикатомъ, образовавшееся само собою вслѣдствіе вліянія на сознаніе подобныхъ же

[1]) Къ индуктивному выводу должны быть отнесены одинаково Спенсеровы и дедукція и индукція, обсуждаемыя имъ въ его обзорѣ выводовъ (Spencer. Princ. of Psych. II, 78, р. п. III, 81), такъ какъ, объясняя ихъ, онъ говоритъ: „когда извѣстныя отношенія (т.-е. дознанные нами частные факты), сгруппированныя вмѣстѣ какъ отношенія того же самаго рода, превышаютъ по числу неизвѣстныя отношенія, представляемыя какъ сходныя съ ними (т.-е. выводное сужденіе), то мы имѣемъ дедуктивное разсужденіе; въ обратномъ же случаѣ мы имѣемъ разсужденіе индуктивное. Съ точки зрѣнія традиціонной логики это различіе, очевидно, сводится къ различію выводовъ отъ частнаго къ частному и отъ частнаго къ общему, и оба рода выводовъ можно назвать индуктивными.

частныхъ фактовъ. Мы предпочитаемъ индуктивный выводъ простому сознанію ассоціативной связи между основными элементами сужденія „А есть В“ потому, что вообще между обозрѣваемымъ въ сознаніи значительнымъ количествомъ примѣровъ сочетаній какого бы то ни было явленія съ какимъ бы то ни было другимъ и представленіемъ о всеобщности такого сочетанія у насъ образовалась болѣе тѣсная ассоціація, чѣмъ между самими А и В. И мы совершенно законно этой болѣе тѣсной ассоціаціи приписываемъ несравненно большее познавательное значеніе, чѣмъ ассоціаціи менѣе тѣсной. Спенсеръ впрочемъ опредѣленно этого не говоритъ и даже нѣсколько запутываетъ дѣло, одинаково называя разсужденіемъ какъ въ собственномъ смыслѣ индуктивный выводъ, такъ и ту установку новаго сужденія по образцу ранѣе испытанныхъ фактовъ, которая вызывается непосредственно ассоціативнымъ путемъ, безъ предварительнаго сознательнаго обзора вліявшихъ на сознаніе частныхъ фактовъ [1]).

Такъ различіе Спенсерова взгляда отъ Миллева на критерій истины, которое самъ Спенсеръ называетъ незначительнымъ, на самомъ дѣлѣ единственно въ силу своей собственной послѣдовательности развивается въ цѣльную теорію знанія, представляющую своеобразное рѣшеніе очень разнообразныхъ логическихъ вопросовъ. И намъ прежде всего предстоитъ разъяснить себѣ, насколько мы имѣемъ въ этой теоріи эмпиристическую теорію, дѣйствительно наиболѣе послѣдовательную и по крайней мѣрѣ въ границахъ общихъ эмпиристическихъ предположеній на болѣе состоятельную.

2.

Ближайшій результатъ перенесенія Спенсеромъ высшей достовѣрности, которая у Милля принадлежала простѣйшей индукціи, имѣющей своимъ предметомъ явленія, постоянно и въ обиліи встрѣчающіяся въ воспріятіи, на необходимую мыслимость, образовавшуюся ассоціативнымъ путемъ, былъ несомнѣнно очень благопріятенъ для эмпиризма. Онъ состоялъ въ томъ, что расширялось фактическое основаніе, на которомъ по эмпиризму должна была опираться достовѣрность послѣднихъ посылокъ знанія, увеличивались рессурсы, которыми можно было пользоваться для оправданія этой достовѣрности.

Это расширеніе фактическаго основанія послѣднихъ посылокъ знанія явно выражалось уже въ томъ, что для образованія необходимой

[1]) Spencer. Princ. of Psych. I, 458—459, p. II, 183—184.

мыслимости по согласному ученію обоихъ философовъ эмпиризма служили не только факты, сознаваемые и воспоминаемые, которые доставляютъ матеріалъ для сознательной индукціи, но и во много разъ превосходящіе ихъ по количеству факты несознаваемые и невоспоминаемые. А признавая необходимую мыслимость за результатъ опытовъ не одной жизни индивидуума, но и всей протекшей жизни безконечнаго ряда поколѣній его предковъ, Спенсеръ, какъ упоминалось о томъ выше, до безконечности увеличивалъ фактическій матеріалъ, который долженъ былъ считаться условіемъ образованія необходимой мыслимости, а слѣдовательно и могъ служить для оправданія положеній, характеризующихся необходимою мыслимостью.

Но сверхъ этого увеличенія, на которое Спенсеръ самъ прямо ссылался какъ на преимущество своей гносеологіи передъ Миллевой, это же самое отожествленіе критерія достовѣрности съ опытно образовавшеюся необходимою мыслимостью фактически вело къ расширенію еще и въ другихъ отношеніяхъ тѣхъ рессурсовъ, которыми эмпиризмъ могъ воспользоваться для оправданія послѣднихъ посылокъ знанія, хотя на это самъ Спенсеръ открыто и не указывалъ.

На одинъ изъ такихъ очень важныхъ рессурсовъ, которыми могъ бы воспользоваться эмпиризмъ при обоснованіи послѣднихъ посылокъ знанія и которыми не воспользовался Милль, мы указывали при критикѣ Миллева взгляда. Тамъ мы видѣли, что у Милля на недостаточныхъ основаніяхъ исключалось право при индуктивномъ обоснованіи послѣднихъ посылокъ знанія придавать фактамъ, получаемымъ съ помощью экспериментальнаго изслѣдованія, болѣе значенія, чѣмъ фактамъ, получаемымъ чрезъ простое пассивное наблюденіе. Спенсеръ совсѣмъ не входитъ въ обсужденіе взглядовъ Милля по этому предмету. Тѣмъ не менѣе онъ, очевидно, ихъ не держится. Разъясняя значеніе ощущеній мускульнаго напряженія, которыя должны входить по его ученію во многія изъ самыхъ неразрывныхъ ассоціацій даже на низкихъ ступеняхъ эволюціи сознанія, Спенсеръ [1]) говоритъ: „Пріобрѣтеніе знанія начинается уже съ самаго начала экспериментальнымъ путемъ. Если бы наше твореньице (т. е. одушевленный организмъ на низкихъ ступеняхъ развитія) оставалось пассивнымъ среди окружающихъ его объектовъ, оно никогда не могло бы дойти до пониманія ихъ. Оно можетъ дойти до пониманія ихъ только путемъ дѣятельнаго изслѣдованія“. Путь къ такому расширенію познавательн-

[1]) Princ. of Psych. II, 242; p. n. III, 523—254.

наго значенія экспериментаціи, конечно, пролагало для Спенсера его убѣжденіе, что достовѣрность послѣднихъ посылокъ знанія должна основываться не на научныхъ методическихъ процессахъ, а на сознаніи ассоціативно образовавшейся необходимой мыслимости этихъ посылокъ. Отсюда его вниманіе главнѣйшимъ образомъ обращено на психологическое описаніе и разъясненіе тѣхъ процессовъ, которые ведутъ къ образованію тѣсныхъ ассоціацій, а не на отчетливое гносеологическое оправданіе ихъ результатовъ. Поэтому для него совершенно достаточно было сознать огромную роль, какую играетъ въ этихъ процессахъ активность одушевленнаго существа, въ которомъ они происходятъ, для того, чтобы ярко поставить на видъ это ихъ значеніе, не разбирая подробно его съ логической или гносеологической стороны.

Спенсеръ въ выписанныхъ сейчасъ словахъ прямо и безъ всякихъ разъясненій и ограниченій относитъ къ экспериментаціи такіе процессы, къ которымъ терминъ „экспериментація“ не приложимъ съ точки зрѣнія обычнаго употребенія его въ наукѣ. Но во всякомъ случаѣ при описываемыхъ Спенсеромъ познавательныхъ процессахъ, связанныхъ съ мускульными ощущеніями, даже когда они совершаются на низшихъ ступеняхъ сознанія, одушевленный организмъ обыкновенно пользуется произвольными движеніями, съ которыми и при экспериментаціи въ научномъ смыслѣ тѣсно связанъ познавательный процессъ и которыя, какъ показано было выше при критикѣ Милля, возвышаютъ его познавательное значеніе. Такимъ образомъ то, что Спенсеръ называетъ экспериментаціей и допускаетъ даже на невысокихъ ступеняхъ сознанія, несомнѣнно даетъ результаты, имѣющіе болѣе высокую познавательную цѣнность, чѣмъ какую могли бы имѣть, конечно на тѣхъ же ступеняхъ, результаты пассивнаго наблюденія. Но какъ бы ни смотрѣть на это признаніе Спенсеромъ экспериментальнаго характера за познавательными процессами, совершающимися на низшихъ ступеняхъ эволюціи сознанія, для насъ здѣсь существенно важно то, что Спенсеръ не видитъ никакихъ препятствій допустить вліяніе результатовъ экспериментаціи на образованіе неразрывныхъ ассоціацій, на которыхъ у него должна основываться достовѣрность послѣднихъ посылокъ знанія, и, слѣдовательно, открываетъ для эмпиризма возможность при оправданіи этихъ посылокъ ссылаться на результаты такихъ процессовъ, которые по Миллю не могли здѣсь примѣняться.

Недостатокъ взгляда Спенсера въ этомъ случаѣ состоитъ лишь въ томъ, что, твердо высказывая убѣжденіе въ огромномъ значеніи эк-

сперимента̀ціи въ процессахъ, съ помощью которыхъ должны устанавливаться твердыя ассоціативныя связи, онъ не дѣлаетъ попытки точно опредѣлить тѣ стороны экспериментаціи, которыя придаютъ ей особое значеніе. Судя по одному мѣсту въ его психологіи, можно думать даже, что его представленіе объ этомъ предметѣ не достаточно отчетливо. Проводя параллель между развитіемъ подвижности тѣла и его органовъ въ различныхъ видахъ живыхъ существъ и развитіемъ ихъ знанія, онъ характеризуетъ общее значеніе подвижности для развитія знанія такъ [1]): „болѣе значительная способность къ движенію и перемѣщенію должна приводить организмъ въ отношеніе съ большимъ числомъ предметомъ, а слѣдовательно должна увеличивать число полученныхъ имъ впечатлѣній“, и „разнообразіе въ движеніяхъ влечетъ за собою разнообразіе тѣхъ отношеній, въ которыя организмъ ставитъ себя къ окружающимъ его предметамъ, а слѣдовательно и разнообразіе тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ эти предметы дѣйствуютъ на него“. Такъ какъ въ словахъ Спенсера, выписанныхъ выше, экспериментація ставилась въ связь съ мускульными напряженіями, слѣдовательно съ подвижностью живого организма, то изъ сейчасъ приведенныхъ его словъ должно, повидимому, выходить, что значеніе экспериментаціи исчерпывается по Спенсеру разнообразіемъ впечатлѣній отъ другихъ предметовъ, которое, конечно, составляетъ неизбѣжный результатъ этой подвижности. За правильность такого истолкованія взгляда Спенсера на экспериментацію говоритъ, повидимому, и то обстоятельство, что въ своемъ обозрѣніи и разъясненіи различныхъ типовъ выводовъ, когда онъ говоритъ о выводахъ отъ частнаго къ общему [2]), подъ которыми, конечно, должны подразумѣваться у него и пассивная индукція и выводы, основанные на экспериментаціи, онъ не указываетъ на какія-нибудь различія послѣднихъ отъ первыхъ со стороны достовѣрности, не отмѣчаетъ какихъ либо особенностей въ ихъ формулахъ. Такое полное игнорированіе логическихъ особенностей вывода, основаннаго на экспериментаціи, будетъ совершенно понятно, если принять, что экспериментація по мнѣнію Спенсера въ самомъ дѣлѣ содѣйствуетъ исключительно только полученію болѣе разнообразныхъ впечатлѣній и отъ болѣе разнообразныхъ предметовъ, такъ какъ разнообразіе впечатлѣній вообще никакъ не исключается и пассивнымъ наблюденіемъ и при благопріятныхъ усло-

[1]) Princ. of Psych. I, 355; p. n. II, 68.
[2]) Princ. of Psych. II, 84—85; p. n. III, 81—82.

віяхъ, напр., при болѣе частомъ перемѣщеніи предметовъ, окружающихъ воспринимающій организмъ, можетъ достигать той же степени, какъ и при подвижности его самого. Понятно, что при такомъ предположеніи никакихъ видоразличій ни въ достовѣрности ни въ формулѣ вывода, зависящихъ отъ экспериментаціи какъ экспериментаціи, быть не можетъ. Такимъ образомъ Спенсеромъ, повидимому, совсѣмъ просматривается то особое значеніе при экспериментаціи сознанія произвольности совершаемыхъ движеній (или вообще какихъ бы то ни было дѣйствій), которымъ обусловливается особая познавательная цѣнность ея результата. Но это нисколько не мѣшаетъ ему характеризовать экспериментацію въ самыхъ несовершенныхъ ея проявленіяхъ какъ „дѣятельное изслѣдованіе“ въ противоположность пассивному отношенію организма къ окружающимъ его предметамъ и притомъ какъ изслѣдованіе, безъ котораго „невозможно дойти до пониманія предмета“; этотъ недосмотръ, слѣдовательно, не мѣшаетъ ему, когда онъ говоритъ о процессахъ, созидающихъ прочныя ассоціаціи, имѣть въ виду тѣ самые процессы, въ которыхъ фактически играетъ большую роль сознаваемая произвольность совершаемыхъ дѣйствій, и приписывать имъ особое значеніе, которое они могутъ имѣть только благодаря этой сознаваемой произвольности.

Замѣна Спенсеромъ Миллевой индукціи сознаніемъ необходимой мыслимости въ процессѣ установки послѣднихъ посылокъ знанія давала эмпиризму поводъ привлечь и еще особый матеріалъ, также способный служить къ оправданію этихъ посылокъ.

Наши сужденія о предметамъ стоятъ часто въ такой связи одни съ другими, что даютъ намъ возможность съ помощью однихъ изъ нихъ выводить другія, т. е. признаніе истинности однихъ связывать съ признаніемъ истинности другихъ. Въ самомъ понятіи послѣднихъ посылокъ знанія уже подразумѣвается связь ихъ съ очень многими другими сужденіями, такъ какъ самымъ этимъ понятіемъ предполагается, что онѣ лежатъ въ нашемъ знаніи въ основаніи выводовъ огромнаго количества другихъ сужденій. Отсюда является вопросъ: не можетъ ли этого рода связь послѣднихъ посылокъ знанія съ другими сужденіями расширить тотъ фактическій матеріалъ, которымъ въ концѣ концовъ съ эмпиристической точки зрѣнія должна оправдываться ихъ достовѣрность?

Положенія, устанавливаемыя выводнымъ путемъ съ помощью послѣднихъ посылокъ знанія, нерѣдко находятъ для себя впослѣдствіи подтвержденіе совершенно независимое отъ этого вывода, или прямо

и непосредственно въ фактической дѣйствительности или въ выводѣ изъ другихъ положеній, опирающихся на факты. Когда сужденія, ранѣе устанавливавшіяся путемъ вывода съ помощью той или другой посылки знанія, а впослѣдствіи нашедшія для себя, предположимъ, фактическую опору, таковы, что по своему прямому и непосредственному смыслу обнимаются этой посылкой знанія, какъ частныя положенія обнимаются общимъ положеніемъ, и поэтому прямо могутъ входить въ качествѣ новыхъ случаевъ въ ту индукцію, на которой должна опираться по эмпиризму достовѣрность этой посылки, тогда Милль не затрудняется видѣть въ нихъ пополненіе этой индукціи, возвышающее достовѣрность посылки. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, разсуждаетъ [1]) онъ о возрастаніи достовѣрности закона общей причинной связи явленій. Однако положенія, которыя выводятся съ помощью той или другой послѣдней посылки знанія и которыя при этомъ могутъ находить для себя подтвержденіе независимое отъ этого вывода, далеко не всегда таковы, что по своему прямому и непосредственному смыслу обнимаются этой посылкой.

Возьмемъ для примѣра науку, которая издавна поражала сознаніе своимъ дедуктивнымъ характеромъ, геометрію. Здѣсь съ помощію аксіомъ устанавливаются никакъ не такія положенія, которыя относились бы къ нимъ какъ частныя положенія къ общимъ и которыя поэтому могли бы такъ же прямо пополнять индукцію, которою по эмпиризму должны устанавливаться сами аксіомы, какъ могутъ пополнять индукцію, съ помощію которой долженъ устанавливаться общій законъ причинной связи явленій, вновь и вновь устанавливаемые частные законы причинной связи опредѣленныхъ явленій. Теоремы, доказываемыя съ помощію аксіомъ, суть положенія отличныя отъ нихъ по своему содержанію. А между тѣмъ и для этихъ теоремъ мы можемъ находить подтвержденіе независимое отъ аксіомъ, и съ точки зрѣнія Милля даже находить его болѣе, чѣмъ съ какой либо другой. Нѣкоторыя изъ простѣйшихъ геометрическихъ теоремъ имѣютъ для непосредственнаго сознанія почти ту же очевидность, что и аксіомы; таковы, напримѣръ, теоремы о взаимномъ равенствѣ противолежащихъ угловъ, образуемыхъ пересѣченіемъ двухъ прямыхъ, о равенствѣ всей суммы угловъ при точкѣ по одну сторону прямой двумъ прямымъ угламъ, о взаимномъ равенствѣ треугольниковъ, когда двѣ стороны и лежащій между ними уголъ одного изъ нихъ равны двумъ сторо-

[1]) Syst. of Log. II, 107; рус. пер. II, 98—99.

намъ и лежащему между ними углу другого. И это съ точки зрѣнія Милля, признающаго вообще въ математикѣ законнымъ убѣжденіе, получаемое изъ самыхъ представленій, должно толковаться въ смыслѣ способности этихъ теоремъ внушать законное убѣжденіе независимо отъ геометрическихъ ихъ выводовъ. Милль въ своей логикѣ [1]) доказываетъ, что всѣ формальныя общематематическія аксіомы объ условіяхъ равенства могутъ быть выведены изъ двухъ аксіомъ, именно изъ аксіомы о равенствѣ двухъ величинъ равныхъ одной и той же третьей и аксіомы о равенствѣ суммы при равенствѣ слагаемыхъ. Превращая такимъ образомъ всѣ остальныя формальныя общематематическія аксіомы въ теоремы, Милль, конечно, не сомнѣвается, что онѣ въ качествѣ истинъ очевидныхъ и безъ этого вывода должны находить для себя самихъ не менѣе обильное и постоянное подтвержденіе въ фактахъ, имъ самимъ непосредственно соотвѣтствующихъ, чѣмъ и тѣ аксіомы, изъ которыхъ онъ считаетъ возможнымъ ихъ вывести. Такимъ образомъ мы получаемъ рядъ положеній, которыя выводятся съ помощію аксіомъ, но которыя въ то же время должны считаться Миллемъ за такія истины, которыя сами способны быть констатируемы съ полною основательностію на прошедшихъ чрезъ наше сознаніе фактахъ, прямо и непосредственно имъ соотвѣтствующихъ. Огромное большинство геометрическихъ теоремъ, правда, не имѣетъ въ свою пользу той очевидности для насъ, которая могла бы по Миллю свидѣтельствовать о достаточномъ подтвержденіи ихъ непосредственнымъ опытомъ. При томъ же многія теоремы для того, чтобы получить возможность быть обоснованными прямо на фактахъ, непосредственно имъ соотвѣтствующихъ, требуютъ разнообразныхъ приспособленій для точнаго измѣренія линій, угловъ, поверхностей; а къ такимъ измѣреніямъ мы въ обыкновенной жизни не такъ часто прибѣгаемъ, чтобы количество хорошо установленныхъ частныхъ фактовъ оказалось совершенно достаточнымъ для самостоятельнаго доказательства той или другой общей теоремы. Но мы не должны упускать изъ виду, что если сама теорема есть выводъ съ помощію аксіомъ, то и каждый частный случай ея примѣненія есть такой же, только болѣе отдаленный, выводъ, и что разнообразное примѣненіе различныхъ теоремъ къ задачамъ практической жизни, всегда сопровождающееся ожидаемыми отъ этого примѣненія результатами, взятое въ цѣломъ, во всякомъ случаѣ представляетъ громадную массу истинъ,

[1]) Syst. of Log. II, 146—147; рус. пер. II, 135.

логически связанныхъ съ аксіомами и въ то же время получившихъ фактическую достовѣрность.

Само собою понятно, что то же можно сказать о множествѣ другихъ истинъ, при обоснованіи которыхъ мы пользуемся разнообразными послѣдними посылками знанія. И все это даетъ законный поводъ къ вопросу: на какомъ основаніи доказательство послѣднихъ посылокъ знанія сводится Миллемъ исключительно къ ихъ индукціи и такимъ образомъ исключается всякая ссылка на всю массу положеній, которыя, будучи выводимы съ помощью этихъ посылокъ, получаютъ независимое отъ нихъ подтвержденіе? Чѣмъ могло бы быть въ эмпиризмѣ оправдано подобное исключеніе? Связь, въ которую эти положенія ставятся съ этими посылкими при выводѣ ихъ, аналогична съ той связью, въ которой стоятъ къ тѣмъ же посылкамъ положенія, относящіяся къ нимъ какъ частныя къ общимъ, изъ которыхъ частныя также могутъ быть выводимы только съ помощію простѣйшей формы вывода. Какъ встрѣча въ воспріятіи факта, прямо противорѣчащаго той или другой послѣдней посылкѣ знанія; должна бы была колебать вѣру въ нее, если бы мы не нашли возможности усумниться въ неизбѣжной меньшей посылкѣ, относящей воспринятый фактъ къ предметамъ, о которыхъ говоритъ общая посылка, такъ должна была бы поколебаться и вѣра въ нее, если бы мы въ воспріятіи встрѣтили фактъ, противорѣчащій выведенному съ ея помощію сужденію, непосредственно не обнимаемому ею, насколько, конечно, мы затруднялись бы объяснять возникшее противорѣчіе ошибкой въ какой либо изъ другихъ посылокъ при этомъ выводѣ. Правда, изъ того, что выводное сужденіе оказалось вѣрнымъ, еще нельзя заключать, что вѣрны посылки, изъ которыхъ оно выведено. Но вѣдь и изъ того, что какое либо частное сужденіе вѣрно, нельзя вывести, что истинно общее сужденіе. Эмпиризмъ для достовѣрной установки послѣднихъ посылокъ знанія требуетъ огромнаго количества фактовъ. И если мы въ соотвѣтствіе съ этимъ требованіемъ предположимъ, что, принявъ извѣстное сужденіе за сужденіе истинное и пользуясь имъ какъ посылкой для вывода очень многихъ и самыхъ разнообразныхъ положеній, получили бы возможность независимо отъ этихъ выводовъ удостовѣриться въ истинности всѣхъ этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ выводныхъ положеній, то развѣ это не убѣждало бы насъ въ дѣйствительной истинности сужденія, принятаго нами за истинное? Логика учитъ насъ, что этимъ именно путемъ наука доказываетъ истинность гипотезъ, т. е. гипотезы превращаетъ въ научныя теоріи.

Подтвержденіе положенія указаніемъ на обнаружившуюся истинность сужденій, выведенныхъ съ его помощію, какъ скоро это подтвержденіе является въ качествѣ дополненія индуктивнаго его доказательства, имѣетъ свою особую цѣнность. Если простѣйшая индукція доказываетъ согласіе устанавливаемаго съ ея помощью положенія съ массою фактовъ, на которые должно простираться значеніе этого положенія по его прямому и непосредственному смыслу, то подтвержденіе положенія, сверхъ того, указаніемъ на истинность сужденій, съ помощью его выведенныхъ, но не обнимаемыхъ его непосредственнымъ смысломъ, доказываетъ согласіе его съ другой массой фактовъ, съ которой оно должно стоять въ разнообразныхъ косвенныхъ связяхъ. А это важно уже потому, что подобная косвенная провѣрка сужденія можетъ колебать безусловную его достовѣрность даже въ такихъ случаяхъ, когда вслѣдствіе какихъ либо особыхъ причинъ или ускользаютъ отъ нашего наблюденія или фактически не могутъ быть даны прямыя указанія на эту недостовѣрность: вѣра древней науки въ неподвижность земли поколеблена была не прямо противорѣчащими ей фактами воспріятія, которыхъ не могло быть дано, хотя земля постоянно находится въ нашемъ воспріятіи, а установкой другихъ положеній, которыя косвенно разнообразными способами враждебно сталкивались съ убѣжденіемъ въ неподвижности земли. А поэтому при всѣхъ тѣхъ общихъ положеніяхъ, которыя одинаково всѣми признаются за истины, основанныя на опытѣ, за индуктивныя обобщенія, всегда подразумѣвается, что противъ нихъ нѣтъ косвенныхъ отрицательныхъ инстанцій, что они не сталкиваются антагонистически съ положеніями, которыя должны стоять съ ними въ логической связи и въ то же время имѣютъ независимое отъ нихъ твердое основаніе. Во всякомъ случаѣ дополненіе индуктивнаго доказательства послѣднихъ посылокъ знанія указаніемъ на согласіе ихъ съ фактами, съ которыми они должны стоять въ той или другой логической связи, расширяетъ массу опыта, на которомъ по эмпиризму они должны основываться, далеко за предѣлы той сферы, которая очерчивается ихъ непосредственнымъ смысломъ, и расширяетъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе сужденія, которыя могутъ быть поставлены въ ту или другую логическую связь съ этими посылками. И если по эмпиризму положеніе должно считаться тѣмъ достовѣрнѣе, чѣмъ болѣе широкій опытъ лежитъ въ его основаніи, и если въ послѣднихъ посылкахъ знанія мы должны имѣть положенія, которыя отличались бы наивысшею достовѣрностью, то требованіе дополненія индуктивнаго

доказательства аксіомъ указаніемъ на обнаруживающееся согласіе съ опытомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ сужденій, которыя должны стоять съ ними въ логической связи, есть только простая и очевидная послѣдовательность эмпиризма.

Трудно сказать, почему Милль отступилъ отъ этой послѣдовательности. Можетъ быть, ему казалось, что искать оправданія послѣднихъ посылокъ знанія въ фактическомъ подтвержденіи выводовъ, сдѣланныхъ съ ихъ помощію, значило противорѣчить той несомнѣнной истинѣ, что такое подтвержденіе могло бы имѣть значеніе для оправданія этихъ посылокъ лишь послѣ того, какъ выводы уже сдѣланы, а для того, чтобы они были сдѣланы, должна уже существовать увѣренность въ посылкахъ. Однако ничто не препятствуетъ тому, чтобы посылки первоначально принимались только на основаніи фактовъ, имъ непосредственно соотвѣтствующихъ, а затѣмъ, послѣ того, какъ фактически подтвердились разнообразныя сужденія, выведенныя съ ихъ помощію, искали для себя добавочной опоры въ этомъ согласіи выводныхъ сужденій съ опытомъ. Можетъ быть, въ самомъ понятіи послѣднихъ посылокъ знанія Милль видѣлъ препятствіе къ тому, чтобы искать для нихъ опоры въ фактахъ, которые прямо и непосредственно ими не обнимаются, такъ какъ привлеченіе подобныхъ фактовъ къ доказательству того или другого сужденія всегда требуетъ предварительной установки связи этого сужденія съ этими фактами съ помощію другихъ сужденій, а это составляетъ характеристическую черту выводныхъ истинъ. Однако такое мнѣніе могло бы имѣть значеніе лишь въ глазахъ философа, признающаго умозрительную очевидность послѣднихъ посылокъ знанія, а никакъ не въ глазахъ философа эмпиристическаго направленія. Для эмпиризма, — и въ отношеніи къ Миллевскому эмпиризму это еще болѣе очевидно, чѣмъ въ отношеніи къ эмпиризму какой бы то ни было другой формы, — въ собственномъ смыслѣ послѣдними посылками знанія могутъ служить только частные факты, такъ какъ всѣ общія положенія, не исключая и такъ называемыхъ общихъ послѣднихъ посылокъ знанія, должны имѣть здѣсь свое основаніе въ частныхъ фактахъ. Конечно, логика эмпиризма имѣетъ неоспоримое право между общими сужденіями отличать положенія, имѣющія для себя опору въ фактахъ, прямо и непосредственно имъ соотвѣтствующихъ, отъ такихъ положеній, которыя совсѣмъ не имѣютъ такой опоры и исключительно опираются на фактахъ, прямого и непосредственнаго отношенія къ нимъ не имѣющихъ, но привлекаемыхъ къ ихъ оправданію лишь въ силу той связи,

которая между ними и этими фактами устанавливается съ помощію другихъ сужденій, опирающихся уже на фактахъ, имъ прямо и непосредственно соотвѣтствующихъ. Общія сужденія, относящіяся къ первой изъ этихъ двухъ группъ, т. е. сужденія, имѣющія опору въ фактахъ, имъ непосредственно соотвѣтствующихъ, и съ эмпирической точки зрѣнія могутъ и должны считаться во всякомъ случаѣ болѣе близкими къ послѣднимъ посылкамъ знанія въ собственномъ смыслѣ, т. е. къ частнымъ фактамъ, чѣмъ сужденія, относящіяся ко второй группѣ, такъ какъ устанавливать послѣднія, очевидно, только тогда и дѣлается возможнымъ, когда установлены первыя. Но общія сужденія, играющія роль послѣднихъ посылокъ знанія, не перестаютъ, конечно, имѣть опору въ фактахъ, имъ непосредственно соотвѣтствующихъ, когда доказательство ихъ, сверхъ того, дополняется и фактами, поставленными съ ними въ связь чрезъ посредство другихъ сужденій, а слѣдовательно они нисколько не теряютъ значенія, принадлежащаго имъ въ силу простого индуктивнаго ихъ доказательства. И если здѣсь указывается на возможность такого дополненія этого доказательства, которое оказывается зависимымъ отъ другихъ сужденій, то имѣются въ виду двѣ несомнѣнныя истины. Первая состоитъ въ томъ, что частные факты опыта, которые должны считаться по эмпиризму единственными послѣдними посылками въ собственномъ смыслѣ, далеко не исчерпываются тѣми фактами, которые имѣютъ прямое отношеніе къ тому или другому изъ общихъ сужденій; наоборотъ, сужденія, имѣющія свое основаніе въ фактахъ, прямо и непосредственно имъ соотвѣтствующихъ, безчисленны. Вторая истина состоитъ въ томъ, что между тѣми или другими изъ этихъ сужденій можетъ быть устанавливаема такая связь, что одни изъ нихъ, сверхъ независимаго отъ другихъ доказательства своей истинности, могутъ, подобно сужденіямъ въ собственномъ смыслѣ выводнымъ, искать также опоры своей истинности въ доказанной истинности другихъ, т. е. въ фактахъ, служащихъ непосредственнымъ основаніемъ для этихъ другихъ сужденій. Но даже и эта зависимость по дополнительному доказательству этихъ сужденій однихъ отъ другихъ все же будетъ отличаться отъ подобной же зависимости сужденій въ собственномъ смыслѣ выводныхъ. Она окажется зависимостью обоюдною. Получая возможность опираться на факты, непосредственно обнимаемые другими сужденіями, сужденіе, насколько оно въ то же время опирается на факты, ему непосредственно соотвѣтствующіе, дастъ возможность и этимъ другимъ сужденіямъ искать дополнительной опоры для себя въ

фактахъ, на которые непосредственно опирается оно само. Подобное расширеніе фактической опоры для сужденій, представляющихъ индуктивныя обобщенія, не ведетъ, очевидно, ни къ какимъ логическимъ затрудненіямъ. Въ эмпиризмѣ оно можетъ только содѣйствовать оправданію вѣры въ послѣднія общія посылки знанія, ставя вѣру въ каждую изъ нихъ въ связь не только съ фактами, непосредственно ей отвѣчающими, но и съ фактами, непосредственно отвѣчающими разнообразнымъ другимъ положеніямъ [1]).

Спенсеръ нигдѣ не подвергаетъ особому разсмотрѣнію вопросъ о косвенномъ оправданіи послѣднихъ посылокъ знанія. Но рѣшеніе этого вопроса въ положительномъ смыслѣ неразрывно соединено съ общимъ его ученіемъ объ ассоціативно образовавшейся необходимой мыслимости какъ о критеріи истины. При этомъ ученіи достаточно убѣдиться въ томъ, что косвенное подтвержденіе положенія способно усиливать нашу вѣру въ него, а слѣдовательно и укрѣплять ассоціативную связь между основными представленіями, въ него входящими, для того, чтобы вывести отсюда, что всякое косвенное подтвержденіе положенія всегда вноситъ свою долю въ образованіе той необходимой мыслимости, которая считается законнымъ критеріемъ истины, именно какъ представительница всей той массы опыта, подъ вліяніемъ которой она образовалась.

Выше мы видѣли, что по ученію Спенсера ассоціація связываетъ не положенія только, прямо и непосредственно подтверждаемыя наблюденіями, но и часто повторяющіеся выводы изъ разсужденій; и выводныя сужденія постепенно превращаются въ интуиціи, которыя могутъ, конечно, достигать какой угодно устойчивости и неразложи-

---

[1]) Впрочемъ, возможность дополнительныхъ выводныхъ процессовъ при установкѣ общихъ послѣднихъ посылокъ знанія implicite предполагается самимъ Миллемъ по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ процессъ явно заканчивается установкой факта, могущаго войти въ самую индукцію. Настаивая на полнотѣ индуктивнаго доказательства всеобщаго закона причинной связи явленій въ наше время, онъ ссылается на то, что относительно многихъ явленій, законы которыхъ еще не открыты, все же теперь можетъ считаться доказаннымъ, что (Log. II, 107, р. п. II, 99) они представляютъ близкое сходство съ предметами и событіями, которые въ болѣе знакомыхъ намъ проявленіяхъ или въ болѣе ограниченномъ размѣрѣ повинуются строгимъ законамъ. Но признаніе тѣхъ или другихъ явленій подчиненными общему закону причинности на основаніи ихъ сходства съ другими явленіями, которыхъ законы открыты, есть, конечно, выводъ, который здѣсь дѣлается для того, чтобы пополнить составъ той индукціи, съ помощію которой доказывается опредѣленная послѣдняя посылка знанія, всеобщій законъ причинной связи явленій.

мости. Отсюда уже можно заключить, что даже положенія въ собственномъ смыслѣ выводныя, слѣдовательно исключительно опирающіяся на фактахъ, не непосредственно имъ соотвѣтствующихъ, а связанныхъ съ ними лишь косвенною связью, по этому взгляду могутъ достигать необходимой мыслимости, играть законно роль послѣднихъ посылокъ знанія. Чтобы живо представить себѣ, какую громадную роль система Спенсера предоставляетъ при образованіи неразрывной ассоціаціи вліянію косвенныхъ процессовъ, для этого достаточно взять во вниманіе, что та истина, которую считаетъ онъ основанной на наиболѣе прочныхъ ассоціаціяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе несомнѣнной, есть истина, что при внѣшнихъ воспріятіяхъ сознаніе имѣетъ дѣло съ внѣшнею реальностью. А эта истина прямого подтвержденія воспріятіемъ не допускаетъ, какъ это хорошо понимаетъ и самъ Спенсеръ; и поэтому самъ онъ, желая представить положительное доказательство реальности предметовъ воспріятія, разъясняетъ цѣлые ряды косвенныхъ, посредствующихъ процессовъ, которые должны, по его взгляду, разъяснять и оправдывать эту неразрывную связь мысли о внѣшнемъ бытіи съ воспріятіями.

Такимъ образомъ Спенсерова необходимая мыслимость, въ различіе отъ простѣйшей индукціи Милля, не только является представительницею многовѣковаго опыта безчисленныхъ, генерацій, и при томъ опыта одинаково какъ сознательнаго, такъ и безсознательнаго, какъ пассивнаго, такъ и активнаго со всѣми преимуществами, принадлежащими послѣднему, но и должна выражать собою совокупный результатъ вліянія на сознаніе не однихъ только фактовъ, прямо и не посредственно соотвѣтствующихъ опредѣленной ассоціаціи, но и всѣхъ фактовъ, стоящихъ съ нею въ разнообразныхъ косвенныхъ связяхъ. Перенесеніе Спенсеромъ наивысшей достовѣрности съ Миллевой простѣйшей индукціи на сознаніе необходимой мыслимости, образовавшейся ассоціативнымъ путемъ, очевидно, сопровождалось фактически тѣмъ, что открывалась возможность къ оправданію послѣднихъ посылокъ знанія привлечь все, что для этой цѣли въ границахъ эмпиристическаго міровоззрѣнія могло быть привлечено съ точки зрѣнія общенаучнаго сознанія.

Но какую бы важность ни имѣло для эмпиризма всякое пополненіе рессурсовъ, способствующихъ оправданію послѣднихъ посылокъ знанія, все же не на всякое изъ сейчасъ указанныхъ подобныхъ пополненій, фактически соединявшихся съ философской системой Спенсера, можно было сослаться какъ на фактъ, который даетъ преимущество теоріи, при-

знающей неразрывность ассоціаціи за критерій достовѣрности. Привлеченіе для оправданія послѣднихъ посылокъ знанія результатовъ активныхъ наблюденій и всякаго рода косвенныхъ подтвержденій само по себѣ не могло, конечно, считаться за такую особенность, которая могла бы принадлежать только теоріи, связывающей высшую достовѣрность съ неразрывными ассоціаціями. Если система Милля ограничивала доказательство послѣднихъ посылокъ знанія пассивною индукціею, то это происходило, какъ это ясно изъ всего предшествующаго, вслѣдствіе причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ его борьбою противъ познавательнаго значенія всякихъ ссылокъ на немыслимость. Перенесеніе высшей достовѣрности у Спенсера на неразрывныя ассоціаціи было дѣйствительно важно для устраненія этого ограниченія, но важно лишь въ томъ смыслѣ, что должно было содѣйствовать сознанію, что это ограниченіе съ общей эмпиристической точки зрѣнія ничѣмъ не оправдывается. А поэтому, когда вопросъ ставится о такихъ преимуществахъ теоріи, отожествляющей критерій достовѣрности съ неразрывной ассоціаціей, которыя были бы совсѣмъ не соединимы со взглядомъ, требующимъ сознательно методическаго обоснованія послѣднихъ посылокъ знанія, то и относительно фактовъ активнаго наблюденія и относительно косвенныхъ подтвержденій сужденія нужно сказать совершенно то же, что и относительно фактовъ пассивнаго наблюденія, именно, что представитель теоріи, отожествляющей критерій достовѣрности съ неразрывностью ассоціаціи, могъ утверждать только, что къ оправданію высшихъ посылокъ знанія по этой теоріи весь относящійся сюда матеріалъ привлекается въ безконечно большемъ количествѣ, чѣмъ это можетъ сдѣлать теорія, требующая методическаго обоснованія ихъ.

Поэтому Спенсеръ поступаетъ совершенно правильно, когда, игнорируя такія преимущества своей теоріи, которыя могутъ быть соединены съ какой угодно эмпиристической теоріей оправданія послѣднихъ посылокъ знанія, и обобщая въ понятіи опыта всякое возможное для эмпиризма методическое доказательство этихъ посылокъ, основываетъ высшую достовѣрность неразрывныхъ ассоціацій исключительно на томъ, что [1]) „немыслимость представляетъ собою опыты почти безконечно многочисленные по сравненію съ опытами, припоминаемыми нами изъ нашего прошедшаго“, и что „въ ней мы имѣемъ организованныя нервныя связи, произведенныя привычками въ тысячахъ по-

[1]) Princ. of Psych. II, 419; p. n. IV, 117.

колѣній,—или даже, вѣроятно, въ милліонахъ поколѣній". А поэтому и критика Спенсерова ученія по существу должна сводиться, конечно, къ вопросу: насколько предполагаемый Спенсеромъ фактъ [1]) образованія неразрывныхъ ассоціацій вслѣдствіе вліянія на сознаніе безчисленнаго количества опытовъ въ продолженіи безконечнаго ряда поколѣній можетъ имѣть значеніе, приписываемое ему Спенсеромъ, для оправданія этихъ ассоціацій.

Но для того, чтобы точнѣе опредѣлить это значеніе, нужно предварительно рѣшить очень существенный для пониманія Спенсерова ученія вопросъ: могъ ли Спенсеръ признавать за неразрывными ассоціаціями значеніе критерія достовѣрности исключительно въ силу того, что онѣ признаются представителями безчисленныхъ опытовъ, или при этомъ должно было предполагаться какое нибудь добавочное условіе.

То приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, которое должно, по ученію Спенсера, выражаться въ различныхъ степеняхъ ассоціативной связи между внутренними состояніями и обезпечивать сохраненіе жизни организмовъ, составляетъ, какъ мы знаемъ, по этому ученію законъ психической жизни всѣхъ организмовъ, которые причастны этой жизни. А поэтому во всѣхъ видахъ животнаго царства должны существовать наряду съ ассоціаціями всѣхъ другихъ степеней и совершенно неразрывныя ассоціаціи внутреннихъ состояній для того, чтобы ими могъ руководиться одушевленный организмъ въ своей жизни. Съ другой стороны, разнообразные виды этого царства, къ которымъ по теоріи эволюціи должны были принадлежать отдаленные предки современнаго намъ человѣчества, отъ самыхъ низшихъ до са-

---

[1]) Спенсеръ свое ученіе о тожествѣ критерія истины съ образовавшеюся ассоціативно необходимою мыслимостію соединяетъ съ самою благопріятною для этого ученія теоріею о происхожденіи видовъ одушевленныхъ существъ. Онъ не только эволюціонистъ, но и эволюціонистъ, принадлежащій къ тому (не всѣми эволюціонистами раздѣляемому) направленію, которое признаетъ, что пріобрѣтаемые подъ вліяніемъ индивидуальнаго опыта навыки передаются наслѣдственно. И благодаря этому мысленно необходимыя сочетанія являются у него въ наиболѣе прямомъ смыслѣ представителями безчисленныхъ опытовъ неисчислимыхъ поколѣній. Но сущность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и достоинство и недостатки ученія о познавательномъ значеніи необходимой мыслимости, образовавшейся ассоціативнымъ путемъ, не зависятъ отъ того, съ какой естественно-научной теоріей оно связано. А поэтому мы не имѣемъ нужды вдаваться въ разборъ этихъ теорій и беремъ разсматриваемое здѣсь ученіе Спенсера о критеріи истины въ томъ наиболѣе благопріятномъ для него освѣщеніи, въ какомъ является оно у самого Спенсера.

мыхъ высшихъ формъ и понынѣ существуютъ вмѣстѣ съ родомъ человѣческимъ. И эти существующія теперь одновременно съ нами животныя, конечно, должны имѣть съ точки зрѣнія Спенсеровой теоріи эволюціи столь же безконечный рядъ предковъ, какъ каждый изъ насъ; и эти предки, взятые во всей своей совокупности, должны испытать столь же безконечное количество доступныхъ имъ по ихъ природѣ и образующихъ въ нихъ неразрывныя ассоціаціи впечатлѣній, сколько впечатлѣній послужило основаніемъ въ продолженіи ряда вѣковъ для образованія существующихъ въ насъ неразрывныхъ ассоціацій. А поэтому, если бы Спенсеромъ при признаніи неразрывной ассоціаціи въ человѣческомъ сознаніи за критерій истины предполагалось, что неразрывныя ассоціаціи просто въ качествѣ представителей безконечной суммы порождающаго ихъ опыта, слѣдовательно, безъ всякаго добавочнаго условія должны претендовать на безусловную истинность, то онъ долженъ бы былъ разсматривать и неразрывныя ассоціаціи въ различныхъ видахъ животнаго царства какъ соотвѣтствующія безусловнымъ законамъ бытія. Отсюда вопросъ, поставленный выше, переходитъ въ вопросъ болѣе опредѣленный: признавалъ ли и могъ ли признавать Спенсеръ значеніе безусловной истины за неразрывными ассоціаціями, предполагаемыми въ сознаніи животныхъ? Но мнѣніе Спенсера относительно этой стороны дѣла представляетъ нѣкоторыя неясности.

Спенсеръ въ неразрывности ассоціацій въ какомъ бы то ни было видѣ животныхъ, повидимому, не можетъ видѣть надежнаго ручательства ея истинности уже потому, что въ такомъ случаѣ онъ не имѣлъ бы права доказывать, что его взглядъ на критерій истины есть законный выводъ изъ Миллева ученія объ основаніяхъ убѣжденія въ послѣднихъ посылкахъ знанія. Милль, правда, при своемъ общемъ описаніи простѣйшей индукціи смотритъ на нее какъ на простой процессъ обобщенія, достовѣрность котораго обусловливается обиліемъ въ наблюденіи явленій, которыхъ онъ касается, и постоянною встрѣчею ихъ въ сознаніи. Однако, какъ мы видѣли выше, когда онъ хочетъ объяснить, какимъ образомъ при этомъ условіи индукція, сама по себѣ не способная давать твердыхъ выводовъ, оказывается способной съ наивысшею достовѣрностью устанавливать законъ, то онъ въ одномъ изъ своихъ объясненій индуктивнаго процесса измѣняетъ понятіе о немъ. Онъ смотритъ здѣсь на индукцію, какъ на такой процессъ исключенія, въ которомъ, при обычныхъ условіяхъ, устанавливается лишь неслучайность совпаденія опредѣленныхъ явленій,

эмпирическій законъ, а при особомъ обиліи постоянно встрѣчающихся въ наблюденіи явленій, свидѣтельствующемъ о широкомъ распространеніи подобныхъ фактовъ въ бытіи и о разнообразіи обстоятельствъ, при которыхъ они совершаются, устраняются предположенія о сложности или производности установленнаго эмпирическаго закона, и такимъ образомъ эмпирическій законъ превращается въ законъ природы. Съ точки зрѣнія этого Миллева объясненія достовѣрности простѣйшей индукціи, очевидно, оказывается, что постоянная встрѣча сознанія съ многочисленными фактами совпаденія опредѣленныхъ явленій важна не просто по обилію этихъ фактовъ, а особенно потому, что она свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи этихъ фактовъ въ бытіи и о всевозможномъ разнообразіи обстоятельствъ, при которыхъ они совершаются. Но, конечно, само собою понятно, что постоянная встрѣча совпаденій опредѣленныхъ явленій въ наблюденіи, когда дѣло идетъ о наблюденіи очень различныхъ одушевленныхъ существъ, далеко стоящихъ другъ отъ друга по степени совершенства своей психической организаціи, будетъ свидѣтельствовать не въ одинаковой степени о широкомъ распространеніи этихъ совпаденій въ бытіи и о способности ихъ существовать при всевозможныхъ условіяхъ. И Спенсеръ менѣе чѣмъ какой-нибудь другой философъ можетъ сомнѣваться въ этомъ, если только дозволительно кому-нибудь въ этомъ сомнѣваться. Эволюція сознанія, переходъ его съ низшихъ ступеней на высшія, по его ученію [1]), включаетъ въ себѣ прогрессъ устанавливаемыхъ соотвѣтствій внутреннихъ отношеній внѣшнимъ въ пространствѣ, во времени, въ спеціальности, въ общности и въ сложности. Въ этомъ прогрессѣ, очевидно, подразумѣвается расширеніе сферы наблюденія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность встрѣтить тѣ же явленія при новыхъ обстоятельствахъ, при которыхъ они не встрѣчались на низшихъ ступеняхъ эволюціи. При томъ же перенесеніе Спенсеромъ наивысшей достовѣрности съ индукціи на неразрывныя ассоціаціи открывало, какъ мы видѣли, возможность привлечь къ оправданію необходимо мыслимыхъ положеній и результаты активныхъ наблюденій и разнообразные другіе факты, которые могли быть поставлены въ косвенную связь съ этими положеніями. И развитіе активности въ наблюденіи онъ ставитъ также въ связь съ эволюціей. Но особое значеніе активности при наблюденіяхъ онъ самъ видитъ въ томъ, что она служитъ условіемъ для полученія болѣе разнообразныхъ свѣдѣній о ве-

[1]) Princ. of. Psych. I, 385; p. n. II, 100.

щахъ, а слѣдовательно и съ этой стороны болѣе высокія ступени эволюціи должны представлять благопріятное условіе для наблюденія явленій при болѣе разнообразныхъ обстоятельствахъ. Съ другой стороны, съ увеличеніемъ знанія при помощи активныхъ наблюденій увеличивается и возможность пріобрѣтать такія свѣдѣнія, которыя могутъ быть поставлены въ особую косвенную связь съ тѣми или другими положеніями, опирающимися на ассоціацію. Активныя наблюденія такимъ образомъ даютъ возможность фактически убѣждаться въ значеніи этихъ положеній на болѣе широкой сферѣ фактовъ, чѣмъ сфера фактовъ, имъ непосредственно соотвѣтствующихъ. Поэтому, если бы Спенсеръ, выводя изъ Миллева взгляда на особое значеніе обильнаго опыта въ индукціи высшую достовѣрность неразрывныхъ ассоціацій, предполагалъ, что эта достовѣрность будетъ въ такомъ случаѣ опираться исключительно на безчисленность опытовъ, представляемыхъ неразрывною ассоціаціею, и можетъ быть отнесена не къ человѣческимъ только неразрывнымъ ассоціаціямъ, а къ неразрывнымъ ассоціаціямъ вообще, то его выводъ, очевидно, нельзя бы было признать за выводъ изъ дѣйствительнаго взгляда Милля на условія достовѣрности послѣднихъ посылокъ знанія.

Правда, Миллево толкованіе достовѣрной индукціи въ смыслѣ процесса установки эмпирическаго закона и превращенія этого закона въ законъ природы плохо согласуется съ его же общимъ взглядомъ на доказательство послѣднихъ посылокъ знанія. Оно превращаетъ индукцію въ сложный процессъ двойного исключенія, а доказательство послѣднихъ посылокъ знанія, по его же ученію, можетъ быть только простѣйшимъ процессомъ обобщенія частныхъ фактовъ. При томъ это толкованіе индукціи, какъ разъясняли подробно мы выше, не было даже проведено Миллемъ послѣдовательно въ отношеніи ко всѣмъ послѣднимъ посылкамъ знанія. Милль считаетъ возможнымъ приложить его только къ нѣкоторымъ случаямъ достовѣрной индукціи, именно къ случаямъ, имѣющимъ дѣло съ послѣдовательностью явленій. Такимъ образомъ, тѣ послѣднія посылки знанія, которыя не отличаются этою особенностью, по необходимости предоставляются у него той индукціи, которая остается простымъ обобщеніемъ и достовѣрность заключеній которой зависитъ просто отъ чрезвычайнаго обилія фактовъ, постоянно являющихся въ наблюденіи. Однако все это не должно было имѣть никакого значенія для Спенсера. Сложность, которую получалъ индуктивный процессъ въ этомъ Миллевомъ истолкованіи его, не могла доказывать непримѣнимость

этого вывода къ послѣднимъ посылкамъ знанія въ глазахъ того философа, по взгляду котораго образованіе необходимой мыслимости, служащей у него доказательствомъ этихъ посылокъ, допускало, какъ мы видѣли, какіе угодно сложные процессы. И того ограниченія въ примѣненіи осложненнаго процесса индукціи, которое принималъ Милль, не могло существовать для Спенсера. Признаніе какого бы то ни было положенія за положеніе необходимо мыслимое требуетъ по ученію Спенсера предварительныхъ всевозможныхъ попытокъ разорвать въ воображеніи связь между представленіями, изъ которыхъ оно состоитъ; и оно можетъ быть сочтено законнымъ лишь послѣ неудачи этихъ попытокъ. Но понятно, что тѣ опыты, которые считались допустимыми въ отношеніи къ какимъ угодно сужденіямъ въ области воображенія для убѣжденія въ необходимой мыслимости этихъ сужденій, не могли не считаться столь же допустимыми и въ отношеніи къ какимъ угодно сужденіямъ въ области воспріятія для убѣжденія въ твердой законосообразной связи явленій, о которыхъ говорятъ эти сужденія. Но въ чемъ же могли бы состоять подобныя попытки разорвать связь, будетъ ли то въ воображеніи между опредѣленными представленіями или въ области воспріятія между опредѣленными явленіями? Всѣ эти попытки могутъ, конечно, состоять только въ подысканіи и примѣненіи къ опредѣленной устойчивой комбинаціи, будетъ то представленій или явленій, такихъ условій, не встрѣчавшихся обычно, при которыхъ можно бы было предположить распаденіе этихъ устойчивыхъ комбинацій. А если это такъ, то ясно, что въ отношеніи къ доказательствамъ всякаго рода сужденій должно Спенсеромъ допускаться то особое значеніе всевозможнаго разнообразія обстоятельствъ, сопутствующихъ опредѣленной комбинаціи явленій, которое предполагается указаннымъ Миллевымъ истолкованіемъ нѣкоторыхъ случаевъ достовѣрной индукціи.

Однако, по какимъ бы причинамъ то ни было, во всякомъ случаѣ Спенсеръ нигдѣ не указываетъ на то, что у Милля встрѣчается это особое истолкованіе индукціи [1]), и ничѣмъ не даетъ понять, что принп-

[1]) Можетъ быть, причина этого заключалась частью и въ общемъ отношеніи Спенсера къ такого рода сложнымъ выводамъ, одинъ изъ типовъ котораго представляетъ индукція въ этомъ толкованіи Милля. Всѣ вопросы о случайности и методахъ ея исключенія, которые фактически играютъ громадную роль въ наукѣ и разсмотрѣнію которыхъ Милль посвящаетъ много цѣнныхъ разсужденій въ своей логикѣ, Спенсеръ въ своей психологіи, обнимающей и логическіе вопросы, совсѣмъ не затрагиваетъ. Разъясняя, какъ можетъ устанавливаться въ сознаніи связь между явле-

маетъ его въ соображеніе при выводѣ своего взгляда на критерій достовѣрности изъ принциповъ Миллева ученія.

Въ философіи самого Спенсера проводятся взгляды, которые при послѣдовательномъ развитіи не дозволяли приписывать достовѣрность неразрывнымъ ассоціаціямъ какихъ бы то ни было видовъ животнаго царства. Спенсеръ философъ эволюціи. Полагая прогрессъ познанія на различныхъ ступеняхъ эволюціи, какъ сейчасъ было упомянуто, въ прогрессѣ соотвѣтствій внутреннихъ отношеній внѣшнимъ въ пространствѣ, во времени, въ спеціальности, въ сложности и общности и, кромѣ того, ставя его въ прямую зависимость отъ развитія активности въ наблюденіи, онъ самъ, независимо отъ недостаточно послѣдовательныхъ и опредѣленныхъ указаній Милля, могъ придти къ мысли о совершенно неодинаковой познавательной цѣнности какихъ бы то ни было ассоціацій на различныхъ ступеняхъ эволюціи сознанія. И при изложеніи ученія Спенсера мы видѣли, что соотвѣтствіе между степенью устойчивости связи внутреннихъ явленій и степенью устойчивости связи явленій внѣшнихъ, въ которомъ онъ видитъ общій основной законъ явленій психической жизни, онъ очень опредѣленно признаетъ закономъ только in abstracto, то-есть такимъ закономъ, который свою реализацію получаетъ только постепенно, по мѣрѣ развитія сознанія. Это ограниченіе закона послѣдовательно должно было вести къ заключенію, что нельзя утверждать и соотвѣтствія неразрывныхъ ассоціацій какихъ бы то ни было видовъ животнаго царства безусловнымъ законамъ бытія. И, повидимому, Спенсеръ хочетъ идти этимъ путемъ. Когда онъ разъясняетъ, въ чемъ можетъ и долженъ

ніями въ такихъ случаяхъ, когда сложными сопутствующими обстоятельствами она оказывается очень затемненною, Спенсеръ, правда, указываетъ на то, что въ самомъ обиліи и разнообразіи случаевъ, въ которыхъ дана эта связь, должно заключаться условіе для исключенія обстоятельствъ, случайно соединенныхъ съ явленіями, стоящими въ законосообразной связи одно съ другимъ (Princ. of Psych. I, 463—465; р. и. II, 188—190). Но это указаніе дѣлается имъ исключительно съ цѣлью объяснить психологическій механизмъ процесса выдѣленія законосообразно связаннымъ другъ съ другомъ явленій изъ цѣлой комбинаціи случайно соединенныхъ съ ними обстоятельствъ, но никакъ не съ цѣлью разъяснить тѣ требованія, которымъ долженъ удовлетворять этотъ процессъ для того, чтобы выдѣлившіяся явленія, когда они еще не соединились въ нашемъ сознаніи непосредственно одно съ другимъ неразрывною ассоціативною связью, могли бы все же законно быть признаны нами за неразрывно связанныя въ бытіи; то-есть, Спенсеръ не ищетъ и не даетъ намъ здѣсь логической формулы этого процесса какъ процесса выводного, точно также, какъ не даетъ этой формулы для подобныхъ процессовъ и при своемъ обзорѣ выводныхъ процессовъ вообще.

состоять прогрессъ въ познаніи на каждой ступени эволюціи сознанія, онъ ставитъ этотъ прогрессъ не въ увеличеніи только числа достигнутыхъ уже соотвѣтствій внутреннихъ отношеній съ внѣшними и не въ ихъ усложненіяхъ только, но также и въ увеличеніи ихъ точности [1]). Слѣдовательно, имъ, повидимому, предполагается, что достигнутыя уже на различныхъ ступеняхъ эволюціи сознанія соотвѣтствія могутъ быть неточными, могутъ требовать измѣненій внутреннихъ отношеній для соглашенія ихъ съ внѣшними. Правда, Спенсеръ при этомъ точно не разъясняетъ, предполагаются ли среди этихъ измѣненій, относящихся къ каждой ступени развитія сознанія, также и измѣненія неразрывныхъ сочетаній, или въ этомъ случаѣ единственно дѣло идетъ объ ассоціаціяхъ сравнительно менѣе прочныхъ. Однако и этотъ недостатокъ точности, повидимому, восполняется встрѣчающимися у него взглядами на нѣкоторыя неразрывныя ассоціаціи. Такъ, разсматривая низшую форму психической жизни, рефлексы, Спенсеръ говоритъ [2]), что при этой формѣ „во многихъ случаяхъ внутренняя связь абсолютна, хотя внѣшнее отношеніе далеко не абсолютно". То же самое несомнѣнно предполагается имъ и относительно инстинктовъ, какъ это ясно изъ его объясненія возникновенія памяти и разумныхъ дѣйствій изъ инстинктовъ вслѣдствіе усложненія внѣшнихъ впечатлѣній, сопровождающагося задержкой инстинктивныхъ дѣйствій [3]). Онъ объясняетъ этотъ процессъ, между прочимъ, на схематическомъ примѣрѣ, который можно передать въ слѣдующемъ видѣ. Пусть между видами живыхъ существъ, которыя въ воспріятіи извѣстнаго животнаго характеризуются извѣстными общими имъ внѣшними свойствами и которыя обыкновенно служатъ ему добычею, а поэтому инстинктивно вызываютъ съ его стороны движенія, сопровождающіяся схватываніемъ добычи, встрѣтится такой видъ, котораго защита противъ нападенія бываетъ злѣе, чѣмъ самое нападеніе, и который по внѣшнему облику не достаточно рѣзко отличается отъ какого-нибудь другого вида подобныхъ же живыхъ существъ, не отличающагося однако столь же злою защитою. Когда психическая жизнь того животнаго, добычею котораго обыкновенно служили всѣ эти виды живыхъ существъ, усложнится настолько, что у него явится возможность при встрѣчѣ съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, на ряду съ общими отъ нихъ впечатлѣ-

[1]) Princ. of Psych. I, 418; p. n. II, 136—137.

[2]) Princ. of Psych. I, 431; p. n. II, 151.

[3]) Princ. of Psych. I, 446—447, 456—457, 479—480; p. n. II, 169—171, 178—181, 206.

ніями точнѣе улавливать и болѣе тонкія специфическія ихъ отличія, тогда, естественно, специфическое впечатлѣніе, получаемое животнымъ отъ болѣе неуступчиваго вида, соединится въ сознаніи этого животнаго съ невыгодными для него результатами отъ нападенія на него и будетъ при новой встрѣчѣ, возбуждающей подобное же впечатлѣніе, задерживать обычныя инстинктивныя движенія. Эта задержка и должна сопровождаться, по ученію Спенсера, возбужденіемъ въ животномъ представленій о прежнихъ опытахъ (память), и этими представленіями будутъ опредѣляться его отвѣтныя движенія (разумное дѣйствіе). Понятно, что въ результатѣ этого процесса не только должно получиться ограниченіе инстинктивнаго дѣйствія, которое теперь будетъ примѣняться животнымъ лишь при встрѣчѣ его съ тѣми видами живыхъ существъ, которыя не вызываютъ въ немъ особаго впечатлѣнія, связаннаго съ непріятными воспоминаніями; въ результатѣ можетъ получиться даже соединеніе съ этимъ впечатлѣніемъ совсѣмъ другого рода отвѣтнаго движенія, болѣе соотвѣтствующаго интересамъ животнаго, напримѣръ, быстраго удаленія его для избѣжанія столкновенія. Нетрудно видѣть, что при подобномъ разъясненіи перехода инстинктовъ въ память и разумныя дѣйствія неизбѣжно предполагается, что выражающіяся въ инстинктахъ неразрывныя связи между внутренними состояніями (въ данномъ примѣрѣ—связи между общими впечатлѣніями отъ всѣхъ видовъ опредѣленнаго рода живыхъ существъ и опредѣленными хватательными движеніями) могутъ отвѣчать до такой степени далекимъ отъ абсолютнаго характера внѣшнимъ отношеніямъ (въ данномъ примѣрѣ—отношеніе между вызывающими общее впечатлѣніе свойствами живого существа и тѣми его свойствами, на которыя разсчитано хватательное движеніе животнаго), что животное само при нѣкоторомъ усложненіи впечатлѣній сознаетъ неабсолютность внѣшнихъ отношеній и вслѣдствіе того разрушаетъ абсолютную связь между своими внутренними состояніями. Здѣсь мысль о неабсолютности связей, которымъ должны отвѣчать инстинкты, извлекается нами лишь какъ выводъ изъ Спенсерова описанія возникновенія памяти. Но она такъ очевидна, что не могла у Спенсера не высказываться и прямѣе. Желая показать, какое имѣетъ значеніе научное развитіе для наиболѣе совершеннаго приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, Спенсеръ говоритъ [1]): „Жизнь въ своей неразвитой формѣ

[1]) Princ. of Psych. I, 374—375; р.. п. II, 89.

управляется ассоціаціями между нѣкоторыми поверхностными аттрибутами вещей. Развитая жизнь руководится ассоціаціями между тѣми основными аттрибутами, отъ которыхъ зависятъ дѣйствія вещей. Между громкимъ звукомъ и близостью непріятеля въ природѣ не существуетъ постоянной неизмѣнной связи, а поэтому животное, въ которомъ одно изъ этихъ обстоятельствъ служитъ всегдашнимъ указаніемъ на другое, впадаетъ въ частыя ошибки въ своихъ приспособленіяхъ внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Но связь между линейными измѣреніями и емкостью или между скоростью и количествомъ движенія постоянна, и поэтому доставляетъ непогрѣшимое руководство". Въ примѣръ ассоціаціи между поверхностными аттрибутами, которая соотвѣтствуетъ никакъ не абсолютному внѣшнему отношенію, здѣсь приведена ассоціація между громкимъ звукомъ и выраженіями страха у животнаго, ассоціація, несомнѣнно имѣющая у многихъ видовъ животнаго царства инстинктивный характеръ, и поэтому, по Спенсеру, абсолютная.

Однако опредѣленно выраженной общей мысли о невозможности утверждать соотвѣтствіе какихъ бы то ни было видовъ неразрывныхъ ассоціацій въ царствѣ животныхъ абсолютнымъ законамъ бытія у Спенсера мы не находимъ; наоборотъ, встрѣчаемъ у него такія мысли, которыя могутъ давать поводъ къ иному толкованію его взгляда. Представленные выше взгляды Спенсера на познавательное значеніе неразрывныхъ ассоціацій въ животномъ царствѣ непосредственно касаются рефлексовъ и инстинктовъ. На инстинкты Спенсеръ смотритъ какъ на сложные рефлексы и учитъ, что „мы не въ состояніи провести никакой ясной демаркаціонной линіи между инстинктомъ и простымъ рефлексомъ" [1]). А относительно рефлексовъ тотчасъ за приведенными выше его словами объ очень нерѣдкомъ несовпаденіи при нихъ абсолютной связи внутреннихъ состояній съ абсолютными отношеніями внѣшними мы читаемъ у него: „и это какъ разъ то, чего мы должны были ожидать по отношенію къ этимъ обнаруженіямъ зарождающейся психической дѣятельности; такъ какъ приспособленіе внутреннихъ стремленій къ внѣшнимъ постояствамъ есть законъ психической дѣятельности, взятой in abstracto, то поэтому мы не могли найти совершеннаго выполненія этого закона тамъ, гдѣ психическая дѣятельность только что зарождается". Въ этихъ словахъ для объясненія несоотвѣтствія между абсолютными связями

[1]) Princ. of Psych. I, 432; p. п. II, 153.

внутреннихъ состояній и внѣшними отношеніями Спенсеръ, правда, совершенно послѣдовательно ссылается на ранѣе твердо выраженную имъ мысль, что законъ соотвѣтствія есть законъ только in abstracto, ожидающій своей реализаціи отъ развитія психической жизни. Но здѣсь интересенъ комментарій, которымъ сопровождается эта ссылка. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ уже тотъ фактъ, что изъ ограниченій закона соотвѣтствія, которыя, казалось бы, должны быть такъ же общи, какъ общъ самъ законъ, говорящій не о соотвѣтствіи только необходимыхъ связей внутреннихъ состояній абсолютнымъ связямъ бытія, а о соотвѣтствіи всѣхъ степеней связи внутреннихъ состояній всѣмъ степенямъ отношеній внѣшнихъ, Спенсеръ останавливаетъ свое вниманіе исключительно на несоотвѣтствіи абсолютныхъ связей внутреннихъ состояній абсолютнымъ внѣшнимъ отношеніямъ, какъ будто это несоотвѣтствіе должно требовать особаго оправданія или объясненія сравнительно съ несомнѣнными подобными же несоотвѣтствіями всѣхъ другихъ степеней связей. Выходитъ такъ, какъ будто бы предполагаемое общимъ закономъ душевной жизни на ряду съ другими соотвѣтствіями соотвѣтствіе абсолютныхъ связей внутреннихъ съ абсолютными внѣшними отношеніями—имѣетъ какія-то особыя чрезвычайныя права сравнительно съ ними, такъ что нарушеніе его должно представляться особенно неожиданнымъ и должно быть подчеркнуто и особенно объяснено. Еще болѣе замѣчательно, что хотя это несоотвѣтствіе оправдывается ранѣе установленнымъ общимъ ограниченіемъ закона, однако это оправданіе выражается здѣсь лишь въ признаніи невозможности ожидать совершеннаго выполненія закона при первомъ зарожденіи психической дѣятельности, какъ будто примѣненіе общаго ограниченія общаго закона къ абсолютнымъ связямъ внутреннихъ состояній единственно только и можно допустить при первомъ зарожденіи психической жизни, въ томъ классѣ явленій, который, по ученію Спенсера, составляетъ только переходную ступень отъ физическаго къ психическому. Выше, при изложеніи взгляда Спенсера, мы указывали на то, что, признавая въ неразрывныхъ ассоціаціяхъ человѣческаго сознанія критерій достовѣрности, онъ не указываетъ и не можетъ указать въ то же время на ассоціаціи другихъ степеней въ томъ же человѣческомъ сознаніи какъ на столь же надежное ручательство за соотвѣтствующія степени связи внѣшнихъ реальностей, хотя бы даже только реальностей, среди которыхъ обыкновенно вращается наше сознаніе [1]). А такъ какъ эта

[1]) Изъ того, что законъ соотвѣтствія реализируется опытно чрезъ ассоціаціи,

невозможность для другихъ степеней ассоціаціи служить ручательствомъ за соотвѣтствующія связи внѣшнихъ реальностей могла объясняться только указаннымъ общимъ ограниченіемъ закона, то не должно ли отсюда выводить, что неразрывныя ассоціаціи должны были по Спенсеру стоять въ большей независимости отъ этого общаго ограниченія, нежели всѣ другія ассоціаціи? А если это такъ, то въ чемъ же въ такомъ случаѣ можно было искать право на подобную независимость, кромѣ ссылки на безчисленные опыты, ихъ порождающіе? И эти опыты такимъ образомъ не должны ли были у Спенсера придавать, хотя бы и съ тѣми или другими неизбѣжными исключеніями, неизмѣннымъ ассоціаціямъ познавательное значеніе независимо отъ ступени развитія, на которой стоитъ сознаніе и съ которой соединено ограниченіе общаго закона сознанія? Не слѣдуетъ ли поэтому думать, что Спенсеръ смотрѣлъ въ самомъ дѣлѣ на вышеприведенные и другіе (о которыхъ скажемъ далѣе) факты несоотвѣтствія абсолютныхъ связей между внутренними состояніями абсолютнымъ внѣшнимъ отношеніямъ какъ на случаи исключительные, предполагающіе особыя причины, напримѣръ, недостаточную еще обособленность явленій психическихъ отъ физическихъ? Не въ этомъ ли слѣдуетъ искать объясненія и того факта, что вообще при оправданіи взгляда на неразрывныя ассоціаціи въ человѣческомъ сознаніи какъ на критерій достовѣрности у Спенсера вовсе нѣтъ ссылки на общій законъ соотвѣтствія, постепенно реализирующійся въ эволюціи сознанія, а между тѣмъ рѣзко выступаетъ ссылка на неисчислимое количество фактовъ, которые должны были пройти чрезъ сознаніе въ теченіе неисчислимыхъ поколѣній для образованія неразрывныхъ ассоціацій? Здѣсь для оправданія нѣкоторыхъ изъ неразрывныхъ ассоціацій Спенсеръ даже ссылается на то, что онѣ были у нашихъ предковъ—приматовъ, млекопитающихъ, даже животныхъ, принадлежащихъ къ болѣе простымъ порядкамъ [1]).

Однако, была или не была у Спенсера тенденція къ такому взгляду, во всякомъ случаѣ о сколько-нибудь послѣдовательномъ его проведеніи не могло быть и рѣчи, и на вопросъ: могъ ли Спенсеръ утверждать соотвѣтствіе какихъ-либо видовъ неразрывныхъ ассоціацій жи-

---

Спенсеръ выводитъ (Princ. of Psych. I, 425; p. n. II, 144), что психическія отношенія будутъ лучше всего согласованы съ тѣми физическими, которыя являются всего чаще въ опытѣ субъекта.

[1]) Princ. of Psych. II, 419; p. n. IV, 117.

вотнаго царства абсолютнымъ отношеніямъ реальностей, мы должны отвѣчать отрицательно.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, для этого нѣтъ нужды придавать особое значеніе тому обстоятельству, что Спенсеру, при его описаніяхъ различныхъ сторонъ эволюціи сознанія, приходится нерѣдко указывать на такія неразрывныя ассоціаціи, которыхъ несоотвѣтствіе съ абсолютными законами внѣшнихъ реальностей не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Онъ говоритъ [1]), напримѣръ, что у животныхъ съ зачаточнымъ зрѣніемъ устанавливается въ организмѣ общее „отношеніе между зрительными и осязательными впечатлѣніями, соотвѣтствующее общему отношенію между непрозрачностью и твердостью, существующему въ окружающей организмъ средѣ“, что [2]) „для низшихъ порядковъ животныхъ, которыя хотя и не суть всѣ безъ исключенія водяныя, но которыя во всѣхъ случаяхъ бываютъ окружены жидкостью, главную составную часть которой всегда образуетъ вода, нерастворимыя тѣла тожественны съ неорганическими тѣлами, между тѣмъ какъ все растворимое въ большей части случаевъ однозначаще для нихъ съ органическимъ“, что [3]) у ночной бабочки есть отношеніе между психическими состояніями, соотвѣтствующее отношенію между извѣстною „перемѣною въ полѣ зрѣнія и приближеніемъ живого существа“ и пр. Несомнѣнно, что всѣ подобные факты относятся къ жизни одушевленныхъ существъ, стоящихъ на очень невысокой степени развитія и при томъ же при каждомъ изъ нихъ приходится ставить вопросъ, не идетъ ли здѣсь дѣло о такихъ связяхъ внутреннихъ явленій, которыя должны входить уже въ понятіе инстинкта. Но мнѣ кажется, что достаточно сличить тѣ условія, въ которыхъ и фактически, и по взгляду Спенсера должны образовываться неразрывныя ассоціаціи въ сознаніи животнаго міра, съ тѣми требованіями, которымъ должна удовлетворять по его взгляду необходимая мыслимость въ человѣческомъ сознаніи, которая ставится критеріемъ истины,—достаточно сдѣлать это сличеніе для того, чтобы прійти къ мысли, что онъ не могъ утверждать соотвѣтствія какихъ бы то ни было видовъ неразрывныхъ ассоціацій въ сознаніи животныхъ абсолютнымъ законамъ бытія.

Спенсеръ хорошо знаетъ [4]), что представленія на невысокихъ сту-

[1]) Princ. of Psych. I, 315, p. n. II, 25.
[2]) Princ. of Psych. I, 332, p. n. II. 43.
[3]) Princ. of Psych. I, 409, p. n. II, 126.
[4]) Princ. of Psych. I, 564, p. n. II, 299.

пеняхъ животнаго царства могутъ быть вызваны къ сознанію только при помощи чувственныхъ впечатлѣній, съ которыми они были непосредственно связаны въ прежнемъ опытѣ одушевленнаго существа, и что они могутъ продолжать существовать въ сознаніи его только до тѣхъ поръ, пока продолжаютъ существовать эти впечатлѣнія; сказать иначе, Спенсеръ знаетъ, что на невысокихъ ступеняхъ животнаго царства представленіе является въ сознаніи только какъ прямое дополненіе ощущеній въ актѣ воспріятія. Само собою понятно, что у такого рода животныхъ масса опыта, достаточная для того, чтобы извѣстныя ощущенія быстро и безъ колебаній, т. е. автоматично, вызывали опредѣленныя представленія о другихъ ощущеніяхъ и соединялись съ ними, должна оказаться совершенно достаточной и для того, чтобы сочетанія, противорѣчащія такимъ ассоціаціямъ, были совершенно немыслимы для животнаго, т. е. чтобы ассоціаціи, достигшія этой степени, пока онѣ не разрушены прямыми воспріятіями, имѣли характеръ необходимо мыслимыхъ ассоціацій. У видовъ одушевленныхъ существъ, одаренныхъ болѣе высокой психической организаціей, Спенсеръ, конечно, предполагаетъ [1]) соотвѣтственно различнымъ степенямъ сложности ихъ психической жизни развивающуюся способность представленій существовать раздѣльно отъ воспріятій. А у существъ, стоящихъ на высокой ступени развитія, онъ предполагаетъ уже способность представленій „комбинироваться въ цѣлые ряды мыслей“, „совершенную независимость ихъ отъ воспріятій, имѣющихъ мѣсто въ настоящій моментъ“. Спенсеръ, къ сожалѣнію, не объясняетъ, считаетъ ли онъ эту высокую ступень исключительною принадлежностію человѣческаго сознанія или находитъ возможнымъ приписать ее также и какимъ-нибудь высшимъ видамъ животнаго царства. Но все же, мнѣ кажется, можно быть увѣреннымъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что онъ не предполагаетъ, чтобы какое-нибудь животное могло задать себѣ чисто теоретическій вопросъ, не можетъ-ли оно разорвать связь между тѣми или другими изъ своихъ очень тѣсно ассоціировавшихся одно съ другимъ представленій и, задавшись этимъ вопросомъ, могло направить всѣ свои усилія къ тому, чтобы конструировать одно изъ этихъ представленій безъ другого. Если же ни одно животное этого сдѣлать не можетъ по самой своей психической конституціи, то для какихъ угодно ассоціацій высшихъ видовъ животнаго царства совершенная немыслимость противорѣчащаго той или другой

[1]) Princ. of Psych. I, 565, p. n. II, 300.

ассоціаціи сочетанія представленій должна во всякомъ случаѣ начинаться съ того момента, когда ассоціація сдѣлалась настолько тѣсною, что одно опредѣленное представленіе быстро и безъ колебанія, т. е. автоматично, дополняетъ не только опредѣленное воспріятіе, но и простое представленіе о немъ, такъ что разрывъ ассоціаціи, если нѣтъ прямо противорѣчащихъ ей воспріятій, могъ бы быть произведенъ только невозможной для животнаго намѣренной, преслѣдующей исключительно теоретическія цѣли, усиленной экспериментаціей надъ нею самой. Но Спенсеръ признаетъ, что для человѣка возможна подобнаго рода экспериментація надъ ассоціаціями своихъ представленій. И чтобы избѣжать постоянныхъ и явныхъ отрицательныхъ инстанцій противъ принятаго имъ критерія достовѣрности, онъ для той необходимой мыслимости, которая служитъ у него надежнымъ ручательствомъ истинности сужденія, никакъ не считаетъ достаточнымъ ни простого автоматическаго дополненія воспріятія представленіемъ, ни такихъ автоматическихъ дополненій представленій представленіями, которыя не разрывались бы обычнымъ теченіемъ психической жизни, управляемой житейскими потребностями. Онъ требуетъ [1]) для такого ручательства такой необходимой мыслимости, которая провѣрялась бы опредѣленно поставленной передъ сознаніемъ задачей разорвать образовавшуюся связь представленій и напряженными усиліями достигнуть этой цѣли.

Съ этой точки зрѣнія онъ не можетъ не признавать, что необходимо мыслимыя связи въ животномъ сознаніи, на какой бы высокой ступени ни стояло животное, должно неизбѣжно обнимать въ себѣ многое, что не можетъ по его же оцѣнкѣ отвѣчать абсолютнымъ законамъ внѣшняго бытія, такъ какъ въ сознаніи животнаго со стороны необходимой мыслимости не должно отличаться то, что необходимо мыслимо для человѣка, отъ того, что, правда, связано въ сознаніи человѣка, но связано лишь такъ, что связь можетъ уступить усиліямъ его воли, направленнымъ на ея расторженіе. Желая показать, что память, происходящая по его мнѣнію, какъ мы видѣли, изъ задержки автоматическихъ связей, и сама въ свою очередь можетъ переходить въ автоматическую связь представленій, онъ разъясняетъ [2]), что сочетанія представленій, образуя твердыя ассоціаціи, отъ частаго повто-

[1]) Princ. of Psych. II, 406—407, 408—409, 448; p. n. IV. 104—105, 106—146, 107.

[2]) Princ. of Psych. I, 450—452; p. n. II, 174—175.

ренія переходятъ въ ассоціаціи автоматическія, въ которыхъ настолько исчезаетъ для сознанія раздѣльность дополняющаго представленія отъ дополняемаго, что дополняющее представленіе теряетъ значеніе воспоминаемаго, а слѣдовательно и дополняющаго, и сочетаніе переходитъ въ связь совершенно однородную съ инстинктивными связями. Въ качествѣ примѣровъ такого рода автоматическихъ ассоціацій, въ которыхъ дополняющее представленіе теряетъ значеніе представленія воспоминаемаго, онъ приводитъ между прочимъ такія ассоціаціи, которыя вполнѣ доступны высшимъ животнымъ, но которыя не представляютъ абсолютныхъ законовъ природы, напримѣръ, „солнце свѣтитъ“, „предметъ, который видимъ движущимся въ разныхъ направленіяхъ, есть животное“. Изъ того, что сейчасъ было разъяснено нами, совершенно понятно, что въ сознаніи животнаго автоматическія ассоціаціи такого рода не могли бы не быть признаны Спенсеромъ такими же неразрывными, какъ и тѣ изъ существующихъ въ томъ же сознаніи ассоціацій, которыя и въ сознаніи человѣческомъ по Спенсеру должны бы претендовать на неразрывность.

Съ другой стороны, когда мы всматриваемся въ Спенсерово описаніе тѣхъ усилій, которыя по его взгляду должны быть примѣняемы для разрыва слишкомъ тѣсно ассоціировавшихся одно съ другимъ представленій въ цѣляхъ испытанія необходимой мыслимости ихъ связи, то видимъ, что его необходимая мыслимость, гарантирующая достовѣрность сужденія, требуетъ не одной только особой психической конституціи; для того, чтобы не обнимать въ себѣ ассоціацій, за которыми Спенсеромъ не признается высшей познавательной цѣнности, она требуетъ еще наличнаго существованія въ душѣ представленій, доступныхъ только сложному и развитому опыту человѣческому. Спенсеръ беретъ [1]) ассоціацію, выражающуюся въ положеніи „ледъ холоденъ“, доступную, конечно, и высшимъ видамъ животнаго царства, и находитъ, что въ этой ассоціаціи „идеи, соотвѣтствующія подлежащему и сказуемому, такъ связаны, что онѣ могли бы сойти за нераздѣльныя“. Но „предположимъ, говоритъ онъ, что это предложеніе подвергается намѣренному испытанію, и что онъ (изслѣдователь) старается испробовать, не можетъ ли ледъ быть мыслимъ какъ не холодный. Всякая такая попытка встрѣчаетъ въ сознаніи сильное сопротивленіе. Однако же, съ помощью нѣкотораго усилія онъ можетъ вообразить себѣ, что вода переходитъ въ твердое состояніе при тем-

[1]) Princ. of Psych. II, 448, p. n. IV, 146.

пературѣ высшей, чѣмъ теплота крови, а поэтому онъ можетъ думать о водѣ застывающей какъ теплой, а не холодной". Я не думаю, чтобы Спенсеръ отрицалъ, что опытъ, дающій ему возможность „вообразить, что вода переходитъ въ твердое состояніе при температурѣ высшей, чѣмъ температура крови", долженъ быть несравненно сложнѣе, чѣмъ опытъ какого угодно животнаго. И судя по этому примѣру, я расположенъ думать, что и мыслимость для человѣческаго сознанія сочетанія представленій, противорѣчащаго предложенію „солнце свѣтитъ" и т. п., по взгляду Спенсера, должна предполагать опытъ еще болѣе сложный и развитый, чѣмъ мыслимость противорѣчія предложенію „ледъ холоденъ". И отсюда должно опять слѣдовать, что въ классъ необходимо мыслимыхъ положеній для животныхъ какихъ бы то ни было видовъ, должно, по мнѣнію Спенсера, во всякомъ случаѣ войти много такого, что никакъ не подойдетъ подъ ту необходимую мыслимость, за которой онъ находитъ возможнымъ признать значеніе критерія достовѣрности.

Такъ является у насъ первое ограниченіе устанавливаемаго Спенсеромъ соотвѣтствія неразрывныхъ ассоціацій съ абсолютными законами бытія. На это соотвѣтствіе могли бы, очевидно, претендовать, по Спенсеру, исключительно только неразрывныя ассоціаціи въ человѣческомъ сознаніи. Но какъ скоро это ограниченіе открыто признано и опредѣленно выражено, оно тотчасъ же ведетъ за собою другое болѣе важное ограниченіе.

3.

Выше мы видѣли, что, по Спенсерову разъясненію принимаемаго имъ общаго закона соотвѣтствія внутреннихъ отношеній отношеніямъ внѣшнимъ, соотвѣтствіе всѣхъ безъ исключенія степеней связи внутреннихъ состояній подобнымъ же степенямъ связи между внѣшними реальностями можетъ достигаться только по мѣрѣ развитія сознанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣтили у Спенсера какъ бы нѣкоторое стремленіе поставить соотвѣтствіе высшихъ безусловныхъ ассоціативныхъ связей безусловнымъ законамъ реальностей въ особое исключительное положеніе. Онъ какъ будто расположенъ думать, что достиженіе тѣми или другими ассоціаціями абсолютнаго характера не указываетъ только на тѣ ассоціаціи, которыя на этой ступени развитія сознанія съ наибольшимъ правомъ могутъ претендовать на значеніе абсолютныхъ законовъ, а превращаетъ ихъ въ дѣйствительно безу-

словныя истины; а поэтому на явно обнаруживающееся на низшихъ формахъ психической жизни несоотвѣтствіе абсолютныхъ ассоціацій абсолютнымъ законамъ онъ, повидимому, смотритъ какъ на особое исключеніе, возможное лишь тамъ, гдѣ психическія состоянія недостаточно обособились еще отъ физическихъ, не получили характера въ собственномъ смыслѣ психическихъ явленій.

Но теперь мы знаемъ, что Спенсеръ не можетъ не признавать, что абсолютныя связи внутреннихъ состояній могутъ оказываться не соотвѣтствующими абсолютнымъ связямъ реальностей не только въ тѣхъ случаяхъ, когда ассоціируемыя состоянія, какъ это предполагается при рефлексахъ и инстинктахъ, недостаточно обособились отъ состояній физическихъ, и не только у какихъ либо низшихъ одушевленныхъ существъ, но и въ такихъ случаяхъ, когда внутреннія состоянія явно выступаютъ, какъ представленія, и во всѣхъ безъ исключенія видахъ животнаго царства. И такъ какъ этотъ фактъ въ философіи эволюціи можетъ объясняться только подъ условіемъ признанія ею, что точное соотвѣтствіе абсолютныхъ связей представленій абсолютнымъ связямъ реальностей фактически можетъ достигаться лишь по мѣрѣ развитія сознанія, то отсюда ясно, что и абсолютныя связи представленій по Спенсеровой философіи не должны составлять исключенія изъ принимаемаго Спенсеромъ указаннаго выше общаго ограниченія познавательнаго значенія ассоціацій вообще.

Но признать, что точное соотвѣтствіе абсолютныхъ связей внутреннихъ состояній абсолютнымъ связямъ внѣшнихъ реальностей можетъ достигаться лишь по мѣрѣ эволюціи сознанія, это значитъ признать, что по крайней мѣрѣ вполнѣ обезпеченнымъ это соотвѣтствіе можетъ считаться только тогда, когда сознаніемъ будетъ достигнуто полное совершенство. И когда Спенсеръ разъясняетъ общее ограниченіе закона соотвѣтствія внутреннихъ отношеній внѣшнимъ, онъ хорошо видитъ эту послѣдовательность. Объ этомъ законѣ онъ говоритъ [1]): „это есть законъ психической дѣятельности, разсматриваемой абстрактно, а не законъ именно *нашей* психической дѣятельности или какой нибудь психической дѣятельности, съ которой мы знакомы. Это есть законъ, съ которымъ психическія перемѣны сообразуются все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ психическое развитіе становится все выше и выше, но съ которымъ сообразоваться вполнѣ можетъ только вполнѣ совершенный интеллектъ“. Если же это такъ, то мысль о неразрыв-

[1]) Princ. of Psych. I, 416, русск. пер. II, 133.

ныхъ ассоціаціяхъ человѣческаго сознанія, какъ о вполнѣ достовѣрномъ ручательствѣ истины была бы, конечно, прямымъ противорѣчіемъ устанавливаемому Спенсеромъ общему ограниченію закона сознанія.

На чемъ, въ такомъ случаѣ, могла бы опираться эта мысль? Спенсеръ ссылается на опытъ милліоновъ поколѣній, въ результатѣ котораго явились человѣческія неразрывныя ассоціаціи. Но вѣдь то же основаніе можно привести въ пользу безусловной истинности неразрывныхъ ассоціацій какихъ угодно видовъ животнаго царства, продолжающихъ существовать до нашего времени. Онъ предполагаетъ, конечно, что человѣкъ составляетъ высшую форму изъ всѣхъ непосредственно данныхъ въ нашемъ опытѣ одушевленныхъ существъ. И отсюда онъ могъ бы, несомнѣнно, на основаніи своей теоріи эволюціи сознанія съ правомъ заключать, что неразрывныя ассоціаціи человѣческаго сознанія должны точнѣе отвѣчать абсолютнымъ законамъ реальности, чѣмъ ассоціаціи какого угодно изъ видовъ животнаго царства. Но вѣдь съ переходомъ въ человѣческую форму эволюціонирующее сознаніе не сдѣлалось вполнѣ совершеннымъ интеллектомъ ни фактически, ни, конечно, по ученію Спенсера. Слѣдовательно точное соотвѣтствіе абсолютныхъ связей внутреннихъ состояній абсолютнымъ связямъ внѣшнихъ и здѣсь вполнѣ обезпеченнымъ признать нельзя.

Съ другой стороны, въ самой исторіи рода человѣческаго постоянно совершалось и совершается расширеніе и усложненіе знанія. Спенсеръ желаетъ въ исторіи интеллектуальнаго развитія рода человѣческаго видѣть процессъ, совершенно однородный съ процессами развитія всѣхъ живыхъ существъ, представляющими въ своей общей совокупности постепенную эволюцію сознанія; онъ разсматриваетъ первый, какъ простое продолженіе послѣднихъ, находя только, что общій тамъ и здѣсь прогрессъ соотвѣтствій внутреннихъ отношеній внѣшнимъ въ пространствѣ, во времени, въ спеціальности, въ общности и въ сложности идетъ въ жизни человѣчества, особенно въ наукѣ, быстрѣе и энергичнѣе, чѣмъ въ дочеловѣческіе періоды эволюціи сознанія [1]). Но пусть все это такъ и будетъ. И все же и этого было бы совершенно достаточно для того, чтобы признать непослѣдовательнымъ провозглашеніе неразрывныхъ ассоціацій представленій въ человѣческомъ сознаніи за совершенно достовѣрное ручательство истины,— было бы достаточно даже и въ томъ случаѣ, если бы мы забыли о

[1]) Princ. of Psych. I. 317, 318—319, 326—327, 339—341, 348—349, 362—366 368—369, p. n. II. 27—28, 29—30, 37—38, 50—52, 60—61, 75—80, 82—83.

Спенсеровомъ ограниченіи его общаго закона соотвѣтствія внутреннихъ отношеній внѣшнимъ. Если несомнѣнно, что прогрессъ въ установкѣ соотвѣтствія внутреннихъ отношеній внѣшнимъ способенъ былъ сопровождаться въ дочеловѣческіе періоды эволюціи сознанія обнаруженіемъ несостоятельности неразрывныхъ ассоціацій, то какое же право имѣли бы мы утверждать, что того же не можетъ послѣдовать въ человѣческой исторіи, когда къ тому же признается, что этотъ процессъ идетъ здѣсь еще быстрѣе и рѣшительнѣе? Сплавить въ одну философскую систему послѣдовательную теорію эволюціи знанія съ ученіемъ о его безусловной достовѣрности въ его высшихъ посылкахъ, очевидно, не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Устанавливая за неразрывными ассоціаціями человѣческаго сознанія значеніе совершенно надежнаго ручательства истины, могъ ли Спенсеръ считать себя по крайней мѣрѣ гарантированнымъ отъ столкновенія съ прямыми отрицательными инстанціями, т. е., съ такими фактами, которые прямо противорѣчили бы ученію о безусловной надежности неразрывныхъ ассоціацій человѣческаго сознанія?

Съ этимъ вопросомъ Спенсеръ долженъ былъ встрѣтиться при своей полемикѣ съ Миллемъ, который, отрицая познавательное значеніе необходимо мыслимыхъ положеній, хотѣлъ, какъ мы знаемъ, доказывать ихъ недостовѣрность на случаяхъ, когда ссылки на немыслимость оказывались несостоятельными. И Спенсеру, какъ философу, который признавалъ необходимую мыслимость критеріемъ истины, конечно, было необходимо для защиты этого критерія поставить внѣ сомнѣнія, что необходимая мыслимость, на которую ссылались въ этихъ случаяхъ, не была на самомъ дѣлѣ необходимою мыслимостію, и только ошибочно принималась за нее.

Выше при критикѣ взглядовъ Милля было разъяснено, что всѣ факты, приводимые Миллемъ для доказательства того, что необходимо мыслимое можетъ позднѣе потерять для сознанія значеніе необходимо мыслимаго и даже быть признано за ложное, по его же другимъ разъясненіямъ оказывались такими случаями, гдѣ люди ошибочно принимали за немыслимое то, что было на самомъ дѣлѣ для нихъ только неимовѣрнымъ. Казалось бы, Спенсеръ могъ прямо опереться на эти разъясненія Милля. Однако, онъ этого не дѣлаетъ. Онъ цитуетъ возраженіе Милля по такому мѣсту его логики, въ которомъ нѣтъ никакого намека на то, что отрицательныя инстанціи толкуются самимъ Миллемъ, какъ примѣры ссылокъ на мнимую, а не на дѣйствительную

немыслимость. И онъ не только не дѣлаетъ никакихъ сопоставленій высказываемаго въ этомъ мѣстѣ Миллева взгляда съ взглядами, высказанными имъ въ другихъ мѣстахъ, но и совсѣмъ не говоритъ о существованіи у Милля мнѣнія о томъ, что неудачныя ссылки на немыслимость были на самомъ дѣлѣ только ссылками на неимовѣрность. Можетъ быть, онъ не говоритъ объ этомъ потому, что самъ не дѣлалъ подобныхъ сопоставленій мнѣній Милля, можетъ быть по какой-нибудь другой причинѣ, это для насъ не важно. Но для насъ существенно важно указать на то, что ссылка Спенсера на мнѣніе Милля о характерѣ необходимой мыслимости въ приводимыхъ имъ отрицательныхъ инстанціяхъ была бы для Спенсера мало полезна. Она могла бы, правда, хорошо доказывать, что Миллева критика познавательнаго значенія необходимой мыслимости не достигаетъ своей цѣли; но она не могла бы помочь Спенсеру въ установкѣ его собственнаго взгляда на отрицательныя инстанціи. Дѣло въ томъ, что послѣдовательность въ проведеніи эмпиристическаго взгляда на происхожденіе необходимой мыслимости повела у Спенсера къ тому, что понятіе о ней въ его философіи должно было сдѣлаться на столько шире, чѣмъ оно было у Милля, что подъ него могло подходить многое, что не могло подходить подъ то же понятіе у Милля.

Сознавая необходимость предоставить широкое значеніе выводному процессу въ образованіи самыхъ неразрывныхъ ассоціацій, Спенсеръ не можетъ отъ того постояннаго совпаденія двухъ явленій въ воспріятіи, которое по эмпиризму считается необходимымъ условіемъ образованія неразрывной ассоціаціи между ними, требовать, чтобы оба эти явленія постоянно были выражены въ терминахъ ощущеній, и долженъ допускать возможность образованія необходимой мыслимости и въ томъ случаѣ, когда изъ двухъ постоянно совпадающихъ въ воспріятіи явленій одно бываетъ выражено въ формѣ простаго представленія. А между тѣмъ, по ученію Милля, ассоціація теряла свою безусловную неразрывность, какъ скоро появленіе одного изъ ассоціировавшихся явленій въ формѣ ощущенія не соединялось съ появленіемъ другого въ той же формѣ. И происходящее отсюда расширеніе объема понятія необходимой мыслимости у Спенсера было до того очевидно, что при самомъ своемъ разъясненіи отрицательныхъ инстанцій онъ долженъ былъ замѣтить, что онъ не всему тому отказываетъ въ необходимой мыслимости, чему отказываетъ въ ней Милль [1]).

[1]) Princ. of Psych. II, 409 p., п. IV, 107—108 примѣч. Здѣсь Спенсеръ отстаиваетъ противъ Милля необходимую мыслимость посредствующей среды при дѣйствіяхъ

Сверхъ того Спенсеръ, какъ мы видѣли при изложеніи его гносеологіи, указывая на огромную роль ассоціацій при воспріятіи частныхъ фактовъ, послѣдовательно требовалъ и здѣсь отличенія абсолютныхъ сочетаній отъ сочетаній, не имѣющихъ абсолютнаго характера. Въ этомъ случаѣ абсолютность сочетанія получала такой смыслъ, какой вовсе не могъ имѣться въ виду у Милля при его полемикѣ противъ обыкновенныхъ ссылокъ на необходимую мыслимость. При абсолютности сочетаній опредѣленныхъ явленій въ извѣстномъ опредѣленномъ актѣ воспріятія дѣло шло уже не объ абсолютной связи двухъ явленій вообще въ сознаніи человѣка, а единственно о безусловной связи ихъ въ опредѣленномъ единичномъ актѣ воспріятія, т. е. предполагалось, что въ опредѣленномъ актѣ воспріятія могли абсолютно соединяться даже и такія явленія, которыя въ другіе моменты жизни сознанія, даже въ другихъ актахъ того же воспріятія могли встрѣчаться разъединенными другъ съ другомъ. Въ приводимыхъ Миллемъ примѣрахъ неудачныхъ ссылокъ на немыслимость имѣлась въ виду собственно связь явленій въ сознаніи вообще, а не въ опредѣленномъ актѣ воспріятія. Однако, не нужно забывать, что въ основаніи считавшихся необходимо мыслимыми положеній по эмпиристической гносеологіи могли лежать только частные факты воспріятія, взятые въ томъ или другомъ ихъ истолкованіи. А поэтому вопросъ о томъ, была ли для древнихъ необходимая мыслимость того или другого положенія мнимой или дѣйствительной, легко могъ переходить въ другой вопросъ, были ли для нихъ эти частные факты воспріятія, взятые въ опредѣленномъ ихъ истолкованіи, сами абсолютными ассоціативными соединеніями или не были?

Наконецъ, Спенсеръ опять совершенно послѣдовательно съ эмпиристической точки зрѣнія и выводы сводитъ къ ассоціативно образовавшимся необходимымъ мыслимостямъ, чего у Милля сколько-нибудь опредѣленно развито не было. И это обстоятельство, какъ увидимъ, привело самаго Спенсера къ признанію недостовѣрности такихъ необходимыхъ мыслимостей, относительно которыхъ Милль совсѣмъ не имѣлъ повода высказываться, должны ли онѣ считаться мнимыми или дѣйствительными.

Поэтому Спенсеру предстояло самому съ точки зрѣнія своей соб-

---

тѣлъ другъ на друга на разстояніи. Но онъ могъ бы также указать, напримѣръ, на законы причинности, неуничтожимости матеріи и пр., которые онъ признаетъ необходимо мыслимыми, тогда какъ Милль отказывалъ имъ въ этой необходимой мыслимости.

ственной системы попытаться поставить внѣ сомнѣнія необходимую для оправданія его критерія достовѣрности мысль, что сужденія, нѣкогда признававшіяся необходимо мыслимыми, а позднѣе не оказавшіяся такими и даже признанныя ложными, ошибочно считались за необходимо мыслимыя. Вопросъ въ томъ: сдѣлалъ ли онъ это?

Объ этихъ сужденіяхъ Спенсеръ, ссылаясь на свое ученіе о сужденіяхъ простыхъ и сложныхъ, изложенное въ главѣ 10, II книги Основаній Психологіи, говоритъ: [1]) испытаніе истинности положенія чрезъ сознаніе мыслимости или немыслимости его отрицанія „не можетъ быть законнымъ образомъ примѣняемо къ сложному сужденію, подлежащее и сказуемое котораго находятся не въ прямомъ отношеніи, но связаны между собою посредствомъ многихъ подразумѣвающихся предложеній. Слѣдовательно, на это критическое возраженіе Милля мой отвѣтъ будетъ таковъ, что тѣ предложенія, которыя ошибочно принимались за несомнѣнныя вслѣдствіе того, что они будто бы выдержали испытаніе посредствомъ принимаемаго мною критерія, были предложенія сложныя, къ которымъ этотъ критерій не приложимъ, и что никакія заблужденія, возникшія отъ неправильнаго приложенія этого критерія, не могутъ считаться говорящими противъ правильнаго его приложенія“.

Убѣжденіе въ истинности сужденія, основанное на его необходимой мыслимости, заключаетъ въ себѣ, конечно, два момента: во-первыхъ, признаніе сужденія необходимо мыслимымъ; во-вторыхъ, вѣру въ общее положеніе, что всякое необходимо мыслимое сужденіе истинно. Такъ какъ вѣра въ это общее положеніе должна раздѣляться самимъ Спенсеромъ, то приведенное сейчасъ его объясненіе ошибочнаго убѣжденія въ истинности сужденій, опиравшихся на ихъ необходимую мыслимость, очевидно, направлено противъ перваго момента въ этомъ убѣжденіи, противъ признанія этихъ сужденій необходимо мыслимыми, т. е. касается того самаго пункта, который существенно важенъ для его ученія о критеріи достовѣрности. Но Спенсеръ непосредственно старается доказать не ошибочность этого признанія, а только его незаконность.

Но незаконность установки необходимой мыслимости сужденія сама по себѣ еще не исключаетъ для сужденія возможности быть дѣйствительно необходимо мыслимымъ. О Спенсерѣ нельзя сказать, что онъ совсѣмъ отрицаетъ даже и законность примѣненія критерія необходи-

[1]) Princ. of Psych. II. 409—410, р. пер. IV, 108.

мой мыслимости при доказательствѣ сужденій сложныхъ, подлежащее и сказуемое которыхъ связаны другъ съ другомъ не непосредственно, а посредствомъ другихъ положеній. Не только сужденія непосредственно очевидныя, но и всѣ выводы по его ученію основываются на необходимой мыслимости, а между тѣмъ выводное сужденіе отъ сужденія непосредственно очевиднаго тѣмъ и отличается, что необходимая мыслимость связи между его субъектомъ и предикатомъ предполагается не очевидною непосредственно, а устанавливаемою съ помощію другихъ посредствующихъ положеній. Спенсеръ признаетъ, такимъ образомъ, незаконной установку необходимой мыслимости сложнаго сужденія только въ томъ случаѣ, когда эта установка производится непосредственно на сложномъ сужденіи, т. е. когда посредствующія сужденія только подразумѣваются, а отчетливо не ставятся сознаніемъ и критически не провѣряются каждое въ отдѣльности непосредственнымъ примѣненіемъ къ нимъ критерія. И тотчасъ послѣ выписанныхъ словъ ставя своею цѣлію точнѣе разъяснить, что онъ разумѣетъ подъ правильнымъ примѣненіемъ своего критерія, для того, чтобы не оставалось „никакой возможности для неправильнаго пониманія“, онъ между прочимъ выражаетъ ту мысль [1]), что „только простыя усмотрѣнія (percepts) и представленія таковы, что ихъ отношенія могутъ быть удостовѣрены непосредственнымъ сознаніемъ, и... только посредствомъ разложенія на такія простыя усмотрѣнія и представленія можетъ быть достигнуто истинное сужденіе касательно сложныхъ усмотрѣній и представленій“. И въ примѣръ сужденія, которое не можетъ быть установлено непосредственно, т. е. при помощи прямого сравненія двухъ состояній сознанія, приводится имъ здѣсь геометрическое положеніе, необходимая мыслимость котораго, несомнѣнно, и по его взгляду могла быть установлена, именно положеніе, что квадратъ гипотенузы прямоугольнаго треугольника равняется суммѣ квадратовъ остальныхъ его двухъ сторонъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что непосредственная установка необходимой мыслимости сложнаго сужденія можетъ считаться имъ незаконной только потому, что при простомъ подразумѣваніи положеній, на которыхъ основывается въ сложномъ сужденіи связь между подлежащимъ и сказуемымъ, то или другое изъ этихъ подразумѣвающихся положеній можетъ въ дѣйствительности не достигать самой полной необходимой мыслимости и все же сужденіе, предполагающее для своей необходимой мыслимости

[1]) Princ. of Psych. II. 411, p. n. IV. 110.

его необходимую мыслимость и связанное со всѣми подразумѣвающимися при немъ положеніями тѣсной ассоціативной связью, можетъ иллюзорно показаться сознанію необходимо мыслимымъ. Если же все это такъ, то Спенсеромъ никакъ не можетъ отрицаться, что среди сложныхъ сужденій, которыя при непосредственномъ примѣненіи къ нимъ его критерія могутъ незаконно быть признаны необходимо мыслимыми, могутъ существовать и такія, при которыхъ подразумѣваемыя сужденія всѣ могутъ быть дѣйствительно необходимо мыслимыми для сознанія, въ которомъ совершается это незаконное примѣненіе критерія. Конечно, это примѣненіе и въ этомъ случаѣ справедливо должно считаться незаконнымъ, такъ какъ совершается безъ отчетливой и сознательной провѣрки каждаго изъ положеній, связующихъ субъектъ и предикатъ подлежащаго испытанію сужденія. Тѣмъ не менѣе необходимая мыслимость этого сужденія, хотя и устанавливаемая при незаконныхъ условіяхъ, фактически будетъ, очевидно, въ этомъ случаѣ не мнимой, а дѣйствительной, такъ какъ ассоціаціи, которыя производятъ сознаніе ея, будутъ таковы, что не только фактически будутъ сопровождаться этимъ законно непровѣреннымъ сознаніемъ, но будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ способны при отчетливой и сознательной провѣркѣ ихъ оправдать сознававшуюся необходимую мыслимость принимаемаго подъ ихъ несознательнымъ вліяніемъ сужденія.

Поэтому, если бы вышеприведеннымъ Спенсеровымъ объясненіемъ и дѣйствительно доказывалась незаконность примѣненія критерія немыслимости къ сужденіямъ, ошибочно считавшимся истинными вслѣдствіе сознанія немыслимости ихъ отрицанія, то этого все же было бы недостаточно для того, что бы поставить внѣ всякаго сомнѣнія существенно важную для ученія Спенсера о критеріи достовѣрности мысль, что необходимая мыслимость этихъ сужденій была не дѣйствительною, а мнимою. Для этого, очевидно, Спенсеру было необходимо вскрыть тѣ положенія, которыя должны были подразумѣваться при этихъ незаконныхъ ссылкахъ древнихъ писателей на немыслимость, и указать на тѣ изъ этихъ подразумѣваній, которыя съ точки зрѣнія принимаемыхъ имъ условій образованія немыслимости не могли даже и въ то время считаться необходимо мыслимыми.

Но дѣйствительно ли Спенсеромъ доказана даже и та мысль, которая прямо выражена въ его объясненіи, именно, что къ сужденіямъ, ошибочно считавшимся истинными за свою необходимую мыслимость, незаконно былъ примѣненъ критерій этой необходимой мыслимости?

Не будемъ разбирать общее положеніе, на которомъ основывается у Спенсера эта мысль. Пусть къ сложнымъ сужденіямъ непосредственное примѣненіе критерія немыслимости должно быть признано незаконнымъ. Но мы спрашиваемъ: на какомъ основаніи Спенсеръ можетъ утверждать, что оказавшіяся ошибочными сужденія, признававшіяся необходимо мыслимыми, были сужденіями сложными для сознанія тѣхъ лицъ, которыя примѣняли къ нимъ этотъ критерій?

Выводя незаконность примѣненія къ этимъ сужденіямъ критерія немыслимости, Спенсеръ подъ сложными сужденіями разумѣетъ такія, субъектъ и предикатъ которыхъ не связаны въ сознаніи прямо и непосредственно другъ съ другомъ. Прямая связь между субъектомъ и предикатомъ въ сознаніи по гносеологіи Спенсера производится образовавшейся ассоціаціей между ними, а связь необходимая—неразрывной ассоціаціей. Для рѣшенія вопроса, были ли субъектъ и предикатъ этихъ сужденій связаны прямою связью въ сознаніи лицъ, считавшихъ эти сужденія необходимо мыслимыми, Спенсеру всего естественнѣе, повидимому, было обратиться къ косвенному признаку, къ разъясненію того, достаточны ли были условія для образованія этой прямой связи въ сознаніи этихъ лицъ. По его философіи прямая неразрывная связь между субъектомъ и предикатомъ сужденія, требующая непосредственной неразрывной ассоціаціи между ними, должна получиться тогда, когда постоянно въ продолженіе долгихъ періодовъ вліяли на сознаніе такія сочетанія явленій, которыя укрѣпляли ассоціацію между ними, и въ то же время опытъ не давалъ никакихъ поводовъ къ образованію сочетаній, противорѣчащихъ ассоціаціи. И Спенсеру для доказательства сложности сужденій, о которыхъ идетъ рѣчь, слѣдовало доказать, что не существовало этихъ условій необходимыхъ для образованія неразрывной ассоціаціи между субъектомъ и предикатомъ этихъ сужденій въ сознаніи лицъ, считавшихъ эти сужденія необходимо мыслимыми. Въ дѣйствительности у Спенсера не находимъ ничего подобнаго. Онъ даже вовсе не представляетъ никакого доказательства сложности этихъ сужденій. Она просто утверждается имъ аподиктически, какъ истина совершенно очевидная. Но если подъ сложностью сужденія разумѣть единственно и исключительно только ту зависимость связи субъекта и предиката сужденія по ея достовѣрности для сознанія отъ другихъ сужденій, которая необходима Спенсеру для того, чтобы признать незаконность непосредственнаго примѣненія къ сужденію критерія немыслимости, тогда признать сужденіе сложнымъ на основаніи простой очевидности

можно бы было лишь въ томъ случаѣ, если бы связь между его субъектомъ и предикатомъ непосредственно сознавалась какъ не прямая, а зависящая отъ вѣры въ другія сужденія. Но что касается тѣхъ самыхъ лицъ, объ основаніяхъ убѣжденія которыхъ въ подобныхъ сужденіяхъ ставился вопросъ, то на сознаніе ими сложности этихъ сужденій Спенсеру, конечно, сослаться нельзя. Вѣдь лица, которыя признавали сужденія, оказавшіяся позднѣе ошибочными, за необходимо мыслимыя, признавали это, какъ предполагается Спенсеромъ, вслѣдствіе непосредственнаго примѣненія къ этимъ сужденіямъ критерія немыслимости ихъ отрицанія. А этого не могло бы быть, если бы субъекты и предикаты этихъ сужденій представлялись для ихъ сознанія непосредственно не связанными другъ съ другомъ, а отнесенными другъ къ другу на основаніи другихъ сужденій. Признать то или другое сужденіе необходимо мыслимымъ съ помощью непосредственнаго примѣненія къ нему Спенсерова критерія достовѣрности,—вѣдь это съ точки зрѣнія Спенсеровой гносеологіи, я полагаю, и можетъ только значить—признать прямую неразрывную связь между субъектомъ и предикатомъ этого сужденія путемъ непосредственнаго сознанія ея неразрывности. Поэтому Спенсеръ, утверждая сложность сужденій, признававшихся необходимо мыслимыми и оказавшихся ложными, безъ всякихъ доказательствъ, какъ истину очевидную, могъ бы опираться лишь на болѣе развитое научно сознаніе новаго времени, для котораго эти сужденія уже не кажутся необходимо мыслимыми. Но въ такомъ случаѣ при его объясненіи отрицательныхъ инстанцій, очевидно, уже подразумѣвалась бы въ качествѣ неизбѣжной посылки, принятой на вѣру, та самая мысль, которую онъ именно и долженъ былъ защищать противъ отрицательныхъ инстанцій, именно та мысль, что ассоціаціи, достигшія нѣкогда неразрывности въ исторіи человѣческаго сознанія, не могли потерять этой неразрывности въ наше время при расширеніи опыта. Понятно, что Спенсерово объясненіе потеряло бы при такомъ предположеніи всякое значеніе.

У Спенсера можно прослѣдить такую послѣдовательность мыслей, хотя выраженную и недостаточно отчетливо и опредѣленно, которая повидимому можетъ сдѣлать для насъ понятнымъ, почему онъ могъ, даже не допуская никакихъ предвзятыхъ предположеній, счесть себя въ правѣ безъ всякихъ доказательствъ, аподиктически отнести къ сужденіямъ сложнымъ сужденія, признававшіяся нѣкогда необходимо мыслимыми и оказавшіяся ложными.

О зависимости связи между подлежащимъ и сказуемымъ того или

другого сужденія отъ другихъ положеній мы можемъ говорить не въ томъ только случаѣ, когда хотимъ опредѣлить условія достовѣрности сужденія или приписываемаго ему познавательнаго значенія, но и въ томъ, когда хотимъ просто разъяснить условія его первоначальнаго образованія. Сужденія, въ которыхъ утверждается такая связь субъекта съ предикатомъ, которая не могла возникнуть въ сознаніи иначе какъ черезъ посредство другихъ сужденій, намъ ничто не препятствуетъ называть, подобно сужденіемъ, зависящимъ отъ другихъ положеній по своей достовѣрности, также сложными сужденіями. Въ такомъ случаѣ на эмпиристической точкѣ зрѣнія самыми простѣйшими сужденіями должны будутъ назваться такія, которыя выражали бы такую связь ощущеній, которая могла бы быть дана для самаго не развитаго, первоначальнаго сознанія, т. е. которая для своей данности въ опредѣленномъ видѣ не нуждалась бы ни въ какихъ предварявшихъ ее познавательныхъ актахъ. Сужденія, выражающія огромное большинство обыкновенныхъ воспріятій нашего развитаго сознанія, должны были бы съ этой точки зрѣнія назваться сложными, и даже никакъ не въ незначительной степени сложными сужденіями, уже потому, что въ нихъ ощущенія, при психологическомъ анализѣ, постоянно оказываются соединенными съ представленіями о ранѣе бывшихъ ощущеніяхъ; а это предполагаетъ уже существовавшіе ранѣе въ сознаніи частные факты и притомъ въ такомъ количествѣ, что они успѣли образовать ассоціаціи, т. е. предполагаетъ цѣлый рядъ совершившихся уже познавательныхъ актовъ. А для психолога-ассоціаниста, который производитъ всѣ пространственныя отношенія, данныя въ воспріятіи, изъ непространственныхъ ощущеній, сужденія, выражающія наши обыкновенныя воспріятія, должны представляться, конечно, еще болѣе сложными. Общія сужденія, на сколько они образуются подъ вліяніемъ значительнаго количества прошедшихъ черезъ сознаніе частныхъ фактовъ, имъ непосредственно соотвѣтствующихъ, должны, конечно, представлять по этому взгляду еще большую сложность, такъ какъ сверхъ познавательныхъ процессовъ, предполагаемыхъ въ развитомъ сознаніи воспріятіемъ частныхъ фактовъ, они предполагаютъ еще множество прошедшихъ черезъ сознаніе самыхъ этихъ фактовъ. Но общія положенія не всегда образуются чрезъ вліяніе на сознаніе фактовъ, имъ непосредственно соотвѣтствующихъ. Ихъ установка часто происходитъ косвеннымъ путемъ, путемъ вліянія на сознаніе разнообразныхъ сложныхъ комбинацій другихъ, ранѣе образовавшихся положеній. Возникшія такимъ косвеннымъ путемъ сужденія должны, очевидно, оказаться

еще болѣе сложными, предполагающими огромное количество предшествующихъ познавательныхъ актовъ.

Понятно, что если различать сложныя сужденія отъ простыхъ со стороны условій образованія въ сознаніи той связи между субъектомъ и предикатомъ, которая утверждается въ сужденіи, то не будетъ никакой нужды доказывать сложность тѣхъ сужденій, которыя считались нѣкогда необходимо мыслимыми и оказались ошибочными. Такая сложность этихъ сужденій будетъ очевидна безъ всякаго доказательства.

Спенсеръ хочетъ отрицать законность непосредственнаго примѣненія къ этимъ сужденіямъ критерія немыслимости ихъ отрицанія. Это касалось условій достовѣрности сужденія, приписываемаго ему познавательнаго значенія и поэтому могло быть непосредственно поставлено въ связь только съ тою сложностью сужденій, которая касалась условій ихъ достовѣрности, т. е. съ зависимостью ихъ отъ другихъ сужденій со стороны этой достовѣрности. А поэтому оправдывать мысль о незаконности непосредственнаго примѣненія критерія къ тѣмъ или другимъ сужденіямъ сложностію ихъ по условіямъ ихъ образованія можно бы было лишь въ томъ случаѣ, если бы имѣлось право на эту сложность сужденія по условіямъ его образованія смотрѣть какъ на признакъ сложности сужденія по условіямъ его достовѣрности. Но подобный взглядъ, проведенный вполнѣ опредѣленно и во всей его послѣдовательности, стоялъ бы въ явномъ и рѣзкомъ противорѣчіи со всей гносеологіей Спенсера. Правда Спенсеръ учитъ, что сужденіе по самому существу своему есть актъ познаванія связи субъекта съ предикатомъ, вѣры въ эту связь. А поэтому условія образованія сужденія суть условія этого познаванія, этой вѣры. Совершенно понятно поэтому, что познавательная цѣнность сужденія по ученію Спенсера при самомъ его образованіи и вообще до тѣхъ поръ, пока условія образованія сужденія остаются и единственными или по крайней мѣрѣ важнѣйшими условіями вѣры въ связь соединяемыхъ въ немъ понятій зависитъ отъ познавательной цѣнности этихъ условій или тѣхъ ассоціацій, подъ вліяніемъ которыхъ сужденіе образовалось. Такимъ образомъ зависимость сужденія отъ другихъ сужденій по своему образованію въ указанныхъ предѣлахъ неизбѣжно должна совпадать по Спенсеру съ зависимостію его отъ нихъ и по своей достовѣрности. Но это совпаденіе, какъ сказано, можетъ, по ученію Спенсера, продолжаться лишь до того времени, пока условія образованія сужденія остаются и условіями вѣры въ него. Правда,

нарушенію этого совпаденія можно здѣсь и не придавать существеннаго значенія въ томъ случаѣ, когда измѣненіе въ условіяхъ вѣры въ связь предиката съ субъектомъ будетъ состоять только въ томъ, что вмѣсто положеній, подъ вліяніемъ которыхъ эта вѣра возникла, она найдетъ для себя болѣе твердую опору въ другихъ положеніяхъ. Разсматривая сужденія какъ актъ познанія или вѣры, мы все же будемъ имѣть возможность и на эти новыя положенія смотрѣть не только какъ на условія достовѣрности сужденія, но и какъ на условія образованія той формы или той степени вѣры, которую теперь представляетъ сужденіе. Но мы знаемъ, что существенная черта гносеологіи Спенсера въ томъ и состоитъ, что ею предполагается, что подъ вліяніемъ опыта связь между субъектомъ и предикатомъ, которая первоначально образовывалась подъ вліяніемъ другихъ сужденій, можетъ укрѣпляться до той неразрывности или необходимой мыслимости, которая дѣлаетъ ее, со стороны ея достовѣрности или усвояемаго ей познавательнаго значенія, совершенно независимой отъ другихъ сужденій, т. е. превращаетъ сложное по условіямъ своей достовѣрности сужденіе въ сужденіе простое. А между тѣмъ, конечно, это нисколько не мѣшаетъ психологическому анализу констатировать сложность этого сужденія по его происхожденію [1]). Такимъ образомъ сложное по условіямъ своего образованія сужденіе можетъ быть простымъ по условіямъ своей достовѣрности, и потому сложность по образованію не можетъ считаться признакомъ сложности по достовѣрности. Съ другой стороны счесть сложность сужденія по условіямъ его образованія признакомъ сложности сужденія по условіямъ его достовѣрности — это значитъ простыя по достовѣрности сужденія, которыя не нуждаются въ другихъ сужденіяхъ для усмотрѣнія связи между ними, ограничить тѣми сужденіями, которыя для своего образованія не нуждались ни въ какихъ другихъ сужденіяхъ.

---

[1]) Конечно даже и въ томъ случаѣ, когда то или другое сужденіе, достовѣрность котораго подлежитъ изслѣдованію, само не кристаллизировалось съ помощью неразрывной ассоціаціи въ одинъ нераздѣльный актъ познаванія, могутъ или даже должны въ развитомъ сознаніи кристаллизироваться въ такой актъ тѣ или другія изъ ближайшихъ или болѣе отдаленныхъ его посылокъ, такъ что оцѣнка познавательнаго его значенія все же не будетъ уже имѣть той сложности, какую она представляла бы при разложеніи его посылокъ на самые первоначальные элементы. Но и эту неточность совпаденія условій образованія сужденій съ условіями вѣры сознанія въ связь его субъекта съ предикатомъ мы здѣсь не беремъ во вниманіе какъ не существенную въ нашемъ вопросѣ.

Для Спенсера это означало бы не только свести всѣ послѣднія посылки знанія къ тому же, къ чему въ существѣ дѣла сводятся онѣ у Милля, т. е. къ воспріятіямъ отдѣльныхъ вещей, и не только требовать, подобно Миллю, сознательно методическаго обоснованія всякаго положенія, идущаго далѣе констатированія данныхъ въ воспріятіи частностей; но это значило бы для него итти въ этомъ направленіи гораздо далѣе Милля и требовать даже сведенія данныхъ непосредственно въ воспріятіи связей, какъ сложныхъ, къ первоначально даннымъ связямъ и не признавать достовѣрности ничего, что не было бы методически выведено изъ этихъ первоначально данныхъ связей. Отъ Спенсерова ученія о достовѣрности сужденій, субъектъ и предикатъ которыхъ связаны неразрывно, могло бы остаться въ такомъ случаѣ развѣ только требованіе испытывать достовѣрность этихъ первоначально данныхъ связей съ помощію критерія немыслимости. Но на дѣлѣ и этого не осталось бы. Признаніе законности непосредственнаго примѣненія этого критерія исключительно къ такимъ первоначально даннымъ связямъ было бы равносильно полному отрицанію возможности какого бы то ни было непосредственнаго примѣненія его, а слѣдовательно и возможности примѣненія его вообще. Дѣло въ томъ, что по Спенсерову анализу психической жизни постановка простѣйшаго ощущенія въ качествѣ точно опредѣленнаго по своему содержанію ощущенія предполагаетъ уже ранѣе существовавшіе ряды ощущеній, чрезъ безсознательное сличеніе, съ которыми ощущеніе должно впервые получить для сознанія свою опредѣленность. Вслѣдствіе этого дѣйствительно первичные акты ощущеній могутъ быть возстановлены для сознанія лишь путемъ заключеній изъ налично данныхъ, всегда уже сложныхъ актовъ. А эти заключенія, если непосредственное примѣненіе критерія возможно только къ первоначально данному, могли бы законно совершаться только чрезъ посредственное примѣненіе критерія, которое невозможно безъ предварительной непосредственной установки посылокъ и слѣдовательно не можетъ состояться безъ предварительной установки первоначально данныхъ ощущеній и связей между ними, которая сама не можетъ быть сдѣлана безъ этихъ заключеній. При томъ же первоначальныя связи, по послѣдовательности Спенсерова ученія, сами даже и не могутъ быть необходимо мыслимыми сочетаніями, такъ какъ необходимая мыслимость связей по его ученію можетъ быть только результатомъ продолжительнаго опыта, постепенно развившейся неразрывной ассоціаціи.

Понятно, что вполнѣ опредѣленно и послѣдовательно разсматри-

вать сложность сужденій по ихъ образованію какъ несомнѣнный признакъ сложности ихъ со стороны ихъ достовѣрности для Спенсера было невозможно. И тѣмъ не менѣе та послѣдовательность мыслей у Спенсера, которая, какъ мы сказали выше, дѣлаетъ повидимому понятнымъ оставленное имъ безъ всякаго доказательства утвержденіе сложности сужденій, считавшихся необходимо мыслимыми и оказавшихся ложными, представляетъ именно нѣчто въ родѣ попытки связать сложность сужденія по достовѣрности съ сложностію его по образованію, но только не съ сложностію по образованію вообще, а съ очень значительною сложностію по образованію,—и при томъ попытки, развитой совсѣмъ не опредѣленно, а, наоборотъ, очень спутанно.

Выше приводя подлинныя слова Спенсера о незаконности непосредственнаго примѣненія его критерія къ сужденіямъ сложнымъ, я указывалъ на то, что онъ ссылается при этомъ на свои предшествующія разъясненія относительно сужденій простыхъ и сложныхъ. Обращаясь теперь къ этимъ разъясненіямъ, мы прежде всего видимъ, что онъ здѣсь, устанавливая это дѣленіе сужденій на простыя и сложныя, говоритъ [1]): „строго говоря, на свѣтѣ вовсе не существуетъ такой вещи, какъ абсолютно простое предложеніе, не подразумѣвающее ничего, кромѣ одного подлежащаго и одного сказуемаго, познаваемыхъ въ нѣкоторомъ взаимномъ отношеніи“. Отсюда дѣленіе сужденій на простыя и сложныя получаетъ слѣдующій смыслъ: „существуютъ предложенія, утверждающія безмолвно лишь очень немногимъ болѣе того, что они утверждаютъ открыто; и существуютъ другія предложенія, въ которыхъ то, что утверждается безмолвно, превосходитъ по своему количеству въ громадной степени то, что утверждается явно“. И это заставляетъ насъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что хотя въ приведенныхъ ранѣе словахъ Спенсера, въ которыхъ утверждается незаконность непосредственнаго примѣненія критерія его къ сужденіямъ сложнымъ, о простыхъ сужденіяхъ говорится только какъ о такихъ, въ которыхъ субъектъ и предикатъ стоятъ въ прямомъ взаимномъ отношеніи, однако и здѣсь не забывается о нѣкоторой сложности и этихъ простыхъ сужденій. О ней здѣсь косвенно намекается тѣмъ, что о сужденіяхъ сложныхъ говорится какъ о такихъ, въ которыхъ субъектъ и предикатъ при непрямомъ отношеніи другъ къ другу соединены другъ съ другомъ не просто черезъ подразумѣвающіяся положенія, а чрезъ многія подра-

[1]) Princ. of. Psych. II, 395, p. n. IV, 93.

зумѣвающіяся положенія. Очевидно сужденіямъ, которыхъ субъектъ и предикатъ соединены черезъ немногія подразумѣвающіяся сужденія, совсѣмъ не будетъ мѣста въ этой классификаціи, если не подразумѣвать ихъ, согласно сейчасъ переданному понятію Спенсера о сужденіяхъ простыхъ и сложныхъ, подъ сужденіями простыми.

Что же разумѣть подъ этими подразумѣвающимися при каждомъ сужденіи, какъ простомъ такъ и сложномъ, положеніями, только подразумѣвающимися не въ одинаковомъ количествѣ, при сужденіяхъ простыхъ въ очень незначительномъ, при сложныхъ въ очень значительномъ? Разумѣть ли подъ ними положенія, отъ которыхъ зависитъ связь субъекта и предиката главнаго сужденія по ея достовѣрности для сознанія, или положенія, отъ которыхъ она зависитъ по своему образованію и отъ которыхъ она можетъ оставаться, но можетъ и не оставаться зависимой по своей достовѣрности?

Само собою понятно, что если мы подъ этими подразумѣвающимися при каждомъ сужденіи положеніями будемъ разумѣть такія положенія, отъ которыхъ зависитъ достовѣрность для сознанія утверждаемой въ сужденіи связи субъекта съ предикатомъ, тогда бездоказательная аподиктичность Спенсерова причисленія къ сложнымъ сужденіямъ всѣхъ сужденій, считавшихся необходимо мыслимыми и оказавшихся ошибочными, для насъ не станетъ понятнѣе. Если мы, въ виду признанія этихъ сужденій древними за сужденія необходимо мыслимыя на основаніи свидѣтельства непосредственнаго сознанія, не можемъ, не входя въ разборъ условій, при которыхъ могла образоваться эта немыслимость по ученію о ней Спенсеровой философіи, утверждать даже того, что эти сужденія не были для древнихъ непосредственно необходимо мыслимыми, а скрывали позади себя другія, на которыя опирались со стороны своей достовѣрности, то еще менѣе, конечно, мы были бы въ правѣ безъ подобнаго же изслѣдованія утверждать, что они скрывали позади себя очень много подобныхъ положеній.

Но, повидимому, мы и не можемъ предположить того, чтобы Спенсеръ признавалъ подразумѣванія, существующія по его мнѣнію у всѣхъ сужденій, за такія положенія, отъ которыхъ зависитъ связь подлежащаго и сказуемаго по самой своей достовѣрности. Для него признать это значило бы признать, что совсѣмъ нѣтъ сужденій, къ которымъ его критерій могъ бы быть законно примѣненъ непосредственно. Вѣдь незаконнымъ непосредственное примѣненіе критерія немыслимости къ сложнымъ сужденіямъ потому именно и признается

Спенсеромъ, что утверждаемая такимъ сужденіемъ связь между подлежащимъ и сказуемымъ не есть связь непосредственно принадлежащая имъ и поэтому могущая быть непосредственно изъ нихъ усматриваемой по своей познавательной цѣнности, а зависитъ отъ другихъ сужденій, познавательная цѣнность которыхъ остается не испытанной. Но какъ скоро мы связь между подлежащимъ и сказуемымъ въ сужденіи сдѣлаемъ зависимой по ея познавательному значенію отъ такого рода подразумѣваній, которыя предполагаются при каждомъ сужденіи, то мы, очевидно, это основаніе для признанія незаконности непосредственнаго примѣненія Спенсерова критерія къ сложнымъ сужденіямъ перенесемъ на каждое сужденіе. А съ отрицаніемъ законности непосредственнаго примѣненія этого критерія къ какому бы то ни было сужденію, будетъ, конечно, невозможно и посредственное его примѣненіе, которое предполагаетъ предварительную установку достовѣрности посылокъ чрезъ непосредственное примѣненіе критерія. И когда Спенсеръ, признавая подразумѣванія при каждомъ сужденіи, тѣмъ не менѣе въ своемъ объясненіи Миллевыхъ отрицательныхъ инстанцій называетъ простыми сужденія, подлежащее и сказуемое которыхъ находятся въ прямомъ отношеніи другъ другу, то онъ этимъ самымъ, повидимому, совсѣмъ лишаетъ насъ права смотрѣть на эти подразумѣванія, какъ на такія положенія, отъ которыхъ зависитъ достовѣрность простого сужденія. Что другое въ этомъ случаѣ можетъ означать приписываемое субъекту и предикату простыхъ сужденій прямое взаимное отношеніе кромѣ отношенія, не зависимаго по своему познавательному значенію отъ другихъ сужденій, способнаго быть усмотрѣннымъ изъ нихъ самихъ?

У Спенсера есть и прямыя указанія на то, что подразумѣванія, предполагаемыя по его взгляду во всякомъ сужденіи, суть такія положенія, отъ которыхъ сужденіе зависитъ по своему образованію. Когда онъ различаетъ простыя и сложныя сужденія по количеству подразумѣвающихся при нихъ другихъ положеній, въ образецъ простого сужденія онъ беретъ [1]) сужденіе, выражающее простѣйшее воспріятіе (я чувствую боль), т. е. сужденіе, которое нуждается для самаго своего образованія въ наименьшемъ количествѣ предшествующихъ познавательныхъ актовъ. Въ числѣ подразумѣваній этого сужденія онъ указываетъ и на такія, которыя по какому угодно взгляду не могутъ относиться къ положеніямъ, отъ которыхъ могло бы стоять въ

[1]) Princ. of Psych. II, 395, p. n. IV, 93.

развитомъ сознаніи въ зависимости признаніе достовѣрности этого сужденія: таковы напримѣръ отнесенные къ подразумѣваніямъ сходные акты прежде испытанныхъ болей, „съ которыми я и классифицирую эту боль какъ сходную съ ними по своей общей природѣ“. Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ по поводу этого же дѣленія онъ между прочимъ выражаетъ даже ту мысль [1]), что „каждое общее предложеніе, утверждающее нѣчто о какомъ нибудь классѣ, есть въ высшей степени сложное предложеніе, потому что оно совокупляетъ въ себѣ множество предложеній, сдѣланныхъ порознь касательно индивидовъ этого класса“; а такое утвержденіе о *каждомъ* общемъ положеніи, при признаніи Спенсеромъ необходимой мыслимости многихъ изъ нихъ, могло быть сдѣлано лишь, когда дѣло идетъ о подразумѣваніяхъ, отъ которыхъ зависитъ сужденіе по своему образованію. Съ другой стороны на одномъ избранномъ имъ примѣрѣ сложнаго сужденія Спенсеръ хочетъ внушить читателю мысль о недостаточной достовѣрности именно сужденій сложныхъ, имѣющихъ очень много подразумѣваній, а также и о томъ, что связь субъекта и предиката въ этихъ именно сужденіяхъ оказывается недостаточно гарантированной отъ измѣненій [2]). И эти разъясненія можно толковать въ томъ смыслѣ, что въ нихъ выражается убѣжденіе Спенсера въ томъ, что меньшая сложность сужденій по ихъ образованію служитъ признакомъ простоты сужденія по условіямъ его достовѣрности, а наоборотъ большая сложность сужденія по образованію — признакомъ сложности его по условіямъ достовѣрности. Вслѣдствіе этого, повидимому, при его разъясненіи Миллевыхъ отрицательныхъ инстанцій, простымъ сужденіямъ уже прямо приписывается прямая связь субъекта съ предикатомъ, а сложнымъ не прямая. Конечно, при этомъ толкованіи Спенсерова взгляда бездоказательная аподиктичность утвержденія его, что сужденія, признававшіяся необходимо мыслимыми и оказавшіяся ложными, были сужденіями сложными, была бы во всякомъ случаѣ болѣе понятна.

Но при этомъ нужно замѣтить, что Спенсеръ нигдѣ сколько нибудь опредѣленно не выражаетъ своей мысли въ формѣ приданнаго ей сейчасъ толкованія, нигдѣ прямо не говоритъ о подразумѣвающихся при всѣхъ сужденіяхъ положеніяхъ какъ о такихъ, которыя относятся къ необходимымъ условіямъ его образованія и нигдѣ сколько нибудь опредѣленно не различаетъ этой сложности сужденія отъ сложности его

---

[1]) Princ. of Psych. II, 398, p. n. IV, 96.

[2]) Princ. of Psych. IV, 396—399, 400—402, p. n. IV, 94—97, 98—100.

по его достовѣрности. Такимъ образомъ эта мысль въ сознаніи Спенсера, повидимому, не отличалась отчетливостью представленій, въ нее входящихъ, и не получила вполнѣ послѣдовательнаго развитія. Но все же мы должны разсмотрѣть, не могла ли она принести Спенсеру пользу въ его борьбѣ съ отрицательными инстанціями.

Отожествленіе сужденій, имѣющихъ очень мало подразумѣваній, предполагаемыхъ ихъ образованіемъ, съ сужденіями простыми со стороны своей достовѣрности, допускающими законное примѣненіе Спенсерова критерія, а сужденій, имѣющихъ очень много такихъ подразумѣваній, съ сложными по своей достовѣрности, не допускающими законнаго примѣненія критерія, совершенно неудобно уже потому, что при немъ исчезаетъ опредѣленная грань между случаями законнаго и незаконнаго примѣненія критерія. Раздѣлить всѣ сужденія на два класса, принявъ за правило, что въ одномъ классѣ должны помѣщаться сужденія, имѣющія очень мало подразумѣваній, въ другомъ имѣющія ихъ очень много, конечно, нельзя. Спенсеръ повидимому предвидитъ недоразумѣніе, которое можетъ вызвать такое раздѣленіе; по крайней мѣрѣ онъ высказываетъ мысль, которая, повидимому, направлена на разрѣшеніе этого недоразумѣнія, хотя удовлетворительнымъ признать это разрѣшеніе нельзя. Устанавливая дѣленіе сужденій на простыя и сложныя, Спенсеръ говоритъ: „хотя самое простое предложеніе всегда соозначаетъ нѣкоторыя другія предложенія, тѣмъ не менѣе мы можемъ провести широкую демаркаціонную линію между нимъ и громадною массою предложеній, изъ которыхъ каждое дѣлаетъ множество утвержденій кромѣ того, которое оно дѣлаетъ явно“. Однако два эти класса предложеній, дѣйствительно, хорошо различались бы одинъ отъ другого, если бы наша задача состояла только въ томъ, чтобы въ одномъ изъ нихъ помѣстить положенія, заключающія въ себѣ ничтожное количество подразумѣваній, а въ другомъ положенія, заключающія въ себѣ значительное количество ихъ. Но едва-ли кто согласится, что демаркаціонная черта между двумя этими классами не будетъ вызывать никакихъ сомнѣній, когда отъ насъ потребовали бы, чтобы и всѣ положенія, которыя по количеству подразумѣваній должны занимать среднее мѣсто между этими классами, мы точно распредѣлили между ними же, руководясь тѣмъ же правиломъ, что въ одномъ изъ нихъ должны помѣщаться положенія, которыя имѣютъ очень мало подразумѣваній, а въ другомъ положенія, которыя имѣютъ ихъ очень много. При томъ же Спенсеру оказывается не очень труднымъ указывать положенія, ко-

торыя должны относиться къ простымъ, т. е. къ имѣющимъ очень малое количество подразумѣваній, только потому, что его понятіе объ этихъ подразумѣваніяхъ остается смутнымъ, колеблющимся между понятіемъ о такихъ положеніяхъ, отъ которыхъ зависитъ главное сужденіе по своей познавательной значимости, и такихъ, отъ которыхъ оно зависитъ по своему образованію. Сужденіе, которое выражаетъ воспріятіе наше бурыхъ пятенъ по бѣлому фону на тѣлѣ стоящей передъ нами коровы безъ всякаго затрудненія разсматривается имъ какъ сужденіе простое, имѣющее немного подразумѣваній. Но если для того, чтобы избѣгнуть изложенныхъ выше явныхъ противорѣчій отожествленія этихъ подразумѣваній съ положеніями, отъ которыхъ зависитъ сужденіе по своей достовѣрности, послѣдовательно провести мысль, что подъ ними разумѣются положенія, служившія неизбѣжными условіями образованія сужденія, то подразумѣваній при сужденіи о пестрой коровѣ окажется чрезвычайно много по психологическимъ взглядамъ Спенсера. И чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить его теорію образованія представленій о пространственныхъ отношеніяхъ.

Еже важнѣе другая сторона дѣла. Отожествленіе сужденій простыхъ и сложныхъ по условіямъ достовѣрности не прямо съ сужденіями простыми и сложными по условіямъ своего образованія, а съ сужденіями менѣе сложными и болѣе сложными, правда, дѣлаетъ взглядъ Спенсера свободнымъ отъ нѣкоторыхъ противорѣчій, которыя соединены съ полнымъ смѣшеніемъ сложности сужденія по образованію съ сложностію по достовѣрности, но далеко не отъ всѣхъ. Обратимся прежде къ отожествленію простыхъ по достовѣрности сужденій съ сужденіями менѣе сложными по образованію. Здѣсь возникаетъ вопросъ: почему между сужденіями, имѣющими немного подразумѣваній, не могло бы оказаться такихъ, которыхъ достовѣрность не достигла самостоятельности, а остается зависима отъ этихъ подразумѣваній? Почему между ними не могло бы оказаться такихъ, которыя кажутся необходимо мыслимыми, подобно Спенсеровымъ сложнымъ сужденіямъ, не отъ образовавшейся неразрывной связи непосредственно между ихъ субъектами и предикатами, а вслѣдствіе несознательно дѣйствующихъ на мысль связей ихъ съ тѣми или другими изъ этихъ подразумѣваній? Доказательствъ невозможности этого Спенсеръ не представляетъ, да ихъ и нельзя представить при его гносеологіи. Возьмемъ въ примѣръ одну изъ довольно обычныхъ иллюзій сознанія, которую испыталъ и я самъ. Бываютъ случаи, что люди,

которые въ первый разъ видятъ море и видятъ его издали, воспринимаютъ его какъ облако или тучу на горизонтѣ. Здѣсь происходитъ, очевидно, ошибочное пространственное распредѣленіе зрительныхъ ощущеній на зрительномъ полѣ: береговая морская линія принимается за линію горизонта; идущая отъ нея вдаль морская поверхность въ зрительномъ образѣ загибается по направленію къ зрителю надъ берегомъ и покрываетъ часть неба, прилегающую къ горизонту, такъ что та морская линія, которая при правильномъ воспріятіи должна быть линіей горизонта, оказывается наоборотъ ближайшею по направленію къ зрителю линіею облака. Я не думаю, чтобы Спенсеръ сталъ утверждать, что подобное расположеніе цвѣтовыхъ ощущеній при этомъ воспріятіи моря заключало въ себѣ подразумѣваній много болѣе, чѣмъ пространственное расположеніе бѣлыхъ и бурыхъ пятенъ при воспріятіи коровы въ представляемомъ имъ примѣрѣ сужденія, которое считается имъ за простое. Однако сужденіе, что видимая мною синяя масса есть (не море, а) облако, есть ошибочное сужденіе, и при томъ передаваемая этимъ сужденіямъ связь представленій точно также способна измѣниться въ продолженіи самаго воспріятія, т. е. обнаружить свою не абсолютность какъ это бываетъ, по разъясненію Спенсера, съ сложными сужденіями. Такимъ образомъ возведеніе всѣхъ сужденій, имѣющихъ очень не много подразумѣваній, въ рангъ сужденій простыхъ, которыхъ субъектъ и предикатъ стоятъ въ прямомъ взаимномъ отложеніи, совершенно произвольно. И поэтому не удивительно, что при выписанномъ нами выше Спенсеровомъ объясненіи Миллевыхъ отрицательныхъ инстанцій, гдѣ приходится Спенсеру фактически примѣнять къ дѣлу запутанныя понятія о простыхъ и сложныхъ сужденіяхъ, въ понятіи простыхъ ярко выступаетъ единственно прямое взаимное отношеніе между ихъ субъектами и предикатами, а на существованіе и при нихъ подразумѣваній намекается лишь косвенно чрезъ прибавку къ подразумѣваніямъ, характеризующимъ сложныя сужденія, слова „многихъ“. Правда, въ слѣдующемъ тотчасъ за этимъ объясненіемъ толкованіи законности и незаконности непосредственнаго примѣненія къ какимъ бы то ни было сужденіямъ критерія немыслимости, Спенсеръ для законности этого примѣненія требуетъ ограниченія его предложеніями, которыя уже не могутъ быть разлагаемы далѣе. И этимъ онъ какъ будто опять намекаетъ, что всякое положеніе, слѣдовательно и простое можетъ разлагаться и слѣдовательно содержитъ подразумѣванія. Но въ такомъ случаѣ высказаннымъ требованіемъ примѣнять

критерій только къ неразложимому отрицается законность непосредственнаго примѣненія критерія къ Спенсеровымъ простымъ сужденіямъ. Спенсеръ, очевидно, не взялъ во вниманіе, что, если здѣсь дѣло идетъ о разложеніи сужденій на такія подразумѣванія, которыя предполагаются во всякомъ сужденіи, то при этомъ разложеніи и процессъ убѣжденія въ простыхъ предложеніяхъ превратится въ выводной процессъ, который долженъ бы былъ считаться совсѣмъ излишнимъ для сужденій, субъектъ и предикатъ которыхъ находятся въ прямомъ отношеніи; и при томъ этотъ процессъ, при существованіи у каждаго сужденія подразумѣваній, долженъ оказаться неспособнымъ быть приведеннымъ къ концу. А если дѣло идетъ только о такихъ подразумѣваніяхъ, которыя при сложныхъ сужденіяхъ удостовѣряютъ въ связи подлежащаго съ сказуемымъ, не достигшей непосредственной неразрывности, то это требованіе ограниченія предложеній, къ которымъ законно примѣняется критерій, предложеніями, далѣе уже не разложимыми, будетъ излишнимъ тожесловіемъ; и разъяснять и доказывать Спенсеру нужно было не его, а то, что сужденія, признававшіяся необходимо мыслимыми и оказавшіяся ложными, были для сознанія лицъ, признававшихъ ихъ необходимую мыслимость, такими положеніями, которыхъ субъектъ и предикатъ не были неразрывно связаны между собою прямою ассоціаціею.

Что же касается до отожествленія сложныхъ по достовѣрности сужденій съ сужденіями, имѣющими очень много подразумѣваній, то если подъ этими подразумѣваніями разумѣть положенія, обусловливающія образованіе сужденій, то противорѣчіе этого отожествленія гносеологіи Спенсера окажется очень рѣзкимъ. По этой гносеологіи сужденія, имѣющія какую угодно сложность по своему генезису, послѣ постояннаго и продолжавшагося долгое время примѣненія своего въ сознаніи, могутъ вполнѣ превращаться въ такія сужденія, у которыхъ связь субъекта съ предикатомъ окажется основанною на непосредственной ассоціаціи между ними, способной достигать какой угодно неразрывности. И философія Спенсера признаетъ очень не мало сужденій, которыхъ образованіе должно считаться очень сложнымъ, такими, которыхъ субъектъ и предикатъ стоятъ въ прямомъ и необходимо мыслимомъ отношеніи между собою, т. е. связаны непосредственною и при томъ неразрывною ассоціаціею. Таковы аксіомы математики, самыя общія положенія естествознанія, которыя должны считаться очень сложными по генезису уже вслѣдствіе того, что они общія положенія; такова мысль объ объективности предметовъ внѣш-

няго воспріятія вслѣдствіе приписываемой ей Спенсеромъ чрезвычайно сложной косвенной установки.

Правда, Спенсеръ самъ, повидимому, указываетъ выходъ изъ этого наиболѣе яркаго противорѣчія. Уже послѣ всѣхъ этихъ разсужденій о простыхъ и сложныхъ предложеніяхъ и объ отрицательныхъ инстанціяхъ, когда ему приходится говорить о положеніи, по его ученію, наиболѣе сложномъ со стороны генезиса, именно о признаніи реальности предметовъ внѣшняго воспріятія, онъ замѣчаетъ [1]): „какъ ни сложно было въ началѣ выраженное такимъ образомъ познаваніе, но оно сплавилось въ простое познаваніе задолго до того времени, когда началось сознательное разсужденіе, и оно остается болѣе простымъ, чѣмъ какое бы то ни было изъ тѣхъ познаваній, изъ которыхъ сложилось сознательное разсужденіе“. Отсюда, повидимому, мы можемъ заключать, что значительная сложность сужденія по генезису остается для Спенсера признакомъ сложности этого сужденія по условіямъ достовѣрности лишь до тѣхъ поръ, пока подразумѣвающіяся при немъ положенія не окажутся сплавившимися въ простое познаваніе и при томъ въ періодъ жизни сознанія, предшествующій сознательному разсужденію. Но что означаетъ это сплавленіе сложнаго сужденія въ простое? Значитъ ли оно, что сознаніе дѣлается не способно долженствовавшія подразумѣваться при извѣстномъ сужденіи положенія различить въ качествѣ условій его образованія, или значитъ, что оно не способно различить ихъ въ качествѣ условій его достовѣрности? Если слова Спенсера нужно понимать въ первомъ смыслѣ, то, хотя въ періодъ жизни сознанія, предшествующій размышленію, положенія, составляющія условія образованія сложныхъ сужденій, признаваемыхъ Спенсеромъ непосредственно необходимо мыслимыми, не различаются сознаніемъ въ качествѣ такихъ условій, но сознаніемъ несомнѣнно не различаются въ то время и положенія, бывшія условіями и очень многихъ такихъ сложныхъ сужденій, которыя Спенсеръ не признаетъ непосредственно необходимо мыслимыми и изъ которыхъ многія могутъ быть даже ложными. А при развитіи сознательнаго разсужденія, какъ это доказывается самой философіей Спенсера, очень хорошо могутъ различаться положенія, бывшія условіями образованія извѣстнаго сужденія, именно въ качествѣ такихъ условій, и это бываетъ никакъ не при сужденіяхъ только, не считающихся Спенсеромъ необходимо мыслимыми, но и при сужденіяхъ, признаваемыхъ имъ такими. Самъ

[1]) Princ. of Psych. II, 440, p. n. IV, 138.

Спенсеръ въ своихъ же Основаніяхъ психологіи устанавливаетъ цѣлый рядъ положеній, обусловливавшихъ даже убѣжденіе въ реальности внѣшнихъ предметовъ, по поводу котораго онъ дѣлаетъ это разъясненіе. И слѣдовательно этого рода различаемость никакъ не можетъ считаться Спенсеромъ признакомъ того, что сужденіе не отличается необходимою мыслимостію. Если же сплавленіе сложнаго сужденія въ сужденіе простое мы будемъ понимать въ смыслѣ неразличимости подразумѣвающихся при немъ положеній въ качествѣ положеній, служащихъ условіями приписываемой ему достовѣрности, то о неразличимости ихъ для сознанія въ періодъ, предшествующій сознательному разсужденію, мы должны сказать, конечно, совершенно то же, что сказали о нихъ какъ условіяхъ образованія сужденія. Но, конечно, подразумѣванія, понимаемыя въ этомъ смыслѣ, должны и позднѣе оставаться неразличимыми въ качествѣ условій достовѣрности при всѣхъ сужденіяхъ, которыя достигли дѣйствительной непосредственной необходимой мыслимости, и, наоборотъ, они должны позднѣе оказаться способными различаться при сужденіяхъ, не достигшихъ непосредственной необходимой мыслимости. Но мы не должны забывать, что способность различать подразумѣвающіяся положенія какъ условія достовѣрности сужденій вѣдь только то и значитъ, что сужденіе въ дѣйствительности еще не стало для сознанія непосредственно необходимо мыслимымъ, а получаетъ свою достовѣрность, хотя и безъ отчетливаго представленія субъекта, отъ этихъ посредствующихъ положеній. Указанное рѣзкое противорѣчіе Спенсера въ такомъ случаѣ, конечно, исчезаетъ: сужденія очень сложныя по образованію останется возможность считать простыми по достовѣрности, когда они достигнутъ необходимой мыслимости. Но противорѣчіе исчезаетъ лишь потому, что признакомъ сложности сужденія по условіямъ его достовѣрности перестаетъ въ такомъ случаѣ быть одна особая сложность его по условіямъ его образованія, а она дѣлается такимъ признакомъ лишь въ соединеніи съ неразличимостію подразумѣвающихся сужденій въ качествѣ условій его достовѣрности т. е. въ соединеніи съ самою же сложностію сужденія по достовѣрности. Но въ такомъ случаѣ все это запутанное введеніе сложности сужденія по условіямъ ихъ образованія, которое сулило намъ, повидимому, возможность объяснить бездоказательную аподиктичность Спенсерова признанія сложными по достовѣрности сужденій, признававшихся необходимо мыслимыми и оказавшихся ложными, становится совсѣмъ непригоднымъ для этой цѣли, такъ какъ оказывается, что сложность

сужденія по условіямъ образованія не можетъ стать признакомъ сложности его по условіямъ достовѣрности, если независимо отъ нея не установлена еще и самая эта сложность сужденія по достовѣрности.

Такимъ образомъ Спенсерово объясненіе отрицательныхъ инстанцій противъ его критерія содержитъ много запутанностей въ представленіи, но на дѣлѣ ничего не объясняетъ. И онъ самъ, повидимому, не очень довѣряетъ его убѣдительности. Тотчасъ за этимъ разъясненіемъ онъ ставитъ своей задачей доказать [1]), что Миллевы отрицательныя инстанціи не служили бы возраженіемъ противъ признанія немыслимости за критерій истины даже и въ томъ случаѣ, „если бы и не существовало того различія между простыми и сложными предложеніями, которое установлено... выше“. И онъ разъясняетъ здѣсь возможность ошибаться въ установкѣ необходимой мыслимости вслѣдствіе недостаточной способности къ наблюденію надъ своими представленіями, вслѣдствіе случайной небрежности въ совершеніи этого процесса самонаблюденія, наконецъ вслѣдствіе усвоенной многими привычки съ употребляемыми ими словами не соединять вполнѣ ясныхъ соотвѣтствующихъ этимъ словамъ состояній сознанія. Но о доказательствѣ того, что для древнихъ принимавшаяся ими необходимая мыслимость извѣстныхъ положеній должна была быть только мнимою, а не дѣйствительною, и что, слѣдовательно, должна была существовать у нихъ та ошибка, для которой онъ придумываетъ объясненія,—онъ не поднимаетъ рѣчи и здѣсь. Такимъ образомъ разрѣшеніе самой существенной стороны возраженія и здѣсь не доказывается, а предполагается безъ изслѣдованія, хотя здѣсь ни о какой очевидности существованія подобной ошибки у древнихъ говорить уже нельзя.

Но понятыя даже въ смыслѣ гаданій о причинахъ гипотетически предположенной ошибки, эти объясненія Спенсера не достигаютъ цѣли, потому что произвольно ограничиваютъ тѣ случаи, которые Спенсеру нужно было объяснить.

Уже послѣ того, какъ Спенсеромъ были совсѣмъ закончены разсужденія по вопросу о Миллевыхъ отрицательныхъ инстанціяхъ и затѣмъ изъ принциповъ, предполагаемыхъ Миллевой индукціей, выведена была мысль объ особыхъ преимуществахъ необходимой мыслимости передъ этой индукціей, въ Основаніяхъ психологіи Спенсера является глава о критеріи относительной достовѣрности, гдѣ рѣшается вопросъ о томъ, какъ поступать въ томъ случаѣ, когда результаты разсужденій (т.-е.

[1]) Princ. of Psych. II, 412—413, p. II. IV, 110—111.

выводовъ) противорѣчатъ другъ другу или когда результатъ разсужденія противорѣчитъ сужденію, непосредственно опирающемуся на необходимую мыслимость. И такъ какъ разсужденіе по Спенсеру основывается на той же необходимой мыслимости, только примѣненной не непосредственно къ доказываемому сужденію, а поэтому и не однократно, а нѣсколько разъ, при убѣжденіи въ каждой изъ посылокъ и при убѣжденіи въ связи между ними и выводимымъ сужденіемъ, то въ этомъ столкновеніи результатовъ разсужденій и непосредственно очевидныхъ положеній, какъ это признаетъ и Спенсеръ, мы должны видѣть столкновеніе положеній, претендующихъ на необходимую мыслимость. Съ другой стороны, такъ какъ изъ двухъ противорѣчащихъ одно другому сужденій одно необходимо должно быть ложно, то признаніе возможности такихъ коллизій въ мысли есть вмѣстѣ съ тѣмъ и признаніе возможности того, что убѣжденіе, претендующее на необходимую мыслимость, окажется ложнымъ. И это предположеніе о противорѣчіи другъ другу двухъ сужденій, одинаково опирающихся на необходимую мыслимость, выступаетъ у Спенсера не только какъ общее предположеніе. Въ немъ, какъ и въ Спенсеровыхъ разъясненіяхъ выхода изъ подобной коллизіи мысли, между прочимъ, нуждается даже одно изъ важнѣйшихъ ученій Спенсера, именно ученіе о реальности предметовъ внѣшняго воспріятія. Спенсеръ хочетъ рѣшить вопросъ объ этой реальности на основаніи необходимости для насъ съ каждымъ актомъ этого воспріятія соединять мысль о внѣшнемъ нашему личному сознанію, независимомъ отъ него бытіи. Но относительно этого рода вопросовъ, сверхъ невольной тенденціи сознанія къ опредѣленному отвѣту на нихъ, исторія философской мысли представляетъ и другія рѣшенія, иногда противорѣчащія тому отвѣту на нихъ, который указывается этой тенденціей. И эти рѣшенія доказываются путемъ болѣе или менѣе сложныхъ разсужденій, претендующихъ на аподиктическую точность, слѣдовательно, по Спенсеровой теоріи аппеллирующихъ также къ необходимой мыслимости. Спенсеръ, какъ мы знаемъ изъ сдѣланнаго выше изложенія его гносеологіи, изъ стоящихъ въ подобномъ антагонизмѣ сужденій признаетъ ошибочными тѣ, которыя требуютъ примѣненія критерія наибольшее количество разъ.

Такъ, въ признаваемыхъ самимъ Спенсеромъ коллизіяхъ между положеніями, одинаково опирающихся на необходимую мыслимость, мы явно имѣемъ дѣло съ отрицательными инстанціями противъ достовѣрности необходимо мыслимаго, на которыя Милль, правда, указывать не могъ,

но которыя для Спенсера, конечно, тѣмъ не менѣе должны были имѣть все значеніе фактически существующихъ отрицательныхъ инстанцій, которыя требовали объясненія съ его стороны. А между тѣмъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такими случаями необходимой мыслимости, оказывающейся, несомнѣнно, въ разногласіи съ дѣйствительностью, гдѣ положеніе, признаваемое Спенсеромъ ошибочнымъ, выступаетъ не съ скрытыми подразумѣваніями, которыя не провѣрялись бы сознательно критическою мыслью въ своей мысленной необходимости, а прямо какъ выводъ, въ которомъ положенія, требующіяся для его доказательства, отчетливо формулировались и открывалась всякая возможность ихъ провѣрить и отчетливо указать всевозможные недочеты. Здѣсь, такимъ образомъ, простое отожествленіе сложности сужденія съ незаконностью примѣненія къ нему критерія, говорило бы уже слишкомъ мало. Но и изложенное сейчасъ второе объясненіе Спенсера служить здѣсь цѣли также едва ли можетъ. Говорить о недостаткѣ способности самонаблюденія, небрежности самонаблюденія, о дурной привычкѣ съ словами не соединять ясныхъ представленій едва ли было бы умѣстно, когда дѣло идетъ о такихъ коллизіяхъ мысли, которыя Спенсеръ самъ предлагаетъ рѣшать просто черезъ математическое расчисленіе количества ссылокъ на необходимую мыслимость при доказательствѣ каждаго изъ взаимно противорѣчащихъ положеній. Собственно въ вопросѣ о реальности предметовъ внѣшняго воспріятія Спенсеръ, правда, дѣлаетъ не мало возраженій противъ антиреалистическихъ системъ. Но общая мысль о возможности коллизій мысли, рѣшаемыхъ простымъ расчисленіемъ количества ссылокъ на немыслимость, остается въ силѣ; да и въ самомъ вопросѣ о внѣшней реальности Спенсеръ считаетъ не излишнимъ въ концѣ концовъ сослаться на то же самое расчисленіе.

Неудивительно поэтому, что вслѣдъ за изложенными двумя разъясненіями Спенсеръ указываетъ еще третій путь для устраненія значенія отрицательныхъ инстанцій. Сущность дѣла здѣсь сводится къ параллели между ошибками сужденій, основанныхъ на непосредственно сознаваемой необходимой мыслимости, и ошибками выводныхъ сужденій. Спенсеръ, имѣя въ виду общую вѣру философовъ въ достовѣрность выводныхъ логическихъ формулъ, говоритъ [1]), что обнаруживавшееся разногласіе людей касательно мыслимости или немыслимости нѣкоторыхъ положеній такъ же мало ведетъ къ заключенію о недостовѣрности критерія немыслимости, какъ мало вытекаетъ не-

[1]) Princ. of. Psych. II, 413—414, p. n. IV, 112.

годность разсужденія вообще изъ того обстоятельства, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ люди, отправляясь отъ однихъ и тѣхъ же данныхъ, приходили къ противоположнымъ заключеніямъ. Здѣсь дѣйствительно неудачныя ссылки на необходимую мыслимость характеризуются такъ обще, что характеристика могла бы подходить къ какому угодно изъ такихъ случаевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ защита достовѣрности необходимо мыслимаго противъ возраженій, основенныхъ на этихъ ссылкахъ, здѣсь заключаетъ въ себѣ слишкомъ явное недоразумнѣіе. Сопоставляя ошибки выводовъ съ ошибками при примѣненіи критерія немыслимости, Спенсеръ не взялъ во вниманіе, что при обнаруженіи несостоятельности выводного сужденія, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда выводъ былъ сдѣланъ по формулѣ, которой логика придаетъ безусловный характеръ, мы всегда можемъ самымъ точнымъ образомъ удостовѣриться, что ошибка произошла никакъ не отъ несостоятельности формулы, а отъ ошибочности какой либо изъ посылокъ или отъ недостаточнаго соотвѣтствія ихъ требованіямъ формулъ. А Спенсеръ вѣдь не сдѣлалъ даже и попытки на неудачныхъ ссылкахъ на необходимую мыслимость показать, что здѣсь дѣйствительной необходимой мыслимости въ томъ смыслѣ, какъ разъясняетъ ее его гносеологія, не могло быть, а все дѣло сводится къ ошибочному принятію за необходимо мыслимое того, что въ дѣйствительности не было такимъ для сознанія. Эта самая существенная для защиты его критерія мысль, такимъ образомъ, всюду оказывается у него простымъ голословнымъ предположеніемъ.

Но и этого сказать не достаточно. Нужно утверждать прямо, что она стоитъ въ противорѣчіи съ его же взглядами. Различая такъ называемыя имъ совершенныя качественныя разсужденія, въ которыхъ общая посылка представляетъ по его ученію необходимо мыслимое сужденіе, отъ несовершенныхъ, въ которомъ она представляетъ простое индуктивное обобщеніе частныхъ фактовъ, и замѣчая, что послѣдніе выводы легко смѣшать съ первыми, Спенсеръ говоритъ [1]): „такъ, напримѣръ, отношеніе между видимыми и осязаемыми свойствами предметовъ таково, что послѣ воспріятія зрительныхъ впечатлѣній, представляющихъ собою какой-либо сосѣдній предметъ, мы не можемъ удержаться отъ заключенія, что вблизи насъ существуетъ предметъ, который, если положимъ на него руку, доставитъ ей ощущеніе сопротивленія; а для тѣхъ людей, опытность которыхъ очень бѣдна,

[1]) Princ. of Psych. II, 65, p. п. III, 67.

немыслимо въ этомъ случаѣ никакое другое заключеніе. Но наше знакомство съ зеркалами и зрительными иллюзіями освобождаетъ насъ отъ принудительности такого заключенія какъ разъ на столько, чтобы дать намъ возможность представить себѣ, что тамъ, гдѣ существуетъ нѣкоторая видимая внѣшность, можетъ и не существовать никакой соотвѣтствующей ей твердой сущности". Въ этихъ словахъ совершенно ясно выражено признаніе факта превращенія въ человѣческомъ сознаніи немыслимаго въ мыслимое вслѣдствіе расширенія опыта. Правда, положеніе, которое по этимъ словамъ Спенсера перестаетъ быть при болѣе широкомъ опытѣ для человѣческаго сознанія необходимо мыслимымъ, не причисляется къ ложнымъ. Но въ своей защитѣ противъ Миллевыхъ отрицательныхъ инстанцій Спенсеръ хочетъ отстаивать не достовѣрность только, но и неизмѣняемость необходимо мыслимыхъ положеній. Одно безъ другого для него и не возможно. Ассоціація, потерявшая безусловный характеръ, конечно, перестаетъ быть съ его точки зрѣнія и вполнѣ достовѣрнымъ ручательствомъ истины.

И нельзя сказать, чтобы выразившееся въ цитованныхъ сейчасъ словахъ признаніе Спенсеромъ факта превращенія въ человѣческомъ сознаніи немыслимаго въ мыслимое вслѣдствіе расширенія опыта было случайной обмолвкой. Обмолвкой, конечно, можно его признать, но никакъ не случайной, такъ какъ оно составляетъ дѣйствительную послѣдовательность Спенсеровой теоріи эволюціи сознанія, такъ что съ точки зрѣнія этой теоріи правильнѣе случайнымъ назвать стремленіе Спенсера заранѣе признавать всякую неудачную ссылку на немыслимость ссылкой на мнимую, а не на дѣйствительную немыслимость. Вѣдь по Спенсеровой теоріи эволюціи сознанія должно выходить, что когда факты, соотвѣтствующіе извѣстному положенію, постоянно въ продолженіе долгихъ періодовъ времени дѣйствовали на сознаніе, то они неизбѣжно должны были произвести въ немъ необходимую мыслимость этого положенія, если только въ опытѣ не встрѣчалось прямыхъ или косвенныхъ поводовъ къ образованію сочетанія, съ нимъ не согласнаго; и, конечно, эта необходимая мыслимость должна существовать до тѣхъ поръ, пока не явятся эти поводы и съ теченіемъ времени не произведутъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ организаціи сознанія. Но развѣ вышеуказанная ассоціація между зрителями и осязательными ощущеніями, какъ рисуется она у Спенсера, не должна была находиться въ этихъ именно условіяхъ, предполагающихъ достиженіе ею неразрывности, вплоть до того времени, когда человѣческое сознаніе могло ознако-

миться съ случаями, при которыхъ явно для него зрительныя свойства оказывались не соединенными съ осязательными.

Но даже и примѣръ, на которомъ выразилось невольное признаніе Спенсеромъ той мысли, которую онъ старается устранить, вовсе еще не представляетъ собою случая, который бы съ наибольшею очевидностью вызывалъ необходимость подобнаго признанія.

Всѣ качественности нашего внѣшняго воспріятія, несомнѣнно, ставятся сознаніемъ въ процессѣ самаго воспріятія какъ внѣшнія сознанію принадлежности внѣшнихъ предметовъ. И этотъ фактъ повторяется ровно столько разъ, сколько разъ даны въ жизни сознанія акты воспріятія. Онъ повторялся, конечно, и въ сознаніи всѣхъ живыхъ существъ, способныхъ имѣть внѣшнее воспріятіе, такъ какъ это воспріятіе тѣмъ и характеризуется, какъ внѣшнее воспріятіе, что здѣсь тѣ или другія качественности ставятся въ формѣ внѣшнихъ сознанію реальностей. Съ другой стороны, нельзя сомнѣваться въ томъ, что нужно уже значительное развитіе человѣческаго сознанія просто даже для того, чтобы въ противоположность этой невольной и рѣшительной постановкѣ нашихъ собственныхъ ощущеній въ качествѣ принадлежностей внѣшнихъ предметовъ могла возникнуть самая мысль о возможности истолкованія ихъ не какъ внѣшнихъ сознанію реальностей, а какъ нашихъ собственныхъ ощущеній, состояній нашего собственнаго сознанія. На низшихъ ступеняхъ интеллектуальной жизни человѣка никто, конечно, не предположитъ возможности возникновенія подобной мысли. Какія же еще болѣе благопріятныя условія для образованія самой высокой степени необходимой мыслимости могла бы представить Спенсерова философія? Для Спенсера это принятіе сознаніемъ собственныхъ ощущеній за внѣшнія сознанію реальности на низшихъ ступеняхъ умственнаго развитія человѣка должно считаться необходимо мыслимымъ уже просто потому, что мысль о реальности предметовъ внѣшняго воспріятія онъ считаетъ за одну изъ самыхъ неразрывныхъ ассоціацій; а, между тѣмъ, мысль о цвѣтахъ, звукахъ и прочее, какъ внѣшнихъ сознанію принадлежностяхъ этихъ предметовъ, несомнѣнно, на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія совсѣмъ не отличается отъ мысли о реальности этихъ предметовъ; на этихъ ступеняхъ человѣкъ прямо звукамъ, цвѣтамъ и проч., и притомъ даже не какъ такимъ качественностямъ, которыя считались бы особыми отъ самыхъ нашихъ ощущеній цвѣтовъ, звуковъ и проч. и на которыя ощущенія только указывали бы, а самымъ этимъ ощущеніямъ, существующимъ и, конечно, могущимъ существовать только въ сознаніи, при-

писываетъ не зависимую отъ сознанія реальность. И если Спенсеръ при всемъ своемъ довѣріи къ свидѣтельству внѣшняго воспріятія не считаетъ самыхъ данныхъ въ воспріятіи цвѣтовъ, звуковъ и проч., за внѣшнія сознанію свойства внѣшнихъ предметовъ и никакъ не отрицаетъ, что они суть наши ощущенія, состоянія нашего сознанія, и даже считаетъ ихъ не сходными съ состояніями возбуждающаго ихъ въ насъ внѣшняго бытія, то съ какимъ же правомъ онъ могъ бы отстаивать достовѣрность всего необходимо мыслимаго въ человѣческомъ сознаніи?

Возьмемъ ученіе Спенсера о неразрывныхъ сочетаніяхъ явленій въ сознаніи во всей его послѣдовательности и будемъ подъ необходимою мыслимостью разумѣть не только ту необходимую мыслимость, которая относится къ общимъ сужденіямъ и которая требуетъ непредставимости противорѣчія сужденію въ представленіи вообще, но и ту, которая должна относиться по его взгляду къ частнымъ фактамъ воспріятія и которая требуетъ только неспособности образовать противорѣчащее воспріятію представленіе при самомъ актѣ воспріятія. Въ такомъ случаѣ къ очевиднымъ примѣрамъ обнаружившейся несостоятельности существовавшихъ необходимыхъ мыслимостей мы должны будемъ причислить всѣ естественныя постоянныя иллюзіи воспріятія до ихъ разоблаченія знаніемъ, напримѣръ, иллюзію неподвижнаго положенія земли. Въ возраженіи, направленномъ непосредственно противъ Спенсерова ученія о немыслимости, Милль едва ли не справедливо указывалъ [1]) на то, что даже изъ образованныхъ людей нашего времени многіе развѣ послѣ продолжительныхъ усилій оказались бы способными, смотря на восходъ или закатъ солнца, ввести въ самое воспріятіе правильное астрономическое представленіе. Но какимъ образомъ по теоріи Спенсера оказались бы способными сдѣлать это люди, у которыхъ, по состоянію ихъ знаній и развитія, не могло бы возникнуть мысли о самой возможности этой фактически существующей иллюзіи воспріятія? Какимъ образомъ по этой теоріи воспріятіе покоя земли могло бы не имѣть у нихъ абсолютнаго характера, когда оно соотвѣтствовало постояннымъ и безчисленнымъ фактамъ воспріятій безчисленныхъ поколѣній, во всемъ опытѣ которыхъ не существовало ни прямого, ни косвеннаго повода заподозрить здѣсь возможность какой либо иллюзіи или вызвать вообще мысль объ иномъ истолкованіи этого покоя? Указывая на такія черты воспріятія,

[1]) Syst. of. Log. I, 305, p. n. I, 304.

которыя, по его мнѣнію, должны имѣть абсолютный характеръ, Спенсеръ говоритъ [1]): „если, обративъ глаза налѣво, я вижу какой нибудь предметъ, то сознаніе того, что онъ существуетъ въ этомъ отношеніи положенія ко мнѣ, продолжаетъ неизмѣнно существовать, пока я смотрю на него". И я не понимаю, какимъ образомъ философъ, разсуждающій такъ, могъ бы думать, что у человѣка, смотрящаго на землю и не имѣющаго никакого представленія объ иллюзорномъ характерѣ воспріятія покоя земли, не существовало неизмѣнно въ продолженіе всего воспріятія мысли о ея покоѣ о объ обращеніи ея поверхности въ одну и ту же сторону вселенной? Нѣтъ нужды подробно объяснять, что, если мы съ этой естественной иллюзіей соединимъ другую, такую же естественную и также постоянную, о паденіи всѣхъ тяжелыхъ тѣлъ, оставленныхъ безъ поддержки, также въ одну и ту же сторону вселенной, то, съ точки зрѣнія Спенсеровой философіи окажется неизбѣжнымъ признать въ ранніе періоды развитія человѣческаго сознанія необходимую мыслимость, — будетъ ли то непосредственную или посредственную, это безразлично здѣсь, — и нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ Миллемъ сужденій, признававшихся истинными за свою необходимую мыслимость.

Такъ устанавливается второе ограниченіе Спенсерова ученія о критеріи достовѣрности. И по дѣйствительной послѣдовательности Спенсерова ученія объ эволюціи сознанія и по фактамъ исторіи знанія, если сопоставить ихъ съ Спенсеровымъ ученіемъ, объ абсолютныхъ ассоціаціяхъ и объ условіяхъ ихъ образованія, Спенсеръ ни въ какомъ случаѣ не можетъ отрицать возможности для самыхъ неразрывныхъ ассоціацій человѣческаго сознанія измѣняться и оказываться не соотвѣтствующими дѣйствительности по мѣрѣ расширенія человѣческаго опыта и развитія человѣческаго сознанія.

Е. Значеніе, которое должно принадлежать неразрывнымъ ассоціаціямъ по эмпиризму.

Отстаивая неизмѣнность неразрывныхъ ассоціацій и достовѣрность соотвѣтствія ихъ связямъ бытія, Спенсеръ не считаетъ, однако, излишнимъ указать и на такую точку зрѣнія, съ которой оказалось бы возможнымъ, даже и допуская, что между неразрывными ассоціаціями человѣческаго сознанія есть и не соотвѣтствующія абсолютнымъ за-

[1]) Princ. of Psych. II, 403, p. n. IV, 101.

конамъ дѣйствительности, все же смотрѣть на нихъ, какъ на законный критерій достовѣрности. „Если между положеніями, опирающимися на необходимую мыслимость, говоритъ онъ [1]), и есть еще нѣкоторыя такія, которыя, не смотря на такое ручательство..., тѣмъ не менѣе не справедливы (хотя я и не вижу никакихъ причинъ такъ думать), то мы все же должны допустить, что... положенія, подтверждаемыя этимъ критеріемъ, выражаютъ чистый результатъ нашихъ опытовъ до *настоящей* минуты, что есть самое лучшее ручательство въ ихъ пользу, какое только возможно".

Выраженное въ этихъ словахъ допущеніе возможной несостоятельности тѣхъ или другихъ неразрывныхъ ассоціацій Спенсеръ дѣлаетъ здѣсь, правда, никакъ не въ примѣненіи къ своему собственному взгляду на эти ассоціаціи, а въ примѣненіи къ Миллеву взгляду на нихъ, по которому онѣ составляютъ результатъ единоличнаго опыта индивидуума и по которому, конечно, и прогрессивное увеличеніе точности уже образовавшихся неразрывныхъ ассоціацій, т. е. возможныя измѣненія въ нихъ самихъ, соотвѣтственно прогрессирующему опыту, должны происходить всѣ въ теченіе жизни индивидуума. И имѣя дѣло даже съ этимъ толкованіемъ происхожденія неразрывныхъ ассоціацій, Спенсеръ все же, какъ видимъ изъ приведенныхъ словъ, считаетъ нужнымъ въ скобкахъ замѣтить, что онъ самъ не видитъ никакихъ причинъ допускать такого предположенія о возможномъ обнаруженіи ихъ несостоятельности. Что же касается познавательнаго значенія этихъ ассоціацій при признаніи ихъ за результатъ опыта безчисленныхъ поколѣній, то Спенсеръ считаетъ ихъ при этомъ условіи такимъ критеріемъ достовѣрности, который имѣетъ цѣну, неизмѣримо превосходящую цѣну всякаго критерія, который могъ бы быть доставленъ индивидуальнымъ опытомъ [2]). Но такъ какъ по всему изложенному

---

[1]) Princ. of Psych. II, 417, p. n. IV, 114.

[2]) Princ. of Psych. II, 419, 420, p. n. IV, 117, 118. Предположеніе о возможной несостоятельности необходимо мыслимаго Спенсеръ дѣлаетъ и тогда, когда ищетъ выхода для мысли при противорѣчіи другъ другу сужденій, одинаково претендующихъ на необходимую мыслимость. Указывая опредѣленный выходъ изъ этого затрудненія, Спенсеръ объясняетъ, что этотъ выходъ оказался бы одинаково неизбѣжнымъ, предположимъ ли мы въ этихъ противорѣчащихъ одна другой необходимыхъ мыслимостяхъ дѣйствительныя необходимыя мыслимости или будемъ думать, что одна изъ нихъ должна быть мнимою. Но при своихъ разъясненіяхъ на сдѣланныя ему возраженія, онъ очень опредѣленно заявляетъ, что возможность взаимной борьбы между дѣйствительными необходимыми мыслимостями допущена имъ только ради доказатель-

выше ясно, что предположеніе о возможной несостоятельности той или другой изъ неразрывныхъ ассоціацій не только примѣнимо ко взгляду на нихъ самого Спенсера, но и составляетъ неизбѣжную его послѣдовательность, то нельзя не признать, что Спенсеръ поступаетъ вполнѣ цѣлесообразно, стараясь указать выходъ изъ затрудненій, которыя соединяются съ этимъ предположеніемъ.

Обращаясь къ существенной сторонѣ дѣла, къ самому Спенсерову разъясненію этого выхода, мы не можемъ не признать, что оно ставитъ вопросъ о познавательномъ значеніи необходимой мыслимости на почву съ эмпиристической точки зрѣнія болѣе прочную. Къ знанію здѣсь предъявляется требованіе, болѣе соотвѣтствующее рессурсамъ эмпиризма, именно требованіе подтвержденія всѣмъ сполна предшествующимъ опытомъ. И если признакомъ, на основаніи котораго здѣсь считается возможнымъ установить это полное согласіе сужденія съ опытомъ, ставится необходимая мыслимость сужденія, то это также, повидимому, хорошо согласуется съ ученіемъ эмпиризма о самомъ происхожденіи необходимой мыслимости, которая, какъ мы знаемъ, разсматривается въ этомъ направленіи, какъ результатъ вліянія на сознаніе согласныхъ съ сужденіемъ фактовъ, встрѣчавшихся въ опытѣ въ чрезвычайномъ обиліи и въ продолженіе очень долгихъ періодовъ. Однако, мы все-таки должны внимательнѣе всмотрѣться, не требуетъ ли и эта оцѣнка познавательнаго значенія необходимой мыслимости какихъ-либо ограниченій, и затѣмъ точнѣе опредѣлить, какое значеніе мы можемъ приписать ей въ процессахъ научнаго знанія.

1.

Какъ скоро признано, что даже и неразрывныя ассоціаціи могутъ оказываться несостоятельными передъ судомъ развивающагося и расширяющагося человѣческаго опыта, то считать сужденіе, опирающееся на неразрывной ассоціаціи, за чистый результатъ всего сполна предшествующаго опыта можно бы было лишь при одномъ условіи, именно, если бы мы могли быть увѣрены, что появленіе въ сознаніи данныхъ, способныхъ вести къ обнаруженію несостоя-

---

ства, гипотетически, а не на фактѣ и не какъ присущая природѣ необходимыхъ мыслимостей, Princ. of Psych. II, 431 и 433, p. п. 130, 132. А нѣсколько выше въ примѣчаніи, Спенсеръ выражаетъ даже неудовольствіе на то, что его взглядъ однимъ писателемъ былъ истолкованъ такъ, что можно было предположить неувѣренность самого Спенсера въ совершенной достовѣрности его критерія.

тельности той или другой изъ неразрывныхъ ассоціацій, тотчасъ же разрушаетъ неразрывность этой ассоціаціи. Понятно, что только при этомъ условіи сохраненіе ассоціаціей неразрывности было бы надежнымъ ручательствомъ за отсутствіе во всемъ прожитомъ опытѣ противорѣчащихъ ей показаній.

Но для изслѣдователя Спенсеровой философіи подобная увѣренность не возможна уже вслѣдствіе развиваемаго въ этой философіи взгляда на условія образованія необходимой мыслимости. Если необходимая мыслимость, какъ учитъ Спенсеръ, есть результатъ опыта многихъ вѣковъ и безчисленныхъ поколѣній, выражающійся въ образовавшемся въ самой организаціи предрасположеніи къ ней, то разрушеніе ея вслѣдствіе расширенія опыта и появленія въ немъ указаній на ея познавательную несостоятельность должно также требовать дѣятельности поколѣній подъ видоизмѣнившимися условіями. Притомъ же изъ исторіи человѣческаго развитія мы хорошо знаемъ, что тѣ взгляды, которые способны становиться въ антагонизмъ съ положеніями, постоянно и въ обиліи подтверждавшимися, какъ казалось ранѣе, всѣмъ сполна опытомъ, часто получаются лишь косвеннымъ, а иногда и очень сложнымъ путемъ. Но мы не можемъ не признать, что на разрушеніе ассоціацій отдаленные и косвенные выводы должны вліять далеко не такъ быстро и энергично, какъ прямо противорѣчащіе такимъ ассоціаціямъ факты, непосредственно данные въ воспріятіи. Послѣдніе должны прямо въ воспріятіи вызывать противорѣчащую ассоціаціи конструкцію или, если даже предположить образовавшуюся органическую неспособность къ тому, должны все же сопровождаться такой усиленной тенденціей преодолѣть это затрудненіе, которая при повтореніяхъ способна сильно вліять на организацію. Выводы же совершаются въ простыхъ представленіяхъ; и самъ Спенсеръ хорошо знаетъ и не разъ очень энергично выражаетъ ту мысль, что при мыслительныхъ операціяхъ съ представленіями люди, находя опору въ словесныхъ терминахъ, часто не соединяютъ съ этими терминами и ихъ сочетаніями вполнѣ точно соотвѣтствующихъ имъ и вполнѣ опредѣленныхъ образовъ, даже когда для этого нѣтъ особыхъ затрудненій. Такимъ образомъ, организмъ при выводахъ не поставленъ въ ту же необходимость усиленно вырабатывать непривычныя для него сочетанія представленій, въ какую поставленъ при воспріятіи. Въ виду всего этого едва ли на точкѣ зрѣнія Спенсеровой философіи можно отрицать, что разрушеніе неразрывной ассоціаціи можетъ далеко отставать по времени отъ скопленія въ сознаніи дан-

ныхъ, способныхъ вести къ обнаруженію ея познавательной несостоятельности. И если, какъ мы видѣли выше, нѣкоторые изъ взглядовъ, ранѣе бывшихъ общепризнанными и позднѣе отринутыхъ наукою, должны были въ свое время вполнѣ удовлетворять тѣмъ условіямъ, которыя по ученію Спенсера должны сопровождаться образованіемъ необходимой мыслимости, то какимъ образомъ Спенсеръ могъ бы доказать, что въ ссылкахъ на необходимую мыслимость этихъ взглядовъ, которыя дѣлались уже послѣ того, какъ развивавшійся опытъ способенъ былъ возбуждать въ нихъ сомнѣніе, мы не имѣемъ наглядныхъ примѣровъ сохраненія неразрывности ассоціаціи въ такое время, когда она уже не имѣетъ значенія чистаго результата всего сполна бывшаго доселѣ опыта?

Возможность недостаточной согласованности сужденія, опирающагося на неразрывную ассоціацію, съ другими результатами опыта должна была для Спенсеровой философіи не только быть выводомъ изъ фактовъ прошедшей исторіи человѣческаго сознанія, но и фактомъ жизни научнаго сознанія въ настоящемъ. Если Спенсеръ, какъ мы уже знаемъ, самъ признаетъ случаи столкновенія въ человѣческомъ сознаніи сужденій, непосредственно опирающихся на необходимую мыслимость, съ сужденіями выводными, т. е. посредственно опирающимися на нее же, и если въ основаніи всѣхъ выводныхъ сужденій, точно такъже, какъ и въ основаніи сужденій, опирающихся непосредственно на необходимую мыслимость, долженъ лежать съ эмпиристической точки зрѣнія опытъ, т. е. факты, опредѣленнымъ образомъ истолкованные и обобщенные, то случаи противорѣчія выводныхъ положеній очевиднымъ прямо должны представлять собою исключенія изъ общаго положенія о полномъ согласіи необходимо мыслимаго съ опытомъ. Конечно, столкновеніе выводного положенія, опирающагося на одну часть опыта, съ непосредственно очевиднымъ положеніемъ, опирающимся на другія его части, еще не доказываетъ, чтобы первая часть опыта совсѣмъ не мирилась съ самоочевиднымъ положеніемъ, опирающимся на другія его части. Очень можетъ быть, что выводное положеніе на дѣлѣ не оправдывается тою частью опыта, на которую оно опирается въ сознаніи, и вѣра въ него возникаетъ подъ вліяніемъ неправильнаго истолкованія той или другой группы фактовъ или неправильнаго ея обобщенія. Но вѣдь и подъ подтвержденіемъ сужденія всѣмъ сполна опытомъ мы, конечно, можемъ разумѣть только подтвержденіе его всѣми безъ исключенія имѣющими отношеніе къ нему фактами въ тѣхъ ихъ истолкованіяхъ и при тѣхъ ихъ обобщеніяхъ, въ которыхъ являются они передъ нашимъ созна-

ніемъ. А поэтому до тѣхъ поръ, пока не обнаружена нашимъ же сознаніемъ ошибка въ тѣхъ истолкованіяхъ и обобщеніяхъ фактовъ, которыя нужны для вывода, противорѣчащаго сужденію, непосредственно опирающемуся на необходимую мыслимость, или пока точнѣйшей экспериментаціей надъ своими представленіями мы не обнаружимъ иллюзорность необходимой мыслимости той или другой посылки,—до этихъ поръ выводное положеніе, стоящее въ антагонизмѣ съ положеніемъ, непосредственно опирающимся на необходимую мыслимость, не можетъ не претендовать въ нашемъ сознаніи на право считаться представителемъ части опыта, а, слѣдовательно, и противорѣчащее ему сужденіе не можетъ быть признано за чистый результатъ всего сполна доселѣ бывшаго опыта.

Впрочемъ, для того, чтобы усумниться въ томъ, что то или другое необходимо мыслимое положеніе вполнѣ согласовано со всею совокупностью предшествовавшаго опыта,—для этого при послѣдовательномъ развитіи Спенсеровой философіи нѣтъ даже нужды требовать, чтобы съ нимъ сталкивалось въ прямомъ противорѣчіи другое положеніе, также претендующее на твердую обоснованность. Для этого достаточно, чтобы существовали факты или твердо обоснованныя положенія, которыя для нашего сознанія было бы даже только затруднительно съ тѣхъ или другихъ сторонъ согласить съ необходимо мыслимымъ положеніемъ, т. е. чтобы попытки подобнаго соглашенія терпѣли неудачи, вызывали недоумѣнія. Даже и въ этихъ случаяхъ мы, очевидно, имѣли бы примѣры необходимыхъ мыслимостей, о которыхъ нельзя бы было утверждать, что онѣ стоятъ въ совершенномъ согласіи со всѣми прошедшими черезъ сознаніе и способными быть поставленными въ отношеніе съ опредѣленнымъ необходимо-мыслимымъ сужденіемъ фактами. Вѣдь новые взгляды, заступавшіе мѣсто тѣхъ древнихъ взглядовъ, которые по послѣдовательности Спенсерова ученія объ образованіи необходимой мыслимости должны были, какъ мы видѣли, считаться имѣвшими въ древности характеръ неразрывныхъ ассоціацій, вначалѣ являлись подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ фактовъ и выводовъ изъ нихъ только въ качествѣ болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ, болѣе или менѣе сильныхъ возраженій противъ точнаго соотвѣтствія бытію тѣхъ объясненій его, которыя сами собою навязывались образовавшеюся ранѣе неразрывною ассоціаціею; они не имѣли вначалѣ претензіи даже и на ту степень принудительности для сознанія, которую должны имѣть взгляды, иллюзорно претендующіе на необходимую мыслимость. Съ другой стороны, по Спенсерову ученію объ образованіи необходимыхъ

связей [1]) фактически существующія въ нашемъ сознаніи неразрывныя ассоціаціи не явились сразу въ качествѣ неразрывныхъ, но должны были проходить послѣдовательно всѣ ступени ассоціаціи и всѣ ступени вѣры, пока не возвысились подъ продолжающимся давленіемъ постоянно подтверждающаго ихъ опыта до той высшей ступени ассоціаціи и вѣры, которую видитъ онъ въ необходимой мыслимости. А поэтому и всякимъ фактамъ и положеніямъ, способнымъ возбуждать въ сознаніи недоумѣнія относительно полной согласованности съ опытомъ того или другого изъ существующихъ въ сознаніи необходимо мыслимыхъ положеній, ничто не препятствуетъ по дѣйствительной послѣдовательности Спенсеровой системы не только даже быть указаніями на дѣйствительную несостоятельность этого положенія, которая при дальнѣйшемъ развитіи опыта можетъ обнаруживаться яснѣе и яснѣе, но и вести ко взглядамъ, которые сами могутъ съ теченіемъ времени превращаться въ необходимо мыслимыя положенія.

Такимъ образомъ должно быть признано несомнѣннымъ, что есть случаи, когда необходимая мыслимость съ точки зрѣнія эмпиризма не можетъ считаться ручательствомъ даже и за то, что положеніе, характеризующееся ею, составляетъ чистый результатъ всего доселѣ существовавшаго опыта.

Когда Спенсеръ, признавъ необходимую мыслимость критеріемъ достовѣрности, тѣмъ не менѣе останавливается на вопросѣ, какъ поступать при взаимномъ противорѣчіи сужденій, опирающихся на эту необходимую мыслимость, и требуетъ особаго процесса для разрѣшенія этой коллизіи, то на это можно, повидимому, смотрѣть какъ на косвенно выраженную имъ самимъ поправку или ограниченіе развиваемаго имъ взгляда. Но какъ скоро мы видимъ, что Спенсеръ, поставивъ вопросъ объ этихъ коллизіяхъ тотчасъ послѣ того, какъ имъ былъ твердо выраженъ взглядъ на необходимую мыслимость, какъ на высшій критерій истины, хочетъ законное рѣшеніе этихъ коллизій видѣть въ простомъ сравнительномъ расчисленіи количества ссылокъ на необходимую мыслимость при процессѣ убѣжденія въ каждомъ изъ стоящихъ въ антагонизмѣ сужденій и выдаетъ это рѣшеніе за критерій относительной состоятельности, то невольно является вопросъ: достаточно ли оцѣниваетъ онъ значеніе этихъ коллизій для опредѣленія познавательной

---

[1]) Princ. of Psych. I, 541, p. n. II, 274. Здѣсь собственно идетъ рѣчь о связяхъ представленій съ дѣйствіями; но то же приложимо и къ связямъ между представленіями.

значимости даже прямо тѣхъ самыхъ необходимо мыслимыхъ сужденій, которыя враждебно сталкиваются съ другими подобными же сужденіями. Вѣдь только въ томъ случаѣ, когда предполагается, что даже и при такихъ коллизіяхъ твердое сознаніе необходимой мыслимости положенія должно считаться завершительнымъ моментомъ всякаго изслѣдованія предмета по существу, такъ что при немъ должно терять значеніе всякое дальнѣйшее подобное изслѣдованіе,—только при такомъ предположеніи, повидимому, можно было бы съ правомъ для разрѣшенія коллизій требовать не дальнѣйшаго изслѣдованія предмета по существу, а простого расчисленія сравнительнаго количества возможныхъ ошибокъ въ примѣненіи критерія и провозглашать подобное расчисленіе критеріемъ относительной состоятельности.

Правда, есть фактъ, который легко счесть доказательствомъ того, что Спенсеръ при своемъ ученіи объ этомъ критеріи относительной состоятельности въ дѣйствительности не могъ руководиться этимъ предположеніемъ. Этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что Спенсеръ пользуется своимъ относительнымъ критеріемъ для защиты своего реализма противъ другихъ философскихъ взглядовъ, противъ которыхъ онъ предварительно, еще до всѣхъ своихъ разсужденій о критеріи достовѣрности вообще, дѣлалъ разнообразныя критическія замѣчанія, и, при самомъ примѣненіи къ этому спору критерія относительной состоятельности, замѣчаетъ [1]), что на основаніи этого критерія антиреалистическіе взгляды должны бы были быть отвергнуты даже и въ томъ случаѣ, если бы доказательства этихъ взглядовъ представлялись несомнѣнными, т. е. не допускали никакихъ возраженій. Однако, Спенсеръ нигдѣ не говоритъ, что своими возраженіями противъ антиреалистическихъ взглядовъ онъ хочетъ доказать несостоятельность такихъ выводовъ, приводимыхъ въ пользу этихъ взглядовъ, которые имѣютъ для сознанія характеръ необходимой мыслимости, и вообще нигдѣ не говоритъ о возможности опроверженія того, что сохраняетъ для сознанія необходимую мыслимость. Своими возраженіями противъ антиреалистическихъ выводовъ онъ хочетъ, наоборотъ, показать, что эти выводы не имѣютъ никакой принудительной силы для мысли, что они основываются на недоразумѣніяхъ, которыя не трудно обнаружить. Съ другой стороны, считая свое реалистическое воззрѣніе опирающимся на сознаніе неотразимой необходимой мыслимости, онъ на основаніи этого заранѣе признаетъ неимѣющими никакой силы возра-

[1]) Princ. of Psych. II, 442, p. п. IV, 140.

женія противъ него, хотя бы мысль не находила средствъ разрѣшить эти возраженія. Къ своей ссылкѣ на неотразимую необходимую мыслимость реальности предметовъ внѣшняго воспріятія онъ самъ, правда, считаетъ неизлишнимъ присоединить очень подробное разъясненіе того, что вся совокупность фактовъ, проходящихъ черезъ сознаніе, должна неминуемо вести сознаніе къ соединенію съ внѣшними воспріятіями представленій о внѣшней реальности; и это разъясненіе по его собственнымъ словамъ [1]) дѣлается имъ въ виду того, „что и послѣ положительнаго доказательства (т. е. послѣ ссылки на необходимую мыслимость) оставался у насъ все еще неразрѣшеннымъ настоятельный вопросъ о томъ, какимъ образомъ можетъ сложиться внутри сознанія это понятіе о существованіи, не находящемся внутри сознанія". И такъ какъ этотъ именно вопросъ, какъ хорошо знаетъ и самъ Спенсеръ, служилъ для нѣкоторыхъ противниковъ реализма однимъ изъ рѣшительныхъ основаній смотрѣть на непосредственное убѣжденіе сознанія во внѣшнемъ бытіи, какъ на явно несостоятельное, то, казалось бы, отсюда ясно слѣдовало, что Спенсеръ признаетъ необходимость дальнѣйшаго изслѣдованія даже и необходимо мыслимой истины при кажущихся твердо обоснованными возраженіяхъ противъ ея состоятельности. И тѣмъ не менѣе Спенсеръ явно выражаетъ твердое убѣжденіе [2]), что указанное возраженіе противъ вѣры во внѣшнюю реальность, хотя бы оно оставалось неразрѣшимымъ для критической мысли, не имѣетъ значенія для этой вѣры, и что вообще разсужденіе не можетъ ни подтвердить, ни опровергнуть ее. А поэтому и своему описанію генезиса представленія о внѣшней сознанію рельности и вѣры въ нее онъ придаетъ значеніе не подтвержденія неотразимаго показанія сознанія о внѣшней реальности, а простого объясненія ея.

Въ виду всего этого трудно не прійти къ выводу, что для Спенсера необходимо мыслимое сужденіе даже и въ случаѣ столкновенія его съ другимъ подобнымъ сужденіемъ остается завершительнымъ моментомъ изслѣдованія предмета по существу,—тѣмъ моментомъ, послѣ котораго подобное изслѣдованіе уже не можетъ имѣть значеніе для подтвержденія сужденія. Но согласно ли было бы такое предположеніе съ послѣдовательностью эмпиристической теоріи?

Спенсеръ не опускаетъ случая поставить на видъ, что его теорія эволюціи примиряетъ эмпиризмъ съ противоположнымъ ему гносеоло-

---

[1]) Princ. of Psych. II, 487; p. n. IV, 185—186.

[2]) Princ. of Psych. II, 452—453; p. n. IV, 150—151.

гическимъ направленіемъ во взглядахъ на необходимую мыслимость, такъ какъ она даетъ основаніе смотрѣть на необходимо мыслимое, „какъ на данное a priori для индивидуума и какъ на данное a posteriori для всей той цѣпи индивидуумовъ, которой онъ составляетъ послѣднее звено“ [1]). Съ другой стороны, придавая познавательное значеніе процессамъ, производящимъ ассоціацію вообще, Спенсеръ пришелъ къ мысли о необходимости и съ эмпиристической точки зрѣнія возвысить значеніе той необходимой мыслимости, которая для противоположной школы была высшимъ завѣреніемъ достовѣрности. Эти сближенія со взглядомъ противоположнаго направленія легко могли повести у Спенсера къ стремленію придать необходимой мыслимости большую познавательную цѣнность, чѣмъ какая могла принадлежать ей по эмпиризму. Для школы, противоположной эмпиризму, познавательное значеніе положеній, признаваемыхъ за необходимо мыслимыя, оправдывалось,—правильно или нѣтъ, объ этомъ здѣсь нѣтъ рѣчи,—непосредственно самою ихъ необходимою мыслимостью, которой приписывался умозрительный характеръ. А поэтому естественно, что въ глазахъ приверженцевъ этой школы сведеніе къ необходимой мыслимости должно было во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія представлять предѣльную черту аргументаціи. Не удивительно, что стремленіе къ тому же явилось и у Спенсера. Но эмпиризма съ такимъ взглядомъ помирить нельзя. У Спенсера познавательное значеніе необходимой мыслимости должно искать своего логическаго оправданія въ фактахъ опыта, вліяніемъ которыхъ на сознаніе она по его ученію производится. „Что опыты отношенія явленій въ прошедшемъ составляютъ единственное основаніе нашего настоящаго знанія о такихъ отношеніяхъ,—это принимается здѣсь вполнѣ“. Такъ выражается онъ самъ [2]), суммируя доказательства, приводимыя имъ въ пользу своего критерія достовѣрности. Для эмпириста, который всякую необходимую мыслимость считаетъ простымъ результатомъ обильнаго, постояннаго и продолжительнаго вліянія на сознаніе фактовъ, соотвѣтствующихъ сужденію, эта необходимая мыслимость, конечно, только и можетъ въ процессѣ познанія служить представительницею исключительно того значенія, которое принадлежитъ массѣ фактовъ, ее произведшей. Но въ такомъ случаѣ дѣйствительнымъ наивысшимъ требованіемъ, которое только можетъ быть предъявлено отъ эмпиризма къ сужденію

[1]) Princ. of Psych. II, 195, p. п. III, 205.
[2]) Princ. of Psych. II, 426, p. п. IV, 124.

и исполненіе котораго ставитъ предѣлъ для всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія этого сужденія, будетъ требованіе подтвержаться всею совокупностью доселѣ бывшаго опыта, а необходимая мыслимость могла бы только, какъ мы это уже и видѣли, изъявлять притязаніе на значеніе признака, который бы свидѣтельствовалъ объ этомъ подтвержденіи сужденія всѣмъ сполна доселѣ бывшимъ опытомъ. Если же это такъ, то понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо мыслимое сужденіе такъ или иначе враждебно сталкивается съ другими сужденіями, въ основаніи которыхъ также долженъ лежать опытъ, т. е. когда она явно для сознанія оказывается непригодной служить признакомъ совершенной согласованности сужденія съ опытомъ, неизбѣжно сознаніе ея перестаетъ быть и тѣмъ высшимъ моментомъ въ процессѣ знанія, который исключаетъ значеніе дальнѣйшаго изслѣдованія въ установкѣ истины.

Въ самомъ дѣлѣ, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что факты, разсматриваемые просто въ качествѣ частныхъ явленій личнаго сознанія, сами по себѣ не могутъ стоять ни въ какомъ противорѣчіи другъ съ другомъ. Въ антагонизмъ они могутъ становиться только потому, что, дѣлаясь орудіемъ знанія, они получаютъ то или другое толкованіе въ качествѣ символовъ внѣшняго бытія и группируются въ разнообразныя общія сужденія, а эти неизбѣжныя для процесса знанія толкованія и обобщенія могутъ заключать въ себѣ ошибки. Эти-то ошибки и обнаруживаются, между прочимъ, и въ антагонизмѣ сужденій. Поэтому при столкновеніи необходимыхъ мыслимостей, все равно, мнимыхъ или дѣйствительныхъ, съ эмпирической точки зрѣнія не можетъ быть никакого основанія смотрѣть на познавательные процессы, которые повели къ образованію враждебно сталкивающихся другъ съ другомъ необходимо мыслимыхъ сужденій, какъ на процессы, по существу завершенные, исключающіе всякое дальнѣйшее методическое изслѣдованіе. Наоборотъ, такой коллизіей прямо ставится для сознанія настоятельная задача — открыть тѣ ошибки въ истолкованіи фактовъ или въ ихъ обобщеніи, которыя должны служить причиною обнаруживающейся несогласованности результатовъ совершившихся ранѣе познавательныхъ процессовъ. И отчего же мы не могли бы дѣлать опредѣленныхъ преположеній объ этихъ ошибкахъ, т. е. попытаться внести такія измѣненія въ наши сужденія, при которыхъ общая совокупность положеній, относящихся къ познавательнымъ процессамъ, сталкивающимся между собою въ своихъ результатахъ, сохраняла бы способность покрывать собою всю совокупность фактовъ, которые лежатъ

у нихъ въ основаніи, но въ то же время не вела бы ни къ взаимному столкновенію между самими этими положеніями, ни вообще къ столкновеніямъ ихъ съ какими бы то ни было другими частями нашего знанія? Въ этомъ всегда состоитъ по существу тотъ процессъ, который примѣняетъ наука при всякаго рода столкновеніяхъ между результатами познавательныхъ процессовъ. Спенсеръ хорошо знаетъ этотъ процессъ. Примѣняя свой относительный критерій достовѣрности къ доказательству реализма, онъ все же при этомъ замѣчаетъ [1]): „до тѣхъ поръ, пока разумъ ограничивается открытіемъ несообразностей между свидѣтельствами, доставляемыми воспріятіемъ, и разысканіемъ того, откуда эти несообразности могли возникнуть, онъ выполняетъ функцію высокой важности". И, желая представить примѣръ подобнаго законнаго разъясненія разумомъ несообразностей воспріятія, онъ говоритъ: „когда разумъ доказалъ, что солнце не ходитъ вокругъ земли, но земля вертится вокругъ своей оси, онъ подставилъ на мѣсто стараго объясненія, которое было несогласимо со многими разнообразными фактами, новое объясненіе, которое согласовалось съ этими фактами и въ то же время согласовалось столь же хорошо, какъ и прежнее объясненіе, съ прежними болѣе очевидными фактами". Должны ли мы думать, что подобное разрѣшеніе коллизій исключается Спенсеромъ, когда въ коллизію замѣшано положеніе, опирающееся на абсолютную ассоціативную связь [2])? Но почему же? Почему между несообразностями воспріятія, которыя могли бы устраняться такимъ путемъ, не могли бы оказаться и такія, въ которыхъ, по его теоріи, мы констатируемъ временную абсолютную связь? И выше мы видѣли, что, по послѣдовательности его взгляда на абсолютныя ассоціаціи, воспріятіе покоя земли въ далекое отъ насъ время не могло не имѣть абсолютнаго характера. Съ другой стороны, Спенсерово объясненіе пути, какимъ сознаніе на основаніи всей совокупности опыта должно необходимо приходить къ твердой вѣрѣ во внѣшнее бытіе, развѣ не есть въ существѣ дѣла оправданіе этой вѣры, подтвержденіе ея значимости въ виду возраженія противъ состоятельности этой вѣры, опирающагося на мысль, что мы не можемъ никакимъ способомъ сознавать ничего, находящагося внѣ сознанія? Это толкованіе Спенсерова объ-

[1]) Princ. of Psych. II, 442—443, p. n. IV, 140—141.

[2]) Самъ Спенсеръ въ данномъ мѣстѣ ставитъ одно только исключеніе, именно онъ называетъ самоубійствомъ разума, если бы разумъ заключилъ, что свидѣтельства воспріятія ложны по самой своей сущности, подъ чѣмъ, повидимому, онъ разумѣетъ отрицаніе реальности предметовъ воспріятія.

ясненія до того неизбѣжно, что Спенсеръ иногда и самъ невольно высказывается въ этомъ смыслѣ [1]). Во всякомъ случаѣ, какъ скоро абсолютная ассоціація сталкивается съ другими хорошо обоснованными положеніями и чрезъ то явно для сознанія теряетъ право считаться признакомъ совершенной согласованности со всею совокупностью всего доселѣ существовавшаго опыта, то такое же можно найти основаніе для того, чтобы отрицать примѣненіе къ ней требованія, которое прямо вытекаетъ изъ сознанія этой несогласованности?

Можетъ быть, Спенсера удерживало отъ признанія доказательной силы подобныхъ изслѣдованій при противорѣчіяхъ между необходимо мыслимыми сужденіями то обстоятельство, что смыслъ того или другого изъ опирающихся на необходимую мыслимость сужденій, который мы нашли бы нужнымъ измѣнить въ интересахъ устраненія встрѣтившейся въ знаніи коллизіи, долженъ по эмпиризму считаться результатомъ безконечной массы предшествующаго опыта, громаднѣйшая часть котораго совершенно недоступна нашему воспоминанію. А поэтому въ отношеніи къ этой части опыта нѣтъ возможности непосредственно убѣдиться, насколько преобразованныя по своему смыслу сужденія оказались бы достаточно согласованными съ нею. Это обстоятельство, несомнѣнно, должно представлять съ точки зрѣнія Спенсеровой системы затрудненіе для твердой установки сужденія, такъ или иначе измѣняющаго смыслъ неразрывной ассоціаціи. Но это затрудненіе нельзя счесть непреоборимымъ. Мы не должны забывать, что дѣло идетъ о сужденіяхъ, о которыхъ предполагается, что они находятъ для себя чрезвычайно обильное и постоянное подтвержденіе въ опытѣ. Притомъ же предполагается также, что нашъ настоящій опытъ со стороны своей сложности и своего развитія никакъ не бѣднѣе, а, наоборотъ, богаче предшествовавшаго. А поэтому ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, что для насъ не существуетъ возможности при тщательномъ и всестороннемъ изслѣдованіи уяснить для себя тѣ мотивы, которые, какъ предполагается, были способны довести опредѣленное сочетаніе представленій до неразрывной ассоціаціи, и критически сопоставить ихъ со всѣми другими данными опыта, какъ бы ни были велики трудности, которыя могутъ встрѣчаться на пути этого

[1]) Princ. of Psych. II, 445, p. n. IV, 143. Здѣсь оправданіемъ реализма называется та самая установка антитезы между субъектомъ и объектомъ, которая признается Спенсеромъ неспособной усиливать значеніе вѣры во внѣшнюю реальность, а способной только объяснить эту вѣру.

изслѣдованія. Вѣдь психологія самого же Спенсера представляетъ цѣлый рядъ попытокъ разъяснить условія образованія, а слѣдовательно и мотивы многихъ самыхъ твердыхъ и самыхъ давнихъ ассоціацій.

Изъ ученія эмпиризма о происхожденіи необходимо мыслимыхъ ассоціацій слѣдовало бы только, что эмпиризмъ имѣетъ совершенно законное право требовать всевозможной осмотрительности, когда дѣло идетъ о признаніи несостоятельности твердо установившейся ассоціаціи. Чѣмъ тѣснѣе связь представленій въ нашемъ сознаніи, тѣмъ, конечно, обильнѣе, постояннѣе и продолжительнѣе долженъ былъ, по его ученію, быть опытъ, ее произведшій. А поэтому тѣмъ законнѣе было бы съ его стороны требованіе, чтобы допускаемое предположеніе объ ошибкѣ сужденія, опирающагося на этой связи, утверждалось лишь въ томъ случаѣ, когда оно удовлетворяло бы высшимъ критическимъ требованіямъ, имѣло бы въ свою пользу наиболѣе гарантій. Онъ имѣетъ право требовать, чтобы при такомъ утвержденіи со всею очевидностію и отчетливостію были указаны условія, вслѣдствіе которыхъ сознаніе въ своей предшествующей жизни должно было неизбѣжно допускать предполагаемую ошибку. Со всею справедливостію онъ можетъ требовать также, чтобы взглядъ, который ставится на мѣсто устраняемаго, самъ всесторонне согласовался со всею совокупностію знанія и не возбуждалъ, въ замѣну устраняемыхъ имъ недоумѣній, новыхъ, которыя оставались бы безъ отчетливаго разъясненія, какъ это, къ сожалѣнію, очень обыкновенно случалось при построеніи философскихъ системъ. Наконецъ, мы не должны забывать, что ничто не препятствуетъ наукѣ, которая въ интересахъ устраненія коллизій, обнаруживающихся въ знаніи, дѣлаетъ попытки соотвѣтствующихъ измѣненій въ тѣхъ или другихъ твердо установившихся положеніяхъ, усиленно искать и независимыхъ отъ разрѣшенія коллизіи прямыхъ или косвенныхъ подтвержденій своего предположенія, пользуясь всѣми средствами, которыя можетъ представлять для этого постепенно увеличивающееся знакомство съ бытіемъ. Вѣдь если коллизія въ вышеразъясненномъ смыслѣ предполагаетъ необходимую ошибку въ какомъ-либо изъ твердо установившихся, повидимому, сужденій, и если подобныя ошибки съ точки зрѣнія эмпиризма должны возникать отъ трудности или даже невозможности для сознанія въ обычныхъ условіяхъ его жизни встрѣчаться съ фактами, которые не допустили бы сочетанію представленій, не отвѣчающему безусловному закону бытія, развиться въ неразрывную ассоціацію, то, при возникновеніи предположенія о подобной ошибкѣ подъ вліяніемъ расширяющагося опыта,

можетъ, конечно, подъ тѣмъ же вліяніемъ, открыться для сознанія и возможность составить представленіе о такой комбинаціи условій, которая, не встрѣчая въ обычной жизни сознанія, тѣмъ не менѣе можетъ быть отыскана или даже нарочито конструирована и на которой могутъ быть провѣряемы возникающія предположенія объ ошибкѣ. И тамъ, гдѣ представляется возможной подобная провѣрка, эмпиризмъ можетъ требовать, чтобы воздерживались отъ рѣшительныхъ утвержденій до тѣхъ поръ, пока эта провѣрка не сдѣлана со всею тщательностью и предусмотрительностью. Но я совершенно не понимаю, на какихъ основаніяхъ послѣдовательный представитель Спенсеровскаго эмпиризма могъ бы отрицать законность и важность для установленія истины методическихъ, обставленныхъ строгими гарантіями, изслѣдованій коллизій знанія, какой бы несокрушимой силы ни достигала связь представленій, на которую опирается то или другое изъ вступившихъ въ коллизію положеній.

Что отношеніе по времени между возникающими въ нашемъ сознаніи ощущеніями отвѣчаетъ отношеніямъ по времени между впечатлѣніями, производимыми внѣшними вещами на наши воспріемлющіе органы и служащими непосредственными причинами этихъ ощущеній,— это положеніе не только подтверждалось безконечно часто повторяющимися фактами въ жизни сознанія, но, повидимому, стоитъ еще подъ охраной одного изъ самыхъ широкихъ и постоянно подтверждающихся обобщеній, по которому вообще отношенія явленій по времени всегда соотвѣтствуютъ отношеніямъ по времени между причинами, прямо и непосредственно ихъ производящими. По ученію эмпиризма объ образованіи ассоціацій, это положеніе, по условіямъ своего образованія, не менѣе многихъ другихъ, признаваемыхъ Спенсеромъ за очевидныя, должно бы изъявлять притязаніе на ассоціативную очевидность. И тѣмъ не менѣе, когда въ астрономическихъ обсерваторіяхъ при наблюденіи прохода звѣздъ черезъ меридіанъ оказывалось у различныхъ наблюдателей не одинаковымъ опредѣленіе времени зрительнаго ощущенія по слуховому, несмотря на одновременность впечатлѣній, производившихъ эти ощущенія, тогда не всѣ это несогласіе отнесли къ невнимательности наблюдателей, но возникло и предположеніе, что возможно и несоотвѣтствіе отношенія ощущеній по времени съ отношеніемъ по времени произведшихъ ихъ впечатлѣній. И это дало поводъ къ собранію и болѣе тщательной установкѣ относящихся сюда фактовъ, а за тѣмъ и къ такого рода экспериментамъ, которые во всякомъ случаѣ показали, что отношеніе по вре-

мени между сознаваемыми ощущеніями сложнѣе, чѣмъ какъ рисовалось оно въ указанномъ, представлявшемся очевиднымъ положеніи. Или возьмемъ въ примѣръ положенія, которыя для эмпиризма представляютъ образецъ самыхъ неразрывныхъ ассоціацій. Лобачевскій убѣдился, что можетъ быть послѣдовательно, безъ противорѣчія проведена система геометріи при предположеніи несостоятельности Эвклидовой аксіомы параллелизма. На изученіи же этой геометріи обнаружилось, что пространство, къ которому она относилась бы, между прочимъ, должно бы было отличаться тою особенностью, что сумма угловъ треугольника должна бы была въ немъ быть менѣе двухъ прямыхъ угловъ и не могла представлять постоянной величины, а должна уменьшаться съ увеличеніемъ площади треугольника. И такъ какъ не представлялось никакихъ затрудненій предположить, что различіе этой суммы угловъ треугольника отъ двухъ прямыхъ угловъ у треугольниковъ такихъ размѣровъ, съ которыми обыкновенно имѣетъ дѣло нашъ опытъ, могло бы быть слишкомъ незначительно, чтобы его можно было констатировать опытнымъ путемъ, то Лобачевскій вывелъ отсюда, что этотъ обычный опытъ недостаточенъ для того, чтобы получить твердую увѣренность, что данное въ нашемъ опытѣ пространство подчинено аксіомѣ параллелей. Поэтому для опытной провѣрки этой аксіомы онъ обращается къ астрономическимъ треугольникамъ такой величины, при которой разница суммы угловъ треугольника отъ двухъ прямыхъ, если бы она существовала, могла бы оказаться болѣе доступной констатированію. Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что такого рода провѣрка аксіомы даже и съ строго эмпиристической точки зрѣнія могла вести къ вполнѣ опредѣленному рѣшенію вопроса о значеніи аксіомы параллелей для нашего пространства лишь въ томъ случаѣ, когда бы она дала результаты, которые рѣшительно противорѣчили бы этой аксіомѣ (чего на дѣлѣ не оказалось); но твердо доказывать ея значеніе, если бы обнаружилось даже и болѣе точное соотвѣтствіе угловъ взятаго астрономическаго треугольника двумъ прямымъ, чѣмъ вышло это въ опытѣ Лобачевскаго, она не могла бы, такъ какъ и при этомъ оставалось бы мѣсто вопросу, не получился ли бы другой результатъ, если бы мы имѣли возможность изслѣдовать треугольники еще большей величины. Съ другой стороны, дѣлались и другія, собственно методологическаго свойства, возраженія противъ пригодности указанной Лобачевскимъ провѣрки аксіомы, обсужденіе которыхъ здѣсь не было бы умѣстно. Но, во всякомъ случаѣ, можно спросить: какимъ образомъ послѣдователь эмпиризма, признающій чисто

ассоціативное происхожденіе очевидности геометрическихъ аксіомъ, могъ бы отрицать законность вопроса Лобачевскаго о дѣйствительныхъ свойствахъ нашего пространства, какъ скоро этотъ послѣдователь не можетъ отрицать, что неразрывная ассоціація, соотвѣтствующая аксіомѣ параллелей, имѣла бы такія же условія для своего образованія и при кривизнѣ нашего пространства, какія имѣла бы и при его плоскости, если бы эта кривизна была до того ничтожна, что на постоянно данныхъ въ нашемъ сознаніи пространственныхъ величинахъ совсѣмъ не могло бы обнаружиться для нашего сознанія несоотвѣтствіе аксіомы параллелей дѣйствительнымъ пространственнымъ отношеніямъ? А признавъ законность этого вопроса о свойствахъ нашего пространства, какимъ образомъ онъ могъ бы отрицать важность и желательность для рѣшенія сомнѣнія о состоятельности аксіомы попытокъ провѣрить ее на условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для ея провѣрки, хотя эта провѣрка и сулила бы дать точный выводъ только при отрицательныхъ результатахъ, а при положительныхъ расширяла бы только опытъ, лежащій въ основаніи признанія аксіомы, но не давала бы ей безусловной точности? Почему онъ не могъ бы признать значеніе за той или другой фактической попыткой такой провѣрки, если бы, конечно, нашелъ, что эта провѣрка не заключаетъ какихъ-либо методологическихъ ошибокъ? Наконецъ, можно прибавить, что отрицаніе доказательной силы методическихъ изслѣдованій неразрывной ассоціаціи, возбудившей какія-либо сомнѣнія или недоумѣнія, было бы со стороны Спенсера противорѣчіемъ, насколько онъ самъ, какъ мы видѣли, призналъ, что неразрывная ассоціація между цвѣтовыми и осязательными ощущеніями потеряла свою безусловную силу, а слѣдовательно, по его теоріи, и свою безусловную достовѣрность прямо подъ вліяніемъ опытовъ надъ свѣтовыми иллюзіями.

Конечно, не каждую являющуюся въ знаніи коллизію наука имѣетъ возможность тотчасъ разрѣшить съ помощію методическаго, обставленнаго серьезными гарантіями изслѣдованія. И въ виду этого возникаетъ вопросъ: на предлагаемый Спенсеромъ способъ разрѣшенія этихъ коллизій не можемъ ли мы посмотрѣть по крайней мѣрѣ какъ на такой способъ, къ которому съ эмпиристической точки зрѣнія наукѣ должно быть поставлено въ обязанность прибѣгать, когда твердое разрѣшеніе коллизіи на основаніи изслѣдованія спорнаго вопроса по существу оказывается дѣломъ непосильнымъ для знанія.

Однако, когда методическое изслѣдованіе вопроса по существу не приходитъ къ твердому рѣшенію коллизіи въ опредѣленномъ смыслѣ,

т. е. къ такому рѣшенію, которое дало бы возможность привести къ согласію всю совокупность опыта, лежащую въ основаніи противорѣчащихъ сужденій, — это еще не значитъ, что послѣ попытокъ изслѣдованія коллизія остается для сознанія исключительно въ видѣ двухъ необходимо мыслимыхъ сужденій съ различнымъ количествомъ ссылокъ на необходимую мыслимость въ процессѣ ихъ убѣжденія. Обыкновенно отъ изслѣдованія остается, да едва ли и можетъ не остаться, нѣкоторый результатъ въ формѣ тѣхъ или другихъ предположеній о возможномъ выходѣ изъ коллизіи,—предположеній, которыя могутъ и не имѣть въ свою пользу рѣшительныхъ основаній, но все-таки возбуждаются обзоромъ и сопоставленіемъ имѣющихъ то или другое отношеніе къ коллизіи результатовъ знанія. А поэтому рѣшеніе коллизіи исключительно на основаніи сравнительной сложности процесса убѣжденія въ положеніяхъ, стоящихъ въ антагонизмѣ одно съ другимъ, во всякомъ случаѣ было бы односторонностію, которая никакъ не въ интересахъ знанія.

Но предположимъ, что мы имѣемъ случаи, гдѣ коллизія рисуется передъ сознаніемъ въ формѣ двухъ противорѣчащихъ другъ другу необходимо мыслимыхъ сужденій, для сравнительной оцѣнки которыхъ у насъ остается исключительно только сравнительная сложность убѣжденія въ каждомъ изъ нихъ. Даже и въ этомъ случаѣ вопросъ о предпочтеніи одного изъ этихъ положеній, при надлежащей послѣдовательности въ проведеніи теоріи эволюціи, вовсе не рѣшается съ такою прямолинейною простотою, какою характеризуется рѣшеніе его въ Спенсеровомъ ученіи о критеріи относительной состоятельности. Обосновать вѣроятное рѣшеніе его исключительно на простомъ сравнительномъ расчисленіи возможныхъ ошибокъ пропорціонально количеству ссылокъ на немыслимость при процессѣ убѣжденія въ каждомъ изъ взаимно противорѣчащихъ сужденій,—это было бы дѣйствительно логически вполнѣ законно, но лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ выгоды и невыгоды простого и сложнаго доказательствъ исключительно должны были зависѣть, по Спенсеровой гносеологіи, отъ большей или меньшей возможности ошибокъ пропорціонально числу ссылокъ на немыслимость, неизбѣжному при томъ и другомъ доказательствѣ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Спенсеръ не взялъ во вниманіе, что сложность познавательнаго процесса, съ помощью котораго устанавливается то или другое сужденіе, дѣлается, по его ученію, сама возможной лишь съ большимъ и большимъ развитіемъ и усложненіемъ психической жизни, а это развитіе и усложненіе психической жизни, также по его же

ученію, предполагаетъ то расширеніе сферы опыта и то увеличеніе активности и разнообразія, при которыхъ впервые является возможность провѣрять ассоціаціи, образовавшіяся при опытѣ менѣе обширномъ, активномъ и разнообразномъ. Вопросъ идетъ, правда, о коллизіяхъ ассоціацій неразрывныхъ, и Спенсеръ не разъ ставитъ на видъ, что неразрывности достигаютъ простѣйшія сочетанія явленій. Но не все простѣйшее въ процессѣ знанія, т. е. наиболѣе часто встрѣчающееся и не требующее въ нашемъ, особенно теперешнемъ сознаніи (а лишь съ такимъ сознаніемъ мы непосредственно и имѣемъ дѣло) какихъ-либо сложныхъ процессовъ, есть вмѣстѣ и простѣйшее въ бытіи въ смыслѣ основного закона, который не допускаетъ измѣненій ни при какихъ условіяхъ, и котораго формула не допускаетъ исключеній. Простѣйшія для нашего сознанія сочетанія не только не всегда представляютъ абсолютный законъ, но не всегда служатъ даже сколько-нибудь точнымъ выраженіемъ тѣхъ частныхъ фактовъ, которые должны быть обобщены въ законъ. Убѣжденіе въ покоѣ земли есть результатъ самаго простѣйшаго и самаго постояннаго опыта, а убѣжденіе въ ея очень сложномъ движеніи есть результатъ очень сложнаго вывода, возможнаго только при очень сложномъ опытѣ. Взглядъ на цвѣта, звуки и пр., какъ на принадлежности внѣшняго нашему сознанію бытія есть выраженіе самыхъ простѣйшихъ и самыхъ постоянныхъ фактовъ нашего сознанія, а убѣжденіе въ томъ, что эти качественности суть наши ощущенія, даже, нужно думать, совсѣмъ не похожія на дѣйствительныя принадлежности внѣшнихъ предметовъ, возбуждающія въ насъ эти ощущенія, могло возникнуть только какъ сложный выводъ, предполагающій очень сложную душевную жизнь. Спенсеръ, какъ мы видѣли, не могъ отрицать случаевъ обнаруженія несостоятельности даже и неразрывныхъ ассоціацій. И если, по его ученію объ ихъ образованіи, подобные случаи могли оказаться возможными только при усложненіи познавательныхъ процессовъ, то какое же право онъ могъ бы имѣть при конфликтѣ между простымъ и сложнымъ познавательными процессами, основанными на этихъ ассоціаціяхъ, трактовать сложность исключительно какъ условіе возможности бо́льшаго количества ошибокъ?

Но если Спенсерова философія, развитая въ ея дѣйствительной послѣдовательности, не можетъ отрицать такихъ случаевъ въ нашей познавательной жизни, когда сознаніе необходимой мыслимости сужденія явно не представляетъ надежнаго признака даже подтвержденія сужденія всѣмъ опытомъ и не можетъ считаться завершитель-

нымъ моментомъ изслѣдованія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы это сознаніе необходимой мыслимости положенія должно было потерять для этой философіи всякое значеніе для удостовѣренія въ согласованности сужденія со всею совокупностію опыта. Отсюда слѣдуетъ только, что одно это сознаніе недостаточно для такого удостовѣренія, и если оно должно служить этой цѣли, то можетъ достигать ея только при такомъ дополнительномъ условіи, которымъ сами собою исключились бы всѣ случаи, которые служатъ отрицательными инстанціями противъ приписанія ему такого значенія.

Это дополнительное требованіе подсказывалось Спенсеру послѣдовательностью всѣхъ его разсужденій, и всѣ указанныя сейчасъ его противорѣчія составляютъ только результатъ удивительнаго просмотра имъ этой, казалось бы, вполнѣ очевидной послѣдовательности.

Спенсеръ сначала хочетъ установить безусловное значеніе необходимой мыслимости какъ критерія достовѣрности и затѣмъ уже возбуждаетъ вопросъ о томъ, какъ поступать при враждебномъ столкновеніи между самими необходимо мыслимыми положеніями. Выходитъ такъ, какъ будто бы самая постановка этого вопроса, хотя ею явно предполагается возможность противорѣчій между сознаваемыми необходимыми мыслимостями, и рекомендуемый выходъ изъ такой коллизіи совсѣмъ не должны приниматься во вниманіе при установленіи значенія необходимой мыслимости. Однако, сказать, что въ случаѣ столкновенія необходимо мыслимаго сужденія съ другими также претендующими на научное значеніе положеніями требуется для рѣшенія вопроса нѣкоторый добавочный процессъ (хотя бы простой процессъ сравнительнаго расчисленія ссылокъ на необходимую мыслимость), — это значитъ признать, что сознаніе необходимой мыслимости положенія безъ всякаго добавочнаго процесса можетъ быть достаточно для возможной для насъ наиболѣе твердой установки сужденія лишь въ томъ случаѣ, когда совсѣмъ нѣтъ возраженій противъ него, претендующихъ на научное значеніе. А признать это значитъ то же, что утверждать, что одно сознаніе необходимой мыслимости положенія никакъ не можетъ считаться достаточнымъ для доступной намъ наиболѣе твердой установки его, но что для этого нужна въ качествѣ необходимаго дополнительнаго требованія еще увѣренность въ томъ, что нѣтъ претендующихъ на научное значеніе возраженій противъ этого сужденія.

Это дополнительное требованіе въ существѣ дѣла было необходимо для того, чтобы согласить возведеніе необходимой мыслимости, которой

приписывалось опытное происхожденіе, съ тѣмъ фактомъ постепеннаго развитія и расширенія опытнаго знанія, который у Спенсера получилъ значеніе эволюціи сознанія. Въ признаніи ассоціативно образовавшейся необходимой мыслимости за надежный признакъ того, что сужденіе, опирающееся на ней, есть чистый результатъ всего опыта, есть сторона, которая не только не противорѣчитъ факту постояннаго развитія опытнаго знанія и теоріи эволюціи, но, наоборотъ, очень хорошо согласуется съ ними. Какъ скоро условіями образованія необходимой мыслимости признаны, не только Спенсеромъ, но и Миллемъ, съ одной стороны чрезвычайно обильное и постоянное подтвержденіе положенія въ опытѣ, съ другой — совершенное отсутствіе въ опытѣ всякихъ поводовъ къ образованію сочетанія представленій, ему противорѣчащаго, то, конечно, только въ силу самой очевидной непослѣдовательности можно бы было у необходимо мыслимаго сочетанія представленій отрицать въ періодъ образованія этой необходимой мыслимости значеніе сочетанія, представляющаго чистый результитъ всего сполна существовавшаго доселѣ опыта. Но такъ какъ при вполнѣ послѣдовательномъ проведеніи мысли о постоянномъ расширеніи и развитіи опыта, а тѣмъ болѣе при Спенсеровой теоріи эволюціи, ставящей развитіе опыта въ связь съ постепеннымъ преобразованіемъ самой психической организаціи, совершенно невозможно отрицать ни измѣненій въ самихъ неразрывныхъ ассоціаціяхъ, ни коллизій въ процессахъ познанія, предваряющихъ эти измѣненія, то признаніе, что необходимо мыслимое положеніе не въ періодъ только его образованія, а въ какой угодно послѣдующій моментъ психическаго развитія сохраняетъ значеніе результата всего опыта, дѣлается очевиднымъ противорѣчіемъ теоріи эволюціи. И если тѣмъ не менѣе философская система при установкѣ критерія не видитъ возможности обойтись безъ указанія на необходимую мыслимость сужденія, т. е. если она сознаетъ, что ей негдѣ искать нужныхъ ей согласованныхъ съ всѣмъ опытомъ сужденій какъ только среди необходимо мыслимыхъ сужденій, то ей, конечно, необходимо найти добавочное требованіе, которое гарантировало бы правильность выбора между ними. Не трудно видѣть, что для подобной гарантіи собственно нужна увѣренность въ томъ, что и позднѣйшіе познавательные процессы не даютъ для сознанія никакихъ указаній на какія-либо данныя, способныя вести къ другимъ результатамъ, а не къ тѣмъ, къ которымъ ведутъ постоянно вліявшіе на сознаніе и доселѣ продолжающіе вліять на него факты, безконечное количество которыхъ свидѣтельствуется неразрывностію ассоціаціи.

Такую увѣренность, конечно, и могло бы дать совершенное отсутствіе во всей совокупности знанія всякихъ возраженій противъ необходимо мыслимаго сужденія, которыя могли бы претендовать на научное значеніе.

Такимъ образомъ критеріемъ согласія сужденія со всѣмъ бывшимъ доселѣ опытомъ необходимая мыслимость можетъ служить въ эмпиризмѣ лишь при дополнительномъ условіи, именно при сознаніи, что противъ достовѣрности этого сужденія нѣтъ возраженій, претендующихъ на научное значеніе.

2.

Критика Спенсерова ученія о критеріи достовѣрности, какъ могли мы убѣдиться изъ предшествующаго, приводитъ къ мысли, что даже для убѣжденія въ согласіи того или другого положенія со всею совокупностію опыта, этотъ критерій, если взять его безъ всякихъ дополненій, не достаточенъ, и что если эмпиризмъ все-таки долженъ искать истинъ, которыя должны быть положены въ основѣ всякаго знанія, среди положеній, опирающихся на ассоціативной необходимости, то онъ долженъ дополнить критерій требованіемъ, чтобы сужденія, удовлетворяющія ему, сверхъ того, не вызывали никакихъ научно-обоснованныхъ недоумѣній при сопоставленіи ихъ съ результатами развившагося опыта. Но можно спросить: та же самая критика Спенсерова ученія не ведетъ ли и далѣе? Не ставитъ ли она въ вопросъ и самую потребность для эмпиризма искать истинъ, которыя должны быть положены въ основѣ знанія, именно среди положеній, имѣющихъ характеръ положеній необходимо мыслимыхъ? И не слѣдуетъ ли въ виду результатовъ этой критики признать, что съ послѣдовательностію эмпиризма было бы болѣе согласно обратиться къ Миллеву требованію методическаго доказательства послѣднихъ посылокъ знанія, расширивъ, конечно, это требованіе согласно сдѣланнымъ выше разъясненіямъ до требованія всесторонняго изслѣдованія ихъ, которое обнимало бы въ себѣ не пассивную только индукцію, но и индукцію активную и всѣ виды косвеннаго убѣжденія въ истинѣ?

Признаніе преимуществъ неразрывной ассоціаціи передъ методическимъ изслѣдованіемъ казалось Спенсеру прямымъ послѣдовательнымъ выводомъ изъ Миллева ученія о зависимости достовѣрности индукціи отъ той же самой постоянной встрѣчи сознанія при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ съ многочисленными фактами, соот-

вѣтствующими доказываемому положенію, которой по эмпиризму обусловливается и образованіе необходимой мыслимости. При этомъ ученіи преимущества познавательнаго значенія неразрывной ассоціаціи передъ индукціей, какъ казалось Спенсеру, должны были быть признаны потому, что индукція можетъ воспользоваться лишь тѣмъ незначительнымъ количествомъ этихъ фактовъ, соотвѣтствующихъ доказываемому положенію, которое остается въ воспоминаніи, тогда какъ необходимая мыслимость предполагаетъ вліяніе на сознаніе всѣхъ такого рода фактовъ, прошедшихъ когда либо черезъ сознаніе въ продолженіе громадныхъ періодовъ времени. Но когда мы разъясняли невозможность для Спенсера отстаивать достовѣрность тѣхъ сочетаній, которыя должны считаться необходимо мыслимыми у существъ, стоящихъ на низшихъ сравнительно съ человѣкомъ ступеняхъ развитія сознанія, то мы замѣчали, что на основаніи исключительно одного этого ученія Милля нельзя требовать предпочтенія познавательнаго значенія неразрывныхъ ассоціацій передъ методическимъ изслѣдованіемъ, такъ какъ постоянная встрѣча сознанія съ фактами, соотвѣтствующими доказываемому положенію, важна для Милля, какъ свидѣтельство возможно широкаго распространенія подобныхъ фактовъ въ бытіи при всевозможномъ разнообразіи условій, а съ этой стороны опытъ сознанія на болѣе высокихъ ступеняхъ его развитія, конечно, и въ глазахъ Милля, и въ глазахъ Спенсера много превосходитъ опытъ сознанія, стоящаго на менѣе высокихъ ступеняхъ развитія. Съ тѣмъ ученіемъ Милля, изъ котораго Спенсеръ выводитъ преимущество своего критерія, дѣйствительно совершенно несогласимо Миллево отрицаніе познавательнаго значенія необходимой мыслимости въ сознаніи человѣческомъ. Но эта несогласимость возникаетъ при томъ дополнительномъ условіи, что Милль, основывая достовѣрность высшихъ посылокъ знанія исключительно на индукціи, т. е. на фактахъ, прямо и непосредственно соотвѣтствующихъ этимъ посылкамъ, въ то же время признавалъ, что первая встрѣча въ воспріятіи съ фактомъ, прямо противорѣчащимъ необходимо мыслимому положенію, неминуемо должна разрушать его необходимую мыслимость. Отсюда послѣдовательно должно было выходить, что если необходимая мыслимость того или другого сужденія остается неразрушенной, то это служитъ вѣрнымъ признакомъ, что все развитіе и усложненіе опыта не даетъ ни одного факта, который могъ бы представить затрудненіе для какого угодно строгаго методическаго обоснованія этого сужденія. Вслѣдствіе этого, когда Милль возражаетъ противъ познавательнаго

значенія необходимой мыслимости, что она можетъ быть результатомъ преданія, перешедшаго изъ періода болѣе ограниченнаго знанія, т. е., что она можетъ сохраниться, когда расширившееся знаніе, которымъ можетъ воспользоваться методическое доказательство, окажется уже не въ пользу положенія, опирающагося на ней, то это возраженіе оказывается прямымъ противорѣчіемъ тому, что онъ самъ утверждалъ о немыслимости. Но при обсужденіи Спенсеровой философіи мы видѣли, что Спенсеръ, совершенно согласно съ дѣйствительною послѣдовательностію эмпиризма, не можетъ не признать значенія и косвенныхъ основаній при установкѣ послѣднихъ посылокъ знанія. А поэтому даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ принималъ съ Миллемъ, что всякій прямо противорѣчащій ассоціаціи фактъ воспріятія долженъ разрушать неразрывность ассоціаціи, онъ не имѣлъ бы права отрицать возможности столкновенія необходимой мыслимости при расширившемся опытѣ съ результатами методическаго изслѣдованія, которое должно имѣть въ виду и такіе выводы знанія, которые могутъ стоять только въ косвенномъ отношеніи съ изслѣдуемымъ положеніемъ. Но и помимо этого Спенсеръ, опять въ противоположность Миллю, признаетъ возможность неразрывности ассоціаціи и въ томъ случаѣ, когда одно изъ двухъ ассоціировавшихся другъ съ другомъ явленій при появленіи въ воспріятіи другого соединялось бы съ нимъ лишь въ формѣ простого представленія; и при томъ онъ неразрывныя ассоціаціи считаетъ зарегистрированными въ самой организаціи субъекта. Поэтому съ его философіей не можетъ стоять въ противорѣчіи даже и мысль о сохраненіи неразрывности ассоціаціи при обнаруженіи въ опытѣ прямо противорѣчащихъ ей фактовъ. Вслѣдствіе всего этого для эмпиризма исчезаетъ всякое основаніе дѣлать какія бы то ни было ограниченія той мысли, что значеніе вѣры, опирающейся на всю совокупность опыта, существенно зависитъ отъ того, насколько широкъ и развитъ тотъ опытъ, на совокупность котораго она опирается. А въ такомъ случаѣ, какимъ же образомъ свидѣтельству неразрывной ассоціаціи, слагающейся въ болѣе ранніе періоды сознанія, можно отдать преимущество передъ тѣмъ свидѣтельствомъ, которое получалось бы изъ всесторонняго изслѣдованія того или другого положенія на самомъ высшемъ достигнутомъ наукою моментѣ ея развитія?

Съ другой стороны, мы видѣли также, что Спенсеръ, желая придать высшую познавательную цѣнность необходимой мыслимости, сталкивается даже съ прямыми отрицательными инстанціями, съ фактами, свидѣтельствующими, что ссылки на необходимую мыслимость

оказывались въ пользу положеній, опровергаемыхъ методическими изслѣдованіями. И если Милль, указавшій на подобные факты, самъ запутался въ ихъ истолкованіи, то, при послѣдовательномъ развитіи эмпиристическаго ученія объ условіяхъ происхожденія необходимой мыслимости, отрицаніе существованія подобныхъ фактовъ оказывалось совершенно невозможнымъ. При томъ же оказалось необходимымъ признать, что дѣйствительная послѣдовательность эмпиризма требуетъ, при коллизіяхъ между неразрывными ассоціаціями и результатами выводныхъ процессовъ, никакъ не того, чтобы безъ разсужденій становиться на сторону неразрывной ассоціаціи, какъ думаетъ Спенсеръ, но она требуетъ попытокъ къ дѣйствительному разрѣшенію этихъ коллизій путемъ болѣе широкаго методическаго изслѣдованія. Но если неразрывныя ассоціаціи фактически оказываются способными противорѣчить истинамъ, открываемымъ съ помощію методическаго изслѣдованія, и если, съ другой стороны, при обнаруживающемся несогласіи необходимыхъ мыслимостей съ выводными положеніями рѣшительный приговоръ по эмпиризму долженъ принадлежать широкому методическому изслѣдованію, то опять не значитъ ли это, что преимущества со стороны познавательнаго значенія должны принадлежать не необходимой мыслимости, всестороннему методическому изслѣдованію?

И эти выводы не должны ли вести къ мысли, что при вопросѣ объ оправданіи положеній, которыя должны лежать въ основаніи знанія, со стороны эмпиризма было бы послѣдовательнѣе вмѣсто того, чтобы брать исходнымъ пунктомъ необходимую мыслимость и затѣмъ пополнять недочеты этого критерія тѣмъ или другимъ дополнительнымъ требованіемъ, прямо обратиться къ Миллеву требованію методическаго обоснованія этихъ положеній, разумѣя, конечно, подъ послѣднимъ всестороннее изслѣдованіе, которое обнимало бы въ себѣ не только пассивную индукцію, но и индукцію активную и всѣ виды косвеннаго доказательства?

Однако этотъ вопросъ нѣсколько сложнѣе, чѣмъ какимъ представляется онъ съ перваго взгляда. Чтобы убѣдиться въ этомъ, станемъ твердо на строго эмпиристическую точку зрѣнія и спросимъ, въ какомъ видѣ должно представляться съ этой точки зрѣнія фактическое отношеніе научнаго сознанія къ тѣмъ положеніямъ, которыя по эмпиризму должны считься связанными неразрывной ассоціаціей.

Общія высшія посылки знанія еще не въ очень далекое отъ насъ время не для непосредственнаго сознанія только, но и для представи-

телей науки вообще имѣли значеніе самоочевидныхъ положеній, убѣжденіе въ которыхъ безъ колебаній принималось за результатъ непосредственнаго усмотрѣнія ихъ достовѣрности сознаніемъ. Понятно, что уже самый этотъ взглядъ исключалъ всякую попытку опытнаго строго методическаго ихъ обоснованія. И какъ скоро эмпиризмъ эту непосредственную очевидность общихъ основныхъ посылокъ знанія призналъ за простой результатъ ассоціативно образовавшейся неразрывности между входящими въ нихъ представленіями, то тѣмъ самымъ, конечно, онъ превращалъ то, что считалось довѣріемъ къ умозрительной очевидности, въ простое довѣріе къ неразрывной ассоціаціи. Такимъ образомъ, съ самымъ ученіемъ эмпиризма о происхожденіи вѣры въ общія посылки знанія, неизбѣжно соединялась мысль, что научное сознаніе даже и на той высокой ступени его развитія, на которой возникъ новый эмпиризмъ, совершенно довѣрчиво относилось къ неразрывнымъ ассоціаціямъ.

Конечно, это довѣріе съ точки зрѣнія тѣхъ эмпиристовъ, которые съ эмпиризмомъ соединяютъ рѣшительное отрицаніе научнаго значенія ассоціативныхъ соединеній, должно объясняться тѣмъ, что представители науки ошибочно смѣшали неразрывныя ассоціаціи съ конституціей сознанія и вслѣдствіе этого ошибочно приняли довѣріе къ неразрывности ассоціаціи за довѣріе къ предполагаемому процессу чисто умозрительнаго постиженія истины. Но пусть это будетъ такъ; все же въ философіи Спенсера мы будемъ имѣть образецъ философіи, которая и послѣ обнаруженія этой иллюзіи провозглашаетъ довѣріе къ необходимой мыслимости, доказывая этимъ довѣріемъ, что для научнаго сознанія даже на высшей ступени его развитія есть какіе-то поводы не относиться отрицательно къ этой необходимой мыслимости, хотя бы явилось и твердое убѣжденіе къ томъ, что она представляетъ собою простой результатъ окрѣпшей ассоціаціи. Конечно, и этотъ случай возвышенія познавательнаго значенія ассоціативныхъ соединеній можно разсматривать какъ совершенно случайное уклоненіе научнаго сознанія отъ законной оцѣнки ассоціативныхъ соединеній. И пусть и это будетъ такъ. Однако позволительно идти далѣе и спросить относительно тѣхъ самыхъ эмпиристовъ, для которыхъ не только уже разоблачена иллюзія смѣшенія неразрывной ассоціаціи съ конституціей сознанія, но которые въ то же время рѣшительно отрицаютъ научное значеніе неразрывныхъ ассоціацій: поспѣшили ли они тотчасъ по сознаніи ненаучности довѣрія къ этимъ ассоціаціямъ предпринять настоящее строго методическое изслѣдованіе основныхъ общихъ посылокъ знанія, отъ

истинности которыхъ должна зависѣть цѣнность и всего остального знанія, и поставили ли они подъ сомнѣніе всѣ результаты наукъ до тѣхъ поръ, пока строгое и всестороннее методическое изслѣдованіе этихъ посылокъ не установило ихъ дѣйствительную надежность, не превратило незаконное довѣріе къ нимъ, опирающееся на ассоціаціяхъ, въ законное довѣріе, опирающееся на методическомъ изслѣдованіи? И чтобы имѣть примѣръ наиболѣе рельефный, обратимся къ отношенію эмпиристовъ этого класса къ геометрическимъ аксіомамъ какъ такимъ истинамъ, которыя въ отличіе отъ другихъ общихъ посылокъ, напримѣръ, общаго закона причинности, одинаково всѣми представителями эмпиризма признаются за образецъ неразрывныхъ ассоціацій, и относительно которыхъ болѣе чѣмъ о какихъ либо другихъ истинахъ можно утверждать, что въ воспріятіи постоянно и въ обиліи встрѣчаются явленія, способныя служить матеріаломъ для разрѣшенія вопроса объ ихъ истинности или ложности [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что ни Милль, ни тѣ представители точнаго знанія, которые не расположены придавать научнаго значенія необходимой мыслимости, хотя не отрицаютъ той относительной достовѣрности аксіомъ, которая должна по ихъ взглядамъ принад-

---

[1]) О законѣ причинности, конечно, нельзя утверждать, какъ это можно утверждать объ геометрическихъ аксіомахъ, что при каждомъ данномъ въ воспріятіи явленіи, подходящемъ подъ подлежащее этого закона, т. е. при каждомъ воспринимаемомъ дѣйствіи, воспринимается и явленіе, соотвѣтствующее сказуемому закона, т. е. его причина. О дѣйствительной причинѣ опредѣленнаго даннаго въ воспріятіи дѣйствія очень часто мы даже и не знаемъ, а поэтому не можемъ даже съ воспріятіемъ опредѣленнаго дѣйствія соединить простого представленія объ опредѣленной причинѣ. Сверхъ того убѣжденіе въ свободѣ воли всегда существовало и доселѣ существуетъ у людей. Неудивительно, поэтому, что даже Спенсеръ полагаетъ, что необходимой мыслимости достигаетъ законъ причинности только въ позднѣйшее время и при томъ у людей высокаго научнаго развитія, а Милль прямо отказываетъ закону причинности въ необходимой мыслимости и думаетъ, что и сейчасъ возможно представленіе о хаосѣ въ смыслѣ теченія событій, не подчиненнаго законамъ причинной связи, въ какой-нибудь отдаленной отъ насъ небесной сферѣ. А поэтому примѣненіе къ закону причинности методическаго изслѣдованія стоитъ подъ другими условіями, чѣмъ примѣненіе его къ истинамъ, которыя подходятъ подъ условія, предполагающія по эмпиризму развитіе неразрывныхъ ассоціацій. Почти то же нужно сказать и о законѣ субстанціальности. Числовыя сужденія здѣсь совсѣмъ не берутся въ расчетъ по причинамъ, которыя здѣсь не могутъ быть разъяснены. О процессѣ убѣжденія въ логическихъ законахъ и формулахъ, какъ ранѣе было замѣчено, Милль отчетливо не разсуждаетъ въ своей логикѣ, но implicite о процессѣ убѣжденія въ нихъ должно у него подразумѣваться совершенно то же, что опредѣленно высказывается имъ о геометрическихъ аксіомахъ.

лежать истинамъ, основаннымъ на опытѣ, тѣмъ не менѣе не представляютъ намъ тѣхъ методическихъ изслѣдованій, которыя должны превратить эти истины изъ положеній, мнимо доказывавшихся ссылками на необходимую мыслимость, въ истины твердо доказанныя опытнымъ путемъ. Если Лобачевскій счелъ нужнымъ для болѣе точной опытной установки аксіомы параллелей обратиться къ вычисленію суммы угловъ большаго астрономическаго треугольника, то къ такому изслѣдованію его вызвалъ взглядъ на аксіомы, какъ на истины опытныя, не самъ по себѣ, а лишь въ связи съ выработаннымъ имъ понятіемъ о пространствѣ, въ которомъ не имѣла бы значенія эта аксіома. По этому понятію выходило, что нашъ опытъ, на которомъ въ нашей мысли фактически основывается эта аксіома, можетъ не обнимать случаевъ, на которыхъ могла бы обнаружиться ея неточность, если предположить, что отъ свойства, которое предполагается въ пространствѣ этой аксіомой, очень незначительно отличается соотвѣтствующее свойство нашего дѣйствительнаго пространства; т. е. провѣрка аксіомы на новомъ случаѣ вызвана была не общею мыслью о необходимости методическаго изслѣдованія каждаго положенія, которому ошибочно усвоялась умозрительная очевидность, а особымъ сомнѣніемъ, возникшимъ изъ доказанной возможности развить вполнѣ послѣдовательную систему геометріи безъ этой аксіомы и изъ разъясненной отсюда возможности для пространства этой геометріи въ условіяхъ нашего опыта быть неотличимымъ отъ пространства, подчиненнаго аксіомѣ. И это новое опытное изслѣдованіе аксіомы ограничивалось исключительно тою областью фактовъ (большія астрономическія фигуры), на которую спеціально указывало возникшее недоумѣніе и которая, какъ предполагалось, не вліяла на существующее убѣжденіе въ аксіомѣ; а о методическомъ изслѣдованіи тѣхъ областей опыта, подъ вліяніемъ которыхъ это убѣжденіе образовалось, здѣсь точно такъ же, какъ и у другихъ представителей науки, не было и рѣчи, хотя и здѣсь рѣшительно признавалось, что аксіома для этихъ областей представляетъ обобщеніе пригодное, т. е. такое, неточность котораго, если бы она и была, не могла бы быть усмотрѣна никакимъ методическимъ ихъ изслѣдованіемъ. Такимъ образомъ, представленіе методическаго изслѣдованія для установки опытной достовѣрности аксіомъ, очевидно, всюду признавалось дѣломъ совсѣмъ излишнимъ. Но, почему же? Чтобы сдѣлать для себя это понятнымъ, для этого нужно только живо представить себѣ, чѣмъ должно бы было быть такое изслѣдованіе? Оно должно бы было быть собраніемъ и тщательнымъ обслѣдованіемъ

громаднѣйшей массы фактовъ, данныхъ при всевозможно разнообразныхъ условіяхъ и способныхъ быть поставленными въ прямую или косвенную связь съ аксіомой. И, конечно, никто, обратившись къ своему собственному сознанію, не станетъ отрицать совершенной естественности того, что подобное изслѣдованіе въ отношеніи къ аксіомамъ было сочтено дѣйствительно излишнимъ и страннымъ. Однако, не означаетъ ли этотъ фактъ, что научное сознаніе и этихъ эмпиристовъ при своемъ собственномъ утвержденіи достовѣрности аксіомъ руководилось иными критеріями, а не провѣркою ихъ методическимъ изслѣдованіемъ?

Сами эмпиристы этого направленія, несомнѣнно, даютъ другое толкованіе этому факту. Мы знаемъ, что по Миллю общія высшія посылки знанія относятся къ такимъ положеніямъ, для сужденія объ истинности или ложности которыхъ мы имѣемъ много фактовъ, встрѣчающихся постоянно въ обиліи въ нашемъ опытѣ. Мы знаемъ съ другой стороны, что по его теоріи индукція получаетъ высшую достовѣрность именно при этомъ условіи, когда констатируемое ею согласіе проходящихъ чрезъ сознаніе фактовъ съ опредѣленнымъ положеніемъ касается фактовъ, постоянно и въ обиліи встрѣчающихся въ воспріятіи. Все это даетъ Миллю поводъ смотрѣть на нашу вѣру въ аксіомы такъ, какъ будто бы законное опытное доказательство ихъ всегда въ готовомъ видѣ существовало и существуетъ въ человѣческомъ сознаніи, и ошибка этого сознанія состояла никакъ не въ томъ, что оно признавало ихъ достовѣрность, не имѣя твердаго опытнаго ихъ доказательства, а только въ томъ, что оно увлекалось необходимою мыслимостью, отличающей эти положенія, и приписавъ ей особое чрезвычайное познавательное значеніе, вслѣдствіе этого не придавало значенія существовавшему въ немъ вполнѣ законному опытному доказательству ихъ достовѣрности. Желая въ противоположность теоріи, которая учила, что „не опытъ *доказываетъ* аксіому, а что ея истинность усматривается a priori“, показать, что „если истинность аксіомы и обнаруживалась бы независимо отъ опыта, то она обнаруживается изъ опыта“, Милль поступаетъ очень просто. Онъ беретъ одну изъ наиболѣе очевидныхъ аксіомъ (о невозможности двумъ прямымъ замкнуть пространство) и говоритъ [1]): „нуждается ли эта аксіома въ подвержденіи или нѣтъ, — она находитъ подтвержденіе почти въ каждое мгновеніе нашей жизни.... Опытныя доказательства (ея) тѣснятся вокругъ насъ въ безконечномъ изобиліи, не сопровождаясь

[1]) Syst. of Log. I. 259—270, p. p. I, 260.

ни однимъ случаемъ, въ которомъ бы можно было хоть заподозрить исключеніе изъ правила. Мы имѣли бы вскорѣ большее основаніе вѣрить аксіомѣ даже какъ истинѣ опытной, чѣмъ какое представляется въ подтвержденіе почти любой изъ общихъ истинъ, которыя мы завѣдомо познаемъ изъ свидѣтельства нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Независимо отъ доказательства апріорическаго, мы, конечно, были бы убѣждены въ аксіомѣ гораздо глубже, чѣмъ въ какой-либо обыкновенной естественной истинѣ,—и при томъ въ болѣе ранній періодъ жизни, чѣмъ съ котораго мы считаемъ любую часть нашихъ усвоенныхъ знаній". И этотъ взглядъ, конечно, вовсе не принадлежитъ исключительно Миллю. Онъ по существу неизбѣжно долженъ раздѣляться всѣми тѣми эмпиристами, которые, не признавая познавательнаго значенія ассоціативныхъ связей, тѣмъ не менѣе признаютъ научную достовѣрность аксіомъ, совсѣмъ не представляя методическаго ихъ изслѣдованія. И всѣми этими лицами, конечно, предполагается, что предшествующій опытъ каждаго субъекта, обнимающій въ себѣ безконечное множество фактовъ, по которымъ можно судить объ истинности или ложности аксіомъ, представляетъ для каждаго полное подтвержденіе ихъ истинности, которое должно дѣлать совершенно излишнимъ какое бы то ни было ихъ изслѣдованіе. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія и должно представляться несправедливымъ—изъ отсутствія методическихъ изслѣдованій достовѣрности аксіомъ у лицъ, отрицающихъ познавательное значеніе присущей этимъ аксіомамъ необходимой мыслимости, выводить, что фактическое научное сознаніе этихъ лицъ отрицаетъ нужду въ методическомъ изслѣдованіи для оправданія достовѣрности аксіомъ.

Если въ сознаніи каждаго существуетъ въ готовомъ видѣ законное опытное доказательство аксіомъ,—такъ, конечно, должны разсуждать эмпиристы этой фракціи,—то лицу, признающему ихъ научную, то-есть, для общаго сознанія твердо установленную достовѣрность, совсѣмъ нѣтъ нужды представлять методическаго ихъ доказательства. Вся задача его должна сводиться къ тому, чтобы разъяснить, что центръ тяжести въ процессѣ оправданія вѣры въ аксіомы долженъ быть перенесенъ съ одного пункта на другой, съ ненаучнаго подтвержденія ихъ необходимою мыслимостію на существующее въ готовомъ видѣ совершенно законное опытное ихъ доказательство, которое только игнорируется обыкновеннымъ сознаніемъ подъ вліяніемъ иллюзорныхъ представленій о чрезвычайномъ познавательномъ значеніи необходимой мыслимости. Однако, мнѣ кажется, дозволительно все же спросить: такъ ли все это на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли въ

сознаніи каждаго въ готовомъ видѣ существуетъ то доказательство аксіомъ, которое по теоріи Милля должно считаться ихъ единственно законнымъ доказательствомъ?

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ нашемъ сознаніи постоянно и въ чрезвычайномъ обиліи проходятъ факты, по которымъ мы отчасти прямо и непосредственно, а премущественно съ помощію косвенныхъ выводовъ могли бы судить объ истинности или неистинности аксіомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что съ эмпиристической точки зрѣнія должно быть признано, что этотъ матеріалъ совершенно достаточенъ для того, чтобы методическое его изслѣдованіе привело къ возможному для человѣческаго сознанія достовѣрному выводу по вопросу объ истинности аксіомъ. Но не менѣе несомнѣнно и то, что субъектъ сознанія при обычномъ теченіи психической жизни не ставитъ своею задачею при каждой встрѣчѣ воспріятія съ подобными фактами установку той или другой аксіомы, не обслѣдываетъ каждый такой фактъ во время самой наличной данности его въ сознаніи съ точки зрѣнія этой задачи и вообще сознательно не ставитъ его въ соотношеніе съ соотвѣтствующей аксіомой. А поэтому и убѣжденіе въ той или другой аксіомѣ, если разсматривать его какъ результатъ только этого прохожденія чрезъ наше воспріятіе пусть и безконечнаго количества фактовъ, способныхъ быть сопоставленными съ нею, то есть, если видѣть въ немъ убѣжденіе, непосредственно выносимое изъ этого прохожденія чрезъ наше воспріятіе совокупности безконечно многихъ и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ возникающихъ фактовъ, ни въ какомъ случаѣ не будетъ выводомъ изъ всей совокупности этихъ фактовъ, такъ какъ выводъ предполагаетъ разсматриваніе фактовъ какъ посылокъ для заключенія, то есть предполагаетъ сопоставленіе ихъ съ доказываемымъ положеніемъ и обсужденіе ихъ съ этой точки зрѣнія. Конечно, даже и въ томъ случаѣ, если брать во вниманіе только зависимость убѣжденія въ томъ или другомъ положеніи исключительно отъ этого процесса прохожденія въ воспріятіи безконечнаго количества фактовъ, способныхъ быть поставленными въ соотношеніе съ этимъ положеніемъ, но фактически обыкновенно остающихся не поставленными въ такое соотношеніе,—даже и въ этомъ случаѣ останется все же право говорить объ этомъ убѣжденіи, что оно непосредственно выносится изъ всей совокупности ранѣе прожитыхъ безчисленныхъ фактовъ. Но въ такомъ случаѣ все значеніе этихъ фактовъ сводилось бы къ тому вліянію, которое имѣетъ на образованіе убѣжденія ассоціативный про-

цессъ, вслѣдствіе котораго безконечно частое повтореніе въ воспріятіи фактовъ, прямо или косвенно указывающихъ на одно и то же сочетаніе явленій, само собою по закону психической жизни закрѣпляетъ связь между представленіями объ этихъ явленіяхъ до такой степени, что она невольно принимается сознаніемъ за выраженіе господствующаго надъ явленіями закона. А поэтому признавать научную достовѣрность аксіомъ, ссылаясь исключительно на безчисленность прошедшихъ черезъ сознаніе фактовъ, по которымъ можно бы было судить объ ихъ истинности или ложности, это значило бы прямо ссылаться на то довѣріе къ ассоціаціоннымъ процессамъ, противъ котораго и выставляется требованіе методическаго изслѣдованія.

Конечно, изъ того, что теченіе въ воспріятіи фактовъ, способныхъ быть поставленными въ различныя логическія отношенія къ аксіомамъ, можетъ совершаться и обыкновенно совершается безъ обсужденія и сознательнаго констатированія согласія ихъ съ этими аксіомами, не слѣдуетъ, чтобы сознаніе не могло пользоваться ими для какихъ угодно методическихъ изслѣдованій. При первомъ возникновеніи въ сознаніи вопроса о возможности оправдать убѣжденіе въ аксіомахъ опытомъ, ничто не препятствуетъ сознанію вызывать воспоминанія о ранѣе воспринятыхъ фактахъ, способныхъ представлять матеріалъ для рѣшенія возникшаго вопроса, и обслѣдовать ихъ отношеніе къ аксіомамъ, а если сознаніе почувствуетъ въ томъ нужду, то и сопровождать подобнымъ же разслѣдованіемъ и новыя текущія воспріятія и отчетливо усматривать согласіе какъ воспоминаемыхъ, такъ и воспринимаемыхъ фактовъ съ аксіомами. И нѣтъ основанія отрицать, что если не во всякомъ сознаніи, то все же въ сознаніи, въ которомъ поставленъ вопросъ о возможности оправдывать убѣжденіе въ аксіомахъ опытомъ, невольно сама собою и безъ всякаго затрудненія должна являться неопредѣленная масса воспоминаній и воспріятій, согласіе которыхъ съ аксіомами можетъ быть констатируемо и фактически констатируется при этомъ сознаніемъ. И если этотъ именно процессъ имѣется въ виду, когда рисуютъ отношеніе общаго сознанія къ вопросу о достовѣрности аксіомъ въ такихъ чертахъ, что оказывается во всякомъ сознаніи всегда готовое фактическое доказательство ихъ, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что подобный процессъ уясненія для сознанія согласія аксіомъ съ дѣйствительностью очень рѣзко отличался бы отъ того процесса убѣжденія въ достовѣрности аксіомъ, который предполагается у Спенсера. Въ первый изъ этихъ процессовъ, очевидно, не только входитъ признаніе, что

чрезъ сознаніе проходятъ громаднѣйшія массы фактовъ, способныхъ служить матеріаломъ для изслѣдованія согласія аксіомъ съ дѣйствительностью, но и непосредственное констатированіе согласія съ аксіомами тѣхъ изъ этихъ фактовъ, которые при этомъ процессѣ устанавливаются воспоминаніемъ или непосредственно свидѣтельствуются воспріятіемъ, тогда какъ въ Спенсеровомъ процессѣ все ограничивается экспериментаціей надъ связью представленій, входящихъ въ содержаніе аксіомъ.

Однако, когда мы беремъ процессъ, совершающійся въ сознаніи при возникновеніи вопроса о возможности оправдать аксіомы опытомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ можетъ быть признанъ дѣйствительно происходящимъ въ каждомъ сознаніи, которое поставило такой вопросъ, то можно спросить: дѣйствительно ли можно утверждать, что въ немъ мы имѣемъ строго выполненными всѣ тѣ требованія отъ методическаго изслѣдованія, выполненіе которыхъ должно по Миллю обезпечивать высшую достовѣрность его результата? Прохожденіе черезъ сознаніе каждаго огромныхъ массъ фактовъ, способныхъ стать матеріаломъ методическаго изслѣдованія при рѣшеніи вопроса о достовѣрности аксіомъ, мы можемъ признать за нѣчто несомнѣнное уже потому, что наша психическая жизнь не можетъ не имѣть постоянно дѣла съ пространственными отношеніями. Мы можемъ при этомъ также предположить какъ фактъ, что въ сознаніи каждаго, по крайней мѣрѣ при возникновеніи вопроса о возможности оправданія аксіомъ опытомъ, является сопоставленіе съ аксіомами неопредѣленной массы вспоминаемыхъ и воспринимаемыхъ фактовъ, способныхъ служить матеріаломъ для рѣшенія возникшаго вопроса. Но какая же была бы необходимость и не было ли бы, наоборотъ, прямымъ противорѣчіемъ всему, что мы знаемъ о психической жизни людей, утверждать, что являющійся такимъ образомъ процессъ разслѣдованія вступающихъ въ сознаніе фактовъ со стороны отношенія ихъ къ аксіомамъ проводится въ той полнотѣ и послѣдовательности, которая предполагается методическимъ доказательствомъ аксіомы, то есть, что каждый субъектъ при такихъ условіяхъ со всею критическою осмотрительностью обслѣдываетъ громаднѣйшія массы соотвѣтствующихъ фактовъ, данныхъ при всевозможныхъ разнообразныхъ условіяхъ? Не должны ли мы утверждать наоборотъ, что для обычнаго сознанія подобная задача прямо показалась бы, какъ и для Милля, совершенно излишней и безцѣльной? Это такъ ясно, что самая мысль о дѣйствительномъ выполненіи такой задачи каждымъ сознаніемъ можетъ возникнуть только, когда бы достаточно строго не

различили процесса прохожденія чрезъ сознаніе фактовъ, которое дѣйствительно даетъ громадную массу фактовъ, полученныхъ при всевозможныхъ разнообразныхъ условіяхъ, отъ методическаго ихъ обслѣдованія и растолковали первый процессъ такъ, какъ будто бы онъ фактически былъ разслѣдованіемъ по вопросу объ аксіомахъ.

Кромѣ того, мнѣ кажется, что когда говорятъ о сличеніи аксіомъ съ фактами въ каждомъ сознаніи, то не слѣдуетъ забывать, что если понять его какъ методическое изслѣдованіе въ Миллевомъ смыслѣ, то оно не должно и не можетъ составлять исключенія изъ всякаго рода другихъ методическихъ изслѣдованій, и обстоятельность его, какъ и всякаго другого изслѣдованія, должна зависѣть отъ развитія въ субъектѣ сознанія научныхъ требованій, а право претендовать на научное, то есть обязательное для всякаго сознанія значеніе, должно предполагать предварительную провѣрку его общенаучнымъ сознаніемъ. Если же это такъ, то взглядъ на предполагаемый совершающимся въ чьемъ угодно сознаніи и не представленный на критическую провѣрку общенаучнаго сознанія методическій процессъ какъ на процессъ, вполнѣ удовлетворяющій строгимъ методическимъ требованіямъ, нужно счесть за чистое недоразумѣніе. Примемъ при этомъ во вниманіе, что дѣло идетъ о процессѣ фактической провѣрки такихъ истинъ, о которыхъ предполагается, что наше убѣжденіе въ нихъ стоитъ подъ сильнымъ вліяніемъ ассоціативной связи. И если это вліяніе съ Миллевой точки зрѣнія должно считаться совсѣмъ незаконнымъ и въ то же время однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій къ выполненію во всей строгости требованій методическаго изслѣдованія, то на Миллево признаніе этого процесса за законное доказательство аксіомъ едва ли можно смотрѣть иначе какъ на свидѣтельство того, что фактическое научное сознаніе Милля не оказалось въ согласіи съ его полемикой противъ научнаго значенія ассоціативныхъ связей.

Изъ той мысли, что чрезъ наше сознаніе проходятъ постоянно и въ обиліи факты, которые могутъ служить матеріаломъ при фактической провѣркѣ аксіомъ, строго согласно съ ученіемъ Милля о законномъ процессѣ убѣжденія въ общихъ послѣднихъ посылкахъ знанія, во всякомъ случаѣ будетъ слѣдовать, что каждое сознаніе можетъ имѣть достаточный матеріалъ для твердаго рѣшенія вопроса объ истинности аксіомъ. И можно спросить: не достаточно ли было бы Миллю для того, чтобы опереться на процессъ сличенія аксіомъ съ фактами въ общемъ сознаніи, уже и этого? Не слѣдуетъ ли уже и отсюда, что каждое сознаніе, если и не имѣетъ, то можетъ, когда угодно, имѣть твердое

доказательство достовѣрности аксіомъ, воспользовавшись для этого всѣмъ матеріаломъ, который прошелъ черезъ него? Но сдѣлать такой выводъ могъ бы только тотъ, кто уже заранѣе былъ бы убѣжденъ въ достовѣрности аксіомъ, такъ какъ при этомъ выводѣ предполагается заранѣе, что результатъ этой повѣрки долженъ оказаться въ пользу аксіомъ. Но подобное убѣжденіе до фактическаго совершенія методическаго изслѣдованія, по Миллю, можетъ быть только результатомъ незаконной вѣры въ научное значеніе неразрывныхъ ассоціацій.

Доселѣ, обсуждая этотъ процессъ, который является въ сознаніи каждаго при возникновеніи вопроса о возможности фактическаго оправданія аксіомъ, мы предполагали вслѣдъ за Миллемъ, что этотъ процессъ ставитъ своею задачею методическое изслѣдованіе достовѣрности аксіомы, т. е. оправданіе ея только тѣми фактами, согласіе которыхъ съ ней въ этомъ процессѣ обслѣживается и констатируется. Но какое мы имѣемъ основаніе такъ думать? Для оправданія аксіомы здѣсь, очевидно, привлекается вся совокупность прошедшихъ черезъ сознаніе фактовъ, которые могли бы быть сопоставлены съ нею. Истинность аксіомы выводится изъ того, что вся совокупность этихъ фактовъ согласна съ нею, что среди нихъ нѣтъ въ этомъ отношеніи исключеній. Разъясняя это доказательство, Милль, какъ мы видѣли, говоритъ о подтвержденіи аксіомъ почти въ каждое мгновеніе нашей жизни, объ опытныхъ доказательствахъ ихъ, тѣснящихся вокругъ насъ въ безконечномъ изобиліи, о законныхъ основаніяхъ вѣрить аксіомамъ въ ранній періодъ жизни. Такой взглядъ дѣйствительно приложимъ къ процессу, который можетъ происходить въ каждомъ сознаніи, но къ процессу, въ которомъ имѣются въ виду всѣ проходящіе черезъ сознаніе факты, а не факты, только отчетливо сопоставленные съ аксіомами. И мы видѣли, что когда мы разсматриваемъ такое доказательство, какъ прямой выводъ аксіомы только изъ такихъ фактовъ, изъ которыхъ въ каждомъ нами усмотрѣно сочетаніе явленій, соотвѣтствующее аксіомѣ, оно является передъ нами какъ паралогизмъ, какъ результатъ смѣшенія того, что могло бы быть матеріаломъ изслѣдованія, съ тѣмъ, что фактически стало такимъ матеріаломъ и въ чемъ дѣйствительно констатировано согласное съ аксіомой сочетаніе явленій. Но въ такомъ случаѣ какое же право мы имѣемъ разсматривать его именно такъ? Вѣдь необходимость такого его разсмотрѣнія, при обсужденіи ссылки на него Милля, только тѣмъ и вызывается, что Милль очевидно считаетъ его тожественнымъ съ своимъ методическимъ изслѣдованіемъ, которое предполагаетъ, что никакого познавательнаго значенія за ас-

соціативными процессами не можетъ быть признано. Другой необходимости нѣтъ. Почему не могло бы общее сознаніе спрашивать о всей сполна совокупности проходящихъ чрезъ него фактовъ, способныхъ быть поставленными въ отношеніе къ опредѣленной аксіомѣ, не можетъ ли вся эта совокупность просто какъ совокупность прошедшихъ черезъ него, хотя бы и не обслѣдованныхъ каждый въ отдѣльности фактовъ служить оправданію этой аксіомы? И почему бы общее сознаніе не могло бы при этомъ стараться разъяснить для себя возможность ссылаться на эту совокупность? Въ такомъ случаѣ фактически разсматриваемая при этомъ процессѣ неопредѣленная масса фактовъ должна получить смыслъ совсѣмъ не основанія, изъ котораго прямо выводится аксіома, какъ это должно выходить по Миллеву доказательству общихъ посылокъ знанія; она должна получить значеніе средства привлечь къ доказательству аксіомъ всѣ проходившіе черезъ сознаніе безчисленные факты, имѣющіе отношеніе къ аксіомамъ, т. е. должна служить той же цѣли, какой служитъ Спенсерово экспериментированіе надъ неразрывною связью представленій, хотя средства, ведущія къ этой цѣли въ этихъ обоихъ случаяхъ, и существенно различаются другъ отъ друга. Ниже разъяснится само собою, какъ съ эмпиристической точки зрѣнія точнѣе долженъ быть обрисованъ этотъ процессъ. Здѣсь имѣлось въ виду только показать, что тотъ процессъ, который Милль считаетъ законнымъ основаніемъ убѣжденія въ аксіомахъ въ общемъ сознаніи, не только не можетъ считаться удовлетворяющимъ тѣмъ требованіямъ, которымъ по Миллю должно удовлетворять признаваемое имъ законнымъ ихъ доказательство, но и преслѣдуетъ цѣли, которыя совсѣмъ не согласимы съ характеромъ этого доказательства.

Когда Милль борется съ ученіемъ объ умозрительной достовѣрности геометрическихъ аксіомъ, онъ еще болѣе измѣняетъ послѣдовательности своего ученія о строго методическомъ обоснованіи общихъ посылокъ знанія. Въ отношеніи къ этимъ аксіомамъ даже прямая ссылка на ихъ необходимую мыслимость казалась на столько соотвѣтствующей познавательнымъ инстинктамъ, какъ выразились они въ научной практикѣ, что Милль, какъ это было разъяснено при критикѣ его взглядовъ, въ несомнѣнномъ, хотя и несознательномъ противорѣчіи съ своими взглядами на необходимую мыслимость, вынужденъ строить особую теорію законнаго убѣжденія въ этихъ истинахъ чрезъ разсмотрѣніе представленій, въ нихъ входящихъ. Здѣсь дѣло шло уже не объ отожествленіи съ методическимъ процессомъ обосно-

ванія аксіомъ процесса, который нельзя было признать строго методическимъ ни по выполненію, ни по задачѣ, по которой все же оперировалъ съ тѣми же фактами, съ которыми долженъ былъ оперировать и строго методическій процессъ; здѣсь дѣло шло уже о признаніи законности процесса, который оперировалъ прямо съ простыми представленіями и не могъ не опираться на неразрывныя ассоціаціи, противъ значенія которыхъ Милль полемизировалъ.

Таково фактическое отношеніе научнаго сознанія даже въ самой эмпиристической школѣ къ общимъ истинамъ, достовѣрность которыхъ по ученію противоположной школы усматривается чисто умозрительнымъ путемъ.

Но ассоціативная неразрывная связь должна характеризовать по эмпиризму не эти только истины. Спенсеръ, какъ мы знаемъ изъ выше сдѣланнаго изложенія его взгляда, выпукло поставилъ на видъ, что подъ условіями, при которыхъ по эмпиризму должны возникать неразрывныя ассоціаціи, стоитъ образованіе не только тѣхъ сочетаній познавательныхъ явленій, которыя выражаются въ положеніяхъ, служащихъ общими основными посылками знанія, и которыя по преимуществу имѣлъ въ виду Милль при своей полемикѣ противъ ссылокъ на необходимую мыслимость, но и многихъ изъ тѣхъ сочетаній, которыя непосредственнымъ сознаніемъ обыкновенно прямо принимаются за непосредственно данные факты, за чистый продуктъ пассивнаго усвоенія сознаніемъ внѣшнихъ впечатлѣній. И справедливо, конечно, и относительно этихъ сочетаній спросить, какимъ должно представляться съ эмпиристической точки зрѣнія фактическое отношеніе къ нимъ научнаго сознанія. И это тѣмъ болѣе важно, что частныя фактическія истины лежатъ по эмпиризму и въ основѣ общихъ посылокъ и поэтому составляютъ фундаментъ всего научнаго знанія.

Мы уже знаемъ, что оба представителя эмпиризма, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, какъ Спенсеръ такъ и Милль, одинаково послѣдовательно проводятъ ассоціанистическое ученіе о происхожденіи пространственнаго созерцанія. Но этимъ ученіемъ факты воспріятія всецѣло превращаются въ сплошныя ассоціаціи, запечатлѣнныя характеромъ неразрывности. Съ другой стороны несомнѣнно, что научное сознаніе при естественнонаучныхъ изслѣдованіяхъ пользуется данными въ воспріятіи пространственными отношеніями совершенно такъ же, какъ бы оно пользовалось ими, когда бы они представляли собою дѣйствительно непосредственно данный матеріалъ, а не сплошную ассоціативную переработку первоначально даннаго матеріала. И оно

пользуется ими такъ никакъ не вслѣдствіе когда-либо и кѣмъ-либо произведенныхъ научно-методическимъ путемъ изслѣдованій, доказавшихъ совершенную законность тѣхъ сложныхъ процессовъ, результаты которыхъ, по ученію ассоціанистовъ, закрѣплены неразрывною ассоціаціею, а потому оправдывающихъ обращеніе науки не непосредственно къ матеріалу въ его первоначальномъ видѣ, а прямо къ его ассоціативной переработкѣ. Естествознаніе поступаетъ такъ просто потому, что оно считаетъ совершенно безразличнымъ для своего пользованія данными въ воспріятіи пространственными отношеніями тѣ или другіе взгляды на психологическій ихъ генезисъ, — считаетъ безразличнымъ, конечно, до тѣхъ поръ и на столько, пока и на сколько какіе-либо вновь установившіеся результаты научнаго знанія не возбудятъ сомнѣній въ законосообразной правильности такого рода предполагаемыхъ ассоціативныхъ переработокъ непосредственно данныхъ ощущеній. И такое отношеніе научнаго сознанія къ даннымъ въ воспріятіи пространственнымъ отношеніямъ остается одинаковымъ, какихъ бы гносеологическихъ или психологическихъ взглядовъ ни держались ученые.

Милль не объясняетъ, какъ согласить этотъ фактъ съ его отрицаніемъ познавательнаго значенія неразрывныхъ ассоціацій и требованіемъ методическаго оправданія для сужденій, отличающихся неразрывностію связи входящихъ въ нихъ представленій. Конечно, нужно предполагать, что его объясненіе и здѣсь, если бы оно было, сводилось бы къ указанію на безконечно частое повтореніе фактовъ, подтверждающихъ эти сочетанія, которое для всякаго сознанія должно совершенно законно сдѣлать достовѣрными являющіеся новые факты подобной же ассоціаціи. Но и здѣсь, очевидно, приложимы совершенно тѣ же возраженія противъ подобнаго объясненія, какія сдѣланы выше. Къ этимъ общимъ возраженіямъ здѣсь можно прибавить и одно спеціальное, относящееся непосредственно къ этому случаю. Пространственныя созерцанія признаются, какъ извѣстно, ассоціанистической школой сложными связками представленій безчисленныхъ рядовъ собственно такъ называемыхъ мускульныхъ ощущеній. Но совершенно точная непосредственная оцѣнка ряда мускульныхъ усилій со стороны его продолжительности, интенсивности и качественныхъ перемѣнъ, въ немъ происходящихъ, точно такъ же, какъ и подобная же оцѣнка по продолжительности, скорости и по перемѣнамъ направленій тѣхъ производимыхъ этими усиліями движеній нашего тѣла, въ которыхъ наглядно выражаются эти ряды мускульныхъ усилій, оказывается

невозможной; а поэтому по крайней мѣрѣ непосредственное сознаніе для болѣе точной оцѣнки ихъ пользуется данными въ воспріятіи пространственными протяженіями, проходимыми этими движеніями, и пространственными перемѣнами въ направленіи этихъ движеній [1]). Вслѣдствіе этого по крайней мѣрѣ для непосредственнаго сознанія самые, повидимому, ближайшіе и многочисленные случаи провѣрокъ точности признаваемыхъ ассоціативными пространственныхъ отношеній на обозначаемыхъ ими реальностяхъ, т. е. на рядахъ мускульныхъ ощущеній, теряютъ значеніе точныхъ провѣрокъ, такъ какъ точная непосредственная оцѣнка самыхъ этихъ рядовъ оказывается невозможной, и точное опредѣленіе ряда само совершается по указанію соотвѣтствующихъ пространственныхъ отношеній. Такимъ образомъ о законномъ методическомъ доказательствѣ, существующемъ въ каждомъ сознаніи, въ примѣненіи къ этимъ ассоціаціямъ, образующимъ пространственныя отношенія въ воспріятіи, будетъ еще труднѣе говорить, чѣмъ въ примѣненіи къ аксіомамъ.

Что касается собственно Спенсера, то, по его психологіи, послѣдовательно проводящей теорію развитія, не только весь сполна пространственный синтезъ, но и весь сполна синтезъ во времени, даже, какъ уже приходилось намъ упоминать, всякая опредѣленность какого бы то ни было самаго простѣйшаго ощущенія должна оказаться въ зависимости отъ ассоціативныхъ процессовъ, слѣдовательно при пользованіи ею сознаніемъ должна предполагать довѣріе сознанія къ

---

[1]) Спенсеръ Princ, of Psych. II, 37—39, p. p. III, 36—38 и слѣд. считаетъ принадлежностію всякаго количественнаго разсужденія „сопротяженность“ сравниваемыхъ величинъ, т. е. „тожество въ отношеніи къ количеству занимаемаго пространства“, и признаетъ „простую интуицію равенства двухъ величинъ, составляющую зерно, изъ котораго вырастаетъ количественное разсужденіе“, необходимо заключающей въ себѣ эту идею сопротяженности. „Прослѣдивъ, говоритъ онъ, за единицами времени, силы, цѣнности, скорости и пр. до момента ихъ происхожденія, мы найдемъ, что всѣ эти единицы, безразлично представляемыя нашими числами, измѣрялись первоначально равными единицами пространства. Равенство временъ становится извѣстнымъ намъ или вслѣдствіе равенства пространствъ, проходимыхъ стрѣлкою, или вслѣдствіе истеченія равныхъ количествъ (единицъ объема, т. е. пространственныхъ единицъ) песку или воды... Задачи статики и механики разрѣшимы въ началѣ только съ помощію откладыванія линій различной длины, изображающихъ величины силъ... Слѣдовательно единицы исчисленія при всей той абстрактности, до какой онѣ достигли въ настоящее время, будучи приложимы къ какому бы то ни было виду величинъ, замѣщаютъ собою въ дѣйствительности равныя единицы линейнаго протяженія, такъ что идея сопротяженности служитъ подкладкою всякаго процесса математическаго анализа“.

окрѣпшимъ результатамъ этихъ процессовъ. При такого рода теоріи, о какихъ бы то ни было методическихъ доказательствахъ (все равно научныхъ или общаго сознанія) окрѣпшихъ результатовъ ассоціаціи, конечно, не можетъ быть и рѣчи вслѣдствіе отсутствія въ наличномъ сознаніи какихъ бы то ни было опредѣленныхъ первоначальныхъ данныхъ и ихъ сочетаній, которыя могли бы быть положены въ основаніи методическаго изслѣдованія. При такой теоріи оставалась бы возможность считать провѣркой неразрывныхъ ассоціацій только общую взаимную согласованность самыхъ этихъ ассоціацій. Но это уже не значило бы замѣнять критерій неразрывной ассоціаціи другимъ требованіемъ, требованіемъ методическаго изслѣдованія, а значило бы только прибавлять къ этому критерію добавочное требованіе объ отсутствіи всякихъ столкновеній неразрывныхъ ассоціацій съ какими-либо другими подобными же ассоціаціями.

Правда, Милль не обнаруживаетъ никакихъ стремленій всякую опредѣленность познавательныхъ явленій считать результатомъ ассоціативныхъ процессовъ. И поэтому особыя трудности, въ которыя ставитъ подобный взглядъ теорію о незаконности довѣрія къ неразрывнымъ ассоціаціямъ, его не касаются. Да и объ общемъ ему со Спенсеромъ ученіи объ ассоціативномъ происхожденіи пространственнаго созерцанія все же можно съ правомъ сказать, что оно никакъ не представляетъ ни твердо установившейся въ наукѣ теоріи, ни теоріи, неразрывно связанной съ эмпиризмомъ. Для эмпириста, отрицающаго ее, остается открытой возможность признать пространственную сторону явленій такъ же непосредственно данной эмпирически, какъ признается эмпирически данной качественная ихъ сторона. А поэтому и затрудненія, которыя соединены съ этой теоріей для эмпириста, предъявляющаго требованіе методическаго обоснованія для всего, что претендуетъ на необходимую мыслимость, хотя и касаются Милля, но не могутъ быть поставлены въ упрекъ вообще той эмпиристической гносеологіи, которая предъявляетъ это требованіе. Однако о всѣхъ этихъ затрудненіяхъ совсѣмъ нельзя сказать, что они связаны исключительно съ этими болѣе рѣшительными ассоціанистическими теоріями.

Доводить ли ассоціанистическую теорію до той послѣдовательности, до какой доводится она у Спенсера или даже только у Милля, или не доводить, во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что для современной психологіи не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что наши воспріятія сверхъ ощущеній содержатъ въ себѣ и различныя ихъ

истолкованія, часто соединенныя съ ощущеніями самою тѣсною связью, которая, какъ бы ни была подготовлена она нашею организаціею, никакъ не можетъ быть признана даже въ жизни индивидуума чѣмъ то непосредственно даннымъ, простымъ результатомъ организаціи, а несомнѣнно обусловлена предварительными процессами и постояннымъ и многократнымъ примѣненіемъ результатовъ этихъ процессовъ въ жизни сознанія. Психологія доказываетъ, что такого рода ассоціативнымъ характеромъ отличается не мало явленій и въ самомъ пространственномъ синтезѣ воспріятій. Несомнѣннымъ при этомъ остается и то, что къ такимъ самымъ тѣснымъ ассоціаціямъ, которыя непосредственнымъ сознаніемъ не различаются отъ непосредственно данныхъ сочетаній, наука относится подобнымъ же образомъ, какъ относится она къ тѣмъ сочетаніямъ, которыя по взгляду эмпиризма, будучи также неразрывными ассоціаціями, ошибочно принимаются за умозрительныя истины. Вовсе не предпринимая въ собственномъ смыслѣ методическаго изслѣдованія ихъ состоятельности, даже совсѣмъ не придавая значенія тому или другому психологическому рѣшенію вопроса объ ихъ происхожденіи, если это рѣшеніе прямо не указываетъ на возможность впасть въ ошибку при пользованіи ими въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, наука продолжаетъ пользоваться ими прямо какъ такимъ матеріаломъ знанія, который не нуждается ни въ какомъ методическомъ оправданіи довѣрія къ нему.

Конечно, осторожный представитель точнаго знанія въ наше время пользуется даже и при установкѣ фактовъ строгими пріемами, которые включаютъ въ себѣ и фактическую провѣрку тѣсно ассоціировавшихся въ воспріятіи съ ощущеніями ихъ истолкованій. Но эта осторожность простирается лишь на тѣ истолкованія, относительно которыхъ уже на основаніи предшествующаго опыта непосредственнаго сознанія или самой же науки можно догадываться, что они при тѣхъ или другихъ условіяхъ могутъ оказаться неприложимыми, т. е. которыя вслѣдствіе расширяющагося опыта вызываютъ какія либо недоумѣнія въ безусловности своего примѣненія; и въ отношеніи къ этого рода истолкованіямъ провѣрка производится лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ можно, также на основаніи предшествующаго опыта, предполагать наличность въ данномъ случаѣ тѣхъ особыхъ условій, при которыхъ ассоціативное истолкованіе оказывается ошибочнымъ. Образъ, данный въ зрительномъ воспріятіи, осторожный изслѣдователь, конечно, не приметъ безъ провѣрки за матеріальный предметъ, коль скоро оказывается какой нибудь поводъ (хотя бы на-

примѣръ при спиритическихъ сеансахъ) заподозрить въ этомъ образѣ простую зрительную иллюзію. Но, видя, напримѣръ, на зрительномъ полѣ прикосновеніе пальца своей руки къ опредѣленному предмету и сознавая осязательное ощущеніе, ни одинъ изслѣдователь, конечно, не сочтетъ нужнымъ провѣрять мгновенно совершающуюся локализацію этого осязательнаго ощущенія на совершенно точно опредѣленномъ пунктѣ зрительнаго поля. А между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта локализація осязательнаго ощущенія на точно опредѣленномъ мѣстѣ зрительнаго поля тачно также не есть нѣчто непосредственно данное и обусловлена предшествующими, нѣкогда происходившими въ сознаніи и окрѣпшими въ своихъ результатахъ процессами, какъ соединеніе съ зрительно даннымъ предметомъ свойствъ предмета матеріальнаго, способныхъ быть данными только съ помощью осязательно моторныхъ ощущеній. Даже и для нашего развитого сознанія эта локализація, по крайней мѣрѣ на сколько она оказывается совершенно точной локализаціей, несомнѣнно обусловливается никакъ не исключительно только тѣми указаніями на пространственное положеніе ощущенія, которыя соединены (все равно какимъ бы ни было путемъ) съ осязательно моторными ощущеніями. Она предполагаетъ, сверхъ того, данность въ зрительномъ воспріятіи того осязательнаго органа, отъ раздраженія котораго происходитъ осязательное ощущеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ она предполагаетъ и несомнѣнно требовавшую для своего возникновенія въ сознаніи предварительныхъ процессовъ твердую связь между зрительнымъ образомъ этого осязательнаго органа и тою совокупностью ощущеній, отъ него происходящихъ, которой онъ характеризуется даже и въ сознаніи слѣпорожденнаго и къ которой единственно и можетъ только пріурочиваться новое осязательное ощущеніе на основаніи указаній одного осязательно моторнаго чувства [1]). Что же касается до сознанія совсѣмъ

[1]) В. Анри (Ueb. d. Raumwahrnehm. d. Tastsin. 1898 p. 115—117) производилъ слѣдующій опытъ. Рука экспериментируемаго лица помѣщалась между доской, на которой она лежала, и тусклымъ стекломъ, которое утверждалось надъ доскою на четырехъ подставкахъ по угламъ и поверхность котораго была раздѣлена на квадратные сантиметры. Между рукой и стекломъ вкладывалась папка для того, чтобы экспериментируемое лицо не могло сквозь стекло видѣть своей руки. Затѣмъ это лицо должно было, внимательно смотря на квадратные сантиметры, изображенные на поверхности стекла, указать другою своею рукою на тотъ изъ этихъ сантиметровъ, подъ которымъ должна была, по его мнѣнію, находиться та часть лежащей подъ стекломъ и папкой его руки, о которой спрашивалъ его экспериментаторъ, напримѣръ такой то сгибъ такого то пальца, ноготь такого то пальца и прочее. При свѣркѣ подобныхъ пока-

не развитого, въ которомъ еще не образовались связи между зрительными воспріятіями своего тѣла и его органовъ съ одной стороны и другими ощущеніями, локализуемыми въ тѣхъ же органахъ съ другой,

---

заній экспериментируемыхъ лицъ съ дѣйствительностью, показанія за ничтожными исключеніями оказывались неточными, хотя степени неточности, смотря по различію мѣстъ руки, которыхъ они касались, были неодинаковы; на пальцахъ онѣ колебались отъ половины сантиметра до двухъ сантиметровъ. Эти опыты производились совсѣмъ не въ интересахъ разрѣшенія занимающаго насъ теперь вопроса. Но изъ нихъ во всякомъ случаѣ ясно, что совершенную точность локализаціи осязательныхъ органовъ на зрительномъ полѣ въ обыкновенной жизни сознанія даетъ только наличная данность этихъ органовъ въ зрительномъ воспріятіи. Но можно задаться дальнѣйшимъ вопросомъ: не оказалась ли бы эта локализація осязательнаго органа въ зрительномъ воспріятіи безъ наличной его данности въ этомъ воспріятіи все же болѣе точной, если бы этотъ органъ во время этой локализаціи испытывалъ особое осязательное раздраженіе, которое, можно предположить, само способно представить собою для сознанія новое данное для болѣе точной локализаціи и органа и его самого. Чтобы имѣть болѣе твердыя опытныя данныя для рѣшенія этого вопроса, можно видоизмѣнить описанный опытъ г. Анри слѣдующимъ образомъ. На обѣихъ сторонахъ большого листа папки могутъ быть сдѣланы дѣленія на сантиметры, покрывающія сплошь обѣ ея стороны и точно совпадающія одно съ другимъ. Каждый рядъ этихъ сантиметровъ одинаково какъ въ длину, такъ и въ ширину папки можетъ быть обозначенъ особымъ, однако одинаковымъ для соотвѣтствующихъ рядовъ обѣихъ сторонъ папки числомъ такъ, чтобы не представлялось затрудненій двумъ лицамъ, изъ которыхъ одно смотрѣло бы на одну сторону папки, другое на другую, находить квадратики, которые на обѣихъ сторонахъ лежатъ прямо другъ противъ друга, какъ скоро поименованы числа, обозначающія тѣ продольные и поперечные ряды, которые пересѣкаются на этихъ квадратикахъ. Затѣмъ этотъ листъ папки можетъ быть укрѣпленъ, напримѣръ, надъ столомъ вертикально на подставкахъ такъ, чтобы лицо, стоящее передъ одною стороною папки, могло свободно занести свою правую руку на противоположную ея сторону и коснуться пальцемъ какого угодно мѣста на этой сторонѣ. При такихъ условіяхъ можно производить двоякаго рода опыты. Экспериментируемое лицо, находясь передъ одной стороной папки, можетъ намѣтить въ своихъ мысляхъ какой либо изъ нарисованныхъ на ней и находящихся не слишкомъ близко къ какому нибудь краю папки квадратныхъ сантиметровъ, громко назвать числа тѣхъ рядовъ, которые пересѣкаются на этомъ сантиметрѣ, и затѣмъ, фиксируя этотъ сантиметръ зрѣніемъ, попытаться, оставаясь передъ той же стороной папки, легко прикоснуться пальцемъ правой руки къ тому мѣсту папки съ ея обратной стороны, которое по его мнѣнію должно находиться прямо противъ фиксируемаго зрѣніемъ и громко обозначеннаго опредѣленными числами сантиметра. Экспериментаторъ, стоя передъ этой обратной стороной папки, конечно, легко опредѣлитъ, допущена ли и, если допущена, то какая именно допущена при этомъ прикосновеніи неточность. Но при тѣхъ же условіяхъ можно дѣлать и обратные, ближе подходящіе къ нашей задачѣ опыты. Экспериментаторъ, стоя передъ обратной стороной папки и точно замѣтивъ числа, которыми долженъ быть обозначенъ одинъ изъ произвольно избранныхъ имъ сантиметровъ этой стороны (также не слишкомъ близко подходя-

то въ такомъ сознаніи нельзя предположить даже той недостаточно точной локализаціи осязательнаго ощущенія на зрительномъ полѣ, которая оказывается возможною для развитого сознанія, когда оно ру-

---

щихъ къ какому нибудь краю папки), прикладываетъ (конечно не производя колебаній въ папкѣ) къ этому сантиметру палецъ правой руки экспериментируемаго лица, которое само находится передъ лицевой стороной папки и должно найти зрѣніемъ и затѣмъ громко обозначить числами тотъ квадратный сантиметръ на этой сторонѣ папки, подъ которымъ по его мнѣнію долженъ находиться приложенный экспериментаторомъ къ обратной сторонѣ папки палецъ правой его руки. Я дѣлалъ опыты того и другого рода надъ нѣсколькими (пятью) лицами и получилъ результатъ, сходный съ результатомъ описанныхъ опытовъ г. Анри въ томъ смыслѣ, что показанія экспериментируемыхъ лицъ (за не очень значительными исключеніями) оказывались неточными, и неточности колебались отъ половины сантиметра до двухъ сантиметровъ, очень рѣдко превышая послѣднюю величину.—Чтобы сдѣлать для себя вполнѣ наглядной ту мысль, что самая данность осязательнаго органа въ зрительномъ воспріятіи сопровождается точной локализаціей осязательнаго ощущенія на зрительномъ полѣ не безусловно, а только въ томъ случаѣ, когда этотъ органъ зрительно данъ съ такими признаками, по которымъ при наличныхъ условіяхъ сознаніе можетъ отчетливо отличить его отъ другихъ зрительныхъ объектовъ, какіе могутъ встрѣтиться въ районѣ, не достаточно опредѣленно указываемомъ осязательно моторными ощущеніями, я дѣлалъ такой опытъ. На листѣ папки были сдѣланы круглыя отверстія по шести миллиметровъ въ діаметрѣ каждое, расположенныя такъ, что центры ближайшихъ одно къ другому отверстій находились на разстояніи полутора сантиметра другъ отъ друга. Папка была укрѣплена надъ столомъ подставками по угламъ и въ такомъ разстояніи надъ поверхностью стола, чтобы въ промежуточномъ пространствѣ между папкою и поверхностію стола можно было свободно совершать тѣ движенія, которыя сейчасъ будутъ описаны. Экспериментируемое лицо подходило къ столу и закрывало глаза. Экспериментаторъ вводилъ правую руку этого лица въ пространство между поверхностью стола и папкой и настолько плотно подставлялъ конецъ указательнаго пальца этой руки къ одному изъ отверстій на папкѣ по своему выбору, чтобы отверстіе оказалось закрытымъ сполна, и на мѣстѣ его съ лицевой стороны папки ясно была видна закрывающая все отверстіе соотвѣтствующая часть поверхности пальца. Остальныя части этой руки до плеча должны быть прикрыты такъ, чтобы зрѣніемъ нельзя было опредѣлить ея направленіе. Затѣмъ экспериментаторъ (или третье лицо) подходилъ съ противоположной стороны стола, подводилъ отсюда также подъ папку свои руки и подобнымъ образомъ закрывалъ двумя своими пальцами два другія отверстія на папкѣ, иногда смежное въ какомъ нибудь направленіи съ отверстіемъ, уже закрытымъ, и слѣдующее въ томъ же направленіи за этимъ смежнымъ, иногда два смежныя съ закрытымъ въ различныхъ направленіяхъ. Послѣ того, какъ это сдѣлано, экспериментируемое лицо приглашалось открыть глаза и высказать, какое изъ трехъ закрытыхъ отверстій по его мнѣнію закрыто пальцемъ его собственной руки. При этихъ опытахъ, которые, я не сомнѣваюсь, опытный экспериментаторъ поставилъ бы гораздо практичнѣе, приходилось, конечно, внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы: 1) пальцы двухъ различныхъ лицъ, закрывающіе три отверстія папки, не отличались замѣтно другъ отъ друга по цвѣту, 2) чтобы они подъ

ководится одними показаніями осязательно моторнаго чувства безъ зрительнаго воспріятія осязательнаго органа. Ее нельзя предположить въ неразвитомъ сознаніи уже потому, что во всякомъ случаѣ она возможна только при согласованности и даже не однихъ лишь пространственныхъ направленій, но и размѣровъ и разстояній, какъ они даны зрительно въ свѣтовыхъ и цвѣтовыхъ ощущеніяхъ, съ размѣрами и разстояніями, какъ они даны въ ощущеніяхъ осязательно моторныхъ; а между тѣмъ въ человѣческомъ сознаніи эта согласованность ни въ какомъ случаѣ не первоначальна, а предполагаетъ процессъ сличенія, какъ это несомнѣнно доказывается наблюденіями надъ получившими зрѣніе слѣпорожденными [1]). Можно прибавить къ этому, что самые эти процессы согласованія размѣровъ предметовъ и разстояній между ними, какъ они даны зрительно, съ размѣрами и разстояніями, какъ они даны въ осязательно моторныхъ ощущеніяхъ,

---

папкою не прикасались одинъ съ другимъ, и 3) чтобы въ продолженіе опыта не происходило какихъ либо замѣтныхъ для глаза измѣненій въ положеніи ихъ частей, закрывающихъ отверстія. При отвѣтахъ экспериментируемыхъ лицъ на вышеприведенный обращенный къ нимъ вопросъ недостаточность простой данности въ зрительномъ воспріятіи осязательнаго органа для совершенно точной локализаціи осязательнаго ощущенія на зрительномъ полѣ оказывалась уже въ томъ, что эта локализація при данныхъ условіяхъ нерѣдко явно теряла характеръ мгновеннаго и принудительнаго факта; требовалось нѣкоторое время для отвѣта на поставленный вопросъ; бывали случаи, когда экспериментируемое лицо даже и послѣ нѣкотораго размышленія не считало возможнымъ дать категорическій отвѣтъ и колебалось въ выборѣ между двумя изъ трехъ отверстій, отдавая лишь предпочтеніе одному изъ нихъ. Неточныхъ или ошибочныхъ отвѣтовъ на каждый небольшой (состоящій изъ 12 опытовъ) рядъ опытовъ обыкновенно встрѣчалось нѣсколько; въ иныхъ, правда, немногихъ рядахъ было ихъ болѣе половины общей суммы опытовъ ряда. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ ошибокъ, нужно, конечно, имѣть въ виду, что даже при подобномъ зрительномъ воспріятіи осязательнаго органа чрезъ отверстіе въ папкѣ не оказалась бы никакой нерѣшительности или неточности въ локализаціи осязательнаго ощущенія на зрительномъ полѣ, если бы, напримѣръ, закрытымъ оказалось только одно изъ отверстій на папкѣ или если бы экспериментируемое лицо въ одномъ изъ пальцевъ, закрывающихъ три отверстія, замѣтило ранѣе извѣстную ему особенность, принадлежащую его собственному пальцу.

[1]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что размѣры предметовъ и разстоянія между ними не одинаково рисуются даже по указаніямъ самого осязательно моторнаго чувства, когда органами осязательно моторныхъ ощущеній, съ которыми соединяются эти указанія, служатъ не однѣ и тѣ же, а различныя части тѣла. Доказательствъ этого въ настоящее время общепризнаннаго факта не мало можно найти среди экспериментовъ, описанныхъ въ сейчасъ цитованномъ сочиненіи г. Анри, въ которомъ собраны результаты экспериментальныхъ изслѣдованій относительно разнообразныхъ формъ локализаціи осязательныхъ ощущеній.

конечно возможны лишь на столько, на сколько сознанію удается отожествить (преимущественно чрезъ наблюденіе разнообразныхъ совпаденій въ измѣненіяхъ) опредѣленные зрительные предметы съ предметами, отъ которыхъ получаются опредѣленныя осязательно-моторныя ощущенія. Слѣдовательно, процессы согласованія размѣровъ и разстояній, данныхъ зрительно, съ данными съ помощью осязательно моторныхъ ощущеній въ свою очередь предполагаютъ уже процессы отожествленія въ сознаніи опредѣленныхъ зрительныхъ предметовъ съ предметами, къ которымъ отнесены опредѣленныя осязательно моторныя ощущенія, и ассоціативное закрѣпленіе результатовъ первыхъ процессовъ предполагаетъ уже ассоціативное закрѣпленіе результатовъ процессовъ послѣднихъ.

Такимъ образомъ, нѣтъ нужды предполагать какихъ-либо еще недостаточно твердо установленныхъ общихъ психологическихъ теорій для того, чтобы утверждать, что среди того матеріала, которымъ пользуется наука, не требуя въ собственномъ смыслѣ методическаго его обоснованія, несомнѣнно существуютъ такія сочетанія, которыя даже для индивидуальнаго сознанія представляютъ собою только ассоціативно окрѣпшій результатъ ранѣе совершившихся познавательныхъ процессовъ и довѣріе къ которымъ, какъ бы оно ни толковалось тѣмъ или другимъ представителемъ науки, на дѣлѣ есть довѣріе къ простому непосредственно изъ всей совокупности психической жизни выносимому сознанію согласія этихъ сочетаній со всѣмъ предшествующимъ опытомъ.

Это не значитъ, конечно, того, что каждый представитель точнаго знанія, когда ему укажутъ на ассоціативный характеръ фактовъ, полагаемыхъ имъ въ основу знанія, ограничится въ объясненіе своего довѣрія къ нимъ ссылкой на ту необходимую мыслимость этихъ фактовъ, которую Спенсеръ выставляетъ на видъ и здѣсь точно такъ же, какъ и при сужденіяхъ, признаваемыхъ противоположной школой за сужденія умозрительно очевидныя. Подобно тому какъ послѣдователь Милля для оправданія своего довѣрія къ сужденіямъ послѣдняго рода, такъ и многіе представители точнаго знанія для оправданія своего довѣрія къ этого рода фактамъ сошлются, конечно, на безчисленные случаи прежняго опыта, въ которыхъ должны были быть провѣрены эти ассоціаціи и которые должны считаться достаточными для оправданія этого довѣрія. И можно не сомнѣваться, что эта ссылка будетъ иллюстрироваться въ ихъ сознаніи, какъ и при опытномъ обоснованіи истинъ, считающихся за умозрительныя, неопре-

дѣленной массой всегда готовыхъ болѣе или менѣе точныхъ воспоминаній о такихъ случаяхъ пользованія подобными фактами, гдѣ истолкованіе, ассоціативно связанное съ ними, при отчетливомъ разборѣ его въ настоящую минуту оказывается вполнѣ оправданнымъ сопутствовавшими этимъ фактамъ или сопровождавшими ихъ другими фактами. Несомнѣнно съ другой стороны, что съ этой ссылкой можетъ соединяться и имѣющая достаточно твердыя основанія мысль, что по самымъ условіямъ человѣческой жизни факты подобнаго рода и притомъ въ такой обстановкѣ, при которой легко могла обнаруживаться для сознанія истинность или ложность входящихъ въ нихъ ассоціацій, должны были въ безконечномъ количествѣ проходить передъ сознаніемъ во всѣ періоды его жизни и развитія. Но точно также несомнѣнно, что и въ отношеніи къ этимъ основаніямъ знанія, какъ и въ отношеніи къ истинамъ, претендующимъ на умозрительный характеръ, никто не предпринималъ и никто не предприметъ строгаго методическаго пересмотра и точной обстоятельной провѣрки такихъ громадныхъ массъ соотвѣтствующихъ фактовъ, которыя по самому же эмпиризму должны предполагаться въ собственномъ смыслѣ методическимъ изслѣдованіямъ, ставящимъ цѣлію возможно твердое обоснованіе послѣднихъ посылокъ знанія. Для каждаго подобная работа представится, конечно, совершенно безполезной и даже странной и именно въ виду того, что подобныхъ фактовъ и притомъ не представлявшихъ никакихъ затрудненій для своей провѣрки должно было уже пройти чрезъ сознаніе безконечное количество и что, несмотря на то, въ сознаніи не только не сохраняется никакихъ слѣдовъ какихъ либо отрицательныхъ инстанцій, но и не можетъ быть составлено представленія о самой ихъ возможности въ тѣхъ обычныхъ для сознанія условіяхъ его дѣятельности, въ которыхъ оно оказываетъ этимъ фактамъ довѣріе, полагая ихъ въ основаніе своихъ изслѣдованій. Но такого рода,—все равно высказываемое или только подразумѣвающееся,—оправданіе отказа отъ строго методическаго обоснованія связанныхъ съ ассоціативными истолкованіями фактическихъ основъ знанія само показываетъ, что тотъ огромный фондъ, на которомъ хочетъ опираться это довѣріе и въ которомъ отрицается существованіе отрицательныхъ инстанцій, никакъ не есть выступающая передъ сознаніемъ сейчасъ при вопросѣ о достовѣрности этихъ фактовъ неопредѣленная, ничтожная по своему количеству масса методически пересматриваемыхъ и провѣряемыхъ случаевъ, но что этимъ фондомъ служитъ вся безконечная масса прошедшихъ когда-либо черезъ сознаніе фактовъ;

непосредственно же теперь представляемые случаи, равно какъ и мысль о неизбѣжности постоянной встрѣчи сознанія съ фактами, на которыхъ могла провѣряться законность довѣрія сознанія къ опредѣленной ассоціаціи, служатъ только какимъ-то требующимъ, конечно, разъясненія дополненіемъ къ ссылкѣ на эту безконечную массу,—дополненіемъ, которое какимъ-то образомъ способно содѣйствовать отстаиванію правъ этой безконечной массы на это довѣріе.

Нельзя сказать даже и того, что, не признавая ассоціанистической теоріи во всей ея послѣдовательности, мы тѣмъ самымъ обезпечиваемъ для науки по крайней мѣрѣ возможность обосновывать всѣ свои выводы на непосредственно данныхъ фактахъ, т.-е. фактически провести во всей послѣдовательности теорію достовѣрности, отрицающую научное значеніе ассоціацій.

Изученіе явленій человѣческаго сознанія убѣждаетъ насъ не въ томъ только, что между синтезами воспріятія, которые легко принимаются за непосредственно данныя сочетанія, оказываются и такія сочетанія, которыя представляютъ окрѣпшій результатъ ассоціативныхъ процессовъ, но и въ томъ, что чѣмъ не развитѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе способенъ онъ различать въ воспріятіи непосредственно данное отъ ассоціативныхъ примѣсей, т.-е. что сознаніе получаетъ самую возможность различать дѣйствительно непосредственно данное отъ тѣсно связанныхъ съ нимъ толкованій только по мѣрѣ своего собственнаго развитія.

Во время сна мы даже прямо картины своего воображенія, которыя несомнѣнно предполагаютъ ранѣе совершившіеся процессы воспріятія и разнообразныя ассоціативныя связи между данными въ нихъ ощущеніями, принимаемъ за непосредственно данные факты. Этому мы не придаемъ значенія, такъ какъ по пробужденіи сличеніе дѣйствительно даннаго съ грезами легко приводитъ насъ къ сознанію, что созерцавшееся нами до пробужденія не было, и не могло быть непосредственно даннымъ. Но и для этого кажущагося намъ совершенно естественнымъ и легкимъ различенія нужны развитіе и опытъ, которые должны были обнаружить и твердо установить мысль о противорѣчіи грезъ дѣйствительнымъ фактамъ и которые должны были, окрѣпнувъ, легче усвояться, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. По свидѣтельству этнографовъ у нѣкоторыхъ племенъ, остающихся въ дикомъ состояніи, существуетъ убѣжденіе, что въ образахъ фантазіи, принимаемыхъ во снѣ за дѣйствительность, они имѣютъ такіе же непосредственно данные факты, какъ и въ воспріятіяхъ бодрственной жизни,

и они объясняютъ грезы странствованіями души, оставляющей временно тѣло. Точно также только постепенное расширеніе опыта и обнаруживающіяся ошибки въ воспріятіяхъ ведутъ человѣческое сознаніе и къ стремленію различать въ самомъ воспріятіи бодрственной жизни непосредственно данное отъ ассоціативно соединившихся съ нимъ его истолкованій. Но и это различеніе, пока не дѣлается предметомъ спеціальнаго знанія, не идетъ далеко. Развѣ человѣку научно неразвитому не представляются при зрительномъ воспріятіи хорошо знакомыхъ ему предметовъ непосредственно данными и обычно связанныя съ ними незрительныя ихъ свойства? Развѣ не возбудитъ въ немъ удивленія разъясненіе даже той мысли, что онъ при своихъ бесѣдахъ съ другими никогда не можетъ непосредственно воспринимать чужихъ мыслей и чувствованій, и развѣ не потребуется для такого разъясненія возбудить въ немъ такія сличенія и сопоставленія фактовъ, повести его путемъ такихъ выводовъ, какіе въ немъ не могли бы явиться, если бы онъ оставался окруженнымъ исключительно людьми его знаній и его развитія? То же окажется, если обратимся къ пространственнымъ синтезамъ. Не говоря о такихъ синтезахъ, образованіе которыхъ въ нашемъ сознаніи должно относиться къ невоспоминаемой жизни духа, развѣ, напримѣръ, при ощущеніи звука отъ колокола находящейся въ полѣ зрѣнія колокольни, локализація этого звука не только въ опредѣленномъ пространственномъ направленіи, но прямо и совершенно точно на опредѣленномъ видимомъ предметѣ не представляется научно неразвитому человѣку непосредственно данной? Какъ вообще генезисъ нашего развитаго сознанія изъ его первоначальнаго состоянія, такъ, конечно, и генезисъ воспріятія, какъ оно дано въ нашемъ развитомъ сознаніи, изъ воспріятія, какимъ оно было въ первоначальной, невоспоминаемой его жизни, есть ближайшимъ образомъ задача психологіи. Но несомнѣнно, что и то различіе въ воспріятіи непосредственно даннаго отъ ассоціативныхъ примѣсей, для котораго даетъ психологія теперь твердыя основанія, сдѣлано ею не сразу; а продолжающіяся несогласія психологовъ по всѣмъ наиболѣе сложнымъ вопросамъ, касающимся этого различенія, достаточно показываютъ, какъ далеко отстоитъ еще эта наука отъ твердаго, недопускающаго никакихъ сомнѣній разрѣшенія всѣхъ относящихся сюда задачъ. И если наука вообще, которая кладетъ въ основаніе своихъ изслѣдованій факты воспріятія, не начинается психологіею, возникла много ранѣе ея и много ранѣе почувствовала себя стоящей на болѣе твердой почвѣ, то она, конечно, и не можетъ ждать точнаго

разрѣшенія всѣхъ психологическихъ проблемъ для признанія состоятельности какого бы то ни было изъ своихъ изслѣдованій, опирающихся на фактахъ воспріятія. Все это не лишаетъ, конечно, права воздерживаться отъ признанія ассоціанистическихъ взглядовъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ они не могутъ представить въ свою пользу твердыхъ основаній. Однако, когда мы изъ фактовъ исторіи человѣческаго сознанія видимъ, съ какою трудностью дается для него различеніе въ воспріятіи ассоціированныхъ примѣсей отъ непосредственно даннаго, и въ самой исторіи психологіи видимъ лишь строго постепенный прогрессъ въ этомъ отношеніи и доселѣ продолжающуюся борьбу взглядовъ по этому вопросу, то какую гарантію мы имѣли бы для того, чтобы аподиктически утверждать, что за очевидностью и принудительностью такихъ сторонъ въ синтезѣ воспріятія, зависимость которыхъ отъ предшествующихъ познавательныхъ процессовъ мы доселѣ не могли открыть или твердо констатировать, не скрывается въ томъ или другомъ случаѣ вмѣсто сознанія непосредственной данности только глубоко укоренившееся довѣріе къ образовавшейся чрезвычайно тѣсной ассоціаціи? Если же такой гарантіи мы имѣть не можемъ, то вліяніе ассоціативной связи на наше довѣріе къ тому, чѣмъ наука пользуется въ качествѣ фактическаго матеріала, есть уже не только фактъ наличной жизни научнаго сознанія, но и такой фактъ, который устранить съ совершенною увѣренностью въ томъ, что онъ устраненъ вполнѣ, наука не въ силахъ, хотя бы и желала. Признавая незаконнымъ довѣріе къ такимъ ассоціаціямъ, которыя школа, противоположная эмпиризму, признаетъ за умозрительныя истины, эмпиристъ Миллевскаго направленія все же по крайней мѣрѣ можетъ указать средство, съ помощью котораго наука изъ знанія, не могущаго имѣть по его мнѣнію надлежащей достовѣрности, могла бы превратиться въ знаніе, отвѣчающее признаваемымъ имъ законными критеріямъ достовѣрности; онъ можетъ потребовать строго опытнаго методическаго доказательства каждаго положенія, претендующаго на умозрительную очевидность. Но потребовать опытно-методическаго доказательства для всего, что претендуетъ на фактическую очевидность, во избѣжаніе опасности признать ассоціацію за фактъ, конечно нельзя, такъ какъ опытное изслѣдованіе уже предполагаетъ факты, принятые ранѣе всякаго такого изслѣдованія просто на основаніи фактической ихъ очевидности. И такъ какъ ассоціаціи, до неразрывности сливающіяся съ непосредственно даннымъ, по ученію самого же эмпиризма, должны имѣть наиболѣе общій характеръ,

т.-е. касаться отношеній, постоянно и всюду встрѣчающихся въ сознаніи, то научному сознанію, если оно не расположено подвергать сомнѣнію самую возможность законной научной достовѣрности, остается только одинъ выходъ: оно должно допустить, что довѣріе къ неразрывнымъ ассоціаціямъ въ той же степени законно, въ какой законно методическое изслѣдованіе, которое вѣдь всегда вполнѣ независимо отъ доброй воли изслѣдователя можетъ оказаться опирающимся на фактахъ, апеллирующихъ къ тому же довѣрію къ ассоціаціи.

Но предположимъ даже, что мы сочли бы себя въ правѣ со всею рѣшительностью указать на какіе либо, напримѣръ, важнѣйшіе пространственные синтезы воспріятія какъ на нѣчто несомнѣнно непосредственно данное; все же и при этомъ предположеніи остается еще мѣсто тому же вопросу: дѣйствительно ли методическое изслѣдованіе, опирающееся на фактахъ этого синтеза, можно будетъ считать совсѣмъ свободнымъ отъ всякаго довѣрія къ окрѣпшимъ результатамъ ассоціативныхъ процессовъ?

Какъ ни представляется въ настоящее время запутаннымъ и перепутаннымъ вопросъ объ объективности, наука, и по сознанію обоихъ представителей эмпиризма, со взглядами которыхъ мы имѣемъ теперь дѣло, имѣетъ своею цѣлью познаніе законовъ связи объектовъ и ихъ измѣненій. Это открыто признается Спенсеромъ, который отрицаетъ лишь за нашимъ сознаніемъ способность познать внѣшнее сознанію бытіе по самой его сущности и дѣйствительную природу его принадлежностей и измѣненій, въ нихъ происходившихъ, но утверждаетъ, что наука въ устанавливаемыхъ ею законахъ познаетъ дѣйствительныя связи и отношенія между реальностями и ихъ измѣненіями, только познаетъ, такъ сказать, въ терминахъ не сходныхъ съ ихъ дѣйствительной природой, а лишь отдаленно соотвѣтствующихъ ей. Извѣстная теорія Милля о постоянныхъ возможностяхъ ощущеній, правда, имѣетъ, повидимому, прямо своею цѣлью сдѣлать невозможнымъ понятіе о наукѣ, какъ о познаніи законовъ связи и отношеній между объектами и ихъ измѣненіями, такъ какъ ведетъ, повидимому, къ отрицанію самыхъ этихъ объектовъ. Но это не совсѣмъ такъ. Милль вынужденъ открыто признать свои постоянныя возможности ощущеній и измѣненія въ нихъ условіями феноменовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ видѣть въ нашемъ знаніи процессъ познанія связей и отношеній между ними и измѣненіями, въ нихъ происходящими. А насколько несомнѣнно, что эти условія феноменовъ могутъ быть совсѣмъ неизвѣстны сознанію, настолько они должны оказаться независимыми отъ

сознанія. Можно ли согласить эти послѣднія мысли съ признаніемъ этихъ постоянныхъ возможностей ощущеній именно только простыми возможностями ощущеній, на чемъ Милль однако рѣшительно настаиваетъ,— это вопросъ, который для насъ теперь не имѣетъ значенія. Для насъ совершенно достаточно, что эмпиристы должны признать, что наука не можетъ отрицать чего-то независимаго отъ сознанія и служащаго условіемъ ощущеній и должна ставить для себя задачей познать законы связей и отношеній этого чего-то и измѣненій, въ немъ происходящихъ. Это-то нѣчто мы и называемъ здѣсь объектомъ, совсѣмъ не спрашивая о томъ, что подъ нимъ разумѣть далѣе.

Устанавливать съ помощью опытно-методическаго изслѣдованія на фактахъ воспріятія законы связи и отношеній объектовъ и ихъ измѣненій, конечно, возможно лишь настолько, на сколько предполагается, что факты воспріятія имѣютъ своими условіями объекты. Только въ силу этого предположенія въ фактахъ и ихъ синтезахъ можно видѣть указаніе на объекты и ихъ отношенія. Вслѣдствіе этого научно методическія изслѣдованія, чтобы стоять выше всякаго довѣрія къ окрѣпшимъ результатамъ ассоціативныхъ процессовъ, нуждаются не только въ непосредственной данности синтезовъ воспріятія, но и въ такомъ убѣжденіи въ объективномъ значеніи этихъ синтезовъ, которое само не основывалось бы на довѣріи къ результатамъ ассоціативныхъ процессовъ и въ то же время обладало бы высшею возможною по эмпиризму для знанія достовѣрностью. На чемъ же фактически въ научномъ сознаніи должно будетъ основываться это убѣжденіе?

Милль и Спенсеръ послѣдовательно съ ассоціанистической точки зрѣнія смотрятъ на фактическую постановку объективности въ непосредственномъ сознаніи какъ на результатъ предшествовавшихъ познавательныхъ процессовъ. Но для того, кто призналъ бы основные синтезы воспріятія за синтезы непосредственно данные, конечно, оставался бы открытымъ и другой путь, онъ могъ бы признать на ряду съ непосредственной данностію самыхъ этихъ синтезовъ и непосредственность объективной постановки ихъ въ сознаніи. И этотъ путь представляетъ удобство въ томъ отношеніи, что вполнѣ послѣдовательно развитая ассоціанистическая теорія точно также не представляетъ твердыхъ безспорныхъ доказательствъ ассоціативнаго происхожденія объективной постановки предметовъ внѣшняго воспріятія, какъ не представляетъ она такихъ доказательствъ подобнаго происхожденія представленія пространства и основныхъ пространственныхъ син-

тезовъ воспріятія. Какъ съ этими послѣдними синтезами, такъ и съ объективной постановкой ихъ въ воспріятіи мы встрѣчаемся въ жизни индивидуума уже съ такого ранняго періода, какой только доступенъ его собственному наблюденію и съ какого только сторонній наблюдатель психической жизни дитяти можетъ сколько нибудь точно истолковывать ея проявленія. И ни экспериментовъ, ни какихъ либо косвенныхъ выводовъ, которые бы давали вполнѣ твердыя данныя къ безспорному рѣшенію этого вопроса въ смыслѣ ассоціанистической теоріи, здѣсь, не оказывается [1]). Но вопросъ въ томъ: принесло ли бы признаніе непосредственности объективной постановки явленій во внѣшнемъ воспріятіи какую либо пользу для эмпиристической теоріи, отрицающей научное значеніе неразрывныхъ ассоціативныхъ связей?

Какъ скоро, признавъ за послѣднія посылки знанія опредѣленные синтезы воспріятія, мы будемъ смотрѣть на нихъ какъ на синтезы, имѣющіе объективное значеніе, то ссылка на непосредственную данность этой объективности, какъ бы эта непосредственная данность ни была твердо удостовѣрена, никакъ не окажется достаточной для удостовѣренія въ дѣйствительно объективномъ значеніи этихъ синтезовъ. Вѣдь подъ непосредственною данностію объективной постановки синтеза мы здѣсь разумѣемъ только то, что этотъ синтезъ не только самъ возникаетъ въ сознаніи независимо отъ какихъ бы то ни было предшествующихъ познавательныхъ процессовъ, но независимо отъ нихъ и совершается его постановка въ качествѣ объективнаго. Но, пользуясь подобными синтезами при установкѣ законовъ связи и отношеній между объектами и ихъ измѣненіями, мы придаемъ имъ значеніе не просто синтезовъ, которые получаютъ объективную постановку въ сознаніи независимо отъ какихъ бы то ни было предшествующихъ познавательныхъ процессовъ, а значеніе такихъ синтезовъ, которымъ должно въ дѣйствительности принадлежать нѣкоторое объективное значеніе. А это никакъ не одно и то же. Несомнѣнно, конечно, что никакого различія между этими двумя мыслями не суще-

---

[1]) Новое время впрочемъ знаетъ и такія философскія системы, которыя, предполагая весь пространственный синтезъ зависящимъ отъ предшествующихъ познавательныхъ процессовъ, все же постановку объективности въ сознаніи признаютъ въ извѣстномъ смыслѣ непосредственно данной. Изъ системъ, стремящихся поставить философію ближе къ точнымъ наукамъ, сюда относится, напримѣръ, система Вундта. И какихъ либо чрезвычайныхъ психологическихъ препятствій къ тому не встрѣчается даже и при этомъ воззрѣніи.

ствуетъ для сознанія очень мало развитаго или даже для сознанія, хотя и развитаго, но непосредственно погруженнаго въ процессъ воспріятія безъ рефлексіи на совокупность пріобрѣтенныхъ уже знаній. Въ этихъ случаяхъ непосредственное созерцаніе синтеза въ качествѣ объективнаго не отличается отъ принятія его за объективный. Но не то оказывается, когда сознаніе сличаетъ эту непосредственно данную постановку объективности съ результатами сколько нибудь развитаго опыта.

Та объективная постановка данныхъ въ воспріятіи синтезовъ, которую мы встрѣчаемъ въ воспріятіи съ самыхъ раннихъ доступныхъ наблюденію моментовъ жизни индивидуума и которая единственно могла бы поэтому претендовать на независимость ея отъ какихъ либо ранѣе совершающихся въ человѣческомъ сознаніи познавательныхъ процессовъ, совсѣмъ не состоитъ въ признаніи зависимости данныхъ въ воспріятіи явленій отъ независимыхъ отъ сознанія объектовъ и происходящей отсюда зависимости синтезовъ воспріятія отъ объективныхъ отношеній. Она состоитъ въ созерцаніи опредѣленныхъ синтезовъ не только даже какъ вполнѣ соотвѣтствующихъ отношеніямъ независимыхъ отъ сознанія объектовъ, но прямо-таки какъ нумерически тожественныхъ съ этими объективными отношеніями, т. е. какъ существующихъ внѣ самаго сознанія отношеній объектовъ. Сознаніе въ томъ созерцательномъ актѣ, который называется воспріятіемъ, прямо принимаетъ данныя созерцательно явленія и ихъ синтезы за внѣшнюю сознанію дѣйствительность, относя къ себѣ только созерцаніе этой дѣйствительности. Но такая постановка объективности въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается ошибочною даже для непосредственнаго сознанія, какъ скоро оно достигаетъ нѣкотораго развитія. Данные въ воспріятіи размѣры предметовъ, разсматриваемыхъ издали, только въ самомъ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ признаются за ихъ дѣйствительные размѣры. Только ребенокъ, въ первый разъ катающійся на лодкѣ, сочтетъ данное въ воспріятіи, при быстромъ перемѣщеніи лодки, движеніе стоящихъ на берегу предметовъ за дѣйствительное ихъ перемѣщеніе. Только человѣкъ, не имѣвшій никакого представленія о зеркалахъ, или только что прозрѣвшій слѣпорожденный сочтетъ пространственное положеніе видимыхъ въ зеркалѣ предметовъ въ ихъ отношеніи къ зрителю за дѣйствительное пространственное отношеніе видимыхъ въ зеркалѣ предметовъ къ зрителю. Наука идетъ въ этомъ направленіи далѣе. Она отрицаетъ данную въ воспріятіи постоянно при всевозможныхъ условіяхъ неподвижность земли, а также

постоянное видимое вращеніе вокругъ нея всѣхъ небесныхъ свѣтилъ. А между тѣмъ все это такіе пространственные синтезы, которые при стремленіи ограничить притязанія ассоціанистической школы въ ученіи ея о происхожденіи пространственныхъ синтезовъ должны получить наибольшія права претендовать на непосредственную данность ихъ человѣческому сознанію. И если сознаніе, дѣлая подобныя поправки синтезовъ воспріятія, смотритъ на подлежащіе исправленію синтезы какъ на совершенно естественныя иллюзіи, объясняемыя частію пространственнымъ положеніемъ субъекта, разсматриваемаго въ качествѣ цѣльнаго организма, частію особыми усложненіями въ объективномъ бытіи, то все же мы не можемъ отрицать, что въ той постановкѣ ихъ объективности, которая должна считаться непосредственной и о достовѣрности которой теперь идетъ рѣчь, они ставятся какъ дѣйствительность, а не какъ иллюзіи, и что только опытъ открываетъ ихъ иллюзорный характеръ.

Но наука идетъ еще далѣе. Она показываетъ, что то, что принимается сознаніемъ при этой непосредственной постановкѣ объективности за самую внѣшнюю дѣйствительность, есть на дѣлѣ комплексъ нашихъ ощущеній, которыя могутъ даже у различныхъ людей оказаться качественно разнородными (напримѣръ; при дальтонизмѣ) и которыя поэтому со всѣми ихъ пространственными синтезами нигдѣ не могутъ существовать кромѣ самого же сознанія. И такимъ образомъ то нумерическое отожествленіе явленій и ихъ синтезовъ съ объектами и ихъ отношеніями, которое составляетъ характеристическую черту предполагаемой непосредственно данной постановки объективности въ сознаніи, оказывается несостоятельнымъ и должно переходить въ другую мысль объ обусловленности этихъ явленій объектами и о происходящей отсюда (иногда очень сложной) обусловленности синтезовъ этихъ явленій взаимными отношеніями объектовъ. Ясно, что при установкѣ объективнаго значенія тѣхъ или другихъ синтезовъ воспріятія наша наука не руководится и не можетъ руководиться простой ссылкой на непосредственно данную объективную постановку ихъ въ сознаніи.

Правда, не смотря на явную недостовѣрность тѣхъ положеній объ объективности данныхъ въ воспріятіи синтезовъ, которыя прямо могли бы свидѣтельствоваться непосредственной постановкой объективности ихъ въ сознаніи, все же остается возможность утверждать, что предполагаемое научнымъ сознаніемъ объективное значеніе синтезовъ воспріятія по существу опирается на эту самую непосредственную по-

становку объективности въ воспріятіи. Композиція такого взгляда очень не сложна.

Не трудно различіе между непосредственно данной постановкой объективности и научнымъ взлядомъ на нее растолковать въ такомъ смыслѣ, что предполагаемое научнымъ сознаніемъ объективное значеніе синтезовъ воспріятія окажется представляющимъ собою только результатъ разнообразныхъ ограниченій, которыя должно было испытать то представленіе объ ихъ объективномъ значеніи, которое выражается въ непосредственно данной въ сознаніи постановкѣ объективности. Не трудно затѣмъ констатировать тотъ фактъ, что эти ограниченія должны были вызываться тѣми очевидными противорѣчіями, съ которыми при развивающемся опытѣ должно было неизбѣжно сталкиваться примѣненіе къ явленіямъ объективности въ томъ смыслѣ, какой прилагается ей непосредственнымъ сознаніемъ. Къ этимъ двумъ по существу вѣрнымъ мыслямъ присоединяютъ третью, уже довольно давно вошедшую въ обиходъ философской мысли новаго времени, именно ту мысль, что опытъ, т. е. наблюденіе надъ теченіемъ этихъ синтезовъ въ сознаніи, если брать ихъ просто въ качествѣ созерцаній сознанія, никогда не въ состояніи оправдать ихъ объективности. Изъ этихъ трехъ мыслей и должно вытекать, что усвояемое научнымъ сознаніемъ объективное значеніе синтезамъ воспріятія, представляя собою лишь такое ограниченіе непосредственно данной постановки объективности въ сознаніи, которое является безусловно необходимымъ въ виду противорѣчій, съ какими сталкивается она при развитіи опыта, имѣетъ и можетъ имѣть съ своей положительной стороны единственное оправданіе въ непосредственной данности этой постановки. Само собою понятно, что при этомъ предполагается только добавочное отрицательное сознаніе, что во всей совокупности опыта не оказывается фактовъ или выводовъ, которые стояли бы въ противорѣчіи съ преобразовываемымъ понятіемъ объ объективности и вынуждали бы къ необходимости подвергать его дальнѣйшимъ видоизмѣненіямъ или вели бы къ полному его отрицанію.

Устранивъ вообще изъ этого нашего изслѣдованія вопросъ объ условіяхъ постановки объективности въ сознаніи, мы не будемъ входить въ обсужденіе этого взгляда [1]). Пусть этотъ взглядъ будетъ

---

[1]) Такого взгляда держится изъ новѣйшихъ философовъ, напримѣръ, Вундтъ. Въ моемъ сочиненіи „Объ истинахъ самоочевидныхъ“ ближайшимъ образомъ въ примѣненіи къ Канту указаны недостатки этого взгляда стр. 167—176.

совершенно вѣренъ. Для насъ достаточно здѣсь указать на то, что при такомъ взглядѣ на основаніе убѣжденія въ объективномъ значеніи фактовъ воспріятія, этимъ фактамъ, а слѣдовательно и всякому опытно методическому изслѣдованію, на нихъ опирающемуся, мы не имѣли бы никакого права давать преимущество передъ довѣріемъ къ тѣмъ результатамъ ассоціативныхъ процессовъ, которые достигли, по ученію эмпиризма, необходимой мыслимости.

Въ самомъ дѣлѣ непосредственная данность объективной постановки синтезовъ воспріятія по этому взгляду одна точно такъ же оказывается недостаточнымъ свидѣтельствомъ дѣйствительной ихъ объективности, какъ недостаточнымъ свидѣтельствомъ достовѣрности какого бы то ни было положенія оказывается одна необходимая его мыслимость, разсматриваемая какъ результатъ опыта. И необходимое дополнительное условіе въ томъ и другомъ случаѣ оказывается одно и то же. Въ обоихъ случаяхъ этимъ условіемъ служитъ одно и то же требованіе отсутствія какихъ-либо противорѣчащихъ показаній расширяющагося опыта. Остается сравнительнаго преимущества одного случая передъ другимъ искать въ положительныхъ условіяхъ, разсматриваемыхъ самихъ въ себѣ. Но что касается непосредственной данности объективной постановки синтезовъ воспріятія, разсматриваемой самой въ себѣ, безъ дополнительнаго требованія, то ея познавательное значеніе должно быть признано скорѣе ниже, чѣмъ выше познавательнаго значенія необходимой мыслимости, разсматриваемой какъ результатъ опыта. Если признано, что результаты опыта, т. е. предшествующихъ наблюденій могутъ обнаруживать и исправлять ошибки въ непосредственно данной постановкѣ объективности, и если къ этому опыту, способному обнаруживать и исправлять подобныя ошибки, какъ мы видѣли выше, относятся не только научно-методическія изслѣдованія, но и тѣ процессы непосредственнаго сознанія, результаты которыхъ выражаются въ ассоціаціяхъ, то какимъ образомъ познавательное значеніе неразрывныхъ ассоціацій, представляющихъ результатъ постоянныхъ, обильныхъ и очень продолжительныхъ наблюденій, могло бы быть поставлено ниже значенія непосредственной данности объективной постановки синтезовъ? Наглядным выраженіемъ преимущества неразрывной ассоціаціи можетъ служить то, что она, взятая безъ дополнительнаго требованія, по дѣйствительной послѣдовательности эмпиризма, могла бы, какъ мы выше видѣли по праву быть сочтена законнымъ критеріемъ возможной для человѣческаго сознанія достовѣрности въ моменты (практически неуловимые, конечно) своего

образованія, слѣдовательно на извѣстной уже стадіи развитія опытнаго знанія; между тѣмъ непосредственно данная постановка объективности, въ виду того, что нѣкоторыя ошибки въ ней подмѣчаются уже при самой ничтожной степени развитія сознанія, могла бы одна быть сочтена законнымъ критеріемъ достовѣрности только при самомъ вступленіи сознанія на путь опыта. Къ этому можно прибавить, что опытно образовавшаяся необходимая связь представленій въ случаѣ антагонистическаго столкновенія ея съ результатами развивающагося опыта во всякомъ случаѣ должна подлежать постепенному разрушенію; а поэтому, выступая безъ дополнительнаго требованія въ качествѣ критерія истины, она можетъ вести къ ошибочному признанію достовѣрности того или другого положенія лишь въ періодъ, когда результаты опыта, противорѣчащіе этому положенію, не успѣли еще разрушить ранѣе образовавшейся его необходимой мыслимости. Но непосредственно данная постановка объективности остается непосредственно данной, и поэтому, выступая безъ дополнительнаго требованія въ качествѣ признака достовѣрности, грозитъ увѣковѣчивать связанныя съ нею ошибки знанія.

Въ виду этого эмпиристъ только въ томъ случаѣ имѣлъ бы право отрицать научное значеніе за неразрывной ассоціаціей, когда бы онъ могъ утверждать, что научнымъ сознаніемъ объективное значеніе синтеза воспріятія принимается никакъ не на основаніи непосредственной данности объективной постановки этихъ синтезовъ, хотя бы эта постановка и дѣйствительно была непосредственна, а на основаніи методическаго доказательства такого ихъ значенія, т. е., что научное сознаніе методически выводитъ такое ихъ значеніе изъ наблюденій надъ самимъ теченіемъ въ психической жизни этихъ синтезовъ, разсматриваемыхъ просто въ качествѣ созерцаній сознанія. Но ничего подобнаго эмпиристъ точно такъ же и въ этомъ случаѣ, какъ въ отношеніи къ какой угодно другой истинѣ, лежащей въ самомъ основаніи знанія, утверждать не можетъ.

Представитель точнаго знанія, отрицая соотвѣтствіе объективнымъ отношеніямъ тѣхъ синтезовъ воспріятія, которые наукой различаются какъ только кажущіеся отъ тѣхъ, которымъ наука не отказываетъ въ объективномъ значеніи, точно такъ же, какъ отрицая нумерическое тожество вообще получающихъ объективную постановку въ воспріятіи явленій и ихъ синтезовъ съ объектами и ихъ отношеніями, всегда сочтетъ законнымъ требованіе методическаго оправданія этого отрицанія и всегда имѣетъ возможность мотивировать это отрицаніе

основаніями, имѣющими значеніе для общенаучнаго сознанія, указавъ на противорѣчія противоположныхъ утвержденій твердо установленнымъ научнымъ положеніямъ. Но положительную сторону своего взгляда на объективность, т. е. соотвѣтствіе огромнаго большинства синтезовъ воспріятія объективнымъ отношеніямъ или общую мысль о зависимости непосредственно данныхъ явленій отъ объектовъ, а слѣдовательно прямую или косвенную зависимость данныхъ ихъ синтезовъ отъ объективныхъ отношеній, хотя эта мысль неизбѣжно предполагается всякимъ опытно-методическимъ изслѣдованіемъ, имѣющимъ цѣлью установить законы связи и отношеній объектовъ и перемѣнъ въ нихъ происходящихъ, ни одинъ изслѣдователь не сочтетъ нужнымъ методически обосновывать. Онъ, конечно, и затруднился бы обставить эту сторону своего взгляда такими основаніями, которыя имѣли бы твердое значеніе для общенаучнаго сознанія.

Фактическое отсутствіе въ обще-научномъ сознаніи опытнаго строго методическаго обоснованія объективнаго значенія синтезовъ воспріятія, лежащихъ въ основаніи всѣхъ изслѣдованій точнаго знанія, еще яснѣе, чѣмъ отсутствіе подобнаго обоснованія другихъ предположеній знанія, вслѣдствіе особаго обстоятельства. Когда ставится вопросъ объ этихъ другихъ предположеніяхъ, сознаніе не можетъ не видѣть, что оно постоянно встрѣчается съ многочисленными фактами, которые или прямо и непосредственно соотвѣтствуютъ положенію или, хотя сами часто и представляютъ ассоціативное соединеніе ощущенія съ простымъ представленіемъ о возможности другого ощущенія, однако постоянно допускаютъ возможность фактической провѣрки ассоціаціи, т. е. замѣны представленія соотвѣтствующимъ ощущеніемъ. Мысль же объ этой постоянной встрѣчѣ съ фактами, или прямо служащими подтвержденіемъ сужденія или способными безъ труда превращаться въ такое подтвержденіе, легко принимается сознаніемъ (конечно, иллюзорно) за методическое изслѣдованіе. Притомъ же при такихъ условіяхъ методическое изслѣдованіе, если бы оно сочтено было научнымъ сознаніемъ дѣйствительно необходимымъ для научной состоятельности изслѣдованій, опирающихся на такія положенія, не было бы, очевидно, затруднено въ отыскиваніи для него матеріала. Другое дѣло предположеніе объ объективности (въ вышеуказанномъ смыслѣ) явленій и ихъ синтезовъ. Объекты въ смыслѣ чего-то независимаго отъ сознанія, а слѣдовательно и ихъ отношенія, какъ понятно само собою, не могутъ быть даны непосредственно въ самомъ же сознаніи. А это значитъ, что такихъ фактовъ, которые могли бы служить прямыми

подтвержденіями сужденія о зависимости явленій и ихъ синтезовъ отъ объектовъ и ихъ отношеній, быть не можетъ. Слѣдовательно, если это сужденіе и можетъ основываться на безконечномъ количествѣ частныхъ случаевъ, ему соотвѣтствующихъ, то эти частные случаи сами могутъ быть доказаны только путемъ какихъ-либо косвенныхъ, быть можетъ, очень сложныхъ выводовъ, которыхъ, конечно, только посылки могутъ быть устанавливаемы съ помощью непосредственно данныхъ фактовъ. И вотъ мы видимъ, что для обще-научнаго сознанія совсѣмъ остаются неясными даже и тѣ посылки, установка которыхъ могла бы вести къ установкѣ объективнаго значенія того или другого явленія или синтеза; а слѣдовательно, остаются неопредѣленными и тѣ ряды фактовъ, съ помощью которыхъ могутъ устанавливаться нужныя для выводовъ посылки. Понятно, что при такихъ условіяхъ о методическомъ обоснованіи объективнаго значенія синтезовъ воспріятія въ фактически существующей наукѣ не можетъ быть и рѣчи.

Конечно, нѣтъ никакой необходимости объяснять это обстоятельство непремѣнно тѣмъ, что придаваемое научнымъ сознаніемъ объективное значеніе даннымъ въ воспріятіи явленіямъ и ихъ синтезамъ въ самомъ дѣлѣ зиждется съ положительной стороны исключительно на довѣріи къ непосредственной постановкѣ объективности въ сознаніи въ выше указанномъ смыслѣ. Возможно предположить, что опытъ даетъ и положительное оправданіе этому объективному значенію, т. е. что довѣріе къ нему сознанія находитъ себѣ опору въ безчисленныхъ проходящихъ чрезъ сознаніе фактахъ, способныхъ съ помощью косвенныхъ и сложныхъ процессовъ оправдывать его, и только вслѣдствіе какихъ то теперь непонятныхъ для насъ причинъ совершенно отчетливое и раздѣльное представленіе объ этихъ фактахъ и процессахъ оказывается для насъ затруднительнымъ. Но вѣдь и въ этомъ случаѣ методическаго излѣдованія, оправдывающаго объективное значеніе явленій и ихъ синтезовъ, все же не существовало бы въ обще-научномъ сознаніи, и мы довѣріе науки къ этому значенію должны бы были объяснять какъ окрѣпшій ассоціативно результатъ не проведенныхъ методически познавательныхъ процессовъ. А слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ, какъ и при ссылкѣ на непосредственную постановку объективности, мы не имѣли бы права, не отрицая научнаго значенія за существующимъ знаніемъ, отрицать научное значеніе неразрывныхъ ассоціацій.

Правда, философы эмпиризма, признающіе объективную постановку синтезовъ воспріятія результатомъ познавательныхъ процессовъ, ста-

раются установить тѣ сложные ряды посылокъ, которые по ихъ мнѣнію ведутъ сознаніе къ усвоенію этимъ синтезамъ объективнаго характера. Но о послѣдовательномъ проведеніи идеи методическаго изслѣдованія, о строго методическомъ обоснованіи самихъ этихъ посылокъ путемъ тщательнаго обслѣдованія громадныхъ массъ фактовъ здѣсь, конечно, точно такъ же нѣтъ рѣчи (даже и у Милля), какъ нѣтъ ея при обоснованіи другихъ положеній, служащихъ послѣдними посылками знанія. Да и въ какомъ смыслѣ самыя эти общія описанія конструкціи предполагаемыхъ доказательствъ объективности можно было бы отнести къ общенаучному сознанію? Самый составъ этихъ выводовъ оказывается у обоихъ философовъ эмпиризма различнымъ; и на ряду съ этими философскими воззрѣніями, по которымъ дѣйствительно предполагаются ряды процессовъ, ведущихъ сознаніе къ довѣрію въ объективное значеніе данныхъ въ сознаніи явленій, не перестаютъ существовать и другія философскія міровоззрѣнія, по которымъ это довѣріе какъ непосредственнаго сознанія, такъ и сознанія научнаго къ объективному значенію явленій и ихъ синтезовъ должно объясняться совсѣмъ иначе: здѣсь выступаютъ, какъ было сказано, и взгляды, по которымъ существенная положительная сторона въ этомъ дѣлѣ сводится къ непосредственности объективной постановки явленій въ сознаніи; продолжаетъ отстаивать себя въ различныхъ формахъ и кантіанизмъ, отожествляющій объективность созерцанія съ подчиненіемъ его апріорнымъ синтезамъ; существуютъ и другіе взгляды. Конечно, и при различіи философскихъ направленій какъ и взглядовъ, относящихся къ одному и тому же направленію, ничто не мѣшаетъ какому-нибудь изъ нихъ давать правильное представленіе дѣла. Но пока продолжается борьба между всѣми этими взглядами, мы не можемъ ни объ одномъ изъ нихъ сказать, что именно имъ руководится, хотя бы и теперь только, общенаучное сознаніе въ своемъ довѣріи къ этой объективности, а слѣдовательно не можемъ и сказать не только того, что это довѣріе теперь основано на строго послѣдовательно проведенномъ методическомъ изслѣдованіи, но даже и того, что при немъ теперь по крайней мѣрѣ отчетливо сознается тотъ составъ вывода, методическое осуществленіе котораго переводило бы это довѣріе въ методически оправданное убѣжденіе.

Такимъ образомъ эмпиризмъ едва ли можетъ отрицать, что наука фактически не доводитъ опытно-методическаго изслѣдованія до всей его послѣдовательности и даже въ различныхъ отношеніяхъ встрѣчаетъ къ тому непреодолимыя препятствія. И это слѣдуетъ сказать оди-

наково, идетъ ли дѣло о положеніяхъ, которыя противоположной школой считаются за истины умозрительно очевидныя, или объ установкѣ фактовъ; и все это долженъ признать не только тотъ, кто проводитъ во всей послѣдовательности ассоціонистическую теорію, но и тотъ, кто недовѣрчиво относился бы къ такимъ выводамъ этой теоріи, которые не всѣми раздѣляются. Но въ такомъ случаѣ эмпиристическая теорія, очевидно, должна бы была отрицать налично существующее знаніе, если бы въ силу своей собственной послѣдовательности она должна была требовать признанія наивысшей возможной для человѣческаго сознанія достовѣрности исключительно за результатами въ собственномъ смыслѣ методическаго изслѣдованія. А поэтому мы должны еще разъ всмотрѣться внимательнѣе: дѣйствительно ли подобное требованіе составляетъ неминуемую послѣдовательность эмпиристической теоріи?

3.

Когда Милль, доказывая необходимость оправдывать послѣднія посылки знанія путемъ методическаго изслѣдованія, хочетъ устранить всякія притязанія на значеніе при этомъ оправданіи ссылокъ на необходимую мыслимость, то онъ считаетъ достаточнымъ для этой цѣли простое указаніе на случаи, гдѣ довѣріе къ необходимой мыслимости оказывалось въ разногласіи съ опытомъ. Отсюда слѣдуетъ, что Милль убѣжденъ, что какъ скоро было бы доказано, что необходимая мыслимость того или другого положенія, возникшая въ періодъ болѣе ранняго, а слѣдовательно менѣе совершеннаго опыта, можетъ враждебно сталкиваться съ результатами позднѣйшаго, болѣе зрѣлаго опыта, то неминуемымъ выводомъ отсюда должно быть, что ссылки на необходимую мыслимость должны считаться неимѣющими никакого значенія, когда рѣчь идетъ объ оправданіи вѣры въ послѣднія посылки знанія. Въ существѣ дѣла такого же убѣжденія держится и Спенсеръ. Если онъ въ интересахъ защиты правъ необходимой мыслимости на значеніе при оправданіи послѣднихъ посылокъ знанія настаиваетъ на безусловной достовѣрности свидѣтельства необходимой мыслимости и во всякомъ случаѣ требуетъ признанія необходимо мыслимыхъ положеній совершенно согласованными со всею совокупностью всего пережитаго опыта и употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы уклониться отъ признанія возможности для необходимо мыслимаго положенія оказаться не согласованнымъ съ фактами развивающагося

опыта, то это, конечно, прежде всего должно объясняться тѣмъ, что Спенсеромъ предполагается, что никакая уступка въ этомъ отношеніи не можетъ мириться съ притязаніемъ необходимой мыслимости имѣть значеніе при установкѣ послѣднихъ посылокъ знанія и должна послѣдовательно вести къ Миллевой теоріи обоснованія этихъ посылокъ путемъ методическаго изслѣдованія.

Въ системахъ Милля и Спенсера этотъ молчаливо подразумѣваемый взглядъ остается немотивированнымъ, какъ будто бы онъ былъ нѣкоторой самоочевидной истиной. А между тѣмъ этотъ взглядъ включаетъ въ себѣ остающееся у Милля и Спенсера неизслѣдованнымъ предположеніе, что необходимая мыслимость могла бы играть роль при установкѣ послѣднихъ посылокъ знанія только въ томъ случаѣ, когда она бралась бы безъ всякаго ограничительнаго условія, то-есть, что ограниченіе критерія необходимой мыслимости требованіемъ отсутствія въ опытѣ результатовъ, способныхъ стать въ антагонизмъ съ сужденіемъ, характеризующимся необходимою мыслимостію, совершенно недопустимо.

Конечно, нельзя не признать, что въ пользу этого предположенія можно привести основанія и при томъ, повидимому, въ такой степени очевидныя, что принимаемый одинаково Миллемъ какъ и Спенсеромъ взглядъ, включающій въ себѣ это предположеніе, безъ колебанія могъ бы быть утверждаемъ и такимъ философомъ, у котораго вполнѣ опредѣленно возникъ бы вопросъ о возможности ограничить критерій необходимой мыслимости дополнительнымъ требованіемъ съ цѣлью устранить его недостатокъ, происходящій отъ возможной несогласованности того или другого необходимо мыслимаго положенія съ результатами развивающагося опыта.

Въ самомъ дѣлѣ, осложняя этотъ критерій дополнительнымъ требованіемъ, мы неизбѣжно встрѣчаемся съ вопросомъ: какимъ именно образомъ это требованіе могло бы быть выполнено? Такъ какъ сознаваемая нами ассоціативная связь представленій даже на той высшей своей ступени, на которой по эмпиризму порождается необходимая мыслимость, оказывается не гарантирующей отсутствіе въ существовавшемъ доселѣ опытѣ отрицательныхъ инстанцій, и это именно обстоятельство и вызываетъ нужду въ дополнительномъ требованіи, то казалось бы вполнѣ естественнымъ толковать требованіе отсутствія въ опытѣ возраженій противъ необходимо мыслимаго сужденія въ смыслѣ требованія предварять признаніе достовѣрности каждаго необходимо мыслимаго положенія методическимъ изслѣдованіемъ того, не суще-

ствуетъ ли среди результатовъ опыта чего либо, не согласующагося съ нимъ, и придавать предполагаемую критеріемъ наивысшую возможную для человѣческаго знанія достовѣрность только такому необходимо мыслимому положенію, которое выдержитъ это испытаніе. Выходитъ, такимъ образомъ, что въ критерій, который противопоставляется методическому изслѣдованію, вводится требованіе нѣкотораго методическаго изслѣдованія. Но идемъ далѣе и спрашиваемъ: въ чемъ же въ такомъ случаѣ должно состоять такое изслѣдованіе?

Самостоятельнаго методическаго процесса изслѣдованія относительно существованія или несуществованія прямыхъ или косвенныхъ отрицательныхъ инстанцій,—процесса, особаго отъ изслѣдованія инстанцій положительныхъ, нѣтъ и быть не можетъ. Убѣдиться путемъ методическаго изслѣдованія въ томъ, что противъ извѣстнаго положенія нѣтъ ни прямыхъ ни косвенныхъ отрицательныхъ инстанцій, есть только одинъ путь. Для этого нужно обозрѣть сколько возможно болѣе самыхъ разнообразныхъ результатовъ опыта, способныхъ быть поставленными въ тѣ или другія логическія связи съ этимъ положеніемъ, и чрезъ сознательное сопоставленіе каждаго изъ нихъ съ нимъ убѣдиться, что всѣ они съ нимъ согласуются. Такимъ образомъ, толкуя дополнительное къ необходимой мыслимости какъ критерію достовѣрности требованіе въ смыслѣ требованія строго методическаго обоснованія отсутствія въ опытѣ чего либо несогласнаго съ необходимо мыслимымъ положеніемъ, мы на самомъ дѣлѣ вводимъ въ этотъ критерій сполна требованіе того самаго методическаго изслѣдованія этого положенія, которому, повидимому, его противопоставляемъ, а слѣдовательно достовѣрность положенія и при подчиненіи этому критерію ставимъ въ зависимость отъ того же методическаго изслѣдованія.

Но и этимъ дѣло не ограничивается. Если методическое разрѣшеніе вопроса о существованіи или отсутствіи отрицательныхъ инстанцій противъ того или другого положенія возможно только въ связи съ установкой инстанцій положительныхъ, то и наоборотъ, установка послѣднихъ, если разсматривать ихъ, какъ доказательство истинности общаго сужденія, имѣетъ значеніе лишь въ той степени, въ какой предполагается, что эта установка есть результатъ общаго процесса, который имѣетъ задачей сопоставлять съ этимъ сужденіемъ одинаково всѣ случаи, имѣющіе къ нему отношеніе, какъ положительные такъ и отрицательные. Только подъ этимъ условіемъ мы, получивъ въ результатѣ процесса однѣ только положительныя инстанціи, пріобрѣтаемъ

право заключать отъ нихъ ко всѣмъ случаямъ. Конечно, одного этого условія недостаточно для такого заключенія, и эмпиризмъ учитъ, что сверхъ того нужно, чтобы такихъ случаевъ было огромное количество и чтобы встрѣчались они при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Но и самое это огромное количество и разнообразіе положительныхъ инстанцій настолько и получаетъ значеніе при установкѣ общаго сужденія, насколько предполагается, что при этомъ количествѣ и разнообразіи пересмотрѣнныхъ случаевъ сознаніе, которое съ одинаковою точностью способно констатировать какъ положительные такъ и отрицательные случаи, не встрѣтило среди разсмотрѣнныхъ имъ случаевъ ни одного отрицательнаго случая. Если же это такъ, то во всякомъ случаѣ дѣлается не яснымъ даже и то, какимъ образомъ могла бы отъ этого методическаго процесса получить значеніе вся та часть безконечной массы положительныхъ инстанцій, представляемыхъ необходимою мыслимостью, которая не вошла въ методическое изслѣдованіе, и о которой, какъ относящейся исключительно къ ассоціативному процессу, должно оставаться неизвѣстнымъ, не соединялась ли она и съ случаями отрицательными, только не отразившимися на сознаваемомъ нами результатѣ этого процесса. А это значитъ, что для насъ останется не яснымъ, несмотря на дополнительное методическое изслѣдованіе, на чемъ могла бы основываться цѣнность всего этого количества положительныхъ случаевъ, которое не охвачено методическимъ изслѣдованіемъ. И можно спросить, какимъ же образомъ методическое изслѣдованіе будетъ въ такомъ случаѣ выполнять роль дополнительнаго къ необходимой мыслимости процесса, которая ему предназначается, и почему мы должны будемъ придавать этой необходимой мыслимости какое-нибудь значеніе?

Однако какъ ни убѣдительной представляется эта аргументація въ пользу той мысли, что и при дополнительномъ къ критерію необходимой мыслимости требованіи все дѣло должно сводиться въ концѣ концовъ исключительно къ методическому же изслѣдованію, она все же нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ. Аргументаціей предполагается, что методическое изслѣдованіе есть единственный путь, какимъ могло бы быть установлено то отсутствіе въ опытѣ результатовъ, способныхъ стать въ антагонизмъ съ тѣмъ или другимъ необходимо мыслимымъ положеніемъ, которое недостаточно гарантируется самою необходимою мыслимостью этого положенія. Но изъ самаго обычнаго наблюденія надъ нашею познавательною дѣятельностью каждый хорошо знаетъ, что недоумѣнія или возраженія, во-

обще касающіяся положеній, способныхъ внушать намъ вѣру, могутъ возникать въ насъ никакъ не вслѣдствіе только методическаго обзора огромнаго количества имѣющихъ логическое отношеніе къ этому положенію результатовъ опыта. На подобныя недоумѣнія сознаніе можетъ наталкиваться прежде всего при совершенно случайной встрѣчѣ съ какими либо фактами, способными возбуждать ихъ, затѣмъ при преслѣдованіи какихъ либо практическихъ цѣлей, вызывающихъ на совершеніе такихъ дѣйствій, результатъ которыхъ можетъ также благопріятствовать ихъ возникновенію, наконецъ даже,—и это самое важное,—при научныхъ методическихъ изслѣдованіяхъ, но ставящихъ для себя совсѣмъ другія задачи, а никакъ не изслѣдованіе того положенія, противъ котораго возраженія направлены, и неожиданно приводящихъ къ выводамъ, возбуждающимъ недоумѣнія въ отношеніи къ этому именно положенію. Однимъ словомъ, недоумѣнія или возраженія, касающіяся того или другого положенія, внушающаго намъ вѣру, не рѣдко выносятся сами собою изъ общаго теченія познавательной жизни, хотя сознаніе ни въ одинъ моментъ ея не ставило себѣ задачи всесторонняго обслѣдованія этого положенія и не пользовалось всѣми доступными ему средствами для ея разрѣшенія.

Правда, когда рѣчь идетъ объ отсутствіи возраженій противъ необходимо мыслимой истины, какъ о дополнительномъ требованіи къ критерію наивысшей доступной для человѣческаго знанія достовѣрности, то представляется совершенно страннымъ и самое предположеніе о томъ, чтобы требованіе такого отсутствія можно было толковать въ смыслѣ простого требованія отсутствія возраженій или недоумѣній, которыя сами собою, безъ обстоятельнаго обслѣдованія тѣхъ истинъ, противъ которыхъ они направлены, выносятся изъ общаго теченія познавательной жизни. Мы, повидимому, слишкомъ хорошо знаемъ, отъ сколькихъ случайностей зависитъ то, выносится ли или не выносится сопоставленіе какого либо результата опыта съ тѣмъ или другимъ положеніемъ, чтобы приписывать какое либо научное значеніе попыткѣ обосновать отсутствіе въ опытѣ результатовъ, стоящихъ въ антагонизмѣ съ положеніемъ, даже не претендующимъ на высшую доступную для человѣческаго сознанія достовѣрность, на простомъ отсутствіи вынесенныхъ изъ общей жизни сознанія возраженій. Какъ же говорить о подобномъ обоснованіи, когда рѣчь идетъ о высшей достовѣрности? Когда потребовалось бы представить положительныя инстанціи въ пользу извѣстнаго положенія, кто бы рѣшился счесть вопросъ исчерпаннымъ, ограничиваясь приведеніемъ такихъ

инстанцій, которыя вынесены изъ общаго теченія познавательной жизни и, такъ сказать, самопроизвольно всплываютъ на поверхность сознанія, не нуждаясь во всестороннемъ систематическомъ обзорѣ матеріала, которой можетъ представить опытъ для обслѣдованія этого положенія? А развѣ вопросъ о существованіи или несуществованіи отрицательныхъ инстанцій не представляетъ только другую сторону вопроса о положительныхъ? И развѣ уже поэтому рѣшеніе его на основаніи существованія или отсутствія отрицательныхъ инстанцій, выносимыхъ изъ общей жизни сознанія, не должно быть признано рѣшеніемъ на основаніи матеріала, случайно выброшеннаго на поверхность сознанія.

Однако, когда мы внимательно всматриваемся въ отношеніе научнаго сознанія къ послѣднимъ посылкамъ знанія, то мы не можемъ не замѣтить, что оно, примѣняя къ нимъ критерій той очевидности, которую эмпиризмъ сводитъ къ ассоціативной необходимой мыслимости, соединяетъ его съ дополнительнымъ требованіемъ, понятнымъ именно въ этомъ смыслѣ. Наука, пользуясь положеніями, которыя съ точки зрѣнія эмпиризма характеризуются ассоціативно пріобрѣтенною необходимою мыслимостію, обыкновенно, довольствуется сознаніемъ ихъ очевидности, какъ достаточнымъ основаніемъ своего довѣрія къ нимъ, совсѣмъ не задаваясь даже вопросомъ о томъ, не существуетъ ли какихъ либо уже достигнутыхъ знаніемъ результатовъ, способныхъ стать въ антагонизмъ съ ними. Слѣдовательно о дополненіи критерія необходимой мыслимости требованіемъ какого либо методическаго изслѣдованія въ обычной жизни научнаго сознанія не можетъ быть и рѣчи. Но это никакъ не значитъ, чтобы отсутствіе подобныхъ результатовъ не было фактически для нея условіемъ довѣрія ея къ тому или другому необходимо мыслимому положенію. Что это довѣріе несомнѣнно фактически обусловлено отсутствіемъ подобныхъ результатовъ, это ясно изъ того факта, что всякое серьезно обоснованное недоумѣніе, касающееся той или другой изъ истинъ, опирающихся по эмпиризму на неразрывную ассоціацію представленій, привлекаетъ къ себѣ вниманіе научнаго сознанія, конечно, въ мѣру обоснованности этихъ недоумѣній, и возбуждаетъ изслѣдованія, которыя имѣютъ своею задачею то или другое разрѣшеніе возникшей коллизіи. А это значитъ, что серьезное недоумѣніе, какъ скоро оно оказывается на лицо, непремѣнно возмущаетъ безмятежный покой самодовлѣющей вѣры. И никакія прямолинейныя, въ родѣ Спенсеровскихъ, разсужденія о томъ, что при совершено неразрывныхъ ассоціаціяхъ должны терять всякое значеніе какія

бы то ни было недоумѣнія или возраженія противъ ихъ истинности, не могутъ вычеркнуть изъ исторіи науки этого факта и не могутъ положить предѣла вдумчивому, пытливому, отношенію научнаго сознанія къ тому положенію, которое вызываетъ серьезныя недоумѣнія, какою бы необходимою мыслимостію ни отличалось само это положеніе. И самъ Спенсеръ, пытаясь разрѣшить недоумѣнія, которыя направлены противъ вѣры въ бытіе внѣшняго міра, признаваемой имъ за результатъ одной изъ самыхъ неразрывныхъ ассоціацій, и стараясь,—все равно вѣрно или невѣрно,— вскрыть глубоко лежащія основанія, на которыхъ, по его мнѣнію, зиждется вѣра въ это бытіе, тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ и самъ не можетъ довольствоваться тѣмъ прямолинейнымъ отрицаніемъ всякаго значенія какихъ бы то ни было недоумѣній относительно необходимо мыслимыхъ положеній, которому учитъ. Отсюда слѣдуетъ, что если научное сознаніе обыкновенно не предваряетъ своего довѣрія къ тому или другому необходимо мыслимому положенію вопросомъ, о томъ, не существуетъ ли какихъ либо результатовъ знанія, способныхъ стать въ антагонизмъ съ этимъ положеніемъ, то это значитъ только, что требованіе отсутствія подобныхъ результовъ проявляется въ его жизни лишь какъ требованіе того, чтобы подобные результаты сами собою, то-есть безъ методическаго обозрѣнія съ этою цѣлію всего опыта, не возникали въ немъ, чтобы сознаніе не сталкивалось съ ними въ томъ теченіи его жизни, въ которомъ оно сознательно не ставитъ задачи методическаго изслѣдованія этого положенія и методически не преслѣдуетъ этой задачи.

И эмпиристъ съ своей точки зрѣнія можетъ хорошо понять основанія такой практики научнаго сознанія. Для этого ему нужно только точнѣе вникнуть въ связь, въ которой по послѣдовательности его ученія эти выносимыя изъ общей жизни сознанія недоумѣнія или возраженія, направленныя противъ той или другой необходимо мыслимой истины, должны стоять съ неразрывностію представленій, характеризующею по его теоріи эти истины.

Образованіе акта вѣры въ то или другое положеніе въ силу производимой ассоціативнымъ процессомъ непосредственной связи между представленіями, въ него входящими, согласно эмпиристической теоріи, подходитъ подъ тотъ же типъ, подъ который подходитъ и образованіе акта вѣры, сопровождающей разсужденіе или выводъ вообще, а слѣдовательно и методическое изслѣдованіе. Всюду, гдѣ сужденіе нельзя счесть за простое констатированіе непосредственно данныхъ

въ воспріятіи сочетаній ощущеній (а Спенсеръ и даже Милль при послѣдовательномъ развитіи его взглядовъ, какъ приходилось намъ разъяснять выше, должны почти совсѣмъ не знать въ наличномъ сознаніи такихъ безусловно непосредственныхъ сочетаній представленій), оно должно считаться по эмпиризму за прямой или косвенный результатъ тѣхъ или другихъ сочетаній явленій, уже существовавшихъ въ предшествующемъ опытѣ, то-есть должно считаться образованнымъ,—все равно прямо или косвенно, по образцу другихъ ранѣе уже существовавшихъ въ сознаніи сочетаній. И въ основѣ вѣры въ сужденіе, возникающей ассоціативнымъ путемъ, лежатъ такіе же факты и образовавшіяся изъ нихъ болѣе сложныя сочетанія, изъ какихъ должна заимствовать свои основанія и вѣра, принимающая форму вывода. И различаются эти процессы только тѣмъ, что при послѣднемъ процессѣ эти факты и уже образовавшіяся изъ нихъ болѣе сложныя сочетанія сопоставляются сознаніемъ съ сужденіемъ, которое должно стать предметомъ вѣры, и становятся для сознанія руководящимъ мотивомъ этомъ вѣры, а въ процессѣ образованія вѣры ассоціативнымъ путемъ входящіе въ этотъ процессъ факты и болѣе сложныя сочетанія уже не въ силу сознательнаго сопоставленія ихъ съ тѣмъ сужденіемъ, которое должно стать предметомъ вѣры, а просто въ силу производимой ими по общимъ психологическимъ законамъ ассоціативной связи между образующими это сужденіе представленіями сопровождаются образованіемъ вѣры въ сужденіе [1]).

---

[1]) Само собою понятно, что и это различіе можетъ быть представлено какъ только относительное. Если при выводѣ, какъ это было разъяснено при изложеніи Спенсерова ученія, мы будемъ имѣть въ виду не связь между субъектомъ и предикатомъ выводнаго сужденія, а связь между основаніями сужденія и самымъ сужденіемъ, усматриваемую при ихъ сопоставленіи, то-есть, если весь выводъ будемъ разсматривать какъ единичный актъ образованія вѣры въ связь между посылками съ одной стороны и заключеніемъ съ другой, то эта вѣра опять окажется результатомъ непосредственной ассоціативной связи между двумя группами представленій, соотвѣтствующими двумъ членамъ этого акта. Съ другой стороны настолько эмпиризмъ въ лицѣ Спенсера хочетъ видѣть въ неразрывной ассоціаціи законное основаніе убѣжденія въ истинности сужденія, онъ принужденъ на неразрывную ассоціацію смотрѣть, какъ на косвенный признакъ прохода черезъ сознаніе безчисленныхъ фактовъ, согласныхъ съ нею и поэтому послѣднее основаніе истинности сужденія полагать въ этомъ согласіи; вслѣдствіе этого высшимъ, хотя и недоступнымъ непосредственному сознанію, основаніемъ сужденія онъ долженъ считать сопоставленіе всѣхъ этихъ фактовъ съ сужденіемъ, а на ссылку на ассоціацію смотрѣть, какъ на косвенное свидѣтельство того, что подобное сопоставленіе, будь оно возможно, непремѣнно пришло

При единствѣ общаго типа процесса возникновенія вѣры ассоціативнымъ путемъ съ процессомъ возникновенія ея при актахъ вывода не можетъ, конечно, быть и существеннаго различія между этими процессами съ эмпиристической точки зрѣнія и относительно значенія въ нихъ такихъ результатовъ предшествующаго опыта, которые прямо или косвенно противорѣчатъ сужденію, которое должно стать предметомъ вѣры. Какъ при процессѣ вывода дѣлается сознательное сопоставленіе сужденія не съ положительными только, но и съ отрицательными инстанціями, и хорошо удостовѣренныя отрицательныя инстанціи уничтожаютъ силу выводнаго сужденія, понимаемаго въ смыслѣ сужденія общаго, и оставляютъ право только на вѣроятныя заключенія относительно частныхъ случаевъ (математическая вѣроятность), такъ соотвѣтствующее явленіе можно наблюдать и при ассоціативномъ процессѣ. Объ ассоціативной связи между представленіями, говоря вообще, нужно утверждать по общему психологическому ученію не только то, что она тѣмъ болѣе крѣпнетъ, чѣмъ чаще и обильнѣе проходятъ черезъ сознаніе согласныя съ нею сечетанія явленій, но и то, что она слабѣетъ отъ встрѣчи сознанія съ несогласующимися съ ней сочетаніями явленій, и по мѣрѣ этого ослабленія каждое изъ двухъ сочетавшихся другъ съ другомъ представленій все съ меньшею и меньшею рѣшительностію и принудительностію стремится при своемъ возникновеніи въ сознаніи вызвать другое.

Конечно, это обобщеніе требуетъ ограниченій и во всякомъ случаѣ не даетъ права отъ сознанія высокой степени твердости ассоціативной связи съ точностью заключать, что черезъ сознаніе совсѣмъ не проходили сочетанія, способныя стоять въ антагонизмѣ съ ассоціаціей. Если бы, предположимъ, мы даже съ увѣренностію могли утверждать, что въ психической жизни нѣтъ условій, усложняющихъ примѣненіе этого закона ассоціативныхъ соединеній, и что ослабленіе ассоціатив-

---

бы къ вѣрѣ въ сужденіе. Но различіе между процессами вывода и непосредственной ассоціативной вѣры, хотя и относительное, все же остается, на сколько съ одной стороны при выводномъ процессѣ мы всегда обособляемъ выводное сужденіе, какъ особое сужденіе даже и при самомъ процессѣ вывода, а послѣ вывода пользуемся имъ, какъ вызывающимъ вѣру особымъ сужденіемъ, съ другой стороны при вѣрѣ, основанной по эмпиризму на неразрывной ассоціаціи, непосредственно руководимся самымъ сознаніемъ необходимой мыслимости сужденія, даже совсѣмъ не задаваясь мыслію о томъ, есть ли она сама по себѣ рѣшительное основаніе сужденія или только косвенный признакъ способнаго оправдать ее сопоставленія фактовъ съ сужденіемъ, и фактически никогда не можемъ совершить этого сопоставленія во всей его полнотѣ.

ной связи отрицательными инстанціями ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ быть задержано, то и въ такомъ случаѣ сознаніе высокой степени крѣпости ассоціативной связи между представленіями никакъ не могло бы служить ручательствомъ отсутствія въ опытѣ субъекта случаевъ, несогласныхъ съ нею, уже просто вслѣдствіе несомнѣнной недостаточной ощутительности нашего сознанія къ различенію очень близкихъ другъ къ другу степеней этой связи. Не при ассоціаціяхъ только, отличающихся неразрывностію, но и при ассоціаціяхъ низшихъ степеней сознаніе никогда не можетъ непосредственно услѣдить каждое незначительное ослабленіе или усиленіе ассоціаціи; и измѣненія въ степени ассоціативной связи становятся замѣтными для непосредственнаго сознанія, лишь когда они значительны. И экспериментальными психологическими изслѣдованіями памяти (начало которымъ положено Эббингаузомъ) достаточно твердо устанавливается та мысль, что фактически продолжаютъ у насъ существовать какъ ассоціаціи, такъ и различія между ними по степени, не могущія быть сколько-нибудь опредѣленно устанавленными путемъ непосредственнаго ихъ сознанія, но способныя быть констатируемы только косвеннымъ путемъ, напримѣръ, черезъ вліяніе, которое производятъ они при процессахъ дальнѣйшаго затверживанія тѣхъ же сочетаній и пр.

Однако отсюда было бы слишкомъ поспѣшно заключать, что въ условіяхъ ассоціативнаго процесса нѣтъ ничего, что было бы способно восполнять указанный недостатокъ неразрывныхъ ассоціацій. Какъ бы кто ни думалъ о цѣнности неразрывныхъ ассоціацій для научнаго знанія, никто не можетъ отрицать, что въ своей практической обыденной жизни человѣчество въ своей массѣ постоянно руководится вѣрой, основанной на болѣе твердыхъ ассоціаціяхъ. И если эта жизнь, конечно доступная очень не рѣдкимъ ошибкамъ, сплошь не переполнена ими до такой степени, которая грозила бы самому существованію человѣчества, то это могло случиться только благодаря тому обстоятельству, что вообще всѣ наиболѣе общія изъ условій, выполненіе которыхъ при опытныхъ процессахъ, порождающихъ вѣру, необходимо для того, чтобы эта вѣра не вела къ постояннымъ обманамъ, оказываютъ по самой психической конституціи свое вліяніе на сознаніе и при ассоціативныхъ процессахъ. Для ближайшей иллюстраціи этой мысли мы могли бы сослаться для примѣра хотя бы на слѣдующее обстоятельство. Разъясняя выше совершенную ошибочность Миллева пониманія его достовѣрной индукціи, какъ индукціи чисто пассивной, мы указывали, что произвольно вызываемыя нами въ при-

родѣ явленія, сопровождающіяся другими явленіями, точно также какъ произволъ въ выборѣ наблюдаемыхъ явленій, должны имѣть особое значеніе для твердой установки законосообразной связи между явленіями. Но мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что произвольныя явленія, именно въ качествѣ произвольныхъ, слѣдовательно способныхъ быть когда угодно вызываемыми нами для удовлетворенія нашихъ безчисленныхъ нуждъ и желаній, и должны, конечно, имѣть наиболѣе шансовъ совершаться наиболѣе часто, и уже потому ассоціативныя связи ихъ съ послѣдующими за ними явленіями должны имѣть болѣе поводовъ твердо запечатлѣваться въ сознаніи. Притомъ же, опять именно какъ произвольныя и слѣдовательно вызываемыя для удовлетворенія нуждъ и потребностей, они должны останавливать на себѣ наше вниманіе при самомъ ихъ совершеніи вслѣдствіе самой связи ихъ съ нашими интересами; а вниманіе къ опредѣленнымъ сочетаніямъ явленій есть фактъ, укрѣпляющій эти сочетанія въ сознаніи. Такимъ образомъ и при процессахъ образованія вѣры ассоціативнымъ путемъ обезпечивается особое вліяніе произвольно вызываемыхъ нами явленій, которымъ, по суду нашей критической мысли, должно по праву принадлежать особое значеніе при познавательныхъ процессахъ. И не случаенъ, конечно, тотъ фактъ, что наше убѣжденіе въ независимомъ отъ сознанія существованіи предметовъ внѣшняго воспріятія, равно какъ соединенная съ нимъ увѣренность въ существованіи въ каждый моментъ очень многихъ предметовъ, не данныхъ въ этотъ моментъ въ нашемъ воспріятіи, т. е. такіе познавательные акты, которые, каково бы ни было ихъ первоначальное происхожденіе, должны находить свое оправданіе, какъ показано было въ нашей критикѣ Кантовой философіи [1]), въ фактахъ, зависящихъ отъ нашей произвольной дѣятельности, запечатлѣны чрезвычайною, непреодолимою вѣрою, хотя это оправданіе никакъ не совершается путемъ разсужденія и остается даже совсѣмъ неизвѣстнымъ общему сознанію.

Обращаясь собственно къ отрицательнымъ инстанціямъ, мы, конечно, не можемъ не признать за ними чрезвычайнаго значенія для сколько-нибудь твердой установки сужденій опытнымъ путемъ. Чтобы утверждать это, достаточно взять во вниманіе то обстоятельство, что одна отрицательная инстанція, по суду логической мысли, ставитъ въ вопросъ истинность обобщенія, несмотря на огромное число истанцій положительныхъ, ведущихъ къ этому обобщенію. Поэтому даже при

[1]) Объ истинахъ самоочевидныхъ. Вып. I, стр. 146—151, 156—158, 170—173.

болѣе тонкой ощутительности сознанія къ незначительнымъ ослабленіямъ ассоціативной связи, чѣмъ какую мы имѣемъ, вѣра, которая вообще возбуждается ассоціаціями сколько-нибудь значительной силы, должна бы была вести къ постояннымъ ошибкамъ въ практической жизни, если бы отрицательныя инстанціи не оказывали при ассоціативномъ процессѣ какого либо особаго вліянія на сознаніе, способнаго служить коррективомъ къ той склонности вѣрить, которая представляется непосредственнымъ слѣдствіемъ всякой болѣе или менѣе значительной ассоціативной связи.

Такой коррективъ несомнѣнно и существуетъ и постоянно оказываетъ свое вліяніе. Факты и результаты опыта, противорѣчащіе настолько твердо сложившемуся подъ вліяніемъ опыта навыку представленія, что онъ способенъ вызывать вѣру въ соотвѣтствующую ему связь явленій, имѣютъ тенденцію именно вслѣдствіе этого своего противорѣчія сложившемуся навыку представленія возбуждать ту раздвоенность сознанія, которая выражается въ противопоставленіи ихъ той вѣрѣ, въ которой этотъ навыкъ находитъ свое выраженіе. Встрѣча сознанія съ результатами опыта, совершенно согласными съ установившимися ассоціаціями, не соединена ни съ какими затрудненіями при самомъ ихъ усвоеніи. А поэтому, если, вслѣдствіе какихъ либо совершенно не зависимыхъ отъ этого процесса ихъ усвоенія побужденій, мы не задаемся особою цѣлію слѣдить за отношеніемъ результатовъ опыта къ тому или другому положенію, возбуждающему вѣру, самъ этотъ процессъ не даетъ никакого повода вызвать это положеніе къ сознанію, сопоставить его съ переживаемыми фактами, закрѣпляя тѣмъ въ сознаніи самые эти факты и связь ихъ съ положеніемъ. Нуженъ какой-нибудь особый мотивъ, случайный въ отношеніи къ налично существующей ассоціаціи, напримѣръ, какой-нибудь особый интересъ, соединенный съ этимъ фактомъ, даже для того, чтобы онъ обратилъ на себя вниманіе сознанія и закрѣпился въ памяти. Если нѣтъ подобныхъ особыхъ мотивовъ, то все дѣло должно ограничиться ничтожнымъ, совершенно незамѣтнымъ для сознанія укрѣпленіемъ самой ассоціаціи. Совершенно обратное оказывается въ томъ случаѣ, когда сознанію приходится усвоять факты или выводы изъ нихъ, не согласные съ достаточно твердо установившейся ассоціаціей. Самое конструированіе подобныхъ фактовъ въ сознаніи должно вслѣдствіе противорѣчія ихъ установившемуся навыку представленія оказаться затруднительнымъ и вызвать напряженныя усилія для преодолѣнія этого затрудненія. И сознаніе этого затрудненія, насколько навыкъ

къ опредѣленной связи представленій выражается для сознанія въ формѣ вѣры въ связь соотвѣтствующихъ представленіямъ реальностей, есть сознаніе несогласія конструируемаго факта или вывода съ этой вѣрой, т. е. противопоставленіе ихъ ей, постановка ихъ въ качествѣ возраженій противъ нее. А напряженіе усилій сознанія одолѣть затрудненіе при конструированіи фактовъ или выводовъ изъ нихъ, противорѣчащихъ навыку представленія, совершается черезъ особое сосредоточеніе вниманія на нихъ, и именно со стороны ихъ противоположности вѣрѣ, и, слѣдовательно, закрѣпляетъ въ сознаніи это противопоставленіе ихъ вѣрѣ. Все это усиливаетъ, конечно, самое вліяніе противорѣчащихъ ассоціаціи результатовъ опыта на ассоціативную связь представленій. Но хотя бы эта связь подъ этимъ вліяніемъ и не ослабѣвала до той степени, на какой въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, при не частой встрѣчѣ сознанія съ соотвѣтствующими ассоціаціи фактами, она оказывается неспособной производить вѣру, все же самое противопоставленіе противорѣчащаго ассоціаціи результата опыта этой ассоціаціи, возбудившее къ себѣ вниманіе и закрѣпленное въ сознаніи, само становится силой, способной вліять на жизнь сознанія. Невольно возникая въ представленіи при мысли о положеніи, соотвѣтствующемъ ассоціаціи, оно понижаетъ руководительное значеніе этого положенія въ практической жизни, побуждаетъ сознаніе осторожнѣе относиться къ примѣненію его и искать такого его ограниченія или истолкованія, при которомъ связанное съ мыслью о немъ представленіе объ отрицательной инстанціи теряло бы значеніе. Такимъ образомъ, не соотвѣтствующее познавательному значенію отрицательныхъ инстанцій непосредственное вліяніе ихъ на ранѣе образовавшуюся ассоціативную связь представленій находитъ для себя коррективъ въ томъ, что эти инстанціи находятъ благопріятныя условія для особаго закрѣпленія въ сознаніи какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ противоположности ранѣе образовшейся ассоціаціи.

Такъ какъ эти благопріятныя условія заключаются прежде всего въ самомъ затрудненіи, которое встрѣчаетъ сознаніе въ процессѣ усвоенія такого результата опыта, который стоитъ въ противорѣчіи съ достаточно твердо установившимся навыкомъ представленія [1]), то, конечно, весь этотъ процессъ противопоставленія долженъ возникать

---

[1]) Если ассоціація представленій повела къ образованію опредѣленнаго соотвѣтствующаго ей навыка дѣйствованія, то затрудненіе, конечно, окажется двойнымъ, и явится новый поводъ къ сознательному противопоставленію факта ассоціаціи.

тѣмъ настоятельнѣе и выражаться тѣмъ рельефнѣе, чѣмъ прочнѣе ассоціація, которая препятствуетъ усвоенію опредѣленнаго явленія. Поэтому противопоставленіе факта вѣрѣ и концентрація на немъ вниманія должны оказаться прямо неизбѣжными, когда столкновеніе результата опыта происходитъ съ тѣми связями представленій, которыя по эмпиризму должны разсматриваться, какъ ассоціаціи совершенно неразрывныя, и при которыхъ поэтому затрудненіе конструированія въ сознаніи противорѣчащихъ имъ явленій должно считаться совершенно неодолимымъ. Кто не почувствовалъ бы затрудненія и не концентрировалъ бы своего вниманія, если бы при какихъ либо своихъ математическихъ выкладкахъ натолкнулся на явную математическую несообразность, въ родѣ, напримѣръ, той, что два, сложенныя съ двумя, оказались бы равны не четыремъ, а пяти или тремъ? И если слѣды этого затрудненія и этого вниманія въ случаяхъ, подобныхъ указанному, оказываются не глубоки и быстро исчезаютъ, то не происходитъ ли это благодаря лишь тому обстоятельству, что самыя противорѣчія въ подобныхъ случаяхъ очень скоро и явно оказываются мнимыми, а, слѣдовательно, и самая потребность невозможной конструкціи исчезаетъ? Въ томъ же случаѣ, когда сознанію не удается убѣдиться въ совершенно мнимомъ характерѣ возникшей предъ нимъ отрицательной инстанціи, напримѣръ, при претендующей на твердыя основанія и ясно понятой мысли о возможности пространства съ иными аксіомами, она неминуемо запечатлѣвается въ немъ до тѣхъ поръ, пока возникшая коллизія не получитъ твердаго разрѣшенія.

Тѣ возраженія противъ положеній, опирающихся по эмпиризму на неразрывную ассоціацію, которыя возникали въ исторіи знанія, всегда представляли собою простое слѣдствіе вліянія на сознаніе проходившихъ черезъ него результатовъ опыта или отдаленныхъ выводовъ изъ нихъ, будетъ ли то дѣйствительно антагонистически сталкивавшихся или казавшихся только сознанію сталкивающимися съ этими неразрывными ассоціаціями. Но они никакъ не предполагали для своего возникновенія всесторонняго методическаго обзора огромнаго количества фактовъ всякаго рода, стоящихъ въ прямомъ или косвенномъ отношеніи съ положеніемъ, противъ котораго они направляются, хотя и вели къ методическимъ изслѣдованіямъ, имѣющимъ своей задачей то или другое рѣшеніе возникшей коллизіи.

И изъ всего сказаннаго прежде всего слѣдуетъ, что то обстоятельство, выносится ли или не выносится изъ общаго теченія позна-

вательной жизни противопоставленіе того или другого результата опыта опредѣленному, необходимо мыслимому положенію, никакъ нельзя назвать случайнымъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы можемъ назвать случайнымъ то, выносится или не выносится изъ этого теченія сопоставленіе съ этимъ же положеніемъ какого либо результата опыта, стоящаго съ нимъ въ согласіи. При результатѣ, согласномъ съ положеніемъ, самое обращеніе вниманія сознанія на этотъ результатъ, равно какъ и сознательное сопоставленіе его съ положеніемъ дѣйствительно случайны въ томъ смыслѣ, что не зависятъ отъ самого логическаго отношенія его къ положенію и предполагаютъ особые мотивы. При результатѣ, не согласномъ съ ассоціаціей, наоборотъ, самое несогласіе результата опыта съ неразрывной ассоціаціей вызываетъ это вниманіе и это сопоставленіе. Но однимъ этимъ выводомъ дѣло не ограничивается.

Правда, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти недоумѣнія или возраженія, разсматриваемыя сами по себѣ, какъ особыя познавательныя явленія, должны быть отнесены не къ процессамъ вѣры, возникающей чисто ассоціативнымъ путемъ, а къ тому же типу процессовъ, къ которому принадлежитъ методическое изслѣдованіе. Подобно послѣднему они суть процессы вывода, разсужденія, при которомъ колебаніе въ вѣрѣ, могущее слѣдовать за ними, находитъ свое основаніе не въ простомъ непосредственномъ сознаніи измѣненія въ непосредственной связи представленій, входящихъ въ положеніе, объ истинности котораго идетъ рѣчь, а въ сознательномъ сличеніи тѣхъ или другихъ фактовъ или выводовъ изъ нихъ съ этимъ положеніемъ и въ сознаніи ихъ несогласованности съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, они представляютъ собою обусловленное самимъ механизмомъ психической жизни обнаруженіе и констатированіе передъ сознаніемъ отрицательныхъ инстанцій, которыя при расширеніи и усложненіи опыта встрѣчаются во всей массѣ явленій, охватываемой ассоціативнымъ процессомъ, и которыя должны бы были по понятому абстрактно ассоціативному закону вліять на ассоціативную связь, непосредственно соединяющую входящія въ извѣстное необходимо мыслимое сужденіе представленія. Въ силу этого они получаютъ значеніе естественнаго, хотя и косвенно возникающаго дополненія того результата ассоціативнаго процесса, который выразился въ неразрывной связи этихъ представленій, или, точнѣе сказать, получаютъ значеніе ассоціативнымъ же путемъ связаннаго съ этимъ результатомъ корректива оказывающейся возможной его односторонности. И именно вслѣд-

ствіе того самаго обстоятельства, что въ этихъ недоумѣніяхъ обнаруживаются и констатируются возможныя отрицательныя инстанціи во всей массѣ явленій, которыя должны обусловливать ассоціативную связь между опредѣленными представленіями, отсутствіе подобныхъ недоумѣній противъ необходимо мыслимаго положенія должно безконечной массѣ положительныхъ инстанцій, представительницею которыхъ по эмпиризму должна считаться необходимая мыслимость, давать смыслъ инстанцій, единственно встрѣчавшихся при этомъ ассоціативномъ процессѣ. Этимъ должно объясняться, почему необходимой мыслимости научнымъ сознаніемъ усвояется значеніе именно при отсутствіи возраженій противъ необходимо мыслимаго положенія, выносимыхъ изъ общаго теченія психической жизни. Можно, правда, этими же соображеніями воспользоваться для объясненія значенія ея и въ томъ случаѣ, когда бы въ качествѣ дополнительнаго требованія къ критерію необходимой мыслимости выставили требованіе методическаго изслѣдованія вопроса о существованіи или отсутствіи возраженій противъ того или другого необходимо мыслимаго положенія. Вѣдъ и при этомъ методическомъ изслѣдованіи мы не только можемъ встрѣтиться съ возраженіями противъ него, выносимыми изъ общей жизни сознанія, но и необходимо должны встрѣтиться съ ними уже потому, что они сами собою выносятся на поверхность сознанія и напрашиваются на вниманіе. Но потребность въ такомъ методическомъ изслѣдованіи этимъ путемъ доказать, конечно, нельзя. Характеристическая черта такого изслѣдованія, систематическій обзоръ возможно большаго количества самыхъ разнообразныхъ явленій, способныхъ быть поставленными въ логическія отношенія съ подлежащимъ обсужденію положеніемъ, окажется въ такомъ случаѣ совершенно излишнимъ для цѣли, которой предназначается служить это изслѣдованіе. То значеніе, которое принадлежитъ выносимымъ изъ общей жизни сознанія недоумѣніямъ, а равно и ихъ отсутствію, будетъ все же опредѣляться не тѣмъ, что они открыты черезъ самостоятельное, систематическое обозрѣніе огромнаго количества явленій; это обозрѣніе, какъ сказано выше, не разъяснитъ значеніе ихъ для оправданія цѣнности наибольшей части массы явленій, представляемыхъ необходимою мыслимостію. Оно будетъ опредѣляться только тѣмъ, что эти недоумѣнія прямо вынесены изъ протекшей жизни сознанія въ силу психическаго механизма, вынуждающаго сознаніе противопоставить неразрывной ассоціаціи противорѣчащіе ей проходящіе черезъ сознаніе результаты развивающагося

опыта и концентрировать вниманіе на этомъ противопоставленіи, закрѣпляя его тѣмъ самымъ въ представленіи.

Съ другой стороны, насколько отсутствіе выносимыхъ изъ общаго теченія познавательной жизни возраженій противъ необходимо мыслимыхъ положеній придаетъ положительнымъ инстанціямъ, представляемымъ необходимою мыслимостію, смыслъ инстанцій, исключительно встрѣтившихся въ прошедшемъ опытѣ, настолько, наоборотъ, отъ нихъ оно само получаетъ особое значеніе. По ученію, общему обоимъ философскимъ представителямъ эмпиризма, необходимая мыслимость, какъ мы уже знаемъ, можетъ характеризовать только положенія, которыя постоянно при всякихъ обстоятельствахъ находятъ для себя примѣненіе въ опытѣ. Отсюда отсутствіе выносимыхъ изъ общаго теченія познавательной жизни возраженій, касающихся того или другого изъ этихъ положеній, получаетъ смыслъ отсутствія въ прошедшемъ опытѣ отрицательныхъ инстанцій противъ положенія, примѣненіе котораго происходитъ постоянно и при всякихъ обстоятельствахъ. И этотъ фактъ лишаетъ права смотрѣть на это отсутствіе, какъ на случайное въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы считаемъ себя въ правѣ называть случайнымъ отсутствіе отрицательныхъ инстанцій противъ положеній, не часто находящихъ для себя примѣненіе въ опытѣ, находя, что отсутствіе исключеній изъ этихъ положеній можетъ объясняться тѣмъ, что недостаточно многочисленны и разнообразны наблюдаемые нами случаи ихъ примѣненія. При положеніяхъ необходимо мыслимыхъ наоборотъ самое количество и разнообразіе положительныхъ инстанцій должны представлять высшую, какую только можно представить по эмпиризму, гарантію для исключенія въ этомъ смыслѣ случайности отсутствія въ нашемъ опытѣ встрѣчъ съ отрицательными инстанціями.

Правда, и при этихъ условіяхъ остается право говорить объ очень существенномъ ограниченіи достовѣрности сужденія. Она все же ограничивалась бы тѣмъ моментомъ развитія и усложненія опыта, на которомъ стоитъ сознаніе, опирающееся на необходимую мыслимость для него извѣстнаго сужденія и на отсутствіе въ немъ какихъ либо недоумѣній, касающихся этого сужденія. И это ограниченіе въ данномъ случаѣ представляется особенно важнымъ потому, что оно, повидимому, есть не только ограниченіе достовѣрности сужденія настоящимъ моментомъ развитія опыта въ его отношеніи къ будущему возможному его развитію: выше было уже разъясняемо, что такому ограниченію по эмпиризму должны подлежать, конечно, и результаты мето-

дическаго изслѣдованія. Но это ограниченіе есть, повидимому, вмѣстѣ и ограниченіе въ самомъ настоящемъ моментѣ однимъ опредѣленнымъ индивидуальнымъ сознаніемъ. Для противопоставленія въ сознаніи тѣхъ или другихъ проходящихъ черезъ него явленій необходимо мыслимому положенію недостаточно того, чтобы они не согласовались съ нимъ. Для этого необходимо, чтобы сознаніе способно было понять эту несогласованность; а для этого можетъ оказаться нужнымъ соотвѣтствующее имъ истолкованіе, которое можетъ потребовать такихъ свѣдѣній, которыя, будучи доступны опредѣленному моменту развитія знанія, могутъ быть тѣмъ не менѣе недоступны цѣлой массѣ индивидуумовъ, живущихъ въ ту же эпоху. А въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это противопоставленіе требуетъ болѣе или менѣе сложныхъ выводовъ изъ непосредственныхъ результатовъ знанія, для него оказывается нужна, сверхъ того, и особая проницательность сознанія. Положеніе, напримѣръ, о паденіи всѣхъ тяжелыхъ тѣлъ, оставленныхъ безъ поддержки, въ одну и ту же сторону вселенной, называемую низомъ, или положеніе о точномъ соотвѣтствіи порядка во времени между ощущеніями съ одной стороны и условливающими ихъ органическими раздраженіями, производимыми внѣшними вещами, съ другой, должны были съ точки зрѣнія ученія эмпиризма о происхожденіи необходимой мыслимости претендовать въ свое время на значеніе необходимо мыслимыхъ положеній, а между тѣмъ эти положенія окажутся, конечно, положеніями, не имѣющими исключеній для очень многихъ людей даже и въ наше время, не имѣющихъ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ знаній и умственнаго развитія, хотя передъ ихъ сознаніемъ могутъ проходить явленія, которыя при свѣтѣ науки должны оказаться противорѣчащими этимъ положеніямъ. Однако, и всякіе факты этого рода ничего не доказываютъ противъ разъясняемаго критерія достовѣрности. Если дѣло идетъ о критеріи наивысшей достовѣрности не для того или другого опредѣленнаго индивидуума, а для сознанія научнаго, то и подъ входящимъ въ критерій требованіемъ объ отсутствіи выносимыхъ изъ общаго теченія познавательной жизни недоумѣній, касающихся того или другого изъ необходимо мыслимыхъ положеній, нужно разумѣть, конечно, отсутствіе этихъ недоумѣній не въ сознаніи того или другого опредѣленнаго индивидуума, а отсутствіе ихъ въ научномъ сознаніи; въ противномъ случаѣ обусловленная этимъ критеріемъ согласованность со всею совокупностію прожитаго опыта окажется согласованностію только съ опытомъ опредѣленнаго индивидуума, а не съ опытомъ, какъ требуется критеріемъ, научнаго сознанія. Наука не-

посредственно принадлежитъ, говоря метафорически, коллективному сознанію наиболѣе развитой части человѣчества. А въ этомъ сознаніи даны не только развившіяся по эмпиризму изъ опыта неразрывныя связи опредѣленныхъ представленій, но и всѣ результаты усложненныхъ процессовъ расширяющагося и развивающагося знанія. А поэтому и отсутствіе выносимыхъ изъ общаго теченія познавательной жизни серьезныхъ возраженій противъ необходимо мыслимыхъ положеній, входящее въ критерій достовѣрности, и должно получить, и фактически въ практикѣ научнаго сознанія получаетъ тотъ смыслъ, что ни въ одномъ единичномъ сознаніи, входящемъ въ это коллективное сознаніе, не извѣщается никакого остающагося неразрѣшеннымъ серьезнаго столкновенія съ опредѣленнымъ необходимо мыслимымъ положеніемъ, или, говоря точнѣе, ни одна подмѣченная и остающаяся не разрѣшенной коллизія не является путемъ обмѣна взглядовъ на судъ обще-научнаго сознанія. При такомъ толкованіи дополнительнаго къ критерію необходимой мыслимости требованія эмпиризмъ не можетъ, конечно, отрицать, что опытъ, на совершенную согласованность съ которымъ изъявляетъ притязаніе положеніе, удовлетворяющее этому критерію, будетъ опытомъ, отвѣчающимъ той высшей ступени развитія, которой достигло бы въ опредѣленный моментъ человѣческое сознаніе. И если смотрѣть на дѣло по существу, то нельзя отрицать, что это расширеніе дополнительнаго требованія до такого требованія, выполненіе котораго предполагаетъ обращеніе къ общенаучному сознанію, также ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемо какъ внесеніе въ это требованіе совершенно исключительной черты, совсѣмъ не обычной при процессахъ научнаго знанія. Вѣдь и о всестороннемъ методическомъ изслѣдованіи, на которомъ пожелали бы основать послѣднія посылки знанія, если оно должно удовлетворять соотвѣтствующему моменту научнаго развитія, всегда должно предполагаться, что оно настолько широко обнимаетъ въ себѣ явленія, способныя стоять въ логическомъ отношеніи къ этимъ посылкамъ, чтобы не опустить чего либо существеннаго, доступнаго общенаучному сознанію, и что оно можетъ получать значеніе для научнаго сознанія только тогда, когда окажется въ состояніи пройти чрезъ контроль этого общенаучнаго сознанія.

Такимъ образомъ, одинъ тотъ фактъ, что сочетанія, достигшія высшихъ ступеней ассоціативной связи, способны оказываться ири развитіи и усложненіи опыта недостаточно согласованными съ нимъ, еще не даетъ права лишать критерій необходимой мыслимости, разсматри-

ваемой какъ результатъ этой связи, значенія въ установкѣ послѣднихъ посылокъ знанія, а ведетъ только къ дополненію необходимой мыслимости какъ критерія наивысшей достовѣрности требованіемъ отсутствія выносимыхъ изъ общаго теченія познавательной жизни недоумѣній, законно противопоставляемыхъ необходимо мыслимому положенію.

Болѣе твердая опора для скептическихъ взглядовъ на значеніе необходимой мыслимости получается, повидимому, если съ этимъ фактомъ возможной недостаточной согласованности необходимо мыслимаго положенія съ опытомъ поставить въ соотношеніе другой столь же несомнѣнный фактъ, на который также указано было выше, именно, что, при обнаруженіи несогласованности какого-либо необходимо мыслимаго положенія съ тѣми или другими результатами усложняющагося и развивающагося опыта, для человѣческаго сознанія долженъ быть признанъ только одинъ законный выходъ изъ коллизіи, обращеніе къ методическому изслѣдованію, которое разрѣшило бы коллизію. Съ этимъ признаніемъ методическое изслѣдованіе является, повидимому, полносильной апелляціонной инстанціей, компетентность которой возвышается надъ компетентностію непосредственно сознаваемой необходимой мыслимости сужденія. Возможность съ помощію методическаго изслѣдованія, конечно, при благопріятныхъ условіяхъ, разрѣшать подобныя коллизіи и иногда даже не въ пользу положенія, опирающагося непосредственно на необходимую мыслимость, достаточно рѣшительно, повидимому, свидѣтельствуетъ о наивысшей сравнительно съ этой необходимой мыслимостію познавательной значимости методическаго изслѣдованія.

Полемика Милля противъ значенія необходимой мыслимыти подразумѣваетъ это противорѣчіе довѣрія къ ней съ разрѣшеніемъ недоумѣній, возникающихъ изъ этого довѣрія, съ помощію методическаго изслѣдованія. Ставя на видъ случаи, когда оказывалось, что необходимая мыслимость закрѣпляла результаты болѣе ранняго и, слѣдовательно, менѣе зрѣлаго опыта, онъ винитъ это довѣріе къ ней въ томъ, что оно враждебно сталкивалось съ довѣріемъ къ расширяющемуся опыту, указывавшему на недочеты опыта менѣе зрѣлаго и наконецъ, приводившему къ болѣе правильнымъ взглядамъ. А такъ какъ наиболѣе твердый способъ опытной установки истины онъ видитъ въ той индукціи, которая играетъ у него роль методическаго изслѣдованія послѣднихъ посылокъ знанія, то возможность съ помощію методическаго изслѣдованія исправлять недочеты въ результатахъ неразрывной

ассоціаціи предполагается у него какъ нѣчто, совершенно не совмѣстимое съ приписываемымъ необходимой мыслимости значеніемъ. Спенсеръ не можетъ отрицать фактическаго возникновенія въ сознаніи коллизій въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ положеній, которыя по эмпиризму должны считаться достигшими необходимой мыслимости ассоціативнымъ путемъ. И онъ, какъ мы уже видѣли, вопреки настоящей послѣдовательности эмпиризма и его собственной теоріи эволюціи, вопреки фактическому отношенію научнаго сознанія къ такого рода коллизіямъ, вопреки, наконецъ, косвенно прорывающемуся своему собственному отношенію къ этимъ коллизіямъ отрицаетъ право методическаго изслѣдованія ихъ по самому ихъ существу, и требуетъ рѣшенія ихъ на основаніи простого разчисленія количества ссылокъ на необходимую мыслимость при обоснованіи каждаго изъ стоящихъ въ антагонизмѣ сужденій. Усиліе Спенсера доказать подобную мысль могло развиться только изъ опасенія, что необходимая мыслимость неизбѣжно потеряетъ значеніе высшаго критерія достовѣрности, какъ скоро будетъ допущено, что методическое изслѣдованіе есть законный способъ разрѣшенія вопроса при возникновеніи враждебныхъ столкновеній между необходимо мыслимыми сужденіями.

Это явное, повидимому, противорѣчіе между признаніемъ необходимой мыслимости за критерій достовѣрности и признаніемъ законности обращаться къ методическому изслѣдованію при обнаруженіи несогласія того или другого необходимо мыслимаго сужденія съ результатами опыта представляется особенно важнымъ въ томъ отношеніи, что оно совсѣмъ подрываетъ, повидимому, значеніе свидѣтельства практики научнаго сознанія въ пользу этого критерія. Такъ какъ и само научное сознаніе въ случаяхъ коллизіи между сужденіями, которыя съ точки зрѣнія эмпиризма должны быть признаны необходимо мыслимыми сужденіями, обращается къ методическимъ изслѣдованіямъ для разрѣшенія этихъ коллизій, то не должны ли мы сказать, что оно самой же своей фактической дѣятельностію обнаруживаетъ признаніе того, что критерій, которымъ оно пользуется при установкѣ послѣднихъ основъ знанія, не представляетъ высшаго критерія достовѣрности? Не должны ли мы объяснить эту фактическую непослѣдовательность научнаго сознанія тѣмъ, что тотъ наиболѣе строгій способъ убѣжденія (т. е. методическое изслѣдованіе), который невольно и самъ собою напрашивается сознанію, когда оно непосредственно испытываетъ неудобство довольствоваться менѣе строгимъ способомъ убѣжденія, т. е. когда вѣра въ необходимо мыслимое сужденіе встрѣчается

съ серьезнымъ возраженіемъ противъ него, не развился еще въ сознаніи, вслѣдствіе не частаго повторенія такихъ коллизій, въ общее требованіе, не превратился въ инстинктивную потребность, которая устраняла бы самую возможность удовлетворяться болѣе слабымъ способомъ убѣжденія, слѣдовательно предваряла бы самую возможность встрѣчаться съ коллизіями, отсюда происходящими? Вѣдь именно подобная непослѣдовательность составляетъ обычное явленіе при переходахъ сознанія съ болѣе низкой на болѣе высокую ступень критическаго развитія. На болѣе низкихъ стадіяхъ критическаго развитія даже и ассоціаціямъ, которыя не достигли той степени прочности, при которой они становятся неразрывными, сознаніе даритъ такую же вѣру, какую наука въ настоящее время обнаруживаетъ въ отношеніи къ ассоціаціямъ только неразрывнымъ. И, конечно, лишь нерѣдкіе случаи столкновенія этого рода вѣры въ образовавшіяся болѣе или менѣе твердыя ассоціаціи съ результатами развивающагося опыта должны были въ сознаніи, наиболѣе чуткомъ къ оцѣнкѣ достовѣрности, сопровождаться не только неизбѣжнымъ пониженіемъ вѣры въ сужденія, вызвавшія возраженія, но и постепенно развивающимся недовѣрчивымъ отношеніемъ вообще къ положеніямъ, опирающимся на подобныя же не достигшія совершенной неразрывности ассоціаціи, хотя подъ вліяніемъ практическихъ нуждъ сознаніе все же не могло не руководиться ими въ практической жизни, даже и при твердомъ убѣжденіи въ ихъ недостаточной прочности. Но для того, чтобы такое отношеніе къ этимъ ассоціаціямъ сдѣлалось для сознанія привычнымъ или нормальнымъ, конечно, должны были пройти преемственные ряды опытовъ при благопріятныхъ условіяхъ развитія. Народы, стоящіе на низшей ступени развитія, точно такъ же какъ и среди развитыхъ народовъ огромная масса лицъ, по своему возрасту или по недостаточно благопріятнымъ условіямъ не освоившихся съ требованіями развитой мысли, хотя при столкновеніи съ новыми фактами опыта, не согласующимися съ тѣмъ или другимъ положеніемъ, опирающимся на недостигшія неразрывности ассоціаціи, утрачиваютъ, конечно, вѣру въ эти положенія и вынуждаются при рѣшеніи вопросовъ, на которые отвѣчаютъ эти ассоціаціи, искать болѣе твердыхъ основаній, чѣмъ какія представляли онѣ, но тѣмъ и ограничиваются; они не измѣняютъ общаго навыка мысли въ оцѣнкѣ достовѣрности, т. е. не сознаютъ недостаточности основаній своей вѣры въ огромную массу другихъ положеній, опирающихся на подобныя же ассоціаціи, и совсѣмъ не чувствуютъ потребности искать на вопросы, на которые отвѣчаютъ онѣ, болѣе твердыхъ основаній, пока

развивающійся опытъ не запутаетъ ихъ прямо въ отношеніи къ этимъ положеніямъ въ соотвѣтствующія коллизіи. Не естественно ли является предположеніе, что въ этой непослѣдовательности менѣе развитаго сознанія въ его отношеніи къ укрѣпившимся, но не достигшимъ неразрывности ассоціаціямъ мы имѣемъ случай, совершенно аналогичный съ оказывающеюся непослѣдовательностію нашего научнаго сознанія въ его отношеніяхъ къ ассоціаціямъ неразрывнымъ, которымъ оно довѣряетъ безъ методическаго изслѣдованія, пока не сталкивается съ затрудненіями, возникающими изъ развивающагося опыта, хотя обращается тотчасъ же къ методическому разрѣшенію вопроса, когда ассоціація сталкивается враждебно съ результатами опыта? Для Милля при его полемикѣ противъ критерія необходимой мыслимости довѣріе къ ней дѣйствительно представляется исключительно результатомъ недостатка критическаго развитія мысли, принимающей неразрывную ассоціацію за безусловный законъ самаго сознанія, и по существу ничѣмъ не отличается отъ той вѣры въ обыкновенныя не достигшія неразрывности ассоціаціи, надъ которою давно уже возвысилось научное сознаніе.

Правда, мысль о противорѣчіи между довѣріемъ къ необходимой мыслимости, какъ къ высшему критерію истины, и обращеніемъ къ методическому изслѣдованію при возникающихъ серьезныхъ возраженіяхъ противъ того или другого необходимо мыслимаго сужденія, какъ скоро она доводится до этихъ крайнихъ предѣловъ своей послѣдовательности, легко выдаетъ свою несостоятельность.

Прежде всего, самый тотъ фактъ, который указываетъ на значеніе необходимой мыслимости въ дѣятельности наличнаго научнаго сознанія, состоитъ не въ томъ только, что оно въ обычной жизни своей вполнѣ довѣрчиво относится къ тѣмъ сужденіямъ, въ которыхъ эмпиризмъ видитъ результаты неразрывныхъ ассоціацій. Какъ было уже разъяснено, онъ, сверхъ того, состоитъ еще и въ томъ, что даже и тѣ мыслители, которые отрицаютъ законность этого довѣрія, слѣдовательно достаточно, повидимому, возвысились надъ тою ступенью развитія научнаго сознанія, которая характеризуется этимъ довѣріемъ, оказываются не въ состояніи въ своей фактической научной дѣятельности послѣдовательно провести свое требованіе обоснованія послѣднихъ посылокъ на строго методическомъ изслѣдованіи и въ существѣ дѣла опираются на довѣріи къ результату ассоціативной дѣятельности. И уже этотъ фактъ показываетъ, что довѣріе науки къ необходимой мыслимости имѣетъ болѣе глубокое основаніе, чѣмъ недоста-

токъ того критическаго развитія, которое должно сглаживать наслѣдіе не критическаго періода. Мы разъясняли, кромѣ того, что безъ этого довѣрія наука ни въ какомъ случаѣ обойтись не можетъ, такъ какъ на настоящей ступени развитія психологическаго анализа нельзя поручиться, что подъ кажущеюся непосредственною данностію въ томъ или другомъ случаѣ не скрывается глубоко укоренившаяся ассоціація и такъ какъ строго методическое обоснованіе многаго, относящагося къ неизбѣжнымъ общенаучнымъ предположеніямъ, встрѣчалось доселѣ съ неодолимыми затрудненіями. И отсюда во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что необходимая мыслимость сужденія подъ условіемъ, конечно, отсутствія серьезныхъ остающихся неразрѣшенными недоумѣній противъ него не можетъ не имѣть познавательной цѣнности для научнаго сознанія, если для этого сознанія не должно потерять цѣнность наличное научное знаніе. И для самого Милля оказалось возможнымъ съ прямолинейною послѣдовательностію провести отрицательный взглядъ на познавательное значеніе необходимой мыслимости лишь благодаря двумъ обстоятельствамъ. Съ одной стороны онъ не замѣчаетъ, что самъ при доказательствахъ положеній, считаемыхъ за необходимо мыслимыя, никакъ не проводитъ послѣдовательно свое ученіе объ индукціи, а въ существѣ дѣла довольствуется той же ссылкой на твердый результатъ ассоціативнаго процесса. Съ другой стороны онъ совсѣмъ игнорируетъ, что на этомъ самомъ ассоціативномъ процессѣ по послѣдовательно проведенному его же собственному ученію фактически опираются не нѣкоторыя только самыя общія посылки, но и то, что принимается за непосредственно данные факты, психологическій анализъ которыхъ никогда не можетъ считаться вполнѣ законченнымъ, и послѣднія основанія которыхъ не могутъ быть даны въ непосредственномъ сознаніи.

Притомъ же мы сейчасъ опредѣляли съ точки зрѣнія эмпиризма дѣйствительную познавательную цѣнность необходимой мыслимости сужденія, взятой при дополнительномъ условіи, состоящемъ въ отсутствіи возраженій противъ этого сужденія, выносимыхъ изъ общаго теченія познавательной жизни, и нашли, что необходимая мыслимость при этомъ условіи должна считаться надежнымъ свидѣтельствомъ въ пользу совершенной согласованности сужденія со всею совокупностію предшествующаго опыта. А изъ этого по крайней мѣрѣ слѣдуетъ то, что довѣріе къ ней ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено въ одинъ разрядъ съ довѣріемъ къ ассоціаціямъ, не достигшимъ неразрывности, и еще менѣе можетъ быть разсматриваемо, какъ совсѣмъ

не имѣющее серьезной познавательной цѣнности явленіе. И даже возникаетъ вопросъ: въ чемъ же мы должны поставить познавательную цѣнность методическаго изслѣдованія для того, чтобы она могла превысить эту цѣнность необходимой мыслимости? Если дополнительное условіе въ самомъ дѣлѣ восполняетъ недочетъ, констатируемый въ необходимой мыслимости ея антагонистами, и слѣдовательно возвращаетъ ей то довѣріе, которое должно принадлежать результату процесса, обнимающаго безчисленные и безконечно разнообразные факты, то едва-ли есть право на основаніи косвеннаго доказательства требовать замѣны довѣрія къ необходимой мыслимости методическимъ изслѣдованіемъ, не разъяснивъ, въ чемъ же именно заключается преимущество, которое должно принадлежать выводу изъ этого изслѣдованія.

Наконецъ нельзя не отмѣтить и того, что самое противорѣчіе между признаніемъ необходимой мыслимости за высшій критерій достовѣрности и обращеніемъ при коллизіи между необходимо мыслимыми сужденіями къ методическому изслѣдованію, по крайней мѣрѣ взятое въ той простѣйшей формѣ, въ какой оно здѣсь представлено и въ какой оно всего скорѣе приходитъ на мысль, вовсе не такъ безусловно, какъ представляется это съ перваго взгляда. Изъ того, что съ помощію методическаго изслѣдованія для насъ оказывается возможнымъ устанавливать истину въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо мыслимое сужденіе встрѣчается съ недоумѣніями, конечно, слѣдуетъ, что методическое изслѣдованіе даетъ возможность устанавливать положенія, которыя нельзя установить съ помощію критерія, которымъ фактически пользуется научное сознаніе при установкѣ основныхъ посылокъ знанія, и что поэтому этотъ критерій не можетъ быть примѣненъ къ каждому сужденію. Но это и естественно, такъ какъ онъ предполагаетъ въ сужденіи не только непосредственную необходимую связь между представленіями, въ него входящими, но еще, сверхъ того, отсутствіе внушаемыхъ развивающимся опытомъ возраженій противъ него, а этого послѣдняго признака сужденія, подходящаго подъ критерій, не оказывается, когда обращаются въ указанныхъ случаяхъ къ методическому изслѣдованію. Противорѣчіе несомнѣнно окажется, но лишь подъ тѣмъ же предположеніемъ, подъ которымъ всякая возможная несогласованность необходимо мыслимаго сужденія съ развивающимся опытомъ говорила бы о несостоятельности этого критерія, т. е. когда мы вмѣстѣ съ Миллемъ и Спенсеромъ предположили бы, что критерій долженъ ограничиваться исключительно необходимою мыслимостію и не можетъ допускать никакихъ дополнительныхъ требованій.

Въ такомъ случаѣ дѣйствительно возможность для сужденія оставаться необходимо мыслимымъ при обнаруженіи серьезныхъ возраженій противъ его значимости, взятая вмѣстѣ съ возможностію разрѣшенія подобныхъ коллизій путемъ методическаго изслѣдованія даже не въ пользу необходимо мыслимаго сужденія, несомнѣнно доказывала бы, что въ случаяхъ, гдѣ приложимъ этотъ критерій, онъ оказывается менѣе гарантирующимъ достовѣрность, чѣмъ методическое изслѣдованіе. И поэтому совершенно понятно, что Спенсеръ, отстаивающій критерій въ этомъ именно толкованіи, былъ вынужденъ, какъ было сказано, отрицать всякое значеніе методическаго изслѣдованія для разрѣшенія коллизій между необходимо мыслимыми сужденіями. Если же, наоборотъ, признать, что критеріемъ при установкѣ основъ знанія должна служить и фактически въ наукѣ служитъ не просто необходимая мыслимость сужденія, а при добавочномъ требованіи отсутствія противъ него возраженій, выносимыхъ изъ общаго теченія познавательной жизни, тогда возможность путемъ методическаго изслѣдованія открывать истину, гдѣ она является затемненной столкновеніемъ необходимо мыслимаго сужденія съ серьезными недоумѣніями, по крайней мѣрѣ сама по себѣ безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій, такъ же мало доказывала бы меньшую сравнительно съ методическимъ изслѣдованіемъ пригодность критерія въ случаяхъ, гдѣ оказывается онъ приложимымъ, какъ мало доказывала бы это несомнѣнная возможность пользоваться выводомъ или разсужденіемъ для установки сужденій, не отличающихся вовсе необходимою мыслимостію. Въ обоихъ этихъ случаяхъ одинаково остается возможнымъ предположеніе, что компетенція вывода или разсужденія простирается только на случаи, къ которымъ критерій, не переставая быть критеріемъ наивысшей возможной для человѣческаго знанія достовѣрности, оказывается просто не примѣнимымъ вслѣдствіе отсутствія въ сужденіи тѣхъ признаковъ полной согласованности съ опытомъ, которые предполагаются критеріемъ. Различіе между обоими этими случаями сводилось бы исключительно къ тому, что при обыкновенномъ примѣненіи выводного процесса не оказывается въ сужденіи основного признака, необходимой мыслимой связи между представленіями, въ него входящими, а при примѣненіи этого процесса къ особымъ коллизіямъ мысли не оказывается признака дополнительнаго, но тѣмъ не менѣе необходимаго при законномъ примѣненіи критерія, т. е. отсутствія въ прожитомъ опытѣ возраженій противъ сужденія.

Мы совершенно законно видимъ недостатокъ критическаго развитія мышленія, когда замѣчаемъ, что люди вполнѣ довѣрчиво отно-

сятся къ слабымъ, сравнительно съ неразрывными, ассоціаціямъ, пока не встрѣчаются съ отрицательными инстанціями противъ нихъ, хотя при встрѣчѣ съ такими инстанціями они готовы обращаться къ болѣе строгимъ методамъ при рѣшеніи вопроса, отвѣтъ на который давала подобная возбудившая противъ себя возраженія ассоціація. Но несомнѣнная законность этого взгляда обусловлена именно тѣмъ, что фактическое условіе продолжающагося у этихъ людей довѣрія къ остальнымъ ассоціаціямъ того же рода, отсутствіе противъ нихъ отрицательныхъ инстанцій, какъ это совершенно очевидно для насъ, неспособно сравнить познавательное значеніе этихъ ассоціацій съ значеніемъ тѣхъ болѣе строгихъ способовъ доказательства, къ которымъ эти люди сами прибѣгаютъ при наличности возраженій противъ нихъ. Вѣдь эти ассоціаціи какъ эмпиризмомъ, такъ и какимъ угодно другимъ гносеологическимъ направленіемъ считаются возникающими при такихъ условіяхъ вліянія соотвѣтствующихъ имъ явленій на сознаніе, при которыхъ, даже если и предположить за несомнѣнный фактъ отсутствіе встрѣчи сознанія съ отрицательными противъ нихъ инстанціями, образованіе ихъ должно считаться менѣе гарантирующимъ достовѣрность соотвѣтствующаго имъ сужденія, чѣмъ обстоятельное методическое изслѣдованіе. Познавательная же цѣнность неразрывныхъ ассоціацій при отсутствіи возраженій противъ нихъ сравнительно съ познавательною цѣнностію методическаго изслѣдованія во всякомъ случаѣ представляется въ эмпиризмѣ еще спорнымъ вопросомъ, который долженъ быть разрѣшенъ на тѣхъ или другихъ основаніяхъ. И понятно, что простая ссылка на необходимость обращаться къ методическому изслѣдованію при существованіи возраженій противъ необходимо мыслимаго сужденія, которая могла бы быть растолкована въ пользу методическаго изслѣдованія лишь тогда, когда заранѣе была бы признана его сравнительно большая познавательная цѣнность, этого спорнаго вопроса рѣшить не можетъ.

Но всѣ эти разсужденія, которыя стоятъ на пути къ тому, чтобы воспользоваться для возвышенія методическаго изслѣдованія надъ критеріемъ необходимой мыслимости фактомъ обращенія сознанія къ этому изслѣдованію при возраженіяхъ противъ того или другого необходимо мыслимаго сужденія, повидимому, могутъ быть устранены. Всѣ они, повидимому, объясняются тѣмъ, что, ссылаясь на этотъ фактъ, мы поспѣшили сдѣлать выводъ прямо изъ него, не уяснивъ себѣ тѣхъ средствъ, которыми пользуется въ этомъ случаѣ методическое изслѣдованіе. А между тѣмъ эти именно средства, повидимому, и разъясняютъ

преимущества, которыя оказываются на сторонѣ методическаго изслѣдованія и которыя въ то же время вполнѣ согласуемы съ тѣмъ значеніемъ необходимой мыслимости сужденія, которое мы имѣемъ дѣйствительное право признать за нею, когда это сужденіе не встрѣчаетъ возраженій противъ себя въ прожитомъ опытѣ.

Уже изъ встрѣчавшихся выше примѣровъ обращенія научнаго сознанія къ методическому изслѣдованію при встрѣчѣ съ возраженіями противъ сужденій, характеризующихся по эмпиризму ассоціативно пріобрѣтенною необходимою мыслимостію, можно видѣть, что для разрѣшенія коллизіи въ такихъ случаяхъ оказывается нужнымъ дѣлать такія сближенія ранѣе добытыхъ результатовъ знанія, совершать такія наблюденія, а иногда даже конструировать такіе опыты, которые не вызываются ни событіями обычной жизни сознанія, ни практическими задачами, ни даже научными цѣлями изслѣдованія другихъ положеній и которыя безъ особо поставленной задачи изслѣдованія этого именно встрѣчающагося съ опредѣленными возраженіями необходимо мыслимаго сужденія и безъ усилій сознанія, направленныхъ къ разрѣшенію этой задачи, могли бы вовсе не возникать въ сознаніи. Употребленіе такихъ средствъ при установкѣ положенія не составляетъ, конечно, особенности тѣхъ случаевъ примѣненія методическаго изслѣдованія, когда съ его помощію разрѣшаются коллизіи, происходящія отъ столкновенія необходимо мыслимыхъ положеній съ какими либо серьезными недоумѣніями. Они составляютъ черту, свойственную всякому методическому изслѣдованію, насколько оно всегда возникаетъ изъ опредѣленной спеціальной задачи и предполагаетъ усилія мысли къ изысканію всѣхъ средствъ, способныхъ служить къ разрѣшенію этой задачи. Эти средства именно и возвышаютъ методическое изслѣдованіе надъ менѣе прочными результатами ассоціативныхъ процессовъ, представляя необходимое условіе для открытія твердыхъ основаній сужденія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ условія образованія ассоціаціи по всякой теоріи знанія должны считаться недостаточно гарантирующими или даже совсѣмъ не гарантирующими достовѣрность сужденія. Но успѣшное примѣненіе этихъ же самыхъ средствъ при рѣшеніи коллизій, возникающихъ отъ встрѣчи необходимо мыслимыхъ сужденій съ имѣющими серьезный научный характеръ возраженіями противъ нихъ, представляетъ особое значеніе при разъясненіи теперь занимающаго насъ вопроса. Оно, повидимому, наглядно и убѣдительно доказываетъ, что соединенное съ примѣненіемъ такихъ средствъ увеличеніе матеріала, съ которымъ должна имѣть дѣло мысль, устана-

вливающая извѣстное положеніе, и притомъ,—и это самое главное,—увеличеніе, которое оказывается существенно важнымъ, имѣющимъ рѣшающее значеніе въ процессѣ этой установки, вполнѣ возможно и совершается дѣйствительно при изслѣдованіи и такого рода положеній, которыя отличаются необходимою мыслимостію и, слѣдовательно, должны считаться по эмпиризму находящими въ общемъ теченіи психической жизни постоянные, безчисленные, происходящіе при всевозможно разнообразныхъ условіяхъ случаи примѣненія. Если же это такъ, если методическое изслѣдованіе оказывается способнымъ отыскивать такія сочетанія ранѣе пріобрѣтенныхъ результатовъ знанія и такіе факты, пригодные для провѣрки даже положеній, характеризующихся необходимою мыслимостію, которые сами собою въ общемъ теченіи познавательной жизни не встрѣчаются даже при условіяхъ образованія неразрывныхъ ассоціацій, но которые тѣмъ не менѣе оказываются способными имѣть рѣшающее значеніе при твердой установкѣ положенія, то не имѣемъ ли мы здѣсь явнаго преимущества методическаго изслѣдованія передъ результатомъ неразрывной ассоціаціи, хотя бы и не встрѣчающей никакихъ недоумѣній въ общемъ теченіи познавательной жизни? И почему на основаніи этого преимущества мы не должны требовать методическаго изслѣдованія въ отношеніи къ каждому необходимо мыслимому положенію, не ожидая, пока оно найдетъ противъ себя возраженіе въ общемъ теченіи познавательной жизни? Почему сужденіе, прошедшее черезъ такое изслѣдованіе, слѣдовательно провѣренное не только сочетаніями и фактами прошедшаго опыта, но сочетаніями и фактами, не встрѣчающимися въ общемъ теченіи познавательной жизни, однако способными, какъ оказывается, имѣть важное, даже рѣшающее значеніе, мы не должны считать больше гарантированнымъ относительно своей достовѣрности, чѣмъ сужденіе, совсѣмъ не подвергавшееся провѣркѣ послѣдняго рода и принятое за истину только на основаніи отсутствія противъ него возраженій въ общемъ теченіи познавательной жизни?

Съ этой точки зрѣнія оказывается, повидимому, совершенно возможнымъ настаивать на преимуществахъ методическихъ изслѣдованій передъ критеріемъ необходимой мыслимости съ его разъясненнымъ выше необходимымъ дополненіемъ и въ то же время не отрицать того значенія, которое было выше установлено за необходимо мыслимымъ сужденіемъ, не имѣющимъ противъ себя возраженій, выносимыхъ изъ общей жизни сознанія. Пусть необходимою мыслимостію при отсутствіи подобныхъ возраженій достаточно гарантируется совершен-

ная согласованность этого сужденія съ совокупностію прожитаго опыта. Но вѣдь мы знаемъ, что этотъ критерій не даетъ безусловно достовѣрности, что все же для сужденія, удовлетворяющаго ему, остается возможность встрѣтиться съ отрицательными, инстанціями при дальнѣйшемъ развитіи и усложненіи опыта; и въ этомъ неизбѣжная граница этого критерія. А методическое изслѣдованіе, на сколько оно способно подставлять такія не встрѣчавшіяся въ прошлой жизни сознанія сочетанія результатовъ предшедствующаго опыта и такіе новые факты, которые могутъ существенно пособлять рѣшенію вопроса о состоятельности даже необходимо мыслимыхъ сужденій, очевидно, повидимому, даетъ возможность (конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ) переступать эту границу; оно ведетъ за собою и въ отношеніи къ этимъ сужденіямъ то дальнѣйшее расширеніе опыта, которое способно открывать возраженія противъ нихъ, переступающія (конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ) границы уже пережитаго опыта; а слѣдовательно въ тѣхъ случаяхъ, когда оно, пользуясь всѣми доступными ему средствами, не находитъ этихъ возраженій, оно во всякомъ случаѣ болѣе гарантируетъ достовѣрность этихъ сужденій, чѣмъ ссылка на совершенную согласованность ихъ съ пережитымъ уже опытомъ. И если, какъ мы уже объясняли, при методическомъ изслѣдованіи не могутъ укрываться отъ сознанія и тѣ возраженія противъ необходимо мыслимаго сужденія, которыя выносятся изъ общаго теченія познавательной жизни, уже потому, что они вслѣдствіе самаго механизма этой жизни должны сами собою напрашиваться на вниманіе, то нельзя, повидимому, не согласиться, что признаніе разъясненнаго значенія критерія необходимой мыслимости, не будетъ стоять ни въ какомъ противорѣчіи и съ предпочтеніемъ ему методическаго изслѣдованія.

Конечно, оправдать настойчивость, съ которою научное сознаніе во всѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо мыслимое сужденіе не встрѣчаетъ выносимыхъ изъ общаго теченія познавательной жизни возраженій, ограничивается при признаніи достовѣрности этого сужденія сознаніемъ его необходимой мыслимости, будетъ все же нельзя. Если въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ требованіе методическаго изслѣдованія сужденія оказывается невозможнымъ провести во всей его послѣдовательности, а между тѣмъ сужденіе оказывается необходимымъ предположеніемъ знанія, то это во всякомъ случаѣ не снимаетъ съ науки обязанности открыто признать преимущества методическаго изслѣдованія и вести его всюду и въ той степени, гдѣ и въ какой степени открывается къ тому возможность. Но болѣе очевидныя несо-

образности полемики противъ вѣры въ необходимо мыслимыя сужденія все же при этой постановкѣ сглаживаются. На сколько не отрицается дѣйствительно принадлежащее необходимой мыслимости съ указаннымъ дополнительнымъ условіемъ значеніе, на столько тѣ случаи, гдѣ по необходимости знаніе завершается ссылкою на нее, не приравниваются къ случаямъ вѣры, основанной на обычныхъ ассоціаціяхъ, не имѣющихъ значенія по суду самого же научнаго сознанія. И самая настойчивость, съ какою научное сознаніе ограничивается въ отношеніи ко всѣмъ необходимо мыслимымъ сужденіямъ, не встрѣчающихъ возраженій въ общемъ теченіи познавательной жизни, простою ссылкою на эту необходимую мыслимость, не ниспускается на степень простого упорства въ примѣненіи явно несостоятельнаго навыка, а оказывается отстаиваніемъ имѣющаго все же научную цѣнность, и въ извѣстныхъ предѣлахъ даже неизбѣжнаго, хотя и не наиболѣе совершеннаго способа убѣжденія въ послѣднихъ основахъ знанія.

Такимъ образомъ вопросъ о наиболѣе надежномъ способѣ убѣжденія въ послѣднихъ основахъ знанія получаетъ, повидимому, твердое рѣшеніе въ пользу методическаго изслѣдованія,—рѣшеніе, въ которомъ съ эмпиристической точки зрѣнія устраняются всѣ трудности и приводятся къ желательному соглашенію всѣ сложные мотивы, которые должны быть приняты во вниманіе при этомъ рѣшеніи. Въ соединенной съ методическимъ изслѣдованіемъ способности съ явнымъ успѣхомъ для изслѣдованія, какъ бы ни были обильны и разнообразны данныя прожитаго опыта, переходить границы этихъ данныхъ въ интересѣ твердой установки сужденій оказывается, очевидно, тотъ наиболѣе глубоко лежащій мотивъ, который невольно наперекоръ практикѣ научнаго сознанія привлекаетъ къ мысли о методическомъ изслѣдованіи какъ надежнѣйшемъ способѣ убѣжденія въ послѣднихъ посылкахъ знанія.

Мы пришли къ этому мотиву длиннымъ окольнымъ путемъ. Это случилось потому, что Милль, предъявившій требованіе методическаго изслѣдованія для обоснованія послѣднихъ посылокъ знанія, совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ мотивѣ. Наоборотъ описывая процессъ, съ помощію котораго каждый, по его мнѣнію, приходитъ къ убѣжденію въ этихъ посылкахъ и который, какъ намъ уже приходилось говорить, онъ ошибочно отожествляетъ съ своей индукціей, онъ обрисовываетъ его такими чертами, что все дѣло ясно сводится къ огромному количеству и разнообразію постоянно встрѣчающихся въ опытѣ случаевъ. Понятно поэтому, что и Спенсеръ не имѣетъ повода выска-

зать свое отношеніе къ этому мотиву. Игнорированіе Миллемъ, казалось бы, самаго сильнаго доказательства его взгляда объясняется, нужно думать, тѣмъ, что это доказательство плохо мирилось съ тою пассивностію, которою должна была отличаться индукція, на которой должны были основываться, по его теоріи, послѣднія посылки знанія. Мнѣніе Милля о неизбѣжномъ совершенно пассивномъ характерѣ этой индукціи было нами разобрано, и разъяснена его несостоятельность. Однако была ли бы оправдана теорія Милля объ основаніяхъ вѣры въ послѣднія посылки знанія, если бы у него не было препятствій выставить въ ея пользу мотивъ, который, повидимому, наиболѣе способенъ привлекать къ ней? Представляетъ ли этотъ мотивъ дѣйствительно совершенно неустранимое затрудненіе къ тому, чтобы понять и вполнѣ оправдать, даже и съ эмпиристической точки зрѣнія, фактическое отношеніе научнаго сознанія къ необходимо мыслимымъ положеніямъ, не встрѣчающимъ противъ себя возраженій, выносимыхъ изъ общаго теченія познавательной жизни?

Научное сознаніе въ своемъ отношеніи къ положеніямъ, которыя по эмпиризму должны считаться за результаты неразрывной ассоціаціи, фактически оказывается послѣдовательнѣе, чѣмъ это можно предположить съ перваго взгляда.

Если оно, встрѣчаясь съ недоумѣніемъ, касающимся того или другого изъ необходимо мыслимыхъ положеній, принуждено искать и фактически ищетъ разрѣшенія коллизіи въ методическомъ изслѣдованіи, то это еще не значитъ, что оно въ этомъ случаѣ обращается къ методическому изслѣдованію въ той его формѣ, въ какой это изслѣдованіе должно бы было примѣняться, когда бы обращались къ нему при каждомъ необходимо мыслимомъ положеніи, одинаково какъ не вызывающемъ никакихъ недоумѣній такъ и вызывающемъ ихъ. При возникновеніи въ сознаніи коллизіи непосредственною цѣлію изслѣдованія ставится разрѣшеніе самой этой коллизіи; а поэтому и положеніе, вызвавшее недоумѣніе, разсматривается съ связи съ возникшимъ недоумѣніемъ, въ своемъ отношеніи къ этому недоумѣнію. Конечно, всѣ относящіеся сюда частные процессы могутъ быть, съ точки зрѣнія эмпиризма, только процессами, имѣющими свое основаніе въ опытѣ, сводящимися къ фактамъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они представляли собою непремѣнно тотъ всесторонній, возможно полный пересмотръ огромнаго количества разнообразнѣйшихъ фактовъ, стоящихъ частію въ прямой, частію въ косвенной связи съ возбудившимъ сомнѣніе положеніемъ, какимъ они по необходимости должны бы

были оказаться, когда было бы сочтено обязательнымъ методически доказывать всякое необходимо мыслимое положеніе безъ всякаго спеціальнаго повода, т. е. безъ всякаго указанія на его дѣйствительную или предполагаемую несостоятельность. Коллизія мысли, которая, какъ понятно само собою, возможна только подъ условіемъ того, что въ познавательные процессы вкралось какое либо ошибочное обобщеніе или ошибочное истолкованіе фактовъ, естественно должна вызывать для своего разрѣшенія предположенія о томъ, въ чемъ именно могла бы состоять и какимъ путемъ могла бы быть констатируема эта скрывающаяся отъ сознанія ошибка. И такъ какъ задача изслѣдованія при такихъ условіяхъ естественно сводится къ провѣркѣ этихъ возникающихъ въ мысли предположеній, то пересмотръ громадной массы изъ тѣхъ фактовъ, которые всѣ одинаково должны бы были претендовать на значеніе при изслѣдованіи, не имѣющемъ никакихъ спеціальныхъ поводовъ, дѣлается совершенно излишнимъ; именно сама собою отпадаетъ вся та масса ихъ, которая не представляется цѣнной для провѣрки того или другого предположенія относительно возможнаго разрѣшенія коллизіи. Мысль обращается исключительно къ фактамъ и результатамъ опыта, относящимся только къ тѣмъ сторонамъ изслѣдуемаго положенія, которыхъ касаются коллизія и предположеніе объ ея разрѣшеніи; и сообразуясь съ своею спеціальною задачей изслѣдователь можетъ оказаться вынужденнымъ и среди этихъ фактовъ и результатовъ опыта выдвигать на передній планъ то, что могло бы при отсутствіи возникшаго недоумѣнія, вовсе не останавливать на себѣ его вниманія, и искать такихъ наблюденій, совершать такіе эксперименты, въ которыхъ могло бы не предвидѣться никакой нужды для твердой методической установки положенія, пока оно не возбуждало опредѣленнаго недоумѣнія.

Лобачевскій не ставилъ и не имѣлъ никакой нужды ставить для себя задачей пересмотръ безчисленныхъ фактовъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ аксіомѣ параллелей, когда значеніе этой аксіомы для нашего пространства возбудило его недоумѣніе; въ виду предположенія, которое, по изслѣдованіи свойствъ пространства, не подчиняющагося этой аксіомѣ, оказалось возможнымъ сдѣлать о затрудненіяхъ точно констатировать на обычныхъ наблюденіяхъ отношеніе аксіомы къ свойствамъ нашего пространства, онъ привлекъ къ разрѣшенію вопроса о значеніи ея для этого пространства большіе астрономическіе треугольники. Несогласіе результатовъ астрономическихъ наблюденій при точномъ опредѣленіи прохода звѣздъ черезъ ме-

ридіанъ не вызвало пересмотра безчисленныхъ и безконечно разнообразныхъ фактовъ, способныхъ оправдывать общее положеніе о соотвѣтствіи временнаго порядка ощущеній временному порядку раздраженій, производимыхъ внѣшними предметами въ органахъ нашихъ чувствъ, а повело къ экспериментамъ, задачей которыхъ было разъяснить вопросъ о затрудненіяхъ точно констатировать объективное время воспріятія двухъ одновременно подѣйствовавшихъ на наши органы разнородныхъ впечатлѣній. То же, конечно mutandis mutatis, приложимо и ко всѣмъ другимъ случаямъ изслѣдованій, возбуждаемыхъ коллизіями мысли.

Такимъ образомъ оказывается, что въ практикѣ научнаго сознанія при недоумѣніяхъ, касающихся положеній, которыя, по послѣдовательно проведенному ученію эмпиризма о происхожденіи необходимой мыслимости, должны быть отнесены къ необходимо мыслимымъ положеніямъ, методическое изслѣдованіе примѣняется такое, которое по своему направленію и характеру прямо и сполна опредѣляется недоумѣніемъ и возникающей изъ него коллизіей мысли и которое, слѣдовательно, возможно исключительно только въ случаѣ возникновенія недоумѣнія.

Этотъ фактъ имѣетъ большую важность. Мы знаемъ, что примѣненіе методическаго изслѣдованія къ необходимо мыслимымъ положеніямъ при возникновеніи недоумѣній оказывалось въ практикѣ научнаго сознанія очень плодотворнымъ; именно соединенная съ этимъ изслѣдованіемъ возможность отыскивать путемъ активнаго наблюденія и экспериментаціи новые факты для провѣрки положеній оказывалась содѣйствующею болѣе точной установкѣ сужденія, чѣмъ какую получаетъ оно при посредствѣ ассоціативнаго процесса. Предположимъ же теперь, что методическое изслѣдованіе въ этихъ случаяхъ примѣнялось бы сознаніемъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ одинаково оно могло бы примѣняться къ этимъ необходимо мыслимымъ положеніямъ и до встрѣчи ихъ съ недоумѣніями. Въ такомъ случаѣ какимъ образомъ можно бы было оправдывать научное сознаніе въ томъ, что оно прибѣгаетъ къ болѣе строгой провѣркѣ необходимо мыслимыхъ положеній только будучи вынуждено къ тому возникшими недоумѣніями, а не старается съ помощію того же болѣе строгаго метода предупредить возможность случайной встрѣчи въ будущемъ съ этими недоумѣніями? Но если, какъ мы видимъ, то плодотворное методическое изслѣдованіе необходимо мыслимыхъ истинъ,

которое примѣняется научнымъ сознаніемъ къ нимъ при возникающихъ недоумѣніяхъ, оказывается сполна по своему характеру опредѣляемымъ самыми этими недоумѣніями, то во всякомъ случаѣ остается мѣсто вопросу: не зависитъ ли его плодотворность при фактическомъ примѣненіи къ необходимо мыслимымъ положеніямъ именно отъ того обстоятельства, что оно опредѣляется недоумѣніями?

Когда мы съ точки зрѣнія эмпиризма хотимъ разсуждать объ условіяхъ разрушенія вѣры въ тѣ или другія ранѣе возбуждавшія эту вѣру положенія, то, конечно, послѣднее условіе такого рода перемѣнъ во взглядахъ мы должны видѣть всецѣло въ расширеніи нашего опыта. Но разрушается наша вѣра въ то или другое положеніе вслѣдствіе расширенія нашего опыта не въ томъ только случаѣ, когда въ сферу этого опыта,—все равно при нашемъ активномъ содѣйствіи или безъ него,—входятъ такіе новые факты или результаты опыта, которые оказываются несовмѣстимыми съ этими положеніями съ точки зрѣнія несознательно подразумѣвающихся въ нашей познавательной дѣятельности предположеній о томъ, какія явленія пригодны для повѣрки этого положенія и при какихъ условіяхъ они должны быть признаны отрицательными противъ него инстанціями; она разрушается точно также и въ томъ случаѣ, когда подъ вліяніемъ также, конечно, новыхъ фактовъ или результатовъ опыта измѣняются самыя эти подразумѣвающіяся при нашихъ познавательныхъ процессахъ и руководящія ими предположенія. Вѣдь можетъ случиться и фактически, какъ увидимъ далѣе, бываетъ, что подъ вліяніемъ новыхъ свѣдѣній такія явленія, которыя ранѣе совсѣмъ не разсматривались нашимъ сознаніемъ какъ пригодныя къ обсужденію достовѣрности извѣстнаго положенія, оказываются пригодными для этой цѣли и превращаются въ отрицательныя инстанціи противъ него, или также явленія, привлекавшіяся нами для подтвержденія этого положенія, получая новое истолкованіе, оказываются непригодными для этой цѣли и даже могутъ быть признаны прямо стоящими въ антагонизмѣ съ этимъ положеніемъ. И во всѣхъ случаяхъ, гдѣ обнаруженіе несостоятельности извѣстнаго положенія зависитъ отъ пріобрѣтенія такого рода свѣдѣній, которыя или даютъ возможность привлечь къ обсужденію его явленія, ранѣе не казавшіяся пригодными для этой цѣли, или устанавливаютъ новое толкованіе явленія, уже привлекавшагося къ этому обсужденію,—во всѣхъ этихъ случаяхъ методическое изслѣдованіе этого положенія, предпринятое до пріобрѣтенія этихъ свѣдѣній, должно, конечно, оказаться совершенно безполезнымъ для обнаруженія его не-

состоятельности. Вѣдь требуя методическаго образованія положенія, мы требуемъ, если дѣло идетъ объ обоснованіи положенія на частныхъ фактахъ, во-первыхъ, активнаго вызова въ сознаніе возможно большаго количества разнообразнѣйшихъ явленій, на которыхъ прямо или косвенно могла бы обнаружиться его истинность или ложность, во-вторыхъ, разсмотрѣнія согласія или несогласія ихъ съ этимъ положеніемъ. Но если для преднамѣреннаго вызова въ сознаніе тѣмъ именно явленій, на которыхъ можетъ обнаружиться несостоятельность его, нужно предварительное существованіе въ нашемъ сознаніи тѣхъ опытныхъ свѣдѣній, которыя указываютъ на связь этихъ явленій съ положеніемъ, т. е. при которыхъ единственно они могутъ быть сочтены сознаніемъ пригодными для методическаго его изслѣдованія, то, очевидно, эти явленія не будутъ привлечены сознаніемъ къ этому изслѣдованію, если эти свѣдѣнія не пріобрѣтены уже до изслѣдованія. Точно также, если для правильнаго усмотрѣнія согласія или несогласія съ положеніемъ тѣхъ явленій, на которыхъ должна раскрыться его несостоятельность, нужно уже предварительное существованіе тѣхъ свѣдѣній, которыя нужны для правильнаго истолкованія этихъ явленій, и безъ которыхъ сознаніе должно съ роковою необходимостью приписывать имъ при сопоставленіи ихъ съ положеніемъ не принадлежащее имъ значеніе, то, очевидно, безъ этихъ свѣдѣній они для сознанія при разсмотрѣніи этого положенія не получатъ дѣйствительно принадлежащаго имъ значенія отрицательныхъ въ отношеніи къ нему инстанцій.

Отсюда слѣдуетъ, что, хотя при методическомъ изслѣдованіи какого бы то ни было положенія и никогда не исчезаетъ возможность ставить въ соотношеніе съ нимъ такія комбинаціи результатовъ предшествующаго опыта и такіе факты, которые въ предшествующемъ опытѣ или съ нимъ не сопоставлялись, или вовсе не являлись передъ сознаніемъ, но плодотворность такой провѣрки претендующихъ на достовѣрность и тѣмъ не менѣе ошибочныхъ положеній, т. е. возможность обнаружить такимъ путемъ отрицательныя противъ нихъ инстанціи, не встрѣчающіяся въ обычномъ опытѣ, имѣетъ свою строго очерченную границу. Она распространяется лишь на тѣ случаи, гдѣ представляемый предшествующимъ уже пережитымъ опытомъ матеріалъ оказывается недостаточнымъ для критической провѣрки этихъ положеній съ точки зрѣнія укоренившихся въ сознаніи и руководящихъ изслѣдованіемъ предположеній, и никакъ не простирается на случаи, гдѣ этотъ матеріалъ оказался бы недостаточнымъ для

обнаруженія ограниченности или односторонности самихъ этихъ предположеній.

Если отъ этихъ предварительныхъ общихъ разъясненій мы обратимся къ фактически происходившимъ въ исторіи научнаго сознанія случаямъ разрушенія вѣры въ такія положенія, которыя при послѣдовательномъ развитіи эмпиристическаго взгляда на происхожденіе необходимой мыслимости должны считаться имѣвшими въ свое время значеніе необходимо мыслимыхъ положеній, то не можемъ не замѣтить слѣдующаго факта. Отрицательныя инстанціи, впервые возбуждавшія мысль о несостоятельности этихъ положеній, относились обыкновенно къ такимъ явленіямъ, которыя требовали предварительныхъ особыхъ свѣдѣній или для того, чтобы сознаніе имѣло возможность привлечь ихъ къ изслѣдованію этихъ положеній, или для того, чтобы сознаніе оказалось способнымъ дать имъ наиболѣе правильное толкованіе, при которомъ они перестали бы имѣть придававшееся имъ ранѣе значеніе инстанцій положительныхъ или даже превратились бы прямо въ инстанціи отрицательныя.

Въ самомъ дѣлѣ, до болѣе тщательнаго изученія неправильностей видимаго движенія планетъ по небосклону тѣ неправильности этого движенія, которыя легко бросаются въ глаза и замѣчались уже въ глубокой древности, не могли возбуждать мысли о значеніи наблюдаемыхъ особенностей въ движеніи планетъ для рѣшенія вопроса о геоцентрическомъ міровоззрѣніи, которое внушалось всею совокупностью постоянно существующихъ въ наблюденіи фактовъ. И только постепенно болѣе и болѣе точное ознакомленіе съ этими движеніями и притомъ лишь въ высокой степени проницательному уму могло внушить самое предположеніе о значеніи отчетливаго представленія о нихъ для рѣшенія вопроса о пространственномъ положеніи земли во вселенной, превращая ихъ въ то же время въ сильную отрицательную инстанцію противъ геоцентрической теоріи. Точно также постоянно наблюдаемые факты постепеннаго уменьшенія скорости всякаго движенія, отвнѣ сообщаемаго тѣламъ, до болѣе точнаго ознакомленія съ условіями этого уменьшенія скорости невольно должны были вызывать мысль о постепенномъ естественномъ расходованіи и истощеніи каждой отвнѣ сообщенной тѣлу силы вслѣдствіе самаго продолженія ея дѣятельности. А безчисленное повтореніе подобнаго рода фактовъ, которые при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ какъ пассивно наблюдаются нами, такъ и производятся нашею самодѣятельностью, должно было давать этой мысли самую высокую степень ассо-

ціативной неразрывности, а, слѣдовательно, съ точки зрѣнія эмпиризма и необходимую мыслимость. И, конечно, нужно было предварительное, совершавшееся независимо отъ процессовъ, воспитывавшихъ убѣжденіе въ этой мысли, болѣе точное ознакомленіе съ условіями постепеннаго умаленія скорости движеній, отвнѣ сообщаемыхъ тѣламъ, для того, чтобы могло возникнуть самое предположеніе о возможности объяснять это умаленіе во всѣхъ случаяхъ исключительно препятствіями, которыя выведенное отвнѣ изъ своего покоя тѣло встрѣчаетъ на своемъ пути. А для того, чтобы была твердо высказана и принята аксіома инерціи въ той ея послѣдовательности, въ которой она противорѣчитъ этой ассоціаціи и не допускаетъ никакого измѣненія въ движеніи, отвнѣ сообщенномъ тѣлу, безъ особыхъ внѣшнихъ причинъ, слѣдовательно, для того, чтобы безчисленные факты, которыми закрѣплялась ассоціація, рѣшительно превратились для сознанія изъ инстанцій положительныхъ въ инстанціи отрицательныя, нуженъ былъ особый чрезвычайный поводъ. Для этого нужно было, чтобы Галилеемъ съ различныхъ сторонъ поколеблена была динамика древнихъ, и научное сознаніе съ усиліемъ искало какъ принципіальныхъ ошибокъ, отъ которыхъ зависѣли недостатки этой динамики, такъ и новыхъ общихъ началъ, къ которымъ могли бы быть сведены и изъ которыхъ могли бы быть разъяснены устанавливавшіяся теперь новыя положенія. Подобнымъ же образомъ при той постановкѣ цвѣтовъ, звуковъ и пр., какую получаютъ они въ нашемъ непосредственномъ сознаніи, отъ какихъ бы причинъ она ни происходила, несомнѣнно, что эти качественности созерцаются нами въ самомъ процессѣ воспріятія какъ внѣшнія сознанію свойства не зависимыхъ отъ сознанія предметовъ. И, конечно, до тѣхъ поръ, пока не скопились въ сознаніи факты, указывающіе на условность и относительность нашихъ воспріятій, для сознанія не можетъ существовать даже и вопроса о томъ, не имѣемъ ли мы въ этихъ качественностяхъ не свойства внѣшнихъ сознанію предметовъ, а наши ощущенія, и каждый актъ внѣшняго воспріятія по необходимости во все это время долженъ разсматриваться какъ прямое и непосредственное констатированіе внѣшняго бытія и притомъ внѣшняго бытія съ такими свойствами, съ какими дано оно въ человѣческомъ воспріятіи. Или возьмемъ еще одинъ примѣръ. Для общаго сознанія возникновеніе воспріятія какъ абъективнаго акта всегда есть непосредственное послѣдующее соотвѣтствующаго объективнаго внѣшняго вліянія на органъ подъ условіемъ лишь вниманія. А поэтому моментъ одновременнаго воспріятія двухъ ка-

чественностей самъ собою неминуемо ставится какъ непосредственно слѣдующій за объективнымъ моментомъ органическихъ впечатлѣні, обусловливающихъ воспріятіе этихъ качественностей, и, слѣдовательно, какъ наиболѣе непосредственное указаніе на послѣдній, т. е. какъ такое свидѣтельство о немъ, которое должно лежать въ основаніи всякой нашей оцѣнки времени этихъ органическихъ впечатлѣній. И, конечно, только обнаружившееся несогласіе въ результатахъ астрономическихъ наблюденій, обыкновенно обставленныхъ условіями, особенно благопріятствующими ихъ наибольшей точности, могло заставить мысль обратить вниманіе на предположенія, подразумѣвавшіяся при такой оцѣнкѣ, и поставить вопросъ объ ихъ правильности.

Если тѣ факты или комбинаціи результатовъ расширяющагося опыта, которые, видоизмѣняя самыя наши руководящія методическими изслѣдованіями предположенія, вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ возможность устанавливать отрицательныя инстанціи противъ того или другого изъ необходимо мыслимыхъ положеній, не всегда являются въ сознаніи сразу въ такомъ видѣ, при которомъ они тотчасъ же могли бы явно, вслѣдствіе самой конституціи нашей познавательной способности, получить значеніе дѣйствительныхъ отрицательныхъ инстанцій, то это все же ничего не измѣняетъ въ нашемъ вопросѣ. Несомнѣно, конечно, что этого рода факты и комбинаціи результатовъ опыта нерѣдко являются впервые въ такомъ видѣ, что способны только въ мысли болѣе проницательнаго изслѣдователя возбуждать и сначала даже только простое предположеніе о возможности при дальнѣйшемъ методическомъ изслѣдованіи установить съ ихъ помощью отрицательную инстанцію противъ извѣстнаго необходимо мыслимаго положенія; несомнѣнно также, что они въ такомъ случаѣ могутъ служить стимуломъ для такого подготовительнаго обслѣдованія ихъ самихъ въ опредѣленномъ направленіи, которое должно повести или къ признанію несостоятельности самого сдѣланнаго предположенія, или къ твердой установкѣ предвидимой отрицательной инстанціи. Но если этимъ подготовительнымъ обслѣдованіемъ руководитъ предваряющее и вызывающее его предположеніе о возможности при извѣстныхъ дополнительныхъ условіяхъ получить отрицательную инстанцію противъ опредѣленнаго необходимо мыслимаго положенія, то объ этомъ изслѣдованіи уже нельзя утверждать, что оно не предваряется недоумѣніемъ. Вѣдь самое это предположеніе о возможности при извѣстныхъ дополнительныхъ условіяхъ получить отрицательную инстанцію противъ опредѣленнаго необходимо мыслимаго положенія есть, конечно,

недоумѣніе, которое касается этого положенія. Отъ вполнѣ опредѣленной отрицательной инстанціи оно отличается лишь тѣмъ, что, пока оно съ помощью вызваннаго имъ познавательнаго процесса не получило видъ серьезно особоснованной отрицательной инстанціи, оно можетъ имѣть значеніе лишь для того или другого частнаго, а не для общаго научнаго сознанія, и если бы оказалось неспособнымъ получить это обоснованіе, то и закончило бы свое существованіе въ этомъ частномъ сознаніи, какъ это, можно думать, и не разъ случалось съ сложными, но неудачными реформаторскими концепціями людей въ области научнаго знанія. Съ другой стороны для возникновенія самого этого предположенія о возможномъ недоумѣніи противъ опредѣленнаго необходимо мыслимаго положенія, конечно, необходимо наличное существованіе въ сознаніи фактовъ или опредѣленныхъ комбинацій результатовъ опыта, способныхъ вызвать его въ мысли проницательнаго изслѣдователя. Но вѣдь у насъ рѣчь идетъ о такомъ предположеніи, которое, направляясь противъ подразумѣвающихся при методическомъ изслѣдованіи извѣстнаго необходимо мыслимаго положенія понятій, впервые открываетъ возможность для этихъ фактовъ или результатовъ опыта получить значеніе при критической повѣркѣ этого положенія; а поэтому въ образованіи его никакой методическій обзоръ матеріала, по необходимости совершающійся, до возникновенія этого предположенія, подъ руководствомъ этихъ самыхъ подразумѣвающихся понятій, очевидно, дѣлу не поможетъ. И все дѣло здѣсь зависитъ исключительно отъ той чрезвычайной проницательности мысли, которая дѣлаетъ изслѣдователя способнымъ при встрѣчѣ съ опредѣленными фактами или результатами опыта предощутить возможное при тѣхъ или другихъ дополнительныхъ условіяхъ значеніе ихъ для критической оцѣнки, повидимому, твердо и окончательно установившихся положеній. Подмѣченное несогласіе результатовъ наблюденій ассистента надъ временемъ прохожденія звѣздъ черезъ меридіанъ съ результатами другихъ наблюденій было для одного астронома лишь основаніемъ уволить этого ассистента за его неспособность къ точнымъ наблюденіемъ, а у другого оно возбудило вопросъ о возможности объяснить это несогласіе изъ такихъ основаній, которыя не лежали въ кругозорѣ обычныхъ понятій, и побудило его къ опытной провѣркѣ того, какъ часты и насколько случайны подобныя разногласія въ результатахъ астрономическихъ наблюденій; а впослѣдствіи въ области психологіи это повело къ экспериментальнымъ изслѣдованіямъ по вопросу, который обычнымъ сознаніемъ ошибочно предрѣшался въ опредѣленномъ смыслѣ

подъ вліяніемъ безсознательно подразумѣвавшихся ошибочныхъ предположеній. Достаточно изученныя неправильности въ видимомъ движеніи планетъ по небосклону могли возбудить у другихъ астрономовъ только удивленіе и сознаніе трудности сдѣлать для науки понятными эти движенія; а въ умѣ Коперника онѣ возбудили предположеніе о возможной ошибочности того общаго міропредставленія, при которомъ онѣ оказываются необъяснимыми неправильностями, и поставили вопросъ о такомъ міропредставленіи, при которомъ они сдѣлались бы совершенно понятными, что и повело къ установленію геліоцентрическаго міровоззрѣнія.

Такимъ образомъ оказывается, что опытъ прошедшей жизни научнаго сознанія, который по эмпиризму и долженъ служить послѣднимъ основаніемъ постепеннаго возвышенія требованій отъ достовѣрнаго знанія, долженъ былъ воспитывать въ научномъ сознаніи, а съ точки зрѣнія эмпиризма и оправдывать убѣжденіе въ томъ, что задержка обнаруженія несостоятельности того или другого изъ достигающихъ необходимой мыслимости и все же ошибочныхъ положеній зависитъ не отъ недостатка такого матеріала для ихъ провѣрки, который могъ бы быть восполненъ методическимъ изслѣдованіемъ самыхъ этихъ положеній, а отъ недостатка такого матеріала, который, предупреждая это ихъ изслѣдованіе, обнаруживалъ бы скрытую для сознанія ограниченность или односторонность предположеній, невольно и незамѣтно для сознанія руководящихъ самымъ этимъ изслѣдованіемъ.

И это убѣжденіе во всякомъ случаѣ достаточно согласовалось бы и съ ученіемъ эмпиризма о происхожденіи необходимой мыслимости. Если изъ той мысли, что условіемъ для образованія необходимой мыслимости служатъ безконечно частыя и происходившія въ продолженіи долгихъ періодовъ встрѣчи сознанія при безконечно разнообразныхъ обстоятельствахъ съ явленіями, на которыхъ можетъ происходить повѣрка положенія, слишкомъ поспѣшно было бы выводить, что необходимо мыслимое положеніе совсѣмъ не можетъ оказаться ошибочнымъ, то все же это условіе образованія необходимой мыслимости даетъ основаніе предполагать, что возможная несостоятельность положенія, достигшаго необходимой мыслимости, должна съ наибольшею вѣроятностію зависѣть не отъ недостатка количества и разнообразія матеріала, на которомъ могло бы провѣряться это сужденіе съ точки зрѣнія укоренившихся въ сознаніи и руководящихъ при образованіи вѣры въ него предположеній, а отъ ограниченности или односторонности самихъ этихъ предположеній.

При такомъ разъясненіи неплодотворности методическаго изслѣдованія необходимо мыслимаго положенія въ томъ случаѣ, когда это положеніе не возбуждаетъ никакого недоумѣнія, никакъ не устраняется возможность понять фактическую плодотворность его въ томъ случаѣ, когда оно имѣетъ дѣло съ необходимо мыслимымъ положеніемъ, возбудившимъ серьезно мотивированныя недоумѣнія. Если эти недоумѣнія дѣйствительно видоизмѣняютъ или по крайней мѣрѣ грозятъ видоизмѣнить предположенія, которыя должны руководить сознаніемъ при познавательномъ процессѣ, направленномъ на эти положенія, то тѣмъ самымъ они должны давать сознанію поводъ въ вопросѣ, разрѣшаемомъ этимъ положеніемъ, открывать новыя стороны, которыя ранѣе оно усматривать не могло и для разъясненія которыхъ матеріалъ, представляемый обычною жизнію сознанія, не только можетъ, но и долженъ оказаться вовсе не даннымъ въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ онъ долженъ былъ представляться даннымъ, пока не измѣнялись руководящія предположенія; вѣдь въ противномъ случаѣ серьезной коллизіи для мысли и не могло бы возникнуть. Такимъ образомъ необходимо мыслимое сужденіе, встрѣтившееся съ серьезнымъ возраженіемъ, оказывается по какой-либо сторонѣ своего содержанія въ томъ же самомъ положеніи, какое характеризуетъ всѣ сужденія, не имѣющія необходимой мыслимости и, слѣдовательно, совсѣмъ не предполагающія той чрезвычайной провѣрки своей достовѣрности, при которой должна признаваться излишней новая провѣрка ихъ путемъ методическаго изслѣдованія. Серьезныя недоумѣнія, съ которыми можетъ встрѣтиться то или другое необходимо мыслимое сужденіе, очевидно, съ точки зрѣнія послѣдовательно проведеннаго эмпиризма не только вопреки мнѣнію Спенсера должны законно считаться способными нарушать невозмутимый покой вѣры въ это сужденіе, но лишь они же впервые, вопреки мнѣнію Милля, должны открывать путь для плодотворнаго его методическаго изслѣдованія.

Но если только съ возникновеніемъ недоумѣнія для методическаго изслѣдованія необходимо мыслимаго положенія открывается возможность быть плодотворнымъ, то-есть способствовать обнаруженію возможной несостоятельности этого положенія, то это значитъ, что та полная и всесторонняя согласованность сужденія со всею совокупностію предшествующаго опыта, которая по послѣдовательно проведенному эмпиризму должна признаваться за необходимо мыслимымъ сужденіемъ, не вызывающимъ никакихъ недоумѣній, должна для этого эмпиризма имѣть значеніе наивысшей доступной человѣческому знанію

гарантіи достовѣрности, такъ какъ, очевидно, она предполагаетъ такую провѣрку сужденія опытомъ, къ которой ничего не можетъ прибавить никакое методическое изслѣдованіе этого положенія. Если эта достовѣрность, будучи не безусловной, можетъ при расширеніи опыта возбуждать сомнѣнія и если вновь добываемыя свѣдѣнія, способныя возбуждать эти сомнѣнія въ томъ или другомъ необходимо мыслимомъ положеніи, могутъ получаться даже и путемъ методическаго изслѣдованія (только не самаго этого положенія, а казавшихся не стоящими съ нимъ въ связи) различныхъ другихъ положеній [1]), то это нисколько не противорѣчитъ тому, что эта достовѣрность должна оставаться для знанія наивысшей доступной ему достовѣрностью. Эмпиризмъ, для котораго послѣднее основаніе всякаго положенія въ концѣ концовъ сводится къ фактамъ, абсолютно достовѣрныхъ положеній имѣть не можетъ: возможность встрѣтиться съ свѣдѣніями, способными стать въ антагонизмъ съ каждымъ положеніемъ, здѣсь всегда остается, какимъ бы путемъ оно ни было установлено; она можетъ исчезнуть только съ полнымъ, фактически иногда не выполнимымъ закончаніемъ опыта. Пріобрѣтаются ли эти свѣдѣнія случайно или путемъ методическаго изслѣдованія, обращеннаго на тѣ или другіе факты, это безразлично и доказываетъ только, что и необходимая мыслимость не обезпечиваетъ достовѣрности навсегда, т. е. въ отношеніи къ имѣющему послѣдовать въ будущемъ расширенію знанія. Но все это не касается вопроса о сравнительной достовѣрности того или другого способа убѣжденія для установки опредѣленной истины въ опредѣленный настоящій моментъ. Если эмпиристическая теорія знанія не хочетъ быть скептицизмомъ, а имѣетъ

---

[1]) Тѣ свѣдѣнія о движеніяхъ планетъ, напримѣръ, которыя, достигая большей и большей точности, установили такія неправильности въ этихъ движеніяхъ, которыя возбудили въ наукѣ мысль о несостоятельности укрѣпившагося въ сознаніи геоцентрическаго міровоззрѣнія,—эти свѣдѣнія, не нуждаясь ни въ какомъ сомнѣніи въ этомъ міровоззрѣніи, могли вестись какимъ угодно доступнымъ въ то время методическимъ путемъ изъ чистаго интереса точнѣйшаго ознакомленія съ самыми этими движеніями. Точно также и болѣе точное ознакомленіе съ препятствіями, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути насильственно выведенное изъ покоя тѣло, равно какъ и поколебаніе нѣкоторыхъ изъ признававшихся ранѣе законовъ механики, подготовлявшія крушеніе вѣры въ естественную постепенную трату силы движенія, отнѣ сообщеннаго тѣлу, вслѣдствіе самаго продолженія этого движенія, могли въ началѣ не имѣть никакого дѣла съ этой вѣрой; и это не исключало возможности, чтобы тѣ или другія изъ относящихся сюда свѣдѣній получались путемъ методическаго изслѣдованія, руководимаго простымъ стремленіемъ точнѣе ознакомиться съ различными фактами.

цѣлію оправдать существующее знаніе, она должна довольствоваться относительнымъ критеріемъ и принимать за критерій ту наивысшую гарантію достовѣрности, которой можетъ фактически пользоваться сознаніе въ каждый опредѣленный моментъ при оцѣнкѣ и установкѣ положеній. А въ такомъ случаѣ необходимая мыслимость положенія, не вызывающаго никакихъ недоумѣній, какъ сказано, является наивысшей гарантіей, къ которой ничего не можетъ прибавить методическое его изслѣдованіе. Если же это такъ, то самому методическому изслѣдованію остается быть способомъ установки лишь такихъ положеній, которыя или по условіямъ общей жизни сознанія не могутъ достигнуть необходимой мыслимости или вслѣдствіе возникшихъ недоумѣній потеряли права опираться на пріобрѣтенную ими необходимую мыслимость какъ на свидѣтельство той полной и всесторонней согласованности своей со всею совокупностью прошедшаго опыта, которой она можетъ служить представительницей только при отсутствіи этихъ недоумѣній. А такъ какъ отличіе научныхъ истинъ отъ простыхъ мнѣній именно и состоитъ въ томъ, что первыя удовлетворяютъ требованіямъ наиболѣе строгой провѣрки, то доказательства, получаемыя съ помощью методическаго изслѣдованія, вмѣсто того, чтобы считаться опорою необходимо мыслимыхъ истинъ, должны сами получить значеніе средства ставить сужденія, которыя или не достигаютъ, по условіямъ общей познавательной жизни, необходимой мыслимости или вслѣдствіе недоумѣній потеряли право ссылаться на значеніе пріобрѣтенной ими необходимой мыслимости, въ условія, приближающія гарантію ихъ достовѣрности къ наивысшей гарантіи, представляемой необходимою мыслимостью сужденій, не вызывающихъ серьезныхъ недоумѣній. Въ фактическомъ знаніи методическое изслѣдованіе и играетъ именно эту роль. Оно обыкновенно стремится поставить доказываемое сужденіе въ неразрывную связь или прямо съ этого рода необходимо мыслимыми положеніями: съ аксіомами, общимъ закономъ причинности и пр. или съ положеніями, уже предварительно поставленными въ необходимую связь съ ними. Если это невозможно, то оно стремится создать для непосредственной вѣры въ него, насколько, конечно, дозволяютъ тѣ средства, какими можетъ располагать знаніе, условія, подобныя тѣмъ, при которыхъ образуется необходимая мыслимость, то-есть старается увеличить число и разнообразіе наблюдаемыхъ фактовъ, на которыхъ положеніе можетъ провѣряться. Но достигнуть сколько нибудь значительнаго сходства съ условіями, способными порождать необходимую мыслимость, конечно, невозможно; и въ этихъ случаяхъ обыкно-

венно дѣло идетъ только объ отдаленномъ сходствѣ въ важнѣйшемъ изъ этихъ условій, въ разнообразіи обстоятельствъ, при которыхъ наблюдаются эти факты; и насколько сходство ограничивается лишь отдаленнымъ приближеніемъ къ образцу, настолько выводъ имѣетъ только вѣроятность, не считается за окончательное научное рѣшеніе вопроса.

Правда, для обоснованія изложеннаго взгляда мы привели лишь изъ исторіи знанія, подтверждающіе его факты разрушенія вѣры въ положенія, которыя, по послѣдовательному развитію ученія эмпиризма объ образованіи необходимой мыслимости, должны были въ свое время претендовать на значеніе необходимо мыслимыхъ положеній; а эти факты нельзя счесть рѣшительнымъ доказательствомъ полнѣйшей, безусловной невозможности для какого-либо необходимо мыслимаго сужденія встрѣтиться въ будущемъ и съ такого рода серьезными недоумѣніями, которыя не заходили бы за предѣлы фактически несознательно руководящихъ методическими изслѣдованіями предположеній. Но если все же остается хотя бы и не имѣющая за себя фактическихъ основаній и чисто теоретически предполагаемая возможность встрѣтить и этого рода недоумѣніе, то, конечно, остается и возможность предупреждать его путемъ методическаго изслѣдованія необходимо мыслимаго положенія. А въ такомъ случаѣ можно спросить: почему во имя этой неустраненной и неустранимой возможности не могло бы быть предъявлено въ отношеніи къ каждому необходимо мыслимому положенію требованіе методическаго его изслѣдованія?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ прежде всего нужно замѣтить, что, не опираясь ни на какое фактическое указаніе, которое доказывало бы возможность путемъ методическаго изслѣдованія необходимаго мыслимаго сужденія достигнуть болѣе твердой критической установки его, мысль лишена того существеннаго мотива къ осуществленію этого изслѣдованія, который заключается въ сознаніи его плодотворности для знанія; а безъ такого мотива изслѣдованіе теряетъ всякую цѣнность для мысли. Но здѣсь есть и другая очень важная сторона.

Для изслѣдованія необходимо мыслимаго положенія, вызваннаго чисто теоретическимъ предположеніемъ о возможности недоумѣній, способныхъ быть открытыми путемъ этого изслѣдованія, нельзя указать предѣла, при достиженіи котораго требованіе, вызвавшее его, могло бы быть признано выполненнымъ. Когда методическое изслѣдованіе разсматривается какъ средство съ помощью особыхъ

для этой цѣли сознательно приспособленныхъ познавательныхъ процессовъ возвысить гарантію достовѣрности сужденія до той степени, какую имѣютъ необходимо мыслимыя сужденія, не вызывающія недоумѣній, то въ достиженіи этой цѣли, которое оказывается выполнимымъ при постановкѣ доказываемаго сужденія, будетъ ли то въ прямую или косвенную, неразрывную связь съ подобными же необходимо мыслимыми сужденіями, познавательный процессъ находитъ свой естественный предѣлъ. Но простое требованіе методическаго изслѣдованія, которое сводилось бы къ изысканію и сличенію съ сужденіемъ все новыхъ и новыхъ данныхъ, способныхъ служить для него повѣркой, само въ себѣ не носило бы никакого указанія на предѣлъ, съ достиженіемъ котораго оно должно считаться законченнымъ. И совершенно то же самое по необходимости должно выходить и въ томъ случаѣ, если бы требованіе увеличенія числа и разнообразія фактовъ, пригодныхъ для критической провѣрки сужденія, сверхъ того безконечнаго числа и разнообразія ихъ, какія по эмпиризму предполагаются необходимою мыслимостью, стали выводить изъ чисто теоретически предполагаемой возможности среди новыхъ фактовъ встрѣтить отрицательную инстанцію. Такъ какъ эта чисто теоретически предполагаемая возможность будетъ оставаться послѣ всякаго увеличенія фактовъ, пока не совершилось никогда недостижимое полное завершеніе опыта, требующее исчерпанія всѣхъ фактовъ, то изслѣдованіе никогда не можетъ дойти до предѣла, гдѣ требованіе, его вызвавшее, не могло бы съ тѣмъ же самымъ правомъ быть предъявлено вновь: ни одно сужденіе въ такомъ случаѣ ни въ какой опредѣленный моментъ времени не можетъ оказаться имѣющимъ научную достовѣрность. Никакія такія требованія, которыя для своего выполненія предполагаютъ полное завершеніе опыта, никогда не могутъ входить въ качествѣ положительныхъ требованій въ критерій достовѣрности; всѣ они могутъ допускать свое соединеніе съ критеріемъ только въ смыслѣ ограничительнаго чисто отрицательнаго требованія—считать достовѣрность сужденія нарушенною, какъ скоро съ расширеніемъ опыта возникаютъ серьезныя отрицательныя инстанціи противъ него. Изъ всего этого слѣдуетъ, что возникающее серьезное недоумѣніе относительно того или другого необходимо мыслимаго сужденія не только, какъ было разъяснено выше, впервые даетъ возможность ожидать плодотворныхъ результатовъ отъ методическаго его изслѣдованія, на сколько впервые обнаруживаетъ въ немъ стороны, не подвергавшіяся доселѣ достаточно строгой провѣркѣ, но оно же впервые даетъ этому изслѣдованію

опредѣленную и достижимую цѣль — разрѣшенія этого недоумѣнія, то-есть восполненія той согласованности съ опытомъ, которая была нарушена возникшимъ недоумѣніемъ.

Такимъ образомъ и со стороны послѣдовательно проведеннаго эмпиризма должна быть признана вполнѣ понятной и совершенно законной практика научнаго сознанія, принимающаго тѣ положенія, которыя по эмпиризму должны считаться достигнувшими ассоціативнымъ путемъ необходимой мыслимости, за положенія, имѣющія наивысшую достовѣрность, пока они не возбуждаютъ никакихъ недоумѣній, но предъявляющаго къ нимъ требованіе методическаго изслѣдованія тотчасъ же, какъ скоро возникаютъ имѣющія научное значеніе недоумѣнія, и въ тѣхъ предѣлахъ, конечно, въ которыхъ это требуется для разрѣшенія коллизіи мысли, вызванной недоумѣніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно понятнымъ для эмпиризма долженъ быть признанъ и тотъ указанный нами выше фактъ, что всякая попытка оправдывать то или другое необходимо мыслимое положеніе, не вызывающее серьезныхъ недоумѣній, съ помощью всесторонняго методическаго изслѣдованія, оказывается неспособной быть фактически проведенной послѣдовательно и вызываетъ въ сознаніи не уничтожимое представленіе о своей безполезности и даже странности. Послѣдовательное проведеніе изслѣдованія, которое не обнаружило своей плодотворности въ исторіи знанія и которое должно представлять изъ себя невыполнимый по своей безконечности процессъ для того, чтобы удовлетворить требованію, которымъ можно бы было его оправдать, конечно, не можетъ не представляться сознанію излишнимъ и страннымъ.

Можно поднять даже вопросъ, идущій далѣе. На тѣ случаи, когда при разъясненіи для себя достовѣрности какого-либо не вызывающаго недоумѣній необходимо мыслимаго положенія обращаются къ фактамъ, пригоднымъ для его методической провѣрки, слѣдуетъ ли даже смотрѣть какъ на фактическія, хотя и не законныя, а поэтому и не способныя быть послѣдовательно проведенными, попытки независимаго отъ необходимой мыслимости обоснованія этого положенія съ помощью методическаго изслѣдованія, какъ представляется это Миллю и его послѣдователямъ? Въ самомъ ли дѣлѣ эти случаи представляютъ пусть и незаконныя и непослѣдовательныя, но все же фактически существующія исключенія изъ общаго отношенія сознанія къ сужденіямъ необходимо мыслимымъ? Мнѣ кажется, утверждать даже и это было бы несправедливо.

Выше говоря о такого рода не проведенныхъ послѣдовательно по-

пыткахъ методическаго оправданія необходимо мыслимыхъ положеній, мы уже замѣчали, что при нихъ тѣмъ фондомъ, на которомъ опирается довѣріе къ этимъ положеніямъ, вполнѣ явно ставится не ничтожная выступающая при этомъ въ сознаніи масса методически пересматриваемыхъ случаевъ, а вся безконечная масса когда либо проходившихъ черезъ сознаніе фактовъ, которая никогда даже и не можетъ быть провѣрена и согласіе которой съ положеніемъ можетъ свидѣтельствоваться лишь той необходимой мыслимостью, которая должна по эмпиризму считаться ея результатомъ. Если же это такъ, то дѣйствительный пересмотръ нѣсколькихъ болѣе или менѣе отчетливо воспоминаемыхъ или теперь воспринимаемыхъ фактовъ, который, какъ мы видѣли, при извѣстныхъ условіяхъ естественно происходитъ въ сознаніи при отчетливой постановкѣ вопроса объ основаніяхъ вѣры въ то или другое необходимо мыслимое положеніе, только иллюзорно можетъ играть роль полной замѣны ссылки на необходимую его мыслимость методическимъ его изслѣдованіемъ, а на дѣлѣ можетъ быть только отвѣтомъ на то или другое сомнѣніе, возбужденное этой ссылкой, и можетъ имѣть своею цѣлью только устраненіе этого сомнѣнія. И не трудно себѣ объяснить какъ тѣ сомнѣнія, которыя выступаютъ въ этомъ случаѣ при извѣстныхъ условіяхъ въ сознаніи и ищутъ своего разрѣшенія въ появляющихся методическихъ процессахъ, такъ и то, почему это разрѣшеніе иллюзорно принимаетъ въ сознаніи видъ полной замѣны одного способа убѣжденія другимъ.

Для эмпириста послѣднимъ основаніемъ достовѣрности сужденія во всякомъ случаѣ служатъ проходящіе чрезъ сознаніе согласные съ нимъ факты, а поэтому необходимая мыслимость въ концѣ концовъ можетъ играть роль только косвеннаго признака прошедшихъ черезъ сознаніе и подтверждающихъ положеніе фактовъ. Но пытаясь приписать этому признаку достовѣрность, онъ можетъ встрѣчать нѣкоторыя затрудненія. Правда, стремленіе эмпириста объяснить происхожденіе всякой необходимой мыслимости ассоціаціей ведетъ его къ такому ученію объ условіяхъ ея образованія, по которому она должна оказаться свидѣтельствомъ прохода черезъ сознаніе согласныхъ съ необходимо мыслимымъ положеніемъ фактовъ въ такомъ количествѣ и такомъ разнообразіи, какія съ его же точки зрѣнія должно считать самыми благопріятными для твердой установки сужденія. Но, во-первыхъ, онъ можетъ считать невозможнымъ отрицать тотъ фактъ, что сужденіе, продолжая сохранять ассоціативную необходимую мыслимость, можетъ оказаться въ разногласіи съ фактами развивающагося

опыта, способнаго обнаруживать ошибки болѣе раннихъ обобщеній и истолкованій фактовъ; и это обстоятельство въ его глазахъ должно, конечно, получить большую важность, если онъ не придаетъ надлежащаго значенія указываемому самой практикой научнаго сознанія выходу изъ этого затрудненія съ помощью соотвѣтствующаго дополненія этого критерія разъясненнымъ выше дополнительнымъ отрицательнымъ требованіемъ. Во-вторыхъ, передъ нимъ на лицо всегда существуетъ фактъ разногласія людей въ частныхъ случаяхъ при разрѣшеніи вопроса о томъ, считать ли то или другое сужденіе необходимо мыслимымъ или не считать. Это разногласіе явно сказалось, какъ намъ приходилось уже констатировать, даже и въ мнѣніяхъ самихъ философскихъ представителей эмпиризма [1]). Оно естественно возбуждало сомнѣніе въ возможности точнаго разрѣшенія этого вопроса путемъ непосредственнаго сознанія, а слѣдовательно косвенно возбуждало сомнѣніе и въ томъ, насколько необходимая мыслимость, удостовѣряемая этимъ сознаніемъ, можетъ служить надежнымъ признакомъ той безконечной массы прошедшихъ, черезъ сознаніе и согласныхъ съ сужденіемъ фактовъ, на которой должна опираться его достовѣрность. Примемъ же теперь во вниманіе, что выходъ изъ такихъ затрудненій находили въ обращеніи къ такого рода фактамъ, которые оказались бы вполнѣ подходящими и въ томъ случаѣ, когда совсѣмъ оставили бы въ сторонѣ всякую ссылку на необходиую мыслимость положенія и рѣшились бы искать обоснованія его исключительно методическимъ путемъ. При такихъ условіяхъ не трудно было не обратить должнаго вниманія на то обстоятельство, что когда нужно было выводить изъ всѣхъ этихъ процессовъ наибольшую достовѣрность сужденія, все же приходилось говорить о безконечной массѣ фактовъ, согласіе которой съ положеніемъ могло свидѣтельствоваться только необходимою мыслимостью. Отсюда и возникаетъ возможность растолковать свое обращеніе къ нѣкоторому количеству опредѣленныхъ фактовъ въ смыслѣ полной замѣны одного способа убѣжденія другимъ.

Такъ именно и поступаетъ Милль (и такъ, конечно, должны поступать и его послѣдователи). Когда подъ вліяніемъ своихъ сомнѣній въ значеніи ссылокъ на необходимую мыслимость онъ подни-

---

[1]) Отчего происходитъ этотъ фактъ и какое можетъ законно принадлежать ему значеніе въ вопросѣ о довѣріи къ необходимо мыслимому, — этого мы здѣсь не касаемся, такъ какъ разъясненіе всего этого предполагаетъ разборъ общихъ эмпирическихъ предположеній, здѣсь нами не обсуждаемыхъ.

маетъ вопросъ объ основаніяхъ убѣжденія въ опредѣленной геометрической аксіомѣ, то онъ описываетъ доказательство, приводящее къ этому убѣжденію, такъ, что въ немъ ясно чувствуется наличное представленіе того или другого количества фактовъ, ей соотвѣтствующихъ, а вмѣстѣ и живое сознаніе того, что по условіямъ познавательной жизни неизбѣжно должны были проходить передъ сознаніемъ безконечныя вереницы фактовъ, на которыхъ она могла провѣряться и которыхъ согласіе или несогласіе съ нею безъ малѣйшаго труда могло быть усмотрѣно. Подобный же рядъ представленій можетъ возникать и у каждаго ученаго особенно относительно необходимо мыслимыхъ ассоціацій, касающихся частныхъ фактовъ и принимаемыхъ обычнымъ сознаніемъ, до психологическаго ихъ анализа, за непосредственно данныя сочетанія. Когда психологическій анализъ впервые раскрываетъ, что сочетаніе, принимавшееся имъ за непосредственно данное, есть только ассоціативно связанное съ этимъ даннымъ его истолкованіе и когда возникаетъ передъ его сознаніемъ вопросъ объ основаніяхъ довѣрять этому истолкованію, онъ естественно можетъ, какъ указано было выше, подъ вліяніемъ сомнѣній, подобныхъ приведеннымъ выше, также искать основанія этого довѣрія въ представленіи извѣстнаго числа фактовъ, способныхъ служить оправданіемъ этой ассоціаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ представленіи какихъ либо общихъ условій жизни сознанія, которыя заставляютъ думать, что факты, на которыхъ могла провѣряться эта ассоціація, должны были постоянно встрѣчаться въ безчисленномъ количествѣ и что они таковы, что не могли быть при проходѣ ихъ чрезъ сознаніе перетолкованы или возможное несогласіе ихъ съ ассоціаціей не замѣчено.

Однако внимательнѣе всматриваясь въ самыя эти сомнѣнія, которыя, какъ предполагается, должны были въ описанныхъ сейчасъ случаяхъ вести къ полной замѣнѣ ссылки на необходимую мыслимость методическимъ изслѣдованіемъ, мы не можемъ не замѣтить, что они, хотя бы они были вполнѣ справедливы, совсѣмъ не касаются самой существенной стороны довѣрія къ неразрывной ассоціаціи и поэтому не могутъ подрывать вполнѣ значенія ея въ сознаніи самыхъ тѣхъ лицъ, которыя руководятся этими сомнѣніями, а могутъ вызывать даже и въ сознаніи этихъ лицъ только требованіе дополнительныхъ условій, при наличности которыхъ довѣріе къ неразрывной ассоціаціи должно возстановляться само собою.

Вѣдь и при этихъ сомнѣніяхъ даже для сознанія лицъ, въ которыхъ они возникаютъ, остается безспорнымъ, что процессъ ассоціаціи какъ

процессъ, совершающійся съ механическою необходимостью всюду тамъ, гдѣ даны соотвѣтствующія повторенія опредѣленныхъ сочетаній явленій, долженъ закрѣплять и можетъ закрѣплять только ту именно связь, которая нредставляется сознанію, и въ томъ видѣ, въ какомъ она ему представляется. Ни одно изъ приведенныхъ выше основаній сомнѣнія въ значеніи необходимо мыслимаго не касается этого основного пункта. А какъ скоро этотъ пунктъ стоитъ твердо, то совершенное устраненіе результата ассоціативнаго процесса безъ всякаго обращенія вниманія на то, въ какихъ условіяхъ этотъ процессъ совершался и продолжаетъ совершаться, дѣлается совершенно невозможнымъ. Эти сомнѣнія требуютъ только, чтобы изъ всѣхъ остальныхъ случаевъ ассоціацій довѣряли лишь тѣмъ, которыя совершаются при условіяхъ, которыя по эмпиризму считаются самыми благопріятными для установки достовѣрнаго положенія, какъ со стороны количества и разнообразія случаевъ, на нихъ вліявшихъ, такъ и со стороны возможности для сознанія, закрѣпившаго ассоціаціи, правильно представлять или истолковывать (съ точки зрѣнія достигнутаго теперь сознаніемъ развитія) являвшіяся передъ нимъ сочетанія. Указанныя сомнѣнія, какъ это очевидно безъ дальнѣйшаго разъясненія, въ существѣ дѣла,—все равно основательно или неосновательно,—затрогиваютъ эту именно сторону дѣла. И тѣ процессы, которые при этихъ сомнѣніяхъ толкуются какъ рѣшительная замѣна всякой ссылки на необходимую мыслимость всестороннимъ методическимъ изслѣдованіемъ, представляютъ собою на дѣлѣ основаніе,—опять все равно, правильное или неправильное,—для рѣшенія этихъ именно сомнѣній. На представленіи общихъ условій жизни сознанія ученый разъясняетъ для себя необходимость вѣрить, что опредѣленная ассоціація возникала подъ вліяніемъ безконечно частаго и совершающагося при разнообразныхъ условіяхъ повторенія случаевъ, способныхъ служить для ея повѣрки, а на живомъ представленіи нѣкоторой незначительной массы этихъ случаевъ, онъ убѣждается, что эти случаи не такіе, которые съ точки зрѣнія настоящаго развитія сознанія вызывали бы мысль о возможности ошибки или недосмотра при представленіи ихъ сознаніемъ, когда они должны были вліять на ассоціативный процессъ. И въ силу этого совершенно естественно, что сознаніе самихъ лицъ, повидимому стремившихся устранить всякое значеніе ассоціативнаго процесса, должно было прямо на основаніи процессовъ, считавшихся ими за методическое доказательство необходимо мыслимаго положенія, всю безконечную массу прошедшихъ черезъ сознаніе фактовъ, которые должны были вліять на ассоціацію,

разсматривать какъ твердое доказательство сужденія. Иллюзія, въ существѣ дѣла, состояла, очевидно, въ томъ, что за широкую индукцію, за всестороннее методическое изслѣдованіе они считали самый ассоціативный процессъ подъ вліяніемъ того, что ознакомленіе съ общими его условіями и разсмотрѣніе нѣкоторыхъ частныхъ фактовъ устраняли всякое сомнѣніе въ соотвѣтствіи его самымъ строгимъ требованіямъ отъ процесса, способнаго гарантировать наивысшую достовѣрность.

F. Значеніе научнаго знанія при отожествленіи эмпиризмомъ критерія достовѣрности съ необходимою мыслимостію.

Послѣдовательность эмпиристической теоріи знанія требуетъ, чтобы наиболѣе надежнымъ основаніемъ достовѣрности послѣднихъ посылокъ знанія, а съ ними, конечно, и всего знанія, признавалась Спенсерова необходимая мыслимость положенія, дополненная лишь отрицательнымъ требованіемъ отсутствія въ общей жизни сознанія остающихся неразъясненными недоумѣній, касающихся этого положенія. И если новый эмпиризмъ ставитъ важнѣйшей своей задачей объяснить существующее научное знаніе, то онъ долженъ объяснить его, взявъ за исходный пунктъ этотъ критерій достовѣрности. Достижимо ли это? И если достижимо, то въ чемъ должно состоять это разъясненіе?

I.

Если подъ научнымъ знаніемъ разумѣть совокупность такихъ положеній, которыя должны считаться логически оправданными, то отвѣтъ на поставленный вопросъ предрѣшается сдѣланной выше критикой Миллева ученія о процессѣ убѣжденія въ послѣднихъ посылкахъ знанія.

У Спенсера, какъ и у Милля, послѣднимъ основаніемъ всякой достовѣрности служатъ факты опыта, и необходимая мыслимость даетъ у Спенсера логическое оправданіе сужденію, именно какъ представительница безконечно огромнаго количества фактовъ, лежащихъ по эмпиризму у ней самой въ основаніи. Въ той главѣ „Основаній психологіи“, которая носитъ заглавіе „Всеобщій постулятъ“ и посвящена разъясненію познавательнаго значенія критерія, Спенсеръ вполнѣ опредѣленно „согласную поддержку всѣми предшествующими опытами“ называетъ „лучшимъ ручательствомъ вѣрованія“; „опыты отношеній между явленіями въ прошедшемъ“ признаетъ „единственнымъ основаніемъ нашего настоящаго знанія о такихъ отношеніяхъ“ и значеніе

необходимой мыслимости видитъ именно въ томъ, что она служитъ представительницей этихъ опытовъ. А поэтому и для Спенсера, какъ и для Милля, оправданіе послѣднихъ посылокъ знанія должно сводиться къ вопросу о возможности, съ помощію частныхъ фактовъ, оправдывать общія положенія, которыя или прямо выступаютъ въ роли послѣднихъ посылокъ знанія, или неизбѣжно подразумѣваются при сливающихся съ частными фактами ихъ истолкованіяхъ, принимаемыхъ непосредственнымъ сознаніемъ за непосредственно данные факты. Своей теоріи этого оправданія Спенсеръ не представляетъ. И такъ какъ почти вся сейчасъ цитованная глава его „Основаній психологіи“ посвящена, съ одной стороны, разъясненію преимуществъ необходимой мыслимости предъ Миллевой индукціей, съ другой,—разрѣшенію Миллевыхъ возраженій противъ его критерія, при чемъ не дѣлается никакихъ возраженій противъ Миллева общаго взгляда на оправданіе общихъ положеній изъ частныхъ фактовъ,—то мы въ правѣ предположить, что онъ не видитъ никакой нужды въ какомъ-либо исправленіи этихъ взглядовъ.

Выше мы разсматривали эти взгляды и, прежде всего, нашли [1]), что выступающая у Милля на передній планъ теорія индукціи, какъ простого обобщенія частныхъ фактовъ, не объясняетъ и не доказываетъ того, что Милль хочетъ объяснить и доказать. Затѣмъ мы нашли у Милля совершенно особое, послѣдовательно, правда, не проведенное, но хорошо гармонирующее съ общей практикой научнаго сознанія оправданіе процесса установки общаго положенія изъ частныхъ фактовъ, когда этотъ процессъ имѣетъ дѣло съ явленіями, постоянно всюду и въ обиліи встрѣчающимися въ опытѣ. По этому объясненію то, что считается простѣйшей индукціей, оказывается на дѣлѣ очень сложнымъ процессомъ исключенія, въ которомъ вслѣдствіе обилія случаевъ, согласующихся съ положеніемъ, устраняется предположеніе о случайности совпаденія тѣхъ явленій, о связи которыхъ говоритъ оно, т. е. устанавливается эмпирическій законъ, а вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія обстоятельствъ, при которыхъ происходятъ эти случаи, исключаются возможныя предположенія о непрямой, посредственной, сложной законосообразности, и такимъ образомъ эмпирическій законъ получаетъ значеніе закона природы. Съ другой стороны, въ рядѣ разъясненій, касающихся Спенсерова критерія достовѣрности, мы имѣли возможность убѣдиться, что если не

[1]) См. выше С. II, стр. 84—92.

просто Спенсерова необходимая мыслимость положенія, на которой можетъ въ продолженіи того или другого времени и не отразиться замѣтно для сознанія критическая провѣрка положенія позднѣйшимъ, болѣе широко развившимся опытомъ, то эта же необходимая мыслимость только въ соединеніи съ добавочнымъ условіемъ, съ отсутствіемъ серьезныхъ недоумѣній противъ положенія, характеризующагося ею, должна удовлетворять еще строже, чѣмъ Миллева индукція, требованіямъ этого процесса исключенія и, слѣдовательно, еще рѣшительнѣе вести къ установкѣ закона природы, чѣмъ Миллева индукція или вообще методическое изслѣдованіе.

Однако при критикѣ Милля мы замѣчали, что установка закона природы при помощи такого индуктивнаго процесса все же не можетъ завѣрять въ его безусловной достовѣрности, такъ какъ никогда нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ, что такимъ путемъ исключены дѣйствительно всѣ возможныя предположенія о законосообразности косвенной, посредственной или сложной, а не тѣ только, поводъ къ которымъ даетъ предшествующій, при всей своей обширности все же ограниченный опытъ. Сверхъ того, — и это особенно важно — мы видѣли также [1]), что такимъ путемъ устанавливается законъ природы, а не устанавливается его неизмѣнность, слѣдовательно сужденія, въ собственномъ смыслѣ всеобщаго, все же не получается, какъ правильно училъ уже Юмъ.

И оба эти ограниченія безусловной достовѣрности индуктивнаго процесса, конечно, должны быть приложимы и къ Спенсерову критерію, хотя бы взятому и въ соединеніи съ указаннымъ дополнительнымъ требованіемъ. Первое приложимо уже потому, что даже исторія знанія, какъ было разъяснено, свидѣтельствуетъ, что матеріалъ, на которомъ происходитъ критическая провѣрка необходимо мыслимаго положенія, можетъ оказываться недостаточнымъ, по крайней мѣрѣ, для провѣрки руководящихъ порождающими необходимую мыслимость познавательными процессами предположеній. Послѣднее приложимо по общей для всякой эмпиристической теоріи причинѣ, ясно сознанной уже Юмомъ. Безусловная неизмѣняемость устанавливаемаго закона вполнѣ обезпечивалась бы самой установкой закона лишь въ томъ случаѣ, если бы законъ устанавливался изъ самаго содержанія связываемыхъ имъ явленій, выводился изъ самаго понятія объ этихъ явленіяхъ, вслѣдствіе чего онъ никогда, ни при какихъ усло-

[1]) См. выше С. III, стр. 92—93. 113—122.

віяхъ не могъ бы оказаться инымъ для явленій, имѣющихъ то же содержаніе, подходящихъ подъ то же понятіе. Но по эмпиризму законосообразная связь явленій можетъ быть констатируема только опытомъ. А поэтому, какъ твердо она ни могла бы быть констатируема, она можетъ быть констатируема только въ качествѣ налично существующаго факта, безъ котораго нельзя понять обилія соотвѣтствующихъ ей случаевъ совпаденія явленій при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, но который самъ остается непонятнымъ со стороны условій, опредѣляющихъ его самого; а поэтому о продолжительности господства надъ явленіями этой законосообразной связи въ будущемъ, какъ зависящей отъ этихъ неизвѣстныхъ намъ условій, мы дать рѣшительнаго сужденія не можемъ.

Милль, какъ мы знаемъ, хотя и пытался бороться съ сознаваемымъ имъ недочетомъ логическаго оправданія общаго сужденія изъ частныхъ фактовъ съ помощью своей неудачной теоріи о возможности превращенія каждой индукціи въ силлогизмъ, какъ такую форму вывода, которая съ общенаучной точки зрѣнія допускаетъ твердыя заключенія, тѣмъ не менѣе самъ чувствуетъ неодолимость затрудненій, и поэтому скромно довольствуется утвержденіемъ, что установка общаго сужденія изъ частныхъ фактовъ законна лишь подъ условіемъ ограниченія этой всеобщности предѣлами пространства и времени подлежавшихъ наблюденію явленій.

Спенсеру эта сторона дѣла представляется въ иномъ свѣтѣ. Доказательство въ смыслѣ твердаго обоснованія положенія, правда, также и въ его сознаніи рисуется въ формѣ вывода положенія изъ болѣе общей истины. Противъ чистаго эмпиризма, подъ которымъ онъ разумѣетъ эмпиризмъ, не признающій какъ унаслѣдованныхъ познавательныхъ формъ, такъ равно и ссылокъ на ассоціативную связь представленій, онъ возражаетъ [1]): „черезъ всю аргументацію такого эмпиризма проходитъ безмолвное предположеніе, будто бы можетъ существовать такая философія, въ которой ничего не утверждается, что не доказано“. И онъ находитъ, что „послѣдствіемъ такого отказа признать нѣкоторую основную истину, не доказанную и неспособную быть доказанной, является то, что всякая система его (чистаго эмпиризма) заключеній является лишенной основанія по той причинѣ, что доказывать какое-либо спеціальное положеніе значитъ ассимилировать или уподоблять это предложеніе нѣкоторому классу предложеній, ко-

[1]) Pr. of Psych. II, 390—392, p. n. IV, 88—89.

торыя были признаны за истинныя. И если возникаетъ какое-нибудь сомнѣніе касательно общаго предложенія, приведеннаго для оправданія этого спеціальнаго предложенія, то единственное средство для уничтоженія такого сомнѣнія — показать, что это общее предложеніе можетъ быть выведено изъ предложенія еще большей общности. И если къ намъ будутъ приставать за доказательствомъ и этого болѣе общаго предложенія, то намъ не остается никакого исхода, какъ снова повторить тотъ же процессъ". Однако, несмотря на выразившееся въ этихъ словахъ признаніе, что твердаго доказательства можно искать не въ частныхъ фактахъ, а лишь въ выводѣ изъ болѣе общаго сужденія, Спенсеръ считаетъ правильнымъ выходомъ изъ указаннаго затрудненія признаніе необходимой мыслимости за критерій достовѣрности. Но это, очевидно, недоразумѣніе. Вѣдь если и при эмпиризмѣ Спенсеръ не считаетъ возможнымъ отрицать, что твердое обоснованіе положенія должно опираться на болѣе общую истину, то какимъ образомъ требованіе безконечнаго регресса все къ болѣе и болѣе общимъ истинамъ для обоснованія какого бы то ни было положенія можетъ быть устранено безъ ущерба для научной состоятельности выводного сужденія признаніемъ законности доказательства, заканчивающагося ссылкой на необходимо мыслимое положеніе, когда признается, что оправданіемъ самаго этого необходимо мыслимаго положенія служатъ частные факты, для которыхъ необходимая мыслимость служитъ лишь представительницей въ сознаніи?

Если Спенсеръ остается нечувствителенъ къ этому противорѣчію, то едва ли объясненіе этого нужно искать въ томъ, что онъ находитъ, что для оправданія необходимо мыслимаго сужденія можно ссылаться не на ограниченное число частныхъ фактовъ, съ которыми можетъ имѣть дѣло сознательный индуктивный процессъ, а на то безконечное ихъ обиліе и разнообразіе, которое предполагается лежащимъ въ основаніи необходимой мыслимости. Если серьезно признается, что вѣра въ необходимо мыслимое сужденіе можетъ находить оправданіе только въ этихъ фактахъ, то какъ же можно счесть безусловно твердымъ это оправданіе, когда утверждается, что рѣшительное доказательство истинности сужденія можетъ быть почерпнуто единственно изъ сужденія болѣе общаго? Вѣрнѣе предположить, что, хотя Спенсеръ и указываетъ для оправданія логическаго значенія необходимой мыслимости на безконечное обиліе фактовъ, лежащихъ у нея въ основаніи, тѣмъ не менѣе онъ готовъ приписать ей всю полноту этого логическаго значенія въ силу просто того, что она есть необходимая

мыслимость, безъ отношенія къ тѣмъ фактамъ, обиліемъ которыхъ по эмпиризму должно объясняться ея происхожденіе. И у Спенсера можно найти такія разъясненія, которыя, дѣйствительно, даютъ поводъ думать, что Спенсеръ въ прямое противорѣчіе съ цитованнымъ выше утвержденіемъ его, что опыты отношеній между явленіями въ прошедшемъ служатъ единственнымъ основаніемъ нашего знанія о нихъ, и въ противорѣчіе общимъ принципамъ эмпиристической теоріи склоненъ былъ вѣрить, что необходимая мыслимость даже и сама по себѣ, независимо отъ фактовъ, которые по эмпиризму должны объяснять ея происхожденіе, должна имѣть рѣшающее значеніе для логическаго оправданія положенія, характеризующагося ею. Ту самую главу „Основаній психологіи“, которая посвящена оправданію критерія, Спенсеръ начинаетъ такъ: „Чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли извѣстное сказуемое неизмѣнно существуетъ съ извѣстнымъ подлежащимъ, намъ ничего не остается, какъ только поискать такого случая, гдѣ бы это подлежащее существовало безъ этого сказуемаго“. И затѣмъ указавъ, что этотъ розыскъ сводится къ попыткамъ представить себѣ отрицаніе изслѣдуемаго положенія, онъ продолжаетъ: „и моя неудача представить себѣ это отрицаніе есть открытіе того, что здѣсь вмѣстѣ съ подлежащимъ неизмѣнно существуетъ и сказуемое. Слѣдовательно,—такъ заключаетъ онъ эти свои разъясненія,— немыслимость отрицанія даннаго познаванія есть тотъ признакъ, который доказываетъ, что это познаваніе принадлежитъ къ самому высокому рангу; это есть тотъ критерій, въ силу котораго мы узнаемъ его состоятельность, состоятельность самаго высокаго возможнаго характера... Если отрицаніе познаванія немыслимо, то открытіе этого обстоятельства равносильно открытію того, что мы обязаны принимать его. А познаваніе, которое мы обязаны такимъ образомъ принимать, есть познаваніе, классифицируемое нами, какъ имѣющее самую высокую возможную достовѣрность. Утверждать немыслимость его отрицанія значитъ въ то же время утверждать психологическую необходимость для насъ его думать и давать наше логическое оправданіе его за несомнѣнное“. Въ этихъ словахъ, повидимому, достаточно ясно, немыслимость отрицанія положенія уже сама по себѣ, безъ отношенія къ вопросу объ условіяхъ ея происхожденія, который вводится уже далѣе для разрѣшенія Миллевыхъ возраженій, не только признается условіемъ психологической необходимости для насъ принимать его, но и провозглашается законнымъ критеріемъ достовѣрности, наивысшимъ логическимъ оправданіемъ этой достовѣрности.

Но если дѣйствительно такъ нужно понимать мысль Спенсера, то, конечно, нельзя не признать ее страннымъ недоразумѣніемъ, которое могло возникнуть только подъ вліяніемъ несогласимыхъ съ эмпиризмомъ взглядовъ или другихъ гносеологическихъ направленій или обычнаго сознанія. Когда дѣло идетъ о логической состоятельности того или другого положенія, то какое же значеніе можетъ имѣть необходимая мыслимость этого положенія въ глазахъ философа, который считаетъ ее за простой результатъ вліянія на сознаніе соотвѣтствующихъ этому положенію фактовъ, кромѣ того значенія, какое должны имѣть самые эти факты? Какое она можетъ дать логическое право принимать это положеніе за истинное, кромѣ того права, которое могло бы быть соединено съ самыми этими фактами? Ассоціанистъ можетъ, конечно, утверждать, что факты, породившіе необходимую мыслимость извѣстнаго положенія, въ огромной массѣ уже невоспоминаемы, что безконечная масса ихъ прошла въ сознаніи цѣлаго ряда предшествовавшихъ поколѣній, лишь оставивъ соотвѣтствующіе слѣды въ самой психической организаціи поколѣній послѣдующихъ, и что поэтому необходимая мыслимость положенія въ сознаніи индивидуума является единственнымъ показателемъ многовѣковаго опыта, который возстановить невозможно. Но все же ея логическое познавательное значеніе для этого ассоціаниста должно будетъ заключаться не въ ней самой, а исключительно въ этомъ многовѣковомъ опытѣ, о которомъ она свидѣтельствуетъ, что онъ дѣйствительно былъ, т. е. ея доказательная сила должна будетъ исключительно сводиться къ фактамъ, породившимъ ее, а она сама должна будетъ ограничиться только ролью представительницы того полномочія, которое должно принадлежать имъ.

При эмпиристической теоріи знанія о безусловной достовѣрности знанія, очевидно, не можетъ быть и рѣчи. Но если бы возраженія противъ эмпиристическаго критерія достовѣрности ограничивались исключительно мыслію, что изъ фактовъ нельзя получить безусловно достовѣрныхъ общихъ положеній, то вопросъ о возможности объяснить съ эмпиристической точки зрѣнія научное знаніе, едва ли было бы справедливо даже и ставить. Слишкомъ рискованнымъ было бы утверждать, что всякое обоснованіе сужденія, не могущее претендовать на значеніе безусловно твердаго доказательства, должно быть отнесено къ психологическимъ условіямъ вѣры и не можетъ имѣть никакого притязанія на то, чтобы считаться условіемъ знанія. Правда, логика и доселѣ не представила безусловно твердыхъ формулъ для выводовъ отъ частныхъ фактовъ къ общимъ сужденіямъ и не разъяснила со

всею очевидностью того значенія, какое могутъ имѣть для логическаго оправданія этихъ сужденій такіе выводы. Можетъ быть, кому-нибудь покажется странной и самая мысль о безусловно достовѣрныхъ или, если угодно, умозрительно очевидныхъ формулахъ для вывода, не могущаго претендовать на безусловную достовѣрность. Но эта мысль не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія. Почему совершенно понятными и очевидными для мысли могли бы быть права только безусловнаго, а не относительнаго также или условнаго оправданія положенія? Наука создала теорію такъ называемой математической вѣроятности, которой многіе, конечно, не откажутъ въ умозрительной очевидности, а между тѣмъ эта теорія учитъ о такомъ обоснованіи положеній, которое не можетъ претендовать на безусловную достовѣрность. И налично существующее научное знаніе въ своей практикѣ на многія положенія, которыя съ точки зрѣнія какой-угодно теоріи знанія должны основываться на тѣсной ассоціативной связи (какъ это показано было выше [1]), смотритъ и не можетъ не смотрѣть, какъ на положенія, относящіяся къ области знанія, и довѣрчиво пользуется ими при обоснованіи другихъ положеній, имѣющихъ также въ ея глазахъ научное значеніе. Въ виду всего этого, изъ того факта, что послѣднія высшія посылки знанія должны опираться по эмпиризму на частныхъ фактахъ и поэтому не могутъ считаться безусловно доказанными, еще нельзя выводить, что положенія науки по эмпиризму не могутъ имѣть логическаго оправданія, и поэтому въ признаніи умозрительной очевидности послѣднихъ посылокъ знанія нельзя видѣть спасеніе научнаго знанія отъ скептицизма, какъ думалъ Кантъ, который не пытался, да и не могъ по состоянію психологическихъ знаній въ то время вполнѣ оцѣнить громадную роль ассоціаціи въ установкѣ фактическаго матеріала знанія. И не признавая безусловной достовѣрности высшихъ посылокъ знанія, эмпиризмъ все же имѣлъ бы возможность отличить научное знаніе отъ ненаучныхъ предположеній и мнѣній тѣмъ, что первое считалъ бы совокупностью такихъ положеній, которыя получаютъ, хотя и не безусловно твердое, но все же наивысшее доступное человѣческому сознанію логическое оправданіе съ помощью такихъ методовъ, которые по суду логической мысли ведутъ къ такому именно оправданію.

Но при критикѣ Миллевой теоріи знанія было показано [2]), что

---

[1]) См. выше Е. II, вторая половина, стр. 243—274.

[2]) См. выше С. III, послѣдняя часть этого отдѣла, стр. 122—130.

для этой теоріи въ вопросѣ объ оправданіи послѣднихъ посылокъ знанія затрудненіе состоитъ не въ томъ только, что достовѣрность этихъ посылокъ при предполагаемомъ у Милля ихъ обоснованіи должна съ общенаучной точки зрѣнія представлять въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несомнѣнные недочеты при сличеніи съ масштабомъ безусловной достовѣрности, но оно простирается и на самую существенную сторону всякаго выводнаго процесса. Отрицаніе возможности умозрительнаго знанія, проведенное новымъ эмпиризмомъ во всей его послѣдовательности подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ условій, по необходимости должно было простираться и на формулы выводовъ, т. е. на сужденія, въ которыхъ утверждается въ общей отвлеченной формѣ та связь между посылками и выводнымъ сужденіемъ въ разнообразныхъ выводныхъ процессахъ, которая при предположеніи достовѣрности посылокъ должна оправдывать вѣру въ выводное сужденіе. Вслѣдствіе этого, какъ это было выше подробно разъяснено, не можетъ быть установлена вообще логическая состоятельность никакого вывода, и основанія каждаго сужденія—все равно, каковы бы они ни были,—превращаются въ простыя психологическія условія вѣры. Въ такомъ случаѣ наивысшая возможная для нашего знанія достовѣрность, которая должна была въ эмпиризмѣ различать научно установленныя положенія отъ мнѣній, должна превратиться также въ простую психологическую вѣру, которая будетъ различаться отъ другихъ случаевъ подобной вѣры лишь тѣмъ, что условія, ее порождающія, до извѣстнаго времени оказывались не парализующимися въ своемъ вліяніи на сознаніе общею совокупностію предшествующей познавательной жизни, какъ это бываетъ съ другими условіями вѣры.

Такъ какъ это основаніе отрицать всякую возможность логическаго оправданія какихъ бы то ни было выводовъ связано съ такими взглядами Милля, которые, составляя общую характеристическую черту новаго эмпиризма, раздѣляются и Спенсеромъ, то сказанное о Миллѣ должно быть приложимо и къ Спенсеру. Правда, послѣднія посылки знанія по Спенсеру должны приниматься на основаніи своей необходимой мыслимости и не предполагаютъ процесса вывода въ смыслѣ сознательнаго обзора и сличенія съ сужденіемъ фактовъ, способныхъ быть поставленными въ логическія отношенія съ нимъ. Но такъ какъ необходимая мыслимость въ этомъ случаѣ служитъ все же лишь представительницею фактовъ, вліяніе которыхъ на сознаніе, какъ предполагается эмпиризмомъ, сопровождалось ея образованіемъ, и которые должны служить логическимъ оправданіемъ достовѣрности, при-

писываемой сужденію, то и въ системѣ Спенсера признаніе сужденія логически оправданнымъ предполагаетъ такое отношеніе между фактами и сужденіемъ, при которомъ первые способны оправдывать послѣднее. И это отношеніе, очевидно, будетъ то же, какимъ оказалось бы отношеніе между тѣми же фактами и тѣмъ же сужденіемъ въ томъ случаѣ, когда сужденіе въ сознательномъ познавательномъ процессѣ выводилось бы изъ этихъ фактовъ, какъ изъ своихъ посылокъ,—слѣдовательно то же, какъ и отношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ въ логической формулѣ этого выводнаго процесса или между условіемъ и условнымъ, если формула представляетъ условное сужденіе. Пусть эту формулу можно будетъ выразить, напримѣръ, въ такомъ сужденіи: если бы въ продолженіи огромнаго періода времени всѣ факты извѣстнаго рода, встрѣчаясь постоянно и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, всегда безъ исключенія сопровождались опредѣленными другими фактами, то всѣ факты перваго рода по праву должны считаться стоящими въ необходимой связи съ фактами второго рода. Совершенно понятно, что если бы мы задались вопросомъ о томъ, на чемъ должно основываться это сужденіе, то должны будемъ прійти къ тому же результату, къ какому пришли и при критикѣ Миллева взгляда. Представитель эмпиризма не можетъ сослаться на умозрительную очевидность этого сужденія, т. е. на очевидность его изъ самаго содержанія входящихъ въ него представленій, такъ какъ онъ отрицаетъ всякую умозрительную очевидность. Тѣмъ менѣе можетъ быть доказано это сужденіе частными случаями, подъ него подходящими, т. е. ранѣе бывшими примѣрами логически законной установки общаго сужденія на основаніи постоянной встрѣчи сознанія съ частными фактами, ему соотвѣтствующими. Такъ какъ сужденіе, объ оправданіи котораго теперь идетъ рѣчь, должно представлять общую логическую формулу для всѣхъ логически состоятельныхъ выводовъ отъ частныхъ фактовъ къ общему сужденію, то оправданіе самой этой формулы путемъ того же вывода будетъ уже предполагать состоятельность ея самой и именно вдвойнѣ. Во-первыхъ, всякій частный примѣръ подобнаго вывода, приводимый въ ея подтвержденіе, долженъ уже предполагать состоятельность формулы, по которой онъ сдѣланъ, для того, чтобы быть признаннымъ состоятельнымъ, слѣдовательно пригоднымъ для ея подтвержденія; вѣдь если поставленъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли изъ фактовъ слѣдуетъ выводъ общаго сужденія, то, пока не разрѣшенъ этотъ вопросъ, каждый фактически совершавшійся подобный выводъ долженъ разсматриваться просто какъ фактъ возник-

новенія вѣры въ общее сужденіе при данности въ сознаніи опредѣленнаго ряда соотвѣтствующихъ сужденію фактовъ, а не какъ выводъ, въ которомъ общее сужденіе слѣдуетъ изъ частныхъ фактовъ, т. е. способно логически оправдываться ими. Во-вторыхъ, самый выводъ формулы изъ этихъ примѣровъ, чтобы быть состоятельнымъ, предполагаетъ уже ея состоятельность. Такимъ образомъ эмпиризмъ не даетъ основаній толковать отношеніе фактовъ, порождающихъ необходимую мыслимость, къ признанію общаго сужденія въ томъ смыслѣ, что факты логически (все равно абсолютно или относительно) оправдываютъ это признаніе; онъ можетъ утверждать только, что эти факты обыкновенно сопровождаются этимъ признаніемъ или вѣрой. Онъ не можетъ говорить объ этихъ фактахъ, какъ доказательствахъ общаго сужденія, а лишь какъ о психологическихъ условіяхъ вѣры въ него, и можетъ отличать это условіе вѣры отъ другихъ ея условій лишь тѣмъ, что оно доселѣ не парализуется въ своемъ вліяніи на сознаніе общею совокупностію прожитой познавательной жизни подобно тому, какъ оказались способными парализоваться ею другія условія, которыя также сопровождаются признаніемъ общаго сужденія на болѣе низкихъ ступеняхъ развитія познавательной жизни.

II.

Но если Спенсерова теорія знанія, подобно Миллевой, при разъясненіи научнаго знанія въ его различіи отъ ненаучныхъ мнѣній, не можетъ опираться на ту мысль, что научное знаніе должно представлять совокупность наиболѣе твердо обоснованныхъ или логически оправданныхъ положеній, то она, въ противоположность Миллевой, содержитъ въ себѣ такой взглядъ на лежащія, по мнѣнію Спенсера, въ основѣ знанія необходимо мыслимыя положенія, который, если счесть его вѣрнымъ, даетъ основаніе, даже и при отрицаніи возможности логически оправдывать научныя сужденія, признать вѣру въ эти сужденія за такой суррогатъ знанія, который практически долженъ оказаться вполнѣ пригоднымъ занять его мѣсто.

Признавая необходимую мыслимость критеріемъ достовѣрности, Спенсеръ въ то же время видитъ въ ней не только психологическое условіе вѣры, но условіе, порождающее вѣру съ безусловною психологическою принудительностію. „Утверждать немыслимость отрицанія (опредѣленнаго) познаванія, говоритъ онъ въ приведенномъ выше мѣстѣ его „Основаній психологіи“, значитъ въ то же время утверждать

психологическую необходимость для насъ думать его, и давать логическое оправданіе признанія его за несомнѣнное". Вѣра психологически необходимая, слѣдовательно неспособная допускать никакихъ колебаній, конечно, и безъ логическаго оправданія должна, будучи положена въ основу научнаго знанія, проводить рѣзкую, вполнѣ опредѣленную грань между положеніями этого знанія и всѣми другими мнѣніями. А поэтому въ Спенсеровомъ ученіи о психологической необходимости вѣры мы имѣемъ взглядъ, который заслуживаетъ того, чтобы изслѣдовать его съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ.

Выше намъ приходилось подробно разъяснять, что ассоціативный процессъ по существу представляетъ тотъ же типъ, что и Миллево методическое изслѣдованіе, ставящее своей задачей логическое оправданіе сужденія. Однако, тамъ же было указано и на различіе его отъ послѣдняго. При немъ мышленіе не ставитъ своей задачей изслѣдованіе того или другого положенія, и тѣ факты, которые сопровождаются укрѣпленіемъ ассоціаціи между представленіями, соотвѣтствующей опредѣленному сужденію, не сопоставляются сознаніемъ съ этимъ сужденіемъ въ качествѣ фактовъ, его оправдывающихъ. Простымъ прохожденіемъ своимъ черезъ сознаніе въ опредѣленныхъ сочетаніяхъ они производятъ по чисто психологическому закону соотвѣтствующую связь представленій, и съ этой связью представленій невольно и несознательно соединяется вѣра въ связь явленій во внѣшней дѣйствительности, соотвѣтствующихъ этимъ представленіямъ. И эта вѣра при обычномъ теченіи психической жизни не нуждается ни въ какой мотивировкѣ и можетъ не сопровождаться не только никакими оправдывающими ее основаніями, но даже и сознаніемъ нужды въ такихъ основаніяхъ. Такимъ образомъ, Спенсеръ имѣетъ право говорить о неразрывной ассоціативной связи представленій, къ которой сводится у него необходимая мыслимость, какъ о чисто психологическомъ условіи вѣры.

Стоя на ассоціанистической точкѣ зрѣнія, Спенсеръ вполнѣ послѣдовательно можетъ говорить даже объ этомъ условіи вѣры, какъ такомъ условіи, подъ вліяніемъ котораго вѣра можетъ получать наивысшую интенсивность.

Уже Юмъ, какъ мы знаемъ, счелъ возможнымъ объяснить ассоціаціей возникновеніе того феномена совершенной неимовѣрности для насъ исключенія изъ сужденія, въ которомъ предшествующіе ему мыслители видѣли признакъ умозрительнаго характера сужденія. Уже тогда же и опредѣлилось, что ассоціанистическое объясненіе этой

неимовѣрности должно сводиться къ мысли, что чѣмъ тѣснѣе образовавшаяся ассоціативная связь между извѣстными представленіями, тѣмъ болѣе интенсивная должна образоваться въ непосредственномъ сознаніи вѣра въ сужденіе, соотвѣтствующее ассоціаціи, а слѣдовательно, тѣмъ неимовѣрнѣе должно быть для этого сознанія противорѣчіе этому сужденію или исключеніе изъ него. Понятно, что по Юму на самой высшей ступени интенсивности ассоціативной связи и эта вѣра и эта неимовѣрность должны достигать наивысшей интенсивности.

Когда позднѣйшій эмпиризмъ счелъ необходимымъ свести къ ассоціаціи же и феноменъ немыслимости исключенія изъ сужденія, понимаемый въ смыслѣ невообразимости этого исключенія, то, естественно, онъ призналъ, что этотъ феноменъ долженъ возникать въ сознаніи тогда, когда ассоціативная связь между представленіями достигаетъ такой наивысшей степени, которой совсѣмъ не знала философія Юма. Самый фактъ ассоціативной связи между представленіями состоитъ собственно въ томъ, что представленіе объ извѣстномъ явленіи, постоянно соединявшемся въ нашемъ опытѣ съ опредѣленнымъ другимъ явленіемъ, при своемъ вызовѣ въ сознаніи оказывается соединеннымъ съ представленіемъ объ этомъ другомъ явленіи, и эта связь между представленіями получаетъ настолько принудительный характеръ, что для нашего сознанія оказывается затруднительнымъ отдѣлить одно представленіе отъ другого. Понятно, что для того, чтобы получилась совершенная невообразимость исключенія изъ сужденія, соотвѣтствующаго ассоціаціи, необходимо было требовать, чтобы это затрудненіе достигло той наивысшей степени, которой не предполагалъ Юмъ и при которой оно должно оказаться совершенно неодолимымъ для нашего сознанія, то-есть, чтобы ассоціативная связь достигла совершенной неразрывности. Это объясненіе феномена немыслимости, по которому онъ долженъ возникать на непредполагавшихся Юмомъ ступеняхъ того же ассоціативнаго процесса, на менѣе высокихъ ступеняхъ котораго долженъ былъ возникать феноменъ неимовѣрности, точно такъ же, какъ недостаточно послѣдовательное или во всякомъ случаѣ недостаточно осторожное отнесеніе самими ассоціанистами неимовѣрности и немыслимости къ характеристическимъ чертамъ двухъ различныхъ степеней ассоціативной связи представленій могутъ возбуждать представленіе, что именно феноменъ неимовѣрности на высшихъ ступеняхъ ассоціативнаго процесса долженъ былъ смѣняться феноменомъ немыслимости. Однако, дѣйствительная

послѣдовательность и этой формы ассоціанистической теоріи идетъ не въ этомъ направленіи.

Немыслимость, понимаемая въ смыслѣ совершенной невообразимости противорѣчія опредѣленному сужденію, могла получаться ассоціативнымъ путемъ дѣйствительно только тогда, когда затрудненіе отдѣлить одно представленіе отъ другого достигло бы той наивысшей степени, которой не предполагалъ Юмъ и на которой оно дѣлается совсѣмъ неодолимымъ для сознанія. Немыслимость въ ея эмпирическомъ истолкованіи была бы даже въ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ самою этою достигшею наивысшей степени трудностью отдѣлить одно представленіе отъ связаннаго съ нимъ неразрывной ассоціаціей другого, то-есть представляла бы собою только обратное выраженіе для самой этой неразрывной ассоціативной связи, съ которой прямо отожествлялась необходимая мыслимость. Но если отсюда слѣдуетъ, что немыслимость не можетъ совпадать съ менѣе высокими степенями ассоціативной связи, на которыхъ уже должна возникать неимовѣрность, то никакъ не слѣдуетъ, что съ нею не можетъ совпадать эта послѣдняя. Неимовѣрность сама по себѣ, по своему понятію никакъ не есть, подобно немыслимости, та или другая степень связи между представленіями и происходящаго отсюда затрудненія отдѣлить одно представленіе отъ другого. По самому понятію о ней мы имѣемъ непосредственно въ самомъ феноменѣ неимовѣрности дѣло не съ образомъ или съ представленіемъ, а съ вѣрою, не съ тою или другою степенью связи между представленіями, а съ сужденіемъ объ существованіи или несуществованіи въ фактической дѣятельности опредѣленной связи между явленіями, соотвѣтствующими этимъ представленіямъ. Связь возникновенія неимовѣрности съ тѣми или другими степенями ассоціаціи можетъ означать только связь явленія съ его условіемъ. И поэтому нѣтъ никакого препятствія къ тому, чтобы неимовѣрность, соединяясь съ менѣе высокими степенями ассоціативной связи, соединялась въ то же время и съ самыми высшими ея степенями, которыхъ не предполагалъ Юмъ и на которыхъ по позднѣйшему эмпиризму должна была возникать немыслимость. И если по эмпиризму ассоціація представленій въ силу того и порождаетъ въ сознаніи неимовѣрность сочетанія, противорѣчащаго сужденію, соотвѣтствующему ассоціаціи, что затрудняетъ обособленіе ассоціировавшихся представленій, а немыслимость предполагаетъ самое высшее, непреодолимое затрудненіе къ этому обособленію, то, очевидно, и для новѣйшаго эмпиризма должно оставаться во всей силѣ требованіе на

самую высшую ассоціацію, которая отожествилась у него съ необходимою мыслимостію, смотрѣть, какъ на условіе самой интенсивной вѣры, и на отрицательное выраженіе ея, на немыслимость противорѣчія этой ассоціаціи смотрѣть, какъ на условіе самой полной неимовѣрности.

Такимъ образомъ, Спенсеръ въ силу простой послѣдовательности ассоціанистическаго объясненія необходимой мыслимости могъ бы утверждать, что необходимая мыслимость служитъ психологическимъ условіемъ самой интенсивной вѣры въ необходимо мыслимое. Но такое утвержденіе вовсе не равнялось бы еще его ученію о психологической необходимости вѣры въ необходимо мыслимое. Оно равнялось бы этой послѣдней мысли лишь при дополнительномъ утвержденіи, что на нашу способность принимать что-либо за истинное, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о положеніяхъ, термины которыхъ связаны неразрывной ассоціаціей, ничто неспособно производить вліяніе, кромѣ характеризующей ихъ необходимой мыслимости, то-есть, что въ этихъ случаяхъ это чисто психологическое условіе вѣры оказывается единственнымъ условіемъ, вліяющимъ на способность вѣрить. Но, по обычному взгляду, всякая вѣра, возникающая ассоціативнымъ путемъ, правда, представляетъ собою очень обычно встрѣчающійся въ жизни сознанія фактъ, но фактъ, который въ качествѣ познавательнаго акта подлежитъ критической оцѣнкѣ нашего же сознанія со стороны его логической состоятельности, со стороны того, оправдывается ли или достаточно ли оправдывается вѣра условіями, невольно ее возбуждающими. И опять, по обычному взгляду, эта оцѣнка логической значимости тѣхъ или другихъ условій, психологически производящихъ вѣру, не можетъ не производить вліянія на самую вѣру. Понятно, что съ этой точки зрѣнія признать ассоціативную необходимую мыслимость психологическимъ условіемъ самой интенсивной вѣры въ необходимо мыслимое еще не значитъ эту вѣру признать безусловно принудительной, психологически необходимой.

На этой точки зрѣнія стоитъ Милль. Онъ признаетъ [1]), что кажущаяся неимовѣрность отрицанія сужденія въ точности соразмѣрна степени трудности скомбинировать два представленія въ одинъ образъ и что если ассоціація не настолько интенсивная, чтобы сдѣлать невообразимымъ случай, ей противорѣчащій, оказывается способной затруднять или даже на время дѣлать совершенно невозможнымъ довѣріе къ

[1]) Exam. of Ham. Phil. въ внесенномъ въ позднѣйш. изд. прим. къ стр. 150 цит. изд.

существованію такого случая, то ассоціація, достигшая такой интенсивности, что порождаетъ немыслимость противорѣчащаго ей случая, можетъ, конечно, сдѣлать невозможнымъ это довѣріе на все время, пока продолжается опытъ, ее породившій. Такимъ образомъ, Милль считаетъ ассоціативно образовавшуюся необходимую мыслимость совершенно достаточнымъ психологическимъ условіемъ для порожденія самой интенсивной вѣры. Но въ то же время онъ признаетъ, какъ мы знаемъ, законность критическаго вопроса о логической состоятельности этой вѣры и считаетъ вполнѣ возможнымъ признать истинность положенія, противорѣчащаго необходимо мыслимому сужденію, когда это критическое разсмотрѣніе приводитъ къ отрицательнымъ результатамъ.

Правда, это ограниченіе фактическаго господства надъ сознаніемъ вѣры, психологически порождаемой вліяніемъ неразрывной ассоціаціи, повидимому, можетъ законно отрицаться Спенсеромъ уже потому, что, признавъ въ противоположность Миллю ту же необходимую мыслимость критеріемъ истины, онъ можетъ не опасаться антагонизма между психологически необходимой вѣрой, порождаемой ею, и результатами критическаго изслѣдованія необходимо мыслимыхъ положеній. И еще законнѣе, повидимому, можетъ отрицаться это ограниченіе такимъ представителемъ эмпиризма, который, согласно разъясненной выше послѣдовательности эмпиризма, признавалъ бы совершенную невозможность разрѣшенія вопроса о логической состоятельности послѣднихъ посылокъ и такимъ образомъ, повидимому, вполнѣ устранилъ бы всякую возможность парализаціи исключительно психологическаго вліянія ассоціативной необходимой мыслимости на нашу вѣру въ положенія, характеризующіяся этою необходимою мыслимостію. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Конечно, въ сознаніи философа, отожествляющаго критерій достовѣрности съ необходимою мыслимостію, психологическая вѣра въ необходимо мыслимое положеніе обезпечена отъ враждебнаго столкновенія съ такимъ рѣшеніемъ вопроса относительно ея логической состоятельности, которое онъ можетъ признать правильнымъ. Но если устойчивость вѣры, способной порождаться чисто психологическимъ путемъ, оказывается гарантированной лишь въ силу того, что по суду развившейся критической мысли условіе, ее порождающее, признается пригоднымъ считаться критеріемъ достовѣрности, то необходимость этой вѣры не можетъ уже считаться чисто психологическою необходимостію. Для развившейся критической мысли она будетъ продолжать существовать и сохранять свою интенсивность уже не какъ простое

чисто психологическое слѣдствіе фактически образовавшейся необходимой мыслимости, а въ силу разъяснившейся возможности логически оправдать ея состоятельность. И такъ какъ при ассоціанистическомъ ученіи Спенсера о происхожденіи необходимой мыслимости познавательное значеніе она, какъ мы видѣли, могла получить только, какъ представительница громаднаго опыта, то для логическаго оправданія сужденія, которое обезпечивало бы существованіе вѣры послѣ развитія критическихъ запросовъ въ мысли, получалъ бы значеніе фактъ необходимой мыслимости даже не самъ по себѣ, не прямо въ томъ видѣ, въ какомъ онъ оказывается фактически психологическимъ условіемъ вѣры, а лишь въ качествѣ косвеннаго признака полной согласованности сужденія съ безконечно обильнымъ и разнообразнымъ опытомъ. Да и обезпечивается устойчивость психологически порожденной вѣры съ помощію отожествленія необходимой мыслимости съ критеріемъ достовѣрности лишь въ сознаніи тѣхъ, кто убѣдился въ этомъ тожествѣ. У всѣхъ же тѣхъ, кто пришелъ бы—все равно, правильно или неправильно,—къ иному, напримѣръ, Миллеву взгляду въ разрѣшеніи критическаго вопроса о познавательномъ значеніи необходимой мыслимости, эта гарантія устойчивости психологической вѣры послѣ развитія критическаго сознанія, очевидно, не существовала бы.

Точно такъ же не устранила бы указаннаго затрудненія къ признанію безусловной психологической принудительности или необходимости вѣры въ необходимо мыслимое и признанная невозможность логически твердаго разрѣшенія вопроса о состоятельности необходимо мыслимыхъ сужденій. Ею, конечно, предполагается, что психологическая вѣра не можетъ встрѣтиться съ твердо доказаннымъ противорѣчащимъ ей положеніемъ. Но вѣдь ею же также и предполагается, что вѣра эта не можетъ найти для себя логическаго оправданія, т. е. что этою вѣрою признается за истину то, что не можетъ быть логически оправдано, слѣдовательно по суду мысли не имѣетъ основаній считаться истиннымъ. И если психологическая вѣра и есть, по Спенсеру, именно актъ утвержденія, актъ признанія чего-либо за истину, то почему критическое сознаніе отсутствія основаній, способныхъ оправдывать вѣру, не должно бы было вліять на ту же способность вѣрить, парализуя эту психологически возникающую вѣру? Съ другой стороны, если и принять, что человѣческая мысль неспособна имѣть знанія въ собственномъ смыслѣ, то-есть сужденій, способныхъ быть логически оправданными, то вѣдь это не уничтожаетъ факта, что безчисленныя лица были убѣждены и теперь убѣждены въ возможности логическаго

оправданія многихъ сужденій, и что многіе изъ нихъ связывали и связываютъ это оправданіе не съ необходимою мыслимостію, а съ различаемымъ отъ нея методическимъ изслѣдованіемъ, результаты котораго въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, по ихъ убѣжденію, становятся въ антагонизмъ съ вѣрой, психологически порождаемой прямой неразрывной ассоціаціей представленій. Почему же ихъ вѣра не должна бы была оказаться въ зависимости отъ результатовъ ихъ изслѣдованія? И какъ, въ виду этого, мы стали бы говорить о безусловной психологической необходимости вѣры въ необходимо мыслимыя сужденія?

Для того, чтобы утверждать психологическую необходимость вѣры въ образовавшіяся неразрывныя ассоціаціи, для этого недостаточно признать, что эти ассоціаціи служатъ психологическимъ условіемъ вѣры наивысшей интенсивности; для этого требуется дополнительное доказательство той мысли, что при такихъ ассоціаціяхъ совершенно невозможно вліяніе на способность вѣры какихъ бы то ни было другихъ условій, способныхъ парализовать вліяніе на нее неразрывной ассоціаціи.

Можно подумать, что вліяніе какихъ бы то ни было другихъ условій на вѣру, психологически порождаемую необходимою мыслимостью, въ философіи Спенсера устраняется уже тѣмъ, что роль необходимой мыслимости въ процессѣ знанія здѣсь расширяется до такой степени, что она оказывается охватывающей всѣ проявленія познавательной дѣятельности, имѣющія притязаніе на научное значеніе, т. е. какъ всѣ положенія, претендующія на непосредственную очевидность (общія высшія посылки знанія и частныя фактическія истины), такъ и положенія, получаемыя выводнымъ путемъ. А обнимая всю умственную дѣятельность, насколько она претендуетъ на научную состоятельность, она должна, конечно, характеризовать собою и всѣ способные имѣть научное значеніе процессы, которые могли бы имѣть отношеніе къ вопросу о логической состоятельности того или другого изъ необходимо мыслимыхъ положеній. Слѣдовательно, въ этой философіи исключаются сами собою при процессѣ убѣжденія, претендующемъ на состоятельность, какія бы то ни было другія условія вѣры, кромѣ выходящихъ изъ необходимой мыслимости.

Но изъ всего этого слѣдовало бы только то, что тѣ другія условія, которыя, при допущеніи ихъ вліянія на психологическую вѣру, способны бы были парализовать ее, сами могли бы быть только процессами, значеніе которыхъ опирается также на довѣріи къ необходимой мыслимости. И отсюда Спенсеръ могъ бы вывести, что при его кри-

теріи достовѣрности эти процессы не могутъ имѣть болѣе познавательной цѣнности, чѣмъ то сужденіе, съ вѣрой въ которое они сталкиваются враждебно. Но какъ отсюда слѣдовало бы, что эти процессы совсѣмъ не должны оказывать вліянія на эту вѣру? Правда, Спенсеръ, какъ мы знаемъ, признавая необходимую мыслимость непогрѣшительнымъ критеріемъ достовѣрности и поэтому считая невозможнымъ, чтобы на дѣйствительной необходимой мыслимости опирались стоящія въ антагонизмѣ другъ съ другомъ сужденія, видитъ въ этихъ коллизіяхъ ошибку сознанія, которое въ доказательствѣ какого-либо одного изъ двухъ противорѣчащихъ одно другому сужденій иллюзорно принимаетъ за необходимо мыслимое то, что на дѣлѣ не имѣетъ дѣйствительной необходимой мыслимости. Но пусть все это было бы дѣйствительно такъ; какъ отсюда слѣдовало бы, что аргументація, которой сознаніе ошибочно придаетъ характеръ необходимой мыслимости, не должна была бы возбуждать въ этомъ сознаніи вѣры, соотвѣтствующей этому характеру, и тѣмъ парализовать вѣру въ необходимо мыслимое противорѣчащее ей положеніе? Почему, наконецъ, человѣкъ, держащійся иныхъ, хотя бы и ошибочныхъ взглядовъ на критерій достовѣрности, не могъ бы, даже и не признавая аргументацію необходимо мыслимой, усвоить ей болѣе достовѣрности, чѣмъ непосредственной ассоціативной необходимой мыслимости, и почему аргументація въ такомъ случаѣ не могла бы въ его сознаніи вполнѣ парализовать психологическую вѣру, возбуждаемую дѣйствительною необходимою мыслимостью?

Изъ общихъ основаній Спенсеровой системы, очевидно, нельзя вывести психологической необходимости вѣры въ необходимо мыслимыя положенія. Не удивительно поэтому, что онъ хочетъ представить въ защиту ея совершенно особое основаніе. Въ особой главѣ „Основаній психологіи“, которая носитъ названіе „Динамика сознанія“ и въ которой онъ ближе старается разъяснить вѣру въ необходимо мыслимое съ ея психологической стороны, онъ кладетъ въ основаніе ту мысль, что когда мышленіе ведется съ должною точностію, т. е. когда душевныя состоянія, называемыя нами словами, переводятся на тѣ душевныя состоянія, которыя они символизируютъ собою (чего часто вовсе не дѣлается), то мышленіе предложенія состоитъ въ совмѣстномъ появленіи въ сознаніи подлежащаго и сказуемаго и предполагаетъ сопоставленіе въ мысли представленій, соотвѣтствующее смыслу сужденія. Разъясняя затѣмъ, какъ должны на образованіе сужденія дѣйствовать различныя степени связи представленій, онъ подъ вліяніемъ этой положенной въ основаніе мысли естественно приходитъ къ отожествленію

неспособности разорвать связь между представленіями съ невозможностью образовать сужденіе, противорѣчащее этой связи представленій. Голый фактъ, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что человѣкъ подчиняется въ своей мысли необходимымъ связямъ представленій просто потому, что не имѣетъ никакого другого выбора: онѣ управляютъ его мыслями, желаетъ онъ того или нѣтъ. Затѣмъ, показавъ, что изслѣдованіе твердости вывода состоитъ въ испытаніи твердости связей между посылками и выводнымъ сужденіемъ, онъ заключаетъ такъ: „если существуютъ какія-либо неразрывныя связи, то онъ (человѣкъ, изслѣдующій свои мысли) принужденъ принимать ихъ. Если нѣкоторыя состоянія сознанія абсолютно связаны между собою извѣстнымъ образомъ, то онъ обязанъ думать о нихъ именно этимъ образомъ. Впрочемъ, это предложеніе представляетъ простое тожество. Сказать, что существуютъ необходимости мысли, значитъ просто сказать, только въ другой формѣ, что есть мысли, элементы которыхъ не могутъ быть разорваны“.

Всматриваясь въ эти Спенсеровы разъясненія, мы, конечно, не можемъ не согласиться, что какъ скоро предположено, что сопоставленіе представленій въ сознаніи, соотвѣтствующее смыслу сужденія, т. е. точный образъ утверждаемаго въ сужденіи составляетъ необходимое условіе самаго процесса образованія сужденія, и что безъ такого образа будетъ простое словесное утвержденіе, а не дѣйствительный актъ сужденія, то не можетъ быть не признано, что, пока сужденіе сохраняетъ характеръ необходимо мыслимаго сужденія, никакое условіе, никакой процессъ, въ которомъ обсуждалась бы его логическая состоятельность, не могъ бы производить никакого парализующаго вліянія на вѣру, психологически порождаемую необходимою мыслимостью, даже у лица, держащагося какихъ угодно гносеологическихъ взглядовъ. Вѣдь, при необходимой мыслимости сочетанія, составленіе образа противорѣчащаго ему сочетанія должно быть признано невозможнымъ, и, слѣдовательно, должно быть признано невозможнымъ образованіе соотвѣтствующаго сужденія, способнаго парализовать вѣру въ сужденіе необходимо мыслимое. Даже простая постановка критическаго вопроса въ отношеніи къ тому или другому опредѣленному необходимо мыслимому сужденію, простое критическое сознаніе недостаточности необходимой мыслимости для его логическаго оправданія, при указанномъ предположеніи, должно оказаться совершенно невозможнымъ, если, конечно, подъ критическимъ сознаніемъ этой недостаточности раз-

умѣть дѣйствительное сознаніе этой недостаточности, которое способно ослаблять психологическую вѣру, а не простое словесное выраженіе его безъ соотвѣтствующаго проявленія его въ мысли. Дѣйствительное критическое сознаніе недостаточности необходимой мыслимости опредѣленнаго сужденія для его логическаго оправданія есть, конечно, признаніе возможности комбинаціи явленій, противорѣчащей этому сужденію. Но это признаніе само должно быть актомъ сужденія. И если актъ сужденія невозможенъ безъ созерцательнаго образа, соотвѣтствующаго тому, дѣйствительность или возможность чего утверждается въ сужденіи, то ясно, что это признаніе возможности комбинаціи, противорѣчащей необходимо мыслимому сужденію, само должно быть признано дѣломъ невозможнымъ; и если оно выражается въ словахъ, то это словесное выраженіе должно остаться такимъ сочетаніемъ словъ, съ которымъ не можетъ соединяться соотвѣтствующаго мыслительнаго акта.

Несомнѣнно, что этотъ взглядъ, который въ своемъ послѣдовательномъ развитіи долженъ вести къ рѣшительному отрицанію самой возможности даже постановки въ сознаніи критическаго вопроса о логическомъ оправданіи психологической вѣры въ необходимо мыслимыя сочетанія, долженъ превратить эмпиристическую теорію знанія изъ критической теоріи, какой она стремилась быть у Милля, въ явный догматизмъ. Но мы не можемъ отрицать, что этотъ своеобразный догматизмъ представлялъ бы большую выгоду для новаго эмпиризма. Если, какъ мы выше разъясняли, при послѣдовательномъ развитіи общихъ обоимъ важнѣйшимъ представителямъ эмпиризма предположеній, всякое логическое оправданіе сужденій должно переходить въ простое психологическое условіе вѣры, и если поэтому для эмпиризма терялась возможность полагать значеніе научнаго знанія въ томъ, въ чемъ видитъ это значеніе общее сознаніе, т. е. въ томъ, что это знаніе представляетъ совокупность положеній, наилучше обоснованныхъ, т. е. получающихъ наиболѣе твердое оправданіе своей значимости, то этотъ своеобразный догматизмъ, который психологическую вѣру превращалъ въ вѣру роковую, неспособную быть ничѣмъ парализованной, и допускалъ несогласіе съ ней лишь словесное, не имѣющее никакого эквивалента въ самихъ познавательныхъ процессахъ,— этотъ догматизмъ превращалъ бы, очевидно, вѣру въ такой суррогатъ логически оправданнаго знанія, который практически совершенно пригоденъ былъ бы замѣнить логически оправданное знаніе, такъ какъ

эта вѣра, не допуская никакихъ сомнѣній или колебаній, этой чертой не менѣе рѣзко и опредѣленно отличалась бы отъ совокупности ненаучныхъ мнѣній, чѣмъ это знаніе.

Однако, все это такъ должно бы было выходить, если бы указаннымъ путемъ могла быть дѣйствительно твердо установлена мысль о безусловной принудительности психологической вѣры въ необходимо мыслимыя положенія. Но въ самомъ ли дѣлѣ устанавливается она этимъ путемъ?

III.

Центръ тяжести приведенныхъ разсужденій Спенсера, очевидно, состоитъ въ мысли, что не обособленныя представленія о субъектѣ и предикатѣ сужденія и о томъ отношеніи, въ какомъ они должны быть поставлены, а дѣйствительная постановка ихъ въ представленіи въ томъ соотношеніи, которое соотвѣтствуетъ смыслу сужденія, должна неизбѣжно входить въ психологическую сторону акта сужденія, безъ чего этотъ актъ (а не простое словесное его выраженіе) былъ бы психологически невозможнымъ. На какомъ же основаніи Спенсеромъ принимается эта мысль?

Спенсеръ не приводитъ въ доказательство этой мысли никакихъ основаній. И когда онъ прямо высказываетъ ее и когда иллюстрируетъ ее наблюденіями воображаемаго изслѣдователя надъ операціями собственной мысли, имѣющими дѣло съ необходимо мыслимыми сочетаніями, всюду она выступаетъ у него въ качествѣ совершенно очевидной. Какъ же объяснить эту предполагаемую очевидность?

Если послѣдніе элементы знанія, единичные акты познаванія, по ученію Спенсера [1]), должны представлять изъ себя безмолвныя или явныя утвержденія того, что нѣчто обладаетъ или не обладаетъ извѣстною природою, принадлежитъ или не принадлежитъ къ извѣстному классу, имѣетъ или не имѣетъ извѣстное свойство, то въ каждомъ такомъ элементѣ мыслительности, очевидно, прежде всего можно различать двѣ стороны: во-первыхъ, самое утвержденіе или вѣру, безъ которой сужденіе не было бы сужденіемъ, т. е. актомъ утвержденія, вѣры; во-вторыхъ, указаніе на то соотношеніе явленій, которое въ данномъ случаѣ составляетъ предметъ вѣры, такъ какъ безъ этого даннаго въ самомъ сознаніи указанія не оказывалось бы предмета утвер-

[1]) Princ. of Psych., II, 1394. p. n. IV, 92.

жденія или вѣры, а потому также не могло бы состояться сужденія, какъ акта вѣры въ опредѣленное соотношеніе между опредѣленными реальностями. Съ другой стороны, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что самымъ наглядным обозначеніемъ для сознанія опредѣленнаго соотношенія опредѣленныхъ явленій могло бы быть представленіе этого соотношенія этихъ реальностей, т. е. созерцательный образъ, вполнѣ соотвѣтствующій предмету вѣры. Возьмемъ теперь во вниманіе, что дѣло идетъ о сужденіи, въ которомъ утверждается никакъ не существованіе опредѣленнаго субъекта, опредѣленнаго предиката и опредѣленнаго абстрактно взятаго отношенія какъ трехъ вещей, отдѣльно существующихъ другъ отъ друга, а утверждается это опредѣленное отношеніе между этими опредѣленными субъектомъ и предикатомъ. И подъ вліяніемъ этого соображенія сейчасъ выраженная мысль объ особой наглядности обозначенія утверждаемой въ сужденіи связи явленій, когда для него пользуются созерцательнымъ образомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ этой связи, легко принимаетъ другой видъ; представляется совершенно естественнымъ, что указаніемъ для мысли на утверждаемое ею и можетъ быть только этотъ созерцательный образъ, вполнѣ соотвѣтствующій предмету вѣры. И съ этой точки зрѣнія, когда поднимается вопросъ о возможности вѣры въ комбинацію явленій, противорѣчащую комбинаціи необходимо мыслимой, невольно является недоумѣніе: какимъ же образомъ предполагающіяся несоединимыми, слѣдовательно, отдѣльныя представленія о субъектѣ, предикатѣ и опредѣленномъ отношеніи могли бы стать для сознанія указаніемъ на предметъ вѣры, которому они не соотвѣтствуютъ? И не обманываемся ли мы словеснымъ выраженіемъ этого сужденія, предполагая, что, произнося его, мы имѣемъ въ мысли указаніе на то сочетаніе явленій, которое должно бы стать предметомъ вѣры, и не должно ли здѣсь на дѣлѣ все ограничиваться однимъ словеснымъ утвержденіемъ за отсутствіемъ того указанія въ мысли на предметъ возможной вѣры, безъ котораго, конечно, невозможенъ и самый актъ вѣры?

Эти соображенія, очевидно, имѣютъ свою привлекательную сторону, и мнѣ не представляется невѣроятнымъ, что они не остались безъ вліянія на Спенсера, когда онъ принимаетъ, какъ не требующую доказательства истину, положеніе, что сужденіе предполагаетъ созерцательный образъ, точно соотвѣтствующій утверждаемому въ немъ опредѣленному соотношенію опредѣленнаго субъекта съ опредѣленнымъ предикатомъ.

Но какъ ни привлекательными представляются эти соображенія на первый взглядъ, на дѣлѣ они ошибочны.

Когда Спенсеръ начинаетъ цитованную уже нами ранѣе главу „Основаній психологіи“, озаглавленную „Всеобщій постулятъ“, словами: „чтобы увѣриться, дѣйствительно ли сказуемое неизмѣнно существуетъ съ своимъ подлежащимъ, намъ ничего не остается, какъ сдѣлать опытъ надъ вообразимостію случая, противорѣчащаго сужденію“, то онъ, очевидно, предполагаетъ, что самый этотъ вопросъ, дѣйствительно ли извѣстное сказуемое существуетъ неизмѣнно съ извѣстнымъ подлежащимъ, можетъ быть поставленъ и фактически постоянно ставится сознаніемъ. Но въ чемъ же состоитъ этотъ вопросъ? Какъ показываетъ самый предполагаемый способъ его рѣшенія, этотъ вопросъ есть вопросъ о томъ, не существуютъ ли или по крайней мѣрѣ не возможны ли случаи, противорѣчащіе извѣстному общему сужденію, т.-е. случаи, гдѣ тотъ же субъектъ не имѣлъ бы того же предиката. Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ, очевидно, ставится для изслѣдованія и повѣрки предположеніе о возможности случаевъ, противорѣчащихъ извѣстному сужденію. Но вѣдь разрозненныя представленія, соединенныя съ словами, изъ которыхъ состоитъ это предположеніе, когда эти слова употребляются въ такой грамматической формѣ, въ которой они дѣйствительно могутъ обозначать только разрозненныя представленія, не составляютъ никакого предположенія и, слѣдовательно, не могутъ вызывать и на опредѣленные опыты надъ своимъ сознаніемъ съ цѣлью изслѣдованія и провѣрки не поставленнаго въ мысли предположенія. И если фактически изслѣдованіе и провѣрка дѣлаются, то значитъ предположеніе было сдѣлано дѣйствительно, а слѣдовательно, со словами соединялось въ сознаніи указаніе на вполнѣ опредѣленное для мысли предположеніе. И если вопросъ по Спенсеру ставится, а слѣдовательно и предположеніе дѣлается именно тогда, когда еще остается неизвѣстнымъ, мыслима ли извѣстная комбинація явленій или нѣтъ, и если поэтому оно должно дѣлаться и въ томъ случаѣ, когда она фактически совершенно не мыслима и только эта немыслимость еще не сознана, то это значитъ, что Спенсеромъ должно приниматься, что возможно какое-то вполнѣ опредѣленное указаніе въ мысли и на такія отношенія явленій, созерцательный образъ которыхъ, соотвѣтствующій сужденію, совершенно невозможенъ.

И мысль о операціяхъ въ мышленіи съ такого рода предположеніями, для которыхъ мы не можемъ построить въ своемъ представленіи соотвѣтствующаго имъ созерцательнаго образа, совсѣмъ нельзя

отнести къ случайнымъ, неудачнымъ концепціямъ какого-нибудь философа, напримѣръ, въ данномъ случаѣ Спенсера, который легко могъ бы отказаться отъ нея, замѣтивъ ея противорѣчіе съ очень важнымъ положеніемъ своей системы. Такія операціи постоянно встрѣчаются и не въ обычной только мысли, но и въ самой наукѣ. Геометръ, при такъ называемыхъ апагогическихъ доказательствахъ, къ которымъ ему приходится прибѣгать нерѣдко при обоснованіи геометрическихъ теоремъ, гипотетически предполагаетъ построенія, которыя въ дальнѣйшемъ движеніи доказательства оказываются невозможными, а слѣдовательно, по свойству геометрическихъ истинъ, и невообразимыми; и такія предположенія и обнаруженіе ихъ несостоятельности оказываются существеннымъ звеномъ при доказательствѣ теоремы. А это значитъ, что для цѣлей доказательства извѣстной теоремы геометръ гипотетически принимаетъ сужденія, въ которыхъ утверждается такая связь извѣстныхъ предикатовъ съ извѣстными субъектами, которая фактически для насъ совершенно невообразима. И эти предположенія или гипотетически принимаемыя сужденія, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могли бы быть замѣнены въ ходѣ геометрическаго доказательства простымъ подборомъ словъ, которыя обозначали бы поставленныя внѣ связи другъ съ другомъ простыя понятія субъектовъ этихъ сужденій, ихъ предикатовъ и абстрактно взятыхъ отношеній. Такія совсѣмъ разрозненныя представленія не могли бы, конечно, войти въ общую связь того геометрическаго доказательства, въ которое они фактически входятъ, не могли бы составить связнаго звена въ цѣпи сужденій, составляющихъ доказательство, которое, такимъ образомъ, состояться не могло бы. И если тѣмъ не менѣе доказательство фактически осуществляется и Спенсеръ, конечно, не рѣшится счесть его простымъ наборомъ словъ, то отсюда должно слѣдовать, что съ такого рода предположеніями или гипотетически принятыми сужденіями соединяются совершенно опредѣленныя для мысли указанія не просто только на обособленныя другъ отъ друга явленія и взятыя абстрактно отношенія, изъ которыхъ вывести ничего нельзя, а на тѣ соотношенія ихъ, предположенія о которыхъ оказываются необходимыми для вывода въ связной цѣпи звеньевъ доказательства.

И если всмотрѣться въ дѣло внимательнѣе, то во всемъ этомъ не окажется ничего удивительнаго и ничего непонятнаго. Когда сознаніе имѣетъ передъ собою предложеніе, субъектъ и предикатъ котораго, а равно и взятое абстрактно отношеніе, которое должно связывать субъектъ и предикатъ, способны вызвать въ насъ вполнѣ опредѣлен-

ныя представленія, и только мы не можемъ создать цѣльный образъ, точно соотвѣтствующій сужденію, то было бы совершенно ошибочно сказать, что въ сознаніи съ этимъ предложеніемъ можетъ соединяться только то же, что соединилось бы съ отдѣльными словами, обозначающими эти три представленія, т.-е. могутъ соединиться исключительно только эти три представленія въ качествѣ совершенно обособленныхъ другъ отъ друга представленій. Съ самой формой предложенія, въ которое они вошли, соединяется, сверхъ того, представленіе, что здѣсь имѣется въ виду нѣкоторое соотношеніе явленій, характеризуемыхъ для сознанія этими представленіями, а вмѣстѣ и общее представленіе о роли, которая должна принадлежать каждому изъ этихъ представленій въ этомъ соотношеніи; а поэтому и самыя эти три представленія получаютъ для сознанія значеніе не какъ отдѣльно взятыя представленія, а какъ характеристическія черты того соотношенія явленій, которое должно имѣться въ виду предложеніемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое указаніе на это соотношеніе явленій, которое имѣло бы для сознанія созерцательную ясность, могло бы получиться лишь въ томъ случаѣ, если бы представленія не оставались просто для сознанія характеристическими чертами этого соотношенія явленій, а слились бы другъ съ другомъ въ одинъ цѣльный образъ, который, такимъ образомъ, оказался бы отчетливымъ созерцательнымъ образомъ этого соотношенія. А поэтому вполнѣ понятно, что на подобный образъ наше сознаніе смотритъ какъ на самое наглядное и самое желательное со стороны своей наглядности указаніе на то, объ утвержденіи чего или вѣрѣ во что ставится вопросъ въ сознаніи. Но это никакъ не значитъ, чтобы отсутствіе этого соотвѣтствующаго предложенію образа лишало сознаніе всякаго указанія на то, что будетъ утверждаемо или отрицаемо при принятіи предложенія или отрицаніи его, дѣлало возможное утвержденіе или отрицаніе безпредметнымъ и, слѣдовательно, въ дѣйствительности невыполнимымъ. Насколько предложеніе вызываетъ въ сознаніи эти представленія не какъ особыя одно отъ другого представленія, а какъ черты, которыя должны характеризовать комбинацію явленій и указывать роль, какую въ ней должно играть каждое изъ этихъ явленій, оно этимъ самымъ даетъ указаніе на предметъ возможнаго утвержденія или отрицанія, и притомъ такое указаніе, которое съ такою же подробностію исчерпываетъ эти черты, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возможно построеніе образа, соотвѣтствующаго сужденію, и гдѣ это построеніе точно опредѣляется этими чер-

тами. Это указаніе, слѣдовательно, достаточно опредѣленно, чтобы отличить эту комбинацію отъ всевозможныхъ другихъ, и дать возможность узнать ее, если бы она, предположимъ, оказалась данною въ воспріятіи. Слѣдовательно, психологическую невозможность вѣры въ комбинаціи, противорѣчащія необходимо мыслимымъ сочетаніямъ, нельзя доказывать совершенною невозможностію имѣть въ сознаніи указаніе на то, что въ такомъ случаѣ должно бы составить предметъ утвержденія или вѣры и безъ чего вѣра должна быть признана невозможною.

Конечно, Спенсеръ, считая условіемъ сужденія соотвѣтствующій ему созерцательный образъ, можетъ быть, и не соединялъ съ этимъ вполнѣ опредѣленно той мысли, что этотъ образъ есть единственно возможное въ сознаніи указаніе на предполагаемую сужденіемъ связь явленій,—указаніе, безъ котораго эта связь, не будучи никакъ выражена въ сознаніи, вовсе не можетъ входить въ мыслительный процессъ. Можетъ быть, не отрицая, по крайней мѣрѣ, вполнѣ отчетливо того, что и не представляемыя вполнѣ наглядно комбинаціи могутъ быть указаны въ сознаніи и поэтому могутъ входить въ мыслительные процессы, онъ хотѣлъ сказать только, что онѣ не могутъ сами быть утверждаемы, не могутъ сами стать предметомъ вѣры. Но тогда мы вновь стонмъ передъ вопросомъ: почему же эта вѣра, въ такомъ случаѣ, должна быть сочтена психологически невозможною?

Если сочетаніе явленій, противорѣчащее необходимо мыслимому положенію, можетъ быть настолько опредѣленнымъ для сознанія, что можетъ стать предметомъ изслѣдованія, то самое признаніе его, будетъ ли то за твердую истину или за законно допустимое предположеніе, должно, конечно, зависѣть отъ того, существуютъ ли въ сознаніи основанія, которыя могутъ казаться этому сознанію достаточными для такого признанія. А потому для такого философа, который, не отрицая возможности для сознанія безъ отчетливаго образа, вполнѣ соотвѣтствующаго тому или другому положенію, имѣть опредѣленное указаніе на утверждаемую въ этомъ положеніи связь явленій, хотѣлъ бы, тѣмъ не менѣе, настаивать на необходимости отчетливаго образа для вѣры въ положеніе,—для такого философа оставался бы одинъ путь придать убѣдительность своему взгляду; онъ долженъ бы былъ попытаться поставить внѣ сомнѣнія, что такой образъ безусловно необходимъ для самаго обоснованія положенія, а поэтому безъ него предполагаемое положеніемъ сочетаніе явленій, хотя бы оно и было достаточно опредѣленнымъ для сознанія по своему смыслу, не можетъ сдѣлаться для него предметомъ вѣры.

И мы не можемъ отрицать, что въ самомъ Спенсеровомъ разъясненіи психологической необходимости вѣры въ необходимо мыслимое сочетаніе встрѣчаются такія мысли, которыми Спенсеръ могъ бы воспользоваться для того, чтобы придать этотъ именно оборотъ своему ученію о необходимой психологически вѣрѣ. Психологическая необходимость созерцательнаго образа, точно соотвѣтствующаго тому или другому положенію, для вѣры въ него не могла бы, конечно, не быть признана, если бы было принято, что обоснованіе положенія, какую бы форму оно ни принимало, форму ли непосредственнаго усмотрѣнія его очевидности или форму вывода, всегда бываетъ и можетъ быть только процессомъ, съ помощію котораго достигается принудительное соединеніе въ одинъ образъ представленій, обозначающихъ явленія, связь которыхъ утверждается въ положеніи. При такомъ взглядѣ вѣра въ сужденіе, очевидно, по необходимости всегда должна была бы считаться чистымъ эквивалентомъ этого принудительнаго соединенія представленій въ одинъ образъ, точно соотвѣтствующій обосновываемому сужденію, а слѣдовательно тамъ, гдѣ представленія совсѣмъ не допускаютъ такого соединенія, вѣра должна была бы считаться совершенно невозможной. И въ цитованномъ выше Спенсеровомъ разъясненіи психологической стороны познавательныхъ процессовъ въ „Динамикѣ сознанія“ дается такое истолкованіе процессамъ и непосредственнаго усмотрѣнія очевидности положенія и выводнымъ, которое вполнѣ отвѣчаетъ указанному сейчасъ предположенію о значеніи въ нихъ образа, вполнѣ соотвѣтствующаго обосновываемому положенію. Непосредственное усмотрѣніе очевидности положенія, совершенно согласно съ основными взглядами Спенсеровой философіи, толкуется здѣсь какъ усиленная и безрезультатная попытка разорвать связь представленій, соединенныхъ въ точно соотвѣтствующемъ этому положенію образѣ, слѣдовательно предполагаетъ наличную данность въ сознаніи этого образа съ сознаваемою на немъ принудительною связью входящихъ въ него представленій. А смыслъ выводнаго процесса здѣсь полагается въ томъ, чтобы „установить непрямую связь между такими состояніями сознанія, которыя не были прямо связаны между собою или, если и были связаны, то не такъ сильно, какъ связываетъ ихъ аргументація не прямымъ путемъ“. Такимъ образомъ выводъ здѣсь толкуется какъ процессъ принудительнаго соединенія представленій въ соотвѣтствующій доказываемому положенію образъ, получающійся съ помощію установленія необходимой связи этого положенія съ другими, уже дознанными положеніями, слѣдовательно также

предполагаетъ такой образъ съ происходящимъ въ самомъ процессѣ принудительнымъ соединеніемъ въ немъ представленій.

Самъ Спенсеръ не сводитъ эти свои истолкованія основныхъ познавательныхъ процессовъ къ одной общей мысли, именно что всякій сознательный процессъ убѣжденія въ какомъ угодно положеніи непремѣнно долженъ включать въ себѣ созерцательное представленіе связи явленій, утверждаемой въ этомъ положеніи, и не пытается на этой общей мысли обосновать свой взглядъ на невозможность вѣры въ положеніе, для котораго нельзя создать этого созерцательнаго представленія. Но послѣдователь Спенсера, конечно, всегда имѣетъ право спросить: почему этотъ взглядъ не могъ бы находить для себя твердой опоры въ указанныхъ Спенсеровыхъ истолкованіяхъ непосредственнаго усмотрѣнія очевидности сужденія и выводнаго процесса? Однако и подобное обоснованіе Спенсерова взгляда было бы несостоятельно.

Мы не можемъ здѣсь обсуждать Спенсерово истолкованіе процесса непосредственнаго усмотрѣнія очевидности сужденія, такъ какъ такое обсужденіе повело бы къ обсужденію взглядовъ, одинаково раздѣляемыхъ всею эмпиристическою школою. Пусть это непосредственное усмотрѣніе будетъ, какъ полагаетъ Спенсеръ, въ каждомъ случаѣ лишь настойчивой и неудачной попыткой разорвать связь представленій въ образѣ, точно соотвѣтствующемъ положенію, очевидность котораго устанавливается сознаніемъ. Но даже и для Спенсеровой психологіи нѣтъ никакого основанія убѣдительность, заключающуюся въ выводномъ процессѣ, ставить въ связь съ принудительностію соединенія въ одинъ образъ представленій, соотвѣтствующихъ явленіямъ, соединяемымъ въ выводномъ сужденіи. Выводный процессъ, точно такъ же какъ и процессъ непосредственнаго усмотрѣнія истинности сужденія, своею конечною цѣлію имѣетъ никакъ не установку „связи между такими состояніями сознанія, которыя не были прямо связаны“ и подъ которыми Спенсеръ, очевидно, разумѣетъ представленія, а установку сужденія какъ утвержденія о соединеніи явленій, характеризующихся этими состояніями сознанія или представленіями. Сознаніе принудительной связи самыхъ представленій при непосредственномъ усмотрѣніи очевидности сужденія, а слѣдовательно и созерцательный образъ этой связи, опыты надъ которымъ по Спенсеру и должны убѣждать въ этой принудительности, оказываются при этомъ непосредственномъ усмотрѣніи необходимыми только потому, что сознаніе принудительности связи на этомъ образѣ есть тотъ путь, которымъ совершается въ этомъ случаѣ установка сужденія. Но въ выводномъ

процессѣ установка сужденія совершается не этимъ путемъ опытовъ надъ неразрывностію связи представленій въ созерцательномъ образѣ этой связи, а при посредствѣ другихъ сужденій, чрезъ сознаніе связи ихъ съ изслѣдуемымъ положеніемъ, для чего нѣтъ никакой нужды въ предваряющей установку этого сужденія установкѣ принудительной связи между представленіями, точно ему соотвѣтствующей. Для установки доказывающихъ сужденій, посылокъ, если они считаются положеніями, истинность которыхъ усматривается непосредственно, должны, конечно, по Спенсеру оказаться нужными созерцательные образы связи представленій, но связи, соотвѣтствующей ихъ собственному смыслу, а не смыслу выводного положенія. И для непосредственнаго усмотрѣнія связи между посылками и выводнымъ сужденіемъ, конечно, также по Спенсеру должны оказаться необходимыми опыты надъ созерцательнымъ образомъ связи, но опять связи никакъ не представленій, соотвѣтствующей выводному положенію, а связи самого этого положенія съ посылками. А для такого образа этой связи, изъ котораго усматривалась бы ея неразрывность, хотя, конечно, и необходимо, чтобы выводное сужденіе, само входящее въ эту связь въ качествѣ одного изъ ея членовъ, было указано вполнѣ опредѣленно для сознанія, но совершенно безразлично, дѣлается ли это указаніе чрезъ образъ, точно соотвѣтствующій смыслу сужденія, или чрезъ особыя представленія характеристическихъ чертъ явленій, о соединеніи которыхъ говоритъ оно, и той роли, какую каждое изъ этихъ явленій должно играть въ этомъ соединеніи. Для того, чтобы геометръ счелъ себя въ правѣ со всею геометрическою достовѣрностію утверждать невозможность того или другого гипотетически предположеннаго имъ построенія на томъ основаніи, что выводы, сдѣланные имъ подъ условіемъ возможности этого построенія, ведутъ къ какой либо явной нелѣпости,—для этого, конечно, необходимо, чтобы связь между этимъ предположеннымъ построеніемъ, какъ посылкой, и выведенною изъ него нелѣпостію считалась установленной самымъ точнымъ и законнымъ образомъ; а между тѣмъ, по свойству геометрическихъ истинъ, какъ это намъ ранѣе приходилось замѣчать, то, что признается здѣсь нелѣпымъ, должно считаться и совершенно невообразимымъ. Отсюда совершенно очевидно, что связь между посылками и заключеніемъ можетъ достигать какой угодно возможной для человѣческаго знанія достовѣрности даже при совершенной невозможности построенія созерцательнаго образа, вполнѣ соотвѣтствующаго выводному сужденію.

Такимъ образомъ, мысль о совершенной психологической невоз-

можности сужденія, для котораго невозможно построить точно соотвѣтствующаго ему созерцательнаго образа, не можетъ искать для себя оправданія и въ невозможности обоснованія положенія безъ такого образа. Такъ какъ для выводного процесса нѣтъ никакой нужды въ созерцательномъ образѣ выводного сужденія, то нѣтъ никакой психологической невозможности въ томъ, чтобы положеніе, противорѣчащее необходимо мыслимому положенію, получалось выводнымъ путемъ и чтобы оно въ томъ случаѣ, когда посылки этого вывода сами претендовали бы на необходимую мыслимость, оказывалось способно возбуждать вѣру, стоящую въ прямомъ антагонизмѣ съ вѣрой въ противорѣчащее этому положенію необходимо мыслимое въ эмпиристическомъ смыслѣ положеніе, парализуя такимъ образомъ вѣру въ послѣднее.

Самъ Спенсеръ, какъ было сказано, при разъясненіи своего взгляда на предполагаемую имъ необходимость образа, точно соотвѣтствующаго положенію, для вѣры въ послѣднее, не ссылается на свое толкованіе процессовъ непосредственнаго усмотрѣнія и вывода, благопріятствующее этому взгляду, хотя при этомъ же разъясненіи ему приходится высказывать это толкованіе. Уже при описаніи опытовъ воображаемаго изслѣдователя надъ непосредственной связью между представленіями, еще не затрогивая вопроса о выводѣ, онъ выставляетъ уже въ качествѣ очевидной истины выражаемое этимъ изслѣдователемъ признаніе совершенной неспособности своей мыслить о положеніи, противорѣчащемъ обнаружившейся при этихъ опытахъ неразрывной связи между представленіями. И если Спенсеръ обращается затѣмъ къ выводу, то никакъ не съ тою цѣлію, чтобы указать на необходимость и въ этомъ процессѣ образа, точно соотвѣтствующаго выводному положенію, а хочетъ только поставить на видъ, что и процессъ вывода предполагаетъ необходимую мыслимость, которая уже заранѣе, на основаніи прямой очевидности, отожествлена съ совершенною неспособностію думать въ противорѣчіе съ нею. А въ общемъ заключеніи изъ всѣхъ этихъ разъясненій признанная на основаніи прямой очевидности неразрывная связь между необходимою мыслимостію и психологически необходимою вѣрою переходитъ у него даже въ „простое тожество“. Мы видѣли, что въ концѣ выписанной выше цитаты прямо утверждается: „сказать, что существуютъ необходимости мысли, значитъ просто сказать, только въ другой формѣ, что есть мысли, элементы которыхъ не могутъ быть разорваны“. И такъ какъ эта очевидность не находитъ, да и не ищетъ для себя

никакой опоры въ спеціальныхъ взглядахъ Спенсеровой гносеологіи, то она, конечно, есть очевидность съ точки зрѣнія непосредственнаго сознанія и хочетъ быть только очевидностію съ точки зрѣнія этого непосредственнаго сознанія. И несомнѣнно, что эта ссылка на непосредственное сознаніе совершенно справедлива въ томъ отношеніи, что непосредственное сознаніе дѣйствительно, говоря обще, такъ именно и смотритъ на оба вида Спенсеровыхъ необходимо мыслимыхъ сужденій, т.-е., на частныя фактическія познаванія воспріятія и на самыя общія, характеризующіяся необходимою мыслимостію посылки знанія. Но Спенсеръ не взялъ во вниманіе, что въ непосредственномъ сознаніи этотъ взглядъ есть простой естественный результатъ проникающаго непосредственное сознаніе предположенія, котораго не держится Спенсерова философія и которое состоитъ въ прямомъ отожествленіи того, что составляетъ предметъ утвержденія въ указанныхъ частныхъ и самыхъ общихъ необходимыхъ сужденіяхъ, съ тѣмъ, съ чѣмъ имѣетъ дѣла необходимая мыслимость.

Такъ какъ нашимъ непосредственнымъ сознаніемъ данныя въ воспріятіи явленія и связи между ними прямо принимаются за ту самую внѣшнюю дѣйствительность, которая составляетъ предметъ вѣры для нашего знанія, то для нашего непосредственнаго сознанія этотъ познавательный актъ является въ собственномъ смыслѣ даже не въ качествѣ утвержденія связи, вѣры въ нее, а въ качествѣ непосредственнаго созерцанія самой той дѣйствительности, вопросы о которой должны рѣшаться въ сужденіяхъ нашего знанія. Въ границахъ этого чистаго созерцанія связи явленій въ воспріятіи, если акты этого созерцанія не нарушаются рефлексіями критическаго характера, принудительность связи явленій (за опредѣленные моменты воспріятія), прямо вслѣдствіе того, что какъ самыя явленія такъ и связи ихъ принимаются сознаніемъ за внѣшнюю дѣйствительность, относится имъ на эту внѣшнюю дѣйствительность. А такъ какъ сужденіе есть утвержденіе относительно связей въ этой самой внѣшней дѣйствительности, то пока не разрушено сполна или съ нѣкоторыхъ только сторонъ это непосредственное отожествленіе созерцаемаго съ внѣшней дѣйствительностію, созерцаніе по необходимости принимается за актъ, въ которомъ сознаніе прямо и непосредственно имѣетъ то, что должно составлять предметъ сужденія по его значенію какъ познавательнаго акта. И насколько при созерцаніи сознавалась бы принудительность опредѣленной связи и тѣмъ исключались бы случайныя ошибки недосмотра и перетолкованія, настолько это созерцаніе было бы тожественно

по своему смыслу съ необходимымъ утвержденіемъ, съ безусловной вѣрой. При такихъ условіяхъ, конечно, психологически совершенно невозможна вѣра въ противорѣчащую воспріятію связь явленій какъ связь дѣйствительную. Созерцаніе самой этой внѣшней дѣйствительной связи и въ то же время вѣра въ ея отсутствіе, конечно, должны представлять собою прямо несовмѣстимыя одно съ другимъ состоянія сознанія.

Этого рода тожество психологически необходимой вѣры съ необходимою мыслимостію обнимаетъ, правда, только одинъ видъ Спенсеровыхъ необходимо мыслимыхъ сужденій, фактическія истины воспріятія. Прямое и полное отожествленіе терминовъ созерцанія съ дѣйствительностію ограничивается и въ непосредственномъ сознаніи исключительно воспріятіями, какъ нужно думать, вслѣдствіе того, что только въ нихъ входятъ въ качествѣ основного элемента созерцанія живыя состоянія, ощущенія, которыя, будучи поставлены какъ характеристическія черты внѣшнихъ предметовъ, способны въ качествѣ живыхъ состояній прямо приниматься сознаніемъ за налично данныя свойства этихъ предметовъ въ противоположность представленіямъ, которыя не могутъ имѣть другого значенія для сознанія кромѣ значенія простого образа, если не сплетены въ неразрывной связи съ ощущеніями. Во всякомъ случаѣ, когда познавательный процессъ совершается въ несливающихся съ воспріятіями представленіяхъ, то предметъ познавательный уже и въ непосредственномъ сознаніи отличается отъ самаго представленія, какъ простого его образа, служащаго лишь указаніемъ на него. А поэтому въ этихъ процессахъ принудительность связи представленій въ обыкновенныхъ случаяхъ и непосредственнымъ сознаніемъ толкуется лишь какъ заимствованная изъ воспріятія и въ этихъ случаяхъ или прямо получаетъ форму воспоминанія или принимается за результатъ частой встрѣчи съ этою связью сознанія. Но и непосредственное сознаніе не можетъ не быть ощутительно къ факту, что общія сужденія идутъ далѣе воспоминаемыхъ частныхъ случаевъ и что та необходимость, которой характеризуется связь явленій въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сужденій, никакъ не тожественна съ простымъ, хотя бы и частымъ совпаденіемъ явленій въ сознаніи, такъ какъ она представляется внутреннимъ свойствомъ этой связи, а не простымъ указаніемъ на объемъ ея примѣненія. Такъ является для непосредственнаго сознанія такая форма принудительной связи, которую оно не можетъ отожествить съ внѣшнею дѣйствительностію посредственно, разсматривая ее какъ заимствованную изъ воспріятія, и въ то же

время не можетъ, повидимому, отожествить ее съ нею и непосредственно, такъ какъ она дана въ представленіяхъ. Такимъ образомъ о необходимой связи представленій, которой характеризуются нѣкоторыя общія сужденія, повидимому, непосредственное сознаніе ни въ какомъ смыслѣ не можетъ предполагать, что она и есть именно та связь явленій, которая утверждается въ сужденіи. Однако непосредственное сознаніе находитъ средство устранить въ сужденіяхъ, отличающихся необходимою мыслимостію, это различіе связи представленій отъ связи реальностей. Оно смотритъ на непосредственно сознаваемую необходимость связи представленій какъ на такую, которая вполнѣ опредѣляется самымъ содержаніемъ этихъ представленій, и въ то же время самый актъ постиженія необходимой связи между представленіями оно принимаетъ за прямое и непосредственное созерцаніе зависимости этой связи отъ самаго содержанія этихъ представленій. И такъ какъ въ этого рода общихъ сужденіяхъ оно утверждаетъ въ отношеніи къ внѣшней дѣйствительности только ту мысль, что въ случаѣ существованія внѣшнихъ реальностей, точно соотвѣтствующихъ содержанію опредѣленнаго представленія, должно существовать у нихъ и опредѣленное отношеніе къ опредѣленнымъ другимъ реальностямъ, также точно соотвѣтствующимъ содержанію другого представленія, то созерцаніе связей, обусловленныхъ самымъ содержаніемъ представленій, уравнивается для него созерцанію связей, обусловленныхъ самою природою реальностей, которыя оказались бы вполнѣ соотвѣтствующими содержанію представленій. И вслѣдствіе этого утвержденіе между этими же реальностями связей, противорѣчащихъ созерцаемой необходимой связи между представленіями о нихъ, дѣлается для него столь же психологически невозможнымъ, какъ и утвержденіе связей между данными въ воспріятіи реальностями, противорѣчащихъ принудительной связи ихъ въ воспріятіи.

Такимъ образомъ при предположеніяхъ, которыми, будетъ ли то сознательно или несознательно, руководится непосредственное сознаніе, совершенная невозможность составленія образа точно соотвѣтствующаго опредѣленному положенію, обусловленная сознаваемой необходимой мыслимостію сочетанія, ему противорѣчащаго, совершенно исключаетъ вѣру въ это положеніе. Но такъ какъ эта очевидность невозможности вѣры здѣсь обусловлена предположеніями, которыми руководится непосредственное сознаніе, относительно тожества связи, составляющей предметъ вѣры въ сужденіи, съ связью, которая выражается въ необходимой мыслимости, то на эту очевидность можетъ

ссылаться какъ на дѣйствительную очевидность лишь та философія, которая раздѣляетъ съ непосредственнымъ сознаніемъ его предположенія. Но философія Спенсера, прямо наоборотъ, отрицаетъ эти предположенія.

Общія сужденія, въ которыхъ придается необходимый характеръ утверждаемому въ нихъ соединенію явленій, совсѣмъ не представляютъ по этой философіи результатъ непосредственно созерцаемой зависимости этой связи отъ самого содержанія соединяемыхъ представленій, а слѣдовательно отъ самой природы тѣхъ реальностей, которыя оказались бы вполнѣ соотвѣтствующими этому представляемому содержанію. Необходимость связи представленій, непосредственно созерцаемая, должна, наоборотъ, объясняться по этой философіи изъ принадлежащаго представленіямъ свойства при частомъ совпаденіи двухъ опредѣленныхъ представленій въ сознаніи вступать въ тѣсную связь, которая, при продолжительности періода такихъ совпаденій, дѣлается совершенно неразрывною.

И на данное въ воспріятіи она не можетъ смотрѣть, подобно непосредственному сознанію, прямо какъ на внѣшнюю дѣйствительность уже потому, что на самое существенное содержаніе воспринимаемаго, согласно общепринятому психологическому ученію, она смотритъ какъ на наши ощущенія, а не какъ на внѣшнія сознанію свойства внѣшнихъ предметовъ, за которыя они принимаются непосредственнымъ сознаніемъ; а поэтому данные въ воспріятіи и представляющіе простыя связки этихъ ощущеній (и представленій о прежнихъ ощущеніяхъ) предметы, хотя и составленные въ основной части своего содержанія изъ живыхъ состояній а не изъ простыхъ представленій, для нея все же превращаются только въ знаки внѣшней дѣйствительности. Правда, для нея, какъ и для обще-научнаго сознанія, несомнѣнно остается и при этомъ взглядѣ возможность смотрѣть на воспріятія какъ на такіе созерцательные акты, которые съ законообразною послѣдовательностію слѣдуютъ за соотвѣтствующимъ воздѣйствіемъ на сознаніе внѣшнихъ реальностей; а поэтому и на отношенія, въ которыхъ качественности воспріятія оказываются стоящими одна къ другой въ актѣ того или другого воспріятія, она можетъ смотрѣть какъ на стоящія въ зависимости отъ фактическихъ отношеній внѣшнихъ реальностей, ихъ возбуждающихъ и составляющихъ предметъ вѣры въ сужденіяхъ научнаго знанія. Однако при такомъ взглядѣ все же то безусловное тожество между предметомъ сужденія и предметомъ непосредственнаго созерцанія, которое дѣлаетъ совершенно очевидной

невозможность вѣры въ наличную дѣйствительность сочетанія, противорѣчащаго принудительно созерцаемому сочетанію, здѣсь исчезаетъ. Наоборотъ, уже самое разрушеніе вѣры непосредственнаго сознанія въ это безусловное тожество открываетъ путь для критическаго вопроса, есть ли дѣйствительно твердыя основанія даже и для признанія законосообразной послѣдовательности ощущеній за соотвѣтствующими внѣшними воздѣйствіями и для соединяемаго съ нимъ права уравнивать отношенія внѣшнихъ реальностей съ данными въ воспріятіи отношеніями. И поэтому даже и въ томъ случаѣ, если бы открываемыя сознаніемъ основанія для этого признанія оказались безусловно убѣдительными, — даже и въ этомъ случаѣ вѣра въ это равенство не могла бы считаться, при развитіи критическаго сознанія, чисто психологическою необходимостію, такъ какъ стояла бы въ зависимости отъ тщательнаго анализа основаній, оправдывающихъ это равенство. Но фактически и въ этомъ отношеніи стоитъ дѣло нѣсколько иначе.

Принимаемая зависимость данныхъ въ воспріятіи отношеній качественностей воспріятія отъ отношеній внѣшнихъ реальностей не рѣдко оказывается не прямой и простой, а косвенной и сложной, вслѣдствіе чего въ этихъ случаяхъ эти отношенія могутъ оказываться совсѣмъ не равными другъ другу, хотя для сознанія, котораго опытъ недостаточно широкъ для того, чтобы обнаружить эти косвенныя и сложныя причинныя связи, отношеніе качественностей въ воспріятіи, оказывающееся для развитаго опыта неравнымъ отношенію внѣшнихъ реальностей, будетъ сохранять совершенно тотъ же принудительный характеръ, какъ и всѣ другія принудительно созерцаемыя отношенія. Съ другой стороны новые эмпиристы, проведшіе въ возможной послѣдовательности ассоціанистическую теорію, и особенно Спенсеръ, какъ мы уже знаемъ, даже отказываются принимать вообще синтезы воспріятія за нѣчто непосредственно данное, т. е. за сочетанія, непосредственно вызываемыя воздѣйствіемъ отношеній внѣшнихъ реальностей, а видятъ въ нихъ результатъ очень сложныхъ процессовъ, закрѣпленный ассоціаціей. Такимъ образомъ и здѣсь въ области воспріятія принудительность связи объединяемаго содержанія, подобно какъ и въ общихъ сужденіяхъ, въ которыхъ придается необходимый характеръ утверждаемой въ нихъ связи явленій, эта принудительность должна объясняться изъ принадлежащаго психическимъ состояніямъ свойства при частыхъ случаяхъ совпаденія ихъ въ сознаніи вступать въ тѣсную связь, способную достигать совершенной неразрывности.

Но когда, такимъ образомъ, отрицается то тожество или полное равенство связей, составляющихъ предметъ сужденія, съ связями, которыя усматриваются непосредственнымъ созерцаніемъ и въ этомъ созерцаніи получаютъ характеръ необходимыхъ или принудительныхъ, и когда самая эта необходимость или принудительность разсматривается какъ результатъ, опредѣляемый свойствомъ, принадлежащимъ исключительно представленіямъ или вообще душевнымъ состояніямъ, тогда какое же право для обоснованія мысли о невозможности вѣры въ положенія, противорѣчащія необходимо мыслимымъ связямъ представленій, ссылаться на очевидность этой невозможности для непосредственнаго сознанія, для котораго эта очевидность обусловлена этими отрицаемыми Спенсеромъ предположеніями? А если не руководиться этими предположеніями, то, правда, отчетливое созерцаніе необходимой связи представленій или вообще душевныхъ состояній останется не совмѣстимымъ съ отрицаніемъ такихъ сужденій, въ которыхъ утверждалась бы прямо эта принудительная связь самыхъ представленій, но какимъ же образомъ могла бы оказаться непосредственно и безусловно очевидной для сознанія несовмѣстимость въ немъ созерцанія необходимой связи, которая относится къ представленіямъ, съ сомнѣніемъ въ существованіи необходимой связи, которая относится уже не къ представленіямъ о реальностяхъ, а къ самымъ реальностямъ, ясно отличаемымъ сознаніемъ отъ представленій о нихъ, или вообще отъ душевныхъ состояній, служащихъ знаками для нихъ? Вѣдь самое то объясненіе происхожденія необходимой связи представленій изъ постоянныхъ совпаденій опредѣленныхъ явленій въ сознаніи, которымъ по взгляду самого Спенсера должна быть оправдана возникающая изъ этой необходимой связи вѣра въ необходимую связь реальностей, даже никакъ не составляетъ такой непосредственно очевидной для сознанія истины, постоянная наличность которой въ сознаніи предупреждала бы и дѣлала невозможнымъ всякій критическій вопросъ объ отношеніи созерцательно познаваемой необходимости связи представленій къ связи обозначаемыхъ ими реальностей. И самое оправданіе необходимыхъ сужденій съ помощію этого объясненія происхожденія неразрывной связи представленій опять, какъ было выше показано, никакъ не исключаетъ недоумѣній и возраженій и притомъ такого рода, что, если вѣру въ необходимо мыслимыя положенія ставить въ зависимость отъ очевидности для сознанія этого оправданія, то, конечно, нельзя будетъ говорить объ ея необходимости.

Перенося вопросъ на фактическую почву, мы не можемъ не ука-

зать на то, что существовали и существуютъ мыслители, которые выражали свое несогласіе съ такими положеніями, которыя по Спенсеру должны опираться на необходимую мыслимость. А выше намъ приходилось подробно доказывать, что при эмпиристическомъ истолкованіи и объясненіи происхожденія необходимо мыслимыхъ положеній даже отношеніе къ нимъ научнаго сознанія должно быть истолковано никакъ не въ смыслѣ безусловнаго довѣрія къ нимъ, а въ смыслѣ, правда, довѣрія, но условнаго и относительнаго, предполагающаго въ совокупности опыта отсутствіе серьезныхъ и остающихся неразрѣшенными возраженій противъ нихъ по самому ихъ содержанію и переходящаго въ критическое недоумѣніе при появленіи такого рода возраженій. Конечно, Спенсеръ, не сличая возбуждавшія ранѣе глубокую вѣру и признанныя позднѣе наукой ошибочными положенія съ тѣми условіями, которыя по эмпиризму должны считаться порождающими необходимую мыслимость, находитъ возможнымъ не признавать фактовъ обнаруженія наукой несостоятельности такихъ положеній, которыя по послѣдовательно проведенному ученію эмпиризма должны считаться имѣвшими характеръ сужденій необходимо мыслимыхъ. Но и онъ во всякомъ случаѣ не можетъ отрицать и фактически не отрицаетъ утвержденія тѣми или другими лицами положеній, стоящихъ въ противорѣчіи съ положеніями, которыя онъ самъ считаетъ необходимо мыслимыми. И такимъ образомъ ученіе его о необходимой психологической вѣрѣ въ необходимо мыслимыя положенія все же явно сталкивается даже съ имъ же самимъ признанными фактами.

Правда, у Спенсера встрѣчается такой взглядъ на эти факты, которымъ, повидимому, устраняется это противорѣчіе. Не отрицая искренности людей, утверждавшихъ или утверждающихъ положенія, противорѣчащія положеніямъ необходимо мыслимымъ, онъ тѣмъ не менѣе находитъ возможнымъ утверждать, что выражаемая ими вѣра въ эти положенія была не дѣйствительная вѣра, а мнимая. „Люди, говоритъ онъ [1]), неясно переводятъ употребляемыя ими слова въ эквивалентныя этимъ словамъ состоянія сознанія. Эта небрежность такъ привычна многимъ, что они совсѣмъ не сознаютъ, что они не ясно представляютъ себѣ тѣ предложенія, которыя они утверждаютъ; а поэтому они способны совершенно искренне, хоть и ошибочно, увѣрять, будто бы они могутъ думать вещи, которыя на самомъ дѣлѣ совершенно невозможно думать“. „Въ философіи какъ и въ теологіи,

[1]) Princ. of Psych. II. 413, p. п. IV. 111.

говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [1]), нѣтъ ничего обыкновеннѣе какъ допущеніе какого-нибудь предложенія безъ реальнаго принятія его, т. е. безъ настоящаго воспроизведенія того, что оно утверждаетъ. Часто случается, что оба термина даннаго предложенія узнаются въ мысли какъ знакомые уже термины и отношеніе, выраженное этимъ предложеніемъ, тоже узнается въ мысли какъ знакомое уже отношеніе, послѣ чего предполагаютъ, будто бы специфированные въ сознаніи термины поставлены вмѣстѣ передъ сознаніемъ въ специфированномъ въ предложеніи отношеніи и возбудили въ немъ вѣру къ себѣ: между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ эти термины вовсе не могутъ быть поставлены вмѣстѣ предъ сознаніемъ въ этомъ отношеніи, а слѣдовательно и не могутъ возбудить къ себѣ вѣры въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Эта путаница служитъ обильнымъ источникомъ ошибокъ, которыхъ желательно бы было избѣжать".

Однако изъ этихъ же приведенныхъ мѣстъ достаточно ясно, что самое Спенсерово признаніе случаевъ вѣры въ положенія, противорѣчащія необходимо мыслимымъ положеніямъ, за случаи вѣры не дѣйствительной, а мнимой, не есть результатъ какого либо особаго анализа этихъ случаевъ, а предполагается какъ выводъ изъ той мысли, заранѣе принятой за очевидную истину, что точно соотвѣтствующее смыслу положенія соединеніе представленій въ сознаніи составляетъ необходимое условіе всякаго сужденія какъ акта вѣры и что поэтому тамъ, гдѣ невозможно точно соотвѣтствующее сужденію соединеніе представленій, невозможенъ и дѣйствительный актъ сужденія какъ актъ вѣры. Все, къ чему стремится Спенсеръ при этой попыткѣ уничтожить значеніе отрицательныхъ инстанцій противъ его ученія о невозможности сужденія, противорѣчащаго необходимо мыслимому положенію, сводится къ тому, чтобы, признавъ на указанномъ основаніи мнимый характеръ вѣры во всѣхъ случаяхъ, гдѣ она выражается въ отношеніи къ положенію, противорѣчащему необходимой мыслимости, разъяснить, какимъ образомъ сознаніе, которое вполнѣ искренне утверждало бы такое положеніе, тѣмъ не менѣе могло бы оказаться совершающимъ чисто словесное утвержденіе безъ соотвѣтствующаго утвержденію эквивалента въ сознаніи, безъ дѣйствительной вѣры въ утверждаемое.

Но если, какъ мы видѣли выше, самая мысль о необходимости для сужденія точно соотвѣтствующаго ему образа не только не оче-

[1]) Ibid., II. 405, p. II. IV. 103 прим.

видна, но прямо должна считаться въ системѣ Спенсера неимѣющимъ никакихъ основаній предположеніемъ, то, конечно, и выводъ изъ нея мнимаго характера выражаемой кѣмъ-либо вѣры въ положенія, противорѣчащія необходимо мыслимымъ, не можетъ доказывать мнимаго характера этой вѣры. А поэтому случаи вѣры въ положенія, противорѣчащія положеніямъ необходимо мыслимымъ, продолжаютъ оставаться отрицательными инстанціями противъ мысли, изъ которой выводится мнимый характеръ этой вѣры.

Съ другой стороны и самое объясненіе возможности мнимой вѣры, заключающееся въ сейчасъ сдѣланныхъ выпискахъ изъ Спенсеровыхъ „Основаній психологіи“, такъ какъ оно имѣетъ въ своемъ основаніи ошибочную теорію, естественно должно оказаться такимъ, что само съ различныхъ сторонъ указываетъ на несостоятельность этой теоріи.

Для того, чтобы представить совершенную естественность предполагаемаго имъ, въ интересахъ устраненія отрицательныхъ инстанцій противъ его теоріи, поразительнаго факта искренне признаваемой и въ то же время мнимой вѣры, Спенсеръ хочетъ ввесть этотъ фактъ въ кругъ самыхъ обычныхъ явленій общей познавательной жизни сознанія и ссылается при его объясненіи на дѣйствительно обычные и многочисленные случаи въ познавательной жизни, когда должно оказаться въ сознаніи даннымъ то, что по его теоріи должно считаться условіемъ мнимой, хотя и искренне признаваемой вѣры: съ этою цѣлію онъ напоминаетъ, что многіе часто при своихъ сужденіяхъ не стараются воспроизвести образъ, точно соотвѣтствующій утверждаемой въ сужденіи связи. Однако, едва ли такое припоминаніе, указывающее на послѣдовательность, къ какой должна вести теорія, пригодно для того, чтобы возвысить ея вѣроятность. Чрезъ это напоминаніе факты попытокъ сужденія, оперирующаго съ представленіями, несоединимыми одно съ другимъ въ одинъ образъ, слѣдовательно безъ вполнѣ отчетливаго образа этой связи, дѣйствительно вводятся въ кругъ очень обычныхъ операцій человѣческой мысли, слѣдовательно теряютъ всякую претензію на чрезвычайный характеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это напоминаніе превращаетъ огромное число явленій обычной познавательной жизни массы людей въ простыя словесныя операціи безъ соотвѣтственныхъ умственныхъ актовъ. А это едва ли уже не слишкомъ много для удобопріемлемости теоріи. Если фактъ вѣры въ противорѣчащее необходимо мыслимому положенію сочетаніе явленій, въ виду самой своей исключительности, въ виду рѣзкаго своего несогласія съ наиболѣе обычными навыками мысли, постоянно руководящейся ассоціаціями, особенно когда

она имѣетъ дѣло съ неразрывными связями представленій, наконецъ, въ виду высокой оцѣнки необходимо мыслимыхъ сужденій непосредственнымъ сознаніемъ, естественно можетъ возбуждать вопросъ, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ чисто словеснымъ утвержденіемъ, то та огромная масса случаевъ обыденной жизни сознанія, когда утвержденія происходятъ безъ отчетливаго соединенія въ сознаніи представленій, соотвѣтствующаго смыслу сужденія, уже вовсе не даетъ поводовъ ставить подобные вопросы. Конечно, съ точки зрѣнія точнаго знанія едва ли кто рѣшится отрицать, что познавательные процессы въ обычной жизни, когда они съ разныхъ сторонъ оказываются не обставленными надлежащими гарантіями, доступны ошибкамъ, и что мы сами не придаемъ ихъ результатамъ той достовѣрности, какую придаемъ результатамъ процессовъ, обставленныхъ такими гарантіями. Но съ другой стороны, едва ли не возбудитъ справедливаго удивленія многихъ рѣшительное утвержденіе, что сужденія, постоянно примѣняемыя въ обычной жизни, не смотря на искренность, съ какою они высказываются, въ огромномъ большинствѣ представляютъ чисто словесныя утвержденія безъ всякой примѣси соотвѣтствующей этимъ утвержденіямъ вѣры. Для того, чтобы назвать это удивленіе справедливымъ, достаточно припомнить хоть тотъ фактъ, что такими сужденіями люди постоянно руководятся въ практической жизни, что, конечно, было бы невозможно безъ всякой вѣры въ нихъ. А между тѣмъ Спенсерово объясненіе мнимой вѣры, допуская это расширеніе мнимаго характера вѣры на огромную массу познавательныхъ явленій обычной жизни сознанія, представляетъ только послѣдовательное проведеніе той его мысли, что образъ, точно соотвѣтствующій сужденію, есть необходимое условіе сужденія какъ акта вѣры.

Но съ этимъ же объясненіемъ связана мысль, которая поражаетъ своею странностію въ несравненно высшей степени. По объясненію выходитъ, что ошибочное представленіе о своей вѣрѣ въ извѣстное положеніе безъ дѣйствительной вѣры въ него должно возникать въ сознаніи прямо отъ того, что сознаніе предполагаетъ или думаетъ, что отчетливое соединеніе представленій, точно соотвѣтствующее смыслу этого положенія, было воспроизведено въ немъ, тогда какъ фактически оно воспроизведено не было. Въ примѣненіи къ вѣрѣ въ положеніе, противорѣчащее необходимо мыслимой связи представленій, это будетъ означать, что ложное представленіе о существованіи фактически несуществующей вѣры возникаетъ въ сознаніи отъ того, что сознаніе предполагаетъ или думаетъ, что въ немъ произошло соеди-

неніе представленій, которое было совершенно невозможно вслѣдствіе неразрывной связи представленій, противорѣчащей этому соединенію. Но и подъ дѣйствительной вѣрой въ то или другое положеніе также долженъ разумѣться актъ признанія съ тою или другою степенью вѣроятности или достовѣрности этого положенія, то есть такой актъ, въ которомъ сознаніе также предполагаетъ или думаетъ, что дѣйствительно есть или возможны или необходимы факты, соотвѣтствующіе положенію. Такимъ образомъ, выходитъ, что Спенсеръ считаетъ вполнѣ возможнымъ, чтобы сознаніе въ дѣйствительномъ смыслѣ вѣрило, т. е. предполагало или думало, что въ немъ самомъ налично было дано противорѣчащее неразрывной ассоціаціи соединеніе представленій, такъ какъ изъ этого предположенія или мысленной увѣренности сознанія и долженъ по Спенсеру объясняться фактъ мнимой вѣры; но въ то же время онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы сознаніе въ дѣйствительномъ смыслѣ вѣрило, т. е. предполагало или думало, что существуютъ или возможны въ вещахъ связи, соотвѣтствующія этому соединенію представленій: оно можетъ, по его мнѣнію, только представлять себя такъ думающимъ, но не испытывать дѣйствительную вѣру. Такимъ образомъ оказывается, что объясненіе, которое вызывалось исключительно тѣмъ, что отрицалась возможность дѣйствительнаго акта сужденія или вѣры безъ соединенія въ сознаніи представленій, точно соотвѣтствующаго этому сужденію, само предполагаетъ именно такія сужденія безъ точно соотвѣтствующаго имъ соединенія представленій въ сознаніи. Притомъ же оказывается, что необходимая мыслимость, т. е. по эмпиризму неразрывная связь представленій нисколько не мѣшаетъ сознанію вѣрить въ наличную данность въ самомъ сознаніи въ прямомъ смыслѣ противорѣчащаго ей факта, или такого соединенія представленій, которое логически противорѣчитъ непосредственно сознаваемой имъ неразрывности опредѣленныхъ представленій, и въ то же время эта же неразрывная связь представленій безусловно препятствуетъ сознанію вѣрить въ не стоящую съ ней въ собственномъ смыслѣ въ логическомъ противорѣчіи, а только не способную при ней получить вполнѣ отчетливаго созерцательнаго представленія, связь внѣшнихъ реальностей. Все это такія несообразности, далѣе которыхъ, по моему мнѣнію, идти некуда.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что это Спенсерово объясненіе мнимой вѣры совсѣмъ не примѣнимо къ наиболѣе опаснымъ для его теоріи психологически необходимой вѣры и признаваемымъ имъ самимъ фактамъ такихъ коллизій сознанія, когда психологическая вѣра

въ сужденія, непосредственно характеризующіяся необходимою мыслимостію, сталкивается съ вѣрой въ противорѣчащіе этимъ сужденіямъ выводы, возбуждающіе, конечно, въ сознаніи критическіе запросы и относительно познавательнаго значенія самой необходимой мыслимости. Вѣдь тотъ ученый или философъ, который, опираясь на такіе выводы, отрицалъ бы состоятельность опредѣленнаго необходимо мыслимаго сужденія или, что то же, утверждалъ бы выводное положеніе, противорѣчащее этому сужденію, можетъ хорошо сознавать необходимую мыслимость отрицаемаго имъ сужденія, а въ такомъ случаѣ, конечно, онъ не будетъ предполагать или думать, что онъ образовалъ въ своемъ сознаніи отчетливое сочетаніе представленій, противорѣчащее этому сужденію. При своемъ отрицаніи необходимо мыслимаго положенія онъ можетъ руководиться просто тою мыслію, что необходимая (пусть и чрезъ опытъ предшествующихъ поколѣній образовавшаяся) связь представленій, входящихъ въ отрицаемое имъ сужденіе, уже не покрываетъ теперь всей совокупности фактовъ развившагося и усложнившагося опыта и оказывается недостаточно соотвѣтствующею обнаружившимся съ помощію этого опыта соединеніямъ реальностей. При такихъ условіяхъ, если бы Спенсеръ и пожелалъ назвать вѣру этого мыслителя въ выводное положеніе, противорѣчащее сужденію, непосредственно характеризующемуся необходимою мыслимостію, вѣрой не дѣйствительной, а мнимой, въ прямое соотвѣтствіе съ тѣмъ, что онъ заранѣе объявляетъ мнимой самую необходимую мыслимость подобнаго рода выводовъ, враждебно сталкивающихся съ необходимо мыслимыми положеніями, все же онъ уже не могъ бы примѣнить къ этой вѣрѣ то свое объясненіе мнимой вѣры, о которомъ теперь мы говоримъ. О мыслителѣ, выразившемъ при указанныхъ условіяхъ свое согласіе съ выводнымъ сужденіемъ, конечно, совсѣмъ несправедливо было бы сказать, что онъ предполагаетъ или думаетъ, что онъ соединилъ въ своемъ сознаніи представленія, въ дѣйствительности несоединимыя, и что именно вслѣдствіе этого ему кажется, что онъ вѣритъ положенію, противорѣчащему неразрывной связи представленій.

Мысль Спенсера о невозможности вѣры въ положеніе при отсутствіи въ сознаніи отчетливаго созерцательнаго образа того, что утверждается въ немъ, должна вести очень далеко.

Въ своихъ „Основаніяхъ психологіи“ Спенсеръ имѣлъ цѣлью доказать съ помощью этой мысли психологическую необходимость вѣры въ положенія, характеризующіяся необходимою мыслимостью, въ которой онъ вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ и критерій достовѣрности. А по-

этому онъ естественно въ немыслимости или невообразимости, дѣлающей по его мнѣнію сужденіе невозможнымъ, выдвигаетъ на передній планъ ту неспособность соединить въ своемъ сознаніи въ одинъ образъ, соотвѣтствующій смыслу сужденія, главные термины сужденія, которая составляетъ обратную сторону неразрывнаго соединенія ихъ въ необходимо мыслимомъ сужденіи. Этимъ путемъ достигается здѣсь ближайшая цѣль: сужденія, признанныя удовлетворяющими наивысшему логическому требованію отъ сужденій достовѣрныхъ, оказываются въ то же время и такими, противорѣчіе которыхъ должно быть признано психологически невозможнымъ.

Но невозможность конструировать въ воображеніи точно соотвѣтствующій тому или другому положенію образъ является и не въ томъ только случаѣ, когда его основные термины требуютъ соединенія, противорѣчащаго образовавшейся между ними необходимой связи. Она должна быть одинаково признана и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти основные термины или представленія, которыми должно пользоваться сознаніе для конструированія образа, соотвѣтствующаго положенію, хотя и способны быть соединены въ одинъ образъ, но оказываются сами точно неотвѣчающими тѣмъ предметамъ, свойствамъ, принадлежностямъ и пр., съ которыми должна имѣть дѣло мысль при опредѣленномъ положеніи. Пусть при этомъ эти представленія могутъ давать указаніе на эти предметы, свойства и пр.; и пусть это указаніе будетъ достаточно опредѣленнымъ для того, чтобы сознаніе, пользуясь имъ, могло отличать эти предметы, свойства и пр. отъ всѣхъ другихъ предметовъ. Но если это указаніе будетъ только косвеннымъ, т. е. будетъ неспособно стать отчетливымъ созерцательнымъ образомъ обозначаемаго, въ такомъ случаѣ все же отчетливаго созерцательнаго образа о томъ, что утверждается въ сужденіи, мы имѣть, очевидно, не будемъ точно такъ же, какъ не имѣемъ его въ отношеніи къ положенію, противорѣчащему неразрывной ассоціаціи, хотя и это положеніе, какъ мы видѣли, можетъ давать опредѣленное косвенное указаніе на требуемое имъ соединеніе представленій.

Отсюда является законный вопросъ: не долженъ ли философъ, отрицающій психологическую возможность вѣры въ эти послѣднія положенія, послѣдовательно отрицать и возможность вѣры въ положенія, въ которыхъ дѣло идетъ о вещахъ, недопускающихъ отчетливаго созерцательнаго образа?

Не трудно видѣть, что если признать эту послѣдовательность, то окажется необходимымъ во имя ея отрицать психологическую возмож-

ность вѣры въ огромную массу положеній, которыя признаются за научныя положенія и общенаучнымъ сознаніемъ и самимъ Спенсеромъ. Вѣдь не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что фактически наше воображеніе безсильно создать образъ, точно соотвѣтствующій огромнымъ тѣламъ, о которыхъ учитъ астрономія, движеніямъ чрезвычайной скорости, которыя приписываетъ она имъ, и громаднымъ пространствамъ, проходимымъ по ея ученію этими тѣлами при этихъ движеніяхъ. Точно также въ этомъ же смыслѣ не представимъ для насъ эфиръ съ его билліонными колебаніями въ секунду, которыми физика объясняетъ свѣтовыя и тепловыя ощущенія, и не представимы вообще молекулярныя движенія. Въ томъ же смыслѣ не представимы, конечно, для насъ и громадные періоды времени, о которыхъ говоритъ геологія и даже исторія человѣчества.

При признаніи указанной послѣдовательности то же противорѣчіе и съ тою же яркостью должно выступать и въ томъ единственно допускаемомъ Спенсеромъ пунктѣ метафизики, который стоитъ въ особой тѣсной связи съ общими результатами общенаучнаго сознанія. Въ своихъ „Основаніяхъ психологіи“ Спенсеръ горячо отстаиваетъ психологическую невозможность вѣры въ положенія, противорѣчащія необходимо мыслимымъ сочетаніямъ, ближайшимъ образомъ въ тѣхъ интересахъ, чтобы установить психологическую необходимость вѣры въ положеніе о существованіи бытія, находящагося внѣ сознанія и служащаго объектомъ воспріятія; и самымъ высшимъ ручательствомъ за существованіе этого бытія служитъ для него здѣсь неразрывная связь въ сознаніи съ каждымъ воспріятіемъ представленія о предметѣ, существующемъ внѣ сознанія. А между тѣмъ это бытіе внѣ сознанія, по его собственной теоріи, само не только не должно имѣть никакихъ свойствъ предметовъ воспріемлемыхъ, но и должно быть безусловно не представимо для нашего сознанія, т. е. этой теоріей утверждается совершенная непредставимость для нашего сознанія того, что должно стать предметомъ нашей вѣры.

Философъ, который ограничилъ бы отрицательное значеніе обнаруживающейся неспособности сознанія соединить тѣ или другія представленія въ одинъ образъ исключительно тѣми предѣлами, въ которыхъ это значеніе вызывалось принятымъ имъ ученіемъ о неразрывной ассоціаціи какъ о высшемъ критеріи достовѣрности, могъ бы и не признавать по крайней мѣрѣ совершенно того же отрицательнаго значенія за невообразимостью другого рода, происходящею отъ недостаточнаго соотвѣтствія самихъ входящихъ въ сужденіе представленій

тѣмъ предметамъ, свойствамъ, принадлежностямъ и пр., съ которыми имѣетъ дѣло сознаніе при этихъ сужденіяхъ. Ученіе о необходимой мыслимости, объясняемой ассоціативными связями представленій, какъ о критеріи достовѣрности, требуетъ, конечно, признанія ложности положеній, утверждающихъ опредѣленное отношеніе между такими реальностями или явленіями, представленія о которыхъ не могутъ быть поставлены въ это отношеніе въ сознаніи. Но оно требуетъ этого не просто на основаніи невозможности построить въ этомъ случаѣ образъ, соотвѣтствующій этому сужденію, а потому что эта неспособность построить образъ есть именно неспособность поставить опредѣленныя представленія въ опредѣленное отношеніе и поэтому свидѣтельствуетъ о неразрывности, т. е. необходимой мыслимости противоположнаго этому отношенію ихъ соединенія; сказать иначе, оно требуетъ признанія ложности этихъ положеній вслѣдствіе обнаруживающагося на несоединимости представленій противорѣчія ихъ необходимо мыслимымъ сужденіямъ или неразрывнымъ ассоціаціямъ, признаннымъ за критерій достовѣрности. Но неспособность самихъ представленій, обозначающихъ извѣстные предметы, свойства, принадлежности и пр. давать точный наглядный образъ этихъ предметовъ, свойствъ и пр. можетъ совсѣмъ не сопровождаться неспособностью этихъ представленій сочетаваться другъ съ другомъ или съ другими представленіями въ одинъ образъ; а поэтому положеніямъ, въ которыя входятъ эти представленія, ничто не мѣшаетъ не стоять въ противорѣчіи ни съ какимъ необходимо мыслимымъ сужденіемъ, какъ это и слѣдуетъ сказать о выше указанныхъ астрономическихъ, физикальныхъ и др. положеніяхъ. Ничто не мѣшаетъ даже сочетаніямъ такихъ представленій самимъ достигать непосредственной ассоціативной неразрывности, какъ это должно слѣдовать изъ утверждаемой Спенсеромъ необходимой мыслимости для нашего сознанія положенія о внѣшней сознанію реальности, служащей объектомъ воспріятія. Въ виду всего этого можно признать, что философъ, который приписывалъ бы только то значеніе невообразимости, которое прямо слѣдовало изъ его ученія о необходимой мыслимости какъ критеріи достовѣрности, могъ бы не придавать невообразимости, происходящей отъ недостаточнаго соотвѣтствія представленій реальностямъ, того же значенія, какое онъ придавалъ сочетаніямъ, противорѣчащимъ необходимо мыслимымъ сужденіямъ.

Но результатъ оказывается совсѣмъ другой, когда Спенсеръ хочетъ придать невообразимости соотвѣтствующаго сужденію соединенія

представленій значеніе совершенно независимое отъ отношенія къ принимаемому имъ критерію достовѣрности [1]), когда прямо и непосредственно въ этой невообразимости онъ хочетъ видѣть даже не доказательство ошибочности сужденія, а психологически неодолимое препятствіе для самой его возможности. При такомъ взглядѣ вся сущность дѣла, очевидно, ставится въ значеніи для сужденія самаго факта невообразимости; а поэтому установленіе различія того значенія для вѣры, какое приписывается невообразимости самаго соединенія между опредѣленными реальностями или явленіями, отъ того значенія, какое должно принадлежать невообразимости самыхъ реальностей, могло бы искать для себя объясненія развѣ только въ различіи той роли, какую долженъ играть въ сужденіи образъ соединенія реальностей отъ роли представленій объ этихъ реальностяхъ.

Правда, на первый взглядъ представляется, что именно такое различіе въ сужденіи роли терминовъ отъ роли ихъ соединенія легко указать. Можно, повидимому, сказать, что на сколько сужденіе разсматривается какъ признаніе или утвержденіе опредѣленнаго отношенія между реальностями или явленіями, которыя обозначаются опредѣленными представленіями, на столько соединеніе этихъ представленій, соотвѣтствующее смыслу сужденія, должно признаваться прямо за обозначеніе того, что утверждается въ сужденіи. А поэтому можно, повидимому, безъ противорѣчія себѣ допускать въ сужденіи возможность (пусть и съ извѣстными ограничительными условіями) не вполнѣ отчетливаго созерцательнаго обозначенія ставимыхъ въ опредѣленное отношеніе другъ къ другу реальностей или явленій, которыя сами въ сужденіи не утверждаются, и въ то же время настаивать на безусловной необходимости для самаго совершенія акта сужденія вполнѣ отчетливаго, соотвѣтствующаго смыслу сужденія, соединенія представленій объ этихъ реальностяхъ или явленіяхъ, именно какъ созерцательнаго образа того, что утверждается въ сужденіи. Однако на самомъ дѣлѣ подобное разграниченіе въ сужденіи роли терминовъ отъ роли ихъ соединенія оказалось бы совершенно не пригоднымъ для той цѣли, съ какою оно здѣсь дѣлалось бы.

---

[1]) Спенсеръ при своихъ цитованныхъ выше разъясненіяхъ значенія неспособности соединить представленія въ образъ, соотвѣтствующій сужденію, самъ прямо говоритъ, что при этомъ остаются „въ сторонѣ всѣ вопросы касательно происхожденія этихъ (необходимыхъ или неразрывныхъ) связей, всѣ теоріи касательно ихъ значенія“, т. е. остается въ сторонѣ все то, на чемъ по Спенсеру должно основываться усвояемое необходимой мыслимости значеніе критерія достовѣрности.

Оно оказалось бы непригоднымъ для этой цѣли прежде всего уже потому, что подъ тѣмъ созерцательнымъ образомъ отношенія между субъектомъ и предикатомъ, невозможность котораго отожествляется Спенсеромъ съ психологическою невозможностью вѣры, долженъ разумѣться и, какъ показываетъ одинъ изъ вышеприведенныхъ цитатовъ, дѣйствительно разумѣется у Спенсера никакъ не образъ абстрактно взятаго отношенія, который обыкновенно вполнѣ возможенъ даже и при сужденіяхъ, противорѣчащихъ необходимо мыслимымъ сочетаніямъ, а образъ специфированнаго отношенія между опредѣленнымъ субъектомъ и опредѣленнымъ предикатомъ. А поэтому если простое, хотя бы и достаточно опредѣленное указаніе на отношеніе предиката къ субъекту безъ отчетливой данности его въ созерцаніи признается несовмѣстимымъ съ вѣрой въ это отношеніе и не признается именно вслѣдствіе того, что это отношеніе въ этомъ случаѣ остается все же отчетливо не вообразимымъ, то въ виду того, что подъ отношеніемъ здѣсь должно разумѣться не абстрактно взятое отношеніе, а специфированное отношеніе опредѣленнаго предиката къ опредѣленному субъекту, не можетъ также и соединеніе въ одномъ представленіи простыхъ, хотя и опредѣленныхъ указаній на предикатъ и субъектъ безъ отчетливаго ихъ созерцанія быть сочтено совмѣстимымъ съ вѣрой въ это отношеніе, такъ какъ отчетливо созерцательнаго представленія его какъ специфированнаго отношенія между опредѣленнымъ субъектомъ и опредѣленнымъ предикатомъ, очевидно, также и въ этомъ случаѣ не получится.

Непригоднымъ для цѣли указанное разграниченіе ролей въ сужденіи терминовъ и ихъ соединенія окажется еще очевиднѣе, когда мы возьмемъ во вниманіе тотъ фактъ, что сверхъ положеній, въ которыхъ предметъ относится къ опредѣленному классу или ему приписываются опредѣленныя свойства или принадлежности и пр., и въ которыхъ отношеніе между реальностями или явленіями естественно играетъ особую, доминирующую роль, представляя прямо то, что утверждается въ сужденіи,—сверхъ этихъ сужденій есть такъ называемыя простыя сужденія существованія, въ которыхъ эта самая роль принадлежитъ прямо этимъ самымъ реальностямъ или явленіямъ, существованіе которыхъ устанавливается сужденіемъ. И если эта именно роль и требуетъ отчетливаго созерцательнаго представленія того, что играетъ ее, то при простыхъ сужденіяхъ существованія должно быть во всякомъ случаѣ признано необходимымъ для вѣры такое же отчетливое созерцательное представленіе устанавливаемыхъ

этими сужденіями реальностей или явленій, какое признается необходимымъ для отношеній между реальностями или явленіями въ сужденіяхъ, устанавливающихъ эти отношенія.

Можно, конечно, и на простыя сужденія существованія смотрѣть какъ на сужденія, устанавливающія отношеніе, именно отношеніе между опредѣленнымъ предметомъ и существованіемъ. Но было бы грубой ошибкой, если бы при этомъ подразумѣвалось, что въ простыхъ сужденіяхъ о существованіи того или другого предмета представленіе существованія играетъ совершенно ту же роль, что и представленіе, напримѣръ, о свойствѣ или принадлежности предмета въ сужденіяхъ, приписывающихъ предмету это свойство или принадлежность. Представленіе о существованіи вовсе не составляетъ какого-либо особаго элемента, входящаго исключительно въ сужденія, приписывающія предметамъ существованіе, все равно о какомъ бы существованіи ни шла рѣчь, о бытіи ли метафизическомъ или о существованіи въ области явленій. Собственно всѣ сужденія, все равно о метафизическихъ реальностяхъ или явленіяхъ, и о какихъ бы связяхъ или отношеніяхъ между ними ни шла въ нихъ рѣчь, иначе и нельзя разсматривать какъ сужденія о существованіи, такъ какъ въ нихъ, какъ и въ простыхъ сужденіяхъ существованія, утверждается также существованіе, только не существованіе того или другого предмета, которое, наоборотъ, здѣсь уже заранѣе предполагается или условно, гипотетически принимается, а существованіе извѣстныхъ связей или отношеній между или существующими вещами или вещами гипотетически принятыми за существующія и разсматриваемыми подъ условіемъ этого гипотетически предположеннаго ихъ существованія. Вѣдь когда мы опредѣленному предмету приписываемъ опредѣленную принадлежность или когда утверждаемъ, что за извѣстнымъ фактомъ законосообразно слѣдуетъ опредѣленный другой фактъ, мы утверждаемъ эту принадлежность или это слѣдованіе въ томъ самомъ бытіи, къ которому относимъ самый этотъ предметъ или самый этотъ фактъ. Такъ называемая связка, выражаемая вспомогательнымъ глаголомъ „есть“, представляетъ въ собственномъ смыслѣ утвержденіе существованія, только существованія не предмета, бытіе котораго заранѣе предполагается какъ извѣстное или условно принимается, а какого-либо отношенія его къ какой-либо другой реальности или явленію. Говоря: „китъ есть животное млекопитающее“, я, несомнѣнно, словомъ „есть“ точно также утверждаю существованіе какъ и въ сужденіи: „есть болѣзнетворные микробы“, только

утверждаю существованіе не подлежащаго этого сужденія, какъ въ послѣднемъ сужденіи,—бытіе подлежащаго въ этомъ сужденіи предположено какъ уже заранѣе извѣстное,—а существованіе опредѣленнаго отношенія этого уже извѣстнаго по бытію предмета къ опредѣленному процессу вскармливанія дѣтенышей. Актъ сужденія есть актъ познанія чего-либо, слѣдовательно актъ, который предполагаетъ нѣчто, не созидаемое имъ самимъ, а только выслѣживаемое, констатируемое, слѣдовательно въ отношеніи къ самому этому акту независимое. Даже говоря о своихъ собственныхъ представленіяхъ, напримѣръ, утверждая, что извѣстное мое представленіе неразрывно связано съ опредѣленнымъ другимъ представленіемъ, невообразимо мною безъ этого другого, я въ этомъ сужденіи только констатирую связь, мною только находимую, хотя и въ моемъ собственномъ сознаніи, а не создаваемую этимъ сужденіемъ. Хотя бы эта связь и зависѣла отъ прежней моей же психической жизни, даже, если угодно, отъ прежнихъ моихъ сужденій, во всякомъ случаѣ настоящее сужденіе мое о ней предполагаетъ ея существованіе независимое отъ него, (конечно въ данномъ случаѣ существованіе не во внѣшней мнѣ дѣйствительности, а въ моемъ собственномъ сознаніи) и актъ сужденія есть актъ утвержденія этого независимаго отъ сужденія существованія этой связи [1]).

Если же это такъ, если всякое сужденіе, подобно простымъ сужденіямъ о существованіи, есть также по самому существу своему сужденіе о существованіи, только утверждающее существованіе того или другого дополненія къ другому уже установленному или гипотетически предположенному существованію, то желая смотрѣть на простыя сужденія существованія какъ на утвержденія отношенія между предметомъ и существованіемъ, мы не должны забывать, что и всѣ остальныя сужденія превратятся въ утвержденіе такого отношенія, однимъ членомъ котораго обязательно окажется существованіе, а все остальное одинаково какъ въ простыхъ сужденіяхъ существованія, такъ и во всѣхъ сужденіяхъ, въ которыхъ дѣло идетъ о разнообразныхъ отношеніяхъ между реальностями или явленіями, окажется играющимъ одну и тѫ же роль, именно роль другого члена того отношенія, однимъ и непремѣннымъ членомъ котораго оказалось бы существованіе, т. е. все остальное одинаково получитъ значеніе того, чему именно приписывается существованіе. Вслѣдствіе этого, требовать отчетливаго

[1]) О томъ же см. также въ моей брош. „Разборъ мнѣнія Милля о постулятахъ геометрич. знанія“, стр. 8—16.

созерцательнаго образа предмета, которому приписывается существованіе въ простыхъ сужденіяхъ существованія, будетъ, очевидно, то же самое право, какъ и требовать отчетливаго созерцательнаго образа отношенія между реальностями или явленіями въ сужденіяхъ, устанавливающихъ подобныя отношенія. И если сужденія послѣдняго рода считаются прямо невозможными безъ вполнѣ отчетливаго представленія того, что въ нихъ утверждается, то было бы противорѣчіемъ считать возможными сужденія, утверждающія существованіе того или другого предмета, о которомъ мы не можемъ составить отчетливый созерцательный образъ.

Этимъ разъясненіемъ, правда, непосредственно устанавливается только необходимость, при признаніи Спенсерова ученія о невозможности вѣры въ невообразимыя сочетанія, распространить это ученіе и на такія сужденія существованія, въ которыхъ существованіе приписывается вещамъ, не способнымъ получить отчетливый созерцательный образъ въ нашемъ сознаніи. Но послѣдовательность ведетъ и далѣе. Если о предметѣ и, конечно также, о свойствахъ, принадлежностяхъ и пр., о которыхъ мы не можемъ составить точно соотвѣтствующихъ имъ представленій, мы не можемъ образовать сужденія, утверждающаго ихъ существованіе, т. е. если психологически невозможна для насъ вѣра въ существованіе подобныхъ предметовъ и пр., то и всѣ положенія объ отношеніяхъ, въ которыя входятъ представленія о вещахъ этого рода, должны разсматриваться какъ положенія, трактующія о вещахъ, неспособныхъ относиться къ міру какой бы то ни было могущей возбудить въ насъ вѣру, будетъ ли то внѣшней или внутренней, феноменальной или метафизической дѣйствительности. И пусть отсюда нельзя вывести того, что можно бы было вывести изъ ранѣе даннаго объясненія, именно, что такія положенія вообще не могутъ возбудить нашей вѣры, т. е. не могутъ имѣть значенія даже въ смыслѣ твердой установки связи между произвольно гипотетическими принятыми за дѣйствительные предметами, свойствами, принадлежностями и пр. Но во всякомъ случаѣ отсюда будетъ слѣдовать, что никакое подобное сужденіе не можетъ разсматриваться какъ сужденіе о дѣйствительно существующихъ или способныхъ существовать предметахъ, свойствахъ и пр. Но и этого вывода, конечно, вполнѣ достаточно для того, чтобы съ точки зрѣнія разсматриваемаго Спенсерова ученія о психологической невозможности вѣры лишить всякаго познавательнаго значенія всѣ вышеуказанныя астрономическія, физикальныя и другія

ученія, а равно признаваемое имъ стоящимъ внѣ всякаго сомнѣнія положеніе о внѣшнемъ непознаваемомъ бытіи.

Такимъ образомъ оказывается, что теорія психологической невозможности сужденія безъ точнаго созерцательнаго образа того, что утверждается въ немъ, будучи проведена на почвѣ эмпиристической гносеологіи въ должной послѣдовательности, вмѣсто того, чтобы представить собою твердый фундаментъ для научнаго знанія, сама грозитъ привести къ рѣшительному отрицанію научнаго значенія огромной массы достаточно твердо, повидимому, установившихся научныхъ положеній и даже прямо закрываетъ для знанія области, въ которыхъ наука считается достигнувшей твердыхъ результатовъ.

Нельзя сказать, чтобы Спенсеръ, признавая совершенную невозможность вѣры въ противорѣчащія необходимо-мыслимымъ сочетаніямъ положенія и мотивируя ее неспособностію мысли устанавливать сужденіе безъ сознательнаго образа того отношенія, которое утверждается въ немъ, не сознавалъ потребности расширить это отрицаніе возможности вѣры и на положенія, въ которыя входятъ представленія, точно несоотвѣтствующія обозначаемымъ ими предметамъ, свойствамъ, принадлежностямъ и пр. Если въ своихъ „Основаніяхъ психологіи“, имѣя въ виду тверже обставить значеніе въ познавательныхъ процессахъ необходимой мыслимости, принятой имъ за критерій достовѣрности, онъ выдвигаетъ на передній планъ мысль о нашей неспособности вѣрить собственно невообразимому отношенію между субъектомъ и предикатомъ, то въ своихъ „Основныхъ Началахъ“, доказывая совершенную недоступность для знанія конечныхъ идей, какъ религіозныхъ, такъ и научныхъ [1]), онъ постоянно ссылается на немыслимость или невообразимость тѣхъ или другихъ понятій, входящихъ въ содержаніе этихъ идей, а полемику свою противъ религіозныхъ идей о происхожденіи вселенной (теизмъ, пантеизмъ и атеизмъ) прямо сводитъ къ указанію на невообразимость предполагаемаго всѣми этими идеями безконечнаго истекшаго времени [2]). Нельзя сказать и того, чтобы Спенсеръ не сознавалъ затрудненій, которыя при объясненіи фактическаго научнаго знанія должны соединяться съ взглядомъ, требующимъ отчетливаго созерцательнаго образа для всего, съ чѣмъ имѣетъ дѣло знаніе, и не старался разрѣшить недоумѣній, способныхъ отсюда возникнуть. При-

[1]) Part. I. Chap. II и III.

[2]) First. Princ. 35—36.

ступая къ критикѣ конечныхъ религіозныхъ идей, онъ предваряетъ ее [1]) изложеніемъ своего взгляда на такъ называемыя имъ символическія понятія, подъ которыми онъ именно разумѣетъ представленія, не могущія быть признаны точными созерцательными образами вещей, ими обозначаемыхъ, и къ которымъ, слѣдовательно, должны относиться какъ тѣ понятія, на непригодность которыхъ онъ долженъ вслѣдъ за тѣмъ ссылаться въ своей критикѣ конечныхъ религіозныхъ и научныхъ идей, такъ и тѣ, которыми пользуется наука во многихъ своихъ общепринятыхъ положеніяхъ; и его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы установить опредѣленную грань между тѣми случаями, когда законно можно пользоваться символическими понятіями, и тѣми, когда употребленіе ихъ должно быть признано незаконнымъ. Здѣсь онъ рѣшительно признаетъ, что очень многія изъ нашихъ понятій отличаются символическимъ характеромъ, что большія величины, большіе періоды времени, большія числа не могутъ быть представлены адэкватно и представляются болѣе или менѣе символически и что сюда же должны быть причислены даже и всѣ понятія о классахъ предметовъ, обнимающія въ себѣ громадное число индивидуумовъ. Не менѣе рѣшительно признаетъ онъ здѣсь, что образованіе символическихъ понятій есть процессъ по большей части полезный и даже необходимый, хотя употребленіе ихъ можетъ вести и къ заблужденіямъ. Въ результатѣ своихъ разъясненій относительно законнаго и незаконнаго, приводящаго къ заблужденіямъ пользованія ими, онъ приходитъ къ мысли, что символическія понятія законны, когда въ реальномъ значеніи ихъ можно увѣриться съ помощію какого-нибудь сложнаго или непрямого мыслительнаго процесса или же чрезъ исполненіе предсказаній, на нихъ основанныхъ; если же ни то, ни другое невозможно, тогда понятіе должно быть признано иллюзорнымъ, не отличающимся отъ простой фикціи.

Однако не трудно видѣть, что такое различеніе законныхъ и незаконныхъ символическихъ понятій, какова бы ни была цѣнность его самого по себѣ безотносительно съ Спенсеровой теоріи знанія, совсѣмъ не пригодно къ разрѣшенію тѣхъ затрудненій, съ которыми связано введеніе этихъ понятій въ науку съ точки зрѣнія этой теоріи. Послѣ сложнаго или косвеннаго процесса, убѣждающаго въ реальномъ значеніи того или другого символическаго понятія, или послѣ достигающаго той же цѣли исполненія предсказаній, на немъ осно-

[1]) Ibid., 25—29.

ванныхъ, само это понятіе, конечно, остается столь же не отчетливымъ представленіемъ обозначаемой имъ вещи, какимъ оно было и до этихъ процессовъ. Громадныя астрономическія величины и протяженія, чрезвычайная скорость движенія астрономическихъ тѣлъ, точно также какъ чрезмѣрная быстрота колебаній эѳира и прочее, для которыхъ воображеніе фактически не можетъ создать точно соотвѣтствующаго имъ образа, конечно, останутся для насъ невообразимыми и послѣ какихъ бы то ни было косвенныхъ основаній, ведущихъ къ признанію ихъ реальной значимости. И если въ виду множества фактически существующихъ въ знаніи и признаваемыхъ научно состоятельными положеній, въ которыя входятъ такъ называемыя символическія понятія, Спенсеръ считаетъ возможнымъ признать, что многія изъ этихъ понятій должны считаться законными на основаніи сложныхъ или не прямыхъ процессовъ, ихъ оправдывающихъ, или на основаніи исполненія основанныхъ на нихъ предсказаній, то отсюда должно слѣдовать только то, что невообразимость предметовъ, свойствъ и пр., вопреки разъясненной выше послѣдовательности его взгляда на условіе необходимой психологической вѣры, Спенсеръ не считаетъ за неминуемое или роковое условіе невозможности вѣры, не отожествляетъ столь же рѣшительно съ неспособностію думать объ этихъ предметахъ, свойствахъ и пр., какъ онъ отожествлялъ съ неспособностью думать тѣ или другія сочетанія невообразимость этихъ сочетаній. Но отсюда противорѣчіе этого взгляда дѣйствительной послѣдовательности его ученія о психологической невозможности вѣры не перестаетъ оставаться противорѣчіемъ. Конечно, этотъ взглядъ не стоитъ въ противорѣчіи съ его ученіемъ о критеріи достовѣрности: Спенсеръ, на сколько онъ, все равно правильно или неправильно, настаиваетъ на признаніи именно непосредственной необходимой мыслимости наивысшимъ критеріемъ достовѣрности, имѣлъ право отрицать значеніе какихъ бы то ни было косвенныхъ доказательствъ въ пользу положенія, противорѣчащаго сужденію, характеризующемуся этою непосредственною необходимою мыслимостію; и это не могло помѣшать ему признать значеніе этого рода доказательствъ для положеній, которыя имѣютъ дѣло съ невообразимыми предметами, свойствами и прочее, но которыя не стоятъ въ противорѣчіи ни съ какимъ непосредственно необходимо мыслимымъ положеніемъ. Но въ такомъ случаѣ вѣру въ положенія, противорѣчащія сужденіямъ, характеризующимся непосредственною необходимою мыслимостію, онъ долженъ былъ признать только логически не законною, а не вмѣстѣ и психологически невозможною и не имѣлъ право

ссылаться прямо на невообразимость этихъ положеній совершенно независимо отъ всякаго взгляда на происхожденіе необходимой мыслимости и на ея значеніе.

И замѣчательно, что условія, при которыхъ по Спенсеру символическія понятія дѣлаются законными, оказываются совершенно тѣми же самыми, какимъ по требованію науки должны удовлетворять для того, чтобы получить право на научное значеніе, понятія не символическія только, а какія угодно, съ какою бы отчетливостію ни представлялись ими обозначаемые предметы, какъ скоро эти понятія не заимствованы непосредственно изъ воспріятія тѣхъ предметовъ, обозначеніями которыхъ они служатъ. Сложныя или косвенныя основанія, подтверждающія шарообразность земли, или исполненіе астрономическихъ предсказаній, подтверждающее астрономическія ученія, не менѣе потребовались бы для установленія научнаго значенія понятія о шарообразности земли и другихъ астрономическихъ идей также и въ томъ случаѣ, если бы наше воображеніе способно было вполнѣ точно конструировать громадныя астрономическія тѣла, разстоянія и движенія, чѣмъ все это требуется теперь при безсиліи нашего воображенія. Выходитъ такимъ образомъ, что по ученію Спенсера объ условіяхъ признанія законности символическихъ понятій, эти понятія вмѣсто того, чтобы дѣлать психологически невозможной нашу вѣру, какъ послѣдовательно требовалось бы это его теоріей невозможности вѣры въ невообразимыя сочетанія, прямо наоборотъ должны считаться вовсе непредставляющими, въ качествѣ именно символическихъ, никакихъ особыхъ препятствій для вѣры или хотя и представляющими препятствія, но настолько логически не цѣнныя, что для установки логической значимости сужденій, въ которыя они входятъ, нисколько не возвышаются требованія сравнительно съ требованіями отъ всякихъ другихъ понятій. Здѣсь уже отступленіе передъ фактомъ, противорѣчащимъ теоріи, идетъ, очевидно, далѣе, чѣмъ требовалось. Что неспособность отчетливо представить предметы, о которыхъ говоритъ то или другое положеніе, во всякомъ случаѣ представляетъ затрудненіе для довѣрія къ этому положенію, объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ исторія сознанія. И съ другой стороны, по теоріи эволюціи Спенсера, эта неспособность должна считаться результатомъ организаціи, развивавшейся подъ вліяніемъ многовѣковаго опыта, и поэтому въ виду того значенія, которое онъ вообще придаетъ опыту, никакъ не можетъ считаться имъ лишенной всякаго логическаго значенія, хотя вслѣдствіе тѣхъ особенностей въ ея образованіи, вслѣдствіе которыхъ она не пред-

ставляетъ коррелята необходимой мыслимости, онъ и имѣетъ право не придавать ей того безусловнаго логическаго значенія, которое приписалъ онъ невообразимости сочетаній опредѣленныхъ представленій.

Такъ какъ въ вопросѣ о метафизической дѣйствительности, обусловливающей внѣшнія воспріятія, дѣло идетъ по ученію Спенсеровой философіи уже не о предметѣ, неспособномъ имѣть только отчетливаго созерцательнаго образа въ нашемъ сознаніи, а о предметѣ, который по Спенсеру долженъ считаться безусловно недоступнымъ нашему представленію, то Спенсеръ въ „Основныхъ началахъ“ [1]) самъ особо останавливается надъ вопросомъ, какъ возможны познавательные акты, къ ней относящіеся. И онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ здѣсь въ томъ смыслѣ, что не смотря на безусловную недоступность представленію этой дѣйствительности, все же должно существовать, хотя и вполнѣ неопредѣленное, сознаваніе ея, и притомъ имѣющее безусловно принудительный характеръ. Но если это такъ, то это значитъ, что при установкѣ существованія предмета, при которой, какъ разъяснено выше, представленіе предмета играетъ ту же самую роль, какую играетъ отношеніе между реальностями или явленіями при установкѣ такого рода отношеній, Спенсеромъ допускается возможность сужденія какъ акта вѣры даже при почти безусловной непредставимости предмета, не допускающаго никакой опредѣленности въ его сознаваніи. Но противорѣчіе между этимъ ученіемъ Спенсера о метафизической дѣйствительности и его теоріей о психологической невозможности вѣры въ невообразимыя сочетанія на самомъ дѣлѣ еще прямѣе. Относительно метафизической реальности, обусловливающей воспріятіе, Спенсеромъ не только устанавливается ея существованіе, но для того, чтобы самое это признаніе ея существованія получило значеніе для того объясненія воспріемлемаго міра, для котораго оно только и вводится, въ ней неизбѣжно долженъ предполагаться и дѣйствительно предполагается [2]) порядокъ отношеній и перемѣнъ, соотвѣтствующій (какъ бы ни было посредственно и отдаленно это соотвѣтствіе) отношеніямъ и измѣненіямъ въ мірѣ воспріемлемомъ. Но эти неизбѣжно допускаемыя въ этой реальности отношенія не могутъ имѣть въ нашемъ сознаніи соотвѣтствующаго образа уже не только вслѣдствіе предполагаемой безусловной непостижимости для насъ качественностей, которыя ставятся въ эти отношенія, и даже не только вслѣдствіе совершенной неизвѣст-

[1]) Ibid., 87—97.

[2]) См. §§ 472—473. Основ. псих.

ности для насъ самыхъ этихъ отношеній, но и вслѣдствіе завѣдомой полной непредставимости ихъ самихъ для насъ. Вѣдь по взгляду самого Спенсера всякія положенія о метафизической реальности (за исключеніемъ мысли о самомъ ея существованіи), касающіяся всѣхъ важнѣйшихъ постигаемыхъ нами отношеній, при развитіи этихъ положеній въ должной послѣдовательности ведутъ только къ взаимнопротиворѣчивымъ и нелѣпымъ выводамъ и тѣмъ, конечно, свидѣтельствуютъ, что всѣ представимыя нами отношенія совсѣмъ не подходятъ къ метафизической реальности. Такимъ образомъ съ самымъ актомъ признанія существованія метафизической реальности оказывается неразрывно соединеннымъ признаніе существованія въ ней во всякомъ смыслѣ совершенно непредставимыхъ для насъ отношеній, т. е. прямо такое признаніе, которое по теоріи невозможности вѣры въ невообразимыя сочетанія должно быть сочтено безусловно невозможнымъ.

6. Необходимыя поправки къ Спенсерову ученію о значеніи научнаго знанія.

Если необходимая мыслимость не можетъ безъ явнаго противорѣчія фактамъ и взглядамъ, признаваемымъ самимъ эмпиризмомъ, быть сочтена условіемъ психологически необходимой вѣры, то не должны ли мы отсюда заключать, что послѣдовательный эмпиризмъ, не имѣя возможности, какъ мы видѣли ранѣе, дать логическое оправданіе послѣднимъ посылкамъ знанія, а съ ними и всему знанію, совсѣмъ не можетъ въ то же время поставить также твердую и строго опредѣленную грань между наукой и необоснованными мнѣніями на основаніи различія ихъ со стороны чисто психологическаго значенія для жизни сознанія?

Справедливость, мнѣ кажется, заставляетъ признать, что очевидныя несогласованности Спенсерова ученія о психологической необходимости вѣры съ фактами и собственными взглядами Спенсера во всякомъ случаѣ составляютъ только результатъ недостаточной послѣдовательности въ проведеніи имъ основныхъ принциповъ его системы.

1.

Одна изъ этихъ непослѣдовательностей легко можетъ быть установлена уже на основаніи подробно даннаго выше критическаго разбора Спенсеровой гносеологіи.

Подобно тому какъ для Спенсеровой философіи и для представляемаго ею новаго эмпиризма было бы во всякомъ случаѣ послѣдовательнѣе искать наивысшаго критерія достовѣрности не просто въ необходимой мыслимости положенія, а подъ дополнительнымъ условіемъ, чтобы это положеніе по самому своему содержанію не допускало серьезныхъ остающихся безъ разрѣшенія возраженій со стороны развивающагося опыта, такъ и при стремленіи новаго эмпиризма искать опоры для знанія въ психологически необходимой вѣрѣ было бы послѣдовательнѣе условіе такой вѣры также видѣть не просто въ необходимой мыслимости сужденія, а въ этой необходимой мыслимости, дополненной тѣмъ же ограничительнымъ условіемъ.

По раздѣляемому новымъ эмпиризмомъ ассоціанистическому ученію ассоціація должна порождать вѣру тѣмъ большей интенсивности, чѣмъ тѣснѣе образовавшаяся связь между представленіями; а поэтому психологически совершенно необходимая вѣра должна получаться тогда, когда эта ассоціація достигаетъ наивысшей возможной для нея степени интенсивности. Съ другой стороны по дѣйствительной, а не Спенсеровой послѣдовательности того же ученія должно быть, конечно, признано, что всякое серьезное возникшее, но остающееся неразрѣшеннымъ возраженіе противъ необходимо мыслимаго положенія, хотя можетъ и не сопровождаться услѣдимымъ для сознанія ослабленіемъ ассоціативной связи между входящими въ него представленіями, окрѣпшей до необходимой мыслимости, однако не можетъ, подобно всякой отрицательной инстанціи противъ положенія, опирающагося на ассоціативную связь, не разсматриваться какъ мотивъ къ такому ослабленію. И пока возраженіе остается передъ сознаніемъ безъ отвѣта, этотъ мотивъ, конечно, не можетъ не считаться мотивомъ, постоянно фактически дѣйствующимъ въ этомъ направленіи и способнымъ вліять на вѣру, что выражается уже, какъ было показано выше, въ той раздвоенности сознанія, въ силу которой возраженіе и получаетъ смыслъ возраженія, т. е. чего-то такого, что противопоставляетъ вѣрѣ въ положеніе другую вѣру. Ясно, слѣдовательно, что наивысшая интенсивность вѣры, отожествляемая съ психологически совершенно необходимой вѣрой, по послѣдовательному ассоціанистическому ученію, должна получаться тогда, когда достигшая неразрывности ассоціація не встрѣчается рѣшительно ни съ чѣмъ, что̀ претендуетъ на право вызывать вѣру противоположную.

И если бы Спенсеръ психологическую необходимость вѣры обусловливалъ не просто необходимою мыслимостью положенія, а необ-

ходимою мыслимостью его при дополнительномъ условіи, т. е. при отсутствіи возраженій противъ него, то точно такъ же, какъ при подобномъ же дополненіи его критерія достовѣрности, во всякомъ случаѣ многія изъ тѣхъ явныхъ его непослѣдовательностей и противорѣчій фактамъ исторіи научнаго знанія, которыя, какъ мы видѣли, связаны съ его теоріей психологической необходимости вѣры въ необходимо мыслимыя положенія, исчезли бы. Если бы Спенсеръ призналъ, что одна необходимая мыслимость безъ указаннаго дополнительнаго условія можетъ и не сопровождаться безусловной полнотой психической вѣры, то онъ, конечно, не имѣлъ бы повода поддаться соблазну настаивать на привлекательной на первый взглядъ, но совершенно ошибочной мысли, будто отчетливый созерцательный образъ утверждаемой въ сужденіи связи между явленіями есть необходимое психологическое условіе каждаго сужденія. Эта ошибочная мысль, прямо наоборотъ, стояла бы въ такомъ случаѣ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ его взглядомъ на условное лишь значеніе необходимой мыслимости для психологически необходимой вѣры. Точно также если бы Спенсеръ допускалъ возможность ослабленія вѣры въ необходимо мыслимое положеніе при возникновеніи въ сознаніи серьезныхъ возраженій противъ этого положенія, его взглядъ на условіе необходимой психологически вѣры во всякомъ случаѣ не сталкивался бы враждебно съ несомнѣнными историческими фактами ослабленія, а затѣмъ и совершеннаго уничтоженія вѣры въ такія положенія, которыя по ассоціанистическимъ взглядамъ на происхожденіе необходимо мыслимаго должны были имѣть въ человѣческомъ сознаніи характеръ необходимо мыслимыхъ положеній, и даже съ признанными имъ самимъ случаями искренняго утвержденія людьми положеній, противорѣчащихъ необходимо мыслимымъ сужденіямъ. Вѣдь во многихъ и изъ этихъ послѣднихъ случаевъ утвержденіе, противорѣчащее тому или другому необходимо мыслимому положенію, несомнѣнно, возникало изъ дѣйствительнаго или мнимаго столкновенія этого положенія съ результатами развивающагося опыта, а поэтому не вызывало бы никакой нужды въ особомъ объясненіи со стороны философа, который бы признавалъ необходимость психологической вѣры въ необходимо мыслимыя положенія лишь при полномъ отсутствіи такихъ столкновеній. Понятно, что вмѣстѣ съ тѣмъ Спенсеръ не имѣлъ бы и повода составлять свое, разобранное выше, явно несостоятельное объясненіе искренне утверждаемой и въ то же время мнимой вѣры.

Съ другой стороны ограниченіе необходимой психологической вѣры

лишь тѣми необходимо мыслимыми положеніями, которыя не возбуждаютъ противъ себя серьезныхъ недоумѣній, послѣдовательно приводило бы и къ ограниченію психологической невозможности вѣры въ немыслимыя или невообразимыя представленія также только тѣми случаями, когда эти немыслимыя представленія не имѣютъ серьезныхъ основаній въ пользу своего соотвѣтствія съ дѣйствительностью; а поэтому оно устраняло бы разъясненную выше трудность для Спенсера оправдать законность вводимыхъ наукой такъ называемыхъ символическихъ понятій, т. е. понятій немыслимыхъ или невообразимыхъ, на которыхъ, однако, основываются цѣлые отдѣлы знанія. Его по существу совершенно правильное оправданіе законности введенія этихъ понятій въ науку ссылкой на существованіе тѣхъ или другихъ твердыхъ косвенныхъ обоснованій для нихъ въ опытѣ не становилось бы въ такомъ случаѣ въ рѣзкое противорѣчіе съ его ученіемъ объ условіяхъ необходимой психологически вѣры, такъ какъ по этому ученію немыслимость или невообразимость перестала бы тогда безусловно исключать всякую вѣру и допускала бы возможность объясненія и оправданія немыслимаго или невообразимаго косвенными основаніями въ его пользу.

Такимъ образомъ, для того, чтобы при разъясненіи значенія для сознанія положеній, играющихъ роль послѣднихъ посылокъ знанія, не стать въ противорѣчіе со многими и разнообразными фактами жизни научнаго сознанія, Спенсерова философія должна бы была смотрѣть на эти положенія не только какъ на необходимо-мыслимыя положенія, но и какъ на такія положенія, противъ значимости которыхъ нѣтъ серьезныхъ возраженій въ развивающемся опытѣ [1]). Однако, одна эта поправка Спенсерова ученія объ условіяхъ необходимой психологически вѣры никакъ не была бы достаточна для разъясненія значенія послѣднихъ посылокъ знанія. Конечный результатъ и при ней долженъ бы оказаться такимъ же отрицательнымъ, какъ и конечный результатъ попытки исправить Спенсерово ученіе о критеріи достовѣрности при помощи дополненія необходимой мыслимости сужденія, принимаемый имъ за этотъ критерій, тѣмъ же условіемъ отсутствія возраженій противъ необходимо мыслимаго сужденія. Какъ въ послѣд-

[1]) Возраженія противъ безусловной значимости геометрическихъ аксіомъ прежде всего имѣли въ виду разъясненіе возможности иныхъ, отличающихся отъ нашего, пространствъ. Въ отношеніи же къ нашему пространству защитники новой геометріи согласно утверждали отсутствіе какихъ-либо данныхъ для утвержденія несоотвѣтствія его съ аксіомами, а, слѣдовательно, и для какихъ-либо возраженій противъ значенія аксіомъ во всей сферѣ нашего опыта.

немъ случаѣ, хотя это дополненіе возвышаетъ критерій необходимой мыслимости надъ многими возраженіями противъ его значимости, но не устраняетъ того возраженія противъ нея, которое обусловливается самою сущностью новаго эмпиризма, его отрицаніемъ умозрительной очевидности логическихъ формулъ, такъ нѣчто подобное неизбѣжно должно произойти при такомъ же дополненіи необходимой мыслимости, разсматриваемой въ качествѣ психологическаго бузусловно принудительнаго мотива вѣры. Различіе лишь въ томъ, что роль отрицательной инстанціи здѣсь играетъ неотрицаемая Спенсеромъ самая способность человѣческаго сознанія критически отнестись ко всякой чисто психологической вѣрѣ, какъ скоро оно задается вопросомъ о ея логической состоятельности.

Если необходимо мыслимое сужденіе, противъ котораго не возникаетъ въ опытѣ какихъ бы то ни было возраженій по самому его содержанію, и для послѣдовательнаго ассоціациста и само по себѣ должно представлять, несомнѣнно, условіе психологической вѣры въ большей степени интенсивной, чѣмъ необходимо мыслимое сужденіе, противъ котораго существуютъ этого рода возраженія, то это все же нисколько не препятствуетъ тому, чтобы при развитіи критическаго сознанія эта чисто психологическая вѣра сталкивалась съ вопросомъ о логической ея значимости, о возможности для нея быть логически оправданной изъ условія, невольно ее возбуждающаго. И если эта психологическая вѣра, какъ это принимаетъ Спенсеръ, есть актъ утвержденія положенія, т. е. актъ теоретическаго признанія его за истину, то и въ отношеніи къ этому акту законно спросить: какимъ образомъ критическій вопросъ и результаты критическаго изслѣдованія не могли бы имѣть вліянія на него или какимъ образомъ этотъ актъ утвержденія при наличности ихъ могъ бы сохранить чисто психологическій характеръ? Спенсеръ, конечно, потому именно и строитъ свою неудачную, ведущую, къ противорѣчіямъ и несообразностямъ теорію необходимости отчетливаго созерцательнаго соединенія представленій для акта сужденія какъ акта вѣры, что сознаетъ невозможность отстаивать абсолютную психологическую принудительность вѣры при развитіи критическаго сознанія, если опираться исключительно на несомнѣнный при обычныхъ условіяхъ сознанія фактъ связи ассоціаціи съ вѣрой. Но какимъ образомъ помогло бы здѣсь дѣлу введеніе дополнительнаго условія, отсутствія серьезныхъ возраженій противъ необходимо мыслимаго сужденія?

Конечно, съ перваго взгляда можетъ показаться, что для устра-

ненія указаннаго затрудненія дѣйствительно можно воспользоваться этимъ дополнительнымъ условіемъ. Почему, казалось бы, подъ этимъ отсутствіемъ возникающихъ и остающихся неразрѣшенными возраженій не разумѣть также и возникающихъ и могущихъ оставаться неразрѣшенными всякихъ недоумѣній критическаго рода? При такомъ опредѣленіи условій необходимой психологической вѣры всѣ случаи встрѣчи въ сознаніи психологической вѣры съ критическими возраженіями противъ ея значимости будутъ, очевидно, заранѣе исключены изъ числа случаевъ такой вѣры, которая должна быть признана психологически необходимой; а поэтому признать психологическую необходимость вѣры въ необходимо мыслимыя сужденія, отвѣчающія дополнительному требованію, затрудненій, конечно, не окажется. Но дѣло въ томъ, что въ такомъ случаѣ для психологически необходимой или безусловно принудительной вѣры исчезла бы всякая возможность изъявлять притязаніе на то, чтобы считаться основаніемъ для различенія принциповъ знанія отъ всякихъ положеній, не способныхъ претендовать на научное значеніе, такъ какъ критическій вопросъ, какъ вопросъ, касающійся логической значимости самой необходимой мыслимости положенія, въ противоположность всякимъ другимъ недоумѣніямъ, касающимся тѣхъ и другихъ необходимо мыслимыхъ сужденій со стороны ихъ содержанія, обнимаетъ всѣ необходимо мыслимыя сужденія, къ которымъ и должны по Спенсеру сводиться всѣ принципы знанія. А поэтому въ психологически необходимой вѣрѣ искать основанія для того значенія, которое должны имѣть послѣднія посылки знанія, и въ то же время толковать дополнительное, сверхъ необходимой мыслимости, условіе этой вѣры въ смыслѣ отсутствія не недоумѣній только, касающихся содержанія этихъ положеній, но и обще-критическихъ недоумѣній относительно логическаго значенія самой необходимой ихъ мыслимости, — это значитъ отказывать даже послѣднимъ посылкамъ знанія въ какомъ-либо особомъ значеніи, способномъ положить различіе между знаніемъ и произвольнымъ мнѣніемъ.

Такимъ образомъ, толковать дополнительное къ необходимой мыслимости сужденія условіе въ смыслѣ отсутствія серьезныхъ недоумѣній противъ этого сужденія, касающихся даже логическаго значенія самой необходимой мыслимости, очевидно, нельзя. Но если понимать его въ смыслѣ отсутствія только возраженій противъ сужденія по самому его содержанію, то хотя при такомъ толкованіи это дополненіе и оказывается, какъ мы видѣли, полезнымъ для того, чтобы ученіе объ условіяхъ необходимой психологической вѣры не стало въ рѣши-

тельное противорѣчіе съ неоспоримыми фактами жизни сознанія, но въ то же время оно не только не устраняетъ главное затрудненіе въ ученіи о безусловно принудительной психологической вѣрѣ, несогласимость ея съ неизбѣжнымъ при послѣдовательномъ эмпиризмѣ отрицаніемъ логической состоятельности вѣры, основывающейся на необходимой мыслимости, но и дѣлаетъ эту несогласимость наиболѣе рѣзкой и очевидной. Вѣдь самымъ этимъ дополненіемъ условія психологически необходимой вѣры открыто допускается, что серьезныя возраженія по содержанію необходимо мыслимаго сужденія должны колебать вѣру въ него. Такимъ образомъ допускается вліяніе на эту вѣру разсуждающаго сознанія, и даже такое вліяніе, черезъ которое эта вѣра изъ безусловно принудительной для сознанія дѣлается менѣе принудительной, ослабѣваетъ и даже исчезаетъ. Какая же возможность была бы, при этихъ допущеніяхъ, отрицать, что критическія возраженія противъ логической состоятельности необходимо мыслимыхъ положеній должны также быть способны оказывать вліяніе на эту вѣру, колебать ее? Когда дѣло идетъ о вѣрѣ какъ такомъ познавательномъ актѣ, который признается доступнымъ колебанію подъ вліяніемъ серьезныхъ, т. е. способныхъ дѣйствовать на разумъ возраженій, то какимъ образомъ мы объяснимъ недоступность ея колебаніямъ подъ вліяніемъ возраженій обще-критическаго свойства, которыя также не могутъ не быть признаны серьезными, насколько оказываются способными дѣйствовать съ тою же силою на разумъ?

Такимъ образомъ при указанной поправкѣ Спенсерова ученія объ условіяхъ необходимой психологической вѣры, ссылка на эту вѣру не можетъ объяснить того значенія, какое имѣютъ для сознанія послѣднія посылки знанія. Однако нужно ли отсюда сдѣлать тотъ выводъ, что при послѣдовательномъ проведеніи новаго эмпиризма прегражденъ всякій путь къ разъясненію этого значенія, или и здѣсь точно также, какъ при Спенсеровомъ признаніи за условіе необходимой психологически вѣры исключительно только необходимой мыслимости безъ всякаго дополнительнаго условія мы должны предположить, что это ученіе допускаетъ новую поправку и притомъ опять никакъ не въ ущербъ дѣйствительной послѣдовательности эмпиристической теоріи?

Трудность для послѣдовательнаго эмпиризма, который долженъ неизбѣжно заканчиваться скептическою теоріею знанія, при объясненіи значенія послѣднихъ посылокъ научнаго знанія, какъ скоро этотъ эмпиризмъ вращается въ основныхъ понятіяхъ Спенсеровой системы, очевидно, заключается въ томъ, что та безусловно принудительная

психологическая вѣра, въ которой онъ ищетъ разъясненія этого значенія, въ существѣ своемъ есть познавательный актъ признанія извѣстныхъ положеній за истинныя. Она неизбѣжно является такимъ актомъ, какъ скоро понимается какъ принятіе положенія за истину и притомъ еще принятіе, опирающееся на сознаніе необходимой мыслимости этого положенія. Какъ познавательный актъ, устанавливающій истину, эта вѣра, конечно, никакъ не можетъ не считаться ощутительною къ имѣющимъ значеніе для познавательной способности недоумѣніямъ, стоящимъ на пути къ признанію истины, а слѣдовательно и къ недоумѣніямъ критическаго свойства. И необходимость для избѣжанія рѣшительныхъ отрицательныхъ инстанцій противъ безусловной вѣры въ ассоціанистически понимаемыя необходимо мыслимыя положенія ограничивать эту вѣру лишь такими изъ этихъ положеній, которыя не вызываютъ серьезныхъ возраженій по самому своему содержанію, только, такъ сказать, подчеркиваетъ, рельефнѣе ставитъ на видъ это неизбѣжное противорѣчіе познавательнаго акта, въ одно и то же время оказывающагося въ одномъ случаѣ ощутительнымъ къ требованіямъ отъ процесса установки истины, въ другомъ неощутительнымъ къ этимъ требованіямъ. Но вѣдь дѣло идетъ о разъясненіи того особаго значенія для сознанія, которое должно принадлежать извѣстнымъ положеніямъ. Почему же это значеніе должно сводиться единственно и исключительно къ чисто познавательному акту признанія ихъ истинности? Почему сверхъ познавательной цѣнности, если бы даже, вопреки послѣдовательному эмпиризму, этимъ положеніямъ и принадлежала познавательная цѣнность, имъ не могла бы принадлежать и нѣкоторая другая цѣнность, имѣющая существенное значеніе для человѣка? А если познавательной цѣнности они дѣйствительно не имѣютъ, то почему подъ призракомъ этой познавательной цѣнности не могла бы драпироваться эта другая ихъ цѣнность? И почему, наконецъ, въ послѣднемъ случаѣ мы не могли бы констатировать этой ихъ другой цѣнности и ея значенія для человѣка, никакъ не отрицая отсутствія познавательнаго значенія ихъ?

2.

Человѣкъ не есть только существо познающее; онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ существо дѣятельное. И можно спросить: не съ большею ли послѣдовательностью и успѣхомъ обратился бы эмпиризмъ для разъясненія фактическаго значенія послѣднихъ посылокъ знанія, а съ ними

и всего знанія не къ познавательному значенію ассоціацій, а къ значенію ихъ для активныхъ проявленій сознанія?

И есть факты, которые, повидимому, достаточно ярко свидѣтельствуютъ, что твердое положеніе, принадлежащее научному знанію въ исторіи человѣческаго сознанія, зависитъ не столько отъ признанія его познавательнаго значенія, сколько отъ фактическаго значенія его для человѣческой дѣятельности. Выше намъ приходилось указывать на тотъ фактъ, что научное сознаніе вполнѣ довѣрчиво относится къ тѣмъ положеніямъ, которыя эмпиризмъ относитъ къ необходимо мыслимымъ, пока они не встрѣчаютъ противъ себя возраженія въ развивающемся опытѣ. И такое отношеніе сознанія къ этимъ положеніямъ было не только въ тѣ эпохи, когда не поднималось общихъ критическихъ вопросовъ относительно истинъ этого рода, но такъ же относилось и относится оно къ нимъ и доселѣ, послѣ того, какъ философская мысль поставила эти вопросы и достаточно освоилась съ ихъ серьезностью и трудностями ихъ разрѣшенія. И если при этомъ научное сознаніе не перестаетъ съ не меньшею, а, вѣрнѣе сказать, все съ большею и большею интенсивностію стремиться къ расширенію знанія, опираясь на эти характеризующіяся необходимою мыслимостью положенія, хотя вполнѣ отчетливаго, способнаго вполнѣ удовлетворить научную мысль разрѣшенія критическихъ недоумѣній и доселѣ не оказывается, то не естественно ли заподозрить здѣсь такое значеніе ихъ для практической дѣятельности, вслѣдствіе котораго познающее сознаніе невольно подчиняется имъ, хотя и оказывается безсильнымъ объяснить ихъ познавательное значеніе съ точки зрѣнія способныхъ имѣть общенаучную значимость критеріевъ? Если же мы примемъ во вниманіе при этомъ еще и тотъ фактъ, что какой бы то ни было когда-либо существовавшій скептикъ, съ какою бы послѣдовательностью ни проводилъ онъ скептицизмъ по вопросу о познавательной цѣнности знанія, всегда и неизмѣнно во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ стремится удовлетворить своимъ потребностямъ, руководится этими же положеніями, то высказанное сейчасъ объясненіе неизмѣнной вѣры въ нихъ общенаучнаго сознанія не представляется ли во всякомъ случаѣ такого рода гипотезой, которая сама собою напрашивается на тщательное ея изслѣдованіе?

Когда мы обращаемся къ активнымъ проявленіямъ человѣка, то здѣсь тотчасъ же встрѣчаемся съ новымъ особымъ агентомъ, независимъ по своему происхожденію отъ личнаго опыта индивидуума.

Самыя раннія активныя проявленія, имѣющія психологическій ха-

рактеръ, т. е., связанныя съ психическими явленіями, не могутъ, конечно, предполагать позади себя обусловливающаго ихъ личнаго психологическаго опыта или въ собственномъ смыслѣ познавательныхъ процессовъ, сводимыхъ послѣдовательнымъ эмпиризмомъ къ процессамъ ассоціативнымъ. Таковы, напримѣръ, активныя проявленія ребенка въ самый ранній періодъ его жизни при испытаемыхъ имъ непріятныхъ ощущеніяхъ голода, жажды, холода, боли и пр. под. Въ этихъ случаяхъ вполнѣ очевидно, что испытываемыя ребенкомъ непріятныя ощущенія обусловлены исключительно нарушеніемъ благосостоянія его организма и, слѣдовательно, характеризующій ихъ эмоціонный (въ данныхъ примѣрахъ, тяжелый) колоритъ представляетъ собою непосредственную живую оцѣнку переживаемаго организмомъ состоянія. Точно также не менѣе очевидно, что самыя активныя проявленія, сопровождающія эти ощущенія въ неимѣющемъ еще опыта сознаніи, представляютъ простую реакцію организма на испытываемыя имъ состоянія. Въ силу этого эти ощущенія вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ активными проявленіями мы называемъ непосредственными обнаруженіями прирожденнаго организму инстинкта самосохраненія.

Конечно, эти первоначальныя обнаруженія инстинкта, взятыя въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они предваряютъ образованіе способныхъ вліять на нихъ результатовъ познавательныхъ процессовъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ обезпечивать существованіе организма, предоставленнаго самому себѣ. Собственно активныя проявленія, сопутствующія вышеуказаннымъ непріятнымъ ощущеніямъ, крики, слезы, разнообразныя движенія тѣла, сами по себѣ безъ вліянія опыта не служатъ средствами къ устраненію тѣхъ неблагопріятныхъ организму условій, которыми вызываются. Они, правда, оказываются цѣлесообразными для устраненія этихъ условій, но цѣлесообразными лишь въ томъ смыслѣ, что оказываются способными вызывать въ лицахъ, заботящихся о благосостояніи дитяти и руководящихся уже пріобрѣтеннымъ ими опытомъ, соотвѣтствующія предположенія объ этихъ условіяхъ и соотвѣтствующія мѣры къ ихъ устраненію. Съ другой стороны указанныя непріятныя ощущенія, вызываемыя неблагопріятными организму условіями, возникаютъ лишь тогда, когда эти условія уже произвели свое вліяніе на организмъ, уже вызвали нарушеніе его благосостоянія, а, слѣдовательно, непосредственно, безъ предварительнаго опыта не даютъ возможности цѣлесообразными дѣйствіями, если бы такія и были возможны, предотвратить наступленіе неблаго-

пріятныхъ организму условій, безъ чего, конечно, также невозможно благосостояніе организма. И забота о предотвращеніи такихъ условій также лежитъ на лицахъ, воспитывающихъ ребенка. Благосостояніе ребенка не исчерпывается сохраненіемъ его существованія; оно предполагаетъ постепенное его развитіе соотвѣтственно полученнымъ имъ отъ природы задаткамъ. Нельзя сказать, чтобы не существовало такихъ первоначальныхъ, предваряющихъ познавательные процессы, инстинктивныхъ активныхъ проявленій, которыя бы служили откликомъ и на это требованіе благосостоянія организма. Всякое возвышеніе органической жизнедѣятельности, благопріятствующее его нормальному развитію, имѣетъ свою непосредственную живую оцѣнку въ возвышеніи самочувствія дитяти и реактивно разрѣшается въ возвышенномъ темпѣ его активныхъ проявленій. И точно также, наоборотъ, условія, затрудняющія развитіе, сопровождаются отрицательными явленіями. Но, конечно, и всѣ проявленія этого рода могутъ оказаться полезными для организма лишь на столько, на сколько могутъ служить указаніями на состояніе организма дитяти для лицъ, которыя несутъ заботы по его воспитанію. Что же касается самого субъекта, который воспитывается, то только постепенное обогащеніе его знаніемъ съ помощью невольно совершающихся въ немъ и также невольно производящихъ вліяніе на его сознаніе познавательныхъ процессовъ мало-по-малу видоизмѣняетъ активную сторону его психической жизни такъ, что его активныя проявленія становятся непосредственно цѣлесообразными по отношенію къ требованіямъ, выражающимся въ инстинктивной оцѣнкѣ его состояній.

Подробно разъяснять здѣсь постепенное совершающееся подъ вліяніемъ познавательныхъ процессовъ развитіе способности подростающаго дитяти самодѣятельно и цѣлесообразно удовлетворять этимъ требованіямъ, конечно, нѣтъ никакой нужды. Несомнѣнно, что опытъ и упражненіе, по мѣрѣ возрастанія организма, сопровождаются развитіемъ умѣнья управлять своими членами, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно открываютъ для него возможность приспособлять въ требующихся случаяхъ свои активныя проявленія и къ цѣли благосостоянія организма. Образующіяся ассоціаціи представленій, съ другой стороны, для развивающейся психической жизни представляютъ обширный арсеналъ средствъ для всѣхъ болѣе или менѣе сложныхъ цѣлей, которыя вызываются между другими мотивами также и мотивами, касающимися благосостоянія организма. Представляя собою для сознанія выраженіе связей между явленіями, эти ассоціаціи даютъ воз-

можность пользоваться пріобрѣтеннымъ уже умѣньемъ вызывать одни изъ этихъ явленій какъ средствомъ для вызова связанныхъ съ ними другихъ и такимъ путемъ чрезъ промежуточныя звенья или даже черезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ звеньевъ достигать того, что оказывается недостижимымъ непосредственно. И такъ какъ частое повтореніе тѣснѣе и тѣснѣе связываетъ не только представленія, но и вызываемыя ими чувствованія и активныя проявленія, то образующіяся такимъ путемъ связи представленій съ активными проявленіями могутъ достигать до какой угодно степени крѣпости, превращаясь въ механическія съ опущеніемъ въ процессѣ сознанія тѣхъ посредствующихъ членовъ, которые могли бы оказаться излишними. Развивающійся опытъ полагаетъ основаніе, а за тѣмъ и даетъ широкое примѣненіе предусмотрительности, какъ предупреждающей вліяніе на организмъ неблагопріятныхъ его благосостоянію условій, такъ и содѣйствующей установкѣ условій, облегчающихъ соотвѣтствующее задаткамъ развитіе и усложненіе жизнедѣятельности организма. Образовавшіяся ассоціаціи между представленіями объ явленіяхъ даютъ сознанію возможность при возникновеніи одного изъ этихъ явленій предполагать существованіе или наступленіе другого до непосредственнаго появленія послѣдняго въ сознаніи; и отсюда, смотря по тѣмъ чувствамъ удовлетворенности или страданія, съ которыми соединено было появленіе этого другого въ прежнемъ опытѣ, открывается возможность для сознанія предварять возможное его появленіе мѣрами, соотвѣтствующими той потребности организма, которая выражалась въ живой оцѣнкѣ вліянія его на организмъ. Само собою понятно, что чѣмъ богаче опытъ, вліяющій на эту предусмотрительность, тѣмъ болѣе и для нея открыта возможность идти въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оказывается невозможнымъ простой путь, путемъ сложнымъ, путемъ цѣлаго ряда посредствующихъ указаній. Въ результатѣ всѣхъ этихъ развивающихъ ребенка до способности жить самостоятельно процессовъ происходитъ то, что среди активныхъ проявленій взрослаго человѣка, имѣющихъ психологическій характеръ, совсѣмъ нѣтъ проявленій, которыя не опредѣлялись бы и по большей части очень разнообразно познавательными процессами, а слѣдовательно, и ассоціаціями, къ которымъ по послѣдовательному эмпиризму должны сводиться результаты этихъ процессовъ,

Однако какъ ни разнообразны и какъ ни глубоки тѣ измѣненія, которыя указанными путями производятъ познавательные процессы въ первоначальныхъ инстинктивныхъ проявленіяхъ активности, всюду са-

мымъ существеннымъ факторомъ во всей той огромной массѣ этихъ проявленій, которая касается благосостоянія организма, служитъ та же врожденная организму потребность этого благосостоянія, которая выражается въ предваряющихъ личный опытъ активныхъ инстинктивныхъ проявленіяхъ, Это нужно признать просто даже въ силу того, что во всѣхъ нихъ въ качествѣ рѣшающей движущей силы является та же цѣнность для индивидуума его благосостоянія, которая выражается и въ инстинктивныхъ проявленіяхъ и безъ которой исчезъ бы всякій поводъ и къ сознательнымъ активнымъ обнаруженіямъ, оберегающимъ это благосостояніе. Все значеніе познавательнаго процесса съ его ассоціаціями въ отношеніи къ этой огромной массѣ активныхъ проявленій сводится въ существѣ дѣла къ двумъ результатамъ. Съ одной стороны познавательный процессъ подставляетъ сознанію цѣлесообразные способы отношенія къ явленіямъ, которыя уже оцѣнены съ точки зрѣнія благосостоянія организма, вслѣдствіе чего эта оцѣнка вызываетъ въ сознаніи позывъ къ опредѣленному активному обнаруженію, тогда какъ въ первоначальномъ обнаруженіи инстинкта активное проявленіе остается чисто органической реакціей, только неизмѣннои сопутствующей непосредственной живой оцѣнкѣ испытываемаго состоянія. Съ другой стороны позвавательный процессъ подставляетъ сознанію мотивы для цѣлесообразнаго расширенія этой оцѣнки явленій съ точки зрѣнія собственнаго благосостоянія гораздо далѣе тѣхъ предѣловъ, которыми по необходимости оказывается ограниченною эта оцѣнка въ непосредственныхъ предваряющихъ въ собственномъ смыслѣ познавательные процессы обнаруженіяхъ инстинкта. При этомъ и процессы всѣхъ этихъ измѣненій въ первоначальныхъ проявленіяхъ инстинкта сами совершаются при посредствѣ чувствованій, въ которыхъ выражается инстинктивная оцѣнка ассоціацій, затрогивающихъ интересы благостоянія организма. Если подъ вліяніемъ познавательныхъ процессовъ измѣняются и въ высшей стенени усложняются самыя активныя проявленія, которыя въ первоначальномъ сознаніи реактивно вызываются нарушеніями благосостоянія организма, то вѣдь эти измѣненія активныхъ проявленій, все равно какъ простѣйшія, представляющія результатъ простого приспособленія органовъ, такъ и отличающіяся сложностью, вводящія рядъ посредствующихъ дѣйствій, направляются лишь къ тому, чтобы сдѣлать эти активныя проявленія болѣе цѣлесообразными въ интересахъ того благосостоянія, нарушеніе котораго вызвало живую оцѣнку въ чувствованіи. И измѣненное активное проявленіе само ставится со-

знаніемъ въ зависимость отъ этого именно чувствованія, такъ какъ чувствованіе въ силу образующейся связи съ измѣнившимся активнымъ проявленіемъ само толкуется какъ условіе позыва къ нему. Даже процессъ самой этой замѣны одного активнаго проявленія другимъ, самое выдѣленіе этого опредѣленнаго проявленія изъ всѣхъ другихъ и соединеніе съ чувствованіемъ, обусловливается тѣмъ, что это другое активное проявленіе оказалось способнымъ ослабить или совсѣмъ устранить условія, вызывавшія тяжелыя ощущенія, а поэтому представленіе о немъ и результатѣ, которымъ оно сопровождалось, само ассоціативно возникая при вновь явившемся подобномъ же тяжеломъ ощущеніи, вызываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно инстинктивно новую непосредственную оцѣнку возможнаго результата его при настоящихъ условіяхъ (чувство надежды или предощущенія этого результата) и тѣмъ самымъ превращаетъ испытываемое тяжелое ощущеніе въ условіе, вызывающее позывъ къ этому опредѣленному активному проявленію. Точно также, если ассоціація между явленіями, изъ которыхъ одно въ прежнемъ опытѣ связано было или съ тяжелыми ощущеніями или съ особымъ чувствомъ удовлетворенности и оживленія, при появленіи вновь другого вызываетъ представленіе о первомъ и его послѣдствіяхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и активныя проявленія соотвѣтствующія потребности благосостоянія, выразившейся въ ранѣе испытанныхъ чувствованіяхъ, то, очевидно, этотъ процессъ есть только цѣлесообразное расширеніе первоначальнаго проявленія инстинкта самосохраненія на случаи, гдѣ благостояніе организма, правда, фактически остается безъ перемѣны, но по показаніямъ познавательнаго процесса въ непродолжительномъ времени или можетъ быть нарушено или можетъ подняться на болѣе высокую степень. И весь этотъ процессъ направляется къ тому, чтобы или предупредить грозящее нарушеніе этого благосостоянія или содѣйствовать его возможному подъему. И условіемъ возникновенія этого процесса и здѣсь служитъ также инстинктивно возникающее чувствованіе; именно показанія познавательнаго процесса о признакахъ возможнаго или наступающаго паденія или возвышенія благосостоянія инстинктивно вызываютъ живую оцѣнку съ точки зрѣнія благосостоянія организма; а превращеніе этой оцѣнки въ позывъ къ опредѣленнымъ активнымъ проявленіямъ (при условіи, конечно, ранѣе дознанной цѣлесообразности этихъ проявленій) при подобныхъ обстоятельствахъ совершается точно также какъ сейчасъ описанная замѣна непосредственныхъ активныхъ обнаруженій инстинкта новыми, цѣлесообразными, т. е. совершается при посредствѣ

представленій о нихъ и ихъ результатахъ,—представленій, инстинктивно сопровождающихся непосредственной оцѣнкой ихъ значенія съ точки зрѣнія благосостоянія организма.

Правда, въ тѣхъ случаяхъ, когда частая встрѣча съ опредѣленными явленіями столь же часто вызывала чрезъ указанныя посредства, т. е. черезъ вызываемые чувствованіями позывы, опредѣленныя активныя проявленія, необходимость въ этихъ посредствахъ постепенно исчезаетъ и въ дальнѣйшей жизни сознанія за опредѣленными воспріятіями уже прямо и непосредственно слѣдуютъ опредѣленныя активныя проявленія. Но это нисколько не измѣняетъ того факта, что вызывающіяся теперь чисто познавательными актами активныя проявленія первоначально требовали живой оцѣнки результата познавательныхъ процессовъ съ точки зрѣнія благосостоянія индивидуума. Не перестаетъ быть также фактомъ и то, что самая образовавшаяся непосредственная связь между познавательнымъ феноменомъ и опредѣленнымъ активнымъ проявленіемъ есть результатъ частнаго повторенія процессовъ, которыми опредѣлялась цѣнность этихъ активныхъ проявленій при наличной данности опредѣленныхъ воспріятій, и что поэтому эта связь есть только чрезъ психологическій механизмъ образовавшееся приспособленіе, дающее возможность ускореннымъ или сокращеннымъ путемъ безъ затраты энергіи на промежуточныя посредства при опредѣленныхъ условіяхъ состояться активному проявленію, цѣлесообразность котораго при этихъ условіяхъ уже была многократно установлена и теперь не подвергаетя сомнѣнію. Не перестаетъ наконецъ быть признаннымъ фактомъ и то, что насильственное нарушеніе этихъ превратившихся въ механизмы приспособленій, т. е. такое нарушеніе, которое не вызывается возникающими изъ развивающаго опыта основаніями признать эти активныя проявленія или совсѣмъ не цѣлесообразными или сравнительно менѣе цѣлесообразными чѣмъ какія-либо другія, должно, конечно, вызывать болѣе или менѣе непріятныя послѣдствія смотря по значенію для организма мотива, ихъ установившаго; сверхъ того затрудненія, которыми сопровождается всякое нарушеніе психическаго образовавшагося приспособленія, оно должно вызывать весь тотъ ущербъ благосостоянію и всѣ тѣ тяжелыя чувствованія, которыя этими приспособленіями предупреждались. И этимъ фактомъ ясно свидѣтельствуется, что сила, вызвавшая ихъ къ бытію, на дѣлѣ является и существеннымъ условіемъ, обезпечивающимъ и продолженіе ихъ существованія, — обезпечивающимъ въ томъ смыслѣ, что нарушеніе ихъ вызываетъ протестъ этой силы.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому выводу, что въ основаніи всей той огромной массы активныхъ проявленій, имѣющихъ психологическій характеръ, которая направлена на благосостояніе нашего организма, лежитъ особый агентъ, потребность благосостоянія организма, которая выражается въ чувствованіяхъ, представляющихъ живую оцѣнку явленій съ точки зрѣнія этого благосостоянія, и переходитъ въ принудительный позывъ къ опредѣленному активному проявленію, какъ скоро сознается цѣлесообразность этого проявленія для удовлетворенія потребности, выразившейся въ чувствованіи. Познавательный процессъ съ его результатами обусловливаетъ эту громадную массу проявленій лишь въ томъ смыслѣ, что для возникновенія огромнаго большинства этихъ чувствованій необходимо предварительное обнаруженіе съ помощію познавательныхъ процессовъ значенія тѣхъ или другихъ явленій для благосостоянія одушевленнаго организма, а для перехода всѣхъ такихъ чувствованій въ позывы къ опредѣленнымъ активнымъ проявленіямъ необходимо подобное же обнаруженіе съ помощью познавательныхъ процессовъ цѣлесообразности этихъ проявленій для удовлетворенія потребностей, выразившихся въ чувствованіяхъ. Но какъ ни громадна та роль, какая фактически въ силу этого значенія принадлежитъ познавательнымъ процессамъ въ отношеніи къ этимъ проявленіямъ, свою принудительность послѣднія въ концѣ концовъ получаютъ только отъ позывовъ къ нимъ, въ основаніи которыхъ лежитъ врожденная организму потребность благосостоянія. Этотъ фактъ и есть, по моему мнѣнію, тотъ фактъ, на который эмпиризмъ при послѣдовательномъ переходѣ въ скептицизмъ могъ бы опереться при объясненіи фактическаго значенія для сознанія послѣднихъ посылокъ знанія, а съ ними и всего знанія.

Если активныя проявленія въ одушевленномъ организмѣ въ огромной массѣ случаевъ вызываются потребностью благосостоянія, то сознаніе въ своей практической дѣятельности не можетъ руководиться исключительно только такими результатами познавательныхъ процессовъ, которымъ оно можетъ приписать дѣйствительную познавательную цѣнность въ своей чисто теоретической дѣятельности, т. е. когда оно преслѣдуетъ чистый интересъ знанія.

Эта мысль, несомнѣнно, требуетъ поясненій.

Когда мы говоримъ, что огромное большинство чувствованій, имѣющихъ своимъ послѣднимъ основаніемъ потребность благосостоянія одушевленнаго существа, и всѣ возникающіе изъ этихъ чувствованій позывы къ опредѣленнымъ активнымъ проявленіямъ должны, съ точки

зрѣнія эмпиризма, считаться за обусловленные ассоціаціями, то, конечно, подъ ассоціаціями мы разумѣемъ не просто ассоціаціи представленій какъ представленій безъ всякаго отношенія къ явленіямъ, обозначаемымъ представленіями. Для того, чтобы ассоціація, напримѣръ, между представленіемъ объ опредѣленномъ внѣшнемъ организму явленіи и представленіемъ объ удрученномъ состояніи самаго этого организма возбуждала при новомъ возникновеніи въ сознаніи того же внѣшняго явленія живую оцѣнку значенія его для благосостоянія организма въ настоящее время, или точно также для того, чтобы ассоціація между представленіемъ объ опредѣленномъ активномъ проявленіи самаго организма и представленіемъ объ облегченіи удрученнаго состоянія этого организма связала тяжелое чувствованіе при новомъ подобномъ же удрученномъ состояніи организма съ позывомъ къ этому опредѣленному активному проявленію,—для этого во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, конечно, нужно, чтобы сознаніе принимало эти ассоціаціи не за простыя связи его представленій, а за указанія на соотвѣтствующія послѣдовательности явленій, обозначаемыхъ этими представленіями. Въ противномъ случаѣ, при обычныхъ условіяхъ жизни сознанія, т. е. при довѣрчивомъ отношеніи его къ результатамъ познавательныхъ процессовъ, въ немъ совершающихся, активное проявленіе должно потерять для него значеніе цѣлесообразнаго средства къ удовлетворенію потребности, его вызывающей. Поэтому, какъ скоро сознаніе убѣждается какимъ либо путемъ въ томъ, что дѣйствительное слѣдованіе явленій или вообще, или въ предстоящемъ данномъ случаѣ должно оказаться совершенно несоотвѣтствующимъ ассоціаціи представленій о нихъ, то это неизбѣжно отражается на существовавшемъ доселѣ вліяніи этой ассоціаціи на тѣ чувствованія и тѣ позывы къ опредѣленному активному проявленію, которые ранѣе способны были вызываться этой ассоціаціей; и это вліяніе, смотря по побочнымъ дополнительнымъ условіямъ, или постепенно ослабѣваетъ или быстро совсѣмъ исчезаетъ. И подобнымъ результатомъ сопровождается возникшее убѣжденіе въ несоотвѣтствіи ожидаемой дѣйствительности ассоціативному соединенію представленій о ней не только тогда, когда ассоціація между представленіями незначительна или когда примѣненіе ассоціаціи къ практической дѣятельности не было на столько часто и продолжительно, чтобы образовать тѣсную непосредственную связь прямо между опредѣленнымъ явленіемъ и опредѣленнымъ активнымъ обнаруженіемъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда твердо установившаяся связь между представленіями

должна сильно противодѣйствовать вызываемому расширеніемъ знанія разрушенію вѣры въ соотвѣтствіе ассоціаціи дѣйствительному порядку явленій, а слѣдовательно и ослабленію вліянія ея на чувствованія и активныя проявленія, точно также и тогда, когда твердо установились опредѣленные навыки дѣйствованія непосредственно вслѣдъ за возникновеніемъ въ сознаніи опредѣленныхъ воспріятій, — даже и въ этихъ случаяхъ вліяніе ассоціаціи, противорѣчіе которой съ дѣйствительнымъ порядкомъ явленій обнаружено, на чувствованіе и активныя проявленія, хотя и постепенно и съ усиліями сознанія, все же обыкновенно ослабѣваетъ до полнаго уничтоженія. Въ наше время мысль о переселеніи на противоположную нашей поверхность земли, конечно, не возбудитъ способныхъ вліять на волю опасеній полетѣть внизъ головою, хотя подобное опасеніе нѣкогда должно было опираться на самую твердую ассоціацію вслѣдствіе постояннаго подтвержденія всѣмъ обыденнымъ опытомъ стремленія всѣхъ тяжелыхъ тѣлъ, оставленныхъ безъ поддержки, падать внизъ. Мы очень хорошо знаемъ, что начинающіе смотрѣть черезъ призматическія стекла или въ микроскопъ нуждаются даже не въ очень продолжительномъ опытѣ для того, чтобы цѣлесообразно пользоваться своими активными проявленіями, руководясь при этихъ активныхъ проявленіяхъ такими зрительными признаками, которые искони и постоянно требовали для достиженія тѣхъ же цѣлей другихъ активныхъ проявленій и которые, вслѣдствіе образовавшейся отсюда тѣсной ассоціативной связи съ послѣдними, должны при стремленіи осуществить эти цѣли настойчиво вызывать представленіе объ этихъ другихъ активныхъ проявленіяхъ и позывъ къ ихъ осуществленію.

Такимъ образомъ, при обычныхъ условіяхъ жизни сознанія, неослабленное вліяніе ассоціаціи, будетъ ли то на живую оцѣнку явленій въ сознаніи или на позывъ къ опредѣленному активному проявленію для удовлетворенія потребности, выразившейся въ этой оцѣнкѣ, обыкновенно предполагаетъ, что сознаніе не отказалось смотрѣть на эту ассоціацію, какъ на указаніе на соотвѣтствующій ей порядокъ явленій. Однако это никакъ не значитъ того, чтобы даже и при этихъ обычныхъ условіяхъ вліяніе на активныя проявленія сознанія могли имѣть исключительно только тѣ изъ ассоціацій, которыя для сознанія имѣютъ значеніе твердо установленныхъ истинъ, то есть тѣ, которыя по послѣдовательно проведенному эмпиристическому взгляду характеризуются неразрывною связью входящихъ въ нихъ представленій и не вызываютъ никакихъ недоумѣній по самому ихъ содер-

жанію. Такое ограниченіе вліянія ассоціацій на практическую сторону жизни сознанія было бы вполнѣ цѣлесообразно только подъ тѣмъ условіемъ, что ассоціацій, которыя могли бы считаться сознаніемъ за такія твердо установленныя истины, было бы совершенно достаточно для осуществленія всѣхъ потребныхъ для благосостоянія организма активныхъ проявленій. На дѣлѣ ихъ недостаточно для этой цѣли, и недостаточно не рѣдко даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о самомъ существованіи организма (напримѣръ, при болѣзняхъ, при неожиданныхъ опасностяхъ и пр. п.). И руководство въ подобныхъ случаяхъ ассоціаціями болѣе слабыми не можетъ не быть признано цѣлесообразнымъ, такъ какъ возникающія такимъ путемъ активныя проявленія, на сколько они достигаютъ цѣли, въ огромной степени увеличиваютъ нашу способность удовлетворять потребностямъ, а на сколько не достигаютъ цѣли (если, конечно, не сопровождаются вредными послѣдствіями), не представляютъ такого минуса для благосостоянія организма, который бы понижалъ значеніе многочисленныхъ благотворныхъ для организма случаевъ ихъ примѣненія. Поэтому для одушевленнаго организма, благосостояніе котораго должно обезпечиваться его собственною дѣятельностью и котораго знаніе ограничено, оказалась бы совершенно не цѣлесообразною такая организація, при которой осуществленіе его активныхъ проявленій непремѣнно требовало бы такихъ предположеній о порядкѣ явленій, которыя имѣли бы полную теоретическую цѣнность для его познанія. Наоборотъ, его благосостояніе и развитіе и даже самое продолженіе его существованія обезпечивалось бы въ наибольшей степени лишь въ томъ случаѣ, если бы по самой своей психической организаціи онъ былъ способенъ, въ случаѣ недостатка такихъ предположеній, направлять свою дѣятельность и по тѣмъ, хотя бы и не твердымъ, указаніямъ, какія могутъ въ каждомъ данномъ случаѣ получаться изъ общихъ результатовъ всей суммы его опыта, лишь бы не предвидѣлось положительнаго вреда отъ слѣдованія тому или другому изъ этихъ указаній.

И на сколько въ психической жизни послѣднимъ основаніемъ активныхъ проявленій, направляемыхъ на поддержаніе благосостоянія организма, какъ было разъяснено выше, служитъ прирожденная организму потребность благосостоянія, на столько сейчасъ указанное требованіе отъ цѣлесообразно устроенной организаціи оказывается выраженнымъ въ самомъ механизмѣ активной жизни сознанія, а потому должно выполняться въ ней даже и тогда, когда сознаніе вовсе не задается даже вопросомъ о подобномъ требованіи и объ его выполненіи.

Въ чувствованіяхъ какъ живой, въ силу прирожденнаго инстинкта благосостоянія совершающейся оцѣнкѣ, все равно, непосредственно переживаемыхъ организмомъ или только ожидаемыхъ по указаніямъ опыта состояній, въ самомъ ихъ эмоціонномъ характерѣ, въ самой ихъ напряженности, вообще въ чертахъ, характерно отличающихъ ихъ отъ простыхъ представленій или воспріятій, получаетъ значеніе реальной возбуждающей силы то, что должно опредѣлять собою цѣль активныхъ проявленій, цѣнность благосостоянія одушевленнаго организма. Въ качествѣ возбужденнаго или эмоціоннаго состоянія, возникающаго подъ вліяніемъ явленій, затрогивающихъ потребность благосостоянія, чувствованіе нуждается только въ выдѣленіи въ сознаніи изъ массы представленій о возможныхъ активныхъ проявленіяхъ представленія о такомъ проявленіи, которое можетъ быть сочтено за сравнительно наиболѣе цѣлесообразное для удовлетворенія выразившейся въ немъ потребности, то есть за возбуждающее сравнительно наибольшую надежду на это удовлетвореніе безъ опасенія за непріятныя послѣдствія,—нуждается только въ выдѣленіи въ сознаніи представленія о подобномъ активномъ проявленіи для того, чтобы связать его съ предощущеніемъ его результата и такимъ образомъ превратить въ позывъ къ его осуществленію. И нуженъ соотвѣтствующій ему по силѣ контръ-мотивъ, напримѣръ (если оставаться здѣсь въ предѣлахъ чувствованій, оберегающихъ благосостояніе организма), чувствованіе, происходящее отъ представленія о какомъ либо ущербѣ для благосостоянія, побочно или въ болѣе отдаленномъ будущемъ ожидаемомъ отъ того же активнаго проявленія, для того, чтобы уравновѣсить или парализовать силу этого позыва. Одинъ недостатокъ достовѣрности ожидаемаго результата активнаго проявленія могъ бы отразиться на позывѣ къ нему лишь въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ ослаблять то предощущеніе его благопріятныхъ послѣдствій, которое именно и составляетъ для непосредственной его оцѣнки его преимущество сравнительно съ представленіемъ о возможныхъ другихъ активныхъ проявленіяхъ и служитъ условіемъ его осуществленія. Но если вслѣдствіе этого ослабленія это преимущество не переходитъ на сторону какого либо другого активнаго проявленія, въ которомъ и можетъ найти для себя выходъ возбужденное состояніе, то до тѣхъ поръ, пока сомнѣніе въ результатѣ опредѣленнаго активнаго проявленія не сведетъ ожиданіе этого результата къ чистому нолю, остается и предощущеніе этого результата и, какъ бы ослаблено оно ни было, его остатокъ все же окажется неуравновѣшенной ника-

кими противодѣйствующими силами, слѣдовательно свободной силой, которой должно принадлежать рѣшающее значеніе. Съ другой стороны, такъ какъ это предощущеніе есть предощущеніе удовлетворенія потребности, выражающейся въ чувствованіи, то его напряженность зависитъ не только отъ степени увѣренности въ его достиженіи, но и отъ значительности той потребности, удовлетвореніе которой предощущается, то есть отъ напряженности чувствованія, непосредственно выражающаго эту потребность. Чрезвычайная напряженность чувствованія, даже и въ томъ случаѣ, когда въ сознаніи не оказывается представленія объ активномъ проявленіи, способномъ цѣлесообразно удовлетворять вызвавшей его потребности, нерѣдко влечетъ за собою (у людей склонныхъ къ аффектамъ) хотя бы и совсѣмъ нецѣлесообразныя активныя проявленія.

Указанное свойство организаціи практической стороны жизни сознанія выражается достаточно ярко въ тѣхъ случахъ, когда слишкомъ глубоко затрогиваются интересы нашего благосостоянія. Противъ ожидаемой очень большой опасности спѣшатъ принять мѣры, хотя бы ожиданіе и не имѣло характера твердаго убѣжденія; и когда нѣтъ мѣръ безусловно вѣрныхъ, принимаютъ такія, какія при данныхъ условіяхъ оказываются возможными. Но если способность руководиться при активныхъ обнаруженіяхъ, направленныхъ на поддержаніе благосостоянія организма, ассоціаціями, не представляющими твердыхъ истинъ, наиболѣе ясна на тѣхъ случаяхъ, когда слишкомъ глубоко затронуты интересы этого благосостоянія, то это никакъ не потому, что примѣненіе этой способности въ этихъ случаяхъ только и возможно. Всматриваясь въ жизнь дѣтей, мы видимъ, что чувствованія у нихъ легко возбуждаются и легко переходятъ въ активныя обнаруженія. Если это иначе бываетъ у людей взрослыхъ и развившихся, то это не потому, что чувствованія и позывы, основанные не на твердыхъ ассоціаціяхъ, здѣсь сами по себѣ теряютъ значеніе возбудителей соотвѣтствующихъ имъ активныхъ проявленій (что противорѣчило бы самой ихъ природѣ), а потому, что сложная психическая жизнь съ большимъ запасомъ разностороннихъ ассоціацій обусловливаетъ столь же разностороннюю и дальнозоркую предусмотрительность и поэтому по необходимости заключаетъ въ себѣ борьбу мотивовъ, въ которой уравновѣшиваются и парализуются силы возникающихъ менѣе значительныхъ чувствованій и позывовъ. Обогащенный жизненнымъ опытомъ субъектъ при чувствованіяхъ и позывахъ, несущественно затрогивающихъ благосостояніе, беретъ во вниманіе всѣ по-

бочныя невыгоды активнаго обнаруженія, даже трату силъ, потребную для него и потерянную поэтому для другихъ дѣлъ или для отдыха, невыгодное впечатлѣніе, которое можетъ вызвать въ окружающихъ лицахъ возможная неудача дѣйствія или представленіе мелочности интересовъ, побуждающихъ къ дѣйствію, и проч. под. Подъ вліяніемъ жизненнаго опыта вырабатывается даже механическая задержка не представляющихъ особаго значенія позывовъ къ активнымъ проявленіямъ, при которой уже не оказывается необходимости каждый разъ для противодѣйствія имъ вызывать въ сознаніе контръ-мотивы, подобно тому какъ вырабатывается привычка при извѣстныхъ условіяхъ совершать извѣстное дѣйствіе безъ необходимости каждый разъ вызывать въ сознаніи его мотивы. Однако, и при всемъ этомъ, внимательнѣе всматриваясь какъ въ собственныя активныя проявленія, руководимыя даже незначительными интересами, такъ и въ подобныя же проявленія лицъ окружающихъ, каждый легко можетъ убѣдиться, что всѣмъ постоянно приходится въ практической жизни руководиться соображеніями, которымъ не только обще-научное сознаніе съ его имѣющими общее значеніе критеріями, но и то лицо, которое соотвѣтственно этому соображенію направляетъ свою дѣятельность, не придаетъ достовѣрности и которыми руководится лишь вслѣдствіе того, что безусловно твердыхъ указаній нѣтъ, а между тѣмъ существуетъ та или другая практическая потребность, удовлетвореніе которой желательно. Съ эмпиристической точки зрѣнія это, конечно, должно означать, что потребность благосостоянія, выражающаяся въ живой оцѣнкѣ явленій съ точки зрѣнія этого благосостоянія, заставляетъ въ практической жизни придавать руководственное значеніе такимъ ассоціаціямъ, которымъ не можетъ придавать настоящей познавательной цѣнности чисто теоретическое сознаніе.

Если мы будемъ имѣть въ виду этотъ фактъ, то намъ не трудно будетъ прійти и къ той мысли, что это оказывающееся вполнѣ цѣлесообразнымъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ психической организаціи расширеніе вліянія ассоціацій на возбужденіе чувствованій и активныхъ проявленій далѣе приписываемой имъ сознаніемъ познавательной цѣнности не можетъ ограничиваться тѣми періодами жизни сознанія, когда въ немъ еще не возникало обще-критическихъ вопросовъ. По самому существу дѣла оно должно оказаться не менѣе цѣлесообразнымъ и не менѣе обезпеченнымъ самой психической организаціей и въ томъ случаѣ, когда въ сознаніи возникаютъ общіе критическіе вопросы и когда оно, какъ это и должно быть при послѣдовательномъ

эмпиризмѣ, почувствовало бы себя вынужденнымъ прійти къ скептическимъ выводамъ.

Отрицать на критическихъ основаніяхъ возможность логически оправдать сужденія, возникающія изъ ассоціативныхъ процессовъ, еще никакъ не значитъ утверждать, что въ дальнѣйшей жизни сознанія ни въ какомъ случаѣ не можетъ продолжаться такой порядокъ явленій, который въ прошедшемъ давалъ возможность намъ руководиться въ своихъ активныхъ проявленіяхъ ранѣе образовавшимися ассоціаціями, а значитъ только утверждать, что нѣтъ логическаго права для увѣренности, что такой порядокъ дѣйствительно будетъ продолжаться. Такимъ образомъ и при послѣдовательномъ эмпирическомъ скептицизмѣ остается открытой по крайней мѣрѣ возможность продолженія въ ближайшемъ будущемъ такого порядка явленій, при которомъ ассоціаціи въ такомъ же смыслѣ могли бы оказаться правильными указаніями на будущую послѣдовательность явленій, въ какомъ онѣ оказывались такими въ продолжавшейся доселѣ исторіи жизни сознанія. Съ другой стороны при послѣдовательномъ эмпиристическомъ скептицизмѣ весь процессъ познанія долженъ сводиться сполна къ ассоціативнымъ сочетаніямъ, а слѣдовательно отрицаніе логическаго значенія за результатами ассоціативныхъ процессовъ есть вмѣстѣ отрицаніе логическаго значенія за всѣми какими бы то ни было продуктами знанія. Поэтому простое допущеніе возможности того или другого сочетанія явленій остается высшимъ, что только можетъ подставить знаніе сознанію для руководства активными проявленіями въ интересахъ удовлетворенія прирожденной организму и проявляющейся въ живой оцѣнкѣ явленій потребности благосостоянія.

Конечно, одно простое признаніе возможности продолженія въ будущемъ порядка явленій, продолжавшагося въ прошедшемъ, еще не можетъ оправдать мысли о цѣлесообразности руководиться ассоціаціями въ будущемъ, такъ какъ такое признаніе только приравнивало бы это продолженіе существующаго порядка къ безчисленнымъ произвольно измышляемымъ перемѣнамъ въ немъ и не давало бы никакого основанія предпочитать возможность этого продолженія какой угодно изъ безчисленныхъ возможностей его измѣненія. И на первый взглядъ представляется, что при отрицаніи логическаго права не только утверждать неизмѣнность въ будущемъ законовъ, установленныхъ на основаніи прошедшихъ чрезъ сознаніе фактовъ, но даже и устанавливать законообразность доселѣ существовавшаго порядка явленій совершенно

не можетъ быть указано никакого преимущества, которое соединялось бы съ мыслію о возможномъ продолженіи этого порядка и которое бы могло оправдывать предпочтительный выборъ этого именно предположенія для руководства практическою жизнію сознанія. Однако, на дѣлѣ это не такъ.

Когда результаты нашего опыта мы разсматриваемъ съ чисто теоретическою цѣлію твердой установки общихъ истинъ, тогда относительно того порядка явленій, который отражался въ существовавшемъ доселѣ опытѣ, мы спрашиваемъ даже о томъ, имѣемъ ли мы право толковать его въ смыслѣ строгой законосообразности явленій, имѣемъ ли право утверждать безъисключительное господство законовъ даже въ прошедшемъ. При эмпиристическомъ ограниченіи знанія опытомъ твердая установка господства законовъ въ прошедшемъ, конечно, должна составлять неизбѣжный первый шагъ въ процессѣ установки за ними значенія общихъ истинъ. Но когда результаты нашего опыта мы разсматриваемъ съ практическою цѣлью воспользоваться ими какъ руководительными принципами для нашихъ активныхъ проявленій, предназначаемыхъ для поддержанія благосостоянія нашего организма, тогда для насъ имѣетъ существенную важность уже и тотъ простой, не отрицаемый эмпиризмомъ и несомнѣнный фактъ, что порядокъ явленій въ прошедшемъ былъ во всякомъ случаѣ таковъ, что доселѣ всегда существовала возможность для сознанія съ пользою руководиться въ практической жизни результатами опыта какъ указаніями на соединеніе явленій въ будущемъ. Этотъ несомнѣнный фактъ важенъ уже потому, что онъ обусловливаетъ различіе между тою возможностію продолженія этого порядка въ будущемъ, которую эмпиризмъ отрицать не можетъ, и тою возможностію существовать въ будущемъ, которую онъ былъ бы въ правѣ приписать порядкамъ, не отличающимся чертою, на которую этотъ фактъ указываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если доселѣ существовавшій порядокъ явленій былъ таковъ, что всегда существовала возможность въ практической жизни руководиться результатами опыта какъ указаніями на будущія сочетанія явленій, то отсюда во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что не существуетъ общихъ, т. е. неизмѣнно дѣйствующихъ во всякій періодъ времени условій бытія, которыя препятствовали бы порядку явленій отличаться этою характеристическою чертою, и что, слѣдовательно, для насъ въ отношеніи къ продолженію его существованія остается вполнѣ неопредѣленнымъ только то, не существуетъ ли препятствій къ тому въ спеціальныхъ условіяхъ ближайшаго будущаго времени.

Наоборотъ, въ отношеніи къ какому бы то ни было изъ порядковъ явленій, не характеризующихся этою чертою, для насъ остается совершенно одинаково вполнѣ неопредѣленнымъ какъ то, такъ и другое, т. е. не только то, согласимъ ли онъ съ спеціальными условіями ближайшаго будущаго, но и то, не противорѣчитъ ли онъ какимъ либо общимъ, касающимся всякаго времени условіямъ существованія. И это различіе составляетъ, очевидно, преимущество перваго порядка передъ каждымъ изъ послѣднихъ,—преимущество, которое, пока оно существуетъ, т. е. пока фактически не осуществилось порядка, въ которомъ исчезла бы возможность пользоваться результатами предшествующаго опыта какъ указаніями на будущія сочетанія явленій, должно, конечно, выдѣлять этотъ порядокъ въ сознаніи какъ несомнѣнно осуществимый въ различіе отъ каждаго изъ такихъ порядковъ, о которыхъ сознаніе не можетъ утверждать даже и этого.

Но это только одна сторона дѣла. Характеристическая черта существовавшаго доселѣ порядка явленій, какъ такого порядка, при которомъ результаты опыта даютъ указанія на будущія сочетанія явленій, важна для практической жизни сознанія тѣмъ, что обезпечиваетъ успѣшность опредѣленнаго способа дѣйствованія согласно указаніямъ предшествующаго опыта. Но относительная успѣшность такого способа дѣйствованія не ограничивается только тѣмъ случаемъ, когда порядокъ явленій въ будущемъ представлялъ бы совершенно точную копію порядка ихъ въ прошломъ. Если въ прошломъ она должна быть признана какъ несомнѣнный фактъ, хотя и считается недоказуемымъ безъисключительное господство въ прошломъ строгой законосообразности, то она должна быть признана мыслимой и при нѣкоторыхъ измѣненіяхъ порядка въ прошломъ, конечно, подъ условіемъ, чтобы измѣненія одновременно касались незначительной его части и были таковы, что давали бы возможность пользоваться въ практической жизни вновь возникающими, на мѣсто разрушаемыхъ, ассоціаціями, или, говоря вообще, лишь бы они допускали возможность для организма на основаніи опытныхъ же указаній приспособляться къ возникающему вновь порядку. Вѣдь во многихъ подобныхъ случаяхъ руководство результатами опыта какъ указаніями на сочетанія явленій въ будущемъ могло бы оказаться все же цѣлесообразнымъ для охраны организма, хотя бы въ иныхъ изъ нихъ и не въ той степени, въ какой оно оказалось бы, когда порядокъ явленія въ будущемъ оставался бы неизмѣннымъ продолженіемъ порядка ихъ въ прошломъ. Такимъ образомъ, если предположеніе о неизмѣнности порядка явленій въ будущемъ

должно, какъ мы видѣли, представлять нѣкоторое преимущество сравнительно съ предположеніемъ о каждомъ изъ безчисленныхъ другихъ порядковъ, то тотъ способъ дѣйствованія, при которомъ подразумѣвается это предположеніе и къ которому сводится вся практическая сторона дѣла, оказывается такимъ способомъ дѣятельности, который долженъ быть признанъ цѣлесообразнымъ не въ случаѣ только фактическаго осуществленія этого предположенія, но и въ цѣлой группѣ другихъ случаевъ. Это обстоятельство имѣетъ больше значенія, чѣмъ сколько можно предположить съ перваго взгляда.

Цѣлесообразное вліяніе сознанія на ту массу активныхъ проявленій, которая вызывается потребностію благосостоянія организма, возможно только подъ тѣмъ условіемъ, что у сознанія есть какія либо указанія на послѣдовательность, съ какою одни явленія должны слѣдовать за другими въ томъ ближайшемъ будущемъ, на которое расчитаны результаты этихъ активныхъ проявленій. Только подъ этимъ условіемъ предусмотрительность, имѣя передъ собою тѣ или другія внѣшнія явленія, можетъ предугадывать послѣдствія ихъ для организма и соотвѣтственно этому опредѣлять тѣ или другія ближайшія задачи для самодѣятельности организма; и только подъ этимъ же условіемъ то или другое активное проявленіе можетъ разсматриваться сознаніемъ, какъ цѣлесообразное средство для достиженія поставленной цѣли. Съ другой стороны, если весь познавательный процессъ, какъ это должно выходить по эмпиризму, сводится къ опыту, т. е. къ такимъ процессамъ, въ которыхъ будущее можетъ опредѣляться только по прошедшему, то и при измѣненіи существующаго порядка явленій цѣлесообразное дѣйствованіе сознанія можетъ оказаться возможнымъ лишь на столько, на сколько предполагалось бы, что это измѣненіе совершается медленно и вновь возникающій порядокъ самъ таковъ, что сочетанія явленій въ немъ сохраняютъ устойчивость, которая даетъ возможность судить по даннымъ уже сочетаніямъ о сочетаніяхъ будущихъ. Если же измѣненія доселѣ существовавшаго порядка явленій оказались бы такими, что при нихъ исчезла бы для сознанія всякая возможность смотрѣть на вновь возникающія и имѣющія значеніе для благосостоянія организма соединенія ихъ какъ на указанія на будущія ихъ сочетанія, а слѣдовательно исчезла бы для сознанія и всякая возможность имѣть и какія бы то ни было указанія на эти будущія сочетанія явленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствовать съ какою-либо цѣлесообразностію, то совершенная невозможность какой бы то ни было предусмотрительности какъ относительно вліянія внѣшнихъ явле-

ній на благосостояніе организма такъ и относительно результатовъ какого бы то ни было собственнаго активнаго проявленія должна бы была, конечно, грозить неминуемою гибелью организму, на сколько благосостояніе его стоитъ въ необходимой зависимости отъ этой предусмотрительности. Такимъ образомъ и при предположеніи объ измѣненіи доселѣ существовавшаго порядка явленій, точно также какъ и при предположеніи объ его продолженіи, согласованіе активныхъ проявленій съ указаніями опыта (конечно, пока оно возможно) должно быть признано единственнымъ цѣлесообразнымъ способомъ дѣятельности, направленной къ охраненію благосостоянія организма, такъ какъ при такомъ способѣ дѣятельности можно по крайней мѣрѣ ожидать достиженія цѣли во всѣхъ тѣхъ случаяхъ перемѣны доселѣ существовавшаго порядка, при которыхъ эта цѣль можетъ усиліями сознанія быть достигнута, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, все равно при какомъ бы то ни было способѣ дѣятельности, она должна считаться одинаково недостижимою.

Впрочемъ сознаніе даже и не поставлено въ необходимость теоретически приходить къ этому взгляду на сравнительную цѣлесообразность того или другого способа дѣятельности для того, чтобы не смотря на эмпиристически-скептическіе выводы не измѣнять обычному способу дѣятельности до тѣхъ поръ, пока это остается для него возможнымъ. И здѣсь опять то руководство опытомъ или ассоціаціями, которое, какъ мы сейчасъ видѣли, при внимательномъ обсужденіи вопроса должно быть сочтено единственно цѣлесообразнымъ, оказывается въ то же время обусловленнымъ самой организаціей практической жизни сознанія, на сколько потребность въ благосостояніи организма, лежащая въ основаніи огромной массы активныхъ проявленій, выражается при опредѣленныхъ условіяхъ въ живой оцѣнкѣ явленій съ точки зрѣнія этого благосостоянія и въ позывахъ къ опредѣленнымъ активнымъ проявленіямъ.

Возникновеніе критическихъ вопросовъ, конечно, возможно только въ зрѣломъ сознаніи, которое уже обогащено огромной массой результатовъ ассоціативныхъ процессовъ, ранѣе въ немъ происходившихъ, и которое уже продолжительное время ежеминутно примѣняло эти результаты въ своей практической дѣятельности, безъ чего организмъ не могъ бы сохраниться и развиться до того состоянія, въ которомъ сдѣлалось для него возможнымъ критическое мышленіе. Вслѣдствіе этого внѣшнія явленія уже невольно должны вызывать въ немъ подъ вліяніемъ предшествующаго опыта соотвѣтствующую этому опыту

живую оцѣнку въ чувствованіяхъ, которыя подъ тѣмъ же условіемъ и также невольно должны вызывать позывы къ вполнѣ опредѣленнымъ активнымъ проявленіямъ, а иныя изъ внѣшнихъ явленій въ силу образовавшихся твердыхъ ассоціацій должны оказываться непосредственно тѣсно связанными съ соотвѣтствующими активными проявленіями. Понятно, что подобнымъ образомъ возникшій позывъ къ опредѣленному активному проявленію или образовавшаяся непосредственная связь между этимъ проявленіемъ и фактически даннымъ внѣшнимъ явленіемъ должны оказываться вполнѣ опредѣленною силою, достаточно напряженною и готовою разрѣшиться соотвѣтствующимъ дѣйствіемъ. Такимъ образомъ то дѣйствіе, которое сейчасъ мы должны были признать въ каждомъ данномъ случаѣ единственно цѣлесообразнымъ, является вслѣдствіе психологическаго механизма, образовавшагося по психологическимъ законамъ, не въ качествѣ простого представленія, а въ качествѣ представленія, связаннаго съ живой силой, направленной къ его осуществленію.

Конечно, эти обусловленныя опытомъ согласно законамъ психической жизни влеченія при опредѣленныхъ условіяхъ къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ должны по тѣмъ же психологическимъ законамъ исчезнуть въ томъ случаѣ, когда бы фактически осуществилась такая перемѣна въ порядкѣ явленій, послѣ которой предшествующія сочетанія явленій перестали бы служить указаніями на ихъ будущія сочетанія. Въ такомъ случаѣ въ конечномъ результатѣ долженъ бы былъ образоваться такой строй психической жизни, при которомъ всѣ какія угодно возможности сочетанія явленій ставились бы въ сознаніи какъ совершенно равноцѣнныя (если бы, конечно, до наступленія этого конечнаго результата какимъ-нибудь чудомъ организмъ сохранилъ свое существованіе). Такой результатъ неминуемо долженъ бы былъ произойти вслѣдствіе того закона ассоціативныхъ соединеній, по которому противорѣчащіе ассоціаціямъ факты мало по малу разрушаютъ ассоціаціи представленій и лишаютъ всякой силы ассоціативнымъ путемъ образовавшіеся предощущенія и позывы къ опредѣленнымъ активнымъ проявленіямъ, какъ оказавшіеся не пригодными служить благосостоянію организма. Но пока не произошло подобной катастрофы въ мірѣ явленій, возникающее по психологическимъ законамъ подъ вліяніемъ предшествующаго опыта при извѣстныхъ условіяхъ влеченіе къ опредѣленному активному проявленію естественно должно находить свое разрѣшеніе въ опредѣленномъ дѣйствіи, если тотъ же опытъ не противоставляетъ ему представленія о какомъ-нибудь другомъ актив-

номъ проявленіи какъ о чемъ-то такомъ, что или сулитъ надежнѣе удовлетворить той же потребности или не связано съ какими либо побочными неудобствами, которыхъ нельзя избѣгнуть при осуществленіи возникшаго влеченія, т. е. если опытъ не противопоставляетъ возникшему позыву другого, оказывающагося болѣе сильнымъ. И это положеніе дѣла съ развитіемъ критическаго сознанія съ его скептическими результатами не измѣняется. Если нѣтъ никакой необходимости, чтобы развитіе этого сознанія совпадало съ считаемой имъ возможною катастрофою въ мірѣ явленія, то понятно, что пока не наступила эта катастрофа, не окажется и такой череды фактовъ, которая на основаніи самихъ законовъ ассоціаціи разрушила бы въ сознаніи силу образовавшихся ассоціативнымъ путемъ чувствованій и позывовъ къ опредѣленнымъ активнымъ проявленіямъ, точно также какъ непосредственныхъ связей этихъ проявленій съ опредѣленными воспріятіями. Съ другой стороны само критическое сознаніе не можетъ противопоставить ассоціативно возникающему влеченію къ опредѣленному активному проявленію какой-либо такой способъ дѣйствованія, который былъ бы соединенъ съ представленіемъ о бо́льшемъ благѣ или о меньшемъ злѣ и въ силу этого былъ бы способенъ возбудить соотвѣтствующую живую оцѣнку и, такимъ образомъ, парализовать силу влеченія къ опредѣленному активному проявленію, развившагося подъ ассоціативными вліяніями. Оно не можетъ сдѣлать этого по той причинѣ, что даже и въ томъ случаѣ, если бы оно просматривало цѣлесообразность того способа дѣйствованія, который руководится указаніями предшествовавшаго опыта, это только уравнивало бы этотъ способъ съ каждымъ изъ возможныхъ другихъ со стороны состоятельности предположенія, при немъ подразумѣвающагося, такъ что возникающія ассоціативнымъ путемъ чувствованія и позывы къ опредѣленнымъ активнымъ проявленіямъ, а равно и образовавшаяся непосредственная связь между такими проявленіями и воспріятіями оказывались бы и въ этомъ даже случаѣ особою фактически дѣйствующею силою, влекущею волю въ опредѣленномъ направленіи и остающеюся неуравновѣшенной или непарализованной никакимъ преимуществомъ никакого другого способа дѣятельности. А поэтому, если не привходитъ какого-либо сторонняго мотива, не заключающагося непосредственно въ самыхъ результатахъ критическаго сознанія, то этой постоянной дополнительной силѣ должно принадлежать рѣшающее дѣйствіе.

Правда, противъ такого вывода можно, повидимому, съ правомъ возразить: почему же сама принимаемая (хотя бы и ошибочно) тѣмъ

или другимъ сознаніемъ при эмпиристически-скептическихъ выводахъ совершенная равноцѣнность каждаго изъ возможныхъ способовъ дѣйствованія со стороны права ожидать отъ нихъ благотворныхъ результатовъ не должна бы оказаться способной ослаблять опытно-образовавшіеся мотивы къ опредѣленнымъ активнымъ проявленіямъ? Выше мы видѣли, что пріобрѣтаемое съ расширеніемъ опыта убѣжденіе въ несоотвѣтствіи той или другой опредѣленной ассоціаціи представленій дѣйствительному соединенію явленій, обозначаемыхъ этими представленіями, какъ бы ни была тѣсна связь этой ассоціаціи съ опредѣленными активными проявленіями, ведетъ, хотя бы и постепенно, къ полному устраненію ассоціативно возникавшихъ чувствованій, позывовъ и дѣйствій. И на первый взглядъ можетъ представляться непонятнымъ, почему подобный же результатъ не могъ бы быть слѣдствіемъ отрицательныхъ выводовъ критическаго сознанія при ихъ слишкомъ крайнемъ, пусть и ошибочномъ истолкованіи. Если тамъ идетъ дѣло о рѣшительномъ несоотвѣтствіи между ассоціаціей и дѣйствительностію, а здѣсь во всякомъ случаѣ остается открытой возможность продолженія въ будущемъ порядка явленій, допускающаго законность заключеній отъ ассоціацій къ сочетаніямъ явленій, ожидаемымъ въ будущемъ, то при полномъ уравненіи этой возможности съ каждой изъ безчисленныхъ произвольно измышляемыхъ другихъ возможностей и при отожествленіи этого равенства съ равноцѣнностію результатовъ какихъ бы то ни было активныхъ проявленій, не могутъ ли, или даже не должны ли опытно образовавшіеся позывы къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ и непосредственныя связи послѣднихъ съ воспріятіями представляться сознанію, если разсматривать ихъ въ качествѣ особыхъ, дополнительныхъ мотивовъ къ дѣйствію, совершенно незаконными мотивами? Вѣдь въ основаніи ихъ лежатъ воспринимавшіеся ранѣе факты соединенія явленій, которые съ эмпиристически-скептической точки зрѣнія ничего не могутъ доказывать относительно соединенія явленій въ будущемъ. И не въ правѣ ли поэтому критическое сознаніе, противопоставивъ этимъ мотивамъ эту мысль о незаконности ихъ особаго вліянія, стараться дѣйствовать наперекоръ этому вліянію, намѣренно совершать выборъ изъ равноправныхъ возможностей совершенно произвольно или на удачу?

Однако эти разсужденія были бы ошибочны уже въ томъ отношеніи, что они представляютъ борьбу сознанія съ опытно-развившимися влеченіями къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ какъ совершенно законный выводъ изъ признанія полной равноцѣнности результатовъ этихъ дѣй-

ствій съ результатами какихъ бы то ни было другихъ дѣйствій. Этотъ выводъ былъ бы вполнѣ справедливъ, если бы на благосостояніе организма, на поддержаніе котораго направлено дѣйствіе и отъ содѣйствія которому оно получаетъ свою цѣну, могъ оказывать вліяніе исключительно только результатъ этого дѣйствія. Но на него несомнѣнно оказываетъ вліяніе и та степень усилій, какую требуетъ самое выполненіе дѣйствія, такъ какъ тяжесть этихъ усилій умаляетъ благосостояніе при достиженіи результата и увеличиваетъ неблагосостояніе при его недостиженіи. А поэтому при предполагаемой совершенной равноцѣнности различныхъ активныхъ проявленій, предназначаемыхъ для поддержанія благосостоянія организма, со стороны ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ, не только можетъ служить и фактически служитъ, но и совершенно законно должно служить мотивомъ для выбора того или другого изъ нихъ отсутствіе препятствій къ его осуществленію, требующихъ такого напряженія силъ, которое способно вести къ нарушенію благосостоянія. Для того, чтобы сознательно выборъ палъ на активное проявленіе, предполагающее для своего осуществленія подобное препятствіе, нужно, чтобы это проявленіе представляло какое либо особое преимущество передъ другими активными проявленіями, способное компенсировать тотъ ущербъ благосостоянія, который причиняется усиліями, необходимыми для преодолѣнія этого препятствія. Понятно, что и при дѣятельности, направленной на благосостояніе организма, требовать преодолѣнія опытно образовавшихся невольныхъ влеченій къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ во имя продполагаемой равноцѣнности этихъ дѣйствій съ какими угодно другими по ожидаемымъ отъ нихъ результатамъ,—это значитъ въ дѣятельности, направленной на благосостояніе организма, вполнѣ игнорировать тотъ ущербъ благосостоянію, который связанъ съ самимъ противодѣйствіемъ этимъ влеченіямъ. Вмѣсто правильнаго разсужденія мы имѣемъ здѣсь явную ошибку.

Конечно, ошибки въ практическихъ расчетахъ сознанія, а отсюда нецѣлесообразныя дѣйствія очень обычны въ жизни людей даже и тогда, когда люди, не задаваясь никакими критическими вопросами, слѣдуютъ и хотятъ слѣдовать въ своей практической жизни указаніямъ опыта; и эти ошибки также вліяютъ на чувствованія и позывы къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ, какъ и правильныя мнѣнія. Но ошибка, о которой теперь идетъ рѣчь, т. е. совершенный просмотръ того ущерба для благосостоянія, который связанъ съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ ассоціативно сложившемуся строю практической жизни, возможна только въ отвлеченномъ мышленіи, когда сознаніе опери-

руетъ съ простымъ представленіемъ противодѣйствія этому строю; но она невозможна при послѣдовательномъ проведеніи основаннаго на ней взгляда въ жизни. Она здѣсь невозможна уже потому, что въ такомъ случаѣ сознанію пришлось бы начинать съ фактическаго противодѣйствія этому строю, непосредственно испытывая или переживая всю трудность этой борьбы, при чемъ просмотрѣть тяжесть ея, конечно, не возможно. Когда дѣло идетъ о временной задержкѣ обусловленнаго прошедшимъ опытомъ активнаго проявленія, вызываемаго къ тому же не настоятельною потребностію, тогда, конечно, достаточно какого-нибудь ничтожнаго, даже искусственно созданнаго мотива, напримѣръ, просто капризнаго желанія намѣренно поступить въ противорѣчіе съ опытомъ,—достаточно для того, чтобы нѣкоторый, можетъ быть, даже едва замѣчаемый нами подъемъ самочувствія отъ исполненія этого желанія компенсировалъ усилія, потребныя для задержки ассоціативно вызываемаго возникшею потребностію активнаго проявленія. Но когда дѣло идетъ о постоянной задержкѣ опредѣленныхъ вступившихъ въ тѣсныя ассоціативныя связи активныхъ проявленій или въ постоянной замѣнѣ ихъ другими, тогда, какъ это хорошо знаетъ каждый, вступавшій въ борьбу съ тѣми или другими изъ своихъ навыковъ, требуется для этого такая концентрація вниманія и такія усилія сознанія, которыя, если эти обнаруженія касаются исключительно интересовъ поддержанія благосостоянія, нуждаются въ какихъ-либо того же рода значительныхъ и явныхъ преимуществахъ новаго способа дѣйствованія для того, чтобы быть послѣдовательно проведенными. И если расширеніе знанія, когда оно сопровождается обнаруженіемъ несостоятельности той или другой изъ установившихся ассоціацій, ведетъ къ усиліямъ замѣнить привычныя активныя обнаруженія, основанныя на этой ассоціаціи, другими, то тяжесть этихъ усилій въ этихъ случаяхъ явно компенсируется сознаніемъ преимущества этихъ другихъ проявленій предъ оказавшимися нецѣлесообразными прежними, чего совсѣмъ не предполагается при той задержкѣ опытно обусловленныхъ активныхъ проявленій или при той замѣнѣ ихъ произвольно выбранными другими, которая могла бы претендовать на то, чтобы считаться за послѣдовательный результатъ односторонне истолкованныхъ эмпирически-скептическихъ выводовъ.

Но есть и другое не менѣе существенное различіе послѣдней замѣны отъ первой, на которомъ еще прямѣе и непосредственнѣе обнаруживается отношеніе между ними со стороны возможности ихъ

осуществленія. Расширеніе опыта, разрушая вѣру въ ту или другую ассоціацію представленій, обыкновенно вызываетъ нужду въ послѣдовательной замѣнѣ только нѣкоторой части активныхъ проявленій, вызываемыхъ опредѣленными условіями, — нѣкоторой части, ничтожной сравнительно съ общею ихъ совокупностію. Такимъ образомъ для сознанія здѣсь ставится ограниченная, хотя нерѣдко и требующая большихъ усилій задача. Въ прямую противоположность этому, при послѣдовательномъ примѣненіи къ практической жизни односторонне истолкованныхъ отрицательныхъ критическихъ результатовъ, перемѣна должна обнимать весь сполна сложившійся строй практической жизни, всю совокупность активныхъ проявленій, такъ какъ всѣ они безъ исключенія и съ разныхъ сторонъ, какъ мы уже знаемъ, оказываются ассоціативно обусловленными. Активныя проявленія постоянно вызываются самыми разнообразными поводами въ жизни сознанія. Понятно, что послѣдовательная борьба противъ вліянія ассоціативныхъ связей при каждомъ изъ этихъ проявленій потребовала бы отъ сознанія развитія такой энергіи, которая далеко превосходитъ наличныя силы каждаго человѣческаго сознанія, не говоря уже о томъ, что и производительность этихъ наличныхъ силъ обусловлена также опытно пріобрѣтенной приспособленностію къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ при опредѣленныхъ условіяхъ и, слѣдовательно, всегда уже сама предполагаетъ въ той или другой степени согласованность активныхъ обнаруженій съ сложившимся уже строемъ практической жизни сознанія.

Правда, мы хорошо знаемъ, что въ борьбѣ съ внутренними препятствіями то, чего сознаніе не можетъ сдѣлать быстро, можетъ быть имъ достигнуто постепенно, путемъ повторяющихся продолжительное время усилій: такъ полное преобразованіе того или другого твердо укоренившагося навыка, совершающееся подъ вліяніемъ развитія опыта, разрушающаго вѣру въ ассоціаціи, которыя лежали у него въ основаніи, требуетъ болѣе или менѣе продолжительнаго времени и повторяющихся усилій. Но для того, чтобы успѣхъ борьбы зависѣлъ отъ повторяющихся въ продолжительное время усилій, нужно, чтобы отъ этихъ усилій постепенно ослабѣвали тѣ препятствія, противъ которыхъ они направлены; если же они отъ противодѣйствующей имъ дѣятельности сознанія не ослабѣваютъ, а тѣмъ болѣе если подъ вліяніемъ этого противодѣйствія сознанія они возростаютъ, то, конечно, результатъ подобной борьбы не можетъ представляться достижимымъ. Борьба съ ассоціативно вызываемыми активными про-

явленіями, когда эта борьба обусловлена расширеніемъ опыта, обнаруживающаго несостоятельность прежней вѣры въ тѣ или другія ассоціаціи, потому и сулитъ успѣхъ, что здѣсь даны условія, при которыхъ возможно постепенное ослабленіе того противодѣйствія, которое противопоставляетъ образовавшійся механизмъ реформирующей дѣятельности сознанія. Такъ какъ расширеніе опыта, приводящее къ отрицательнымъ выводамъ относительно той или другой ассоціаціи, само должно имѣть въ основаніи факты, которые стоятъ въ прямомъ или косвенномъ противорѣчіи съ этой ассоціаціей, то ознакомленіе сознанія съ этими фактами, а тѣмъ болѣе непосредственное переживаніе ихъ должно, по самымъ законамъ ассоціаціи, постепенно ослаблять связь, соединяющую съ этою ассоціаціею чувствованія и позывы къ опредѣленнымъ активнымъ проявленіямъ. Съ другой стороны и самыя попытки замѣны привычнаго дѣйствованія другимъ, пусть и требовавшія въ первое время особыхъ усилій сознанія, тѣмъ не менѣе, на сколько онѣ основывались на указаніяхъ опыта, въ которомъ доселѣ не измѣнялся порядокъ явленій, должны были вести къ удовлетворенію потребностей, для удовлетворенія которыхъ предназначались и прежнія активныя проявленія, и вслѣдствіе этого подъ вліяніемъ происходящихъ отсюда чувствованій содѣйствовать образованію новыхъ ассоціацій, также ослабляющихъ постепенно вліяніе ассоціацій, признанныхъ несостоятельными. Что же касается попытокъ дѣйствовать наперекоръ опытно сложившемуся строю активной стороны психической жизни, которыя не были бы вызваны обнаружившимся измѣненіемъ порядка самихъ явленій, а исходили бы изъ чисто теоретической увѣренности въ ежеминутной возможности этого измѣненія, но онѣ должны вести не къ ослабленію, а, наоборотъ, къ усиленію того противодѣйствія, которое долженъ оказывать этотъ строй подобнымъ попыткамъ и тѣмъ достаточно явно свидѣтельствовать о тщетности и совершенной безсмысленности всѣхъ усилій сознанія къ его переформированію. Всякая совершенно произвольная задержка обусловленнаго этимъ строемъ дѣйствія или всякая замѣна его на удачу выбраннымъ другимъ во всякомъ случаѣ должна сопровождаться задержкой въ удовлетвореніи вызывавшей его потребности, а слѣдовательно, вести къ усиленію чувствованія неудовлетворенности. И этотъ результатъ, конечно, долженъ повторяться при всякой дальнѣйшей подобной задержкѣ или замѣнѣ, и притомъ касаться всякихъ потребностей, не незначительныхъ только, но и самыхъ существенныхъ. Съ другой стороны, до тѣхъ поръ, пока теоретически признанная возможной непри-

годность основанныхъ на всемъ прошломъ опытѣ активныхъ проявленій остается фактически неудостовѣренной, основанныя на этой теоретической возможности и оказывающіяся неудачными попытки искать удовлетворенія потребности въ задержкѣ этихъ активныхъ проявленій или произвольной замѣнѣ ихъ другими должны усиливать позывъ къ задерживаемымъ проявленіямъ; интенсивность этого позыва должна возрастать соотвѣтственно росту чувства неудовлетворительности, болѣе и болѣе усиливающагося отъ продолжающейся задержки въ удовлетвореніи потребностей.

Изъ всего этого ясно, что самая конституція активной стороны жизни сознанія такова, что она ставитъ непреодолимыя преграды для послѣдовательнаго примѣненія къ активнымъ проявленіямъ односторонне истолкованныхъ выводовъ эмпиристическаго скептицизма. И если несомнѣнно, что въ практической жизни мы вообще очень часто примѣняемъ ошибочные выводы, то не менѣе несомнѣнно, что ошибочные выводы, о которыхъ сейчасъ идетъ у насъ рѣчь, стоятъ въ такомъ глубокомъ противорѣчіи съ нашей психической организаціей и это противорѣчіе такъ быстро и недвусмысленно должно выдавать себя при каждой попыткѣ ихъ активнаго примѣненія, что никакого недоразумѣнія для сознанія здѣсь быть не можетъ, и въ активныхъ проявленіяхъ, которыхъ значеніе опредѣляется требованіями инстинкта самосохраненія, нормальное сознаніе не можетъ отрѣшиться отъ обусловленности опытомъ до тѣхъ поръ, пока не парализованы проявленія этого инстинкта или пока не произошла такая катастрофа въ мірѣ явленій, которая сама собою разрушила бы самую возможность для сознанія непосредственно оцѣнивать значеніе какъ внѣшнихъ явленій, такъ и нашихъ активныхъ проявленій на основаніи сопровождавшаго ихъ въ прошломъ упадка или подъема нашего благосостоянія.

Такъ открывается возможность и для послѣдовательно проведеннаго эмпиризма, который долженъ отрицать дѣйствительное познавательное значеніе опыта съ его ассоціаціями, придавать тѣмъ не менѣе опыту значеніе необходимаго руководственнаго начала для дѣятельности одушевленнаго организма, чувствующаго принудительную потребность оберегать свое благосостояніе съ помощію собственныхъ активныхъ проявленій.

Отсюда не трудно вывести и обязательное отношеніе этого послѣдовательнаго эмпиризма къ научному знанію съ его послѣдними посылками. Если сознаніе въ его практической дѣятельности, направленной на поддержаніе благосостоянія организма, и должно дѣй-

ствовать и фактически неизбѣжно дѣйствуетъ такъ, какъ требовало бы того предположеніе о продолженіи въ будущемъ такого порядка явленій, при которомъ прошедшія сочетанія явленій способны бы были давать указанія на будущія ихъ сочетанія, то такое дѣйствованіе, конечно, должно оказываться тѣмъ плодотворнѣе для своей цѣли, чѣмъ шире эти указанія обнимаютъ сферу явленій, которыя могутъ стоять во взаимодѣйствіи съ организмомъ, и чѣмъ они тверже и взаимно согласованнѣе. Чѣмъ шире опытныя указанія обнимаютъ область явленій, способныхъ стоять во взаимодѣйствіи съ одушевленнымъ организмомъ, тѣмъ болѣе для сознанія данныхъ, по которымъ можно предусматривать возможный подъемъ или упадокъ благосостоянія организма, и тѣмъ болѣе матеріала для изысканія средствъ способствовать первому и предупреждать послѣдній, конечно, подъ указаннымъ предположеніемъ сохраненія въ будущемъ того же порядка явленій. Чѣмъ тверже и взаимно согласованнѣе опытныя показанія, тѣмъ вѣрнѣе, конечно, подъ тѣмъ же предположеніемъ, ведутъ они къ цѣли, такъ какъ эта твердость и согласованность опытныхъ указаній есть слѣдствіе того, что направляемыя ими активныя проявленія въ прошедшемъ постоянно примѣнялись и постоянно достигали цѣли, удовлетворяя обнаруживающимся потребностямъ. Но наука съ точки зрѣнія эмпиризма и должна имѣть своею цѣлью расширять свѣдѣнія о явленіяхъ, а слѣдовательно и указанія, которыми можетъ пользоваться сознаніе для практическихъ цѣлей, и придавать этимъ свѣдѣніямъ твердый и внутренне согласованный характеръ. Поэтому та же самая потребность поддерживать благосостояніе организма, которая, какъ мы видѣли, неизбѣжно стоитъ подъ руководствомъ опыта въ своихъ активныхъ проявленіяхъ, должна вести къ возвышенію значенія научнаго знанія и къ стремленію къ его пріобрѣтенію и расширенію, на сколько самъ же опытъ эту твердость и взаимную согласованность научныхъ положеній (т. е. необходимую мыслимость посылокъ и выводовъ и отсутствіе остающихся неразрѣшенными возраженій противъ нихъ), и это расширеніе съ ихъ помощію свѣдѣній объ области явленій ассоціативно связываетъ съ способностію наиболѣе широкаго и плодотворнаго удовлетворенія нуждамъ существованія и развитія организма.

III.

Такъ какъ послѣдовательный эмпиризмъ, приводя къ отрицанію логической значимости результатовъ познавательныхъ процессовъ,

вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ отвергать и психологическую необходимость той вѣры, которая до развитія критическаго сознанія сопровождаетъ наиболѣе твердыя ассоціаціи и которая представляетъ теоретическое утвержденіе истинности сужденія, опирающееся на непредставимость исключеній изъ него, то разъясненное сейчасъ непосредственное и независимое отъ критическихъ выводовъ вліяніе познавательныхъ процессовъ на практическую жизнь сознанія, конечно, должно имѣть для него существенную важность. Единственно на него могъ бы послѣдовательный эмпиристъ опереться въ своихъ попыткахъ разъяснить какъ все то значеніе, которое опытъ неизмѣнно фактически сохраняетъ для сознанія при всемъ различіи гносеологическихъ взглядовъ, такъ и всѣ тѣ усилія, какія дѣлало сознаніе съ цѣлію оправдать опытъ.

Конечно, такое признаніе независимаго отъ критическихъ выводовъ непосредственнаго значенія опыта для практической жизни сознанія само по себѣ не вознаграждало бы за утрату той цѣнности, которую обычное сознаніе усвояетъ результатамъ познавательныхъ процессовъ именно какъ познавательныхъ процессовъ, т. е. какъ процессовъ, имѣющихъ своей задачей знаніе, постиженіе истины. Оно освобождало бы только послѣдовательно проведенный эмпиризмъ отъ прямого противорѣчія съ фактами, свидѣтельствующими о неотразимомъ вліяніи результатовъ познавательныхъ процессовъ на сознаніе, но оставляло бы во всей силѣ то требованіе отреченія отъ знанія въ собственномъ смыслѣ, которое не мирится съ стремленіемъ сознанія къ такому именно знанію. И въ этомъ, казалось бы, нужно искать объясненіе той настойчивости, въ какой представители новаго эмпиризма стремятся устранить скептическіе выводы Юма и обезпечить, вопреки послѣдовательности эмпиризма, за результатами познавательныхъ процессовъ ту спеціальную, въ собственномъ смыслѣ познавательную цѣнность, которую усвояетъ имъ обычное сознаніе. Однако, что касается собственно Спенсеровой системы, то въ ней, несмотря на ея рѣшительное утвержденіе полной достовѣрности знанія, господствуетъ такой взглядъ на психическую жизнь, по которому вліяніе ассоціацій на практическую сторону душевной жизни должно получить такое исключительное значеніе, что познавательная значимость научныхъ положеній, какъ скоро она перестала бы считаться необходимымъ условіемъ вліянія ихъ на практическую жизнь сознанія, должна бы потерять всякую цѣнность для сознанія.

Чтобы уяснить независимое отъ рѣшенія тѣмъ или другимъ сознаніемъ общаго критическаго вопроса значеніе продуктовъ познава-

тельной дѣятельности, я останавливался исключительно на огромной группѣ такого рода активныхъ проявленій, которыя предназначаются служить обезпеченію благосостоянія одушевленнаго организма. Это дѣлалось, конечно, прежде всего по той причинѣ, что независимость отъ личнаго индивидуальнаго опыта того инстинкта, который лежитъ въ основаніи этихъ проявленій, наиболѣе легко можетъ быть твердо констатируема, а потому не можетъ отрицаться никакой гносеологической теоріей и, слѣдовательно, не требуетъ обширныхъ, не имѣющихъ близкаго отношенія къ нашей главной темѣ изслѣдованій. Но эта связь независимой отъ рѣшенія общаго критическаго вопроса цѣнности результатовъ познавательныхъ процессовъ именно съ активными проявленіями, явно направленными на обезпеченіе благосостоянія организма, получаетъ и свою особую важность, когда обсужденію подлежатъ взгляды Спенсера на цѣнность этихъ познавательныхъ процессовъ.

Одинъ изъ самыхъ основныхъ психологическихъ взглядовъ его состоитъ въ томъ, что всѣ психическіе процессы, отъ низшихъ до самыхъ высшихъ, должны разсматриваться какъ процессы непрерывнаго приспособленія внутреннихъ (въ самомъ организмѣ устанавливаемыхъ) отношеній къ внѣшнимъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и всѣ безъ исключенія познавательные процессы въ человѣческомъ сознаніи должны оказаться такими же процессами приспособленія [2]). Подъ приспособленностію внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ Спенсеръ понимаетъ способность организма при вліяніи на него внѣшнихъ условій отвѣчать такими обнаруженіями, которыя оказываются выгодными для продолженія жизни, т. е. содѣйствуютъ ея сохраненію. Поэтому непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ обнимаетъ у него какъ образованіе въ одушевленномъ организмѣ болѣе или менѣе устойчивыхъ механизмовъ, служащихъ этой цѣли, такъ и непосредственное примѣненіе ихъ къ фактической жизни сознанія. Такой взглядъ на психическую жизнь онъ старается провести во всей его послѣдовательности. Проводя въ своей психологіи эволюціонный взглядъ на развитіе организмовъ, онъ старается представить эволюцію процессовъ знанія низшихъ формъ одушевленныхъ существъ до человѣка и интеллектуальное развитіе самого человѣческаго рода какъ расширеніе сферы соотвѣтствій внутреннихъ отношеній внѣшнимъ, составляющее въ одно и то же время и посте-

[1]) First Princ. § 25. Princ. of Psych. § 131.
[2]) Ibid. Princ. of Psych. §§ 174, 176.

пенное усложненіе психической жизни и обезпеченіе сохраненія ея въ этой усложненной формѣ. Конечно, это не значитъ, что каждый актъ знанія, каждая установка связи явленій въ сознаніи должны имѣть непосредственное примѣненіе къ тому или другому активному проявленію, имѣющему то или другое значеніе для поддержанія жизни. При описаніи процессовъ знанія Спенсеру самому приходится констатировать возникновеніе и такихъ ассоціацій, гдѣ устанавливающаяся вслѣдствіе частой встрѣчи опредѣленныхъ явленій въ сознаніи связь между представленіями о нихъ не ведетъ за собою непосредственно ни дѣйствія, ни стремленія къ дѣйствіямъ, „такъ какъ не имѣетъ никакихъ непосредственныхъ отношеній къ нуждамъ организма“ [1]). Но разсматривая всѣ процессы знанія, подобно всѣмъ другимъ явленіямъ сознанія, какъ существенный ингредіентъ того непрерывнаго приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, въ которомъ состоитъ, по его ученію, даже не психическая только жизнь, но и жизнь вообще, онъ можетъ, конечно, и не придавать значенія неизбѣжному появленію въ сознаніи ассоціацій, совершенно случайно связанныхъ съ процессами, въ которыхъ выражается ея сущность. Съ другой стороны, и не имѣя прямого и непосредственнаго отношенія къ тому приспособленію внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, которое, какъ предполагается, опредѣляетъ существованіе всѣхъ явленій въ организмѣ, опредѣленная ассоціація можетъ имѣть отношеніе къ нему косвенное, хотя и не менѣе существенное. И подробно слѣдя за развитіемъ приспособленій внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, обусловливаемыхъ знаніемъ, Спенсеръ, говоря о самыхъ далекихъ отъ практическаго примѣненія научныхъ истинахъ, относящихся, напримѣръ, къ отдаленнѣйшимъ отъ насъ періодамъ времени, каковы многія истины астрономіи и геологіи, напоминаетъ о существенномъ вліяніи ихъ на весь образъ дѣйствій нашей расы, хотя бы и вліяніи косвенномъ чрезъ „упраздненіе древнихъ теорій и взглядовъ на мірозданіе и человѣка“ [2]).

И на сколько послѣдовательно Спенсеръ стремится провести этотъ взглядъ на назначеніе умственной дѣятельности, какъ служащей исключительно приспособленію внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, это видно изъ того, что онъ ставитъ съ нимъ въ связь свое ученіе объ относительности человѣческаго знанія, о совершеннѣйшей неспособности ума постигать дѣйствительную природу ставимыхъ имъ въ отно-

[1]) Ibid. § 200 оконч.
[2]) Ibid. § 150.

шенія какъ предметовъ, такъ и ихъ дѣйствій и состояній. Установленное имъ опредѣленіе психической жизни именно какъ непрерывнаго приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ приводитъ его къ заключенію, что не только невозможно знать вещей въ нихъ самихъ, но даже, если бы такое знаніе и было возможно, оно было бы безполезно [1]).

Мы привели этотъ господствующій въ психологіи Спенсера взглядъ не съ тѣмъ, чтобы здѣсь подвергать его обсужденію: это слишкомъ далеко отвлекло бы насъ отъ нашей главной темы. Мы привели его съ тѣмъ, чтобы соотнести его съ тою настойчивостію, съ какой онъ пытается, вопреки послѣдовательности эмпиризма, отстоять достовѣрность человѣческаго знанія.

На сколько одушевленный организмъ, который отъ природы одаренъ потребностію самосохраненія и благосостояніе котораго поставлено въ зависимость отъ цѣлесообразности его активныхъ проявленій, неизбѣжно пользуется результатами происходящихъ въ немъ познавательныхъ процессовъ для цѣлесообразнаго направленія этихъ активныхъ проявленій, на столько, конечно, познавательные процессы съ ихъ результатами играютъ роль средства, необходимаго для сохраненія и поддержанія жизни. Но философія Спенсера, очевидно, этимъ не ограничивается. Смотря на всѣ психическіе процессы, а съ ними и на всѣ познавательные процессы исключительно какъ на непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, обезпечивающее возможность цѣлесообразныхъ въ интересахъ поддержанія и сохраненія жизни реакцій на внѣшнія вліянія, Спенсеръ тѣмъ самымъ превращаетъ познавательные процессы исключительно въ средство для этого сохраненія и поддержанія жизни. Но если это такъ, то для сознанія все значеніе, вся цѣнность достовѣрности знанія или способности его быть логически оправданнымъ, подобно значенію или цѣнности того свойства знанія, которое возвышало бы его надъ признаваемою Спенсеромъ его относительностію, должна стоять въ зависимости отъ того, на сколько это логическое оправданіе знанія нужно для того, чтобы знаніе отвѣчало единственной и исключительной его цѣли. Но выше мы видѣли, что руководство сознанія результатами познавательныхъ процессовъ въ интересахъ поддержанія жизни не нуждается въ признаніи достовѣрности знанія для того, чтобы быть единственно цѣлесообразнымъ и принудительнымъ для сознанія, дѣй-

[1]) First Princ. § 25 оконч.

ствующаго подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія, — не нуждается до тѣхъ поръ, пока не разрушится порядокъ явленій, обусловливающій самую возможность существованія организмовъ. Поэтому не долженъ ли послѣдовательный эмпиристъ точно также считать совершенно безполезной замѣну этого логически неоправдываемаго знанія знаніемъ, способнымъ къ логическому оправданію, подобно тому какъ самъ Спенсеръ совершенно безполезнымъ считаетъ возвышеніе знанія надъ его наличною относительностію? Такимъ образомъ та самостоятельная цѣнность, которая обычнымъ сознаніемъ приписывается знанію и которая требуетъ знанія, способнаго къ логическому оправданію, должна быть сочтена простой иллюзіей сознанія, потребностямъ котораго должно вполнѣ удовлетворять неспособное къ такому оправданію знаніе. Такъ получался бы общій философскій взглядъ, вполнѣ гармонирующій съ скептическими выводами послѣдовательнаго эмпиризма.

Н) Новый эмпиризмъ и общій критическій вопросъ о свободѣ знанія отъ предвзятыхъ предположеній.

При послѣдовательномъ проведеніи характеризующихъ новый эмпиризмъ взглядовъ, т. е. при расширеніи Юмовскаго отрицанія умозрительной очевидности не только даже на математическое знаніе, но и на логическія формулы выводовъ и при ассоціанистическомъ объясненіи генезиса сужденій, претендующихъ на такую очевидность, ученіе новаго эмпиризма о знаніи и его значеніи, какъ видно изъ всего предшествующаго, должно сводиться къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ:

1) Послѣднимъ основаніемъ знанія должно считаться не методическое индуктивное изслѣдованіе непосредственно данныхъ фактовъ, какъ хотѣлъ Милль, а, согласно взгляду Спенсера, наивысшая ассоціативная связь представленій; индуктивный же методическій процессъ, подобно всякому другому методическому процессу, самъ долженъ искать своего оправданія въ той же ассоціативной связи. И непослѣдовательность Спенсера при объясненіи имъ фактически существующаго знанія заключается только въ томъ, что совершенно достаточнымъ признакомъ этой связи онъ считаетъ ея неразрывность, игнорируя неизбѣжный дополнительный ея признакъ, отсутствіе стоящихъ въ антагонизмѣ съ сужденіемъ, опирающимся на эту связь, другихъ сужденій, имѣющихъ также притязаніе опираться на ассоціативныя связи представленій.

2) При отрицаніи новымъ эмпиризмомъ умозрительной очевидности логическихъ формулъ научныя положенія, вопреки одинаково Миллю какъ и Спенсеру, не могутъ имѣть притязанія на познавательную въ собственномъ смыслѣ цѣнность. Однако этотъ неизбѣжный теоретическій скептицизмъ не отнимаетъ у эмпиризма права отстаивать цѣнность научныхъ положеній для сознанія во имя фактическаго значенія ассоціативныхъ процессовъ для практической дѣятельности человѣка, направленной на удовлетвореніе настоятельныхъ, присущихъ человѣческой природѣ, потребностей.

Такое объясненіе знанія и его значенія, очевидно, предполагаетъ господственную роль ассоціативныхъ процессовъ во всей психической жизни. Ассоціативные процессы, соединяя ощущенія одно съ другимъ и съ представленіями объ ощущеніяхъ, ранѣе испытанныхъ, и перерабатывая этотъ матеріалъ въ опредѣленные неразрывные комплексы, которые обычное сознаніе принимаетъ при актахъ воспріятія за непосредственно данныя явленія, создаетъ то, чѣмъ наука пользуется какъ твердо установленными фактами. Наиболѣе твердо установленныя и наиболѣе взаимно согласованныя самыя общія ассоціативно образовавшіяся связи между фактами даютъ наукѣ высшія основоположенія, безъ которыхъ она также обойтись не можетъ при установкѣ изслѣдуемыхъ ею положеній. И самое это изслѣдованіе, самый выводъ новыхъ положеній изъ фактовъ и установленныхъ ранѣе самыхъ общихъ положеній запечатлѣнъ также ассоціативнымъ характеромъ, такъ какъ предполагаетъ постановку выводныхъ сужденій въ такія отношенія къ посылкамъ, принудительность которыхъ для сознанія могла образоваться только ассоціативнымъ путемъ. Съ другой стороны, и практическая жизнь сознанія должна давать значеніе вообще результатамъ ассоціативныхъ процессовъ лишь благодаря тому, что она сама со всѣхъ сторонъ обусловливается этими процессами, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ предполагаетъ ассоціативныя связи представленій съ чувствованіями, а чрезъ нихъ и съ активными обнаруженіями. И особую цѣнность собственно научному знанію она можетъ придавать опять-таки черезъ ассоціативные процессы, такъ какъ вліяніе этого знанія на волю предполагаетъ, что представленіе о руководствѣ въ практической жизни твердыми и взаимно согласованными ассоціаціями, т. е. положеніями, имѣющими научный характеръ, ассоціативно соединено съ представленіемъ о наиболѣе надежномъ и наиболѣе широкомъ удовлетвореніи потребностей одушевленнаго существа.

И эта необходимость для новаго эмпиризма, отрицающаго всякую умозрительную очевидность, сводить всю сущность познавательнаго процесса вмѣстѣ съ условіями его фактическаго значенія для сознанія къ тѣмъ же ассоціативнымъ процессамъ, къ которымъ онъ сводитъ и разъясненіе мнимой съ его точки зрѣнія умозрительной очевидности, должна, по моему мнѣнію, имѣть большое значеніе для общей оцѣнки новаго эмпиризма, разсматриваемаго какъ опредѣленное гносеологическое направленіе.

Такъ какъ исторія знанія свидѣтельствовала о наклонности мысли усвоять умозрительную очевидность и такимъ положеніямъ, которыя ея не имѣли, а иногда даже оказывались при развитіи знанія прямо ошибочными, то у Декарта и слѣдовавшихъ за нимъ философовъ, не отрицавшихъ умозрительной очевидности, явилось стремленіе точнѣе опредѣлить критерій этой очевидности. Въ первой главѣ нашего изслѣдованія было указано на тотъ фактъ, что Юмъ, исходя изъ вырабатывавшейся уже ранѣе его мысли, что только аналитическія сужденія могутъ съ правомъ быть признаваемы умозрительными истинами, и стараясь, повидимому, со всею строгостію примѣнить этотъ критерій къ различенію сужденій дѣйствительно умозрительно очевидныхъ отъ такихъ, которыя ошибочно претендуютъ на умозрительную очевидность, тѣмъ не менѣе не достигъ цѣли. По разъясненіямъ Канта оказалось, что не естествознаніе только, какъ должно было выходить по Юму, но и математическія науки не имѣли права считаться удовлетворяющими этому критерію. И этою обнаружившеюся непослѣдовательностію Юма Кантъ воспользовался даже какъ доводомъ въ пользу мысли о невозможности ограничивать сферу умозрѣнія сужденіями аналитическими и требовалъ признанія умозрительной достовѣрности за всѣми сужденіями, характеризующимися въ непосредственномъ сознаніи безусловною всеобщностію и необходимостію, независимо отъ того, оправдываются или не оправдываются они изъ самаго содержанія входящихъ въ нихъ представленій. Хорошо извѣстно, какъ затѣмъ изъ Кантовой системы развились философскія міровоззрѣнія, которыя еще болѣе расширяли права умозрѣнія и которыя однако не оправдали надежды указываемымъ ими путемъ достигнуть твердаго знанія. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ и возникло критическое отношеніе уже не только къ тому расширенію критерія умозрительной очевидности, которое допущено было Кантомъ, но даже и къ тому болѣе ограниченному критерію, который постепенно вырабатывался въ непосредственно предшествующей Канту философіи и

во имя котораго Юмъ пытался сдѣлать точное разграниченіе между истинами, имѣющими дѣйствительно умозрительный характеръ, и положеніями, ошибочно претендующими на умозрительную очевидность. Новый эмпиризмъ, несомнѣнно, выступаетъ въ качествѣ этого, идущаго далѣе Лейбница и Юма, критическаго направленія и стремится довести критическое требованіе о непредвзятости знанія до его возможнаго предѣла.

Конечно, обнаруженная Кантомъ непослѣдовательность Юма сама по себѣ не могла служить доказательствомъ несостоятельности даже вырабатывавшагося въ до-кантовскій періодъ философіи критерія умозрительнаго знанія въ глазахъ такихъ философовъ, которые, подобно философамъ новаго эмпиризма, не находили никакого затрудненія счесть математическія науки чисто опытными науками. Да и признаніе несостоятельности этого критерія само по себѣ еще не оправдывало бы мысли о невозможности установить критерій, который лучше удовлетворялъ бы цѣли. Но примѣръ Юма въ связи съ случаями и болѣе раннихъ и болѣе позднихъ истолкованій умозрительной очевидности, сопровождавшихся неудачными попытками воспользоваться такими истолкованіями въ процессахъ знанія, естественно могъ внушать мысль объ опасности при руководствѣ какимъ бы то ни было критеріемъ умозрѣнія впасть въ непослѣдовательность подобную той, въ какую впалъ Юмъ подъ вліяніемъ влеченія вѣрить тому или другому положенію, и такимъ образомъ внести въ процессъ знанія предвзятыя, остающіяся законно неоправданными, предположенія. Подъ вліяніемъ обнаруживавшейся несостоятельности и постоянной смѣны системъ, опиравшихся на умозрительную очевидность, критическіе запросы шли далѣе. Въ интересахъ предотвращенія иллюзій и ошибокъ въ знаніи возникало стремленіе къ полной безпредвзятости знанія, къ совершенной свободѣ его отъ всякихъ предположеній. На передній планъ выступалъ вопросъ не о критеріи умозрительной очевидности, а о критеріи вообще самой этой безпредвзятости познавательнаго процесса, и притомъ о такомъ критеріи, при примѣненіи котораго исключалась бы самая возможность получить вліяніе въ процессахъ знанія какимъ бы то ни было положеніямъ, которыя принудительно не констатировались бы тою самою объективностію, которая подлежала изслѣдованію. И поэтому, выходя изъ мысли, что наше знаніе во всякомъ случаѣ ближайшимъ образомъ и прежде всего направлено на тотъ міръ явленій, который непосредственно извѣщается въ нашихъ внѣшнихъ воспріятіяхъ и въ нашемъ сознаніи, приходили къ мысли отожествить

критерій, исключающій самую возможность предвзятости нашихъ утвержденій, съ требованіемъ полагать въ основаніе этихъ утвержденій исключительно только непосредственныя свидѣтельства этой объективности о себѣ самой. Вслѣдствіе этого и относительно чисто умозрительной очевидности оказывалось необходимымъ прежде всего рѣшить вопросъ не о томъ, можно ли то или другое положеніе признать дѣйствительно умозрительно очевиднымъ, а о томъ, есть ли право самую умозрительную очевидность, если бы ее можно было констатировать, счесть за не предвзятое, а, слѣдовательно, критически допустимое свидѣтельство объ объективности, составляющей предметъ знанія. И этотъ вопросъ, казалось, разрѣшался легко и самъ собою въ отрицательномъ смыслѣ. Насколько эту очевидность относили къ природѣ самой мысли и такимъ образомъ ставили въ совершенную, повидимому, независимость отъ природы вещей, долженствующихъ составлять предметъ знанія, настолько всякое положеніе, которое было бы признано истиннымъ за свою умозрительную очевидность, заранѣе должно было быть сочтено предвзятымъ мнѣніемъ, такъ какъ эта очевидность, не опираясь на непосредственное свидѣтельство самой объективности, составляющей предметъ знанія, не можемъ гарантировать отъ возможности стать въ противорѣчіе съ проявленіями этой объективности. „Я долженъ протестовать противъ утвержденія, говоритъ Милль [1]), что истинность факта внѣшней природы доказывается склонностію духа вѣрить въ этотъ фактъ". „Доказательство есть не то, чему подчиняется умъ или не можетъ не подчиняться, а то, чему онъ долженъ бы былъ подчиняться, то, при подчиненіи чему вѣра его остается согласною съ фактомъ. На человѣческія способности вообще нѣтъ апелляціи, но есть апелляція отъ одной способности къ другой, отъ способности судить къ способности внѣшнихъ чувствъ и сознанія. Законность этой апелляціи признается всякій разъ, когда допускается, что сужденія наши должны быть согласны съ фактами". И Спенсеръ при самой полемикѣ своей съ Миллемъ за значеніе необходимой мыслимости спѣшитъ завѣрить, что и при признаніи этой необходимой мыслимости за критерій истины онъ ни на одну іоту не поступается требованіемъ безусловной безпредвзятости познавательнаго процесса и твердо и рѣшительно заявляетъ [2]), что опыты отношеній между явленіями въ прошедшемъ составляютъ единственное основаніе нашего настоящаго знанія о такихъ отноше-

[1]) Syst. of Log., II, 96, 97; p. n. II, 89, 90.

[2]) Princ. of Psych., II, 426, см. также 416; p. n. IV, 124, см. также 114.

ніяхъ. И даже въ противоположность недостаточно отчетливо проведенному въ Логикѣ Милля примѣненію этого взгляда къ логическимъ формуламъ, Спенсеръ при этой же полемикѣ особенно ставитъ на видъ [1]), что „пока намъ не будетъ показано, что сознаніе логической необходимости имѣетъ отличное (отъ другихъ знаній) происхожденіе и притомъ происхожденіе болѣе высокаго характера, мы должны принимать, что сознаніе логической необходимости есть точно такой же продуктъ прошедшихъ опытовъ, какъ и сознаніе всякой другой необходимости". Такимъ образомъ, отрицаніе значенія чистой умозрительной очевидности въ новомъ эмпиризмѣ было результатомъ критическаго требованія безусловной безпредвзятости познавательнаго процесса.

Отсюда, конечно, для этого эмпиризма не терялъ вовсе значенія вопросъ о фактическомъ существованіи или несуществованіи въ человѣческомъ сознаніи чисто умозрительныхъ, опредѣляемыхъ природою самой познавательной способности, положеній. Но этотъ вопросъ, очевидно, получалъ здѣсь смыслъ вопроса, не скрывается ли въ самой природѣ познавательной способности непреодолимыхъ препятствій къ совершенной непредъзятости знанія. И этотъ вопросъ обоими философскими представителями эмпиризма рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ, такъ что полная безпредвзятость познавательнаго процесса, исключающая всякую опредѣляемость его, независимую отъ опыта, принимается ими обоими не только какъ идеальное требованіе отъ такого знанія, которое было бы способно достигать своей цѣли, но и какъ выполнимое фактически для человѣческаго знанія требованіе, не встрѣчающее никакихъ непреодолимыхъ препятствій къ своему выполненію въ конституціи самой познавательной способности. И эту выполнимость предъявляемаго къ знанію требованія совершенной безпредвзятости нужно понимать никакъ не въ смыслѣ только предполагаемой въ вышеприведенныхъ словахъ Милля возможности, даже при неизбѣжномъ подчиненіи ума по самой его природѣ предвзятымъ положеніямъ, аппеллировать отъ способности судить къ способности внѣшнихъ чувствъ и сознанія. Уже рѣшительное признаніе обоими философскими представителями новаго эмпиризма познавательнаго въ собственномъ смыслѣ значенія за результатами фактически существующаго знанія, при указанныхъ особенностяхъ критическаго направленія этихъ мыслителей, указываетъ на то, что, по ихъ мнѣнію, человѣческая природа имѣетъ несравненно большую приспособленность къ

[1]) Princ. of Psych., II, 426 p. n. IV. 424.

удовлетворенію предъявляемыхъ ими къ знанію требованій, чѣмъ предполагалось бы простою возможностію этой апелляціи отъ способности судить къ способности чувствъ и сознанія. Оно могло мириться только съ столь же рѣшительнымъ утвержденіемъ дѣйствительной свободы человѣческой познавательной способности отъ безусловно подчиняющихъ и независимыхъ отъ опыта предположеній. И Милль выражаетъ [1]) твердую увѣренность въ томъ, что „нѣтъ предположенія, о которомъ можно бы было утверждать, что человѣческій умъ долженъ вѣрить ему вѣчно и безвозвратно“, и что въ числѣ вѣрованій, принимаемыхъ за инстиктивныя, нѣтъ ни одного дѣйствительно неизбѣжнаго.

И отстаивать такую свободу познавательной способности отъ какихъ бы то ни было независимыхъ отъ опыта предположеній казалось не трудно уже потому, что тѣ изъ положеній, на которыя наиболѣе ссылались какъ на такія истины, вѣра въ которыя обусловлена самой природой познавательной способности, относятся прямо къ положеніямъ, убѣжденіе въ которыхъ вполнѣ удобно, повидимому, объясняется опытомъ. Поднимая вопросъ о геометрическихъ аксіомахъ, которыя искони играли роль наиболѣе убѣдительныхъ примѣровъ умозрительнаго постиженія истины, и останавливаясь на наиболѣе очевидной изъ нихъ—о невозможности двумъ прямымъ замыкать пространство, Милль говоритъ [2]): „Опытныя доказательства (этой аксіомы) тѣснятся вокругъ насъ въ безконечномъ изобиліи, не сопровождаясь ни однимъ случаемъ, въ которомъ можно бы было хоть заподозрить исключеніе изъ правила. Мы имѣли бы вскорѣ бо́льшее основаніе вѣрить аксіомѣ даже какъ истинѣ опытной, чѣмъ какое представляется въ подтвержденіе почти любой изъ общихъ истинъ, которыя мы завѣдомо познаемъ изъ свидѣтельства нашихъ внѣшнихъ чувствъ..... Какая же необходимость предполагать, что эти истины почерпнуты нами не изъ того же источника, какъ и остальное наше знаніе“.

Но стремленіе искать опытнаго происхожденія всякаго убѣжденія, которое претендуетъ на умозрительную очевидность, находило для себя и еще особую чрезвычайную опору въ томъ, что достиженіе этой цѣли обѣщало, повидимому, поставить гносеологію въ гармонію съ тѣмъ направленіемъ, въ которомъ развивается ставшая давно на твердую почву наука о внѣшнемъ бытіи. Въ наукѣ о внѣшнемъ

---

[1]) Syst. of Log., II, 998; p. n., II, 91—92.

[2]) Ibid., I, 259—260; p. n., I, 260—261.

бытіи въ новомъ періодѣ ея развитія оказывается глубоко вкорененнымъ убѣжденіе, что всѣ сложныя формаціи не первоначальны, а имѣютъ исторію своего происхожденія и развились изъ формъ простѣйшихъ. Въ примѣненіи къ наукѣ о знаніи, когда возникаетъ гносеологическій вопросъ о послѣднихъ основаніяхъ вѣры, подъ вліяніемъ этой мысли о происхожденіи всего сложнаго во внѣшнемъ бытіи изъ простѣйшаго и болѣе элементарнаго можетъ казаться не только вполнѣ естественнымъ, но и единственно способнымъ быть научно оправданнымъ стремленіе выдвинуть на передній планъ вѣру въ простѣйшіе и элементарнѣйшіе продукты психической жизни, т. е. въ ощущенія и простѣйшія сочетанія ихъ въ воспріятіи, какъ вѣру въ факты, которые единственно оказываются непосредственно данными въ сознаніи, а на вѣру во все болѣе сложное смотрѣть какъ на результатъ вѣры въ эти простѣйшіе факты. И такъ какъ на умозрительную очевидность обыкновенно претендуютъ положенія, отличающіяся наиболѣе общимъ характеромъ и, слѣдовательно, несомнѣнно представляющія несравненно большую сложность, чѣмъ обнимаемыя ими единичныя сочетанія, то мысль объ умозрительной, слѣдовательно, независимой отъ вѣры въ болѣе первоначальные единичные факты, очевидности общихъ положеній представляется такимъ предположеніемъ, которое можетъ существовать лишь благодаря явному несовершенству психологической науки сравнительно съ науками о внѣшнемъ бытіи. И поэтому совершенно естественно, что послѣ того какъ Юмъ указалъ возможность косвенно, при помощи ассоціативнаго процесса, объяснять изъ вѣры въ частные факты вѣру въ такія общія положенія, которыя самимъ сознаніемъ не сопоставлялись съ частными фактами и не выводились изъ нихъ, объясненіе такимъ путемъ всѣхъ истинъ, признававшихся умозрительно очевидными, казалось получившимъ право противопоставлять себя ученію объ ихъ умозрительной очевидности, какъ научная истина, стоящая на твердомъ базисѣ широкаго ознакомленія съ дѣйствительностію, предвзятому мнѣнію, упорно игнорирующему хорошо установленные факты. Милль въ своей полемикѣ съ Уевелемъ [1]) выражаетъ удивленіе, что придаютъ особое значеніе неспособности представить противорѣчіе тому или другому сужденію и видятъ въ ней доказательство особой достовѣрности сужденія, и, совѣтуя лицамъ, расходящимся съ нимъ во взглядѣ на умозрительныя истины, изучать общіе законы ассоціаціи предста-

[1]) Syst. of Log., I, 266; p. п. I, 266—267.

вленій, выражаетъ увѣренность [1]) въ томъ, что даже посредственное ознакомленіе съ этими законами разсѣетъ мечты объ умозрительномъ характерѣ убѣжденія въ истинахъ, претендующихъ на этотъ характеръ. Спенсеръ, вводя для объясненія особыхъ чертъ истинъ, признававшихся умозрительно очевидными, не опытъ только индивидуальный, какимъ ограничивается это объясненіе у Милля, а вѣковой опытъ безчисленныхъ поколѣній, и соединяя этотъ взглядъ съ теоріей эволюціи, ставитъ гносеологическій вопросъ въ связь еще болѣе тѣсную съ тѣми взглядами, которые, какъ сказано, получили господствующее значеніе въ наукахъ о внѣшнемъ бытіи и тѣмъ, повидимому, въ соотвѣтствующей степени увеличиваетъ научную значимость эмпиризма. Правда, въ этомъ случаѣ природа индивидуальной мысли оказывалась опредѣленной унаслѣдованными задатками, которые должны принудительно вести къ вѣрѣ въ тѣ или другія положенія, но по самой этой теоріи выходило, что эта предопредѣленная унаслѣдованными задатками познавательной способности вѣра должна была быть вѣрою не въ независимыя отъ опыта положенія, а въ положенія, установленныя самимъ опытомъ, данными въ воспріятіи фактами, такъ что данное a priori для индивидуума было даннымъ a posteriori для той цѣпи индивидуумовъ, которой онъ былъ послѣднимъ звеномъ [2]).

Вотъ въ виду этой-то именно основной черты новаго эмпиризма, т. е. въ виду того, что онъ выступаетъ въ качествѣ такого критическаго направленія, которое принципіально отрицаетъ и законность вліянія какихъ бы то ни было независимыхъ отъ опыта положеній на познавательный процессъ, и самое существованіе такихъ положеній, способныхъ оказывать неотразимое вліяніе на познавательную дѣятельность, и получаетъ, по моему мнѣнію, существенную важность тотъ фактъ, что при послѣдовательномъ проведеніи новаго эмпиризма для него оказывается неизбѣжнымъ сводить весь познавательный процессъ и все объясненіе значенія его результатовъ для сознанія къ процессамъ ассоціативнымъ. Является вопросъ: насколько съ такой господствующею ролью ассоціативныхъ процессовъ въ сознаніи согласимо то ученіе объ обязательной для знанія и возможной для него безусловной свободѣ отъ всякихъ независимыхъ отъ опыта предположеній, которое составляетъ гносеологическую и психологическую аксіому для философскихъ представителей новаго эмпиризма и которое

[1]) Syst. of Log., I, 270; p. II, 271.
[2]). Princ. of Psych. II, 195; p. II. III, 205.

въ существѣ дѣла и привело ихъ къ ихъ отрицанію значенія умозрительной очевидности и къ ихъ ассоціанистическому объясненію сужденій, претендующихъ на такую очевидность?

1.

Когда ассоціативный процессъ разсматривается какъ процессъ познавательный, онъ берется, конечно, какъ процессъ, порождающій вѣру, устанавливающій сужденіе. Ассоціативный процессъ порожденія вѣры есть процессъ психологически-механическій и какъ всякій такой процессъ долженъ быть подчиненъ законамъ. То или другое положеніе можетъ только въ томъ случаѣ и въ той мѣрѣ возбуждать чисто ассоціативнымъ путемъ вѣру, когда и въ какой мѣрѣ отвѣчаетъ условіямъ такого порожденія, опредѣляемымъ этими законами, подобно тому, какъ то или другое положеніе въ сознательномъ выводномъ процессѣ только въ томъ случаѣ и въ той мѣрѣ можетъ порождать вѣру, когда и въ какой мѣрѣ отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ отъ положенія, устанавливаемаго съ помощію этого вывода, которыми, вслѣдствіе какихъ бы то ни было условій, руководится сознаніе какъ достаточными для такой установки. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что и въ тѣхъ другихъ областяхъ знанія, откуда заимствуется стремленіе объяснять все сложное изъ простѣйшаго и элементарнаго, необходимо предполагаются условія генезиса сложнаго, связь которыхъ съ возникающимъ результатомъ опредѣляется законами. А когда идетъ дѣло не просто о психологическихъ актахъ, а объ актахъ, порождающихъ вѣру, устанавливающихъ сужденіе, то требуется внимательное и отчетливое разсмотрѣніе, не вносится ли этими условіями вѣры, которыя опредѣлены законами психическаго механизма, какихъ-либо такихъ предположеній о познаваемой объективности, которыя окажутся несогласными съ ученіемъ объ исключительной зависимости результатовъ познавательнаго процесса отъ фактовъ.

Въ чемъ состоятъ тѣ условія, которыя должны считаться опредѣляющими вѣру по законамъ ассоціативнаго психическаго механизма? Обратимся къ самымъ элементарныхъ формамъ ассоціативнаго порожденія вѣры, которыя должны лежать въ основаніи какихъ бы то ни было усложненныхъ формъ того же процесса.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда представленіе, будетъ ли то общее представленіе объ извѣстнаго рода явленіяхъ, или воспріятіе единичнаго явленія этого рода, простѣйшимъ ассоціативнымъ путемъ вызываетъ

вѣру въ то или другое отношеніе представляемыхъ или воспринимаемаго явленій къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ, предполагаются два условія: 1) представляемыя и воспринимаемое теперь явленія, отношеніе которыхъ къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ должно возбуждать вѣру, должны характеризоваться въ нашемъ сознаніи чертами однородными съ явленіями, уже ранѣе существовавшими въ нашемъ воспріятіи; 2) эти послѣднія явленія въ прежнемъ нашемъ опытѣ должны были восприниматься съ тѣмъ отношеніемъ къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ, какое приписываетъ вѣра теперь представляемымъ или воспринимаемому явленіямъ.

Если мы остановимся теперь частнѣе на простѣйшей формѣ ассоціативной вѣры въ общія сужденія, то увидимъ, что возникновеніе вѣры при этихъ условіяхъ признается подчиненнымъ точно опредѣленному закону, который можно формулировать слѣдующимъ образомъ: чѣмъ чаще въ прежнемъ опытѣ встрѣчались явленія, характеризованныя извѣстными чертами и постоянно имѣвшія извѣстное отношеніе къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ, тѣмъ принудительнѣе для нашего сознанія при мысли о всѣхъ явленіяхъ, подобными же чертами характеризованныхъ, соединять съ этимъ общимъ представленіемъ представленіе о такомъ же отношеніи ихъ къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ и тѣмъ тверже наша вѣра въ общее сужденіе, соотвѣтствующее этому соединенію представленій; и эта вѣра должна достигать наивысшей возможной для нея твердости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наивысшаго значенія, когда вслѣдствіе очень частаго появленія указанныхъ фактовъ въ сознаніи въ продолженіе очень долгаго періода связь представленія объ явленіи, характеризующемся извѣстными чертами, съ представленіемъ объ извѣстномъ отношеніи его къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ достигаетъ совершенной ассоціативной неразрывности, не встрѣчая въ то же время себѣ противодѣйствія ни въ какихъ другихъ ассоціаціяхъ. Такимъ образомъ законъ психическаго механизма требуетъ, чтобы наивысшая ассоціативная вѣра въ общія сужденія слѣдовала за возникновеніемъ указанной степени ассоціативной связи между представленіями, которыя соединяются въ этихъ сужденіяхъ, и чтобы эта степень ассоціативной связи слѣдовала за частыми и происходившими въ огромный періодъ времени совпаденіями другъ съ другомъ явленій, на которыя эти представленія указываютъ. Но отсюда слѣдуютъ два вывода. Во-первыхъ, отсюда слѣдуетъ, что достигшая наивысшей твердости и значенія ассоціативная вѣра въ общія положенія можетъ считаться состоятельной только подъ условіемъ признанія состоятель-

ности слѣдующаго положенія: если всѣ постоянно и въ продолженіе огромнаго періода встрѣчавшіяся сознанію явленія, характеризующіяся извѣстными чертами, всегда стояли въ извѣстномъ отношеніи съ опредѣленными другими явленіями, то и всѣ тѣми же чертами характеризующіяся явленія, существовавшія въ прошедшемъ и могущія существовать въ будущемъ, должны стоять въ томъ же отношеніи съ подобными же опредѣленными другими явленіями. Съ этимъ положеніемъ мы уже встрѣчались при разборѣ познавательной значимости науки по эмпиризму. Но отсюда слѣдуетъ, во-вторыхъ, и то, что само это положеніе, какъ скоро въ основаніи знанія полагаются результаты простѣйшихъ ассоціативныхъ процессовъ, должно быть сочтено опредѣляемымъ природой самой познавательной способности, такъ какъ въ немъ формулируется законъ порожденія ассоціативной вѣры, обусловливающей всѣ признаваемые состоятельными ея продукты, претендующіе на значеніе общихъ сужденій; а, слѣдовательно, съ точки зрѣнія того критическаго направленія, которое представляется новымъ эмпиризмомъ, оно должно быть признано предвзятымъ предположеніемъ, при которомъ знаніе не можетъ достигать своей цѣли.

Простѣйшій ассоціативный процессъ порожденія твердой вѣры въ общія сужденія, очевидно, представляетъ собою механически-психологическій эквивалентъ опредѣленнаго сознательнаго вывода, именно той формы простѣйшей индукціи, которая характеризуется какъ обобщеніе огромной массы тщательно собранныхъ и провѣренныхъ частныхъ фактовъ. Ряды частныхъ многочисленныхъ фактовъ, отличающихся извѣстными характеристическими чертами и (при благопріятныхъ для вывода условіяхъ) оказывающихся имѣющими извѣстное отношеніе къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ, сознательно при индукціи выискиваемые и обозрѣваемые въ интересахъ установки общаго сужденія, очевидно, соотвѣтствуютъ въ ассоціативномъ процессѣ огромнымъ массамъ проходящихъ черезъ сознаніе фактовъ согласныхъ съ имѣющимъ установиться безъ активнаго участія сознанія общимъ сужденіемъ. И подобно тому, какъ сознательно обозрѣваемые при индуктивномъ выводѣ факты соединенія явленій, характеризуемыхъ извѣстными чертами, съ извѣстнымъ отношеніемъ къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ должны непосредственно внушать сознанію, въ противоположность представленію о случайномъ совпаденіи одного рода явленій съ опредѣленнымъ отношеніемъ къ явленіямъ другого рода, ту мысль о принудительности или законосообразности этого совпаденія, которая и вызываетъ перенесеніе наблюдаемаго въ частныхъ явле-

ніяхъ отношенія на общее представленіе объ явленіяхъ этого рода: точно также и въ ассоціативномъ процессѣ самое движеніе черезъ сознаніе массы фактовъ одного рода, которые оказываются имѣющими извѣстное отношеніе къ фактамъ другого рода, только въ этомъ случаѣ помимо всякихъ цѣлей и вѣдома сознанія, исключительно въ силу устройства ассоціативнаго механизма, порождаетъ и укрѣпляетъ связь между представленіемъ о перваго рода явленіяхъ и представленіемъ объ опредѣленномъ отношеніи ихъ къ явленіямъ второго рода. Правда, эта связь непосредственно есть только связь между представленіями какъ состояніями сознанія и выражается лишь въ затрудненіи поставить въ сознаніи одно изъ этихъ представленій безъ другого, такъ какъ она не есть особое ощущеніе отъ нѣкоторой реальности, внѣ сознанія существующей, а есть простой результатъ повтореній опредѣленнаго совпаденія явленій. Но въ конечномъ результатѣ, по крайней мѣрѣ для непосредственнаго сознанія, а вмѣстѣ и для ассоціанистическаго эмпиризма, оказывается то же самое. Въ принудительности той связи, которой ассоціація соединяетъ представленія, Юмъ искалъ оригинала для понятія о силѣ, которое соединяетъ обычное сознаніе съ понятіемъ о причинѣ, производящей дѣйствіе. Можно ли или нельзя найти какой-нибудь источникъ, которымъ сознаніе могло бы воспользоваться для наполненія реальнымъ содержаніемъ своего представленія о дѣйствующей силѣ, это вопросъ, который нѣтъ повода здѣсь изслѣдовать [1]). Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что насколько непосредственное сознаніе въ содержаніи представленія видитъ копію того явленія, на которое представленіе указываетъ, настолько естественно для него и въ образовавшейся принудительной связи, соединяющей одно представляемое содержаніе съ другимъ, видѣть, какъ скоро эта принудительность дѣлается для него ощутительной, указаніе на принудительную, въ противоположность случайной, связь, которая должна соединять самыя явленія, обозначаемыя представленіями, все равно какъ ни толковать эту принудительную связь между явленіями, въ смыслѣ ли существованія соотвѣтствующей реальной силы или въ смыслѣ господствующаго надъ явленіями закона, или какъ иначе. И именно въ силу этого сознанія тѣсной ассоціативной связи между представленіями въ обыч-

[1]) Самъ Юмъ, впрочемъ, ограничивалъ это свое мнѣніе о происхожденіи идеи силы, высказывая предположеніе, что въ нее входитъ представленіе о нашемъ собственномъ напряженіи при одолѣніи физическихъ препятствій.

номъ теченіи психической жизни, какъ справедливо утверждаютъ ассоціанисты, возникаетъ вѣра въ общее сужденіе объ явленіяхъ, соотвѣтствующихъ этимъ представленіямъ, и поэтому степень твердости этой вѣры соотвѣтствуетъ интенсивности сознаваемой связи представленій объ этихъ явленіяхъ, такъ что образованіе ассоціативной связи, насколько она порождаетъ вѣру, представляетъ, очевидно, ту функцію психологическаго механизма, которой въ выводномъ индуктивномъ процессѣ соотвѣтствуетъ съ большимъ или меньшимъ сознаніемъ совершающееся выдѣленіе принудительной или законосообразной связи явленій изъ связей случайныхъ.

Этотъ параллелизмъ указанныхъ двухъ процессовъ, ассоціативнаго и индуктивнаго, достаточно свидѣтельствуетъ о неизбѣжномъ соотвѣтствіи логической формулы послѣдняго, которая должна разъяснить требованіе сознанія отъ индуктивнаго вывода, претендующаго на возможную для него значимость, тому предположенію, состоятельность котораго, какъ разъяснено было выше, необходимо должна быть признана при довѣріи къ общимъ сужденіямъ, устанавливаемымъ согласно законамъ психическаго механизма ассоціативнымъ процессомъ. Конечно, здѣсь можетъ быть только, какъ сказано, соотвѣтствіе, а никакъ не полное тожество. Полнаго тожества нѣтъ и его не можетъ быть съ точки зрѣнія послѣдовательнаго ассоціанизма. Различіе неизбѣжно потому, что сознаніе, какъ справедливо доказывалъ Спенсеръ, не можетъ въ индуктивномъ доказательствѣ претендовать на обзоръ всей той громадной массы явленій, характеризующихся извѣстными чертами, которая могла проходить чрезъ него и должна была производить вліяніе на связи представленій по законамъ простого психическаго механизма,—не можетъ, если даже имѣть при этомъ въ виду жизнь индивидуума; тѣмъ менѣе, конечно, это возможно, когда къ разъясненію необходимой связи представленій привлекается опытъ безчисленныхъ предшествовавшихъ поколѣній, слѣды котораго должны, какъ предполагается, зарегистрироваться въ организаціяхъ поколѣній позднѣйшихъ. Отсюда, правда, непосредственно должно вытекать лишь то слѣдствіе, что индуктивное доказательство никогда не можетъ уравниваться по своему значенію сознанію наивысшей ассоціативной связи между представленіями, а потому можетъ примѣняться только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ условій, необходимыхъ для образованія этой наивысшей степени ассоціативной связи, не существовало. Но посредственно отсюда же должно слѣдовать и относительно его формулы, что требованія этой формулы отъ фактическаго матеріала должны быть несрав-

ненно болѣе умѣренными, а потому, конечно, и вѣру она должна постулировать менѣе твердую и съ меньшимъ значеніемъ, какъ это и есть фактически. Однако это признаніе формулы индуктивнаго вывода только соотвѣтствующей предположенію, подразумѣвающемуся при наиболѣе твердой ассоціативной установкѣ общихъ сужденій, нисколько не мѣшаетъ видѣть, что для послѣдовательнаго ассоціациста эта формула можетъ быть только приспособленнымъ къ особымъ условіямъ выраженіемъ господствующаго надъ простѣйшимъ ассоціативнымъ процессомъ принципа, которымъ опредѣляется высшій идеалъ познавательной значимости общаго сужденія и значеніе котораго и для индуктивнаго вывода выражается и въ общемъ соотвѣтствіи ему требованій, предъявляемыхъ формулой этого вывода, и въ пониженной оцѣнкѣ результата выводного процесса въ прямомъ соотвѣтствіи съ пониженными требованіями относительно фактическаго матеріала. Да и какой былъ бы смыслъ, при послѣдовательномъ проведеніи ассоціанизма, искать для формулы индуктивнаго доказательства иного обоснованія, когда она можетъ быть непосредственно возведена къ предположенію, которое должно ассоціанизмомъ считаться господствующимъ надъ всѣмъ опытомъ, и когда поэтому всякое другое оправданіе въ концѣ концовъ, такъ или иначе, подразумѣвало бы ссылку на это предположеніе? А если это такъ, то имѣя въ виду выше разъясненную мысль, что положеніе, въ которомъ устанавливаются условія наивысшей ассоціативной вѣры въ общія сужденія, должно для новаго эмпиризма имѣть смыслъ предвзятаго, обусловленнаго самой природой познательной способности предположенія, мы должны прійти къ тому выводу, что то же долженъ признать этотъ эмпиризмъ и относительно формулы простѣйшаго индуктивнаго процесса, съ помощью котораго сознательно устанавливаются общія сужденія.

Перейдемъ къ другой модификаціи того же простѣйшаго ассоціативнаго процесса.

Образовавшаяся тѣсная ассоціативная связь выражается не въ томъ только, что устанавливается твердая вѣра въ общее сужденіе объ явленіяхъ, на которыя указываютъ ассоціировавшіяся представленія. Въ общей жизни сознанія она сверхъ того и притомъ постоянно проявляется въ томъ, что каждое налично данное явленіе, характеризующееся такими чертами, какими въ прежней жизни сознанія характеризовались явленія, постоянно имѣвшія извѣстное отношеніе къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ, неразрывно связывается само въ самомъ воспріятіи съ представленіемъ о такомъ же отношеніи

къ подобнымъ же другимъ явленіямъ и вызываетъ вѣру въ существованіе этого представляемаго отношенія къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ въ предстоящей сознанію дѣйствительности, и притомъ вѣру не только столь же твердую, какъ и вѣра въ общія сужденія, предполагающія тѣ же данныя въ прежнемъ опытѣ, но и столь живую, что обычное сознаніе, не воспитанное на психологическомъ анализѣ, часто не различаетъ въ воспріятіи представляемаго отъ непосредственно даннаго. Ощущенія твердости или мягкости, шероховатости или гладкости, возникающія отъ прикосновенія пальца протянутой впередъ руки къ тому или другому предмету, совершенно точно могутъ локализироваться на зрительномъ полѣ, а, слѣдовательно, и ставиться какъ свойство опредѣленнаго, зрѣніемъ воспринимаемаго предмета, находящагося именно на мѣстѣ прикосновенія пальца, только благодаря ассоціаціи съ зрительными ощущеніями, получаемыми отъ пальца, служащаго органомъ этихъ осязательныхъ ощущеній; а между тѣмъ, несмотря на то, что этотъ процессъ точнаго пріуроченія ихъ къ опредѣленному мѣсту, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ данному зрительно предмету есть процессъ косвенный, опредѣленный ассоціаціей, это отнесеніе ставится въ непосредственномъ сознаніи какъ непосредственное воспріятіе осязательныхъ свойствъ на зрительномъ предметѣ. Или возьмемъ примѣръ болѣе простой: видимые нами предметы мы въ самомъ актѣ воспріятія ставимъ какъ тѣла даже въ тѣ моменты, когда совсѣмъ не имѣемъ отъ нихъ осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній, которыя входятъ въ качествѣ существенной части въ содержаніе нашего представленія о тѣлѣ.

При этихъ актахъ ассоціативнаго дополненія воспріятія представленіемъ второе условіе порожденія ассоціативной вѣры, т. е. требованіе въ прошломъ опытѣ фактовъ соединенія явленій, характеризованныхъ извѣстными чертами, съ опредѣленнымъ отношеніемъ къ извѣстнымъ другимъ явленіямъ, остается, конечно, въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ оно примѣняется при порожденіи вѣры въ общія сужденія. Модифицируется исключительно первое условіе. Вмѣсто появленія въ сознаніи общаго представленія объ явленіяхъ, характеризованныхъ извѣстными чертами, требуется возникновеніе въ самомъ воспріятіи явленія, характеризующагося этими чертами. Такъ какъ возникновеніе въ воспріятіи опредѣленнаго явленія тожественно для непосредственнаго сознанія съ утвержденіемъ наличнаго существованія явленія или фактической его данности предъ сознаніемъ, то это условіе, очевидно, предполагаетъ нѣкоторое утвержденіе факти-

ческаго существованія, чего нѣтъ, когда дѣло идетъ объ общемъ представленіи объ опредѣленныхъ явленіяхъ, при которомъ нѣтъ никакого утвержденія фактической дѣйствительности, а есть лишь условное принятіе ея или предположеніе о возможномъ существованіи опредѣленнаго рода явленій, фактически теперь не данныхъ. Вслѣдствіе этого то предположеніе, которое обусловлено закономъ ассоціативнаго порожденія вѣры и которое должно быть признано состоятельнымъ, какъ скоро признается состоятельность этой вѣры, при указанномъ дополненіи воспріятія представленіемъ должно будетъ, очевидно, получить такой смыслъ: если всѣ постоянно и въ продолженіе огромнаго періода проходившія передъ сознаніемъ явленія, характеризовавшіяся извѣстными чертами, всегда стояли въ извѣстномъ отношеніи къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ, то налично существующее передъ сознаніемъ явленіе, характеризующееся этими же чертами, должно въ налично предстоящей сознанію дѣйствительности имѣть то же отношеніе къ такимъ же опредѣленнымъ другимъ явленіямъ. А такъ какъ въ случаяхъ дополненія воспріятія представленіемъ, какъ и при ассоціативной вѣрѣ въ общія сужденія, для сознанія непосредственно существуютъ не сами прежде встрѣчавшіеся частные факты, а производимая ими ассоціативная связь представленій, которая принимается сознаніемъ за связь явленій, и, слѣдовательно, факты играютъ ту же роль какъ и при установкѣ общаго сужденія, т. е. роль условія установки связи между опредѣленнымъ образомъ характеризованными явленіями, то для болѣе яркаго выраженія особенностей сейчасъ указаннаго предположенія примемъ эту связь какъ уже ранѣе установленную и въ этомъ видѣ введемъ ее въ это предположеніе. Въ такомъ случаѣ послѣднее получитъ слѣдующій смыслъ: налично существующее передъ сознаніемъ явленіе, характеризующееся чертами, завѣдомо для насъ тѣсно связанными съ извѣстнымъ отношеніемъ къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ, необходимо должно фактически имѣть то же отношеніе къ этимъ другимъ явленіямъ.

Если не считать это предположеніе простымъ аналитическимъ выводомъ изъ предположенія, подразумѣвающагося при ассоціативномъ порожденіи вѣры въ общія сужденія, а принять, что оно содержитъ въ себѣ нѣкоторую дополнительную мысль, необходимую для признанія законности ассоціативныхъ дополненій воспріятій представленіями, и если взять во вниманіе, что въ развившемся сознаніи нѣтъ воспріятій не слитыхъ съ ассоціативными дополненіями, то нужно будетъ прійти къ выводу, что съ послѣдовательно проведенной ассоціанисти-

ческой точки зрѣнія весь фактическій матеріалъ знанія неизбѣжно обусловленъ, сверхъ предположенія, подъ которымъ стоятъ всѣ наши общія сужденія, еще указаннымъ дополнительнымъ предположеніемъ, которое такъ же, какъ и первое предположеніе, должно быть признано предвзятымъ, какъ опредѣляемое законами самой познавательной способности.

Не трудно видѣть и то, что самый актъ ассоціативнаго дополненія воспріятія представленіемъ, подобно ассоціативной вѣрѣ въ общія сужденія, есть механически-психологическій эквивалентъ опредѣленнаго сознательнаго выводного процесса, именно въ данномъ случаѣ того процесса, который извѣстенъ подъ именемъ первой фигуры категорическаго силлогизма (и положительной формы силлогизма условнаго), когда примѣняется этотъ выводъ къ единичнымъ предметамъ; а то положеніе, состоятельность котораго неизбѣжно дополнительно подразумѣвается при признаніи состоятельности вѣры въ ассоціативныя дополненія воспріятій представленіями, стоитъ въ очевидной аналогіи съ логической формулой этой фигуры, взятой также въ этомъ примѣненіи. То условіе ассоціативнаго дополненія воспріятія представленіемъ, которое состоитъ въ долженствующей ранѣе образоваться связи между опредѣленными представленіями, обязательно принимаемой непосредственнымъ сознаніемъ за реальную связь явленій, очевидно, представляетъ собою механическій эквивалентъ такъ называемой большей посылки этого силлогизма, которая по эмпиризму, конечно, должна сама по своимъ основаніямъ, посредственно или непосредственно, сводиться къ частнымъ фактамъ. А то условіе ассоціативнаго акта дополненія воспріятія представленіемъ, по которому въ наличной дѣйствительности должно быть дано явленіе, характеризующееся чертами, одинаковыми съ чертами, уже связанными вслѣдствіе предшествующаго опыта тѣсною ассоціативною связью съ другимъ представленіемъ, имѣющимъ стать дополненіемъ къ воспріятію, соотвѣтствуетъ, конечно, меньшей посылкѣ того же силлогизма въ указанномъ его примѣненіи. Самая постановка дополнительнаго представленія въ самомъ актѣ воспріятія, выражающая такую вѣру въ его наличную реальность, что непосредственное сознаніе, какъ было сказано, обычно не различаетъ эту постановку отъ непосредственной данности, составляетъ такой результатъ ассоціативнаго процесса, который явно соотвѣтствуетъ утвержденію, заключающемуся въ выводномъ сужденіи разсматриваемой фигуры силлогизма. И послѣ этихъ разъясненій нѣтъ нужды, конечно, доказывать, что и формула сознательныхъ выводовъ этого рода, по-

добно формулѣ вышеуказаннаго индуктивнаго процесса, представляетъ собою выраженіе того предположенія, которое неизбѣжно должно считаться состоятельнымъ при признаніи состоятельности вѣры, порождаемой той модификаціей простѣйшаго ассоціативнаго процесса, которой эти выводы оказываются такъ полно соотвѣтствующими.

И этотъ параллелизмъ логической формулы одной изъ силлогистическихъ фигуръ съ положеніемъ, состоятельность котораго неизбѣжно предполагается при признаніи состоятельности производимыхъ психическимъ ассоціативнымъ механизмомъ дополненій воспріятій представленіями, при послѣдовательномъ развитіи эмпиризма долженъ доказывать, конечно, мысль параллельную той, которую доказываетъ параллелизмъ формулы простѣйшаго индуктивнаго вывода съ положеніемъ, предполагаемымъ соотвѣтствующей этому выводу модификаціей простѣйшаго ассоціативнаго процесса. Онъ доказываетъ, что и эта силлогистическая формула представляетъ выраженіе обусловливающаго весь опытъ, а слѣдовательно независимаго отъ него закона психологическаго познавательнаго механизма, и въ данномъ случаѣ доказываетъ тѣмъ яснѣе, что для силлогизма нѣтъ необходимости подлежать непремѣнно тому ограниченію довѣрія, которому необходимо, какъ мы видѣли, подлежитъ простѣйшій индуктивный процессъ, устанавливающій общія истины. Конечно, и силлогистическій процессъ, подобно индуктивному, сверхъ того различія отъ соотвѣтствующаго ему непосредственно ассоціативнаго, которое состоитъ въ сознательномъ сопоставленіи условій вѣры въ извѣстное положеніе съ самымъ этимъ положеніемъ, чего нѣтъ въ непосредственномъ ассоціативномъ процессѣ, долженъ имѣть и еще различіе, обусловленное тѣмъ, что онъ совершается при условіяхъ недостаточныхъ для достиженія того же результата этимъ непосредственнымъ процессомъ, такъ какъ безъ какого-либо подобнаго дефекта нужный результатъ, наивысшая степень вѣры, полученъ былъ бы уже механически, и потому, какъ должно предполагаться ассоціанизмомъ, механическій процессъ не перешелъ бы въ сознательный выводной. Но изъ двухъ условій процесса дефектъ въ данномъ случаѣ можетъ относиться не ко второму условію, требующему для наивысшей твердости ассоціаціи чрезвычайной полноты опредѣленныхъ фактовъ, ранѣе уже прошедшихъ черезъ сознаніе, безъ чего твердость и значимость вѣры неизбѣжно должна понижаться, а ко второму условію, требующему, какъ мы уже знаемъ, при этихъ процессахъ также нѣкотораго утвержденія, именно утвержденія наличной фактической данности передъ сознаніемъ явле-

нія, характеризованнаго извѣстными чертами, и поэтому допускающему также дефекты. Правда, если бы дефектъ, препятствующій состояться ассоціативному дополненію воспріятія представленіемъ, исключительно могъ состоять въ отсутствіи твердыхъ данныхъ для такого утвержденія, то и разсматриваемая силлогистическая фигура подобно индуктивному процессу непремѣнно предполагала бы пониженную степень какъ вѣры въ выводное сужденіе, такъ и значенія этой вѣры. Но для того, чтобы въ непосредственномъ ассоціативномъ процессѣ представляемое дополненіе невольно и несознательно въ самомъ воспріятіи всецѣло и неразрывно сливалось съ налично даннымъ явленіемъ, нужно не только то, чтобы это явленіе дѣйствительно имѣло тѣ характеристическія черты, которыя вслѣдствіе прежняго опыта стоятъ въ наивысшей ассоціативной связи съ представленіемъ, которое должно при этихъ условіяхъ служить дополненіемъ воспріятія, но нужно еще, чтобы эти черты настолько ярко выступали для сознанія въ самомъ актѣ воспріятія этого явленія, чтобы въ самомъ этомъ актѣ это явленіе стояло передъ сознаніемъ прямо какъ экземпляръ явленій, характеризующихся именно этими чертами. Тамъ, гдѣ явленіе имѣетъ для сознанія свои особыя специфическія черты и гдѣ нужно особое проявленіе активности сознанія для того, чтобы соединить эти черты съ тѣми характеристическими чертами, которыя ассоціативнымъ путемъ тѣсно связаны съ представленіемъ объ извѣстномъ отношеніи къ другимъ опредѣленнымъ явленіямъ,—тамъ, хотя бы этотъ особый актъ соединенія долженъ былъ состоять лишь въ особо приспособленномъ для этой цѣли дополнительномъ актѣ воспріятія, строгое единство и цѣльность непосредственнаго ассоціативнаго дополненія воспріятія представленіемъ, конечно, уже нарушена; и черезъ введеніе этого особаго процесса соединенія особыхъ специфическихъ свойствъ налично предстоящаго сознанію явленія съ тѣми характеристическими чертами, которыя должны поставить его въ опредѣленное отношеніе къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ, актъ дополненія воспріятія представленіемъ раздвояется и получаетъ характеръ вывода. Но, конечно, не смотря на это нарушеніе строгаго единства акта, законъ, опредѣляющій вѣру, остается тотъ же, такъ какъ два особые акта въ этомъ случаѣ представляютъ только обособленно поставленными тѣ условія, которыя по самому этому закону должны опредѣлять вѣру. Все различіе сводится къ тому, что каждое изъ этихъ условій должно получить особое констатированіе на основаніи той же необходимой мыслимости, что и выражается логической формулой вывода.

Доселѣ мы говорили о положительныхъ условіяхъ порожденія вѣры ассоціативнымъ процессомъ, но эти положительныя условія соединены и съ условіями отрицательными.

Когда, устанавливая законъ этого порожденія, говорятъ, что чѣмъ чаще и чѣмъ въ болѣе продолжительный періодъ встрѣчаются въ сознаніи характеризованныя извѣстными чертами явленія, стоящія въ извѣстномъ отношеніи къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ, тѣмъ тѣснѣе связь между представленіями о тѣхъ и другихъ явленіяхъ, и тѣмъ тверже вѣра въ соотвѣтствующее общее сужденіе, то, конечно, при этомъ всегда подразумѣвается, что исключеній, т. е. явленій, характеризованныхъ тѣми же чертами, но не имѣющихъ того же отношенія къ подобнымъ же другимъ явленіямъ, въ предшествующемъ опытѣ не встрѣчалось. Каждый хорошо понимаетъ, что какъ бы часто и въ какой бы продолжительный срокъ ни повторялось совпаденіе опредѣленнаго явленія съ другимъ, той наивысшей степени ассоціативной связи между представленіями и той твердой вѣры въ соотвѣтствующее сужденіе о реальной связи явленій при наличности явныхъ исключеній они произвести не могутъ, которую они произвели бы, если бы этихъ исключеній совсѣмъ не было, и вообще, что ассоціація между представленіями, при одинаковомъ количествѣ положительныхъ случаевъ, окажется совсѣмъ неодинаковая, смотря по тому, проходили или не проходили, и если проходили, то въ какомъ количествѣ проходили черезъ сознаніе случаи отрицательные. Это показываетъ, что отрицательные случаи не проходятъ безслѣдно, а оказываютъ прямое отрицательное вліяніе на процессъ порожденія ассоціативной вѣры. Если бы этого не было, то порождаемыя при такихъ условіяхъ ассоціаціи и по абсолютнымъ, и по относительнымъ степенямъ своей силы оказались бы такимъ искаженіемъ свидѣтельства прошлаго опыта объ абсолютной и относительной связи явленій, соотвѣтствующихъ представленіямъ, что ассоціаціи оказались бы непригодными руководить сознаніемъ не только въ предполагаемой эволюціи одушевленнаго міра, но и въ простомъ сохраненіи жизни одушевленныхъ существъ. Это уже показываетъ, что прямое отрицательное вліяніе отрицательныхъ инстанцій на процессъ ассоціативнаго порожденія вѣры составляетъ не менѣе существенную принадлежность ассоціативной способности какъ способности познавательной, чѣмъ положительное вліяніе инстанцій положительныхъ. Такъ какъ степень твердости ассоціативной вѣры въ непосредственномъ сознаніи должна опредѣляться степенью ассоціативной связи представленій, то отрицательное вліяніе отрицательныхъ

инстанцій на ассоціативную вѣру должно состоять въ ослабленіи образующихся ассоціативныхъ связей представленій. И ослабленіе этихъ связей, подъ условіемъ встрѣчи съ отрицательными инстанціями, во всякомъ случаѣ соотвѣтствуетъ психическому механизму. Выше по другому поводу мы указывали [1]) уже на то, что ассоціація между опредѣленными представленіями, какъ результатъ навыка съ однимъ представленіемъ соединять другое, должна затруднять образованіе противорѣчащаго представленія и, чѣмъ она тверже, тѣмъ большее представляетъ затрудненіе для сознанія составить противорѣчащій ей образъ, на который вызываетъ отрицательная инстанція, и тѣмъ болѣе требуетъ активныхъ усилій со стороны сознанія для преодолѣнія этого затрудненія. И если воспріятіе не оказывается иллюзіей, если оно настойчиво требуетъ составленія несогласнаго съ навыкомъ образа, то что означаютъ эти усилія одолѣть препятствія, представляемыя ассоціаціей, какъ не усилія ослабить связь представленій, образовавшуюся привычной встрѣчей ихъ въ сознаніи? И что можетъ означать успѣхъ этихъ усилій, какъ не фактическое ослабленіе этой связи, облегчающее возможность менѣе затруднительнаго соединенія ихъ въ будущемъ? Тамъ же мы указывали, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по ассоціанизму, связанному съ теоріей эволюціи, ассоціаціи, достигшія наивысшей силы, должны считаться зарегистрованными въ самой организаціи и потому фактически для опредѣленнаго времени совершенно неразрывными [2]), все же самый механизмъ ассоціаціи, чрезъ самое это напряженіе активныхъ усилій къ построенію несогласнаго съ ассоціаціей образа, связывая ассоціативною связью самый мотивъ, вызывающій эти усилія, съ неразрывною ассоціаціей, тѣмъ самымъ закрѣпляетъ постепенное вліяніе этихъ усилій и долженъ производить соотвѣтствующее вліяніе и на вѣру, порождаемую остающейся неразрывной ассоціаціей.

Такъ какъ принудительная связь представленій для непосредственнаго сознанія получаетъ значеніе принудительной или законосообразной связи явленій, обозначаемыхъ представленіями, и эта именно связь по закону психическаго механизма, съ одной стороны, становится

---

[1]) Выше Е. III. 284—287.

[2]) При такихъ условіяхъ отрицательная инстанція, конечно, можетъ быть только косвенная, выводная, такъ какъ закрѣпленность неразрывной ассоціаціи въ самой организаціи предполагаетъ невозможность получить и въ воспріятіи безъ искаженія противорѣчащій ей феноменъ.

условіемъ твердой вѣры въ общее сужденіе, соотвѣтствующее ей, съ другой, сопровождаясь дополненіемъ новыхъ явленій представленіями въ воспріятіи, обусловливаетъ такую же твердую вѣру въ наличное существованіе фактовъ, обозначаемыхъ этими представленіями, то обусловленное устройствомъ самаго психическаго механизма ослабленіе ассоціативной связи представленій прохожденіемъ чрезъ сознаніе отрицательныхъ инстанцій получаетъ въ ассоціативномъ процессѣ, разсматриваемомъ какъ познавательный процессъ, очень важное значеніе. Оно означаетъ предупрежденіе или недопущеніе законами ассоціативнаго механизма, съ одной стороны, твердой вѣры въ общее сужденіе, съ которымъ не согласовались бы проходящіе въ сознаніи частные факты, съ другой, твердой вѣры въ фактическую дѣйствительность того, признаніе чего существующимъ оказывается въ антагонизмѣ съ настойчивымъ свидѣтельствомъ самой этой дѣйствительности. Такимъ образомъ, положенія, въ которыхъ отрицалась бы возможность объективной дѣйствительности, въ которой одна принадлежность единичнаго предмета противорѣчила бы другой или противорѣчила бы общей принадлежности класса, къ которому этотъ предметъ относится, съ точки зрѣнія вполнѣ послѣдовательно проведеннаго ассоціанизма должны считаться также предположеніями, обусловленными законами самой познавательной способности. Отсюда неизбѣжно входящее въ логическую формулу индуктивнаго процесса, устанавливающаго общее сужденіе, требованіе отсутствія отрицательныхъ инстанцій должно при послѣдовательномъ развитіи теоріи считаться выраженіемъ этого обусловленнаго законами познавательнаго механизма предположенія.

Говоря объ ослабленіи ассоціативной связи вслѣдствіе прохода черезъ сознаніе отрицательныхъ инстанцій, мы разумѣемъ ассоціативную связь между представленіемъ объ явленіи, характеризующемся извѣстными чертами, и представленіемъ объ извѣстномъ отношеніи къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ. Но то, что мы называемъ въ этомъ случаѣ отрицательной инстанціей, данное въ воспріятіи явленіе, характеризующееся тѣми же чертами, но не имѣющее того же отношенія къ другимъ явленіямъ, именно въ качествѣ даннаго въ воспріятіи явленія само есть результатъ ранѣе происходившихъ ассоціативныхъ процессовъ, преобразующихъ непосредственно данныя ощущенія. И воспріятія, какъ мы знаемъ, разсматриваемыя какъ свидѣтельства о фактической дѣйствительности (конечно, въ смыслѣ явленія), не всегда оказываются состоятельными вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ, между которыми въ обычной жизни сознанія имѣютъ не мало

значенія даже простой недостатокъ внимательности при наблюденіи, случайныя неблагопріятныя условія наблюденія и пр. И съ своей точки зрѣнія послѣдовательно Спенсеръ критеріемъ наивысшей состоятельности воспріятій также ставитъ необходимую мыслимость, различая, какъ было разъяснено выше при изложеніи его взгляда [1]), въ воспріятіяхъ сочетанія, отличающіяся абсолютною (хотя и ограниченною временемъ) необходимою мыслимостію, т. е. такія, которыя во время самого воспріятія не могутъ быть нами иначе мыслимы и потому вызываютъ вѣру наивысшей твердости, отъ такихъ, гдѣ результатъ ассоціативнаго процесса не достигъ такой рѣшительной законченности, и гдѣ мы при усиленномъ вниманіи и анализѣ находимъ возможнымъ, а иногда и необходимымъ составить иной образъ дѣйствительности, чѣмъ какой представлялся при первоначальномъ воспріятіи. Какъ бы это, впрочемъ, ни было, но то несомнѣнный фактъ нашего опыта, что воспріятіе явленія, какъ отличающагося извѣстными характеристическими чертами, можетъ быть иллюзорнымъ именно вслѣдствіе примѣненія не соотвѣтствующихъ ассоціацій при недостаточной внимательности или недостаточно благопріятныхъ условіяхъ наблюденія; и въ подобныхъ случаяхъ обнаруженіе отсутствія въ явленіи какихъ-либо отношеній къ другимъ явленіямъ, связаннымъ въ нашемъ сознаніи съ этими характеристическими чертами, возбуждая болѣе вниманія къ воспріятію, нерѣдко ведетъ къ разрушенію иллюзій. Чтобы признать, что такого рода факты вовсе не необычны, достаточно взять во вниманіе, что каждый актъ воспріятія явленія обыкновенно соединенъ съ болѣе или менѣе опредѣленной его классификаціей, съ которой въ его характеристику вносятся черты, которыя отличаютъ въ нашемъ сознаніи опредѣленный классъ явленій и которыя обыкновенно при воспріятіи не всѣ сполна даны въ качествѣ живыхъ состояній сознанія, т. е. ощущеній, и замѣняются представленіями; впрочемъ, и черты данныя не всѣ даны отчетливо и дополняются и получаютъ опредѣленность также ассоціативно; и при недостаткѣ вниманія или при неблагопріятныхъ условіяхъ наблюденія это отнесеніе къ классу можетъ легко оказаться ошибочнымъ, а случайная подмѣта отсутствія въ явленіи особенностей, которыя ранѣе ассоціировались въ нашемъ сознаніи съ нашимъ представленіемъ объ этомъ классѣ, возбуждая вниманіе къ воспріятію явленія, сопровождается разрушеніемъ иллюзіи о

[1]) Выше D. I. 141—142.

принадлежности его къ классу. Въ этомъ процессѣ встрѣчи сознанія съ явленіемъ, кажущимся ему противорѣчащимъ ранѣе сложившейся ассоціаціи представленія объ извѣстныхъ характеристическихъ чертахъ явленія съ представленіемъ объ опредѣленномъ отношеніи подобныхъ явленій къ извѣстнымъ другимъ явленіямъ, ослабленія силы этой ассоціаціи, конечно, не бываетъ. Но это не значитъ даже и того, чтобы и въ этомъ процессѣ не обнаруживалось подчиненіе ассоціативнаго механизма законамъ, которые предупреждаютъ противорѣчіе въ продуктахъ ассоціаціи, разсматриваемыхъ какъ познавательные акты. И здѣсь точно также, какъ въ указанныхъ выше случаяхъ, процессъ вызывается затрудненіями, которыя испытываетъ сознаніе отъ встрѣчи ассоціативнаго дополненія воспріятія явленія представленіемъ объ опредѣленномъ отношеніи подобныхъ явленій къ извѣстнымъ другимъ явленіямъ съ подмѣченнымъ отсутствіемъ этого дополненія въ дѣйствительности,—отъ встрѣчи, которая заставляетъ полученный черезъ воспріятіе образъ явленія построять не согласно съ сложившейся ассоціаціей; и самое вниманіе къ воспріятію, открывающее иллюзорность данныхъ въ воспріятіи характеристическихъ чертъ явленія, есть результатъ активныхъ усилій сознанія, направленныхъ къ преодолѣнію затрудненія. И здѣсь, какъ и въ указанныхъ выше случаяхъ, затрудненіе, встрѣчаемое психическимъ механизмомъ, разрѣшается ослабленіемъ ассоціаціи, только не ассоціаціи общаго представленія объ извѣстныхъ характеристическихъ свойствахъ явленій съ представленіемъ объ отношеніи ихъ къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ, которая одинаково лежитъ въ основаніи какъ ассоціативной вѣры въ общее сужденіе, такъ и ассоціативнаго дополненія воспріятій представленіями, а той ассоціаціи, которая, хотя въ своихъ болѣе отдаленныхъ условіяхъ непремѣнно сама предполагала нѣкоторыя общія ассоціаціи, такъ какъ сама представляетъ дополненіе болѣе раннихъ прошедшихъ воспріятій представленіями, однако въ данномъ случаѣ является какъ ассоціація, уже ранѣе связанная съ опредѣленнымъ воспріятіемъ и вызывающая теперь новое дополненіе, оказывающееся въ противорѣчіи съ данными, открываемыми сознаніемъ при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи явленія. Эта ассоціація превращала неполныя или недостаточно опредѣленныя данныя въ опредѣленныя характеристическія (напримѣръ, отличающія опредѣленный классъ явленій) черты. Обнаруженіе этой иллюзіи направляетъ усилія сознанія при перестройкѣ даннаго въ воспріятіи образа къ устраненію этихъ ошибочныхъ ассоціативныхъ

перетолкованій недостаточно полнаго или недостаточно опредѣленнаго матеріала, и, слѣдовательно, эти усилія прямо направляются противъ навыка представленія превращать недостаточныя данныя въ опредѣленныя характеристическія черты и этимъ ослабляютъ выражающуюся въ этомъ навыкѣ связь представленій. И это ослабленіе выражается въ томъ фактѣ, что въ дальнѣйшей жизни сознанія эти данныя уже или не вызываютъ вовсе подобнаго превращенія, или не вызываютъ его съ прежнею рѣшительностію и прежней вѣрой.

И эта модификація устраненія противорѣчія въ результатахъ ассоціативнаго процесса находитъ себѣ соотвѣтствіе въ одномъ изъ сознательныхъ выводныхъ процессовъ, именно въ выводѣ по второй фигурѣ категорическаго силлогизма (и отрицательной формѣ силлогизма условнаго, насколько его меньшая посылка говоритъ объ единичномъ предметѣ). Если С, т. е. предметы, характеризующіеся извѣстными чертами, суть В, т. е. непремѣнно должны имѣть извѣстное отношеніе къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ, а А, т. е. опредѣленный единичный предметъ, не есть В, т. е. не имѣетъ этого отношенія, то А, единичный предметъ, не можетъ быть С, т. е. не можетъ имѣть указанныхъ характеристическихъ чертъ. Существенное различіе этого вывода отъ описаннаго ассоціативнаго процесса состоитъ въ томъ, что антагонистическое столкновеніе единичнаго явленія съ общей ассоціаціей въ ассоціативномъ процессѣ служитъ лишь поводомъ къ фактическому обнаруженію несостоятельности выразившейся въ воспріятіи ошибочной характеристики единичнаго предмета, тогда какъ въ выводномъ процессѣ изъ этого столкновенія прямо выводится невозможность приписать единичному предмету опредѣленныхъ характеристическихъ свойствъ. Однако при этомъ нужно имѣть въ виду, что ассоціативный процессъ имѣетъ дѣло съ характеристикой предмета даннаго въ воспріятіи, которое, на сколько ему обычно довѣряютъ безъ испытанія его необходимой мыслимости, является свидѣтельствомъ наивысшей значимости, подобно общимъ неразрывнымъ ассоціаціямъ, тогда какъ въ выводѣ мысль о принадлежности предмету А характеристическихъ чертъ С подразумѣвается какъ простое предположеніе, требующее разслѣдованія его значимости, и ни въ какомъ случаѣ не какъ положеніе, претендующее на высшую значимость, такъ какъ иначе она сама сдѣлалось бы отрицательной инстанціей противъ той посылки, связывающей С съ В, во имя противорѣчія съ которой она признается несостоятельной. Съ другой стороны, когда воспріятіе, относящее къ явленію извѣстныя характеристическія черты, явно для насъ обста-

влено условіями, которыя не благопріятствуютъ его точности и открываютъ доступъ ошибочнымъ ассоціаціямъ, тогда достаточно подмѣты отсутствія въ воспринятомъ явленіи такого отношенія къ опредѣленнымъ другимъ явленіямъ, которое тѣсно связано съ этими характеристическими чертами, для того, чтобы одни усилія соединить всѣ эти данныя въ одинъ образъ вслѣдствіе сравнительной силы послѣдней ассоціаціи сопровождались ея торжествомъ и, слѣдовательно, ослабили ту ассоціативную связь, которая неполныя и неопредѣленныя данныя превратила въ воспріятіи въ опредѣленныя характеристическія черты, и нѣтъ нужды въ фактической провѣркѣ свидѣтельства воспріятія для того, чтобы подобныя же данныя въ будущемъ или совсѣмъ не производили или не производили съ той же силой иллюзіи. Взятая въ такихъ условіяхъ эта модификація ослабленія ассоціативной связи чрезъ столкновеніе противорѣчащихъ результатовъ ассоціативныхъ процессовъ болѣе явно обнаруживаетъ соотвѣтствіе свое указанному выводному процессу [1]).

Такимъ образомъ въ новомъ эмпиризмѣ, насколько онъ переходитъ въ ассоціанизмъ въ своей теоріи знанія, вмѣсто той совершенной безпредвзятости знанія, которая составляетъ его гносеологическую предпосылку, въ результатѣ получается сплошная обусловленность вѣры опредѣленными положеніями, какъ результатъ обусловленности познавательнаго механизма законами. И отрицаніе умозрительной очевидности логическихъ формулъ процессовъ разсуждающей или выводной способности послѣдовательно должно вести эмпиризмъ лишь къ тому, чтобы и въ этихъ формулахъ видѣть никакъ не обобщенія, все равно законныя или незаконныя, опыта, данныхъ фактовъ, а предвзятыя предположенія, которыя безусловно господствуютъ надъ познавательною дѣятельностію въ силу роковыхъ законовъ, ее опредѣляющихъ.

---

[1]) Процессы ослабленія ассоціацій черезъ антагонистическое столкновеніе ихъ съ фактами воспріятія, по особому вліянію, которое подобный антагонизмъ производитъ на сознаніе, не могутъ въ человѣческомъ сознаніи не соединяться съ проявленіями разсуждающей выводной способности. Но какъ фактъ само это ослабленіе не подлежитъ сомнѣнію и не можетъ не существовать даже и у существъ, у которыхъ разсуждающая способность или совсѣмъ не обнаруживается, или обнаруживается лишь въ самой слабой степени. Поэтому наличность отрицательныхъ условій ассоціацій, опредѣленныхъ законами психическаго механизма, также невозможно отрицать, какъ и условій положительныхъ.

Сличимъ послѣдній сдѣланный нами выводъ съ полученными ранѣе выводами относительно того значенія, которое должно принадлежать знанію по послѣдовательно проведенной эмпиристической теоріи.

Ранѣе мы видѣли, что, превращая весь процессъ познавательный въ процессъ движенія мысли—отъ непосредственно даннаго къ тому, что не дано непосредственно, при чемъ принимаемое за непосредственно данное оказывается уже само результатомъ совершившихся предварительно подобныхъ же и притомъ очень сложныхъ познавательныхъ процессовъ, новый эмпиризмъ просто уже вслѣдствіе того, что отрицаетъ умозрительную очевидность тѣхъ логическихъ связей между даннымъ и не даннымъ, извѣстнымъ и неизвѣстнымъ, которыя должны обусловливать каждый познавательный актъ, неизбѣжно долженъ вести къ отрицанію логической значимости всѣхъ продуктовъ познавательныхъ процессовъ. Теперь мы разъяснили, что самыя эти логическія связи даннаго съ не даннымъ, извѣстнаго съ не извѣстнымъ, которыя обусловливаютъ всѣ выводные процессы, предполагаются уже при тѣхъ простѣйшихъ ассоціативныхъ процессахъ порожденія вѣры, къ которымъ по послѣдовательно проведенному эмпиризму должно сводиться все знаніе и въ основаніи которыхъ поэтому уже не могутъ лежать результаты этого знанія. Этимъ новымъ выводомъ, конечно, подкрѣпляется сдѣланный ранѣе выводъ относительно необходимости для эмпиризма отрицать логическую правомѣрность знанія, такъ какъ логическія связи, обусловливающія каждый познавательный актъ, превращаются въ независимыя отъ опыта, слѣдовательно, по тенденціи, составляющей самую сущность новаго эмпиризма, предвзятыя предположенія.

Но справедливость требуетъ поставить на видъ, что это-же самое разъясненіе отношенія между основными логическими формулами выводныхъ процессовъ и основными законами простѣйшихъ ассоціативныхъ процессовъ, взятое въ связи съ нѣкоторыми изъ сдѣланныхъ нами ранѣе разъясненій, даетъ скептическимъ выводамъ изъ эмпирическихъ предпосылокъ и нѣкоторый особый смягчающій оттѣнокъ.

Выше [1]) мы, между прочимъ, разъясняли ту мысль, что къ какимъ бы скептическимъ результатамъ ни приходило критическое сознаніе по вопросу о логической состоятельности продуктовъ познавательной дѣятельности, во всякомъ случаѣ, руководственное значеніе, какое имѣютъ эти результаты въ практической жизни сознанія, этимъ не

[1]) См. G. II.

можетъ быть поколеблено до тѣхъ поръ, пока продолжится такой порядокъ въ мірѣ явленій, при которомъ оказывается возможнымъ по сочетаніямъ явленій въ прошедшемъ предугадывать сочетанія ихъ въ будущемъ. Примемъ же теперь во вниманіе, что сравнительная познавательная цѣнность, которая непосредственнымъ сознаніемъ приписывается продуктамъ познавательнаго процесса, когда оно пользуется ими въ качествѣ руководственныхъ указаній для практической дѣятельности, направленной на удовлетвореніе потребностей, должна, конечно, соотвѣтственно законамъ познавательнаго механизма, опредѣляться вмѣстѣ съ интенсивностью чувствованій, въ которыхъ выражаются потребности, также и степенью крѣпости образовавшихся ассоціацій, а эта крѣпость ассоціацій, въ свою очередь, какъ предполагается, зависитъ отъ количества наблюдаемыхъ ранѣе во внѣшней дѣйствительности случаевъ совпаденія явленій, соотвѣтствующихъ ассоціировавшимся представленіямъ, а также нераздѣльныхъ съ ними такихъ случаевъ, когда сознаніе, самодѣятельно, по указанію этихъ ассоціацій, направляя свои активныя обнаруженія въ интересахъ удовлетворенія своихъ потребностей, достигало своей цѣли. Въ виду этого самый тотъ фактъ, что сознаніе въ каждую данную минуту владѣетъ многочисленными рядами остающихся не разрушенными твердыхъ ассоціацій, которыя съ психологическою принудительностью со всѣхъ сторонъ опредѣляютъ его активныя проявленія, а тѣмъ болѣе тотъ общій фактъ, что, вообще, одушевленныя существа, у которыхъ удовлетвореніе потребностей предоставлено руководству познавательнаго механизма, продолжаютъ существовать, и что чѣмъ шире развивается знаніе и чѣмъ совершеннѣе дѣлаются его продукты, тѣмъ болѣе открывается возможность удовлетворять развивающимся и усложняющимся потребностямъ,—эти простые и общіе факты являются прямымъ и наглядным свидѣтельствомъ цѣлесообразности въ прошломъ руководительнаго значенія продуктовъ познавательнаго процесса въ практической жизни, а, слѣдовательно, даютъ право и эмпиризму утверждать эту цѣлесообразность.

Соединимъ эту мысль съ выше разъясненною мыслію, что положенія, въ которыхъ выражаются обусловливающіе каждый актъ знанія переходы отъ даннаго къ не данному, хотя представляютъ такія предположенія, которыя не зависятъ отъ опыта, а поэтому и сами по эмпиризму должны считаться неспособными къ логическому оправданію и должны дѣлать неспособными къ тому и обусловленные ими продукты знанія, однако, въ то же время никакъ не могутъ быть отнесены къ

произвольнымъ или случайнымъ предположеніямъ, а выражаютъ собою законы психологическаго механизма, которые съ психологическою принудительностью должны опредѣлять результаты познавательныхъ процессовъ. Соединяя эти двѣ мысли, мы, тѣмъ самымъ, усвояемъ познавательнымъ актамъ двѣ черты: 1, цѣлесообразность—въ смыслѣ огромнаго значенія ихъ для удовлетворенія потребностей одушевленныхъ существъ въ прошломъ, 2, психологическую принудительность совершенія ихъ соотвѣтственно законамъ познавательнаго механизма при такихъ условіяхъ, при которыхъ сознаніемъ при самомъ ихъ совершеніи не можетъ быть логически оправдана фактически въ послѣдствіи обнаруживающаяся ихъ цѣлесообразность. Эти двѣ черты суть существенныя черты, опредѣляющія понятіе инстинкта. Такимъ образомъ, если отъ продуктовъ знанія при послѣдовательномъ проведеніи эмпиризма отнимается въ собственномъ смыслѣ познавательное значеніе, то чрезъ это они не спускаются на степень не имѣющихъ никакого смысла и значенія комбинацій представленій, а выступаютъ въ качествѣ актовъ, хотя и неспособныхъ быть логически оправданными, но фактически оказывающихся правильно выполняющими такую функцію, которая должна принадлежать знанію.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, подводя познавательный механизмъ съ точки зрѣнія послѣдовательнаго эмпиризма подъ понятіе инстинкта, мы должны сдѣлать одно очень важное ограниченіе. Именно, изъ потребностей, которымъ фактически оказывались бы способны удовлетворять продукты познавательнаго механизма, мы должны исключить чистую потребность знанія; т. е. въ познавательномъ механизмѣ мы не можемъ видѣть въ собственномъ смыслѣ познавательнаго инстинкта. На первый взглядъ, конечно, представляется, что таковъ, именно, и долженъ быть выводъ изъ всего разъясненнаго выше. Въ самомъ дѣлѣ, результаты познавательныхъ процессовъ, какъ процессовъ движенія мысли отъ даннаго къ не данному, отъ извѣстнаго къ не извѣстному подлежатъ, повидимому, фактической провѣркѣ не только въ качествѣ указаній для руководства активными проявленіями одушевленнаго существа, но и просто въ качествѣ чисто теоретическихъ указаній на фактическую дѣйствительность; и какъ укрѣпленіе ассоціацій, такъ и разрушеніе ихъ зависитъ не только отъ обнаружившагося соотвѣтствія или несоотвѣтствія результатовъ, руководимыхъ ими активныхъ проявленій, вызвавшимъ эти проявленія жизненнымъ потребностямъ, но и отъ обнаружившагося соотвѣтствія или несоотвѣтствія ихъ самихъ фактической дѣйствительности. Да и какимъ образомъ, казалось бы,

самая провѣрка фактической пригодности продуктовъ познавательнаго механизма для руководства активными проявленіями, предназначаемыми для удовлетворенія жизненныхъ потребностей, не должна бы была въ то же время оказаться провѣркой образованнаго познавательною способностью представленія о фактической дѣйствительности, когда тѣ указанія, которыя даются для активныхъ проявленій продуктами знанія, опредѣляются именно установившимися въ сознаніи представленіями о фактической дѣйствительности? И, конечно, правильность всѣхъ этихъ соображеній никакъ нельзя отрицать, когда дѣло шло бы о возможныхъ отрицательныхъ результатахъ этой фактической провѣрки, т. е. о констатированіи несоотвѣтствія представленія съ тою дѣйствительностію, на которую оно указывало. Но дѣло принимаетъ другой видъ, когда вопросъ ставится о возможныхъ положительныхъ результатахъ этой провѣрки, т. е. о констатированіи соотвѣтствія представленій указываемой ими дѣйствительности.

Изъ двоякаго рода сужденій, способныхъ достигать наивысшей степени вѣры въ непосредственномъ сознаніи, именно изъ сужденій общихъ и сужденій частныхъ, сужденія общія, имѣющія для чистой потребности знанія, конечно, наибольшую цѣнность даже уже потому, что они обнимаютъ неисчислимое множество предметовъ, никогда не могутъ получить, черезъ фактическую провѣрку, непосредственной фактической установки ихъ истинности, такъ какъ черезъ сознаніе никогда не можетъ пройти въ качествѣ непосредственно даннаго все неисчислимое количество явленій, способныхъ подходить подъ то или другое общее понятіе. Частныя сужденія съ точки зрѣнія обычнаго сознанія, конечно, легко провѣряются воспріятіями. Но намъ приходилось уже разъяснять [1]), что наука смотритъ на это иначе, что передъ ея анализомъ наши воспріятія, которыя для непосредственнаго сознанія играютъ роль созерцанія непосредственно данныхъ предметовъ, оказываются съ разныхъ сторонъ ассоціативно обусловленными истолкованіями непосредственно даннаго матеріала, предполагающими позади себя сложные познавательные процессы. А, слѣдовательно, для провѣрки соотвѣтствія частныхъ сужденій съ дѣйствительностію недостаточно обнаруживающагося соотвѣтствія ихъ съ воспріятіями, а нужна еще вѣра въ логическую состоятельность тѣхъ познавательныхъ процессовъ, съ помощію которыхъ непосредственно данный матеріалъ получилъ всестороннюю опредѣленность въ воспріятіи и которые оказываются

[1]) См. выше. Е. II. 252—258.

сами обусловлены независимыми отъ опыта предположеніями. И, конечно, новому эмпиризму, смѣло проводящему ассоціанистическую теорію въ психологіи до ея крайнихъ предѣловъ, всего менѣе можно бы было ссылаться на возможность непосредственной фактической провѣрки частныхъ сужденій.

Что же касается фактической провѣрки цѣлесообразности тѣхъ руководственныхъ указаній, какія даются продуктами знанія при томъ или другомъ активномъ проявленіи, совершающемся въ интересахъ удовлетворенія практическихъ потребностей, то для него нѣтъ необходимости ни въ точномъ констатированіи вѣрности общихъ сужденій, которыя могли оказаться болѣе или менѣе отдаленными посылками для подставляемаго познавательнымъ процессомъ указанія на требующееся въ данномъ случаѣ активное проявленіе, ни даже въ правильномъ истолкованіи тѣхъ настоящихъ или имѣющихъ совершиться въ ближайшемъ будущемъ частныхъ фактовъ, представленія о которыхъ должны служить болѣе непосредственными мотивами для опредѣленнаго ряда активныхъ обнаруженій. Вѣдь, ничто не мѣшаетъ частнымъ фактамъ въ безчисленныхъ случаяхъ оказываться соотвѣтствующими такому общему сужденію, которому въ нашемъ сознаніи ошибочно придано безусловно всеобщее значеніе; и ничто не мѣшаетъ даже совершенно ошибочно истолкованному нашимъ сознаніемъ явленію служить для насъ указаніемъ, во многихъ случаяхъ вполнѣ цѣлесообразно опредѣляющимъ нашу дѣятельность. Научно совершенно неразвитый человѣкъ имѣетъ совершенно ошибочное общее сужденіе о низѣ, какъ сторонѣ паденія твердыхъ тѣлъ, оставленныхъ безъ поддержки; онъ соединяетъ также совершенно ошибочныя представленія съ мыслію о восходѣ и закатѣ солнца; тѣмъ не менѣе, эти ошибки въ обобщеніи и представленіи нисколько не мѣшаютъ ему въ безчисленныхъ случаяхъ руководствоваться расчетомъ на явленія, которыхъ касаются эти обобщенія и представленія, вполнѣ цѣлесообразно при удовлетвореніи своихъ насущныхъ жизненныхъ потребностей, хотя, конечно, это никакъ не исключаетъ того, что болѣе правильное истолкованіе ранѣе неправильно истолковывавшихся явленій обыкновенно расширяетъ сферу предугадываній, способныхъ служить указаніями для цѣлесообразныхъ дѣйствій въ практической жизни сознанія. И если взять во вниманіе, что здѣсь у насъ идетъ и можетъ итти рѣчь никакъ не о возможныхъ перемѣнахъ въ сравнительной оцѣнкѣ самихъ проявляющихся въ нашихъ чувствованіяхъ потребностей и еще менѣе о критеріяхъ этой

оцѣнки [1]), а о простомъ констатированіи факта достиженія или недостиженія посредствомъ активныхъ проявленій, руководимыхъ результатами познавательнаго процесса, тѣхъ цѣлей, которыя непосредственно въ томъ или другомъ случаѣ ставились для нихъ сознаніемъ, то нетрудно видѣть, что для подобнаго констатированія нѣтъ необходимости въ какихъ-либо особыхъ актахъ, предполагающихъ переходъ сознанія отъ непосредственно даннаго къ не данному, и что оно можетъ совершаться путемъ простого непосредственнаго сознанія соотвѣтствія или несоотвѣтствія полученнаго отъ активныхъ проявленій результата съ результатомъ, ожидавшимся отъ нихъ по указаніямъ познавательной способности. И если результатомъ достигнуто удовлетвореніе проявлявшейся въ чувствованіяхъ и вызывавшей активныя проявленія потребности, то сознаніе этой удовлетворенности также непосредственно, и для этого непосредственнаго констатированія ея безразлично, правильно или неправильно была истолкована та дѣйствительность, которая ожидалась и фактически воспринята совершенно согласно съ ожиданіемъ. И такъ какъ именно эти факты соотвѣтствія или несоотвѣтствія наступающей дѣйствительности съ дѣйствительностью ожидаемой, какъ предполагается самой теоріей ассоціанизма, и должны сопровождаться укрѣпленіемъ или ослабленіемъ вліянія продуктовъ знанія на чувствованія, въ которыхъ выражаются потребности, а чрезъ нихъ и на активныя обнаруженія, то, на ряду съ нашими воспоминаніями о прошломъ, самый фактъ всесторонней опредѣленности нашихъ активныхъ обнаруженій прочными ассоціаціями получаетъ значеніе хотя и косвеннаго, но оправдываемаго самою ассоціанистическою теоріею завѣренія въ томъ, что въ безчисленныхъ случаяхъ нашей прошлой жизни обнаруживалась для нашего непосредственнаго сознанія цѣлесообразность активныхъ проявленій, направляемыхъ продуктами познавательнаго механизма.

[1]) Фактическая сравнительная провѣрка цѣнности самихъ проявляющихся въ чувствованіяхъ потребностей, а, слѣдовательно, и возможныя перемѣны въ оцѣнкѣ ихъ значенія и могутъ происходить и дѣйствительно постоянно происходятъ, правда, также подъ воздѣйствіемъ фактовъ, но подъ воздѣйствіемъ ихъ уже не только на познавательную сторону, но и на не подлежащія здѣсь изслѣдованію эмоціонную и активную стороны психическаго механизма. А вопросы о томъ, существуютъ ли абсолютные критеріи для этой оцѣнки, которые должны отрицаться послѣдовательнымъ эмпиризмомъ, подобно абсолютнымъ критеріямъ оцѣнки въ области знанія, и въ какомъ отношеніи эти критеріи (если они существуютъ) должны стоять къ подобнымъ же критеріямъ въ познавательной области,—эти вопросы, конечно, стоятъ еще далѣе за предѣлами темы настоящаго изслѣдованія.

Конечно, такого рода констатированіе этой цѣлесообразности по послѣдовательности эмпиризма, переходящаго въ скептицизмъ, можетъ относиться только къ прошедшему и не можетъ быть переносимо даже на ближайшее будущее. Но, при разъясненіи значенія продуктовъ познавательнаго механизма для практической жизни, намъ уже приходилось ставить на видъ, что съ сознаніемъ этой цѣлесообразности въ прошломъ неразрывно связано признаніе, по крайней мѣрѣ, возможности продолженія въ будущемъ такого порядка явленій, при которомъ прошлыя сочетанія явленій могли бы давать полезныя указанія на сочетанія ихъ въ будущемъ. А такъ какъ порядокъ явленій, отличающійся этою чертою, есть такой порядокъ, который, при наличной конституціи познавательной способности одушевленныхъ существъ, одинъ только и допускаетъ самую возможность цѣлесообразнаго направленія сознаніемъ активныхъ проявленій въ интересахъ удовлетворенія волнующихъ сознаніе и нудящихъ его на активныя проявленія потребностей, то слѣдованіе указаніямъ, идущимъ со стороны познавательной способности, въ каждый текущій моментъ жизни сознанія должно быть признано не только психологически принудительнымъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и единственно цѣлесообразнымъ. Оно должно быть признано единственно цѣлесообразнымъ именно въ томъ смыслѣ, что единственно оно гарантируетъ достиженіе цѣли, удовлетвореніе потребностей, по крайней мѣрѣ, за весь тотъ періодъ времени (все равно, какъ бы кратокъ или продолжителенъ онъ ни оказался), въ какой могъ бы продолжаться такой порядокъ явленій, который единственно допускаетъ самую возможность для наличнаго сознанія цѣлесообразной дѣятельности; и всякая произвольная попытка дѣйствовать на перекоръ указаніямъ сложившагося на основаніи всего прошлаго опыта строя представленій должна быть признана совершенно безсмысленной и возможной только при полномъ подавленіи инстинкта самосохраненія попыткой предупредить своею дѣятельностію наступленіе (пусть и признанной за возможную) такой катастрофы въ мірѣ явленій, послѣ которой сдѣлалось бы для сознанія, организованнаго подобно нашему сознанію, совершенно невозможной цѣлесообразная дѣятельность. Вслѣдствіе всего этого и самая психологическая принудительность слѣдовать при активныхъ обнаруженіяхъ, направленныхъ на удовлетвореніе потребностей, указаніямъ продуктовъ познавательнаго механизма, которая и самымъ своимъ происхожденіемъ обязана обнаруживавшейся цѣлесообразности этого слѣдованія въ прошедшемъ и всегда стоитъ въ зависимости отъ этого условія,—самая эта психоло-

гическая принудительность получаетъ смыслъ требованія цѣлесообразности дѣйствій, направленныхъ на удовлетвореніе потребностей, выраженнаго только не въ логической формѣ, а въ формѣ механически образовавшагося позыва къ такимъ именно цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ.

Такимъ образомъ, получая право связывать представленіе о познавательномъ механизмѣ съ понятіемъ инстинкта, послѣдовательный эмпиристъ, правда, лишенъ возможности смотрѣть на этотъ сложный механизмъ, какъ на механизмъ, способный удовлетворять чистой потребности знанія, но онъ не только не лишенъ возможности, но и обязанъ смотрѣть на него, какъ на существенное и необходимое начальное звено еще болѣе сложнаго механизма, служащаго удовлетворенію практическихъ потребностей одушевленныхъ существъ или, сказать иначе, какъ на существенный и необходимый ингредіентъ инстинкта самосохраненія.

Однако, если обусловленность ассоціативной вѣры, къ которой по послѣдовательно проведенной эмпиристической теоріи знанія должно сводиться все основанное на опытѣ знаніе, предположеніями, выражающими законы познавательнаго механизма, разсматриваемая въ связи съ значеніемъ этого знанія для практической жизни, ведетъ къ отожествленію этого познавательнаго механизма съ инстинктомъ и черезъ то вноситъ смягчающую черту въ неизбѣжное для эмпиристической теоріи скептическое рѣшеніе гносеологическаго вопроса, то эта же самая обусловленность всего опытнаго знанія предположеніями, выражающими законы порожденія вѣры познавательнымъ механизмомъ, имѣетъ и свою особую неблагопріятную для новаго эмпиризма, разсматриваемаго какъ критическое направленіе мысли, сторону.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что теорія знанія не только имѣетъ право, но и обязана ставить вопросъ, имѣетъ ли то или другое изъ сужденій, претендующихъ на умозрительную очевидность, дѣйствительно такую очевидность, или подъ маской этой умозрительной очевидности скрывается вѣра, порождаемая какими-либо другими условіями, а потому могущая претендовать только на ту познавательную цѣнность, которую критическое изслѣдованіе можетъ установить за условіями, порождающими эту вѣру. Но это право и эта обязанность критическаго мышленія ни какъ не тожественны съ тенденціей отожествлять безпредвзятость установки сужденія, дающую сужденію право считаться логически оправданнымъ, исключительно съ обосно-

ваніемъ его (прямымъ или косвеннымъ) на опытныхъ данныхъ, и въ силу этого заранѣе безъ изслѣдованія всякое притязаніе сужденія на чисто умозрительную достовѣрность отожествлять съ предвзятостью, съ притязаніемъ на такое обоснованіе, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ обезпечивать истинности сужденія. Между тѣмъ, мы видѣли выше, когда старались характеризовать новый эмпиризмъ какъ критическое направленіе мысли [1]), что этотъ эмпиризмъ въ лицѣ тѣхъ своихъ представителей, мнѣнія которыхъ здѣсь подвергаются критическому разбору, проникнутъ именно этой тенденціей отожествлять совершенную безпредвзятость установки сужденія исключительно съ фактическимъ его обоснованіемъ и безусловно отрицать компетенцію умозрѣнія, хотя бы оно было дѣйствительнымъ, а не мнимымъ умозрѣніемъ, въ установкѣ сужденій о бытіи. Вотъ для критической оцѣнки этой именно тенденціи новаго эмпиризма, обусловливающей существеннѣйшія черты этого направленія, и имѣетъ, по моему мнѣнію, важное значеніе разъясненіе того, что самими законами ассоціативнаго механизма, который порождаетъ вѣру, и къ которому по послѣдовательно проведенной теоріи эмпиризма должно сводиться все знаніе, вносятся въ эту вѣру предположенія, которыя такимъ образомъ обусловливаютъ собою все опытное знаніе. Изъ этого разъясненія прежде всего въ прямую противоположность тенденціи, лежащей въ основаніи гносеологіи новаго эмпиризма, приходится заключать, что именно то, что разумѣетъ онъ подъ фактическимъ обоснованіемъ сужденій, если заранѣе отрицать, какъ дѣлаетъ это эмпиристическая гносеологія, всякія права умозрѣнія въ процессѣ логическаго оправданія сужденій, хотя и имѣетъ принудительную силу надъ сознаніемъ, тѣмъ не менѣе, совсѣмъ не можетъ претендовать на бо́льшее значеніе, чѣмъ значеніе инстинктивнаго акта въ томъ его пониманіи и съ тѣми ограниченіями, какія указаны были выше. Изъ этого же разъясненія далѣе слѣдуетъ, что возвыситься надъ этимъ значеніемъ само опытное знаніе могло бы только подъ единственнымъ условіемъ, если бы оказалось возможнымъ, опять въ прямую противоположность основной тенденціи новаго эмпиризма, констатировать (конечно, не мнимую, а дѣйствительную) умозрительную очевидность и при ея посредствѣ твердо установить логическую значимость тѣхъ предположеній, которыя лежатъ въ основѣ познавательнаго механизма, а съ нимъ и въ основѣ всего опыта.

([1] См. выше Н. 423—427.

II.

Спенсеръ, который вскрываетъ непослѣдовательность Милля въ проведеніи эмпиризма, и смѣло и рѣшительно ассоціативные процессы, признававшіеся съ точки зрѣнія обычной психологіи, правда, за необходимое, но все же только вспомогательное орудіе для знанія, провозглашаетъ такими процессами, которые въ своихъ наиболѣе законченныхъ продуктахъ имѣютъ наивысшее доступное знанію значеніе и лежатъ въ основаніи всѣхъ обыкновенно считающихся въ собственномъ смыслѣ познавательными процессовъ, на этомъ именно пунктѣ съ не меньшею рѣшительностію самъ уклоняется прямо въ противоположную сторону отъ неизбѣжнаго вывода изъ этого отожествленія способности знанія съ ассоціативнымъ механизмомъ. Онъ не только вмѣсто признанія продуктовъ этого механизма за инстинктивные, сами въ себѣ не заключающіе логическаго оправданія акты, утверждаетъ совершенную логическую ихъ оправданность, но утверждаетъ это, не задаваясь даже и вопросомъ о томъ, не устанавливаются ли разъясняемыми имъ же самимъ законами ассоціативныхъ процессовъ для всего знанія такія предположенія, которымъ должно быть приписано независимое отъ всего опыта значеніе для всего познаваемаго, хотя долженъ бы былъ, повидимому, быть особенно чутокъ къ этому, такъ какъ вполнѣ раздѣляетъ мысль Милля, что только непосредственно данное, факты могутъ давать логическое оправданіе сужденіямъ, въ которыхъ утверждается что нибудь относительно фактической дѣйствительности.

И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что прецедентъ сопоставленія ассоціативной вѣры съ инстинктомъ уже существовалъ. Отожествленіе знанія съ инстинктомъ очень рѣшительно проводилось Юмомъ, конечно, исключительно въ отношеніи къ той области знанія, въ которой Юмъ находилъ возможнымъ рѣшительно отрицать значеніе умозрительной очевидности. Отрицая умозрительный характеръ всѣхъ тѣхъ общихъ положеній, которыя онъ не считалъ возможнымъ признать аналитическими, Юмъ старался рельефно поставить на видъ недостаточность ссылки на факты для твердаго логическаго оправданія того значенія, которое приписывалось имъ непосредственнымъ сознаніемъ, т. е. значенія сужденій безусловно общихъ. И ища разъясненія вѣры въ нихъ и указывая на ассоціацію (привычку) какъ на условіе такой вѣры, но въ то же время живо сознавая психологическую принудительность значенія этой вѣры для всякаго, хотя бы и

понявшаго всю силу критическихъ сомнѣній [1]), Юмъ со всею рѣшительностію усвояетъ психическому механизму ассоціаціи значеніе инстинкта [2]), и именно въ томъ смыслѣ, что порождаемые имъ акты вѣры, несмотря на психологическую принудительность ихъ значенія и обнаруживающуюся фактически цѣлесообразность этого значенія, не допускаютъ для себя логическаго оправданія въ сознаніи лица, въ которомъ они совершаются. Обаяніе, которое невольно производитъ на Юма фактическое знаніе вопреки его скептической теоріи, можно констатировать только въ недостаточно послѣдовательномъ преувеличеніи имъ, если не логическаго значенія, то фактической неизмѣнности вѣры, при критическомъ скептицизмѣ. При, несомнѣнно, очень рельефно выступающемъ у него практическомъ характерѣ вѣры и живомъ сознаніи ея принудительнаго значенія для практической жизни [3]), для котораго онъ совсѣмъ не пытается искать даже и логическаго оправданія, Юму, повидимому, вовсе не приходитъ даже и на мысль дѣлать разграниченіе между неизбѣжностью этого принудительнаго господства продуктовъ познавательнаго механизма, какъ руководственныхъ указаній для практической дѣятельности, и абсолютнымъ характеромъ психологической вѣры въ эти продукты, разсматриваемые въ качествѣ чисто теоретическихъ истинъ; онъ, повидимому, вовсе не думаетъ о томъ, что эта вѣра не можетъ не терпѣть на себѣ вліянія отъ предполагаемаго яснаго сознанія неразрѣшимости критическихъ сомнѣній, и

---

[1]) См. Hume. Ess. and. Treat. II, 39. „Только глупецъ или помѣшанный не вѣритъ опыту“. 41 „Какъ дѣйствующій я удовлетворенъ“, что, конечно, не мѣшаетъ въ гносеологическихъ интересахъ искать и искать тщетно основаній для этой вѣры. 50. При соотвѣтствующихъ условіяхъ это чувство (вѣра) также неизбѣжно какъ чувство благодарности при полученіи благодѣянія или ненависти при оскорбленіи.

[2]) Ibid. 50, 60, 114—115.

[3]) Онъ характеризуетъ представленіе, оживляемое вѣрой, какъ такое, которое дѣлается чрезъ то способнымъ оказывать наибольшее вліяніе на наши страсти и воображеніе, такъ что оно становится руководящимъ основаніемъ для нашихъ поступковъ и болѣе могущественнымъ условіемъ для возбужденія чувствованій удовольствія и страданія, радости и печали, и ставитъ на видъ, что безъ той силы, которая соединяется съ привычкой мы не могли бы вовсе пользоваться средствами для цѣлей, никакими естественными силами для произведенія дѣйствій и всякая дѣятельность должна бы окончиться. Ibid. 49, 53—54. Описывая живыми красками ту полную парализацію всякой дѣятельности, которая неминуемо должна была бы наступить, какъ скоро руководительное значеніе для этой дѣятельности положили бы скептическіе выводы, Юмъ прибавляетъ, что, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ опасаться этого исхода, такъ какъ природа всегда болѣе могущественна, чѣмъ мысль. Ibid. 46—47, 162—170.

видитъ только, что она не можетъ вполнѣ освободиться отъ противоположнаго вліянія, выходящаго изъ всего строя эмоціонной и активной жизни субъекта. Твердо высказавъ совершенно вѣрную мысль, что нельзя опасаться прекращенія всякой дѣятельности вслѣдствіе чисто гносеологическаго скептицизма, такъ какъ природа всегда могущественнѣе, чѣмъ мысль, Юмъ не только въ качествѣ общаго вывода изъ своихъ изслѣдованій завѣряетъ, что человѣкъ долженъ дѣйствовать, дѣлать выводы и вѣрить, какъ бы ни были неопровержимы скептическія возраженія противъ познавательной цѣнности знанія [1]), но въ противоположность Локку, дѣлившему основанія на доказывающія и вѣроятныя, онъ хочетъ въ опирающихся на опытѣ основаніяхъ видѣть не вѣроятныя только, но точныя основанія, не допускающія сомнѣній и колебаній [2]). И во всѣхъ своихъ непосредственно слѣдующихъ за разрѣшеніемъ критическаго вопроса разсужденіяхъ о свободѣ и необходимости, о чудѣ, о промыслѣ и будущей жизни онъ принимаетъ всѣ основывающіяся, по его мнѣнію, на согласномъ людскомъ опытѣ положенія за положенія, требующія отъ мысли обязательнаго признанія. Наконецъ, всѣ его критическіе выводы относительно основаннаго на опытѣ знанія нисколько не мѣшаютъ ему при разсужденіяхъ объ этой способности знанія говорить о нѣкоторомъ видѣ предуставленной гармоніи между теченіемъ природы и порядкомъ нашихъ представленій, насколько мы видимъ, что наши мысли и представленія принимаютъ то же теченіе, какъ и явленія природы. Его скептицизмъ не мѣшаетъ ему даже утверждать, что мудрости природы болѣе соотвѣтствуетъ обезпечить правильное направленіе дѣятельности инстинктомъ и механическими влеченіями, не знающими заблужденій, и сдѣлать такимъ образомъ его независимымъ отъ дѣятельности разума, медленно развивающагося и способнаго заблуждаться [3]). Глубокіе доводы скептицизма могутъ произвести лишь мимолетное замѣшательство, и первое и простѣйшее столкновеніе съ жизнію прогоняетъ всякое сомнѣніе [4]).

Такимъ образомъ, Юмъ достаточно опредѣленно указывалъ на

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid., 61, Not.

[3]) Ibid., 59—60.

[4]) Ibid., 170. Правда, Юмъ даетъ такое описаніе вѣры, которое можетъ возбуждать сомнѣніе, можетъ ли подъ него подойти даже какой бы то ни было актъ, способный быть растолкованнымъ въ смыслѣ утвержденія истинности сужденія. Опредѣляя вѣру какъ особое чувство или ощущеніе, сопровождающее представленіе

инстинктивный характеръ вѣры, порождаемой ассоціаціями. И если рѣшительная наклонность Юма настаивать на совершенной неизмѣнности вѣры, разсматриваемой въ качествѣ убѣжденія въ истинности сужденія, даже при самыхъ неоспоримыхъ отрицательныхъ выводахъ критическаго сознанія оказалась историческимъ прецедентомъ выше разобраннаго нами ученія Спенсера о безусловной психологической принудительности вѣры въ необходимо мыслимыя сужденія, то тѣмъ естественнѣе, казалось бы, ожидать, что Спенсеръ, положившій въ основаніе всего знанія ассоціативные процессы порожденія вѣры и въ то же время вслѣдъ за Миллемъ ревниво относящійся къ мысли объ обязательной независимости знанія отъ какихъ бы то ни было предположеній, со всѣмъ вниманіемъ отнесется къ другой сторонѣ Юмова ученія, къ мысли объ инстинктивномъ характерѣ ассоціативной вѣры. Этого, казалось, естественно было бы ожидать хотя бы даже въ

(Ibid. 52), Юмъ тотчасъ же вслѣдъ за этимъ (53 — 54) описываетъ ее только какъ болѣе жизненное, болѣе живое, болѣе крѣпкое, болѣе твердое, болѣе устойчивое представленіе о предметѣ, чѣмъ какое можетъ быть достигнуто дѣятельностью воображенія, и съ этими именно свойствами представленія соединяетъ вліяніе вѣры на эмоціонныя и активныя проявленія сознанія. Но если такое описаніе вѣры считать исчерпывающимъ все ея содержаніе, то въ этой вѣрѣ совсѣмъ не окажется выраженнымъ то отношеніе субъекта къ объективной значимости представленія, которое должно составлять сущность вѣры и которое, повидимому, все же предполагалось, когда вѣра передъ тѣмъ опредѣлялась какъ чувство или ощущеніе, сопровождающее представленіе: здѣсь же все исчерпывается сравнительною интенсивностью опредѣленныхъ чертъ самаго представленія, которая, однако, какъ бы тѣсно она не предполагалась соединенною съ отношеніемъ субъекта къ объективной значимости представленія, никакъ не есть самое это отношеніе, а только предполагаетъ его какъ свое условіе или какъ свое слѣдствіе. Понятно, что все, сказанное выше относительно взгляда Юма на вѣру, совсѣмъ не мирилось бы съ отрицаніемъ въ вѣрѣ такъ или иначе выраженнаго отношенія субъекта къ объективной значимости представленія, и поэтому на это описаніе приходится смотрѣть какъ на очень неточное выраженіе мысли Юма (Юмъ, впрочемъ, здѣсь самъ говоритъ о трудности точнаго опредѣленія вѣры). И эта неточность, нужно думать, объясняется стремленіемъ Юма сблизить феноменъ вѣры съ феноменомъ воспріятія, при которомъ, по его психологическому взгляду, психическія состоянія (ощущенія) отличаются отъ представленій также только особою живостію, силою и проч. Но онъ не взялъ во вниманіе, что при воспріятіи есть особый моментъ, сознаніе наличной данности воспринимаемаго (все равно, чѣмъ бы оно ни обусловливалось и какъ бы ни истолковывалось),—сознаніе, котораго не можетъ быть въ вѣрѣ, насколько она относится къ не предполагаемому сейчасъ налично даннымъ, и которое здѣсь должно быть замѣнено чѣмъ-либо, напримѣръ, сознаніемъ неизбѣжности тотчасъ же или при извѣстныхъ условіяхъ представляемому содержанію оказаться налично даннымъ, или, напримѣръ, если этотъ моментъ выраженъ эмоціонно, чувствомъ ожиданія и проч.

виду того, что, какъ указывалъ уже Юмъ [1]), ассоціативная вѣра есть такая вѣра, которая существуетъ и у не одаренныхъ сознательною разумностью одушевленныхъ существъ и при которой даже и у разумныхъ существъ остаются скрытыми для непосредственнаго сознанія и даже постоянно неправильно истолковываются условія, ее порождающія.

Съ другой стороны, самъ Юмъ, правда, не дѣлалъ прямого сопоставленія логическихъ формулъ сознательныхъ выводныхъ процессовъ съ условіями ассоціативной вѣры для того, чтобы такимъ путемъ констатировать и самыя предположенія, скрывающіяся за нею. Такое направленіе для разъясненія этихъ предположеній, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ направленія, отчетливо указаннаго и послѣдовательно проведеннаго, исключались у него уже самою ограниченностью (сравнительно съ новымъ эмпиризмомъ) его скептицизма, простиравшагося исключительно на причинную связь явленій. Это ограниченіе естественно ставило границы и его изслѣдованіямъ ассоціативной вѣры, а, слѣдовательно, и предположеній съ нею связанныхъ, если бы даже относительно ихъ отчетливо былъ поставленъ вопросъ самимъ Юмомъ [2]). Однако, даже и самое это сопоставленіе логическихъ формулъ сознательныхъ выводовъ съ предположеніями, выражавшимися въ самыхъ условіяхъ порожденія вѣры ассоціативными процессами, повидимому, само собою навязывалось Спенсеру при обоснованіи и подробномъ развитіи его собственной теоріи, насколько она ставила своей задачей разъяснить всѣ усложненныя формы знанія изъ одного основанія, представляемаго простѣйшими формами ассоціативныхъ процессовъ. Въ самомъ дѣлѣ, параллелизмъ между ассоціативнымъ процессомъ порожденія вѣры въ общія сужденія и индуктивнымъ выводомъ долженъ былъ выступать въ сознаніи Спенсера со всею очевидностью при обоснованіи имъ своего ученія объ основаніяхъ нашей вѣры въ высшія посылки знанія въ противоположность Миллеву ученію о томъ же предметѣ. Когда Спенсеръ противопоставляетъ значеніе необходимой мыслимости сужденія, объясняемой ими обоими изъ вліянія частныхъ, соотвѣтствующихъ общему сужденію фактовъ на психологическій ассоціативный механизмъ, тому значенію, которое

[1]) Ibid., 34.

[2]) Не прямо, и въ примѣненіи именно къ причинной связи явленій, однако, это направленіе у Юма указывается уже тѣмъ, что, съ одной стороны, разъясняется, какое именно положеніе было бы необходимо для точнаго вывода причинной связи, съ другой, констатируется твердая вѣра въ эту остающуюся недоказанною связь.

Милль усвоялъ въ установкѣ такого рода сужденій методическому индуктивному процессу, то всю сущность дѣла онъ сводитъ къ безмѣрному превосходству того количества фактовъ, которое предполагается необходимою мыслимостью, сравнительно съ тѣмъ количествомъ ихъ, которымъ можетъ воспользоваться сознательный индуктивный выводъ для доказательства выводного сужденія. Совершенная однородность самихъ процессовъ сознательнаго и психологически механическаго по самому ихъ существу, т. е. какъ процессовъ установки общаго сужденія изъ частныхъ фактовъ, и одинаковость принциповъ, которые лежатъ въ ихъ основаніи, при этомъ, очевидно, предполагаются. А явная параллель между силлогистической формулой вывода и ассоціативными дополненіями воспріятій представленіями еще рельефнѣе выступаетъ у самаго Спенсера при самомъ разъясненіи имъ обычныхъ силлогистическихъ выводовъ. „Когда вслѣдствіе ощущенія давленія, испытываемаго мною въ вытянутой впередъ рукѣ, говоритъ онъ при этомъ разъясненіи [1]), я заключаю, что передо мною находится нѣчто, обладающее протяженіемъ; когда, видя одну сторону какого-либо предмета, я знаю, что у него есть еще другая сторона, я выполняю разсужденіе этого порядка. Если бы постоянное повтореніе не консолидировало этихъ познаваній въ такіе акты, которые могутъ быть названы органическими выводами, то мы сразу бы увидѣли, что они совершенно равнозначущи съ тѣми познаніями, въ которыхъ, напримѣръ, равносторонность нѣкотораго треугольника выводится изъ его равноугольности, какъ скоро ранѣе уже было однажды понято сосуществованіе этихъ свойствъ“.

Однако, несмотря на всѣ эти, повидимому, настоятельные поводы къ внимательному изслѣдованію ассоціативной вѣры съ тѣхъ сторонъ, которыя возбуждаютъ мысль объ инстинктивномъ ея характерѣ и о предположеніяхъ, лежащихъ въ ея основѣ, философія Спенсера, какъ сказано, отчетливо даже не ставитъ подобныхъ вопросовъ, хотя необходимую мыслимость, признаваемую ею за результатъ ассоціативныхъ процессовъ, кладетъ въ основаніе знанія. И это отношеніе Спенсера къ вопросамъ, вытекавшимъ изъ изслѣдованій Юма, мнѣ кажется, объяснить не трудно.

При критическомъ разборѣ ученія Милля, намъ приходилось указывать [2]) на одинъ крупный недочетъ въ скептической аргументаціи

---

[1]) Spencer. Princ. of Psych. II, 33—54, p. n. III, 54.

[2]) См. выше, С. III. 113—122.

Юма. Юмъ, хотя и недостаточно отчетливо и послѣдовательно, но все же, несомнѣнно, различалъ установку закона, понимаемаго въ смыслѣ положенія, констатирующаго фактическую, хотя и непонятную намъ принудительность слѣдованія опредѣленныхъ явленій въ опредѣленномъ порядкѣ или фактическую законосообразную правильность череды явленій, отъ установки закона, понимаемаго въ смыслѣ безусловно всеобщаго и необходимаго сужденія, въ которомъ не констатировалось бы только фактическая принудительность опредѣленнаго порядка явленій, но утверждалась бы вмѣстѣ съ тѣмъ и неизмѣнность его въ будущемъ. И онъ спѣшилъ представить твердое доказательство невозможности точно устанавливать законъ въ послѣднемъ смыслѣ и преимущественно на этомъ доказательствѣ основывалъ свой скептическій выводъ относительно познанія причинной связи явленій. Но при такой постановкѣ критической аргументаціи, даже и не становясь въ противорѣчіе съ той стороной аргументаціи Юма, которая была развита съ наибольшею убѣдительностью, можно было задаваться вопросомъ, не можетъ ли наука быть признана компетентной изслѣдовать законосообразность порядка явленій въ предѣлахъ фактически существующаго устройства вселенной, не предрѣшая вопроса о возможности перемѣнъ въ самомъ этомъ устройствѣ высшей силой, отъ которой оно зависитъ. Съ другой стороны, въ критическихъ разсужденіяхъ Юма существовалъ недочетъ и другого рода, которымъ какъ бы предуказывался путь къ разрѣшенію этого вопроса въ положительномъ смыслѣ. Юмъ не дѣлалъ подробнаго и обстоятельнаго разъясненія съ точки зрѣнія своей теоріи пріемовъ научнаго методическаго изслѣдованія. Онъ останавливался при ея разъясненіи на самыхъ обычныхъ и простѣйшихъ случаяхъ вѣры въ причинныя связи явленій, которыя могли казаться особенно пригодными для наиболѣе яркой ея иллюстраціи. Но чѣмъ строже дѣлались научныя требованія отъ процесса установки законовъ подъ вліяніемъ научнаго опыта, чѣмъ сложнѣе дѣлались методы такой установки, тѣмъ настоятельнѣе напрашивался вопросъ, какъ свести, да и можно ли свести эти строгія требованія и эти сложные методы къ тому непосредственному механически психологическому вліянію однородныхъ фактовъ на сознаніе, къ которому они должны были сводиться по теоріи, отожествлявшей ассоціативную вѣру съ инстинктомъ. А такъ какъ при этомъ теорія ассоціативной вѣры не была доведена Юмомъ до кульминаціонной точки, до разъясненія изъ нея феномена необходимой мыслимости, и Юмъ совсѣмъ не пытался характеризовать какъ-либо и отличить отъ

другихъ степеней ассоціативной связи ту степень ея, которая въ общемъ сознаніи играетъ роль научной истины, то несоотвѣтствіе его теоріи, въ той ея формѣ, въ какой приводилась она Юмомъ, съ фактическимъ знаніемъ, должно было особенно ярко выступать на тѣхъ случаяхъ, когда научному сознанію приходилось констатировать такія ошибки ассоціативной вѣры, которыя не были бы допущены, если бы положенія, вызывающія такую вѣру, подвергались провѣркѣ строгаго методическаго изслѣдованія. Всѣ эти затрудненія совершенно естественно могли философу, твердо державшемуся эмпиристическихъ принциповъ, внушать мысль, что Юмъ совершенно ошибочно считалъ ассоціацію, при отрицаніи умозрѣнія, единственнымъ основаніемъ, къ которому должно сводиться всякое сужденіе, которое не было бы простымъ утвержденіемъ непосредственно даннаго факта, и что строго основанное на фактахъ методическое изслѣдованіе можетъ быть независимымъ отъ ассоціативной вѣры и давать сужденію ту устойчивость и то логическое оправданіе, какія не обезпечиваются ассоціативнымъ процессомъ. И отсюда легко было притти къ мысли, что съ помощью такого рода въ собственномъ смыслѣ познавательныхъ процессовъ разрѣшается та болѣе скромная задача разъясненія законосообразности природы въ ея фактически существующемъ устройствѣ, которой не коснулись наиболѣе вѣскіе скептическіе аргументы Юма.

Такую именно постановку теорія знанія и получаетъ у Милля [1]). Но эта самая постановка и могла быть причиною того, что Спенсеръ, когда онъ необходимую мыслимость, какъ Миллемъ, такъ и имъ самимъ объяснявшуюся изъ ассоціативнаго процесса, не только положилъ въ основаніе всего знанія, но и возвысилъ на степень высшаго критерія достовѣрности, не ощутилъ при этомъ нужды ни въ какихъ особыхъ изслѣдованіяхъ для устраненія сомнѣній, какія могла бы вызывать эта безусловная достовѣрность, приписанная продукту психологическаго ассоціативнаго механизма. Могло казаться вполнѣ есте-

---

[1]) Mill. Syst. of Log., 1, 347, p. n. 1, 341—342. „Склонность выводить будущее изъ прошедшаго, неизвѣстное изъ извѣстнаго, говоритъ здѣсь Милль, которую нѣкоторые называютъ инстинктомъ, а другіе объясняютъ ассоціаціей, есть только привычка надѣяться, что оказавшееся истиннымъ однажды или нѣсколько разъ и ни разу не оказавшееся ложнымъ вновь обнаружится истиннымъ... Умъ безъ всякаго стороннаго побужденія склоненъ обобщать свои опыты, лишь бы всѣ они указывали въ одну сторону, лишь бы не являлся безъ поисковъ иной опытъ, противорѣчащій“. И Милль указываетъ затѣмъ преимущества опыта методическаго, который долженъ гарантировать достовѣрность положенія.

ственнымъ, что послѣ того, какъ Миллемъ уже доказывалась логическая правомѣрность сужденій, устанавливаемыхъ съ помощью опирающагося на факты методическаго изслѣдованія, для твердой установки безусловной логической значимости необходимо мыслимыхъ положеній оставалось только разъяснить, что тѣ факты, которые по законамъ ассоціативнаго механизма предполагаются въ качествѣ необходимаго условія для образованія необходимой мыслимости сужденія, безконечно превосходятъ весь тотъ фактическій матеріалъ, какимъ можетъ располагать какое бы то ни было методическое изслѣдованіе. И такимъ образомъ отстаиваемая Миллемъ цѣнность методическаго изслѣдованія для логическаго оправданія положеній именно въ противоположность склонности вѣрить въ продукты ассоціативнаго механизма, которой Милль отказываетъ въ этой цѣнности, превращается у Спенсера въ доказательство абсолютной [1]) познавательной цѣнности феномена необходимой мыслимости, который обоими этими мыслителями согласно признается также за продуктъ психологическаго ассоціативнаго механизма. Не случаенъ, конечно, тотъ фактъ, что та глава „Основаній психологіи“ Спенсера [2]), которая имѣетъ своею задачей установить за необходимою мыслимостью значеніе наивысшаго критерія достовѣрности, вся (за исключеніемъ введенія, въ которомъ Спенсеръ проводитъ ту мысль, что сознаніе фактически пользуется необходимою мыслимостью, какъ критеріемъ достовѣрности, и краткаго отвѣта на возраженія Гамильтона), заполнена полемикой съ Миллемъ, въ которой обсуждаются возраженія Милля противъ значенія необходимой мыслимости и ярко ставятся на видъ указанныя преимущества процесса возникновенія необходимой мыслимости передъ процессами методическаго изслѣдованія со стороны обилія фактическаго матеріала, обусловливающаго вѣру въ томъ и другомъ процессѣ. Точно также не случаенъ, конечно, и тотъ фактъ, что Спенсеръ не стѣсняется даже бросить Юму рѣзкій упрекъ [3]), если „не прямо въ помѣшательствѣ въ первой его степени“, то, во всякомъ случаѣ, „въ какой-то необъяснимой странности“ по поводу примѣненія Юмомъ понятія объ инстинктѣ къ убѣжденію въ существованіи внѣшней, отвѣчающей воспріятію дѣйствительности, и осуждаетъ ученіе Юма, что „природа въ силу

[1]) Спенсеръ не знаетъ Миллева ограниченія задачи въ изслѣдованіи законосообразности, и абсолютность ассоціативной связи есть для него свидѣтельство абсолютности закона.

[2]) Spencer, Princ. of Psych. II, 406—427, p. n. IV, 104—125.

[3]) Spencer, Princ. of Psych. II. 312—313, p. n. IV. 7—8.

нѣкоторой абсолютной и не подлежащей нашему контролю необходимости, заставляетъ насъ считать истиннымъ то, относительно чего мы не имѣемъ никакихъ раціональныхъ основаній, чтобы заключать, что оно истинно". И въ другомъ мѣстѣ [1]) относительно этой же вѣры въ реальность внѣшняго бытія Спенсеръ говоритъ, что она вовсе не представляетъ, какъ это думалъ Юмъ, результата нашей естественной склонности, находящейся въ противорѣчіи съ законами мысли, но что она „составляетъ неизбѣжный результатъ умственнаго процесса, происходящаго при всякой состоятельной аргументаціи". Изъ всего этого, повидимому, достаточно ясно, что тотъ оборотъ, который Спенсеръ даетъ Миллеву возвышенію опытнаго методическаго изслѣдованія настолько прочно устанавливаетъ, по его мнѣнію, его взглядъ на познавательную цѣнность знанія, что Юмово отожествленіе вѣры, не имѣющей для себя никакой опоры въ умозрительной очевидности, съ инстинктомъ ему представляется такъ очевидно ошибочнымъ, что оно совсѣмъ не способно давать никакого повода къ какимъ-нибудь серьезнымъ сомнѣніямъ относительно достовѣрности знанія. Правда, цитированный сейчасъ упрекъ Спенсера Юму относится къ мнѣнію Юма о существованіи внѣшняго бытія, а Юмъ не создалъ (какъ это дѣлаютъ Милль и Спенсеръ) особой теоріи происхожденія убѣжденія во внѣшнемъ бытіи изъ опыта, а потому для него это убѣжденіе есть результатъ особаго инстинкта. Но, вѣдь, Спенсеръ, конечно, не могъ не знать, что для Юма на инстинктѣ держатся и положенія, выводимыя на основаніи опыта, и что поэтому для него всякая основанная на опытѣ аргументація въ реальности внѣшняго міра, какъ бы сложна она ни была, а, слѣдовательно, и аргументація Спенсера должна бы была въ концѣ концовъ сводиться къ инстинкту, т. е. аппеллировать именно къ „склонности" вѣрить вопреки возраженіямъ разума, и вслѣдствіе этого для разума не считаться „состоятельной аргументаціей". Отсюда понятно, что этотъ фактъ, что Спенсеровъ упрекъ Юму относится именно къ вѣрѣ во внѣшнюю реальность, нисколько не измѣняетъ дѣла по его существу.

Что касается другого, также, по моему мнѣнію, очень существеннаго факта, что на Спенсера, повидимому, не производитъ никакого впечатлѣнія бросающійся въ глаза при его же разъясненіяхъ параллелизмъ логическихъ выводныхъ формулъ съ положеніями, въ которыхъ должны бы были формулироваться условія ассоціативной вѣры, и не

[1]) Ibid., II, 493, p. n. IV, 191.

вызывалъ его на соотвѣтствующія разъясненія, то это, нужно думать, достаточно объясняется радикальной реформой, которую онъ хочетъ произвести въ давно уже установившемся взглядѣ на логическія формулы выводовъ [1]). Оспаривая этотъ взглядъ, Спенсеръ ставитъ своею цѣлью доказать, что эти формулы представляютъ „наиболѣе общіе законы соотношенія между существованіями, разсматриваемыми какъ объективныя“, а никакъ не „наиболѣе общіе законы соотношенія между идеями объ этихъ существованіяхъ“, т. е. „законы объектовъ, а не разсужденія, не вывода“. Каждая изъ нихъ, утверждаетъ онъ, выражаетъ частичку знанія, но не способъ узнаванія. Каждая изъ нихъ обобщаетъ какой-нибудь обширный классъ познаваній; но дѣлая это, она не приближается ни на одинъ шагъ къ природѣ познавательнаго акта. Онѣ могутъ принадлежать только предмету, о которомъ мы разсуждаемъ, а не самому разсужденію, не самому разуму. „И логика, разсматривающая формулы выводовъ, должна быть принимаема за самую абстрактную изъ объективныхъ наукъ“, такъ какъ „она имѣетъ своимъ предметомъ объективныя отношенія... и занимается единственно соотношеніями между этими отношеніями“. Въ доказательство этого взгляда онъ ссылается на самое содержаніе этихъ логическихъ выводныхъ формулъ, на то, что утвержденія, заключающіяся въ нихъ, касаются вещей, объектовъ: напримѣръ, формулой первой силлогистической фигуры утверждается, что все, что можетъ быть утверждаемо или отрицаемо о классѣ, можетъ быть утверждаемо или отрицаемо о вещи, содержащейся въ этомъ классѣ. Съ тою же цѣлью онъ ставитъ на видъ несомнѣнный фактъ возможности нѣкоторыя истины, имѣющія логическій характеръ, иллюстрировать, при передачѣ ихъ ученику, подобно математическимъ истинамъ, на внѣшнихъ предметахъ. Точно также опору для этого же мнѣнія о логическихъ выводныхъ формулахъ какъ о законахъ вещей, объектовъ онъ находитъ и въ аналогіи (подмѣченной уже давно) между силлогистическими формулами выводовъ и нѣкоторыми математическими аксіомами равенства, не относившимися въ общепринятыхъ системахъ логики къ логическимъ выводнымъ формуламъ, а принимавшихся за законы объективнаго бытія, и, наконецъ, въ извѣстныхъ попыткахъ (Буля) превратить даже силлогистическія формулы выводовъ въ формулы математическія. Существенно важная для эмпиризма цѣль, которая преслѣдуется при этой радикальной реформѣ взгляда

[1]) Ibid., I, 87—95, p. n. III, 91—99.

на логическія формулы вывода, вполнѣ ясно выражается въ выводѣ, который Спенсеръ самъ дѣлаетъ изъ сейчасъ приведенной мысли. „Такъ какъ всѣми признано уже, говоритъ онъ, что математическій анализъ имѣетъ дѣло съ отношеніями, которыя разсматриваются какъ существующія объективно, и что *въ послѣдней инстанціи онъ испытываетъ свои заключенія, относящіяся къ необходимымъ взаимнозависимостямъ этихъ объективныхъ отношеній, посредствомъ обращенія къ дѣйствительному воспріятію* [1]), то приходится допустить, что и эта форма математическаго анализа, на которую можетъ быть сведена логика, дѣлаетъ то же самое". Имѣя все это въ виду, нельзя не признать совершенно естественнымъ, что для философа, который превращалъ положенія, въ продолженіе многихъ вѣковъ считавшіяся формулами выводныхъ процессовъ, выражающими законы выводной дѣятельности, въ простые результаты познавательнаго процесса, достовѣрность которыхъ въ послѣдней инстанціи должна основываться на воспріятіи,— что для такого философа аналогія выводныхъ процессовъ съ условіями ассоціативной вѣры, хотя бы и выступавшая очень ясно въ его собственномъ обсужденіи ихъ, могла и не представляться поводомъ къ тому, чтобы искать для ассоціативныхъ условій вѣры формулъ, которыя такъ же относились бы къ природѣ ассоціативнаго механизма, какъ по опровергаемому имъ ученію логики относятся такъ называемыя логическія формулы выводовъ къ сознательной мыслительной дѣятельности.

Однако, если приведенные взгляды Спенсера и могутъ разъяснять намъ, почему онъ прямо и отчетливо не ставитъ даже и вопроса о возможности отожествлять невольное убѣжденіе въ истинности сужденія, отличающагося необходимою мыслимостью, съ инстинктивнымъ актомъ, а тѣмъ болѣе о предвзятыхъ положеніяхъ, предполагающихся при убѣжденіи такого рода, то это никакъ не значитъ, чтобы эти взгляды могли логически оправдывать подобное отношеніе къ этому вопросу; это не значитъ даже, чтобы они не ставили философію самого Спенсера въ особыя логическія коллизіи.

Обратимся прежде всего къ Спенсеровой попыткѣ связать логическое оправданіе необходимой мыслимости съ Миллевымъ возвышеніемъ опытнаго методическаго изслѣдованія на степень процесса способнаго логически правомѣрно устанавливать достовѣрныя положенія.

При своемъ рѣзко и опредѣленно выраженномъ критическомъ направленіи Милль получаетъ возможность отстаивать опытное методи-

[1]) Этотъ курсивъ принадлежитъ мнѣ.

ческое изслѣдованіе какъ единственное средство устанавливать достовѣрныя положенія лишь настолько, насколько онъ противопоставляетъ такое изслѣдованіе ассоціативной вѣрѣ, насколько онъ предполагаетъ, что при этомъ изслѣдованіи чистое (ничѣмъ не предвзятое) сознаніе исключительно опредѣляется въ достаточной полнотѣ собранными и отчетливо провѣренными фактами въ прямую противоположность невольной психологической способности вѣрить при условіяхъ, сознательно не провѣренныхъ со стороны достаточности ихъ для логически правомѣрной установки сужденія. И реальной основы для этого противопоставленія Милль ищетъ въ фактахъ исторіи знанія, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что ассоціативная вѣра менѣе гарантирована отъ ошибокъ, чѣмъ результатъ строго опытнаго методическаго изслѣдованія. Правда, нѣтъ, никакого сомнѣнія въ томъ, что такое противопоставленіе для послѣдовательнаго эмпириста могло быть только результатомъ очень крупныхъ недосмотровъ при построеніи имъ теоріи знанія. Милль, очевидно, стоитъ подъ обаяніемъ той убѣдительности, какую для научнаго сознанія имѣютъ результаты строгихъ, опытно методическихъ изслѣдованій и подъ этимъ обаяніемъ онъ не анализируетъ точнѣе, въ чемъ съ точки зрѣнія его крайняго эмпиризма должно состоять послѣднее основаніе этой убѣдительности. Онъ недостаточно взвѣсилъ значеніе того обстоятельства, что знаніе какъ установка не даннаго изъ даннаго, не извѣстнаго изъ извѣстнаго, неизбѣжно предполагаетъ установку логической связи даннаго съ не даннымъ, извѣстнаго съ не извѣстнымъ, безъ которой не данное и не извѣстное не могли бы стать для сознанія достовѣрными и которая сама уже не дана и поэтому никакъ не можетъ заключаться въ простомъ опредѣленіи чистаго (безусловно не предвзятаго) сознанія даннымъ, фактами [1]). Вслѣдствіе этого для Милля осталось не яснымъ, что для непосредственнаго точно также какъ для научнаго сознанія, если оно не видитъ никакой предвзятости въ переходѣ отъ даннаго къ не данному въ строгомъ опытномъ методическомъ изслѣдованіи, убѣдительность этого перехода можетъ имѣть только смыслъ непосредственной очевидности этой связи даннаго съ не даннымъ, а для эмпиризма, который отрицаетъ умозрительную очевидность этой убѣдительности, ей не остается быть ни чѣмъ инымъ какъ только результатомъ той же самой наклонности вѣрить, которой Милль хочетъ противопоставить методическое изслѣдованіе. Что же касается его

[1]) См. выше. С. III. 122—132.

упрека ассоціативной вѣрѣ въ сравнительной недостаточной обезпеченности ея отъ ошибокъ, то изъ предшествующихъ нашихъ разъясненій относительно Миллева взгляда легко вывести, что здѣсь было явное недоразумѣніе, насколько Милль уже самъ сводилъ къ ассоціативному процессу феноменъ необходимой мыслимости, условія образованія которой по его же собственнымъ объясненіямъ по существу дѣла не различались отъ его требованій отъ методическаго изслѣдованія [1]), къ которой, хотя и несознательно, но тѣмъ не менѣе фактически имъ самимъ сводилась геометрическая достовѣрность [2]), и которая, наконецъ, когда не встрѣчаетъ противорѣчія въ другихъ показаніяхъ сознанія, оказывается совсѣмъ не требующей и даже не допускающей никакой провѣрки въ формѣ опытно методическаго изслѣдованія [3]). Однако, какъ бы ни было незаконно для послѣдовательнаго эмпириста противопоставленіе ассоціативной вѣрѣ методическаго изслѣдованія, именно, какъ такого способа убѣжденія въ сужденіи, при которомъ сознаніе, абсолютно чистое отъ всякой предвзятости, опредѣляется исключительно фактами, т. е. непосредственно даннымъ, во всякомъ случаѣ, какъ скоро ошибки такого противопоставленія были просмотрѣны Миллемъ и самое это противопоставленіе имъ допущено, то для Милля было совершенно естественно говорить о возможности достигать съ помощью методическаго изслѣдованія логическаго оправданія положеній и возвышать это изслѣдованіе надъ всякой ассоціативной вѣрой, видѣть въ немъ законный критерій для логически правомѣрной оцѣнки всякихъ продуктовъ ассоціативныхъ процессовъ.

Но совершенно въ другомъ отношеніи къ этому вопросу должна оказаться теорія знанія Спенсера, у котораго необходимая мыслимость, объясняемая ассоціативными процессами, получаетъ значеніе наивысшаго доступнаго сознанію условія какой бы то ни было вѣры и у котораго всѣ процессы сознательной мысли, а слѣдовательно и сознательно апеллирующее къ фактамъ методическое изслѣдованіе только въ силу этой же необходимой мыслимости могли бы получить значеніе условій научнаго знанія, т. е. только въ той мѣрѣ могли бы становиться этими условіями, въ какой сами представляютъ, правда, болѣе производныя, болѣе усложненныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе осла-

[1]) Ibid., B. I. 32—50.
[2]) Ibid., B. II.
[3]) Ibid., E. II. 237—248. III. 305—320.

бленныя формы, но именно формы необходимой мыслимости. И Спенсеръ не только вполнѣ отчетливо сознаетъ это [1]), но и вполнѣ послѣдовательно проводитъ эту мысль даже въ отношеніи къ фактамъ воспріятія, которые по эмпиризму должны играть исключительную роль въ логически оправданномъ знаніи, такъ какъ онъ самъ разъясняетъ [2]), какъ мы уже знаемъ, что всѣ эти факты сплошь должны представлять результатъ ассоціативныхъ процессовъ, и слѣдовательно довѣріе къ нимъ самимъ должно опираться на ту же необходимую мыслимость.

Въ виду этого онъ, правда, имѣетъ всякое право, при своей полемикѣ съ Миллемъ, ставить на видъ, что образовавшаяся непосредственная необходимо мыслимая связь между представленіями (если дѣло идетъ не о коллизіи между доказательствомъ и опроверженіемъ одного и того же положенія) должна считаться условіемъ болѣе интенсивной вѣры, чѣмъ опирающееся на той же необходимо мыслимой связи, только посредственной, методическое изслѣдованіе. И если бы онъ въ прямое противорѣчіе основнымъ взглядамъ своей же собственной системы и фактамъ исторіи научнаго сознанія не отожествлялъ понятіе объ условіи наивысшей по интенсивности вѣры въ опредѣленное сужденіе съ понятіемъ о непосредственной необходимой мыслимости этого сужденія, взятой въ отвлеченіи отъ всего остального знанія [3]), а связывалъ съ этимъ же понятіемъ, но при добавочномъ условіи отсутствія неразрѣшимыхъ возраженій противъ этого сужденія во всей области знанія [4]), то онъ имѣлъ бы также всякое право того же требовать и отъ Милля во имя послѣдовательности эмпиристическаго ассоціанизма. Но если онъ хочетъ говорить не о вѣрѣ наивысшей интенсивности, а о логической значимости сужденій, непосредственно характеризующихся необходимою мыслимостью и если онъ хочетъ доказывать эту значимость, опираясь на тотъ фактъ, что Милль отстаиваетъ возможность логически оправдывать сужденія съ помощью методическаго изслѣдованія, то здѣсь ошибка его уже не только въ томъ, что онъ подобно Миллю недостаточно оцѣнилъ значеніе того факта, что логическая связь даннаго съ не даннымъ, обусловливающая установку не даннаго, сама въ опытѣ не дана, и потому

---

[1]) Spencer, Princ. of Psych. II, 31, 411—412, 415—416, 426, 449—450; p. n. III, 30; IV, 110, 114, 124, 147—148.

[2]) Ibid., I, 460; II, 395—401, 410; p. n. II, 185; IV, 93—101, 108.

[3]) См. выше, Д. III.

[4]) Ibid., E. I.

законность признанія ея могла бы быть только оправдана съ помощью отрицаемой эмпиризмомъ умозрительной очевидности. Ошибка его состоитъ уже и въ томъ, что признавъ, въ прямую противоположность Миллю, опытное методическое изслѣдованіе и не только даже въ его цѣломъ, но и въ каждомъ мельчайшемъ его пунктѣ опирающимся на необходимой мыслимости, онъ уже не имѣетъ того призрачнаго права смотрѣть на это изслѣдованіе какъ на наиболѣе явно отвѣчающее эмпиристическому идеалу достовѣрности, какое предполагалось Миллемъ, противополагавшимъ его ассоціативной вѣрѣ, а поэтому онъ не имѣетъ и права отъ наиболѣе явной достовѣрности методическаго изслѣдованія заключать къ болѣе скрытой хотя и болѣе высокой достовѣрности ассоціанистически объясняемой необходимой мыслимости. Вѣдь если дѣло идетъ о признаніи необходимо мыслимаго за логически оправданное, то, по ясно выраженнымъ его взглядамъ, методическое изслѣдованіе само, какъ опирающееся со всѣхъ сторонъ на множество положеній, признаваемыхъ вѣрными только за свою необходимую мыслимость, въ его глазахъ должно представлять и не только въ цѣломъ, но и во всѣхъ своихъ частяхъ ту же скрытую достовѣрность, какъ и непосредственно необходимо мыслимое, и потому само еще въ большей степени должно нуждаться въ разъясненіи своей достовѣрности, чѣмъ тѣ необходимо мыслимыя истины, безусловную достовѣрность которыхъ онъ хочетъ установить чрезъ разъясненіе превосходства условій вѣры въ нихъ передъ условіями установки сужденія съ помощью этого изслѣдованія. Такимъ образомъ, оказывается, что логическое оправданіе для вѣры въ необходимо мыслимое принято Спенсеромъ безъ всякаго основанія и притомъ для вѣры порождаемой психическимъ механизмомъ, не предполагающимъ, какъ сказано, ни въ своихъ процессахъ вообще, ни въ актѣ порожденія вѣры наивысшей интенсивности, участія разумно сознательной дѣятельности.

Конечно, ничто не препятствуетъ смотрѣть на полемику Спенсера съ Миллемъ въ той главѣ „Основаній Психологіи“, которая имѣетъ задачей разъяснить безусловную достовѣрность необходимой мыслимости, какъ на такую полемику, которая имѣетъ въ виду опредѣленнаго противника его теоріи, и не имѣетъ цѣлію дать строгой и исчерпывающей аргументаціи теоріи самого Спенсера, хотя тотъ параграфъ [1]), въ которомъ Спенсеръ разъясняетъ преимущество своего кри-

[1]) § 430.

терія достовѣрности передъ Миллевымъ, едва ли допускаетъ такое толкованіе. Но если и предположить это, сущность дѣла нисколько не измѣнится, такъ какъ основная мысль того возраженія противъ Спенсеровой аргументаціи въ пользу устанавливаемаго имъ критерія достовѣрности, которое сейчасъ нами сдѣлано, направляется противъ самой возможности какого бы то ни было логическаго оправданія полагаемаго имъ въ основу всего знанія принципа, и разъясненіе этого возраженія на Спенсеровой полемикѣ противъ Милля даетъ только ему наглядную иллюстрацію. Въ концѣ той же главы вполнѣ послѣдовательно съ точки зрѣнія своей теоріи, сводящей познавательный процессъ къ ассоціативному механизму и разсматривающей необходимую мыслимость какъ высшую ступень ассоціативной связи, Спенсеръ слѣдующимъ образомъ характеризируетъ положеніе того, кто отказался бы признать „этотъ всеобщій постулатъ“ т. е. необходимую мыслимость. „Послѣ каждаго „потому что“ и каждаго „слѣдовательно“, онъ можетъ быть остановленъ до тѣхъ поръ, пока онъ не укажетъ, почему это утверждаемое положеніе должно быть принимаемо предпочтительно передъ противоположнымъ предложеніемъ. Такъ что онъ не можетъ даже сдѣлать ни одного шага для оправданія своего скептицизма касательно всеобщаго постулата, безъ того, чтобы въ самомъ актѣ совершенія этого шага не сознаться въ допущеніи этого постулата“. Какая же можетъ быть рѣчь о какомъ бы то было процессѣ логическаго оправданія необходимо мыслимаго, когда всякій процессъ такого оправданія (совершенно по той же причинѣ, по которой въ сейчасъ приведенныхъ словахъ Спенсера утверждается это о всякомъ возраженіи противъ несостоятельности необходимо мыслимаго) въ каждомъ своемъ моментѣ для признанія самой его пригодности для цѣли долженъ уже предполагать логическую значимость необходимо мыслимаго? Примемъ же теперь во вниманіе, съ одной стороны, что это должно относиться ко всякому, а слѣдовательно и къ опытному оправданію необходимой мыслимости въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что изложенныя слова Спенсера относятся къ какому-угодно разъясненію непригодности ея какъ критерія достовѣрности, съ другой стороны, что Спенсеръ, отрицая вообще независимую отъ опыта умозрительную очевидность, не можетъ считать въ собственномъ смыслѣ умозрительно очевиднымъ и положеніе, что необходимо мыслимыя сужденія должны быть безусловно достовѣрны. И для насъ остается единственный выходъ—признакъ, что Юмово отожествленіе опытнаго значенія съ инстинктомъ, къ которому такъ пренебрежительно относится Спенсеръ,

составляетъ неизбѣжную послѣдовательность теоріи самого Спенсера. И я не знаю, какимъ образомъ при такихъ условіяхъ избѣгнуть вывода, что Спенсерово признаніе необходимой мыслимости, образовавшейся ассоціативнымъ путемъ, за высшій критерій достовѣрности заключаетъ въ себѣ прямое противорѣчіе, которое было прикрыто для самого Спенсера, съ одной стороны, его убѣжденіемъ въ томъ, что Милль уже въ методическомъ изслѣдованіи вѣрно указалъ процессъ, способный и при эмпиристической теоріи быть поставленъ выше Юмовскаго скептицизма, съ другой—недостаточнымъ вниманіемъ его къ тому, что самое это возвышеніе надъ скептицизмомъ (въ существѣ мнимое) обусловилось у Милля противопоставленіемъ методическаго изслѣдованія ассоціативной вѣрѣ,—противопоставленіемъ непослѣдовательнымъ съ точки зрѣнія эмпиризма и совершенно законно устраненнымъ вслѣдствіе этой непослѣдовательности самимъ же Спенсеромъ.

Точно также и попытка радикальнаго измѣненія общепринятаго взгляда на логическія выводныя формулы только привязываетъ къ системѣ Спенсера новый балластъ несостоятельныхъ мнѣній, но ни въ какомъ случаѣ не освобождаетъ эмпиризмъ отъ необходимости въ условіяхъ ассоціативной вѣры искать предположеній аналогичныхъ съ логическими выводными формулами.

Такъ какъ ближайшею цѣлью Спенсеровой радикальной реформы установившихся взглядовъ на выводныя формулы было стремленіе свести и такъ называемыя аналитическія положенія къ опыту, то реформа должна была состоять не въ какихъ-либо видоизмѣненіяхъ тѣхъ положеній, которыя должны бы были подразумѣваться въ самыхъ отправленіяхъ выводной дѣятельности разума, а въ установленіи такого взгляда на самую эту дѣятельность, который бы исключалъ всякую возможность опредѣленія ея законами, способными быть выраженными въ сужденіяхъ объ объектахъ, а поэтому предполагающими основанную на самой природѣ мысли вѣру въ эти сужденія. Спенсеръ послѣдовательно и идетъ къ этой цѣли. Обозрѣвая самые разнообразные акты вывода, или, какъ онъ обыкновенно называетъ выводъ, разсужденія, и отвлекая отъ нихъ все, что не должно, по его мнѣнію, относиться къ самой сущности или природѣ этихъ актовъ, Спенсеръ хочетъ свести ихъ всецѣло къ внутреннему воспріятію сходства или несходства отношеній [1]), т. е. полагаетъ сущность выводного акта всюду въ усмотрѣніи или интуиціи равенства или неравенства, сходства

[1]) Spenscer. Princ. of Psych. II, 95; p. n. III, 99.

или несходства между отношеніями, разумѣя подъ отношеніями какъ разнообразныя математическія отношенія, такъ и всѣ отношенія между предметомъ и его принадлежностями, а также отношенія между самыми предметами и между фактами по сосуществованію, послѣдовательности, сходству, однимъ словомъ всѣ отношенія, которыя могутъ быть утверждаемы или отрицаемы какъ въ математическихъ, такъ и во всѣхъ не математическихъ сужденіяхъ. Не ограничиваясь выводомъ такого понятія о разсужденіи изъ обзора разнообразныхъ актовъ выводной дѣятельности разума, Спенсеръ въ общей характеристикѣ выводныхъ процессовъ, при разъясненіи которой онъ хочетъ выходить изъ „самаго опредѣленія разума, разсматриваемаго съ его универсальной стороны“, стремится вывесть это понятіе изъ этого универсальнаго опредѣленія разума. Здѣсь въ основаніе своихъ разсужденій онъ кладетъ то общее положеніе, что отношеніе „можетъ быть мыслимо только какъ отношеніе нѣкотораго *порядка*, т. е. какъ относящееся къ нѣкоторому *классу* прежде извѣстныхъ отношеній“, и отсюда выводитъ, что, „выводя какое-либо отношеніе, мы обязаны думать о немъ какъ о принадлежащемъ (или не принадлежащемъ) къ нѣкоторому классу отношеній; а думать о немъ такимъ образомъ значитъ думать о немъ какъ о сходномъ или несходномъ съ нѣкоторыми другими отношеніями“ [1]). И выводъ, понятый въ этомъ смыслѣ, т. е. какъ классификація отношеній, сопоставляется имъ здѣсь съ соотвѣтствующимъ процессомъ, касающимся терминовъ (т. е. явленій способныхъ быть поставленными въ отношенія), которые также „могутъ быть мыслимы какъ такіе-то или такіе-то, только будучи мыслимы какъ члены того или другого класса. Такія фразы, какъ: „это—животное“; или: „это—кругъ“, или „это—красный цвѣтъ“, необходимо подразумѣваютъ, что животныя, круги и цвѣта представлялись уже ранѣе сознанію. И утвержденіе, что это есть животное, кругъ или цвѣтъ, есть лишь группированіе новаго (усматриваемаго) предмета съ подобными ему (воспоминаемыми) предметами“ [2]).

---

[1]) Ibid. 114—115; p. n. III, 119—120.

[2]) Этому послѣднему разъясненію Спенсеръ, повидимому, придаетъ особую важность. Оно же и съ тѣмъ же сопоставленіемъ ставится Спенсеромъ на видъ и при общей сводкѣ его взглядовъ на мыслительность вообще. „Самое простѣйшее свойство или отношеніе, говорится здѣсь, не можетъ быть узнано, пока не существуетъ другихъ свойствъ и отношеній, съ которыми каждое изъ нихъ могло бы быть классифицировано, такъ какъ познаніе такого свойства или отношенія есть мышленіе о нихъ какъ о свойствѣ или отношеніи, одинаковомъ съ свойствомъ или отношеніемъ

Спенсеръ находитъ, сверхъ сказаннаго, нѣкоторую опору для своей реформы теоріи выводовъ и въ нѣкоторыхъ недочетахъ обычныхъ логическихъ теорій. Онъ совершенно справедливо полемизируетъ противъ отожествленія теоріи выводовъ съ силлогистической теоріей и особенно съ попытками свести выводную дѣятельность сознанія къ формулѣ такъ называемой первой фигуры категорическаго силлогизма и совершенно справедливо ставитъ на видъ, что такого рода обобщеніе не можетъ обойтись безъ явно насильственныхъ истолкованій многихъ (напримѣръ, математическихъ, основанныхъ на общихъ аксіомахъ равенства) модификацій выводной дѣятельности [1]). Въ противоположность этой насильственной перекройкѣ однихъ видоразличій выводной дѣятельности по другимъ ея видоразличіямъ, его понятіе объ этой дѣятельности должно представлять такую черту выводныхъ актовъ, которая дѣйствительно тожественна во всѣхъ нихъ и составляетъ самую сущность выводного процесса. Съ другой стороны, обычная логика въ своихъ разъясненіяхъ выводной дѣятельности мысли по преимуществу останавливаетъ свое вниманіе на тѣхъ выводныхъ процессахъ, которые достигаютъ наивысшей степени убѣдительности, и формулы которыхъ поэтому представляютъ нормативныя требованія отъ процессовъ, долженствующихъ удовлетворять обще-научному сознанію; но она игнорируетъ или, по крайней мѣрѣ, трактуетъ какъ не имѣющіе настоящаго логическаго характера тѣ выводные процессы, которыми постоянно руководится сознаніе въ своей обыденной жизни и которые, служа естественнымъ выраженіемъ одной и той же выводной дѣятельности, не могутъ не обниматься понятіемъ объ этой дѣятельности, если это понятіе должно выражать дѣйствительную ея природу, а не только тѣ ея отправленія, которыя требуютъ, сверхъ того, еще особыхъ условій. Спенсеръ смотритъ и на этотъ фактъ, какъ на недочетъ, который долженъ быть восполненъ его теоріей вывода. Приводя между различными видами выводовъ и такой видъ вывода, а между частными примѣрами другого вида, такой примѣръ, которые не всѣми логиками могли бы быть признаны законными, Спенсеръ въ объясненіе перваго говоритъ [2]): „если многіе люди, чего никто не станетъ отрицать, открывали общія заключенія на основаніи единич-

---

извѣстнаго порядка, т. е. классификація его съ членами этого порядка“. Ibid., II, 298—299; p. n. II, 310—311.

[1]) Ibid., II, 95 — 97; p. n. III, 99—101.

[2]) Ibid., II, 79; p. n. III, 82.

ныхъ примѣровъ и если, какъ это слѣдуетъ допустить, тотъ умственный процессъ, съ помощью котораго они приходили при этомъ отъ данныхъ къ заключенію, есть всегда одинъ и тотъ же по своей природѣ процессъ, будутъ ли данные его достаточными или недостаточными, въ такомъ случаѣ описаніе или формула этого процесса можетъ вполнѣ правильно заключать и процессы этого рода". Въ объясненіе второго Спенсеръ замѣчаетъ [1]): „большинство тѣхъ дедукцій, которыми мы руководимся въ нашей ежедневной жизни, принадлежитъ къ этому несовершенному порядку, и поэтому, не смотря на свою состоятельность или несостоятельность, онѣ не могутъ быть исключены изъ описанія или изъ формулы дедуктивнаго процесса". Въ виду всего этого Спенсеръ приходитъ къ мысли, которая должна служить оправданіемъ и его общаго понятія о природѣ выводного акта. „Подробное разсмотрѣніе тѣхъ условій, говоритъ онъ [2]), при которыхъ индуктивный выводъ можетъ считаться состоятельнымъ, было бы здѣсь совершенно неумѣстнымъ. Мы обязаны изслѣдовать только тотъ умственный актъ, помощью котораго достигается такой выводъ, а этотъ актъ, со стороны его формы, остается всегда однимъ и тѣмъ же, будутъ ли данныя достаточными или нѣтъ". При такомъ взглядѣ на сущность выводныхъ процессовъ, по которому все должно было сводиться къ описанію выводного акта въ такой формѣ, при которой исключалось бы изъ него всякое указаніе на условія его состоятельности, конечно, облегчалась возможность описать эту сущность такъ, чтобы въ описаніи не оказалось мѣста никакимъ предположеніямъ, касающимся объекта. Впрочемъ Спенсеръ и независимо отъ этого считаетъ возможнымъ утверждать [3]), что „всеобщій процессъ раціональной мыслительности не можетъ кристаллизироваться въ какомъ-либо единичномъ продуктѣ этой раціональной мыслительности", разумѣя подъ этимъ продуктомъ какую-либо аксіоматическую выраженную формулу.

Однако, какъ ни ясно, повидимому, обрисовывается Спенсеромъ понятіе о выводномъ актѣ, отожествляемомъ съ интуиціей сходства или несходства отношеній и какъ ни всесторонней представляется мотивировка этого взгляда, при внимательномъ разсмотрѣніи этой теоріи нельзя не замѣтить въ ней очень большой и очень сложной

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid., II. 83; p. n. III. 86.
[3]) Ibid., II. 95; p. n. III, 99.

запутанности. И эта запутанность тотчасъ же выступаетъ, какъ скоро мы пожелали бы точнѣе опредѣлить, что разумѣется подъ интуиціей сходства или несходства отношеній, когда къ ней сводится актъ вывода.

Выводъ есть, собственно, процессъ установки опредѣленнаго сужденія. А если подъ сужденіемъ, какъ хочетъ въ этомъ случаѣ Спенсеръ, разумѣть утвержденіе опредѣленнаго отношенія между двумя какими-либо вещами, то выводъ можно опредѣлить, какъ установку опредѣленнаго отношенія между двумя какими-либо вещами. Поэтому, если Спенсеръ признаетъ актъ вывода интуиціей сходства или несходства, равенства или неравенства двухъ отношеній (т. е. отношенія между главными терминами выводного сужденія и отношенія между терминами въ посылкѣ или въ посылкахъ), то на эту интуицію можно конечно, смотрѣть только какъ на средство, съ помощію котораго достигается цѣль выводного процесса, установка выводного сужденія или опредѣленнаго отношенія между его главными терминами. Несомнѣнно, что такъ именно и смотритъ Спенсеръ на эту интуицію. Отожествляя постоянно въ продолженіе всего своего обширнаго трактата о выводахъ въ „Основаніяхъ психологіи“ выводный актъ съ усмотрѣніемъ или интуиціей равенства или сходства отношеній, Спенсеръ въ самомъ концѣ своихъ разсужденій, желая представить, какъ выражается онъ, апріорное доказательство своего взгляда изъ специфическаго опредѣленія разума, очень опредѣленно говоритъ [1]), что „всякій умозаключительный или мыслительный актъ (въ противоположность прямому усмотрѣнію отношенія между двумя какими-либо вещами съ помощію внѣшнихъ чувствъ или воспріятія) есть не прямое установленіе опредѣленнаго отношенія между двумя вещами съ помощію процесса установленія опредѣленнаго отношенія между двумя опредѣленными отношеніями“.

Это разъясненіе болѣе точнаго смысла, который Спенсеръ соединяетъ съ своимъ понятіемъ о выводномъ актѣ, совсѣмъ не излишне. Оно тотчасъ поднимаетъ въ нашей мысли другой вопросъ: при такомъ опредѣленіи выводного акта въ какомъ же смыслѣ это признаніе сходства или несходства двухъ отношеній, которое служитъ средствомъ къ установленію одного изъ нихъ, можетъ быть названо интуиціей этого сходства или несходства? Если несомнѣнно, что отношеніе одной какой нибудь реальности къ другой, съ которымъ мы не можемъ ознакомиться непосредственно, должно тотчасъ получить возможность сдѣ-

[1]) Ibid., II, 115—116; p. n. III, 121—122.

латься для насъ вполнѣ опредѣленнымъ, установиться въ нашемъ сознаніи, какъ только мы какимъ либо путемъ получили увѣренность, что его мы должны считать сходнымъ съ нѣкоторымъ уже извѣстнымъ намъ отношеніемъ между тѣми или другими явленіями, то не менѣе несомнѣнно и то, что для интуитивнаго констатированія сходства или несходства отношеній, точно также какъ для такого же констатированія сходства или несходства самыхъ явленій или реальностей, если подъ этимъ интуитивнымъ констатированіемъ сходства или несходства разумѣть усмотрѣніе его путемъ непосредственнаго сравненія отношеній или реальностей, конечно, нужно, чтобы сравниваемыя отношенія или реальности обѣ поставлены были созерцательно въ сознаніи. Но какъ же говорить объ интуиціи сходства или несходства такихъ отношеній, изъ которыхъ объ одномъ прямо предполагается, что оно для насъ неизвѣстно и что оно должно быть еще установлено чрезъ самое это признаніе сходства или несходства его съ другимъ уже извѣстнымъ намъ отношеніемъ? И, наоборотъ, если бы оба отношенія были уже извѣстны намъ и потому для насъ имѣлась бы возможность интуитивно констатировать сходство или несходство между ними, какая оказалась бы нужда въ установкѣ какого-либо изъ этихъ отношеній съ помощью этой интуиціи, когда оба они уже извѣстны? И какое значеніе могла бы имѣть эта новая установка одного изъ этихъ отношеній черезъ интуицію сходства его съ другимъ, когда сама эта интуиція предполагаетъ прежнюю установку, и потому новый выводъ, изъ нея сдѣланный относительно фактическаго существованія этого именно отношенія, можетъ быть лишь настолько твердъ, насколько прежде твердо установлено было существованіе этого именно отношенія.

Послѣднею сейчасъ высказанною мыслію устраняется и такой выходъ изъ указаннаго затрудненія, на который, повидимому, можетъ указывать особое разъясненіе, даваемое Спенсеромъ дедуктивнымъ процессамъ. „Вмѣстѣ съ представленіемъ нашему чувству нѣкотораго предмета, говорится въ этомъ разъясненіи [1]), нашему уму внушается и нѣкоторое свойство, какъ принадлежащее этому предмету, хотя въ данный моментъ мы и не усматриваемъ этого свойства непосредственнымъ воспріятіемъ. Актъ этотъ простъ и самопроизволенъ; и происходитъ онъ не вслѣдствіе *воспоминанія* о прежнихъ извѣстныхъ сходныхъ отношеніяхъ, но просто вслѣдствіе того *вліянія*, которое они,

[1]) Ibid., II, 101—102; p. n. III, 106—107.

въ качествѣ прошедшихъ опытовъ, имѣютъ на ассоціацію нашихъ идей. Обыкновенно выводъ, опредѣленный этимъ способомъ, удовлетворяетъ насъ, и мы переходимъ къ какой-либо другой мысли; но если, извнутри или извнѣ, въ насъ закрадывается какое-либо сомнѣніе по этому поводу, тогда мы проходимъ черезъ акты мысли, выраженные въ остальной части нашей формулы (т. е. въ сознаніи является соотвѣтствующая посылка и изъ нея уже устанавливается положеніе), т. е. мы имѣемъ процессъ сознательнаго разсужденія". При такомъ истолкованіи сознательнаго выводного процесса, отношеніе, которое должно стать предметомъ вывода, предшествуетъ самому его выводу, а поэтому, повидимому, нѣтъ затрудненія акту вывода совершиться черезъ интуитивное констатированіе сходства или несходства его съ ранѣе извѣстнымъ намъ уже отношеніемъ. Однако, если даже и принять, что такова именно психологическая сторона и не только во всѣхъ дедуктивныхъ процессахъ, какъ принимаетъ это здѣсь Спенсеръ, но и во всѣхъ вообще выводныхъ процессахъ, то этимъ не устранится разъясненное выше возраженіе. Вѣдь самымъ этимъ описаніемъ психологическихъ прецедентовъ вывода предполагается, что явилось въ сознаніи сомнѣніе въ возникшемъ подъ безсознательнымъ вліяніемъ предшедшаго опыта сужденіи, безъ чего, какъ совершенно справедливо признаетъ здѣсь Спенсеръ, въ сознательномъ выводѣ не оказалось бы совсѣмъ нужды. А въ такомъ случаѣ интуиція, если бы она состояла въ простомъ сравненіи двухъ созерцательно предстоящихъ сознанію отношеній, могла бы, очевидно, только констатировать сходство или несходство признаннаго сомнительнымъ представленія о дѣйствительномъ отношеніи между извѣстными явленіями, о которомъ должно говорить выводное сужденіе, т. е. простого предположенія объ этомъ отношеніи съ ранѣе извѣстнымъ отношеніемъ между ранѣе существовавшими въ сознаніи явленіями; и въ самой этой интуиціи не будетъ заключаться никакой мысли о томъ дѣйствительномъ отношеніи между первыми явленіями, которое должна составлять содержаніе выводного сужденія.

Конечно, Спенсеромъ предполагается, что сравненіе сомнительнаго предположенія съ посылкой должно служить критической оцѣнкой пригодности или непригодности этого предположенія для того, чтобы считаться точнымъ выраженіемъ остававшагося до этого сравненія неизвѣстнымъ дѣйствительнаго отношенія между опредѣленными явленіями [1]). Но вѣдь для того, чтобы изъ сходства или несходства пред-

[1]) Такъ дѣйствительно и смотритъ Спенсеръ на силлогистическій выводъ, въ при-

положеннаго отношенія между опредѣленными явленіями съ извѣстнымъ уже отношеніемъ между ранѣе проходившими черезъ сознаніе явленіями сознаніе могло выводить соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе этого предположеннаго отношенія между опредѣленными отношеніями дѣйствительному отношенію между ними, — для этого нужно, конечно, чтобы сознаніе уже было увѣрено, что это дѣйствительное отношеніе сходно съ выраженнымъ въ посылкѣ отношеніемъ между ранѣе проходившими чрезъ сознаніе явленіями, т. е., что въ этомъ послѣднемъ отношеніи оно имѣетъ образецъ, соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе которому должно опредѣлять соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе возникшаго предположенія объ отношеніи между опредѣленными явленіями дѣйствительному отношенію между ними. Но въ такомъ случаѣ вся сущность вывода, очевидно, сводилась бы къ этому признанію извѣстнаго уже отношенія между ранѣе проходившими черезъ сознаніе явленіями за образецъ, которому должно слѣдовать сознаніе при сужденіи объ установкѣ возбудившаго его вниманіе отношенія, а ранѣе возникшее предположеніе о послѣднемъ отношеніи и сличеніе его съ этимъ образцомъ отличало бы этотъ процессъ вывода отъ такого процесса, гдѣ такого представленія вовсе не возникало бы предварительно, только тѣмъ, что этотъ процессъ, вмѣсто прямого конструированія выводного сужденія по образцу, который признается въ посылкѣ, получилъ бы видъ рѣшенія вопроса, о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи ранѣе образовавшагося предположенія объ этомъ сужденіи этому образцу. Но самая важная сторона въ этомъ процессѣ, все равно, въ какой бы формѣ ни являлось его закончаніе, т. е. самое признаніе представляемаго посылкой отношенія за образецъ, которымъ должно опредѣляться выводное сужденіе, само, конечно, опять не могло бы быть чистой интуиціей сходства или несходства двухъ отношеній, если подъ этой интуиціей разумѣть констатированіе этого сходства или несходства путемъ непосредственнаго сличенія этихъ отношеній, — не могло бы вслѣдствіе той же причины, вслѣдствіе отсутствія представленія объ одномъ изъ нихъ, именно, о томъ, которое, какъ предполагается должно быть впервые еще установлено чрезъ эту интуицію.

И отсюда ближайшимъ образомъ должно слѣдовать, по крайней мѣрѣ, то, что Спенсерово сопоставленіе актовъ вывода съ такими актами

мѣненіи къ которому и проводитъ онъ прежде всего эту теорію о выводномъ сужденіи, предваряющемъ процессъ вывода (ibid., 97—99, p. n. III, 101—103), расширяя потомъ значеніе ея на всѣ дедуктивные процессы.

сужденій, гдѣ предмету усвояются свойства, данныя въ воспріятіи, на томъ основаніи, что и такого рода сказуемыя, „даже простѣйшія свойства или отношенія не могутъ быть узнаны, пока не существуетъ другихъ свойствъ или отношеній, съ которыми каждое изъ нихъ могло бы быть классифицировано“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Спенсерово отожествленіе выводного процесса съ классифицированіемъ, должны быть признаны неудачными, способными вводить въ заблужденіе. Въ этого рода классифицирующихъ сужденіяхъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣстѣ съ свойствомъ, дѣйствительно непосредственно даннымъ въ воспріятіи, не предполагается тѣсно связанныхъ съ нимъ и при утвержденіи его подразумѣвающихся другихъ свойствъ, уже непосредственно въ воспріятіи не данныхъ, дѣйствительно весь обусловливающій сужденіе процессъ можетъ исчерпываться чистою дѣятельностью сравненія того, что дано непосредственно, съ ранѣе воспринимавшимися такими же свойствами, и происходящимъ въ силу этого сравненія отнесеніемъ наличнаго предмета, въ которомъ это свойство воспринимается, къ совокупности предметовъ, обнаружившихъ въ прежнемъ опытѣ то же свойство. Но выводъ есть именно та форма установки сужденія, которая идетъ далѣе этого рода приписываній предмету свойствъ, предполагаемыхъ непосредственно данными въ воспріятіи, и имѣетъ цѣлью отнесеніе къ нему того, о чемъ непосредственное воспріятіе не свидѣтельствуетъ. А поэтому выводъ, во избѣжаніе возможныхъ перетолкованій понятія о немъ, долженъ бы былъ вполнѣ опредѣленно сопоставляться лишь изъ сужденій, не требующихъ для развитого сознанія установки чрезъ сознательный выводной процессъ, лишь съ такими сужденіями, въ которыхъ воспринимаемое въ предметѣ свойство, если выразиться языкомъ Спенсера, такъ консолидировалось чрезъ прежній опытъ съ какимъ-либо другимъ свойствомъ или какими-либо другими свойствами, что отнесеніе къ предмету перваго на основаніи непосредственнаго воспріятія становится и отнесеніемъ къ нему послѣдняго или послѣднихъ вслѣдствіе необходимой связи между ними.

Но если подъ интуиціей сходства или несходства отношеній, къ которой Спенсеромъ сводится выводной процессъ, нельзя разумѣть констатированіе этого сходства или несходства черезъ непосредственное сличеніе ихъ, то не имѣетъ ли права Спенсеръ уравненіе одного отношенія съ другимъ признавать интуиціей въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ называетъ интуиціями такія сужденія, въ которыхъ связь между основными терминами устанавливалась бы на основаніи ея необходимой мыслимости, конечно, образовавшейся по его теоріи ассо-

ціативнымъ путемъ? Не должно ли это чисто императивное приравниваніе еще неизвѣстнаго, а только имѣющаго установиться чрезъ самый этотъ процессъ отношенія къ отношенію уже извѣстному, слѣдовательно, не могущее опираться на непосредственное сличеніе ихъ какъ фактовъ, — не должно ли оно основываться у Спенсера именно на той же необходимой мыслимости, на которую опираются этого рода интуиціи отношенія предиката къ субъекту, также имѣющія императивный характеръ и также не нуждающіяся для своего усмотрѣнія въ непосредственномъ воспріятіи предиката для отнесенія его къ субъекту? И не вполнѣ ли гармонировалъ бы этотъ взглядъ и съ общимъ ученіемъ Спенсера о значеніи необходимой мыслимости въ процессѣ знанія и съ дѣйствительнымъ характеромъ выводныхъ процессовъ? Однако такъ ли все это на самомъ дѣлѣ?

Выводъ, какъ мы уже говорили, имѣетъ своей задачей не установленіе сходства или несходства между двумя отношеніями, а установленіе сужденія или, по терминологіи Спенсера, отношенія между двумя вещами или явленіями и, слѣдовательно, съ этой стороны не отличается отъ интуиціи, непосредственно устанавливающей сужденія. Не отличается онъ отъ нея и съ той стороны, что исходнымъ пунктомъ этой установки въ обоихъ случаяхъ служитъ, будетъ ли то непосредственно данный или условно предположенный одинъ изъ главныхъ терминовъ имѣющаго быть установленнымъ сужденія, который даетъ мотивъ для этой установки и составляетъ то первое звено ея, къ которому примыкаютъ звенья послѣдующія. И Спенсеръ въ своемъ обзорѣ выводовъ, собственно, имѣетъ въ виду ту безспорно господствующую и въ своихъ основныхъ видоразличіяхъ простѣйшую группу выводовъ, въ которой этимъ исходнымъ пунктомъ служитъ именно субъектъ имѣющаго быть установленнымъ сужденія [1]), какъ это обыкновенно бываетъ и при интуиціяхъ, съ помощію которыхъ непосредственно устанавливается сужденіе. Но съ этого пункта начинается уже существенное различіе между выводнымъ процессомъ и той интуиціей, которою непосредственно устанавливается сужденіе. Въ то время какъ въ послѣднемъ случаѣ для непосредственнаго, а также и для научнаго

[1]) Правда, въ этомъ же обзорѣ говорится и о гипотезѣ, которая по разъясненіямъ, даннымъ въ моей „Классификаціи выводовъ“ стр. 86—88, должна быть отнесена къ выводнымъ процессамъ, имѣющимъ своимъ исходнымъ пунктомъ предикатъ выводного сужденія и представляющимъ поэтому нѣкоторыя особыя уклоненія, но Спенсеромъ и эти гипотетическіе процессы ставятся въ одинъ порядокъ со всѣми остальными и истолковываются одинаково.

сознанія ни въ чемъ далѣе не оказывается нужды, такъ какъ съ самымъ понятіемъ субъекта, какъ предполагается при этой интуиціи, связана та принудительность постановки его въ опредѣленное отношеніе къ представленію о другомъ опредѣленномъ явленіи, которая вызываетъ вѣру наивысшей интенсивности, въ выводномъ процессѣ эта установка является обусловленной и притомъ согласно нѣкоторому общему правилу для всѣхъ видоразличій этого рода мыслительной дѣятельности, только модифицирующемуся въ различныхъ группахъ выводовъ соотвѣтственно особенностямъ матеріала, на который въ различныхъ случаяхъ бываетъ обращена эта дѣятельность. Къ этимъ уже внѣшнимъ въ отношеніи къ самому имѣющему быть установленнымъ сужденію условіямъ вѣры относится, конечно, выдвигаемое Спенсеромъ на передній планъ ранѣе уже извѣстное положеніе, въ которомъ въ качествѣ сказуемаго выступаетъ то отношеніе къ опредѣленному другому явленію, которое въ результатѣ выводного процесса должно быть приписано служащему исходнымъ пунктомъ этого процесса субъекту. Но одного этого условія для вывода недостаточно. Для него нужно въ какой бы то ни было формѣ отожествленіе логическое или реальное, полное или частичное, этого послѣдняго субъекта съ субъектомъ ранѣе извѣстнаго положенія, котораго предикатъ долженъ сдѣлаться предикатомъ имѣющаго установиться сужденія. При исходномъ пунктѣ вывода самый вызовъ этого положенія въ сознаніе, совершающійся ассоціативнымъ путемъ, обусловленъ тѣми свойствами обоихъ субъектовъ, которыя ведутъ къ той или другой формѣ ихъ сознательнаго отожествленія. И доходя до сознанія это отожествленіе оправдываетъ психологическую принудительность соединять ранѣе установленный за однимъ изъ этихъ субъектовъ предикатъ съ другимъ [1]). Не трудно видѣть, что Спенсерово отожествленіе природы выводного акта съ интуиціей сходства или несходства отношеній, если разумѣть подъ этой интуиціей императивное требованіе смотрѣть на одно отношеніе, какъ на образецъ, которому должно соотвѣтствовать бывшее доселѣ неизвѣстнымъ другое, указываетъ на то значеніе, которое должна получить при выводѣ одна изъ посылокъ, именно на значеніе образца, по которому должно устанавливаться отношеніе субъекта образующагося сужденія, но оно не даетъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на то условіе, которымъ опредѣляется это значеніе этой посылки, какъ будто это значеніе при созна-

[1]) Подробное разъясненіе этого момента выводныхъ процессовъ съ его логической стороны дано мною въ моей „Классификаціи выводовъ“ стр. 240—243.

тельномъ выводѣ опирается исключительно на образовавшуюся въ той или другой степени ассоціативную принудительность, условія которой не падаютъ въ сознаніе, тогда какъ прямо наоборотъ, выводъ въ различіе отъ сужденія непосредственно очевиднаго именно и есть та форма, въ которой для сознанія фактически ощутителенъ мотивъ, опредѣляющій обращеніе его къ другому сужденію, и эта ощутительность можетъ доходить, а при тѣхъ или другихъ условіяхъ фактически доходитъ до какой угодно отчетливости и опредѣленности. Изъ этого должно слѣдовать, что обычныя логическія формулы выводовъ, въ которыхъ отчетливо ставится на видъ мотивъ происходящаго въ выводномъ сужденіи соединенія предиката ббльшей посылки съ субъектомъ заключенія и значеніе которыхъ для характеристики природы выводного акта отрицаетъ Спенсеръ, полнѣе и отчетливѣе выражаютъ эту природу, чѣмъ Спенсерово опредѣленіе ея, исключающее изъ нея одинъ изъ самыхъ существенныхъ моментовъ этого акта.

Конечно, это исключеніе Спенсеромъ изъ опредѣленія выводного акта одного изъ существенныхъ моментовъ его должно было стоять въ мысли Спенсера въ связи съ разъясненнымъ выше мнѣніемъ его, что въ характеристикѣ природы выводного акта не должны входить условія его состоятельности, такъ какъ эта природа должна быть всегда одинакова, какъ въ выводахъ состоятельныхъ, такъ и въ такихъ выводахъ обыденной жизни, которые признаны состоятельными быть не могутъ. Однако, если въ этой мысли искать прямого основанія для исключенія изъ опредѣленія выводного акта отчетливаго указанія на условіе соединенія въ выводномъ сужденіи съ субъектомъ предиката, приписаннаго субъекту другого сужденія, то на это, прежде всего, нужно замѣтить, что самая постановка этого условія сознаніемъ въ выводномъ актѣ, все равно, оказывается ли это условіе въ томъ или другомъ данномъ случаѣ достаточнымъ для того, чтобы сдѣлать этотъ актъ состоятельнымъ, или не оказывается, составляетъ во всѣхъ выводахъ необходимый моментъ выводного процесса, а поэтому, во всякомъ случаѣ, такое опредѣленіе этого процесса, въ которомъ отчетливо не ставится на видъ это условіе и его значеніе, не можетъ считаться опредѣленіемъ природы этого процесса. Вникая въ вопросъ далѣе, мы, конечно, не можемъ не согласиться, что если подъ условіями состоятельности вывода въ примѣненіи къ посылкамъ, какъ сужденіямъ, мотивирующимъ для самаго сознанія вѣру въ выводное сужденіе, понимать соотвѣтствіе этихъ посылокъ выставляемымъ логикой нормативнымъ требованіямъ, т. е. требованіямъ, которыя должны удовлетворять

общенаучному сознанію, то выводные акты обыденной жизни сознанія постоянно должны оказываться не удовлетворяющими требованіямъ состоятельности. Но это не только не значитъ, чтобы эти акты обычной жизни сознанія не считались самимъ пользующимся ими сознаніемъ удовлетворяющими нѣкоторымъ требованіямъ, внушающимъ вѣру въ относительную или сравнительную пригодность актовъ, отвѣчающихъ этимъ требованіямъ, для достиженія ихъ познавательной цѣли: вѣдь безъ этого выводной процессъ для самаго совершающаго его сознанія потерялъ бы сполна значеніе выводного процесса, сознательнаго процесса установки истины, а превратился бы въ произвольную комбинацію представленій, не преслѣдующую никакихъ познавательныхъ цѣлей. Но относительно этихъ требованій, удовлетвореніе которымъ при выводѣ должно самимъ сознаніемъ, производящимъ выводъ, считаться въ той или другой степени пригоднымъ для цѣли, нужно утверждать болѣе; о нихъ нужно утверждать, что они родственны съ тѣми требованіями, которыя предъявляетъ для той же цѣли логика въ качествѣ требованій общенаучнаго сознанія, что они представляютъ собою только съ тѣхъ или другихъ сторонъ и въ той или другой степени пониженныя тѣ же самыя требованія. Вѣдь, всякій хорошо знаетъ, что для сознанія, достаточно развившагося для отчетливаго пониманія отвлеченныхъ логическихъ формулъ, ознакомленіе съ ними не можетъ не сопровождаться признаніемъ наивысшей убѣдительности познавательныхъ процессовъ, наиболѣе строго удовлетворяющихъ имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и признаніемъ преимущества этихъ процессовъ передъ процессами, удовлетворяющими требованіямъ, которыми довольствуется часто сознаніе въ обычной жизни. Никто, освоившись съ геометрическимъ обоснованіемъ той или другой теоремы, не станетъ искать опоры для убѣжденія въ ней въ случайныхъ наблюденіяхъ фактовъ, которые оказываются согласными съ нею; никто, ознакомившись достаточно отчетливо съ научнымъ обоснованіемъ того или другого закона физики, довѣріе къ которому способно возбуждаться фактами и наблюденіями обыденной жизни, ни на минуту не усумнится въ томъ, что первое несравненно больше удовлетворяетъ требованіямъ его же собственнаго сознанія, чѣмъ ссылка на послѣдніе. Если въ обычной жизни сознанія при выводныхъ процессахъ постоянно остаются не во всей строгости выполненными нормативныя требованія, то для объясненія этого здѣсь достаточно указать на громадное значеніе ознакомленія съ дѣйствительностью для всѣхъ активныхъ проявленій, направляемыхъ на удовлетвореніе какихъ то ни было заявляющихъ себя въ со-

знаніи потребностей, и что вслѣдствіе этого настоятельный запросъ на продукты познавательныхъ процессовъ въ каждый моментъ жизни сознанія идетъ безконечно далѣе, чѣмъ сознаніе имѣетъ фактическую возможность удовлетворить его чрезъ примѣненіе средствъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ общенаучнаго сознанія. Но и при этой общей и постоянной коллизіи въ жизни сознанія, какъ самая цѣль выводныхъ актовъ всегда остается одна и та же—ознакомленіе съ фактическою дѣйствительностью, такъ и путь движенія къ ней по существу остается однимъ и тѣмъ же, опредѣляясь тѣми нормами, которыя и при отвлеченномъ ихъ сознаніи и при фактической непосредственной ихъ оцѣнкѣ, невольно возникающей тамъ, гдѣ оказываются фактически данными оба пріема, какъ научный, такъ и не научный, при установкѣ той же истины, выступаютъ въ качествѣ коренящагося въ самой природѣ выводящей дѣятельности указанія на путь, какимъ она должна слѣдовать. И кажущееся различіе пути, опредѣляемаго этими нормами, отъ путей, имъ не отвѣчающихъ, если, конечно, представлять дѣло въ самомъ широкомъ обобщеніи, должно сводиться къ тому, что практическія потребности постоянно застигаютъ естественное движеніе сознанія по этому пути, когда онъ сполна еще не пройденъ, и требуютъ готовыхъ результатовъ въ каждомъ моментѣ этого движенія, и въ силу этого, подобно тому какъ то же происходитъ съ простѣйшими ассоціативными процессами, по необходимости принимается за результатъ то, что въ каждый данный моментъ, только по сравненію со всѣми другими отвѣтами на подлежащій сейчасъ сознанію вопросъ, оказывается отвѣтомъ, наиболѣе отвѣчающимъ нормативнымъ требованіямъ. Абсолютная оцѣнка здѣсь по необходимости уступаетъ мѣсто относительной и сравнительной, значеніе которой однако можетъ только опредѣляться и фактически опредѣляется ея отношеніемъ къ оцѣнкѣ абсолютной. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, понимаемая въ указанномъ смыслѣ несостоятельность многихъ выводовъ, которыми руководится обычное сознаніе, никакъ не оправдывала бы не только исключенія изъ опредѣленія выводного акта вообще характеристики посылки, имѣющей въ ней самой существенное значеніе, но даже и борьбы противъ такого рода истолкованія этой посылки, которое должно принадлежать ей въ общенаучномъ сознаніи.

Впрочемъ, роль, которую играетъ въ выводномъ процессѣ посылка, обусловливающая для самого производящаго выводъ сознанія и право и психологическую принудительность отнесенія въ выводномъ сужденіи къ субъекту предиката ранѣе уже установленнаго сужденія, до

такой степени существенна, что никакое описаніе видовъ этого процесса и никакое разъясненіе ихъ безъ очевиднаго подразумѣванія ея, которое такъ или иначе должно выразиться, прямо невозможно. Не могъ избѣжать этого, конечно, и Спенсеръ. На первый взглядъ, правда, предетавляется, что при разъясненіи тѣхъ видовъ выводовъ, которыми исключительно занимаются обычныя логическія системы, т. е. выводовъ индуктивныхъ и дедуктивныхъ, его отожествленіе выводного акта съ интуиціей сходства или несходства между отношеніями очень удобно приложимо. Подъ отношеніями, сходство которыхъ должно непосредственно усматриваться въ этихъ видахъ выводовъ, Спенсеръ разумѣетъ, съ одной стороны, выводное сужденіе, съ другой, бо́льшую посылку, т. е. ту посылку, въ которой при индукціи приписывается частнымъ предметамъ, а при дедукціи классу тотъ предикатъ, который въ выводномъ сужденіи долженъ быть, наоборотъ, отнесенъ при индукціи къ классу, а при дедукціи къ частному предмету. Что же касается отсутствующей меньшей посылки, которая должна утверждать, что частные предметы (при индукціи) или частный предметъ (при дедукціи) относятся къ этому классу, и которая должна объяснять право и психологическую принудительность относить предикатъ большей посылки на субъектъ заключенія, то она очень удобно, повидимому, замѣняется здѣсь тѣмъ, что въ томъ изъ двухъ сужденій, составляющихъ здѣсь весь выводный актъ, въ которомъ идетъ рѣчь о частныхъ предметахъ или частномъ предметѣ, т. е. при индукціи въ большой посылкѣ, а при дедукціи въ выводномъ сужденіи, эти предметы прямо характеризуются родовымъ признакомъ того класса, о которомъ говоритъ другое сужденіе. Такимъ образомъ, при этихъ двухъ сужденіяхъ не оказывается нужды ни въ какомъ третьемъ сужденіи, такъ какъ эти два сужденія оказываются сходны между собою по обоимъ главнымъ терминамъ: и по субъекту, и по предикату; а потому невольно подкупающей въ свою пользу является мысль, что выводной актъ можетъ быть сведенъ къ чистой интуиціи ихъ сходства.

Однако, это наглядное сведеніе выводного акта къ интуиціи сходства двухъ отношеній оказывается уже затруднительнымъ примѣнить къ другимъ видамъ выводовъ, напримѣръ, къ выводамъ математическимъ на основаніи аксіомъ равенства, къ выводамъ объ одновременности двухъ предметовъ на основаніи одновременности ихъ съ третьимъ и пр., которые Спенсеръ, въ противоположность обычнымъ логическимъ взглядамъ, и совершенно справедливо, разсматриваетъ

какъ параллельные съ силлогистическими особые виды выводовъ и только насильственно сводимые къ послѣднимъ. Въ этихъ выводахъ то положеніе, которое играетъ здѣсь роль, соотвѣтствующую роли меньшей посылки, замѣнить, какъ въ дедукціи, характеристикой субъекта выводного сужденія признакомъ класса, о которомъ говоритъ сужденіе, соотвѣтствующее другой посылкѣ, было уже нельзя, такъ какъ въ этихъ выводахъ дѣло идетъ не о перенесеніи классоваго сказуемаго на особь, относящуюся къ классу, на основаніи этой принадлежности ея къ класссу, а о перенесеніи или точнаго количественнаго опредѣленія, или точнаго положенія во времени съ одного предмета на другой на основаніи признаннаго равенства ихъ или признанной одновременности ихъ. Поэтому эти выводы толкуются Спенсеромъ, правда, также какъ интуиція сходства или, точнѣе въ этомъ случаѣ, равенства отношенія, выраженнаго въ выводномъ сужденіи, но уже не съ отношеніемъ, выраженнымъ въ другомъ сужденіи, а съ отношеніемъ, выраженнымъ въ двухъ сужденіяхъ, которыя берутся какъ одно цѣлое вслѣдствіе того, что одинъ членъ у нихъ оказывается общимъ. И, такимъ образомъ, теорія, которая одною изъ своихъ цѣлей ставитъ понять единство умозаключающей функціи въ разнообразныхъ формахъ вывода, не нарушая ихъ относительной самостоятельности, на дѣлѣ оказывается затрудняющей такое пониманіе, такъ какъ, если искать параллелизма между силлогистической дедукціей (т. е. первой силлогистической фигурой) и выводами, напримѣръ, на основаніи аксіомы равенства двухъ величинъ одной и той же третьей, то, конечно, только при насильственномъ перетолкованіи процесса можно не видѣть, что уравненіе двухъ величинъ одной другой при послѣднихъ выводахъ играетъ совершенно ту же роль обезпеченія права перенесенія количественныхъ предикатовъ съ одной изъ этихъ величинъ на другую, какую роль въ силлогистической дедукціи играетъ отнесеніе предмета къ классу, т. е. отожествленіе его съ одной изъ особей класса, обезпечивающее перенесеніе предикатовъ класса на этотъ предметъ.

Но и мнимая наглядность примѣненія понятія интуиціи сходства двухъ отношеній къ самимъ дедуктивно силлогистическому и индуктивному выводамъ тотчасъ же исчезаетъ, какъ скоро оказывается для Спенсера нужнымъ войти въ болѣе точное разъясненіе дѣла. При попыткѣ болѣе отчетливаго разъясненія силлогизма первой фигуры Спенсеръ беретъ въ качествѣ примѣра выводъ изъ общаго положенія „рогатыя животныя жвачны“ частнаго положенія о жвачности этого опре-

дѣленнаго рогатаго животнаго и при этомъ поясняетъ [1]), что „только вслѣдствіе усмотрѣнія сходства между A и a, т. е. между совокупностію свойствъ, входящихъ въ понятіе о рогатомъ животномъ, и совокупностію свойствъ, представляемыхъ этимъ рогатымъ животнымъ, можетъ всякое такое заключеніе быть состоятельнымъ или даже только представляться нашему сознанію". Само собою понятно, что то же mutatis mutandis должно быть приложимо и къ индукціи. Но если это такъ, то ясно, что въ выводномъ актѣ мы имѣемъ особое сужденіе о сходствѣ двухъ субъектовъ, способное опираться на непосредственномъ сличеніи представленій этихъ субъектовъ, и особое не только отъ „заключенія", т. е. выводного сужденія, такъ какъ оно явно признается его условіемъ, но и отъ утвержденія сходства предикатовъ этихъ субъектовъ, т. е. отъ сходства отношеній этихъ субъектовъ къ опредѣленному явленію, и по той же самой причинѣ, т. е. потому, что оно служитъ условіемъ признанія этого сходства. Вѣдь выводное сужденіе именно рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи даннаго или предположеннаго субъекта къ опредѣленному явленію, и если бы для утвержденія сходства этого отношенія съ отношеніемъ этого явленія къ субъекту уже ранѣе извѣстнаго намъ сужденія не требовалось бы, въ качествѣ условія, признанія сходства между обоими этими субъектами, то его не потребовалось бы въ качествѣ условія и для „заключенія", такъ какъ признаніемъ сходства предикатовъ обоихъ этихъ субъектовъ, т. е. сходства отношеній ихъ къ опредѣленному явленію, какъ скоро предикатъ одного изъ нихъ извѣстенъ, предикатъ другого уже устанавливался бы, т. е. разрѣшался бы тотъ вопросъ, отвѣтъ на который должно дать выводное сужденіе. А отсюда, мнѣ кажется, достаточно явно слѣдуетъ, что по самымъ разъясненіямъ Спенсера должно выходить, что подъ его интуиціей сходства отношеній подразумѣваются два сужденія, сужденіе о сходствѣ субъектовъ и сужденіе о сходствѣ отношеній этихъ субъектовъ къ опредѣленному явленію, и что эти два сужденія относятся другъ къ другу какъ условіе и условное. А потому, если этотъ актъ установки называть интуиціей, то никакъ не интуиціей установки сходства двухъ отношеній, такъ какъ отношенія-то именно и не устанавливаются интуитивно, а выводятся изъ могущаго быть дѣйствительно интуитивно установленнымъ сходства между субъектами. Интуитивнымъ же весь актъ можетъ быть названъ въ смыслѣ интуитивнаго усмотрѣнія связи между признаніемъ сходства субъектовъ и

[1]) Spencer. Princ. of Psych. II, 68—69. p. n. III, 71—72.

утвержденіемъ права смотрѣть на извѣстное уже ранѣе отношеніе одного изъ нихъ къ опредѣленному явленію какъ на образецъ, которому нужно слѣдовать при разрѣшеніи вопроса объ отношеніи къ тому же явленію другого. А такъ какъ для вывода *опредѣленнаго* заключенія, т. е. не для установленія только права устанавливать предикатъ одного сужденія по предикату другого, а для установленія опредѣленнаго предиката за субъектомъ нужно не только сознаніе сходства этого субъекта съ другимъ, но и наличность сужденія, въ которомъ приписывался бы этому другому субъекту этотъ предикатъ, то Спенсерова интуиція сходства отношеній, при раздѣльномъ представленіи того, что оказывается въ ней спутанно перемѣшаннымъ, очевидно, перейдетъ въ индукцію связи между двумя посылками съ одной стороны и выводнымъ сужденіемъ съ другой,—связи, которая въ самомъ дѣлѣ интуитивна въ томъ смыслѣ, что ни въ непосредственномъ, ни въ научномъ сознаніи при выводномъ актѣ не оказывается ничего, обусловливающаго для этого сознанія вѣру въ эту связь; а это значитъ, что принудительность выводного сужденія здѣсь прямо и непосредственно связана съ сознаніемъ того отношенія посылокъ къ выводному сужденію, анализъ котораго и составляетъ задачу ученія о выводахъ. И, конечно, нѣтъ нужды подробно разъяснять, что, при развитіи Спенсерова ученія о выводахъ въ сейчасъ указанной послѣдовательности, общія схемы тѣхъ видоразличій умозаключающей дѣятельности, которыя должны быть признаны состоятельными, должны будутъ выражаться въ тѣхъ самыхъ положеніяхъ, которыя логика частію (силлогистическая и индуктивная формулы выводовъ) принимаетъ уже, частію (напримѣръ, математическіе выводы на основаніи аксіомъ равенства) должна принять за формулы выводныхъ процессовъ, и которыя, по разъясненному выше значенію для сознанія выводовъ, соотвѣтствующихъ этимъ схемамъ, должны наиболѣе характерно выражать природу выводныхъ актовъ.

Спенсерово разъясненіе сознательныхъ выводныхъ процессовъ по его отношенію къ вопросу, здѣсь занимающему насъ, возбуждаетъ еще особое недоумѣніе. Зависимость сознательныхъ выводныхъ актовъ, хотя бы и по самой ихъ природѣ, отъ тѣхъ или другихъ предположеній сама по себѣ могла не стоять ни въ какомъ противорѣчіи съ основною тенденціей новаго эмпиризма, какъ скоро онъ соединялся у Спенсера съ эволюціонистическою теоріей. Какая была необходимость для эмпириста, развивающаго гипотезу эволюціи, доказывать совершенную безпредвзятость функціонированія такой способности, которая

возникаетъ уже на сравнительно высшихъ ступеняхъ эволюціи, а слѣдовательно безъ всякаго противорѣчія съ теоріей можетъ разсматриваться какъ зависящая отъ зарегистрированныхъ уже въ психофизическомъ организмѣ результатовъ продолжительнаго опыта болѣе раннихъ генерацій, пользовавшихся болѣе элементарными познавательными процессами? И разрѣшеніе въ этомъ именно смыслѣ вопроса о значеніи разъясняемыхъ логикой формулъ выводовъ даже очень хорошо гармонировало бы съ тѣмъ, что послѣдовательному эмпиризму во всякомъ случаѣ, какъ мы уже видѣли, оказывается необходимымъ все знаніе, получаемое съ помощію этой высокой познавательной способности, ставить въ зависимость отъ продуктовъ болѣе элементарныхъ процессовъ и со стороны постоянно предполагающихся при выводахъ самыхъ общихъ посылокъ и со стороны того, что играетъ при этихъ выводахъ роль фактическаго матеріала; да и самыя тѣ положенія, которыя считаются формулами выводовъ, безразлично къ тому, считать ли ихъ за положенія, выражающія законы выводныхъ актовъ, или не считать, во всякомъ случаѣ, приходится принимать за зарегистрированные въ психологической организаціи результаты опыта безчисленныхъ прежнихъ генерацій. Необходимость особаго перетолкованія умозаключающей дѣятельности возникала лишь при сознаніи того, что такой взглядъ на сознательные выводные акты, по которому логическія формулы ихъ превращались бы въ законы умозаключающей дѣятельности, ставилъ въ вопросъ и безпредвзятость элементарныхъ познавательныхъ процессовъ. А это сознаніе возникало естественно въ виду того, что самъ собою бросался въ глаза, при послѣдовательномъ проведеніи ассоціанизма, параллелизмъ между тѣми связями, которыя соединяли условія вѣры съ положеніями, составляющими предметъ вѣры, въ этихъ элементарныхъ (ассоціативныхъ) познавательныхъ процессахъ, считавшихся неизбѣжною принадлежностью психической жизни съ самыхъ низшихъ ступеней ея, и тѣми связями, которыя въ сознательномъ выводномъ процессѣ соединяли посылки съ выводнымъ сужденіемъ и которыя находили для себя выраженіе въ главнѣйшихъ традиціонныхъ логическихъ формулахъ. Но въ такомъ случаѣ Спенсерова радикальная реформа ученія о выводныхъ процессахъ, если и могла прикрывать въ глазахъ самого Спенсера значеніе явно напрашивавшагося на вниманіе параллелизма формулъ сознательныхъ выводныхъ процессовъ съ условіями порожденія вѣры простѣйшими ассоціативными процессами, то, во всякомъ случаѣ, одна она не могла на самомъ дѣлѣ оправдывать предполагаемой эмпириз-

момъ совершенной безпредвзятости знанія. Для этого, кромѣ новаго истолкованія природы выводного акта, требовалось подобное же истолкованіе процессовъ порожденія ассоціативной вѣры, подобное же разъясненіе, что и въ этихъ процессахъ связь условій вѣры съ положеніемъ, возбуждающимъ эту вѣру, не предполагаетъ законовъ, которые могли бы формулироваться въ соотвѣтствующихъ логическимъ выводнымъ формуламъ сужденіяхъ объ объектахъ и, слѣдовательно, связывали бы вѣру, лежащую въ основѣ знанія, съ независимыми отъ опыта предположеніями.

Спенсеръ подобнаго истолкованія ассоціативнаго процесса не даетъ. Ученіе о формулахъ вывода было давно установившимся ученіемъ логики. Наоборотъ, вопросъ о предположеніяхъ, которыя коренились въ законообразныхъ условіяхъ ассоціативной вѣры, въ системахъ логики отчетливо не ставился, да и не могъ ставиться, насколько ассоціативная вѣра не разсматривалась, какъ законный факторъ общенаучнаго сознанія. При такихъ условіяхъ могло казаться совершенно достаточнымъ изъ двухъ процессовъ, имѣющихъ явную аналогію другъ съ другомъ, остановиться на подробномъ истолкованіи процесса выводного и показать, что при обычныхъ разъясненіяхъ его въ него, какъ предполагалось, совершенно незаконно вносились нѣкоторыя предположенія. Для особаго истолкованія процесса порожденія ассоціативной вѣры не представлялось, повидимому, и повода. Однако, здѣсь крылось большое недоразумѣніе.

Прежде всего, совершенно ясно, что истолкованіе ассоціативнаго процесса порожденія вѣры прямо въ смыслѣ отожествленія этого процесса съ актомъ усмотрѣнія сходства отношеній, т. е. истолкованіе по образцу сдѣланнаго Спенсеромъ толкованія сознательнаго выводного процесса, здѣсь никакимъ образомъ не могло бы быть примѣнено. Хотя въ сужденіяхъ, вѣра въ которыя эмпиризмомъ разсматривается, какъ непосредственный продуктъ простѣйшихъ ассоціативныхъ процессовъ, и субъектъ и предикатъ, конечно, должны считаться сходными съ субъектами и предикатами сужденій о тѣхъ явленіяхъ, которыя, какъ проходившія ранѣе въ огромномъ количествѣ передъ сознаніемъ, должны считаться условіемъ психологически необходимымъ для возникновенія этой вѣры; однако, въ этомъ процессѣ вовсе не предполагается даже одновременнаго существованія въ сознаніи устанавливаемаго сужденія съ этими другими сужденіями, а, слѣдовательно, не можетъ предполагаться и какихъ-либо актовъ, которые могли бы быть истолкованы въ смыслѣ актовъ усмотрѣнія сходства

между ними. Еще важнѣе при этомъ другая сторона дѣла. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти процессы самымъ непосредственнымъ образомъ должны сводиться къ Спенсерову общему закону психической жизви, одинаково господствующему на всѣхъ ступеняхъ ея развитія и обнимающими, конечно, на ряду со всѣми другими и познавательныя ея явленія. По этому закону [1]), „когда два какія-нибудь психическія состоянія происходятъ непосредственно одно за другимъ, то результатъ этого бываетъ таковъ, что когда впослѣдствіи первое изъ этихъ состояній (т. е., конечно, однородное съ первымъ) снова является въ сознаніи, то въ сознаніи оказывается стремленіе къ тому, чтобы за этимъ первымъ состояніемъ послѣдовало сейчасъ же и второе". При этомъ, конечно, предполагается, что „различныя степени стойкости этихъ отношеній пропорціональны, при прочихъ равныхъ условіяхъ, многочисленности повтореній соотвѣтствующихъ впечатлѣній"; и отсюда должно выходить, что „безчисленное количество впечатлѣній извѣстнаго рода произведетъ психическое отношеніе, которое будетъ неразрывнымъ". Если мы примѣнимъ этотъ законъ къ явленіямъ въ собственномъ смыслѣ познавательнымъ, то намъ останется только прибавить, что эта связь вновь возникшаго, однороднаго съ прежними явленія или представленія съ представленіемъ объ явленіяхъ, сопутствовавшихъ прежнимъ явленіямъ, находитъ свое выраженіе въ вѣрѣ въ образовавшееся такимъ образомъ сужденіе, которая, по Спенсеру, какъ мы знаемъ, должна достигать наибольшей интенсивности именно при неразрывности самихъ представленій. Но въ такомъ случаѣ непосредственная ассоціативная вѣра самой высшей, какая только возможна для человѣческой познавательной способности, интенсивности, слѣдовательно, вѣра, всего точнѣе характеризующая природу этой способности именно какъ познавательной способности, оказывается по общему закону всей психической жизни опредѣленной такими условіями, при которыхъ, какъ это подробно разъяснено выше [2]), она предполагаетъ, смотря по субъекту сужденія, возбуждающаго вѣру, или индуктивную или первую силлогистическую формулу выводовъ. Такимъ образомъ, перетолкованіе этой вѣры здѣсь затруднено тѣмъ самымъ, что она признана результатомъ простѣйшихъ ассоціативныхъ процессовъ, подчиненныхъ опредѣленному закону. А, между тѣмъ при значеніи результатовъ этой вѣры для всего знанія съ тѣмъ вмѣстѣ остается во

[1]) Spencer. Princ. of Psych. I, 424—425, p. p. II, 143—144.
[2]) Выше H. 1, стр. 430—440.

всей силѣ и зависимость всего знанія отъ предположеній, обусловливающихъ эту вѣру, не смотря не попытку преобразованія теоріи выводныхъ процессовъ съ цѣлью устранить значеніе этихъ предположеній. Даже нужно сказать болѣе. При обнаруживающейся у самаго Спенсера аналогіи процессовъ выводныхъ съ ассоціативными процессами порожденія вѣры самая эта попытка является совершенно излишнимъ новымъ противорѣчіемъ его ассоціанистической теоріи. Если, отстаивая свой взглядъ на выводной актъ, какъ неопредѣлимую далѣе интуицію сходства отношеній, онъ утверждаетъ, что „всеобщій процессъ раціональной мыслительности не можетъ кристаллироваться въ какомъ-нибудь единичномъ продуктѣ этой мыслительности“, то какъ согласить это съ тѣмъ, что по общему смыслу его философской системы вся познавательная дѣятельность должна сводиться посредственно или непосредственно къ примѣненію къ актамъ знанія того опредѣленнаго положенія, которое называетъ онъ основнымъ закономъ психической дѣятельности? И если онъ за положеніями, которыя принимаются за формулы выводовъ, отрицаетъ это значеніе на томъ основаніи, что въ нихъ утверждаются отношенія между объектами, а не отношенія между мыслями, то какъ это согласить съ тѣмъ, что по его же ученію объ условіяхъ ассоціативной вѣры, опредѣленныхъ общимъ закономъ психической жизни, въ каждомъ актѣ этой вѣры должно подразумѣваться нѣкоторое подобное же положеніе объ отношеніяхъ между объектами, а при актѣ вѣры наивысшей интенсивности должны подразумѣваться прямо эти самыя положенія, которыя считаются за логическія формулы выводовъ?

Такимъ образомъ и попытка Спенсера избѣжать усмотрѣнной уже Юмомъ необходимости, при превращеніи познавательной способности въ ассоціативный механизмъ, отожествлять ее съ инстинктомъ, повела только къ тому, къ чему единственно она и могла приводить, къ насильственному перетолкованію познавательныхъ процессовъ и къ явнымъ непослѣдовательностямъ.

I. Отрицаніе Миллемъ и Спенсеромъ умозрительной очевидности.

Подробное критическое разсмотрѣніе мнѣній двухъ важнѣйшихъ представителей новаго эмпиризма, Милля и Спенсера, относительно способа, какимъ устанавливается достовѣрность положеній, значимость которыхъ предполагается всѣмъ нашимъ знаніемъ и которымъ обычное сознаніе приписываетъ значеніе самоочевидныхъ истинъ, не только

показываетъ несостоятельность самыхъ этихъ мнѣній, но и приводитъ къ нѣкоторому болѣе общему выводу.

Та критическая теорія, которую одинаково принимаютъ какъ Милль, такъ и Спенсеръ, состоитъ въ рѣшительномъ отрицаніи всякой умозрительной очевидности и въ объясненіи той увѣренности, которую вызываютъ въ нашемъ сознаніи истины, считающіяся самоочевидными, неразрывною связью входящихъ въ эти истины представленій, возникающей изъ постояннаго соединенія этихъ представленій во всемъ прежнемъ опытѣ. При такомъ рѣшительномъ отрицаніи всякой умозрительной очевидности, искать логическаго оправданія достовѣрности сужденій, обыкновенно принимавшихся за самоочевидныя истины, можно было исключительно только въ проходящихъ черезъ сознаніе непосредственно данныхъ фактахъ. И въ объясненіи этого способа убѣжденія въ достовѣрности истинъ, лежащихъ въ основаніи всего знанія, можно было идти только однимъ изъ двухъ путей. Первый путь состоитъ въ томъ, чтобы свести логическое оправданіе этихъ истинъ къ тому методическому сознательному обозрѣнію огромнаго числа фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ доказываемой истинѣ, которое въ наукѣ называется простѣйшей формой индуктивнаго изслѣдованія. Другой путь состоитъ въ томъ, чтобы процессъ логическаго оправданія достовѣрности кажущихся самоочевидными истинъ отожествить съ невольнымъ и несознательнымъ ассоціативнымъ процессомъ, которому механически подчинены всѣ проходящіе чрезъ сознаніе факты и которымъ, по общему обоимъ представителямъ новаго эмпиризма ученію, должна объясняться невольная психологическая вѣра общаго сознанія въ эти истины. И философскія системы Милля и Спенсера, какъ мы видѣли, представляютъ собою именно попытки послѣдовательно провести эти два единственно возможныя, при рѣшительномъ отрицаніи умозрительной очевидности, предположенія относительно способа логическаго оправданія истинъ, считающихся самоочевидными, а съ ними и всего предполагающаго ихъ знанія [1]). И такъ какъ сдѣланный критическій разборъ этихъ системъ показалъ, что ни первое изъ этихъ предположеній, принимаемое Миллемъ, ни второе, принимаемое Спенсеромъ, не могутъ привести къ цѣли [2]), то отсюда должно

[1]) Нѣкоторыя отступленія отъ строгой послѣдовательности въ проведеніи этихъ предположеній какъ у Милля такъ и у Спенсера были выше нами отмѣчены, и теперь выводъ дѣлается объ этихъ системахъ въ томъ ихъ видѣ, при которомъ были бы устранены случайные ихъ недочеты.

[2]) См. выше С. III, стр. 122—132 и F. I, стр. 325—335.

получиться болѣе общее положеніе, что вообще для гносеологическаго направленія, вполнѣ отрицающаго умозрительную очевидность, совершенно невозможно логически оправдать достовѣрность считающихся самоочевидными истинъ, а съ ними всего знанія, насколько оно переходитъ предѣлы въ собственномъ смыслѣ непосредственнаго констатированія проходившихъ или проходящихъ черезъ сознаніе фактовъ.

Съ другой стороны тотъ же критическій разборъ мнѣній Милля и Спенсера показалъ, что Миллева простѣйшая индукція, разсматриваемая какъ методъ, которымъ должны устанавливаться кажущіяся самоочевидными истины, сама неизбѣжно предполагаетъ Спенсерову ассоціативную вѣру, сводится къ ней и переходитъ въ нее. Именно этотъ разборъ показалъ, 1) что эта индукція предполагаетъ такой критерій достовѣрности, которому несравненно въ большей степени должны удовлетворять наиболѣе интенсивныя ассоціативныя соединенія по его же собственному ученію объ условіяхъ образованія такихъ соединеній [1]), 2) что весь фактическій матеріалъ, которымъ должна пользоваться эта индукція, и по обычнымъ психологическимъ взглядамъ и по его собственному ученію, долженъ представлять результатъ заранѣе уже совершившихся, а часто и не могущихъ даже подлежать сознательной провѣркѣ ассоціативныхъ процессовъ [2]), 3) что самъ Милль при разъясненіи достовѣрности геометрическихъ аксіомъ невольно и несознательно критеріемъ ихъ значимости ставитъ ту неразрывную связь представленій, которая должна по его теоріи считаться за результатъ образовавшихся ассоціативныхъ связей между представленіями [3]), и наконецъ, 4) что Миллева простѣйшая индукція, производимая будто бы сознаніемъ для убѣжденія въ достовѣрности кажущихся самоочевидными истинъ, фактически никогда никѣмъ не производилась и не производится для установки этихъ истинъ, и ссылки на нее какъ на фактическое доказательство ихъ есть результатъ психологической иллюзіи [4]). Отсюда, конечно, должно слѣдовать, что ассоціативный процессъ, которымъ Милль и Спенсеръ одинаково объясняютъ происхожденіе невольной вѣры въ истины, считающіяся очевидными, но которымъ только Спенсеръ хочетъ ихъ логически оправдывать, есть въ существѣ дѣла единственный процессъ, въ которомъ вообще это гносеологическое направленіе могло бы искать объясненія не происхожденія только, но и

[1]) Ibid. B. I, стр. 39—50. D. II, стр. 152—166.
[2]) Ibid. D. I, стр. 134—142.
[3]) Ibid. B. II, стр. 50—70.
[4]) Ibid. E. III, стр. 234—274. 320—325.

значимости вѣры въ эти истины. А между тѣмъ въ то же время при критикѣ Спенсерова взгляда было разъяснено [1]), что этотъ ассоціативный процессъ, на сколько онъ есть процессъ порожденія вѣры при извѣстныхъ, подчиненныхъ закону, условіяхъ, предполагаетъ независимую отъ опыта вѣру въ положенія, соотвѣтствующія логическимъ выводнымъ формуламъ, которая не можетъ быть признана эмпиризмомъ правомѣрной и стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ его критической теоріей, не допускающей никакой независимой отъ фактовъ опыта очевидности. А вслѣдствіе этого логическое оправданіе кажущихся очевидными истинъ, а съ ними всего знанія, на сколько оно опирается на нихъ, оказывается не только не объяснимымъ вообще при признаніи той критической теоріи, которая одинаково принимается какъ Миллемъ, такъ и Спенсеромъ, но и прямо противорѣчащимъ этой теоріи.

Однако этому выводу не слѣдуетъ придавать болѣе значенія, чѣмъ онъ имѣетъ фактически. Если общая Миллю и Спенсеру критическая теорія, т. е. отрицаніе умозрительной очевидности и объясненіе кажущихся очевидными истинъ ассоціативно образовавшеюся неразрывною связью представленій, совершенно не допускаетъ возможности логическаго оправданія знанія, то это еще не значитъ, что непосредственно отсюда мы имѣемъ уже право заключить о несостоятельности этой теоріи и о необходимости признать умозрительную очевидность. Если мы считаемъ себя въ правѣ прямо изъ невозможности логическаго оправданія знанія при отрицаніи умозрительной очевидности заключать о несостоятельности системъ Милля и Спенсера, то это вѣдь потому, что въ самыхъ этихъ системахъ достовѣрность знанія, предполагающая достовѣрность кажущихся самоочевидными истинъ, ставилась выше всякаго сомнѣнія, и вслѣдствіе этого отрицаніе ими умозрительной очевидности, какъ скоро удостовѣрена невозможность логическаго оправданія этихъ истинъ при полномъ отрицаніи этой очевидности, должно оказаться явнымъ противорѣчіемъ. Но въ этомъ противорѣчіи, конечно, нельзя бы было обвинить философа, который, послѣдовательно проводя ту же критическую теорію, открыто призналъ бы, что достовѣрность нашего знанія, насколько идетъ оно далѣе въ собственномъ смыслѣ непосредственнаго констатированія прошедшихъ и проходящихъ черезъ сознаніе фактовъ, логически оправдано быть не можетъ.

Конечно, на первый взглядъ можетъ представиться, что изъ сдѣ-

[1]) Ibid. H. 1, стр. 430—448.

ланнаго выше вывода мы могли бы съ правомъ заключать о несостоятельности критической теоріи эмпиризма уже на томъ простомъ основаніи, что рѣшительное отрицаніе ею самой возможности для нашего знанія быть логически оправданнымъ стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ неподлежащимъ никакому сомнѣнію значеніемъ, которое усвояется результатамъ познавательныхъ процессовъ общимъ сознаніемъ. И есть основаніе предполагать, что эта именно мысль вліяла и на Канта при его гносеологическихъ концепціяхъ и производитъ могущественное вліяніе и доселѣ на многочисленныхъ, разбившихся на отдѣльныя, въ различныхъ частностяхъ несогласныя одна съ другой фракціи его послѣдователей. Но какъ въ такомъ случаѣ растолкуемъ мы это, неподлежащее никакому сомнѣнію, значеніе знанія, усвояемое ему общимъ сознаніемъ, для того, чтобы прямо изъ него безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій вывесть заключеніе объ явной несостоятельности гносеологіи, отрицающей возможность логическаго оправданія знанія? Растолкуемъ ли мы его въ смыслѣ той невольной и въ высокой степени интенсивной вѣры въ результаты знанія, которая, несмотря на всѣ доводы теоретическаго скептицизма, способные такъ или иначе колебать чисто теоретическое согласіе съ этими результатами, даетъ имъ неотразимое господство надъ всею практическою жизнью субъекта и сулитъ тоже неотразимое господство имъ въ будущемъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнится конституція духа съ ея теоретическими и практическими инстинктами или пока не измѣнится тотъ общій строй познаваемаго объекта, который обезпечиваетъ примѣненіе фактически данныхъ познавательныхъ способностей и удовлетвореніе съ ихъ помощью настоятельнымъ требованіямъ практическихъ инстинктовъ? Понятое въ этомъ смыслѣ значеніе результатовъ познавательной дѣятельности для общаго сознанія есть, конечно, безспорный фактъ. Но при разъясненіи дѣйствительной послѣдовательности критической теоріи, принимаемой одинаково Миллемъ и Спенсеромъ, мы видѣли [1]), что философъ, вполнѣ послѣдовательно проводящій эту критическую теорію, никакъ не лишенъ возможности не только признать эту невольную и въ высокой степени интенсивную вѣру въ качествѣ несомнѣннаго психологическаго факта, но и объяснять неодолимое господство ея надъ общимъ строемъ психической жизни субъектовъ тою же ассоціативною связью, къ которой сводитъ онъ познавательные процессы. Онъ имѣетъ право сослаться въ интересахъ этого объясненія

[1]) Ibid. G. II, стр. 388—418.

на связь представленій объ объектахъ съ чувствованіями (и представленіями о чувствованіяхъ), служащими живымъ выраженіемъ потребностей одушевленнаго существа, а чрезъ нихъ и съ активными проявленіями его, направляемыми на удовлетвореніе этихъ потребностей и требующими своего осуществленія съ настоятельностью, соотвѣтствующею не степени только ассоціативной связи ихъ съ вызывающими представленіе о нихъ чувствованіями, но и степени живости и интенсивности самыхъ чувствованій, служащихъ выраженіями потребностей.

Въ виду этого тотъ, кто захотѣлъ бы видѣть явное, не требующее никакихъ доказательствъ и разъясненій свидѣтельство несостоятельности критической теоріи новаго эмпиризма въ необходимости при послѣдовательномъ ея развитіи отрицать безспорное и неотразимое для всякаго сознанія значеніе результатовъ познавательныхъ процессовъ, долженъ былъ бы подъ этимъ значеніемъ разумѣть не неотразимость вліянія вѣры въ эти результаты въ указанномъ выше смыслѣ на всю жизнь сознанія, а въ собственномъ смыслѣ познавательное ихъ значеніе, которое также непосредственное сознаніе, по крайней мѣрѣ въ обычномъ теченіи своей жизни, несомнѣнно придаетъ имъ; т. е. онъ долженъ бы былъ на невольность и неотразимость вѣры въ нихъ смотрѣть какъ на логическое оправданіе истинъ, лежащихъ въ основаніи познавательныхъ процессовъ, и притомъ какъ на такое оправданіе, которое не требуетъ никакой провѣрки, никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Но это было бы плохо замаскированнымъ возвращеніемъ къ тому же догматизму, стремленіе возвыситься надъ которымъ и создало новую философію. Притомъ же вѣдь и этого нельзя сдѣлать, не разъяснивъ незаконности критическихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ цѣлые вѣка занимало философскую мысль. Утверждая это, я, конечно, нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что уже въ силу усвояемаго непосредственнымъ сознаніемъ познавательнаго въ собственномъ смыслѣ значенія знанію, равно какъ и вслѣдствіе той огромной роли, которую фактически результаты познавательныхъ процессовъ играютъ во всей жизни сознанія, гносеологическая теорія, которая объясняла бы возможность для знанія считаться логически оправданнымъ знаніемъ, не можетъ не имѣть въ нашихъ глазахъ огромнаго преимущества передъ теоретическимъ скептицизмомъ; а поэтому мысль о подобной гносеологіи не можетъ не быть могучимъ и совершенно законнымъ стимуломъ къ преодолѣнію тѣхъ трудностей, которыя стоятъ на пути къ констатированію за знаніемъ

того или другого въ собственномъ смыслѣ познавательнаго значенія. Но мнѣ кажется, что нельзя сомнѣваться и въ томъ, что преимущество, которое на основаніи соображеній этого рода мы имѣли бы право приписать той или другой опредѣленной, фактически построенной теоріи знанія, можно было бы счесть дѣйствительнымъ, а не мнимымъ ея преимуществомъ только въ томъ случаѣ, когда не подлежало бы сомнѣнію, что она дѣйствительно оправдываетъ съ той или другой стороны ту цѣнность, которую наше непосредственное сознаніе невольно усвояетъ результатамъ познавательныхъ процессовъ, совершающихся въ немъ, а не принимаетъ ее изъ простого, хотя и вполнѣ естественнаго желанія имѣть эту цѣнность, оставляя безъ всякаго изслѣдованія тѣ возраженія, которыя критическая мысль дѣлаетъ противъ этой цѣнности.

Такимъ образомъ, едва ли можно оспаривать ту мысль, что какъ бы твердо ни была установлена непримиримость критической теоріи, одинаково принимаемой какъ Миллемъ такъ и Спенсеромъ, съ признаніемъ логической оправданности знанія, непосредственно отсюда еще нельзя вывести несостоятельности самой этой теоріи и постулировать необходимость признанія умозрительной очевидности положеній, лежащихъ въ основаніи знанія. Однако это еще не значитъ, чтобы сдѣланный критическій разборъ гносеологическихъ взглядовъ Милля и Спенсера совсѣмъ не имѣлъ никакого значенія для оцѣнки критической теоріи, которая принимается ими обоими. Вѣдь самый тотъ фактъ, что самая эта критическая теорія доказывалась и развивалась мыслителями, которые выступали съ твердымъ убѣжденіемъ въ возможности оправданія знанія, исключительно опирающагося на факты, не можетъ не останавливать на себѣ нашего вниманія. Этотъ фактъ невольно возбуждаетъ вопросъ: не вліяла ли эта, оказывающаяся незаконной, слѣдовательно принятой безъ достаточнаго изслѣдованія, догматически, увѣренность въ логической правомѣрности чисто опытнаго знанія на установку самой критической теоріи? Не переоцѣнивались ли подъ вліяніемъ этой именно догматически возникшей увѣренности тѣ мотивы, которыми должны были оправдываться рѣшительные отрицательные выводы относительно умозрительной очевидности? И если бы нашлись достаточныя основанія констатировать такое незаконное вліяніе догматически принятой мысли на отрицательное рѣшеніе вопроса объ умозрительной очевидности, то, конечно, этимъ пролагался бы болѣе твердый путь для рѣшенія гносеологической проблемы, такъ какъ устранялось бы, правда, противоположное Кантовскому, но также спо-

собное казаться очень заманчивымъ для мысли и также въ концѣ концовъ опирающееся на незаконное вторженіе въ критическое изслѣдованіе догматическихъ элементовъ, уклоненіе съ законнаго критическаго пути.

1.

Въ вопросѣ о вліяніи убѣжденія въ логической правомѣрности исключительно на фактахъ опирающагося знанія на установку критической теоріи у представителей новаго эмпиризма есть одна сторона вполнѣ очевидная, не нуждающаяся ни въ какихъ разъясненіяхъ. У представителей новаго эмпиризма естественно долженъ былъ исчезать очень сильный мотивъ къ самодѣятельному усиленному изысканію возможности констатировать умозрительную очевидность, какъ скоро у нихъ существовала твердая увѣренность, что и безъ этой очевидности во всякомъ случаѣ вполнѣ объясняется въ высокой степени цѣнная для нашего сознанія достовѣрность общепризнаннаго и постоянно развивающагося знанія. И эта твердая увѣренность даже ими самими вполнѣ открыто признается за совершенно достаточное основаніе для того, чтобы прямо отрицать нужду вообще въ какомъ-нибудь новомъ изслѣдованіи съ цѣлью открыть такія условія вѣры въ то или другое сужденіе, которыя способны бы были оправдывать мысль объ умозрительной очевидности этого сужденія и въ то же время не подлежали бы возраженіямъ, которыя справедливо выставлялъ эмпиризмъ противъ ранѣе существовавшихъ концепцій умозрительнаго знанія. Вся задача при изслѣдованіи вопроса объ умозрительномъ знаніи здѣсь сводится къ тому, чтобы разъяснить недостаточность существовавшихъ уже теорій этого знанія для констатированія умозрительной очевидности. Это достаточно опредѣленно и ярко высказывается даже у наиболѣе критическаго представителя новаго эмпиризма, у Милля, который гораздо болѣе, чѣмъ Спенсеръ, заботится о томъ, чтобы критически разобраться въ основаніяхъ ученія противоположной школы. Приступая къ вопросу объ основаніяхъ достовѣрности геометрическихъ аксіомъ и разъяснивъ свое убѣжденіе въ томъ, что опытъ совершенно достаточенъ для того, чтобы оправдать ихъ достовѣрность, Милль вполнѣ опредѣленно замѣчаетъ [1]): „Какая же необходимость предполагать, что эти истины почерпнуты нами не изъ того же источника, какъ и остальное наше знаніе, — когда существованіе ихъ объясняется вполнѣ предположе-

[1]) Mill. Syst. of Log. I. 260. 282, p. p. 1. 261. 281.

ніемъ, что источникъ этотъ одинъ и тотъ же? — когда причины, порождающія убѣжденіе во всѣхъ другихъ случаяхъ, существуютъ и въ этомъ, и обладаютъ, сравнительно съ другими случаями, на столько же большею силою, на сколько глубже и самое убѣжденіе? Доказать эту необходимость должны сторонники противнаго мнѣнія: ихъ обязанность указать какой либо фактъ, несовмѣстный съ предположеніемъ, что эта часть нашего знанія природы почерпается изъ того же источника какъ и всякая другая". И затѣмъ Милль приступаетъ къ критическому разбору тѣхъ основаній, которыя приводились защитниками теоріи о существованіи независимой отъ опыта достовѣрности геометрическихъ аксіомъ. Понятно, что для философа, который сознаетъ бы незаконность мысли о возможности, при полномъ отрицаніи умозрительной очевидности, логически оправдать достовѣрность науки, такое отношеніе къ вопросу объ умозрительной очевидности было бы невозможно, особенно въ виду той устойчивости и того широкаго развитія, которыми отличаются результаты научныхъ изслѣдованій въ послѣднія столѣтія и которыя, какъ нужно думать и какъ указано было нами во вступительной главѣ [1]), вселили и у представителей новаго эмпиризма твердое убѣжденіе въ логической обоснованности устанавливаемыхъ наукой истинъ.

Въ приведенныхъ словахъ Милля мы имѣемъ во всякомъ случаѣ сознаніе того, что для отрицанія существованія въ нашемъ знаніи сужденій, имѣющихъ умозрительную достовѣрность, необходимо строго критически установить несостоятельность фактически существовавшихъ и претендующихъ на научное значеніе теорій, принимавшихъ существованіе такихъ сужденій. И если бы это требованіе, очевидно, отчетливо сознаваемое представителями новаго эмпиризма, было строго выполнено ими, то ихъ рѣшительные отрицательные выводы по вопросу о существованіи умозрительной очевидности, хотя бы и оставляли мѣсто для возможныхъ въ будущемъ новыхъ положительныхъ концепцій по тому же вопросу, устраняющихъ недостатки концепцій доселѣ существовавшихъ, но во всякомъ случаѣ имѣли бы значеніе теоріи, удовлетворяющей требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ такой теоріи съ точки зрѣнія фактически существующихъ условій постановки гносеологическаго вопроса. Однако можно спросить: во всѣхъ ли отношеніяхъ критическая теорія новаго эмпиризма удовлетворяетъ даже и этимъ условіямъ относительной значимости?

[1]) См. выше А. III, стр. 22—24.

Дѣйствительно ли съ достаточною убѣдительностью устраняется ею въ существовавшихъ уже концепціяхъ умозрительнаго знанія сполна все, что могло бы претендовать на научное значеніе?

Въ предшествовавшей развитію гносеологіи новаго эмпиризма Кантовой теоріи знанія существенную роль играло сдѣлавшееся съ того времени довольно обычнымъ раздѣленіе умозрительныхъ сужденій на аналитическія и синтетическія. И критика ученія объ умозрительномъ знаніи, которая лежитъ въ основаніи гносеологіи какъ Милля, такъ и Спенсера, если примѣнить ее къ тому и другому изъ этихъ обыкновенно принимаемыхъ видовъ умозрительныхъ сужденій, оказывается далеко не одинаковой цѣнности. Обратимся прежде всего къ сужденіямъ такъ называемымъ синтетическимъ.

Объясненію собственно синтетическихъ умозрительныхъ сужденій посвящена была знаменитая „Критика чистаго разума“. Въ отношеніи къ этимъ сужденіямъ Кантово убѣжденіе въ томъ, что вѣра обычнаго сознанія въ безусловную всеобщность и необходимость сужденія должна считаться надежнымъ критеріемъ ихъ умозрительной очевидности, было не только исходнымъ пунктомъ Кантова изслѣдованія, но и тѣмъ, какъ предполагалось Кантомъ, незыблемымъ фундаментомъ, на которомъ въ концѣ концовъ такъ или иначе должны были опираться всѣ построенія „Критики“, имѣвшія цѣлью объясненіе этой умозрительной очевидности. Для этого объясненія, какъ извѣстно, „Критика“ принимала ту теорію особой конституціи познавательной способности, по которой, какъ созерцаніе объекта, такъ и постановка его мышленіемъ въ качествѣ именно объекта должны были предполагать особые обусловленные самою познавательною способностью синтезы чисто пассивныхъ состояній сознанія (ощущеній), а подчиненіе этимъ синтезамъ матеріала знанія должно было обезпечиваться единствомъ такъ называемаго чистаго самосознанія.

И нельзя сомнѣваться, что новый эмпиризмъ внесъ серьезный вкладъ въ критическую оцѣнку этой имѣвшей огромное вліяніе теоріи. Въ своей критикѣ Кантовой теоріи [1]) я уже указывалъ на то, что новый эмпиризмъ рѣшительно устраняетъ остатокъ догматизма, именно ту ссылку на невольную психологическую вѣру, которая, вкравшись въ исходный пунктъ „Критики чистаго разума“, играетъ роль основанія всей Кантовой теоріи. А изъ настоящаго нашего изслѣдованія [2]) ясно,

---

[1]) Объ истинахъ самоочевидныхъ. Вып. 1 §§ 2—3, стр. 6—16.

[2]) См. выше В. нач., стр. 30—31.

что заслуга наиболѣе рѣшительнаго и отчетливаго протеста противъ этого догматизма принадлежитъ Миллю. И нельзя не признать совершенно естественнымъ, что этотъ рѣшительный протестъ противъ догматическаго отожествленія невольной вѣры въ безусловную всеобщность и необходимость сужденія съ его умозрительною очевидностью высказанъ былъ философомъ, который вѣритъ въ возможность законнаго, чисто опытнаго убѣжденія во всѣхъ необходимыхъ для достовѣрности знанія общихъ истинахъ и, слѣдовательно, считаетъ знаніе достаточно обезпеченнымъ со стороны своей логической состоятельности совершенно независимо отъ умозрѣнія, а поэтому могъ оказаться наиболѣе чуткимъ къ критическому требованію не допускать при логическомъ оправданіи знанія ссылокъ на такіе факторы, которые сами нуждаются въ критическомъ обслѣдованіи ихъ познавательной значимости. Такимъ образомъ ошибочное убѣжденіе въ возможности логически оправдать научныя положенія исключительно изъ фактовъ съ этой стороны оказалось даже благопріятнымъ для болѣе отчетливой постановки критическаго вопроса.

Съ другой стороны представители новаго эмпиризма стремятся противопоставить Кантову объясненію невольной вѣры въ умозрительныя синтетическія сужденія изъ конституціи познавательныхъ силъ духа объясненіе ея изъ образовавшейся ассоціативнымъ путемъ неразрывной связи представленій [1]), преграждая такимъ образомъ возможность ссылаться на конституцію познавательныхъ силъ даже для объясненія какой бы то ни было невольной вѣры, а не только для ея логическаго оправданія. Это естественно побуждало ихъ для того, чтобы сдѣлать наиболѣе удобопріемлемымъ ихъ объясненіе вѣры въ кажущіяся самоочевидными истины, направить особое вниманіе на разъясненіе того вліянія, которое оказываетъ ассоціативный процессъ, особенно въ его наиболѣе совершенныхъ продуктахъ, на вѣру и на сознательные познавательные процессы. Съ этою цѣлью оба важнѣйшіе представителя новаго эмпиризма рельефно ставятъ на видъ, что ассоціативный процессъ способенъ порождать вѣру, и вѣру тѣмъ болѣе интенсивную, чѣмъ болѣе благопріятны были условія для образованія ассоціативной связи между опредѣленными представленіями и чѣмъ, поэтому, тѣснѣе и неразрывнѣе эта связь, и что законамъ образованія ассоціативной связи неизбѣжно подчинены всѣ проходящія черезъ сознаніе сочетанія представленій, а слѣдовательно и тѣ сужденія,

[1]) См. выше А. 2, стр. 20—30. Н, нач., стр. 421—422.

которыя претендуютъ на умозрительную очевидность. Съ тою же цѣлью и не менѣе рельефно они указываютъ и на легкость, съ какою въ человѣческомъ сознаніи ассоціаціи принимаются за ту или другую форму непосредственнаго усмотрѣнія истины. А Спенсеръ, который, признавая ассоціативное происхожденіе особыхъ чертъ сужденій, претендующихъ на умозрительную очевидность, въ то же время настаиваетъ на наивысшей познавательной значимости этихъ сужденій въ противоположность обычнымъ взглядамъ на невысокую цѣнность ассоціативной вѣры, старается разъяснить не только огромное значеніе совершеннѣйшихъ продуктовъ ассоціативныхъ процессовъ и въ обычной и въ научной жизни сознанія, но и особыя права ихъ на высшую значимость, сравнительно съ продуктами сознательныхъ процессовъ, несмотря на ихъ ассоціативное происхожденіе.

Конечно, и всѣ этого рода разъясненія имѣютъ несомнѣнную важность для критической оцѣнки такихъ чертъ, характеризующихъ то или другое сужденіе, которыя непосредственнымъ сознаніемъ принимаются за прямое указаніе вообще на независимость отъ опыта устанавливаемой въ немъ связи представленій.

Правда, если представители новаго эмпиризма хотятъ этими разъясненіями устранить и самую мысль о существованіи въ нашемъ сознаніи сужденій, которыя съ правомъ могли бы претендовать вообще на независимость отъ опыта устанавливаемой въ нихъ связи представленій, то противъ этого несомнѣнно будетъ говорить самая эта ихъ теорія ассоціативной вѣры. Выше мы видѣли, что если даже принять во всей ея послѣдовательности теорію вліянія ассоціативныхъ процессовъ на психическую жизнь и на наше знаніе, то все же остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что самый ассоціативный процессъ порожденія вѣры, насколько онъ подчиненъ опредѣленнымъ законамъ, оказывается обусловленнымъ независимыми отъ опыта предположеніями. А поэтому все то, къ чему можетъ стремиться гносеологія новаго эмпиризма, состоитъ никакъ не въ принципіальной борьбѣ противъ Кантова обусловливанія вѣры конституціей познавательныхъ силъ духа, а только въ замѣнѣ той болѣе сложной конституціи этихъ силъ, которая предполагалась Кантовой теоріей знанія, болѣе простой формой конституціи. И примѣняя это къ занимающему насъ теперь вопросу о возможности объяснять особый характеръ непосредственной вѣры въ нѣкоторыя сужденія исключительно вліяніемъ на сознаніе связи представленій, образовавшейся черезъ постоянное соединеніе ихъ въ сознаніи, мы должны вывести отсюда, что и представители

новаго эмпиризма не могутъ не признать особаго условія вѣры въ нѣкоторыя положенія, подразумѣвающіяся при всякой ассоціативной вѣрѣ,—именно въ положенія, опредѣленныя законами самаго ассоціативнаго процесса, порождающаго вѣру, и слѣдовательно самой конституціей познавательнаго механизма. И для того, чтобы признать это, нѣтъ, конечно, никакой нужды отрицать, что доходя до сознанія въ разнообразныхъ процессахъ познавательной жизни, сами эти положенія, подобно всякимъ другимъ, проходящимъ черезъ сознаніе сочетаніямъ представленій, должны возбуждать въ себѣ и ассоціативную вѣру въ силу самыхъ появленій своихъ въ сознаніи. Вѣдь и при этомъ все же долженъ оставаться несомнѣннымъ тотъ фактъ, что эти положенія выражаютъ условія порожденія вѣры механическимъ познавательнымъ процессомъ; а самымъ этимъ фактомъ несомнѣнно предполагается такое значеніе ихъ для сознанія, которое не можетъ не ощущаться сознаніемъ при рефлексіи на процессъ порожденія вѣры. Вѣдь нельзя же серьезно утверждать, что при сознаніи сужденія, выражающаго собою законъ самаго познавательнаго процесса, это значеніе сужденія совсѣмъ не должно отражаться на вѣрѣ въ него. А если это такъ, то это уже будетъ явной ошибкой, когда на фактъ, пусть и твердо доказанный, вліянія тѣсной ассоціативной связи представленій на особый характеръ вѣры въ нѣкоторыя положенія смотрятъ какъ на такой фактъ, который совсѣмъ исключаетъ вопросъ о возможномъ вліяніи на ту же вѣру въ тѣ или другія изъ этихъ положеній какихъ либо условій, независимыхъ отъ опыта. И понятно, что такая ошибка представителей новаго эмпиризма возможна была лишь благодаря тому обстоятельству, что подъ вліяніемъ увѣренности въ возможности логически оправдывать самыя общія положенія частными фактами ими недостаточно анализированъ былъ самый тотъ ассоціативный процессъ, къ которому въ такомъ случаѣ они должны были послѣдовательно свести убѣжденіе въ кажущихся самоочевидными истинахъ, а поэтому остались не вскрытыми предположенія, подразумѣвающіяся при ассоціативной вѣрѣ.

А если предположить, что подъ стремленіемъ новаго эмпиризма на всякую обнаруживающуюся предрасположенность познавательной способности къ вѣрѣ въ тѣ или другія положенія смотрѣть какъ на результатъ совершившихся въ прошломъ ассоціативныхъ процессовъ скрывается еще болѣе радикальное стремленіе объяснить познаніе, совсѣмъ не допуская мысли даже о какой бы то ни было особой приспособленности познавательной способности къ фактически имѣющему быть

даннымъ для познанія міропорядку, то нельзя не признать, что такая попытка объяснить знаніе еще очевиднѣе оказалась бы невозможной. Это уже и Кантъ очень отчетливо сознавалъ, что тотъ ассоціативный процессъ, подъ условіемъ котораго возникаютъ и развиваются сознательные познавательные процессы, по самой конституціи своей оказывается приспособленнымъ къ познаваемому объекту. Въ трансцендентальной дедукціи категорій, какъ изложена она была въ первомъ изданіи „Критики чистаго разума", Кантъ, желая поставить ассоціативную способность, значеніе которой было рельефно выставлено Юмомъ, въ непосредственную и, какъ ему казалось, умозрительно постигаемую связь съ тѣмъ синтезомъ, который долженъ былъ выражаться въ его категоріяхъ, говоритъ [1]): „Законъ репродукціи предполагаетъ, что явленія сами подчинены этому правилу (по которому они репродуцируются) и что въ многообразіи, входящемъ въ ихъ представленія, находятъ мѣсто сопутствіе или послѣдовательность, соотвѣтствующія извѣстнымъ правиламъ; потому что безъ этого наша эмпирическая сила воображенія не получила бы чего-нибудь, соотвѣтствующаго ей для дѣятельности, а слѣдовательно оставалась бы скрытой внутри души въ качествѣ мертвой и неизвѣстной намъ самимъ способности. Если бы киноварь была то красна то черна, то легка то тяжела, человѣкъ измѣнялся бы то въ одну то въ другую животную форму, земля въ долгій день то покрывалась бы плодами то льдомъ и снѣгомъ, въ такомъ случаѣ моя эмпирическая сила воображенія не могла бы имѣть повода при представленіи краснаго цвѣта получить въ мысли тяжелую киноварь; или если бы извѣстное названіе придавалось бы то одной то другой вещи, или та же самая вещь называлась бы то такъ то иначе, такъ что не господствовало бы какое либо правило, которому уже сами собою подчинялись бы явленія, то не имѣлъ бы мѣста никакой эмпирическій синтезъ репродукціи". Самъ Кантъ въ интересахъ своей теоріи прямо отсюда выводитъ: „слѣдовательно должно существовать нѣчто, что дѣлаетъ возможной самую репродукцію представленій, составляя основаніе a priori необходимаго синтетическаго единства ихъ". Такимъ образомъ здѣсь въ невозможности самаго примѣненія ассоціативной способности безъ соотвѣтствующаго условія въ явленіяхъ, обезпечивающаго это примѣненіе, Кантъ уже видитъ доказательство той мысли, что должно существовать основаніе a priori для необходимаго синтетическаго единства представленій. Конечно, выводъ такого рода былъ

[1]) Kant. Krit. d. r. Ver. ed. Adick. p. 658.

уже слишкомъ смѣлъ, такъ какъ для требованія a priori'наго основанія подчиненія явленій законосообразности, предъявляемаго во имя невозможности въ противномъ случаѣ примѣненія эмпирической ассоціативной способности эмпирическаго субъекта, нужно, чтобы это примѣненіе само было безусловнымъ императивомъ, который не выполненнымъ или выполненнымъ не сполна ни въ какомъ случаѣ оказаться не можетъ. Не удивительно поэтому, что во второмъ изданіи „Критики" этого вывода мы уже не находимъ [1]). Но оставляя въ сторонѣ этотъ удивительный выводъ и останавливаясь исключительно на Кантовомъ выпукломъ изображеніи несомнѣнной обусловленности фактическаго примѣненія ассоціативной способности существованіемъ опредѣленнаго строя въ познаваемомъ объектѣ, мы въ интересахъ разъясненія значенія этой обусловленности должны обратить вниманіе на то обстоятельство, что все наше опытное познаніе въ существѣ дѣла оказывается познаніемъ совокупности предметовъ и ихъ измѣненій. Но предметъ фактически всегда представляетъ болѣе или менѣе устойчивую связку качественностей, которыхъ соединеніе въ томъ или другомъ количествѣ непремѣнно должно быть установлено даже для того, чтобы являющееся получило для сознанія значеніе предмета, становящагося цѣлью дальнѣйшаго изученія его содержанія. И познаніе измѣненій фактически оказывается установкой болѣе или менѣе устойчивыхъ разнообразныхъ связей опредѣленныхъ перемѣнъ частію съ опредѣленными предметами, частію съ другими измѣненіями. Примемъ далѣе во вниманіе, что ассоціативный процессъ, насколько здѣсь идетъ о немъ рѣчь, не представляетъ только зарегистрированія и оживленія представленій, служащаго необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ для болѣе сложныхъ процессовъ, напримѣръ для сознательнаго методическаго познавательнаго процесса, или для созданія свободныхъ образовъ вообра-

[1]) Впрочемъ и въ первомъ изданіи Критики въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ Канта этотъ выводъ получаетъ другой характеръ. Обозначая условіе примѣненія ассоціативной способности, на сколько оно лежитъ въ объектахъ, терминомъ Affinität многообразнаго (669—671), онъ видитъ его основаніе въ необходимости для явленій связи, которая обезпечивала бы для нихъ возможность принадлежать единому чистому (трансцендентальному) самосознанію и которая поэтому должна отвѣчать синтезу, выражающемуся въ чистыхъ понятіяхъ разсудка, и эту связь онъ называетъ трансцендентальной Affinität, „которой эмпирическая Affinität есть простое слѣдствіе". Здѣсь, очевидно, оказывается уже другая необходимость, а не необходимость примѣненія эмпирической способности ассоціаціи. Но и это объясненіе, какъ было разъяснено мною въ сочиненіи „Объ истинахъ самоочевидныхъ" стр. 193—196 есть объясненіе также мнимое, а не дѣйствительное.

женія и пр., но онъ самъ есть процессъ порожденія вѣры, постоянно дополняющій наши воспріятія представленіями и только въ силу этого оказывающійся способнымъ руководить нашими активными проявленіями. Поэтому онъ есть механическій познавательный процессъ, на фонѣ котораго возникаютъ и развиваются и съ которымъ постоянно оказываются связанными сознательные познавательные процессы. И насколько теперь этотъ механическій процессъ вѣры по своей сущности есть процессъ констатированія того, что сейчасъ не дано, на основаніи зарегистрованныхъ въ организмѣ соединеній этого сейчасъ не даннаго въ прошломъ опытѣ съ другими явленіями, и на сколько съ другой стороны строй познаваемыхъ объектовъ фактически оказывается такимъ, въ которомъ устойчивыя сочетанія качественностей и измѣненій представляютъ важнѣйшую сторону, на столько, конечно, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что конституція познавательнаго механизма, проявляющагося въ ассоціативномъ процессѣ, оказывается приспособленной къ фактическому строю подлежащаго ея усвоенію объекта. Она, при сличеніи ея съ общимъ строемъ природы объекта, представляетъ собою такой познавательный механизмъ, котораго отправленія прямо состоятъ въ выслѣживаніи, зарегистрированіи и констатированіи наиболѣе устойчивыхъ связей, наличность которыхъ въ объектѣ и составляетъ самую общую характеристическую черту, которая фактически обнаруживается при познаніи даннаго для знанія міропорядка.

Но какое бы широкое истолкованіе ошибочно ни придавалось или ни могло придаваться представителями новаго эмпиризма ихъ критическимъ разъясненіямъ, связаннымъ съ ихъ ученіемъ объ ассоціативномъ происхожденіи необходимой мыслимости, самое разъясненіе ими огромнаго значенія ассоціативной вѣры, достигающей наивысшей интенсивности, какъ для непосредственнаго, такъ и для научнаго сознанія, никакъ не теряетъ отъ того критической цѣнности въ примѣненіи къ Кантовой теоріи, насколько эта теорія имѣла цѣлью объяснить такъ называемыя синтетическія умозрительныя сужденія. Подобно тому какъ рѣшительный упрекъ въ догматизмѣ за отожествленіе вѣры непосредственнаго сознанія въ безусловную всеобщность и необходимость опредѣленныхъ сужденій съ логическимъ оправданіемъ ихъ всеобщности и необходимости совершенно основательно предостерегалъ отъ смѣшенія умозрительной очевидности сужденія съ простой вѣрой сознанія въ эту очевидность, точно также выпуклая постановка значенія для сознанія твердыхъ ассоціацій во всякомъ случаѣ должна вызывать мысль о недо-

статочности простой ссылки на ту же вѣру даже для установки зависимости этой вѣры отъ конституціи познавательныхъ способностей сознанія. Недостаточность критическихъ разъясненій представителей новаго эмпиризма съ этой послѣдней стороны можно съ правомъ усматривать въ томъ, что они не входили въ отчетливый критическій разборъ важнѣйшихъ мыслей, входившихъ въ общую концепцію Кантова объясненія конституціи познавательныхъ способностей духа. Но такъ какъ у самого Канта и его послѣдователей всюду достаточно ярко выступало рѣшающее значеніе исходнаго пункта „Критики“, т. е. предположенной сю безусловной объективной значимости вѣры во всеобщность и необходимость опредѣленныхъ сужденій, и самая установка входящихъ въ общую концепцію важнѣйшихъ мыслей или прямо и непосредственно или косвенно, но тѣмъ не менѣе достаточно опредѣленно апеллировала къ той же посылкѣ [1]), то критическія разъясненія представителей новаго эмпиризма во всякомъ случаѣ были достаточны для того, чтобы возбуждать мысль о неудовлетворительности Кантовой концепціи для твердой установки и вполнѣ отчетливаго объясненія тѣхъ сужденій, которыя обозначались какъ синтетическія сужденія a priori.

Совсѣмъ другую цѣнность получаютъ критическія разъясненія представителей новаго эмпиризма, касающіяся сужденій, которыя носятъ названіе аналитическихъ.

Объективную значимость этихъ сужденій Кантъ, вслѣдъ за Лейбницемъ, признавалъ вполнѣ объясняющейся изъ самого ихъ содержанія, т. е. принималъ, что отношеніе, въ которое ставится въ нихъ сказуемое къ подлежащему, вполнѣ опредѣляется самымъ содержаніемъ понятій подлежащаго и сказуемаго, а потому и можетъ усматриваться мыслью исключительно изъ сличенія этихъ понятій безъ всякой нужды прибѣгать для того къ фактическимъ даннымъ.

Правда, по той же традиціи это непосредственное усмотрѣніе отношенія сказуемаго къ подлежащему изъ самыхъ тѣхъ понятій, которыми характеризуются подлежащее и сказуемое, не только искало для себя общей формулы въ идущемъ еще отъ Аристотеля такъ называемомъ основоположеніи противорѣчія, или, какъ это сдѣлалось болѣе обычнымъ позднѣе, въ двухъ основоположеніяхъ, тожества и противорѣчія, но и какъ бы искало себѣ въ нихъ высшей санкціи, такъ какъ эти основоположенія вмѣстѣ то съ однимъ то съ двумя еще дру-

[1]) См. выше А. II, стр. 11—14.

гими (законъ исключеннаго третьяго и законъ основанія) принимались за законы мысли. А это, естественно, ученію объ такъ называемыхъ аналитическихъ сужденіяхъ могло придавать такой видъ, что могло возникать предположеніе, что здѣсь дѣло идетъ о нѣкоторыхъ необъяснимыхъ далѣе роковыхъ опредѣленіяхъ или ограниченіяхъ способности вѣрить, которыя могутъ не имѣть ничего общаго съ независимою отъ этой способности дѣйствительностью.

Однако, если мы обратимся къ самой сущности объясненія логической значимости тѣхъ сужденій, которыя называются аналитическими, то увидимъ, что оно существенно отличалось отъ объясненія логической значимости такъ называемыхъ синтетическихъ сужденій, хотя бы и признававшихся также сужденіями a priori. Если имъ несомнѣнно приписывались, какъ Лейбницемъ, такъ и Кантомъ (точно также какъ Кантомъ приписывались умозрительнымъ синтетическимъ сужденіямъ), безусловная всеобщность и необходимость и если при этомъ предполагалось также, что постановка ихъ передъ сознаніемъ вызываетъ въ немъ вѣру въ нихъ именно какъ въ сужденія всеобщія и необходимыя, то по отношенію къ нимъ не только не предполагалось никакой нужды для установленія ихъ объективной значимости ссылаться на эту невольную вѣру въ ихъ безусловную всеобщность и необходимость, которую они вызываютъ въ сознаніи, или пользоваться ссылкой на эту вѣру какъ посылкой при болѣе сложномъ доказательствѣ ихъ значимости, но здѣсь, наоборотъ, само это безусловно всеобщее и необходимое отношеніе между субъектомъ и предикатомъ того или другого изъ этихъ сужденій разсматривалось какъ такое отношеніе между ними, которое непосредственно и совершенно ясно для мысли можетъ быть усмотрѣно изъ самаго содержанія понятій, которыми характеризуются субъектъ и предикатъ сужденія. Постепенное развитіе критическаго сознанія повело даже къ признанію, что право на отнесеніе сужденія къ аналитическимъ не можетъ быть установлено черезъ внѣшніе признаки, а можетъ быть установлено за сужденіемъ, лишь насколько сознаніемъ ясно усматривается, что сужденіемъ констатируется именно то, и только то отношеніе предиката къ субъекту, которое опредѣляется самымъ содержаніемъ понятій, въ которыхъ, какъ предполагается, точно выражены принадлежащія предметамъ, характеризованнымъ этими понятіями, т. е. входящія въ природу этихъ предметовъ свойства. А поэтому и невольная вѣра во всеобщность и необходимость сужденія представляется въ этомъ случаѣ не какъ условіе признанія объективной значимости этихъ

сужденій, а какъ результатъ усмотрѣнія устанавливаемаго отношенія изъ самаго содержанія понятій, выражающаго природу характеризуемыхъ ими реальностей. И насколько существенно входило въ самое понятіе объ аналитическомъ сужденіи такое именно отношеніе между условіемъ, оправдывающимъ сужденіе, и вѣрою въ его безусловную всеобщность и необходимость, это ясно обнаруживалось въ томъ, что, какъ скоро замѣчалось, что отношеніе не опредѣлялось безусловно и исключительно самымъ содержаніемъ понятій, оно переставало имѣть притязаніе на аналитическій характеръ, хотя бы философъ считалъ вполнѣ достовѣрнымъ убѣжденіе въ его всеобщности и необходимости, какъ это напримѣръ и видимъ у Канта въ отношеніи къ геометрическимъ сужденіямъ.

Такимъ образомъ, здѣсь выступали особые мотивы убѣжденія, которые во всякомъ случаѣ претендовали не на психологическую необходимость вѣры, а на очевидность значимости сужденія для предметовъ, о которыхъ оно что либо утверждаетъ, и уже поэтому требовалось отъ философовъ, поднимавшихъ вопросъ объ этой ихъ значимости, особое спеціальное ихъ разсмотрѣніе. А что касается представителей новаго эмпиризма, то съ ихъ стороны эти мотивы убѣжденія требовали тѣмъ большей внимательности при ихъ разсмотрѣніи, что эти мотивы никакъ сами по себѣ не стояли, повидимому, въ томъ противорѣчіи съ основною мыслью, опредѣлявшею отношеніе новаго эмпиризма къ противоположной школѣ, въ какомъ стояло съ нею Кантово ученіе объ умозрительныхъ синтетическихъ сужденіяхъ. Руководящею тенденціею того критическаго направленія, котораго представителями были Милль и Спенсеръ, — тенденціею, развившеюся подъ вліяніемъ обнаружившейся явной неустойчивости теорій умозрительнаго знанія,—было, какъ разъяснялось выше [1]), стремленіе не допускать какого бы то ни было критерія знанія кромѣ непосредственнаго или посредственнаго свидѣтельства объ истинности сужденія той самой дѣйствительности, о которой что либо утверждается или отрицается въ сужденіи. Но въ томъ истолкованіи аналитическихъ сужденій, на которое сейчасъ указано и которое въ существѣ дѣла и лежало въ основаніи приписываемой имъ объективной значимости, прямо, повидимому, предполагался этотъ самый критерій истинности сужденія, т. е. констатированіе его свидѣтельствомъ о себѣ той самой дѣйствительности, о которой въ этомъ сужденіи что либо утверждается

[1]) См. выше Н. общія замѣч., стр. 423—425.

или отрицается. И все различіе этого ученія отъ взглядовъ эмпиризма сводилось, повидимому, только къ рѣшенію вопроса о примѣненіи этого критерія, именно состояло въ томъ, что, при ученіи объ аналитическомъ знаніи, это свидѣтельство считалось возможнымъ находить не въ чередѣ только проходящихъ черезъ сознаніе частныхъ фактовъ, соотвѣтствующихъ сужденію и никогда неспособныхъ непосредственно собою покрыть утвержденіе, заключающееся въ общемъ сужденіи, но и въ характеризующихъ опредѣленную дѣйствительность свойствахъ, обозначаемыхъ понятіями; причемъ, конечно, всегда предполагалось, что сужденіе примѣнимо лишь къ той дѣйствительности, въ которой фактически оказались бы свойства, вполнѣ точно соотвѣтствующія содержанію того понятія, сличеніе котораго съ содержаніемъ опредѣленнаго другого понятія или опредѣленныхъ другихъ понятій сопровождается непосредственнымъ усмотрѣніемъ или констатированіемъ выражаемыхъ въ сужденіи отношеній между ними.

Передъ сознаніемъ представителей новаго эмпиризма долженъ былъ твердо стоять и тотъ фактъ, что именно въ виду указаннаго смысла, соединявшагося съ понятіями объ аналитическихъ сужденіяхъ, плодотворная критика ученія объ аналитической очевидности, т. е. такая, которая сопровождалась устойчивыми результатами въ теоріи знанія, въ историческомъ движеніи философской мысли въ новое время относилась къ вопросу не о томъ, слѣдуетъ ли приписывать объективное значеніе въ отношеніи къ той дѣйствительности, свойства которой точно соотвѣтствовали бы содержанію понятій, тому сужденію, которое можетъ быть точно установлено чрезъ сличеніе этихъ понятій, а лишь къ вопросу о томъ, какія именно сужденія дѣйствительно могли бы быть установлены единственно изъ сличенія содержанія входящихъ въ нихъ понятій, помимо всякаго вліянія способныхъ незамѣтно для сознанія вкрадываться въ процессъ этой установки факторовъ. Уже самъ Лейбницъ, а за нимъ и Юмъ старались отдѣлить тѣ сужденія, которыя для менѣе изощренной внимательности могли казаться аналитическими, хотя на дѣлѣ не оказывались такими, отъ тѣхъ сужденій, которыя, по ихъ мнѣнію, должны были дѣйствительно считаться результатомъ непосредственной зависимости устанавливаемыхъ въ нихъ отношеній исключительно отъ содержанія входящихъ въ нихъ понятій. И то противорѣчіе, которое открылъ Кантъ въ Юмовой философіи и которое грозило разрушить тѣ ея выводы, которые для представителей новаго эмпиризма должны были казаться твердымъ пріобрѣтеніемъ гносеологіи, касалось также только

болѣе строгаго разграниченія сужденій, которыя могли бы законно претендовать на значеніе сужденій аналитическихъ, отъ сужденій, которыя незаконно принимаются за такія. И поэтому новый эмпиризмъ, какъ мы выше и разъясняли это [1]), подъ давленіемъ Кантова упрека Юму въ непослѣдовательности, непосредственно въ интересахъ самозащиты вызывался только къ тому, чтобы, удержавъ Юмовы выводы объ ассоціативномъ происхожденіи вѣры въ законъ причинности, расширить этотъ взглядъ и на опредѣленныя другія сужденія, за которыми Юмъ, какъ доказывалъ Кантъ, оставилъ значеніе умозрительныхъ сужденій только вслѣдствіе ошибочнаго взгляда на нихъ какъ на сужденія аналитическія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, конечно, въ томъ, что новый эмпиризмъ имѣлъ всякое право дать вопросу объ аналитическихъ сужденіяхъ даже и такую болѣе радикальную постановку, при которой должно бы было подвергнуться пересмотру даже и традиціонное убѣжденіе въ самомъ существованіи этого рода сужденій или даже въ самой возможности этого существованія, хотя такая радикальная постановка настоятельно и не вызывалась въ данный моментъ взаимными отношеніями стоявшихъ въ антагонизмѣ другъ съ другомъ гносеологическихъ направленій. Но, въ виду всего разъясненнаго выше, просто даже для того, чтобы рѣшительный отрицательный отвѣтъ, который онъ даетъ на вопросъ объ аналитической очевидности, не выступалъ въ качествѣ произвольнаго утвержденія, чтобы этотъ отвѣтъ могъ претендовать на какое либо научное значеніе, эмпиризмъ долженъ былъ попытаться сколько-нибудь отчетливо разобраться въ самомъ вопросѣ. Онъ долженъ былъ или, согласно тому, какъ поступали Юмъ и Кантъ, обстоятельно анализировать сужденія, считающіяся наиболѣе очевидными образцами чисто аналитической очевидности, и на этомъ анализѣ доказать, что предполагаемая опредѣляемость этихъ сужденій исключительно содержаніемъ самыхъ понятій, входящихъ въ нихъ, есть иллюзія и скрываетъ за собою иное, независимое отъ этого содержанія основаніе, или же долженъ былъ попытаться отчетливо объяснить, что самая эта аналитичность, самая опредѣляемость сужденія содержаніемъ входящихъ въ него понятій, хотя и должна быть признана за фактъ, однако, вопреки твердо установившемуся въ философіи взгляду, совершенно неспособна логически оправдывать значимость сужденія въ отношеніи къ предметамъ, которыхъ свойства совершенно точно соотвѣтствуютъ этому именно содержанію понятій.

[1]) А. 1, стр. 3—4.

Выполнены ли эти обязательныя требованія главнѣйшими представителями новаго эмпиризма при отрицаніи ими аналитической очевидности? Уже изъ перваго параграфа первой главы нашего изслѣдованія мы можемъ достаточно убѣдиться въ томъ, что они не чувствуютъ никакой потребности въ томъ, чтобы сколько-нибудь обстоятельно разобраться въ вопросѣ объ умозрительной очевидности, и даже не считаютъ нужнымъ выяснить для себя тѣ болѣе глубокіе мотивы, которые влекли философскую мысль къ обособленію такъ называемыхъ аналитическихъ сужденій отъ всякихъ другихъ, претендующихъ также на независимую отъ опыта значимость, сужденій, и къ усвоенію имъ совершенно особаго характера очевидности.

Если обратимся къ такимъ мнѣніямъ этихъ философовъ, которыя прямо и непосредственно касаются аналитическихъ сужденій, то у Милля встрѣчаемся съ категорическимъ отожествленіемъ этихъ сужденій съ предложеніями, разъясняющими смыслъ, соединенный съ опредѣленными терминами. Но этотъ взглядъ, который, будь онъ справедливъ, долженъ бы былъ вести къ радикальной реформѣ логики, высказывается имъ въ такой догматической формѣ, съ такимъ полнымъ отсутствіемъ всякой попытки точнѣе разъяснить изъ смысла, соединеннаго съ словами, хотя бы одно какое-нибудь сужденіе, обычно признаваемое аналитическимъ, а не простымъ разъясненіемъ смысла терминовъ,—высказывается такъ догматически, что совсѣмъ не допускаетъ критическаго разбора [1]).

Спенсеръ, повидимому, даже несклоненъ отличать мнѣніе объ аналитической очевидности, образцы которой обыкновенно видѣли въ логическихъ формулахъ, отъ мнѣній о какой бы то ни было другой, независимой отъ опыта достовѣрности и не видитъ, поэтому, никакого повода вступать въ какія либо особыя разъясненія несостоятельности перваго изъ этихъ мнѣній. „Мы не можемъ указать никакого другого ручательства за истинность логическихъ интуицій“, говоритъ онъ [2]), „кромѣ того, на которое опираются всѣ интуиціи, принимаемыя за достовѣрныя, а именно кромѣ невозможности мыслить (т. е. представлять) ихъ иначе. Пока намъ не будетъ показано, что сознаніе логической необходимости имѣетъ отличное происхожденіе, и притомъ происхожденіе болѣе высокаго характера, мы должны принимать, что

[1]) Критическія замѣчанія, касающіяся собственно примѣненія Миллемъ этого взгляда при обсужденіи имъ другого не менѣе существеннаго вопроса, читатель встрѣтитъ въ слѣдующемъ параграфѣ, посвященномъ этому послѣднему вопросу.

[2]) The Princ. of Psych. II, p. 426; р. п. IV, стр. 124.

сознаніе логической необходимости есть точно такой же продуктъ прошедшихъ опытовъ, какъ и сознаніе всякой другой необходимости". Такъ можно бы было говорить, если бы понятія объ особой аналитической очевидности и ея особыхъ условіяхъ совсѣмъ не существовало въ наукѣ.

Правда, проницательно подмѣченная Спенсеромъ, какъ мы видѣли при разъясненіи его теоріи выводовъ [1]), аналогія между формальными математическими аксіомами и логическими выводными формулами, при его эмпиристическомъ взглядѣ на достовѣрность вообще математическаго знанія, даетъ ему добавочное основаніе для убѣжденія въ чисто опытной достовѣрности логическихъ выводныхъ формулъ. Она даетъ ему возможность изъ его убѣжденія въ томъ, что математическій анализъ „въ послѣдней инстанціи испытываетъ свои заключенія, относящіяся къ необходимымъ взаимно-зависимостямъ объективныхъ отношеній, посредствомъ обращенія къ дѣйствительному воспріятію", выводить, что и та форма математическаго анализа, къ которой (по примѣру Буля) можетъ быть сведена логика, дѣлаетъ то же самое" [2]). Но оставляя здѣсь въ сторонѣ вопросъ о математическомъ знаніи вообще, насколько оно предполагаетъ и такія аксіомы, которыя не могутъ претендовать на аналитическую очевидность, мы не можемъ не замѣтить, что Спенсеръ при этомъ своемъ выводѣ не беретъ въ расчетъ, что въ математическомъ анализѣ, на который здѣсь онъ ссылается, существенная роль прямо принадлежитъ такимъ математическимъ аксіомамъ, которыя имѣютъ общее логическое значеніе, а вмѣстѣ имѣютъ и право претендовать на особую аналитическую очевидность и въ философскомъ сознаніи уже издавна претендовали на нее, а иногда и прямо ставились въ прямую аналогію съ логическими выводными формулами въ различіе отъ разнообразныхъ другихъ математическихъ истинъ [3]). И такъ какъ Спенсеръ вовсе игнорируетъ спеціальные мотивы, которые побуждали усвоять умозрительную очевидность аналитическимъ сужденіямъ, то его указаніе на тѣсную связь извѣстныхъ сторонъ математическаго анализа съ логическими формулами въ интересахъ эмпиристическаго объясненія послѣднихъ должно оказаться непригоднымъ для этой цѣли даже въ глазахъ такого философа, который не отрицалъ бы, что изъ математическихъ принциповъ всѣ тѣ, которые не имѣютъ чисто аналитической очевид-

[1]) См. выше, Н. II, стр. 465—468. 476.

[2]) Spenc. The Princ. of Psych. II. 89, p. п. III, стр. 93—94.

[3]) См. мою „Классификацію выводовъ", стр. 67—71.

ности, не могутъ имѣть и независимаго отъ опыта оправданія. Выводить же эмпиристическій характеръ логическихъ формулъ изъ заранѣе принятаго, но остающагося недоказаннымъ предположенія, что даже такія математическія аксіомы, какова, напримѣръ, аксіома о равенствѣ двухъ величинъ равныхъ одной и той же третьей, въ послѣдней инстанціи аппеллируютъ къ воспріятію, это, очевидно, не много разнилось бы отъ вывода опредѣленной мысли изъ заранѣе сдѣланнаго предположенія объ истинности ея же самой. Впрочемъ и самая Спенсерова параллель между формулами математическихъ и формулами обычныхъ логическихъ выводовъ, по существу дѣла совершенно вѣрная, очень плохо мирится съ его же ученіемъ о томъ, что въ основѣ всей познавательной жизни сознанія лежитъ законъ ассоціацій, по которому степень связи представленій, а слѣдовательно и вѣра въ соотвѣтствующую связь явленій, при равенствѣ другихъ условій, зависитъ отъ количества случаевъ появленія сочетанія этихъ явленій въ сознаніи [1]). Вѣдь въ такомъ случаѣ обычныя приводимыя имъ логическія формулы выводовъ должны будутъ оказаться простыми частными выраженіями самаго этого закона, взятаго въ примѣненіи его къ различнымъ степенямъ вѣры соотвѣтственно различію числа проходившихъ черезъ сознаніе случаевъ соединенія опредѣленныхъ явленій; а между тѣмъ формулы математическихъ выводовъ должны будутъ оказаться уже выводными истинами, которыя могли получиться только вслѣдствіе состоявшихся уже обобщеній, сдѣланныхъ на основаніи этого закона. А поэтому послѣднія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поставляемы въ параллель съ первыми ни по своему происхожденію, ни по своему значенію въ выводномъ процессѣ. Спенсеръ не взялъ во вниманіе, что дѣйствительная параллель между обычными логическими и математическими формулами можетъ быть устанавливаема совершенно законно только въ томъ случаѣ, если бы могла быть принята въ качествѣ высшей санкціи умозрительная очевидность и если бы при этомъ оказалось возможнымъ установить значимость какъ обычныхъ логическихъ, такъ и математическихъ выводныхъ формулъ одинаково на основаніи этой высшей санкціи.

Послѣ сдѣланнаго выше разъясненія особыхъ мотивовъ, которыми руководилось философское сознаніе въ ученіи объ аналитической очевидности и которые давали возможность отстаивать это ученіе въ пред-

[1]) Spencer. Princ. of Psych. I p. 419—422; p. II. стр. 137—140.

шествующіе періоды развитія критическаго сознанія, сейчасъ указанное отношеніе къ этому ученію такихъ серьезныхъ и вдумчивыхъ мыслителей, каковы были Милль и Спенсеръ, мнѣ кажется, достаточно ясно показываетъ, что ихъ ошибочное и принятое ими даже въ прямое противорѣчіе съ развиваемой ими критической теоріей убѣжденіе въ возможности логическаго оправданія знанія, исключительно опирающагося на фактахъ, оказало никакъ не маловажное вліяніе на самое обоснованіе ими этой теоріи. Философъ, который созналъ бы невозможность логическаго оправданія знанія безъ допущенія возможности умозрительной очевидности положеній, лежащихъ въ основаніи познавательныхъ процессовъ, и для котораго поэтому вопросъ объ умозрительной очевидности не былъ бы только вопросомъ, способнымъ вызывать безконечные споры, но не имѣющимъ никакого существеннаго значенія для самаго знанія, конечно, не рѣшился бы отрицать аналитическую очевидность этого рода положеній безъ самаго тщательнаго разъясненія для себя и обстоятельнаго разбора такихъ мотивовъ къ ея признанію, о которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, что они лишены особой привлекательности для мысли.

Правда, послѣдовательность развиваемаго представителями новаго эмпиризма ученія объ ассоціативной вѣрѣ должна, какъ мы видѣли [1]), вести къ убѣжденію, что наиболѣе важныя изъ признававшихся аналитическими положеній, а вмѣстѣ и всегда служившія наиболѣе яркими образцами чисто аналитической очевидности, именно логическія выводныя формулы должны считаться также и предположеніями, которыми обусловлена ассоціативная вѣра по законамъ психологическаго познавательнаго механизма [2]). И можно спросить: не должно ли это

---

[1]) См. выше, Н. I, стр. 430—456.

[2]) Конечно, рѣшительное признаніе аналитичности предположеній, которыя по нашимъ разъясненіямъ должны подразумѣваться въ ассоціативной вѣрѣ, со стороны философовъ, признающихъ аналитическую очевидность, должно относиться исключительно къ тѣмъ изъ этихъ предположеній, которыя соотвѣтствуютъ логическимъ формуламъ собственно силлогистическихъ выводовъ. Того же нельзя сказать о формулѣ индуктивныхъ выводовъ, не говоря уже о формулѣ выводовъ относительно той или другой степени устойчивости тѣхъ или другихъ сочетаній явленій въ познаваемой объективности, хотя такіе выводы постоянно примѣняются и ассоціативнымъ механизмомъ и сознательнымъ изслѣдованіемъ объективности. Формула такъ называемой простѣйшей индукціи, какъ она разъясняется въ обычныхъ учебникахъ логики, ни въ какомъ случаѣ не могла бы даже и изъявлять притязаніе на аналитическую очевидность. И рѣшительное отрицаніе Юмомъ всякой логической значимости установки законовъ природы изъ частныхъ фактовъ, конечно, предполагало рѣшительное отри-

отношеніе формулъ сознательныхъ выводныхъ процессовъ къ формуламъ условій механически возникающей вѣры стать, въ свою очередь, въ мысли философа, идущаго въ этой послѣдовательности, въ рѣшительный антагонизмъ съ стремленіемъ открыть въ нихъ сполна очевидныя по своей объективной значимости положенія? Однако думать такъ значитъ впадать въ ту же по существу ошибку, въ которую впадаютъ представители новаго эмпиризма, когда они, совершенно справедливо указывая въ ассоціативныхъ процессахъ условіе, способное порождать вѣру высокой интенсивности, считаютъ себя въ правѣ на этомъ основаніи отрицать наличность какихъ либо другихъ условій, способныхъ производить вліяніе на ту же вѣру, хотя бы эти условія напрашивались на ихъ вниманіе въ выставляемыхъ ими же самими законосообразныхъ условіяхъ порожденія вѣры ассоціативнымъ процессомъ. И вопросъ объ аналитической очевидности положенія есть вопросъ объ оцѣнкѣ мотивовъ, возбуждающихъ мысль объ этой очевидности, и этотъ вопросъ никакъ не разрѣшается тѣмъ, что это же положеніе оказывается или не оказывается формулой условій, при наличности которыхъ возбуждается вѣра, когда не стоитъ она подъ контролемъ дающаго себѣ отчетъ въ своихъ рѣшеніяхъ сознанія. Никакой одушевленный организмъ не возникаетъ въ нашемъ мірѣ съ сознаніемъ на столько развитымъ, чтобы тотчасъ же при своемъ возникновеніи онъ оказался способнымъ къ чистому умозрѣнію, къ процессамъ усмотрѣнія истины, независимымъ отъ подставляемыхъ ему воспринимающею способностью сочетаній ощущеній, хотя бы процессы эти и оказались возможны для него, когда его сознаніе послѣ обо-

---

даніе имъ аналитической очевидности этой формулы. „Критика чистаго разума“ Канта также не только неизбѣжно предполагаетъ невозможность оправдывать опытомъ сужденія, характеризующіяся безусловною всеобщностью и необходимостью, но и говоритъ вообще объ „эмпирической всеобщности“ какъ о „произвольномъ возвышеніи значимости“ полученнаго черезъ индукцію сужденія (Krit. d. r. Vern. ed. Adick. p. 40); и когда дѣло идетъ у Канта въ его „Критикѣ“ о схемахъ умозаключающей дѣятельности, схема индуктивнаго вывода отсутствуетъ, точно также какъ между модальными категоріями у него нѣтъ категоріи вѣроятности. И, конечно, твердое и рѣшительное признаніе собственно логической значимости за формулой вывода отъ частнаго къ общему, хотя бы только въ смыслѣ вѣроятнаго вывода, не мирилось бы съ всюду проникающею „Критику“ мыслью, что только чисто умозрительная значимость высшихъ синтетическихъ посылокъ знанія можетъ спасти знаніе отъ неизбѣжнаго въ противномъ случаѣ скептицизма. Но мы можемъ вопросъ объ индукціи оставить здѣсь открытымъ, такъ какъ для дальнѣйшихъ выводовъ, которые здѣсь дѣлаются, рѣшеніе его, относящееся уже къ положительной теоріи знанія, не необходимо.

гащенія разнообразными представленіями, дающими матеріалъ для сложныхъ познавательныхъ процессовъ, постепенно возвысится изъ состоянія способнаго только ощущать и воспринимать до состоянія способнаго не только познавать и за тѣмъ пользоваться въ процессахъ познанія исторически выработанными научными методами, но и поставить философски критическій вопросъ о лежащихъ въ самомъ основаніи знанія предположеніяхъ и строго отличать сполна прозрачныя для мысли изъ самого своего содержанія сочетанія представленій отъ сочетаній ихъ, обусловленныхъ какими бы то ни было другими вліяніями. А поэтому совершенно понятно, что хотя бы и были для насъ возможны и существовали въ дѣйствительности такія формулы познавательныхъ процессовъ, которыя были бы способны сдѣлаться вполнѣ прозрачными по своей логической значимости для развитаго сознанія, самая жизнь одушевленныхъ существъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое развитіе ихъ до степени научнаго и философски-критическаго сознанія во всякомъ случаѣ въ условіяхъ фактически даннаго міра возможны были бы лишь на столько, на сколько одушевленный организмъ былъ бы вооруженъ познавательнымъ механизмомъ, при посредствѣ котораго вѣра механически опредѣлялась бы опредѣленными условіями. И совершенно понятно съ другой стороны, что эти условія по крайней мѣрѣ въ той мѣрѣ должны бы были соотвѣтствовать предположеннымъ вполнѣ прозрачнымъ для развитой мысли условіямъ установки объективности, въ какой это необходимо для того, чтобы то руководственное значеніе, которое по общей конституціи сознанія принадлежитъ результатамъ механически совершающихся познавательныхъ процессовъ при активныхъ проявленіяхъ душевной жизни, оказалось бы пригоднымъ для своей цѣли, т. е. обезпечивало бы сохраненіе жизни и развитіе одушевленныхъ существъ. Такимъ образомъ предположеніе объ умозрительной очевидности тѣхъ или другихъ выводныхъ формулъ не только не стоитъ въ какой-нибудь дисгармоніи съ мыслью о согласіи какихъ либо изъ этихъ предполагающихся самоочевидными формулъ съ тѣми и другими положеніями, которыя оказываются формулами условій вѣры, производимой отправленіями съ механическою законосообразностью дѣйствующаго ассоціативнаго процесса, но, наоборотъ, при фактическихъ условіяхъ возникновенія и жизни одушевленныхъ существъ, это предположеніе необходимо постулируетъ это согласіе, хотя, конечно, само можетъ быть принято только подъ условіемъ независимой отъ ссылокъ на это согласіе установки его логической состоятельности.

Логика, какъ было уже сказано, свое разъясненіе аналитической очевидности обыкновенно ставила въ связь съ принимаемымъ ею издавна закономъ противорѣчія или съ законами тожества и противорѣчія. Съ критической теоріей новаго эмпиризма у представителей его, высказывавшихъ вышеприведенныя мнѣнія, касавшіяся прямо и непосредственно аналитическихъ сужденій, не могло, конечно, не соединяться того или другого взгляда и на законы мысли, которые обычно разсматривались какъ основаніе аналитической очевидности. Здѣсь по крайней мѣрѣ позволительно было бы, повидимому, ожидать, что эти представители внимательнѣе всмотрятся въ ту, очевидно, чрезвычайно привлекательную для мысли особенность опредѣленныхъ положеній, которая издавна и съ такою устойчивостью понуждала мыслителей возводить ихъ въ чрезвычайный рангъ законовъ мысли, и что они попытаются обстоятельно разоблачить ту иллюзію, которая, по ихъ мнѣнію, должна была скрываться подъ этою привлекательностью. Въ отношеніи къ такому закону, каковъ законъ противорѣчія, по самому содержанію его было очевидно, что онъ долженъ былъ обнимать всѣ сужденія, не только выводныя, но и опирающіяся на непосредственное усмотрѣніе, и все равно, подразумѣвается ли подъ этимъ непосредственнымъ усмотрѣніемъ чисто умозрительная очевидность или простое констатированіе непосредственно фактически даннаго. Тѣмъ болѣе вниманія требовалось для того, чтобы разобраться въ традиціонномъ ученіи, которое, очевидно, имѣло дѣло съ такими въ высокой степени абстрактными отношеніями, которыя фактически оказываются неотдѣлимыми отъ каждаго акта мыслительной дѣятельности, несмотря на безконечное разнообразіе этихъ актовъ и по ихъ содержанію и по функціямъ познавательной дѣятельности, стремящейся осилить это содержаніе.

Обращаясь къ представителямъ новаго эмпиризма, мы видимъ, что у Спенсера въ его „Основаніяхъ Психологіи“ взглядъ его на тѣ изъ законовъ мысли, съ которыми обычно соединяется объясненіе аналитической очевидности, выражается только въ аподиктическихъ и даже недостаточно опредѣленныхъ утвержденіяхъ, въ родѣ утвержденія [1]), что вообще положенія логики выражаютъ зависимости между мыслями „лишь по стольку, по скольку зависимости между мыслями вылѣплены соотвѣтственно зависимостямъ между вещами“. Милль оказывается внимательнѣе къ традиціонному логическому ученію. Въ своей

[1]) Spencer. The Princ. of Psych. II, p. 90—91; p. II, III, стр. 95.

„Системѣ Логики“ онъ посвящаетъ цѣлую страницу [1]) разъясненію своего взгляда на законъ противорѣчія. Въ этомъ разъясненіи, правда, точно также какъ и въ Миллевыхъ истолкованіяхъ такъ называемыхъ аналитическихъ сужденій, нѣтъ даже и попытки точнѣе опредѣлить и критически разобрать тѣ, все равно законные или не законные, но во всякомъ случаѣ очевидно привлекательные для философской мысли мотивы, которые заставляли смотрѣть на этотъ законъ какъ на положеніе, имѣющее наивысшую для самой мысли, слѣдовательно наиочевиднѣйшую для нея достовѣрность. Обычное соединеніе съ положеніемъ противорѣчія названія закона,—названія, съ которымъ невольно соединяется представленіе о принудительности или вообще о внѣшней, хотя и безусловно властвующей санкціи, повидимому, было совершенно достаточно для того, чтобы въ представленіи философа, рѣшительно протестовавшаго противъ познавательной значимости какихъ бы то ни было природныхъ ограниченій вѣры, устранить всякую нужду даже въ вопросѣ о самой возможности логически правомѣрнаго господства надъ познавательною дѣятельностью положенія, которое не оправдывалось бы непремѣнно чередой явленій, проходящихъ передъ сознаніемъ. Все его объясненіе сводится къ аподиктическому выраженію его мнѣнія о томъ, что именно въ законѣ противорѣчія нуждается въ фактическомъ обоснованіи и какіе именно факты служатъ этому обоснованію. Тѣмъ не менѣе критическому разбору этой страницы „Логики Милля“ мы должны посвятить особый, непосредственно слѣдующій за этимъ, параграфъ. Это казалось намъ никакъ не излишнимъ уже для того, что бы полнѣе освѣтить ту неосторожную легкость, съ какой серьезнѣйшіе представители новаго эмпиризма, подъ обаяніемъ ошибочной мысли о возможности исключительно фактами логически оправдать знаніе и такимъ образомъ сдѣлать излишними всякія ссылки на оказывавшуюся нерѣдко призрачной умозрительную очевидность, относились къ самымъ устойчивымъ и вызывавшимъ на серьезный анализъ концепціямъ, касающимся умозрительной очевидности. Съ другой стороны это оказалось нужнымъ и въ виду необычайной спутанности понятій, господствующей въ этомъ разъясненіи Милля,—спутанности, которая особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о самыхъ абстрактныхъ понятіяхъ, всегда отличается тѣмъ, что запутавшемуся автору облегчаетъ возможность безъ всякаго ощущенія недочетовъ въ аргументаціи дѣлать самые поразительные выводы, но

[1]) Mill. Syst. of Log. I, p. 307—308; p. n. I, стр. 306.

которая, къ сожалѣнію, отъ критика, который пожелалъ бы разобраться въ этой запутанности, требуетъ подробныхъ, а нерѣдко очень сложныхъ и чисто формальныхъ разъясненій.

II.

Исходнымъ пунктомъ Миллевыхъ разъясненій его взгляда на достовѣрность такъ называемаго закона противорѣчія служитъ очень рѣшительно выраженная мысль [1]), что отрицательное предложеніе [2]) не *утверждаетъ* ничего кромѣ ложности утвердительнаго и не имѣетъ никакого другаго значенія и смысла. Вслѣдствіе признанія этого, какъ онъ самъ называетъ, „словеснаго тожества“ отрицательнаго предложенія съ утвержденіемъ ложности предложенія утвердительнаго законъ противорѣчія сводится къ положенію, что одно и то же предложеніе не можетъ быть одновременно и ложно и истинно. Но это послѣднее положеніе, по взгляду Милля, уже не можетъ считаться чисто словеснымъ предложеніемъ. И если законъ противорѣчія не возбуждаетъ въ насъ сомнѣнія въ своей истинности, то это должно, по его мнѣнію, означать, что это положеніе находитъ для себя логическое оправданіе въ фактахъ опыта, должно составлять „одно изъ первыхъ и самыхъ привычныхъ обобщеній изъ опыта“. И Милль опредѣленно указываетъ тѣ факты опыта, обобщеніе которыхъ оно представляетъ. Сюда относятся прежде всего тѣ факты внутренняго опыта, которые свидѣтельствуютъ, что вѣра и невѣріе суть два состоянія, исключающія одно другое. „И направивъ, говоритъ онъ, наше наблюденіе на то, что внѣ насъ, мы находимъ, что свѣтъ и темнота, звукъ и безмолвіе, движеніе и покой, равенство и неравенство, предшествіе и слѣдованіе, одновременность и послѣдовательность, какое-либо положительное явленіе и его отрицательное, суть явленія розныя, которыя рѣзко противоположны и изъ которыхъ всегда одно отсутствуетъ тамъ, гдѣ другое присутствуетъ. Обсуждаемую аксіому,— такъ заключаетъ онъ это свое разъясненіе,—я признаю обобщеніемъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ“.

---

[1]) Mill. Syst. of Log. I. 307—308; p. n. 1. 306.

[2]) При разборѣ мнѣнія Милля о законѣ противорѣчія мы считаемъ удобнѣе пользоваться его терминологіей, т. е. употреблять терминъ „предложеніе“ вмѣсто обычнаго у насъ, какъ и въ нѣмецкой литературѣ, термина „сужденіе“, никакъ не забывая, конечно, того, что о предложеніи логика можетъ говорить, лишь на сколько оно служитъ обычно словеснымъ выраженіемъ того момента въ познавательномъ процессѣ, который имѣется въ виду при логическомъ ученіи о сужденіи.

Обращаясь къ критическому разбору этого ученія Милля, мы должны прежде всего со всѣмъ вниманіемъ остановиться на его исходномъ пунктѣ, на полномъ отожествленіи отрицательнаго предложенія съ утвержденіемъ ложности предложенія утвердительнаго.

Смыслъ, который приписывается Миллемъ отрицательному предложенію, онъ здѣсь выражаетъ въ формѣ утвердительнаго предложенія: онъ говоритъ, что отрицательное предложеніе ничего не *утверждаетъ* кромѣ ложности утвердительнаго, и при этомъ слово „утверждаетъ“ даже подчеркиваетъ, какъ бы желая поставить его въ явную противоположность съ терминомъ „отрицательное предложеніе“. Однако, несмотря на это, я не рѣшаюсь истолковать мысль Милля въ томъ смыслѣ, будто онъ хочетъ превратить отрицательныя предложенія въ особый видъ предложеній утвердительныхъ и съ этою именно цѣлію называетъ ихъ утвержденіями ложности утвердительныхъ предложеній. Если бы это было дѣйствительно такъ, то это, очевидно, было бы очень грубой ошибкой. Терминъ „истинное“ въ примѣненіи его логикой къ предложенію несомнѣнно означаетъ, если выразиться ближе къ Миллю [1]), предложеніе согласное съ тою фактическою дѣйствительностью, на констатированіе которой оно претендуетъ. Отсюда терминъ „ложное предложеніе“ въ его логическомъ употребленіи, т. е. при отвлеченіи всякой этической окраски, долженъ будетъ означать предложеніе несогласное съ этою фактической дѣйствительностію. Если же это такъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что предложеніе, которое Милль обозначаетъ какъ утвержденіе ложности утвердительнаго предложенія, если примѣнить къ нему болѣе точную логическую терминологію, должно быть признано отрицательнымъ предложеніемъ, только такимъ, въ которомъ подлежащимъ служило бы не подлежащее этого самаго утвердительнаго предложенія, а само это предложеніе въ цѣломъ его составѣ, и въ которомъ отрицалось бы согласіе этого утвердительнаго предложенія съ фактическою дѣйствительностію, на констатированіе которой оно претендуетъ, а не принадлежность предмету этого утвердительнаго предложенія того предиката, который усвоялся ему въ немъ. И такъ какъ отрицательныя сужденія съ такимъ именно словеснымъ составомъ составляютъ только одну часть употребляемыхъ нами отрицательныхъ предложеній, а всѣ остальныя, по своему словесному составу, представляютъ не отрица-

[1]) Mill. Syst. of Log. I. 99; р. п. I. 103. Милль ставитъ здѣсь вопросъ: „что именно выражается формою рѣчи, называемой предложеніемъ, и сообразность чего именно съ фактомъ составляетъ истинность предложенія?“

ніе согласія утвердительныхъ предложеній съ дѣйствительностію, а отрицаніе непосредственно принадлежности тѣхъ самыхъ предикатовъ и тѣмъ самымъ предметамъ, какіе и какимъ приписываются въ этихъ утвердительныхъ предложеніяхъ, то Миллево полное отожествленіе вообще отрицательнаго предложенія по его словесному смыслу съ утвержденіемъ ложности предложенія утвердительнаго есть, очевидно, отожествленіе словеснаго смысла всѣхъ отрицательныхъ предложеній съ тѣмъ словеснымъ смысломъ, который непосредственно связанъ съ словеснымъ составомъ одной только части изъ обычно употребляемыхъ нами отрицательныхъ предложеній.

На чемъ же опирается это отожествленіе? Если мы обратимся къ тому систематическому изложенію взглядовъ Милля на предложеніе, которое мы находимъ въ той же его „Системѣ логики“, въ которой при разъясненіи взгляда его на законъ противорѣчія встрѣчаемся съ его отожествленіемъ отрицательнаго предложенія съ утвержденіемъ ложности предложенія утвердительнаго, то увидимъ, что развиваемое здѣсь ученіе не даетъ никакихъ основаній для такого отожествленія. Желая дать понятіе о предложеніяхъ, Милль здѣсь говоритъ [1]): „по обыкновенному простому и достаточному для нашей цѣли опредѣленію предложеніе есть рѣчь, въ которой о какомъ-либо предметѣ что-либо утверждается или отрицается“, или, какъ онъ точнѣе выражаетъ эту свою мысль при дальнѣйшихъ разъясненіяхъ [2]): „предложеніе есть изреченіе, въ которомъ какое-либо сказуемое утверждается или отрицается относительно какого-либо подлежащаго“. Здѣсь, очевидно, съ отрицательнымъ предложеніемъ не связывается какого-либо ограниченія относительно того, что могло бы въ немъ занимать мѣсто подлежащаго и сказуемаго. Въ этихъ опредѣленіяхъ предложеній еще не дается, правда, точнаго понятія о самыхъ терминахъ „утвержденіе и отрицаніе“; а слѣдовательно остается возможность предполагать, что право на ограниченіе смысла отрицательнаго предложенія тѣмъ смысломъ, который непосредственно соединяется съ словеснымъ составомъ только одной части изъ обыкновенно употребляемыхъ нами отрицательныхъ предложеній, получается для Милля изъ остающагося въ выписанныхъ словахъ его не разъясненнымъ того смысла, который соединяется имъ съ терминомъ „отрицаніе“. И такое предположеніе даже естественно возникаетъ въ виду

[1]) Ibid., I. 19; p. n. I. 23.
[2]) Ibid., I. 885; p. n. I. 90.

того, что передъ самымъ разъясненіемъ своего взгляда на достовѣрность закона противорѣчія Милль говоритъ о философахъ, считавшихъ этотъ законъ всецѣло „положеніемъ, содержащимся въ значеніи словъ, способомъ опредѣлять отрицаніе и частицу: „не“, и на свое отожествленіе отрицательнаго предложенія смотритъ какъ на шагъ впередъ, сдѣланный съ этими философами. Но Милль самъ имѣлъ случай въ той же своей „Системѣ логики“ разъяснить и собственный свой взглядъ на отрицаніе. Желая доказать отсутствіе какихъ-либо серьезныхъ основаній для той, проводимой нѣкоторыми философами, мысли, что отрицаніе въ отрицательномъ предложеніи должно относиться къ сказуемому, а не къ связкѣ, т. е., что отрицательное предложеніе нужно непремѣнно толковать въ смыслѣ приписыванія предмету отрицательнаго признака, обозначаемаго отрицательнымъ названіемъ, Милль говоритъ [1]): „Что такое отрицательное названіе? Названіе, выражающее *отсутствіе* свойства. Утверждая отрицательное названіе, мы на самомъ дѣлѣ высказываемъ отсутствіе, а не присутствіе, мы утверждаемъ не то, что что-либо *есть*, но что чего-либо *нѣтъ*, а это лучше всего выражается словомъ *отрицать*. Коренное различіе заключается между фактомъ и несуществованіемъ этого факта, между усмотрѣніемъ чего-нибудь и неусмотрѣніемъ, между Цезаремъ мертвымъ и не мертвымъ“. Въ этихъ словахъ Миллемъ достаточно опредѣленно терминъ „отрицать“, которымъ обыкновенно характеризуется актъ, выражающійся въ отрицательномъ предложеніи, толкуется какъ утвержденіе отсутствія, несуществованія факта, и именно въ противоположность утвержденію присутствія, существованія факта, которое въ соотвѣтствіи съ этимъ, конечно, должно составлять смыслъ утвердительнаго предложенія. Что же касается термина „утвержденіе“, который при этомъ толкованіи долженъ, очевидно, въ качествѣ, въ одномъ случаѣ, утвержденія существованія, въ другомъ—утвержденія несуществованія сдѣлаться общимъ терминомъ какъ утвердительныхъ такъ и отрицательныхъ предложеній, т. е. долженъ выражать собою ту общую имъ черту, по которой они одинаково называются предложеніями и которая въ логикѣ обычно еще со временъ Аристотеля игнорируется, то Милль вполнѣ опредѣленно и категорически не говоритъ о томъ, что именно выражается въ этомъ „утвержденіи“. Но изъ его частныхъ разъясненій [2]) можно

[1]) Ibid., I. 98; p. n. I. 93.
[2]) Ibid., I. 96—98; p. n. I. 101—102.

заключать, что подъ нимъ у него разумѣется вѣра, убѣжденіе, мнѣніе, т. е., различныя степени и формы увѣренности, безъ которыхъ, какъ выходитъ по этимъ частнымъ разъясненіямъ Милля, останется изъ того, что называется предложеніемъ, только простое представленіе, простое соединеніе идей, которое можетъ создаваться и нерѣдко создается фантазіей даже и въ такихъ случаяхъ, когда совсѣмъ не имѣется въ сознаніи того акта, выраженіемъ котораго считается предложеніе. Но, оставляя здѣсь въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько удачно такимъ путемъ устранялся бы старый дефектъ логики въ ея ученіи о предложеніи (сужденіи), мы не можемъ не видѣть, что и при этомъ болѣе отчетливомъ разъясненіи отрицательнаго предложенія оно оказывается также совершенно параллельнымъ утвердительному предложенію, и понятіе о немъ не даетъ никакихъ основаній или даже просто поводовъ истолковывать всѣ отрицательныя предложенія непремѣнно въ смыслѣ утвержденій ложности предложеній утвердительныхъ. А такъ какъ Милль и въ самомъ томъ разъясненіи своего взгляда на законъ противорѣчія, въ которомъ категорически утверждается имъ это истолкованіе, не указываетъ ни на какія основанія, то остается предположить, что оно казалось Миллю вполнѣ очевиднымъ, несмотря на кажущуюся несогласимость его съ его разъясненіями и предложенія вообще и характеристической черты предложеній отрицательныхъ. Въ чемъ же могла бы состоять эта особо привлекательная черта этого истолкованія отрицательныхъ предложеній?

При всякой попыткѣ объяснить особую привлекательность этого истолкованія нельзя игнорировать общаго условія самой его возможности, заключающагося въ той несомнѣнной связи, въ какой стоитъ съ отрицательнымъ предложеніемъ, прямо противорѣчащимъ опредѣленному утвердительному предложенію, такое предложеніе, въ которомъ утверждалось бы несогласіе этого утвердительнаго предложенія съ фактическою дѣйствительностію. Обнаружить это несогласіе, конечно, возможно только подъ тѣмъ условіемъ, что при наличности утвердительнаго предложенія, объективная значимость котораго поставлена въ вопросъ, сознаніемъ такъ или иначе установленъ былъ бы и фактъ отсутствія въ фактической дѣйствительности того отношенія опредѣленнаго предиката къ опредѣленному субъекту, которое высказывается въ этомъ утвердительномъ предложеніи, такъ какъ только сличая высказываемое о дѣйствительности въ утвердительномъ предложеніи съ самою дѣйствительностію, насколько она предполагается

такъ или иначе точно дознанною нами, мы можемъ установить положеніе о несогласіи перваго съ послѣднею. А такъ какъ констатированіе отсутствія опредѣленнаго предиката у опредѣленнаго субъекта выражается въ отрицательномъ предложеніи; то ясно, что это предложеніе должно быть признано необходимымъ условіемъ для утвержденія ложности стоящаго въ прямомъ противорѣчіи съ этимъ отрицательнымъ утвердительнаго предложенія. Безъ этой необходимой зависимости утвержденія ложности утвердительнаго предложенія отъ предложенія отрицательнаго, конечно, не могло бы быть и никакой рѣчи о какомъ бы то ни было тожествѣ между ними.

Но съ другой стороны не трудно видѣть, что одной этой зависимости слишкомъ недостаточно для какого бы то ни было отожествленія ихъ. Если бы вся благопріятная такому отожествленію сторона сводилась исключительно къ одной этой зависимости, то для того, чтобы остеречься отъ такого отожествленія, достаточно было бы припомнить только, что ложными бываютъ не утвердительныя только, но и отрицательныя предложенія и что обнаруженіе несогласія отрицательнаго предложенія съ фактическою дѣйствительностію потребовало бы совершенно такихъ же условій, какъ и описанное сейчасъ обнаруженіе несогласія утвердительнаго предложенія съ фактическою дѣйствительностію, только съ тѣмъ различіемъ, что положенія отрицательное и утвердительное помѣнялись бы въ этомъ процессѣ своими ролями; отрицательное оказалось бы положеніемъ, вызывающимъ сомнѣніе въ своей объективной значимости, а утвердительное должно бы было быть твердо установлено въ качествѣ неизбѣжнаго условія, при которомъ возникшій вопросъ относительно истинности отрицательнаго долженъ быть категорически разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. А поэтому тотъ, кто исключительно на основаніи указанной зависимости утвержденія ложности утвердительнаго предложенія отъ предложенія отрицательнаго захотѣлъ бы принять, что отрицательное предложеніе не имѣетъ никакого значенія и смысла кромѣ утвержденія ложности предложенія утвердительнаго, долженъ бы былъ изъ совершенно той же зависимости утвержденія ложности отрицательнаго предложенія отъ предложенія утвердительнаго выводить, что утвердительное предложеніе не имѣетъ никакого значенія и смысла, кромѣ утвержденія ложности предложенія отрицательнаго. Но само собою понятно, что ни Милль, ни кто-либо другой ничего подобнаго не говорятъ и говорить не могутъ и не только вслѣдствіе очевидной нелѣпости самой этой мысли, но и потому что въ такомъ случаѣ уже

не только въ самое опредѣленіе отрицательнаго предложенія входило бы понятіе утвердительнаго предложенія, но и обратно въ то же самое время опредѣлялось бы и само утвердительное предложеніе съ помощію понятія о предложеніи отрицательномъ и такимъ образомъ получался бы circulus vitiosus въ опредѣленіи обоихъ понятій.

Однако дѣло, повидимому, тотчасъ же принимаетъ другой видъ, какъ скоро къ указанной несомнѣнной связи отрицательнаго предложенія съ утвержденіемъ ложности предложенія утвердительнаго прибавимъ по существу совершенно вѣрную мысль, что отрицательныя предложенія по самому своему понятію отличаются отъ утвердительныхъ тѣмъ, что ими не устанавливается въ предметѣ какого-либо положительнаго содержанія, а устраняется только отъ представленія о предметѣ содержаніе, ему не принадлежащее. Эту по существу вѣрную мысль представляется очень соблазнительнымъ растолковать въ томъ смыслѣ, что отрицательныя предложенія ничего не даютъ для дѣйствительнаго познанія существующихъ предметовъ. И подъ освѣщеніемъ этой мысли выше разъясненное значеніе одинаково отрицательныхъ, какъ и утвердительныхъ предложеній для устраненія ложныхъ предложеній противоположной имъ качественности совершенно естественно толкуется въ примѣненіи собственно къ отрицательнымъ предложеніямъ, и именно въ силу указаннаго различія ихъ по самому ихъ понятію отъ предложеній утвердительныхъ, какъ единственное, остающееся возможнымъ ихъ значеніе.

Какъ соблазнителенъ такой взглядъ, это доказывается тѣмъ фактомъ, что его мы встрѣчаемъ даже въ Кантовой „Критикѣ чистаго разума“, впрочемъ въ имѣющемъ слишкомъ малое значеніе для основной идеи „Критики“ отдѣлѣ ея о методѣ и притомъ даже въ довольно случайной связи съ взглядами, развиваемыми въ самомъ этомъ отдѣлѣ. Кантъ здѣсь говоритъ [1]): „Логически, правда, возможно всѣ, какія угодно, положенія выразить отрицательно, однако въ отношеніи къ содержанію нашего знанія, расширяется ли оно, или ограничивается сужденіемъ, отрицательныя сужденія имѣютъ особую задачу единственно *устранять заблужденія*“.

Легко возникая, эта концепція столь же легко вызывала въ мысли вполнѣ убѣдительное, повидимому, ея подтвержденіе. Если вся цѣнность отрицательныхъ сужденій для сознанія сполна исчерпывается устраненіемъ ложныхъ утвердительныхъ сужденій, то въ тѣхъ слу-

[1]) Kant. Krit. d. r. Vern. ed. Adickes. p. 553.

чаяхъ, гдѣ невозможно даже и предположить у кого-нибудь какого-нибудь довѣрія къ опредѣленному ложному утвердительному сужденію, прямо противорѣчащее этому сужденію сужденіе отрицательное должно терять для сознанія всякую цѣнность и тѣмъ, конечно, наглядно свидѣтельствовать о своей совершенной непригодности ни для какой другой цѣли. И Кантъ находитъ, что фактически такъ именно и бываетъ. „А поэтому", продолжаетъ онъ тотчасъ послѣ выписанныхъ строкъ, „отрицательныя сужденія, которыя должны удерживать отъ ложныхъ положеній, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ совсѣмъ невозможно заблужденіе, правда, вполнѣ истинны, но все же пусты, т. е. вовсе не соотвѣтствуютъ своей цѣли и именно поэтому часто смѣшны; таково, напримѣръ, положеніе нѣкотораго школьнаго оратора: „Александръ безъ войска не могъ бы завоевать никакихъ земель". У одного изъ позднѣйшихъ авторовъ, Зигварта, подобная же мысль развита еще рельефнѣе на болѣе пикантныхъ примѣрахъ. „Что отрицаніе имѣетъ смыслъ только въ отношеніи къ тому положенію, утверждать которое уже была попытка, говоритъ Зигвартъ [1]), это тотчасъ же становится яснымъ, какъ скоро подумаемъ о томъ, что о каждомъ предметѣ можно утверждать только конечное число предикатовъ, а отрицать можно необозримое ихъ количество. Однако, никому не приходитъ на мысль совершать всѣ тѣ отрицанія, которыя сами по себѣ были бы возможны и истинны, такъ какъ для этого не можетъ существовать ни малѣйшаго мотива. Вѣдь для того, чтобы имѣло какой-нибудь смыслъ сказать, что этотъ камень не читаетъ, не пишетъ, не поетъ, не сочиняетъ стиховъ, или что справедливость не голубаго цвѣта, не зеленаго, не треугольна, не кружится и т. д., должна была бы существовать опасность, что кто-нибудь захотѣлъ бы камню или справедливости приписать эти предикаты".

Такого рода выводъ, несомнѣнно, кажется привлекательнымъ, но дѣйствительно ли онъ убѣдителенъ? Вскроемъ подразумѣвающіяся въ немъ посылки.

При этомъ выводѣ, очевидно, дѣлаются два предположенія. Именно, во-первыхъ, предполагается, что когда утвердительное сужденіе таково, что съ нимъ никто, ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться, то отрицательное сужденіе должно въ такомъ случаѣ непремѣнно лишиться именно того своего значенія, которое состоитъ въ утвержденіи ложности утвердительнаго сужденія. И, во-вторыхъ, предполагается

[1]) Sigwart. Logik. Ed. 3. B. 1. p. 156.

также, что если отрицательное сужденіе кажется пустымъ, или даже смѣшнымъ, когда согласіе съ утвердительнымъ сужденіемъ считается совершенно ни для кого невозможнымъ, то это значитъ, что оно не имѣетъ совершенно никакого значенія для сознанія. Только при этихъ предположеніяхъ изъ того факта, что отрицательное сужденіе кажется пустымъ и смѣшнымъ именно тогда, когда утвердительное сужденіе совершенно не можетъ ни въ комъ вызывать согласія, будетъ слѣдовать, что значеніе отрицательнаго сужденія единственно и можетъ состоять только въ устраненіи ложнаго утвердительнаго сужденія, такъ какъ съ лишеніемъ именно этого значенія оно оказывается не имѣющимъ ровно никакого значенія.

Но дозволительно спросить: почему же нужно считать несомнѣннымъ первое изъ этихъ предположеній, почему нужно думать, что когда утвердительное сужденіе таково, что никто, ни въ какомъ случаѣ согласиться съ нимъ не можетъ, то отрицательное сужденіе должно потерять свое значеніе сужденія, устраняющаго ложное утвердительное сужденіе. Предполагается это, очевидно, потому, что какъ скоро утвердительное сужденіе таково, что ни у кого ни въ какомъ случаѣ не можетъ вызвать согласія, то выводъ его ложности изъ отрицательнаго сужденія считается излишнимъ, а поэтому значеніе отрицательнаго сужденія въ качествѣ сужденія, устраняющаго ложное утвердительное, сводится къ нулю. Но вѣдь такая мысль была бы чистѣйшимъ недоразумѣніемъ. Это безспорный фактъ, что люди по условіямъ своей практической жизни нерѣдко вынуждены руководиться и фактически постоянно руководятся въ своихъ сужденіяхъ недостаточными критеріями, а иногда бываютъ и очень легковѣрны, и поэтому нерѣдко впадаютъ въ ошибки. А поэтому утверждать о томъ или другомъ ложномъ утвердительномъ положеніи, что оно таково, что ни для кого совершенно невозможно согласиться съ нимъ, конечно, можно только подъ предположеніемъ, что ложность его вполнѣ очевидна для всякаго достигшаго зрѣлости человѣческаго сознанія, т. е. что опытъ каждаго вполнѣ достаточенъ для того, что бы сдѣлать для каждаго вполнѣ очевидной эту ложность. Но выше мы разъясняли, что неизбѣжнымъ условіемъ сознанія ложности утвердительнаго сужденія можетъ служить только такъ или иначе установленное отрицательное сужденіе; и отсюда должно, конечно, слѣдовать, что когда дѣло идетъ объ утвердительномъ сужденіи, ложность котораго предполагается совершенно очевидной для всѣхъ, то основаніемъ этой очевидности можетъ считаться только очевидность для всѣхъ того знанія, которое

выражается въ прямо противорѣчащемъ этому утвердительному отрицательномъ сужденіи. И ни Кантъ, ни Зигвартъ не могутъ отрицать этого значенія отрицательныхъ сужденій для сознанія ложности сужденій утвердительныхъ, такъ какъ цѣнность отрицательныхъ сужденій, и даже единственную, сами они ставятъ именно въ устраненіи ложныхъ утвердительныхъ. Поэтому, когда они утверждаютъ, что отрицательное сужденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда ни для кого совершенно невозможно согласіе съ противорѣчащимъ ему утвердительнымъ сужденіемъ, должно считаться лишеннымъ своего значенія устранять подобныя ошибки, то становятся въ противорѣчіе съ собою, такъ какъ отрицаютъ это значеніе отрицательнаго сужденія при такомъ отношеніи человѣческаго сознанія къ опредѣленному утвердительному сужденію, которое существуетъ и можетъ продолжать существовать только подъ тѣмъ условіемъ, что существуетъ и продолжаетъ существовать это отрицателчное сужденіе и съ этимъ именно его значеніемъ.

Если же это такъ, то нужно признать явной ошибкой и указанное выше второе предположеніе Кантова вывода, т. е. ту мысль, что если отрицательное сужденіе кажется пустымъ и даже смѣшнымъ, когда согласіе съ утвердительнымъ сужденіемъ оказывается совершенно невозможнымъ, то это значитъ, что это отрицательное сужденіе не имѣетъ ровно никакого значенія для нашего сознанія. Если при этомъ именно условіи отрицательное сужденіе дѣйствительно кажется пустымъ и даже часто смѣшнымъ, то это, очевидно, должно означать что-то другое, а никакъ не то, что оно лишено всякаго значенія для познающаго сознанія, такъ какъ при этомъ именно условіи, какъ показано, оно несомнѣнно имѣетъ значеніе сужденія, устраняющаго ложное утвердительное сужденіе. Это впечатлѣніе отъ отрицательнаго сужденія, какъ сужденія пустого и смѣшного, дѣйствительно въ этомъ случаѣ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе.

Кантъ при своей аргументаціи случайно выраженной имъ, а потому недостаточно проанализированной мысли, очевидно, смѣшалъ значеніе сужденія для сознанія съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ въ томъ или другомъ случаѣ открытое высказываніе этого сужденія передъ другими лицами и при томъ высказываніе въ качествѣ изолированнаго сужденія, слѣдовательно, при такихъ условіяхъ, при которыхъ оно обыкновенно имѣетъ цѣлью исключительно ознакомленіе слушателей съ этимъ именно сужденіемъ. Рѣчь, обращенная къ другимъ, когда въ ней высказываются сужденія хорошо всѣмъ извѣстныя и высказываются при такихъ условіяхъ, при которыхъ цѣлію этого высказыванія

можетъ быть только ознакомленіе слушателей съ самыми этими хорошо извѣстными имъ сужденіями, совершенно естественно разсматривается какъ пустая и легко возбуждаетъ улыбку. А если при этомъ дѣло идетъ о такихъ положеніяхъ, которыя не только хорошо извѣстны всѣмъ слушателямъ, но по общимъ условіямъ человѣческаго опыта и не могутъ не считаться очевидными для всѣхъ, то и пустота рѣчи, исчерпывающейся высказываніемъ подобныхъ положеній, конечно, должна представляться еще очевиднѣе. Но эта оцѣнка рѣчи есть оцѣнка значенія самаго высказыванія этихъ предложеній передъ другими какъ совершенно безполезнаго для нихъ, а поэтому и безсмысленнаго, а никакъ не оцѣнка значенія высказанной мысли вообще въ функціяхъ познающей дѣятельности. Кантъ не взялъ во вниманіе, что подобная оцѣнка высказыванія всѣмъ очевидной мысли съ исключительною цѣлію ознакомленія слушателей съ этой самой мыслію никакъ не относится къ однимъ отрицательнымъ сужденіямъ. Конечно, Кантовъ школьный ораторъ привелъ бы своихъ слушателей въ неменьшее веселое настроеніе, если бы вздумалъ сообщить имъ, что Александръ Македонскій родился отъ матери или что онъ имѣлъ голову, туловище и конечности въ формѣ рукъ и ногъ. И хотя это впечатлѣніе отъ сообщеннаго утвердительнаго сужденія, конечно, совпало бы съ фактомъ, что ни для какого достигшаго зрѣлости человѣческаго сознанія не возможно впасть въ ошибку, признавъ прямо противорѣчащія этимъ утвердительнымъ сужденіямъ отрицательныя сужденія за истинныя, однако въ этомъ случаѣ изъ того, что эти сужденія въ данныхъ условіяхъ кажутся пустыми и смѣшными, нужно думать, никто не рѣшился бы сдѣлать выводъ, что эти сужденія не имѣютъ ровно никакого значенія вообще для познающаго сознанія. Кантъ не взялъ во вниманіе также и того, что даже и при самомъ внѣшнемъ выраженіи передъ другими и не только подобныхъ утвердительныхъ положеній, но и отрицательныхъ, какъ скоро они являются не въ той формѣ, въ которой рѣчь о нихъ получаетъ смыслъ сообщенія именно о нихъ лицамъ, хорошо о нихъ и безъ того знающимъ, а, напримѣръ, при передачѣ цѣльной системы опредѣленной науки, въ которой занимаютъ они опредѣленное мѣсто, получая освѣщеніе отъ другихъ истинъ и съ своей стороны способствуя освѣщенію другихъ положеній, указаніе на нихъ уже не производитъ такого впечатлѣнія. Какъ наука, объясняющая процессы рожденія людей, не обойдется безъ положеній, обнимающихъ въ себѣ и ту мысль, что у каждаго человѣка должна быть мать, слѣдовательно и

у Александра, или анатомія человѣческаго тѣла не обойдется безъ положеній, которыя включаютъ въ себѣ и самое вульгарное описаніе составныхъ частей человѣческаго тѣла, а, слѣдовательно, и тѣла Александра, такъ и естественныя науки не могутъ дать систематической классификаціи предметовъ природы, не отнесши камней къ предметамъ неодушевленнымъ, т. е. не выставивъ отрицательнаго положенія, которое само относится къ очевиднымъ для всѣхъ и въ то же время представляетъ обобщеніе между прочимъ и такихъ сужденій, что камни не поютъ и не сочиняютъ стиховъ, а психологія не можетъ не разъяснять положенія, что явленія и формы психической жизни не воспринимаются внѣшними чувствами,—положенія, которое обнимаетъ въ себѣ и такія положенія, что справедливость не имѣетъ голубого цвѣта, что она не пятиугольна и т. п.

Если же очевидная невозможность для кого бы то ни было согласиться съ утвердительнымъ сужденіемъ никакъ не означаетъ того, что противорѣчащее ему отрицательное сужденіе потеряло значеніе сужденія, устраняющаго ложное утвердительное сужденіе, и если поэтому кажущаяся при такихъ условіяхъ пустота отрицательнаго сужденія никакъ не означаетъ отсутствіе всякаго значенія этого сужденія въ процессахъ познающаго сознанія, то какъ же можно отсюда заключать, подобно Канту и Зигварту, что отрицательное сужденіе вообще можетъ имѣть значеніе исключительно только сужденія, устраняющаго ложное утвердительное сужденіе? Если, несмотря на кажущуюся пустоту отрицательнаго сужденія при указанномъ условіи, оно оказывается сохраняющимъ цѣнность именно въ качествѣ сужденія, устраняющаго ложное утвердительное сужденіе, то какимъ образомъ эта пустота будетъ свидѣтельствовать, что у него не можетъ существовать при этихъ условіяхъ также какого бы то ни было другого значенія? А если при этомъ еще оказывается, что эта кажущаяся пустота отрицательнаго сужденія представляетъ оцѣнку только открытаго выраженія этого сужденія передъ другими и вдобавокъ представляетъ даже эту оцѣнку лишь въ томъ случаѣ, когда высказываніе его передъ другими принимаетъ характеръ ознакомленія слушателей исключительно съ самымъ этимъ сужденіемъ, а никакъ не съ связями, въ которыхъ оно стоитъ съ другими сужденіями, то какимъ образомъ можно дѣлать изъ этой пустоты какіе бы то ни было выводы относительно возможнаго значенія отрицательныхъ сужденій въ процессахъ познающаго сознанія?

Еще менѣе убѣдительна для рѣшительнаго ограниченія значенія

отрицательныхъ сужденій устраненіемъ ложныхъ утвердительныхъ простая ссылка на особый характеръ отрицательныхъ сужденій.

Отрицательное сужденіе, хотя и не ставитъ въ предметѣ положительнаго содержанія, однако во всякомъ случаѣ несомнѣнно представляетъ нѣкоторое дополненіе къ представленію о томъ предметѣ, о которомъ въ немъ что-либо отрицается, такъ какъ оно, исключая изъ содержанія предмета нѣкоторый предикатъ, тѣмъ самымъ впервые опредѣляетъ для нашего сознанія отношеніе этого предмета къ этому предикату, предполагавшееся до установки этого предложенія неизвѣстнымъ сознанію. Вѣдь простое отсутствіе въ нашемъ сознаніи утвердительнаго сужденія, которое относило бы къ опредѣленному предмету опредѣленный предикатъ, само по себѣ, вслѣдствіе общей ограниченности нашего знанія, еще не предрѣшаетъ для развившагося сознанія отвѣта на вопросъ объ отношеніи этого предиката къ этому предмету. Такъ какъ фактически сознанію постоянно приходится дополнять знаніе о предметахъ, характеризованныхъ тѣми или другими признаками, приписывая имъ новые предикаты, то предметъ всегда представляется для развившагося сознанія носителемъ неопредѣленнаго количества предикатовъ, частію уже извѣстныхъ ему, а частію остающихся еще для него неизвѣстными. Что отрицательными сужденіями дается нѣкоторое дополненіе къ представленію о предметѣ, это не только слѣдуетъ изъ сейчасъ сказаннаго, но при Кантовомъ взглядѣ это должно слѣдовать уже изъ самаго этого взгляда, на сколько Кантомъ признается значеніе вообще отрицательныхъ сужденій для устраненія ложныхъ утвердительныхъ сужденій. Вѣдь если изъ одного отсутствія въ нашемъ знаніи утвердительнаго сужденія безъ какихъ-либо дополнительныхъ условій опытъ не дозволяетъ намъ выводить ложность этого утвердительнаго сужденія, то какимъ же образомъ эта ложность могла бы стать для насъ достовѣрною, какъ скоро установлено противорѣчащее этому утвердительному отрицательное сужденіе, если это послѣднее никакого дополненія къ представленію о предметѣ не дѣлаетъ? И если отрицательныя сужденія не ставятъ въ предметѣ положительнаго содержанія, а лишь (постоянное или временное) отсутствіе содержанія, то вѣдь обыкновенно они ставятъ это отсутствіе въ предметѣ, который самъ относится къ дѣйствительному бытію и опредѣленнымъ образомъ характеризованъ, и о которомъ сверхъ того могутъ быть составлены разнообразныя утвердительныя сужденія способныя стоять въ разнообразныхъ отношеніяхъ съ этимъ отсутствіемъ; и самое это отсутствіе не есть чистое отсутствіе или чистое небытіе,

а отсутствіе или небытіе опредѣленнаго содержанія, которому ничто не мѣшаетъ входить въ составъ разнообразныхъ утвердительныхъ сужденій. При такихъ условіяхъ какую же убѣдительноеть можетъ имѣть оставленная безъ всякихъ разъясненій ссылка на указанную общую черту отрицательныхъ сужденій, когда хотятъ доказывать такую смѣлую мысль, что то дополненіе знанія, та точная установка отношенія опредѣленнаго предиката къ опредѣленному субъекту, которыя нельзя получить иначе, какъ черезъ отрицательное сужденіе, ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ дополнительныхъ условіяхъ не можетъ оказаться пригодной не для чего болѣе, какъ только для устраненія ложныхъ утвердительныхъ сужденій?

Въ прямую противоположность этому мы, наоборотъ, должны утверждать, что при фактическихъ свойствахъ даннаго для нашего знанія міропорядка съ одной стороны и при ограниченныхъ средствахъ, которыми владѣетъ человѣкъ для его познанія съ другой, отрицательныя сужденія часто оказываются существенно важными дополнительными условіями для достиженія того знанія, которымъ мы владѣемъ. Для доказательства этого, конечно, нѣтъ нужды пытаться исчерпать всѣ случаи, гдѣ значеніе ихъ съ этой стороны оказывается пригоднымъ; для этого достаточно указать лишь на нѣсколько наиболѣе общихъ и наиболѣе важныхъ формъ, въ которыхъ выражается это значеніе.

Придавая предметамъ такія названія, каковы, напримѣръ, мѣдь, золото, собака, лошадь, ясень, дубъ и пр. под., т. е. такія названія, съ которыми соединяются не только не одинаковыя сочетанія представленій, но и сочетанія представленій о такихъ свойствахъ, которыми по нашему убѣжденію существенно отличаются другъ отъ друга различные отдѣлы бытія, мы соединяемъ, конечно, съ наименованіемъ предметовъ этими названіями мысль о принадлежности этихъ предметовъ къ особымъ существенно отличнымъ другъ отъ друга отдѣламъ бытія. Но утвердительныя сужденія по самому понятію о нихъ указываютъ лишь на принадлежность опредѣленному предмету или опредѣленной группѣ предметовъ того именно сочетанія предикатовъ, которое соединено съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ названій. А для того, чтобы соединять съ обозначеніемъ различныхъ такого рода группъ предметовъ различными названіями мысль о принадлежности этихъ группъ предметовъ каждой къ особому отдѣлу бытія, этого приписанія различнымъ группамъ предметовъ опредѣленнаго сочетанія предикатовъ еще не достаточно. Принадлежность опредѣленной группѣ

предметовъ опредѣленнаго сочетанія предикатовъ сама по себѣ и есть только принадлежность этихъ предикатовъ этому предмету и, выражая ее въ сужденіи, мы тѣмъ самымъ еще не выражаемъ никакой мысли объ отношеніи къ этому же предмету какого-нибудь другого сочетанія предикатовъ, обозначаемаго другимъ названіемъ. Поэтому для того, чтобы на каждую группу предметовъ, обозначенную особымъ указаннаго типа названіемъ, соединеннымъ съ особымъ опредѣленнымъ сочетаніемъ предикатовъ, смотрѣть какъ на относящуюся къ особому отдѣлу бытія, существенно отличному отъ отдѣловъ, къ которымъ относятся другія группы, обозначенныя другими того же типа названіями, нужно еще особое знаніе о несоединяемости этого сочетанія предикатовъ съ сочетаніями, соединяемыми съ другими названіями, въ одномъ и томъ же предметѣ,—знаніе, которое выражается въ отрицательныхъ сужденіяхъ [1]).

Возьмемъ же теперь во вниманіе, что научная классификація данныхъ въ опытѣ предметовъ состоитъ именно въ раздѣленіи всѣхъ предметовъ на извѣстные отдѣлы, этихъ отдѣловъ на меньшіе, входящіе въ нихъ отдѣлы и такъ далѣе, на основаніи такихъ существенныхъ особенностей ихъ природы, которыя стоятъ въ связи съ многими другими ихъ принадлежностями, частію уже извѣстными намъ, частію еще подлежащими изученію. И изъ всего сейчасъ сказаннаго

[1]) Такъ какъ опытъ индивидуума въ отношеніи къ многимъ предикатамъ предметовъ, постоянно встрѣчающимся въ нашемъ наблюденіи, достаточно твердо и точно устанавливаетъ тѣ условія нашего воспріятія ихъ, при которыхъ, въ случаѣ наличнаго существованія этихъ предикатовъ передъ нами, они не могутъ не быть воспринятыми нашимъ сознаніемъ и при которыхъ, поэтому, отсутствіе ихъ въ нашемъ воспріятіи оказывается столько же рѣшительнымъ и очевиднымъ для насъ свидѣтельствомъ отсутствія ихъ въ предметѣ, насколько рѣшительно и очевидно данность ихъ въ воспріятіи считается свидѣтельствомъ наличнаго ихъ существованія въ предметѣ, то взглядъ достигшаго зрѣлости индивидуума на характеристическія свойства одного отдѣла предметовъ, какъ на исключающія существованіе характеристическихъ свойствъ другихъ отдѣловъ, не представляетъ затрудненій для своего объясненія. Подобно тому какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одна какая-либо черта постоянно и безъ исключеній въ опытѣ оказывается соединенной въ опредѣленныхъ предметахъ съ извѣстною другою, отрицаніе сосуществованія этихъ чертъ въ этихъ предметахъ должно казаться сознанію очевидной безсмыслицей,—подобно этому и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ предметахъ, характеризующихся опредѣленными предикатами, постоянно и безъ исключенія отсутствуютъ черты, которыя для своего воспріятія требуютъ исключительно тѣхъ же самыхъ условій, при которыхъ воспринимаются эти характеризующіе ихъ предикаты, утвержденіе соединимости первыхъ предикатовъ съ послѣдними должно представляться сознанію явнымъ противорѣчіемъ всему опыту.

должно слѣдовать, что никакая такого рода классификація, которая, конечно, всегда предполагаетъ огромную массу положительныхъ свѣдѣній о разнообразныхъ группахъ предметовъ, невозможна безъ того знанія объ этихъ группахъ, которое выражается въ отрицательныхъ сужденіяхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ качествѣ особой характеристической черты природы отдѣла берется такая сторона, которая не только ярко возвышается и оказывается господствующей надъ другими сторонами этой природы, но въ то же время совсѣмъ не наблюдается въ природѣ другихъ предметовъ, наука не затрудняется даже прямо вводить въ характеристику этихъ послѣднихъ отрицательныя понятія, каковы, напримѣръ, отрицательныя понятія вещества неорганическаго, существа неодушевленнаго, животнаго безпозвоночнаго и проч. под. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда въ группахъ признаковъ, характеризующихъ виды того или другого отдѣла, явно выступаютъ исключительно положительные признаки, представляющіе въ разнообразіи своихъ сочетаній существенныя, не соединяющіяся одна съ другой модификаціи тѣхъ или другихъ сторонъ одинаковой у всѣхъ этихъ видовъ природы, не можетъ,—конечно, если классификація должна сохранить смыслъ именно классификаціи,—не подразумѣваться несовмѣстимость сочетаній признаковъ, характеризующихъ различные виды, другъ съ другомъ въ одномъ предметѣ; т. е. самымъ этимъ дѣленіемъ отдѣла на подъотдѣлы не можетъ не предполагаться такое знаніе, которое выражается въ отрицательныхъ сужденіяхъ. И такого рода классификаціей данныхъ въ опытѣ предметовъ достигается прежде всего то, что различающіеся фактическя по своей природѣ предметы ставятся и въ сознаніи въ качествѣ предметовъ, различныхъ по своей природѣ, т. е. сознается общая очень существенная черта даннаго въ нашемъ воспріятіи міропорядка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ достигается еще и то, что сознается и степень самого различія предметовъ другъ отъ друга, опредѣляемая тѣмъ, оказываются ли несоединенными другъ съ другомъ только специфическія черты, отличающія другъ отъ друга подъотдѣлы, или болѣе общія и родовыя, характеризующія большіе отдѣлы. Такимъ образомъ, черезъ общую классификацію достигается, что предметъ, опредѣленно характеризованный, получаетъ въ сознаніи точно опредѣленное соотвѣтствующее особенностямъ его природы мѣсто среди всѣхъ другихъ познаваемыхъ предметовъ.

И ошибочно было бы думать, что подобное классифицированіе данныхъ въ опытѣ преметовъ относится исключительно къ задачамъ въ собственномъ смыслѣ научнаго знанія. Въ наукѣ классификація

достигаетъ такого совершенства, при которомъ съ ней не могутъ идти въ сравненіе тѣ обособленія различныхъ видовъ предметовъ, которыя достигаются въ развившемся сознаніи подъ вліяніемъ опытовъ обыденной жизни. Въ наукѣ классификація несличимо полнѣе обнимаетъ виды предметовъ, несравненно глубже проникаетъ въ ихъ природу, точнѣе и отчетливѣе обрисовываетъ ихъ особенности и получаетъ наиболѣе стройную логическую форму. Но все это не даетъ права забывать, что классификація обычно встрѣчающихся въ опытѣ разнообразныхъ предметовъ, въ какомъ бы то ни было, хотя бы въ самомъ грубомъ видѣ, составляетъ неизбѣжную принадлежность всякаго достигшаго зрѣлости человѣческаго сознанія и усвояется каждымъ вмѣстѣ съ усвоеніемъ языка, съ усвоеніемъ значенія словъ, служащихъ въ общемъ употребленіи обозначеніями различныхъ отдѣловъ бытія. И это нисколько не удивительно, такъ какъ образованіе ея въ человѣческомъ сознаніи есть простой результатъ съ одной стороны несомнѣннаго, свидѣтельствуемаго всѣмъ нашимъ опытомъ, факта неодинаковости и различныхъ степеней отдаленности другъ отъ друга различныхъ группъ предметовъ по ихъ природѣ, съ другой стороны того огромнаго значенія, которое имѣетъ болѣе или менѣе отчетливое сознаніе этихъ различій особыхъ отдѣловъ бытія другъ отъ друга для нашихъ активныхъ проявленій, направленныхъ на удовлетвореніе нашихъ потребностей и имѣющихъ своими объектами разнообразные предметы, относящіеся къ этимъ различнымъ отдѣламъ.

Такъ какъ отрицательными предложеніями ставится въ предметахъ не чистое отсутствіе или несуществованіе, а несуществованіе опредѣленнаго положительнаго содержанія, которое можетъ характеризовать собою ту или другую группу предметовъ, то это положительное содержаніе, которое усвояется однимъ предметамъ и отрицается у другихъ, конечно, въ мѣру своего значенія для характеристики природы существъ, имъ обладающихъ, является для сознанія,—если употребить конкретный образъ, взятый изъ другой области,—какъ бы ярко очерченной границей, внутри которой лежатъ характеризуемые этимъ содержаніемъ предметы, а внѣ которой, хотя и внутри болѣе широкой границы [1]), должны быть поставлены предметы, у которыхъ отри-

[1]) Возможной самой широкой границей въ этомъ случаѣ не служитъ даже понятіе дѣйствительности, понимаемой хотя бы даже въ смыслѣ, обнимающемъ одинаково какъ вещи въ себѣ, такъ и явленія, такъ какъ объектами знанія служатъ и предметы, созданные воображеніемъ (см. мою статью „Разборъ мнѣнія Милля о постулатахъ геометр. знанія“, а также выше F. III). Самой широкой границей здѣсь можетъ слу-

цается это содержаніе и взаимныя границы которыхъ также очерчиваются отрицательными предложеніями, выражающими несоединяемость другъ съ другомъ ихъ характеристическихъ свойствъ. И поэтому кто рѣшился бы утверждать, что предполагаемое при отнесеніи различныхъ группъ предметовъ къ различнымъ классамъ, родамъ и видамъ существъ обособленіе этихъ классовъ, родовъ и видовъ существъ по ихъ природѣ, опирающееся на знаніе объ отсутствіи въ каждомъ изъ нихъ характеристическихъ признаковъ каждаго другого, не имѣетъ никакой положительной цѣнности для знанія, а устраняетъ только ложныя утвердительныя предложенія,—кто рѣшился бы утверждать это, тотъ, мнѣ кажется, утверждалъ бы нѣчто несравненно болѣе странное, чѣмъ тотъ, кто выступилъ бы съ утвержденіемъ, что точное географическое распредѣленіе народовъ и племенъ, которое даетъ географическая карта, не имѣетъ никакой положительной цѣнности, а устраняетъ только ошибочное представленіе о равномѣрномъ распредѣленіи всѣхъ этихъ народовъ и племенъ всюду.

Если при познаніи предметовъ, понимаемомъ въ смыслѣ познанія устойчивыхъ ихъ предикатовъ, значеніе знанія, выражаемаго въ отрицательныхъ предложеніяхъ, наиболѣе ярко выступаетъ въ отнесеніи ихъ къ особымъ отдѣламъ бытія, т. е. въ присвоеніи имъ такихъ характеристическихъ свойствъ, которыя завѣдомо для сознанія отличаютъ группу существующихъ предметовъ отъ цѣлаго ряда другихъ также существующихъ группъ, характеризующихся другими свойствами, то при познаніи состояній предметовъ то же, выражающееся въ отрицательныхъ предложеніяхъ, знаніе неразрывно соединено съ самой установкой предиката именно какъ состоянія предмета, т. е. какъ предиката, принадлежность котораго предмету ограничена временемъ. Оно неразрывно соединено здѣсь съ самой этой установкой по той же общей причинѣ, по которой оно входитъ въ отнесеніе предмета къ особому отдѣлу бытія, характеризованному чертами, которыя предполагаются отличающими его отъ отдѣловъ, характеризованныхъ другими чертами, именно по той причинѣ, что наше знаніе никогда не предполагается сполна исчерпывающимъ все содержаніе предмета и потому отсутствіе въ нашемъ знаніи утвердительнаго предложенія, приписывающаго опредѣленному предмету опредѣленный предикатъ,

---

жить только дѣйствительность, понимаемая въ смыслѣ какой бы то ни было постановки предмета, независимой даже не отъ сознанія, а лишь непосредственно отъ того акта, въ которомъ теперь устанавливается эта именно дѣйствительность опредѣленнаго предмета или факта.

само по себѣ безъ такихъ дополнительныхъ условій, которыя побуждали бы сознаніе видѣть въ этомъ отсутствіи утвердительнаго предложенія результатъ отсутствія въ предметѣ предиката, приписываемаго въ немъ предмету, т. е. при которыхъ это отсутствіе уравнивалось бы для сознанія отрицательному предложенію, никакъ не исключаетъ для насъ еще существованія этого предиката у этого предмета. Вслѣдствіе этой причины при наличности у предмета въ данное время опредѣленнаго предиката одно отсутствіе въ сознаніи утвердительныхъ предложеній, которыя относили бы тотъ же предикатъ къ тому же предмету и въ предшествующее и въ послѣдующее время, еще недостаточно для характеристики этого предиката именно, какъ состоянія предмета, т. е. какъ временнаго его предиката. И если въ отношеніи къ многимъ предикатамъ фактически для насъ не оказывается нужды особо констатировать отсутствіе ихъ въ предметѣ въ другое время для того, чтобы ставить ихъ какъ состояніе предмета, а не какъ постоянно принадлежащее ему свойство, подобно тому, какъ мы не нуждаемся въ особомъ констатированіи отсутствія въ предметѣ характеристическихъ свойствъ другихъ отдѣловъ бытія для того, чтобы, констатируя наличность у него характеристическихъ свойствъ опредѣленнаго отдѣла, смотрѣть на него какъ на относящійся къ этому отдѣлу именно какъ особому отъ другихъ отдѣловъ, то вѣдь причина этого единственно можетъ состоять только въ томъ, что предшествующій опытъ въ состояніи былъ установить тѣсную связь между содержаніемъ предиката съ одной стороны и какимъ-либо его особымъ значеніемъ съ другой, напримѣръ, значеніемъ его именно, какъ временнаго предиката или значеніемъ его какъ предиката, исключающаго существованіе характеристическихъ предикатовъ другихъ отдѣловъ бытія. А это значитъ, что отсутствіе нужды при каждомъ частномъ случаѣ въ непосредственной установкѣ необходимыхъ дополнительныхъ отрицательныхъ предложеній предполагаетъ уже ранѣе зарегистрированное въ субъектѣ знаніе, установленное на основаніи огромной массы прошедшихъ черезъ сознаніе соотвѣтствующихъ этому знанію фактовъ. При какихъ бы условіяхъ ни совершалось въ сознаніи вообще различеніе между предикатами такихъ, которые составляютъ постоянныя свойства предмета, отъ такихъ, которые представляютъ лишь временныя его состоянія, во всякомъ случаѣ, какъ скоро достигнуто это различеніе, каждое фактическое сознательное примѣненіе того или другого изъ этихъ видовыхъ понятій къ опредѣленному непосредственному данному содержанію непременно должно предполагать не

только увѣренность сознанія въ принадлежности этого непосредственно даннаго содержанія опредѣленному предмету, но и увѣренность его въ томъ, что это содержаніе точно подходитъ подъ это видовое понятіе, т. е. есть именно поставленное свойство предмета или есть именно временный фактъ; и если сознаніе смотритъ на него какъ на временный фактъ, то это значитъ, что въ самое его представленіе объ этомъ предикатѣ входитъ черта, которая можетъ быть выражена только отрицательнымъ предложеніемъ. Вѣдь если дѣло идетъ объ установкѣ въ предметѣ чего-то такого, что по самому понятію своему ранѣе не существовало или позднѣе не будетъ существовать въ немъ, то какъ же сознаніе можетъ констатировать существованіе этого нѣчто въ предметѣ, если не предполагается имъ за несомнѣнное, хотя теперь непосредственно на фактѣ и не констатируется, его несуществованіе въ предметѣ въ иное время. И смыслъ предложенія, въ которомъ предикатъ разсматривается самымъ сознаніемъ, какъ временное состояніе предмета, нисколько съ этой стороны не измѣнится, если мы предположимъ, что сознаніе смотритъ на это состояніе не какъ на просто возникшее, а какъ на замѣнившее собою нѣкоторое другое предшествующее состояніе, такъ что входящій въ понятіе состоянія и ограничивающій его со стороны его существованія моментъ самъ является положительнымъ содержаніемъ, признаніе котораго можетъ быть выражено въ утвердительномъ предложеніи. Сознаніе замѣны одного состоянія другимъ предполагаетъ не только качественное различеніе одного состоянія отъ другого, новаго отъ предшествующаго, но и сознаніе того, что одно наступило, возникло, а другое перестало существовать, а это сознаніе выражается въ соединеніи отрицательныхъ предложеній съ утвердительными; замѣна одного состоянія другимъ, насколько съ этимъ терминомъ не соединяется представленіе о специфическихъ особенностяхъ тѣхъ или другихъ частныхъ случаевъ, обозначаемыхъ имъ, есть сокращенное выраженіе для обозначенія процесса, въ которомъ съ фактомъ исчезновенія одного состоянія въ предметѣ соединяется фактъ возникновенія въ немъ другого состоянія, а въ понятіи какъ исчезновенія такъ и возникновенія наряду съ положительнымъ содержаніемъ, конечно, несомнѣнно входитъ элементъ, устанавливаемый только въ отрицательномъ предложеніи.

Такъ какъ къ характеристическимъ чертамъ нашего міра, разсматриваемаго въ его цѣломъ, относится не только разнообразіе по природѣ группъ предметовъ, его составляющихъ, но и постоянная измѣнчивость состояній всѣхъ этихъ предметовъ и такъ какъ съ дру-

гой стороны, какъ мы сейчасъ видѣли, примѣненіе къ предикатамъ понятія состоянія какъ преходящаго, только временнаго предиката предмета, точно такъ же предполагаетъ выражаемое только отрицательными предложеніями знаніе о несуществованіи того же предиката въ другое время, какъ отнесеніе предмета къ особому отдѣлу бытія, характеризующемуся опредѣленными чертами, предполагаетъ знаніе о несуществованіи въ немъ чертъ, характеризующихъ другіе особые отъ него отдѣлы бытія, то знаніе, выражающееся въ отрицательныхъ предложеніяхъ, представляетъ, при фактической ограниченности человѣческой познавательной способности, такое же необходимое условіе для опознанія міра, какъ состоящаго изъ предметовъ, постоянно измѣняющихся, какимъ оно служитъ для опознанія того же міра, какъ состоящаго изъ группъ предметовъ, разнообразныхъ по своей природѣ. И какъ въ послѣднемъ отношеніи только подъ этимъ условіемъ оказываются возможными постановка и рѣшеніе задачъ, вызываемыхъ особенностями фактическаго разнообразія предметовъ міра, именно задачъ распредѣленія предметовъ міра на опредѣленные отдѣлы и такого изученія и распредѣленія самыхъ отдѣловъ, какое давало бы возможность охватывать сознаніемъ сравнительную близость или отдаленность по природѣ самыхъ отдѣловъ а съ ними и предметовъ, въ нихъ входящихъ, такъ и въ отношеніи къ міру, какъ состоящему изъ предметовъ, постоянно переживающихъ измѣнчивыя состоянія, только подъ условіемъ знанія, выражающагося въ отрицательныхъ предложеніяхъ, конечно, оказываются возможными постановка и рѣшеніе задачъ, вызываемыхъ фактическимъ порядкомъ теченія событій въ мірѣ, т. е. задачъ точнаго распредѣленія событій во времени и изученія законосообразныхъ связей въ ихъ теченіи. И если мы примемъ при этомъ во вниманіе, что самыя свойства предметовъ, противопоставлявшіяся нами здѣсь измѣнчивымъ предикатамъ предметовъ, ихъ состояніямъ въ качествѣ постоянныхъ ихъ предикатовъ, могутъ быть названы постоянными только въ относительномъ смыслѣ, именно насколько предметъ остается относящимся къ опредѣленному отдѣлу бытія, то увидимъ, что при фактической неустойчивости природы единичныхъ предметовъ, понятіе смѣны, а съ нимъ и задачи, постановка и рѣшеніе которыхъ не возможны безъ входящаго въ эти понятія знанія, выражающагося въ отрицательныхъ предложеніяхъ, должны переходить далеко за тѣ предѣлы, въ которыхъ они разсматривались здѣсь, т. е. за предѣлы понятія о смѣнѣ исключительно какъ смѣнѣ состояній въ предметахъ, и должны распростра-

няться и на относительно устойчивое въ тѣхъ же предметахъ бытіе, хотя въ немъ, именно какъ въ устойчивомъ, и оказывалась уже своя существенно важная сторона, стоящая также въ зависимости отъ того же выражаемаго въ отрицательныхъ предложеніяхъ знанія.

Въ виду всего этого, утвержденіе, что отрицательныя сужденія служатъ исключительно устраненію ложныхъ утвердительныхъ сужденій, и въ примѣненіи къ установкѣ ограниченныхъ временемъ предикатовъ предметовъ и вообще къ познанію смѣны въ бытіи ведетъ къ не менѣе страннымъ выводамъ, чѣмъ въ примѣненіи къ познанію міра въ его разнообразіи. Именно, въ примѣненіи къ познанію міра со стороны измѣненій, происходящихъ постоянно во всѣхъ его частяхъ, это утвержденіе равнялось бы болѣе чѣмъ странному утвержденію, что всякое констатированіе фактовъ смѣны, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякое точное распредѣленіе состояній предметовъ и вообще явленій во времени и разъясненіе условій ихъ происхожденія и всѣхъ законовъ бываніе служитъ только устраненію ошибочнаго смѣшенія въ фактически данномъ измѣнчиваго съ постояннымъ и лишено всякаго положительнаго значенія для знанія.

Если Кантъ ограничивалъ цѣнность отрицательныхъ сужденій исключительно устраненіемъ ложныхъ утвердительныхъ, то причина этого, можно думать, заключалась въ томъ, что онъ совсѣмъ не смотрѣлъ ни на сужденія, классифицирующія предметы, ни на сужденія, устанавливающія событія, какъ на такіе познавательные акты, которые включаютъ въ себѣ знаніе, способное быть точно выраженнымъ только въ отрицательныхъ предложеніяхъ, и были бы совершенно невозможны безъ этого добавочнаго подразумѣвающагося въ нихъ знанія. Такому просмотру здѣсь могло благопріятствовать то обстоятельство, что заключающееся въ этихъ актахъ знаніе, способное быть точно выраженнымъ только въ отрицательныхъ предложеніяхъ, входитъ здѣсь вмѣстѣ съ утвердительнымъ сужденіемъ въ одно сложное понятіе. И такъ какъ образующееся изъ этого соединенія сложное понятіе оказывается имѣющимъ необыкновенно широкое примѣненіе въ нашемъ познаніи вслѣдствіе соотвѣтствія своего одной изъ самыхъ общихъ характеристическихъ чертъ фактически даннаго намъ міропорядка и поэтому вызываетъ свои особыя задачи, имѣющія самое существенное значеніе какъ для чисто теоретической, такъ и для практической жизни сознанія, то въ этомъ сложномъ понятіи отрицательный моментъ тѣсно сливается въ единство съ болѣе ярко выступающимъ положительнымъ и чрезъ то прикрывается для сознанія, такъ что понятіе въ его

цѣломъ содержаніи получаетъ даже и въ словесномъ выраженіи видъ особой модификаціи момента положительнаго. Такъ тамъ, гдѣ наше сужденіе должно утверждать такое существованіе чего-нибудь, которое предполагаетъ предшествующее его несуществованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ и наше знаніе объ этомъ предшествующемъ его несуществованіи, мы говоримъ о существованіи этого нѣчто какъ о существованіи событія. Точно также тамъ, гдѣ наше сужденіе должно утверждать существованіе въ предметѣ такого сочетанія предикатовъ, которое въ нашемъ сознаніи, вслѣдствіе зарегистрованности въ немъ всего прошлаго опыта, получило значеніе такого сочетанія, которое отличаетъ опредѣленную группу существующихъ въ нашемъ мірѣ предметовъ отъ безчисленныхъ также существующихъ группъ, характеризующихся другими сочетаніями предикатовъ, и которое поэтому въ силу той же зарегистрованности имѣетъ для нашего сознанія значеніе сочетанія, не соединяемаго съ послѣдними,—тамъ мы говоримъ о принадлежности предмета къ особому (въ смыслѣ естественно-научной классификаціи предметовъ) отдѣлу существующихъ предметовъ.

Однако, если даже имѣть въ виду исключительно тѣ случаи вліянія отрицательныхъ сужденій на знаніе, гдѣ это вліяніе выражается въ широкомъ и существенномъ значеніи ихъ для расширенія знанія, то не трудно видѣть, что и такое значеніе ихъ никакъ не исчерпывается тѣми фактами, когда отрицательныя сужденія образуютъ съ утвердительными такое понятіе, которое способно обнимать огромное количество частныхъ случаевъ въ фактически данномъ міровомъ порядкѣ, представляетъ собою особую модификацію бытія и становится какъ бы особымъ частнымъ центромъ, около котораго группируются для знанія новыя существенныя задачи. Если здѣсь отрицательныя сужденія тѣсно сливаются во внѣшнемъ даже выраженіи съ утвердительными въ одно цѣлое, вслѣдствіе чего сознаніе легко можетъ не замѣчать первыя при недостаточно внимательномъ анализѣ, то наше знаніе представляетъ много и такихъ примѣровъ, гдѣ отрицательныя сужденія, оставаясь вполнѣ обособленными отъ утвердительныхъ, дѣлаются вмѣстѣ съ ними необходимыми посылками при установленіи новыхъ истинъ. И случаи такого рода настолько нерѣдки, что логика издавна имѣла особую формулу для доказательствъ дительныхъ сужденій при необходимомъ посредствѣ сужденій отрица-утвертельныхъ подъ названіемъ дисъюнктивнаго умозаключенія, которое въ логическомъ его истолкованіи характеризуется тѣмъ, что рѣшеніе вопроса сводится къ раздѣлительному сужденію и затѣмъ черезъ доказательство неприложимости къ предмету этого сужденія всѣхъ поста-

новленныхъ въ дисъюнкцію предикатовъ кромѣ одного, т. е. черезъ соединеніе съ утвердительнымъ раздѣлительнымъ сужденіемъ сужденій отрицательныхъ, выводится необходимость приписать ему тотъ предикатъ, который одинъ только не вошелъ въ эти отрицательныя сужденія. И этотъ способъ доказательства утвердительныхъ сужденій вовсе не такъ случаенъ и малозначителенъ, какъ это можетъ показаться по тому мѣсту, которое обычныя логическія системы даютъ раздѣлительному силлогизму [1]). Таковъ по существу процессъ въ такъ называемыхъ апагогическихъ доказательствахъ геометріи. Таковъ же онъ и въ нѣкоторыхъ, имѣющихъ широкое примѣненіе въ точной наукѣ, доказательствахъ причинной связи явленій. Такъ при доказательствѣ причинной связи явленій по такъ называемому методу сопутствующихъ измѣненій предполагается отрицательное сужденіе, которымъ устанавливается, что при измѣненіяхъ въ изслѣдуемомъ явленіи нѣтъ соотвѣтствующихъ измѣненій во всѣхъ предшествующихъ ему явленіяхъ, кромѣ измѣненій въ какомъ-либо одномъ изъ нихъ, которое вслѣдствіе этого и признается или причиной или частію причины изслѣдуемаго явленія. То же нужно сказать о доказательствѣ причинной связи по имѣющему самое широкое примѣненіе въ наукѣ такъ называемому методу различія при обычныхъ условіяхъ пользованія имъ въ научной экспериментаціи, такъ какъ при такихъ условіяхъ вся сущность доказательства здѣсь сводится къ сличенію фактическаго отсутствія извѣстнаго явленія при извѣстныхъ точно опредѣленныхъ условіяхъ съ возникновеніемъ этого явленія при произвольномъ введеніи въ эти условія новаго опредѣленнаго агента. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ уже никакъ не прикровенно, а вполнѣ явно то дополненіе представленія о предметѣ, которое дается отрицательнымъ сужденіемъ, является въ качествѣ условія, оказывающагося необходимымъ для установки многихъ и существенно важныхъ для знанія положительныхъ истинъ, такъ какъ вполнѣ очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, если бы вмѣсто соотвѣтствующаго цѣли отрицательнаго сужденія въ сознаніи оказалось бы простое отсутствіе какого бы то ни было сужденія, опредѣляющаго отношеніе предмета этого сужденія къ тому предикату, принадлежность котораго этому предмету отрицается въ этомъ отрицательномъ сужденіи, то выводъ новой

[1]) Болѣе точная логическая характеристика этого вывода съ указаніемъ на случаи, гдѣ наиболѣе обычно примѣняется онъ, см. въ моей „Классификаціи выводовъ“ стр. 153—192.

истины оказался бы при фактическомъ состояніи знанія совершенно невозможнымъ.

Въ виду этого, если предположить, что хотя бы только эти случаи не ускользнули отъ вниманія Канта, то пришлось бы причину, по которой онъ, несмотря на это, счелъ возможнымъ высказать разбираемый нами взглядъ на значеніе отрицательныхъ сужденій, искать въ томъ, что онъ считалъ отрицательныя посылки, необходимыя для всѣхъ указаннаго рода выводовъ, не вообще отрицательными сужденіями, а именно сужденіями, къ которыхъ утверждается ложность утвердительныхъ сужденій, и, слѣдовательно, то значеніе ихъ для расширенія знанія, которое они оказываются имѣющими при этихъ выводахъ, относилъ исключительно къ утвержденіямъ ложности утвердительныхъ сужденій. Но пусть всѣ эти отрицательныя посылки именно такъ и должны быть необходимо растолкованы, и все же дозволительно будетъ спросить: имѣлъ ли въ такомъ случаѣ Кантъ право объ остальныхъ отрицательныхъ сужденіяхъ съ такою рѣшительностью утверждать, что они имѣютъ единственно задачей устранять заблужденіе, когда, какъ это было выше показано, они служатъ необходимыми посылками для доказательства самыхъ этихъ утвержденій ложности утвердительныхъ сужденій, которыя должны будутъ въ такомъ случаѣ считаться непосредственными посылками при методахъ исключенія, и когда такимъ образомъ эти остальныя отрицательныя сужденія только изъ непосредственныхъ перейдутъ въ посредственныя, но также безусловно необходимыя посылки для установки утвердительныхъ сужденій? Не будетъ ли тогда рѣшительное ограниченіе значенія всѣхъ остальныхъ отрицательныхъ сужденій устраненіемъ ложныхъ сужденій чѣмъ-то въ родѣ намѣреннаго затемненія ихъ дѣйствительнаго широкаго значенія? Но нужно спросить далѣе: есть ли какая-нибудь нужда въ дисъюнктивныхъ выводахъ для ихъ логической состоятельности не ограничиваться отрицательными сужденіями о подлежащемъ выводнаго сужденія, а вставлять въ качествѣ посредствующаго звена выводимое изъ этого сужденія утвержденіе ложности утвердительнаго сужденія или замѣнять первое послѣднимъ? Развѣ при существованіи сужденія „событіе A могло имѣть свою причину только въ грушѣ событій B, C, D, E“ не достаточно увѣренности, что событія C, D, E не заключаютъ въ себѣ сполна причину событій A, для того, чтобы отсюда слѣдовало, что причина событія A или сполна, или хотя бы частью должна лежать въ событіи B? Развѣ для этого вывода есть хотя бы какая-нибудь нужда въ добавочномъ утвержденіи ложности фактически существовавшаго или вслѣдствіи какихъ-либо

причинъ предполагаемаго сужденія, въ которомъ утверждалось бы, что вся причина событія A заключается сполна въ событіяхъ C, D, E? Я полагаю, что этого утверждать никто не рѣшился бы. Ясное по своей сущности дѣло здѣсь можетъ запутываться только благодаря тому, что на мѣсто логической необходимости несознательно и ошибочно можетъ подставляться необходимость психологическая, притомъ еще мнимая, но мысль о которой все же имѣетъ поводъ образоваться. Корней этого недоразумѣнія нужно искать глубоко.

Отрицательныя сужденія именно въ качествѣ отрицательныхъ, констатирующихъ отсутстіе чего-либо въ фактической дѣйствительности, лишены, въ противоположность сужденіямъ утвердительнымъ, возможности вызываться въ сознаніи непосредственно и исключительно той самой дѣйствительностію, о которой они говорятъ, и требуютъ для своего образованія дополнительныхъ условій, такъ какъ отсутствіе опредѣленнаго содержанія въ отличіе отъ существующаго содержанія не есть нѣчто, способное само активно производить впечатлѣніе на чистую воспріемлимость. И если тѣмъ не менѣе констатированіе отсутствія можетъ совершаться на основаніи воспріятія, то это все же предполагаетъ болѣе сложный процессъ, предполагаетъ дополнительныя условія къ чистой воспріемлемости. Прежде всего, сужденіе объ отсутствіи опредѣленнаго факта предполагаетъ представленіе о самомъ этомъ фактѣ, которое можетъ быть заимствовано только изъ запаса прежней познавательной жизни, такъ какъ въ самомъ томъ воспріятіи, содержаніе котораго формулируются въ отрицательномъ сужденіи, оно предполагается не даннымъ. Но этого не достаточно. Такъ какъ запасъ опредѣленныхъ представленій у сознанія, достигшаго зрѣлости, всегда достаточно великъ и разнообразенъ, то должна существовать какая-либо особая потребность сличить фактически предстоящую дѣйствительность съ опредѣленнымъ представленіемъ, если въ сужденіи должно получиться опредѣленіе отрицательнаго отношенія предмета къ опредѣленному предикату. И вотъ на первый взглядъ представляется привлекательной мысль, что единственный естественный поводъ, и даже не при воспріятіи только, а вообще, остановить вниманіе на отсутствіи у опредѣленнаго предмета опредѣленнаго предиката можетъ заключаться только въ той пертурбаціи въ познавательной области, которую должна производить встрѣча воспріятія съ такъ или иначе образовавшейся прямо противорѣчащей ему ассоціаціей (все равно, выражается ли въ ней свое или чужое мнѣніе о фактѣ, который воспринимается) [1]. Однако

[1]) Сличи приведенныя нами выше слова Зигварта.

этотъ взглядъ есть результатъ довольно сложной спутанности представленій.

Нѣтъ, конечно, никакой нужны оспаривать, что сознаніе никакъ не лишено возможности воспользоваться для какихъ угодно цѣлей и такими отрицательными сужденіями, которыя впервые были имъ установлены въ интересахъ разрѣшенія конфликта, возникшаго изъ столкновенія поспѣшно принятаго утвердительнаго сужденія съ твердо констатированною сознаніемъ, противорѣчащею этому сужденію, дѣйствительностью. Но почему же установленное по этому поводу отрицательное сужденіе должно лишиться принадлежащаго ему значенія въ совершенно новомъ дисъюнктивномъ выводѣ, для котораго оно служитъ необходимой посылкой, и передать это значеніе изъ него же выведенному при его первоначальной установкѣ сужденію, хотя такая подстановка совсѣмъ не нужна для логической состоятельности этого новаго вывода? Никакая логика, конечно, не можетъ оправдать такой логической несообразности. Съ другой стороны, существуетъ ли даже и эта предполагаемая психологическая необходимость, вслѣдствіе которой каждое отрицательное сужденіе должно бы было устанавливаться непремѣнно изъ указаннаго конфликта между попыткой кого-либо принять утвердительное сужденіе и обнаружившеюся, противорѣчащею этой попыткѣ, дѣйствительностью? Пусть даже будутъ исключительно таковы эти поводы въ болѣе непосредственной, руководящейся ближайшими практическими интересами, жизни сознанія. Но постепенно прогрессирующее развитіе познавательной способности во всякомъ случаѣ должно не только вести къ усложненію тѣхъ условій, при которыхъ въ болѣе непосредственномъ сознаніи возникаютъ тѣ или другія сужденія, но и вызывать потребность и наклонность руководиться даже такими поводами къ ихъ образованію, которыхъ совсѣмъ не знаетъ болѣе непосредственное сознаніе. Хотя бы подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе развивающейся предусмотрительности въ отношеніи къ возможнымъ потребностямъ будущаго, сознаніе постепенно должно дѣлаться болѣе и болѣе способнымъ возбуждаться болѣе общими интересами знанія. Самое уясненіе возможности пользоваться отрицательными сужденіями въ процессѣ установки имѣющихъ значеніе въ жизни сознанія утвердительныхъ сужденій должно побуждать и фактически побуждаетъ сознаніе уже исключительно въ интересахъ этой установки и не только даже искать въ воспріятіяхъ случая констатировать отрицательные факты, нужные ему для этой цѣли, но и самостоятельно устроять такой порядокъ явленій, при которомъ открылась бы возможность

констатировать такіе факты. И развѣ наблюденія и эксперименты спеціалистовъ не представляютъ постоянно примѣры такой установки отрицательныхъ сужденій, которая своимъ исходнымъ пунктомъ имѣла такія именно цѣли? И если бы даже въ этихъ случаяхъ было необходимо непремѣнно предполагать предварительный наклонъ сознанія къ опредѣленному рѣшенію вопроса и смотрѣть на выносимое изъ сдѣланнаго наблюденія или опыта убѣжденіе въ существованіи или несуществованіи опредѣленнаго факта какъ на разрушеніе или подтвержденіе предварительно образовавшагося мнѣнія о немъ, то не естественнѣе ли было бы даже толковать въ этихъ случаяхъ это предварительное мнѣніе въ смыслѣ отрицательнаго, а не утвердительнаго сужденія въ виду того, что руководящая наблюдателемъ или экспериментаторомъ цѣль опыта или эксперимента достигалсаь бы только при твердой установкѣ именно отрицательнаго сужденія? Но какая необходимость при каждомъ такомъ случаѣ непремѣнно предполагать у наблюдателя или экспериментатора не интересъ только, но и особый наклонъ вѣры къ опредѣленному рѣшенію вопроса, вызвавшаго наблюденіе или экспериментъ? Отчего наблюдатель или экспериментаторъ не могъ бы въ иныхъ случаяхъ bona fide утверждать, что онъ не сознаетъ наклона вѣры ни въ ту, ни въ другую сторону? И признаніе необходимости этого наклона, а тѣмъ болѣе признаніе необходимости наклона непремѣнно на сторону утвердительнаго сужденія не есть ли результатъ простого смѣшенія необходимости для постановки въ сознаніи вопроса о существованіи опредѣленнаго факта имѣть положительное представленіе объ этомъ фактѣ съ необходимостію имѣть наклонъ вѣры въ утвердительное рѣшеніе этого вопроса? Наконецъ, вѣрна ли даже та мысль, безъ которой не могъ бы быть даже и поставленъ самый вопросъ хотя бы только о психологической необходимости впервые возникать всякому отрицательному сужденію только въ интересахъ устраненія ложнаго утвердительнаго сужденія,—именно та мысль, что единственно такъ можетъ возникать отрицательное сужденіе въ наиболѣе непосредственной жизни сознанія? Думать такъ, мнѣ кажется, значитъ забывать, что въ этой наиболѣе непосредственной, руководимой ближайшими интересами, жизни сознанія, кромѣ пертурбацій, которыя происходятъ отъ конфликта между поспѣшно принятыми мнѣніями и констатируемою дѣйствительностію, могутъ существовать и постоянно происходятъ не менѣе важныя пертурбаціи между чувствованіями, выражающими всякаго рода какъ случайныя и незначительныя, такъ и постоянныя и

существенныя потребности, съ одной стороны, и также констатируемою дѣйствительностію съ другой, и что эти послѣднія пертурбаціи совершенно независимо отъ существованія какихъ бы то ни было предвзятыхъ ошибочныхъ мнѣній или даже предположеній могутъ служить и фактически дѣйствительно служатъ достаточнымъ дополнительнымъ условіемъ къ чистой воспріемлемости для констатированія отсутствія предметовъ и фактовъ. Желаніе, ассоціативно связанное съ представленіемъ о какомъ либо предметѣ или фактѣ во внѣшней дѣйствительности, способномъ удовлетворять той или другой потребности, можетъ возникать по какому то ни было поводу при такихъ условіяхъ, когда наличныя фактическія воспріятія въ связи со всею совокупностію зарегистрованнаго въ душѣ прежняго опыта не даютъ никакого мѣста для предположенія объ его наличной данности. Но, возникнувъ, оно не можетъ не служить и фактически постоянно служитъ тѣмъ достаточнымъ дополнительнымъ къ чистой воспріемлемости условіемъ къ сознательному констатированію этого отсутствія просто потому, что возбуждаетъ мысль объ отношеніи фактической дѣйствительности къ требованію, заявляющему себя въ возникшемъ желаніи. Такимъ образомъ ничто не препятствуетъ, чтобы это констатированіе являлось просто въ качествѣ подставляемаго познавательнымъ процессомъ разъясненія того состоянія неудовлетворенности, которое испытываетъ субъектъ. И мысль объ этомъ отсутствіи, конечно, должна выступать тѣмъ съ большею рельефностію, чѣмъ острѣе самое чувство неудовлетворенности, испытываемое субъектомъ, и чѣмъ настоятельнѣе поэтому усилія сознанія освободиться отъ напряженнаго состоянія, такъ какъ опредѣленное желаніе, конечно, можетъ стать мотивомъ сознательной цѣлесообразной дѣятельности лишь настолько, насколько субъектъ сознаетъ это отсутствіе какъ условіе своего напряженнаго состоянія; только въ этомъ случаѣ его активныя проявленія могутъ сознательно быть направлены на вызовъ недостающаго явленія или на его конпенсацію другимъ явленіемъ при дополнительномъ, конечно, условіи, что по прежнимъ опытамъ ему извѣстны средства для достиженія этой цѣли.

Послѣдній указанный фактъ вліянія отрицательныхъ сужденій для направленія активныхъ проявленій имѣетъ самъ по себѣ еще и то значеніе, что онъ указываетъ еще на особую цѣнность отрицательныхъ сужденій для жизни сознанія, независимую отъ значенія ихъ для устраненія ложныхъ утвердительныхъ сужденій. Мы хорошо знаемъ, что постепено пріобрѣтаемый жизненный опытъ не только устанавли-

ваетъ для множества разнообразныхъ случаевъ убѣжденіе въ благопріятномъ вліяніи самыхъ разнообразныхъ явленій на удовлетвореніе самыхъ разнообразныхъ нашихъ потребностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и научаетъ даже предупреждать заранѣе предусматриваемое отсутствіе тѣхъ или другихъ имѣющихъ значеніе для нашего благосостоянія явленій. И всѣ эти случаи предупрежденія возможнаго нарушенія въ ближайшемъ или болѣе отдаленномъ будущемъ нашего благосостоянія, очевидно, предполагаютъ, что активныя проявленія, въ которыхъ выражается эта предупреждающая дѣятельность, насколько они сознательно цѣлесообразны, своимъ исходнымъ пунктомъ имѣетъ отрицательныя сужденія, какъ представляющія собою мотивы самой этой дѣятельности. Владѣлецъ огорода или сада не можетъ не видѣть въ намѣренно-наблюдаемомъ и констатируемомъ имъ отсутствіи въ жаркіе лѣтніе дни дождя побужденія къ поливкѣ своего сада или огорода; хозяйка въ наблюдаемомъ ею оскудѣніи тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ запасовъ не можетъ не видѣть побужденія къ дѣйствіямъ, обезпечивающимъ ихъ пополненіе; всякій, намѣревающійся приступить къ какому-либо дѣлу, предусмотрительно пополняетъ изъ вещей нужныхъ для его выполненія тѣ, которыхъ у него нѣтъ. Понятно, что при широкомъ разнообразіи всякаго рода возникающихъ въ насъ потребностей, при обширномъ кругѣ предметовъ и фактовъ, съ которыми сознанію приходится имѣть дѣло при ихъ удовлетвореніи, и при значительномъ развитіи предусмотрительности—не могутъ не быть многочисленны и разнообразны, какъ активныя проявленія, въ которыхъ выражается эта предусмотрительность, такъ и отрицательныя сужденія, составляющія исходный пунктъ этой предусмотрительности. И подобно тому, какъ для вывода, для котораго необходимо отрицательная посылка, совершенно безразлично, установлена ли она по поводу возникавшаго ложнаго предположенія или по какому-либо иному поводу, потому что для этого вывода нужно отрицательное сужденіе о предметѣ вывода, а не утвержденіе ложности противорѣчащаго ему утвердительнаго сужденія, подобно этому и для безчисленныхъ случаевъ вліянія уже констатированныхъ отрицательныхъ сужденій на наши активныя проявленія совершенно безразлично, существовали или не существовали въ томъ или другомъ случаѣ ранѣе этого констатированія ошибочныя предположенія о фактахъ, способныхъ неблагопріятно отозваться на нашемъ благосостояніи, такъ какъ констатированное отсутствіе опредѣленнаго факта не нуждается ни въ какой добавочной оцѣнкѣ какихъ бы то ни было ошибочныхъ предположе-

ній о существованіи этого факта для того, чтобы оно могло опредѣлять активныя проявленія лица, констатировавшаго это отсутствіе.

Если мы послѣ сдѣланныхъ разъясненій невозможности ограничивать значеніе отрицательныхъ сужденій исключительно устраненіемъ ложныхъ утвердительныхъ сужденій обратимся къ Миллеву признанію, что отрицательныя предложенія „не имѣютъ никакого другого смысла и значенія“ кромѣ ложности утвердительныхъ предложеній, то увидимъ, что здѣсь ошибка идетъ гораздо далѣе. Милль говоритъ не о значеніи только, какое могло бы имѣть для знанія отрицательное предложеніе, но и о самомъ его смыслѣ; онъ высказываетъ увѣренность, что въ этомъ предложеніи и „ничего не утверждается“ кромѣ этой ложности. И здѣсь со стороны Милля нѣтъ и не можетъ быть никакой случайной оговорки или случайной неточности. Вѣдь здѣсь рѣчь идетъ у него о такой замѣнѣ одной формулы закона противорѣчія другою формулою, которая не должна нуждаться ни въ какомъ обоснованіи кромѣ точнаго опредѣленія смысла, соединяющагося съ словесными терминами; а чтобы такимъ путемъ получилось право поставить въ законѣ противорѣчія на мѣсто отрицательнаго предложенія предложеніе, утверждающее ложность предложенія утвердительнаго,—для этого, конечно, необходимо, чтобы терминъ „утвержденіе ложности утвердительнаго предложенія“ совершенно точно выражалъ тотъ смыслъ, который въ общемъ сознаніи соединяется съ терминомъ „отрицательное предложеніе“.

Смыслъ термина опредѣляется случаями, въ которыхъ онъ употребляется. Милль хорошо знаетъ, что если взять всѣ случаи отрицательныхъ сужденій по ихъ словесному составу, то единственной общей чертой ихъ окажется, какъ онъ самъ говоритъ, отрицаніе чего-нибудь о чемъ-нибудь или, по его же собственному объясненію термина „отрицать“, утвержденіе отсутствія опредѣленнаго факта. Понятно, что съ этой точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи объ отожествленіи отрицательнаго предложенія вообще съ предложеніемъ, утверждающимъ ложность утвердительнаго. Этого не можетъ быть, если руководиться въ опредѣленіи смысла этихъ предложеній словеснымъ ихъ составомъ, просто потому, что въ опредѣленіе, которое должно обнимать всѣ случаи отрицательныхъ предложеній, соотвѣтственно ихъ словесному составу, совсѣмъ не входитъ представленіе объ утвердительномъ предложеніи какъ объ общемъ предметѣ всѣхъ этихъ сужденій, тогда какъ по опредѣленію Милля это именно представленіе и должно составлять тотъ предметъ, на квалификацію ко-

тораго непремѣнно направлено каждое отрицательное сужденіе. Поэтому Миллево полное отожествленіе по смыслу отрицательнаго предложенія съ утвержденіемъ ложности предложенія утвердительнаго само можетъ имѣть смыслъ только подъ тѣмъ предположеніемъ, что дѣйствительный смыслъ, соединяемый нами съ огромнымъ большинствомъ отрицательныхъ предложеній, точно не соотвѣтствуетъ ихъ словесному составу и что они представляютъ только условное выраженіе для того смысла, который точно выражается терминомъ „утвержденіе ложности утвердительнаго предложенія“.

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что убѣжденіе въ ложности того или другого утвердительнаго предложенія только въ томъ случаѣ и возможно, когда установлено отрицательное предложеніе о томъ фактѣ, о которомъ говоритъ это утвердительное сужденіе; и поэтому безъ предварительной установки этого отрицательнаго предложенія утвержденіе ложности утвердительнаго предложенія даже и состояться не можетъ. Если въ ложности предложенія „a есть b“ нѣтъ средствъ убѣдиться, пока не установлено того отрицательнаго отношенія предиката a къ предикату b, которое выражается въ отрицательномъ сужденіи „a не есть b“, взятомъ по смыслу, опредѣляемому его словеснымъ составомъ, то отрицать смыслъ, непосредственно принадлежащій этому отрицательному сужденію, очевидно, значило бы не различать сужденія, состоящаго въ простомъ констатированіи отсутствія опредѣленнаго факта, отъ сужденія, устанавливающаго отношеніе между этимъ сужденіемъ и сужденіемъ, въ которомъ утверждается существованіе этого факта. А такъ какъ при этомъ смѣшеніи прямо отрицается буквальный смыслъ утвержденія отсутствія факта, то этимъ отрицается наличность того условія, при которомъ единственно получается утвержденіе ложности того или другого утвердительнаго сужденія.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что самому Миллю при разъясненіи имъ своего взгляда на значеніе индукціи для доказательства закона противорѣчія приходится ссылаться на факты дѣйствительности, выражаемые не утвердительными только, но и отрицательными сужденіями (равенство—неравенство, движеніе—покой, звукъ—безмолвіе), а не на сужденія объ истинности и ложности положеній, въ которыхъ говорится объ этихъ фактахъ. И замѣчательно, что самъ Милль, характеризовавшій, какъ мы видѣли выше, отрицаніе какъ утвержденіе отсутствія, несуществованія факта, при точнѣйшемъ разъясненіи отрицательныхъ названій, примѣненіе которыхъ къ пред-

мету предполагаетъ установку за предметомъ соотвѣтствующихъ имъ отрицательныхъ предложеній и которыя въ существѣ дѣла замѣняютъ въ рѣчи вводныя отрицательныя предложенія, со всею рѣшительностію утверждаетъ [1]), что необладаніе какимъ либо свойствомъ (т. е. отсутствіе факта принадлежности опредѣленнаго предиката опредѣленному предмету) есть также свойство и, слѣдовательно, можетъ получить названіе. Но если необладаніе свойствомъ есть также свойство, то какимъ же образомъ точное формулированіе знанія о немъ само не можетъ имѣть никакого смысла и должно непремѣнно выражать нѣчто другое, хотя бы и стоящее съ нимъ въ логической связи, именно несогласіе съ дѣйствительностію предложенія, утверждающаго обладаніе этимъ свойствомъ? Здѣсь недоразумѣніе, очевидно, зашло слишкомъ далеко и переходитъ въ явное противорѣчіе Милля самому себѣ.

Въ этомъ взглядѣ Милля, очевидно, мы имѣемъ лишь примѣненіе къ отрицательнымъ сужденіямъ вышеизложеннаго Миллева взгляда на аналитическую очевидность. Миллево положеніе, что отрицательное предложеніе, утверждающее отсутствіе факта, ничего не утверждаетъ кромѣ ложности утвердительнаго предложенія и не имѣетъ никакого другого смысла и значенія, есть очевидный и характерный образчикъ примѣненія этого взгляда. Подлежащее этого предложенія, т. е. предложеніе, утверждающее отсутствіе этого факта, по этому взгляду, должно, очевидно, считаться простымъ словеснымъ терминомъ, а сказуемое, т. е. утвержденіе ложности утвердительнаго предложенія, должно представлять установку смысла этого термина, тогда какъ это подлежащее, какъ показано, имѣетъ свой особый отъ сказуемаго принадлежащій ему смыслъ и представляетъ собою то условіе, которое объясняетъ утвержденіе, заключающееся въ сказуемомъ, а поэтому связь между подлежащимъ и сказуемымъ должна устанавливаться чисто аналитически. Ошибка Милля, очевидно, коренилась въ недостаточномъ различеніи двоякаго рода предложеній, именно съ одной стороны такихъ предложеній, въ которыхъ подлежащимъ служитъ простой словесный терминъ, а сказуемое представляетъ разъясненіе этого термина съ помощью установившихся по своему значенію словъ, съ другой стороны такихъ, въ которыхъ какъ въ подлежащемъ, такъ и въ сказуемомъ термины обозначаютъ опредѣленныя нетожественныя другъ съ другомъ представленія, и предложе-

[1]) Log., 1. 47; p. п. 1. 48.

ніемъ на основаніи сличенія содержанія этихъ представленій другъ съ другомъ устанавливается отношеніе между ними. Словесные термины, съ которыми соединяются въ этомъ процессѣ тѣ или другія представленія, правда, существенно важны для обмѣна мыслей между людьми и нерѣдко требуютъ точнѣйшей установки соединяемаго съ ними смысла, конечно, тамъ, гдѣ представляется вслѣдствіе какихъ либо причинъ опасность перетолкованія ихъ, и это можетъ требоваться даже для самаго процесса усмотрѣнія отношеній между представленіями въ качествѣ подготовительнаго акта; но въ самомъ процессѣ этого усмотрѣнія словесные термины, если и имѣютъ большое психологическое значеніе, насколько фиксируетъ вниманіе сознанія на этихъ представленіяхъ, но не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого въ собственномъ смыслѣ логическаго значенія, такъ какъ это усмотрѣніе опредѣляется содержаніемъ самыхъ представленій, а не словеснымъ ихъ выраженіемъ.

III.

Разсмотрѣнный дефектъ въ Миллевомъ пониманіи отрицательныхъ сужденій, интересный, конечно, и самъ по себѣ, никакъ не случаенъ. Онъ стоитъ въ связи съ крайними положеніями эмпиризма, а поэтому естественно ведетъ къ обслѣдованію этихъ положеній. Такъ какъ относительно многихъ признаваемыхъ за аналитическія сужденій Миллю казалось страннымъ говорить о необходимости опыта для ихъ обоснованія вслѣдствіе явной, повидимому, зависимости отношенія, въ которомъ въ нихъ ставятся другъ къ другу основныя понятія, отъ содержанія этихъ понятій, то лучшимъ объясненіемъ ихъ, при отрицаніи всякой возможности умозрительнаго усмотрѣнія отношенія между понятіями, естественно казалось съ очевидностію усматриваемую связь между ними объяснять тѣмъ, что сказуемое представляетъ простое установленіе смысла термина подлежащаго. При этомъ, конечно, не бралось во вниманіе, что при обычномъ употребленіи термина подлежащаго, когда онъ берется не въ отношеніи къ аналитическому сужденію, не оказывается никакой нужды въ постоянномъ и неизбѣжномъ соединеніи съ нимъ представленія о томъ отношеніи его къ сказуемому, которое приписывается ему въ аналитическомъ сужденіи. Въ отожествленіи смысла отрицательныхъ сужденій съ утвержденіемъ ложности сужденій утвердительныхъ мы имѣемъ, очевидно, простое примѣненіе этого общаго взгляда къ отрицательнымъ сужденіямъ. Нельзя, однако, при этомъ не прибавить, что это ошибочное истолкованіе отрицатель-

ныхъ сужденій во всякомъ случаѣ облегчалось тѣмъ, что по обычному логическому взгляду аналитическія сужденія во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ разсматривались какъ такія, въ которыхъ сказуемыя сполна заимствуются изъ содержанія ихъ подлежащихъ, а не какъ чисто умозрительныя усмотрѣнія отношеній между содержаніями подлежащаго и сказуемаго,—усмотрѣнія, которымъ нѣтъ необходимости входить въ это содержаніе въ томъ смыслѣ, что безъ него это подлежащее не могло бы быть поставлено въ мысли. То, что этимъ взглядомъ вносилось сполна въ понятіе подлежащаго въ качествѣ его постояннаго содержанія,—это эмпиризмомъ прикрѣплялось только къ словесному термину.

Спенсеръ избѣгаетъ этой ошибки. Никакъ не превращая аналитическія сужденія въ простое установленіе смысла терминовъ ихъ подлежащихъ, онъ учитъ, что всѣ они, даже общія формулы выводовъ какъ логическихъ такъ и математическихъ, точно также опираются на проходящіе черезъ сознаніе и соотвѣтствующіе имъ факты, какъ и всѣ другія общія положенія. Съ другой стороны и Милль признаетъ, что не всѣ положенія, которыя ставятся обычно въ основаніе знанія и поражаютъ своею очевидностію, могутъ сводиться къ простому истолкованію терминовъ ихъ подлежащихъ, какъ бы смѣло и произвольно ни примѣнялось это истолкованіе; поэтому и у него выступало ученіе объ основаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ положеній на фактахъ опыта, имъ соотвѣтствующихъ. Наиболѣе ярко и рельефно выступаетъ насильственность подобныхъ пріемовъ при проведеніи крайней эмпиристической теоріи въ попыткѣ объясненія ею полагаемаго обыкновенно во главѣ логики закона противорѣчія. Къ нему теперь мы и обратимся.

Интересно, что Спенсеръ, очевидно, не видитъ даже никакой нужды дать какой либо пояснительный комментарій къ этому смѣлому взгляду и просто подразумѣваетъ его подъ общимъ категорическимъ утвержденіемъ, что всѣ логическія положенія, подобно всякимъ другимъ общимъ положеніямъ, должны по основаніямъ своимъ сводиться къ фактамъ опыта. Милль дѣлаетъ пояснительныя примѣчанія. Для соглашенія этого взгляда съ общепринимаемымъ смысломъ отрицанія Милль учитъ, что въ каждое отрицаніе, употребляемое нами въ нашихъ сужденіяхъ, должны входить два различающіяся по своему смыслу отрицанія, во-первыхъ, отрицаніе, выражающее простое замѣченное нами отсутствіе опредѣленнаго факта, не препятствующее само по себѣ присоединять къ отрицательному сужденію утвердительное, имѣю-

щее съ нимъ одинъ и тотъ же субъектъ и предикатъ, и во-вторыхъ, отрицаніе, которое не допускаетъ этого сопутствія и которое фактически въ бытіи встрѣчается всюду, гдѣ есть первое отрицаніе. И только въ силу постояннаго наблюденія, что въ фактической дѣйствительности никогда не встрѣчается соединеніе существованія факта съ его несуществованіемъ, сознаніе придаетъ положенію о несоединимости утвержденія какого бы то ни было положенія съ его отрицаніемъ значеніе общаго положенія, которое и находитъ свое выраженіе въ законѣ противорѣчія.

Но допустимъ ли такой взглядъ?

Отрицательное сужденіе есть исключеніе представленія объ опредѣленномъ фактѣ изъ представленія о фактической дѣйствительности. И мысль и языкъ вполнѣ допускаютъ не безусловныя, а точно выраженныя ограниченныя отрицанія, при которыхъ, конечно, предполагается также ограниченнымъ и точно выраженнымъ соотвѣтствующее этому ограниченію сужденія утвержденіе. Мы говоримъ, напримѣръ: „такого-то свойства почти совсѣмъ не встрѣчается въ предметахъ, характеризуемыхъ извѣстнымъ понятіемъ“, или „извѣстное свойство, отсутствіе котораго достаточно ярко выступаетъ на видъ въ опредѣленномъ классѣ предметовъ, тѣмъ не менѣе иногда встрѣчается въ предметахъ, относящихся къ этому классу“, или: „такое-то свойство почти совсѣмъ не встрѣчается у предметовъ, относящихся къ извѣстному классу“ и пр. п. Но когда мы безъ всякаго или прямо выраженнаго или вслѣдствіе общеизвѣстности явно подразумѣваемаго ограниченія, высказываемъ отрицаніе, мы придаемъ ему безусловно опредѣленный смыслъ, сполна исключающій сужденіе, утверждающее присутствіе противоположной качественности (конечно, въ границахъ опредѣленнаго мѣста, времени и условій, или точно выраженныхъ въ самомъ содержаніи сужденія или явно подразумѣвающихся при немъ). Это значитъ, что отрицаніе, когда прямо не высказывается или явно не подразумѣвается тѣхъ или другихъ его ограниченій, имѣетъ въ языкѣ и мысли абсолютно опредѣленный смыслъ, совершенно недопускающій соединенія ихъ съ противорѣчащими имъ утвержденіями. Что таковъ именно и единственно смыслъ отрицательнаго сужденія, выраженнаго безъ всякаго ограниченія, это вполнѣ ясно и рѣшительно доказывается и тѣми требованіями, которыя предъявляются нашимъ сознаніемъ какъ при непосредственной установкѣ отрицательныхъ сужденій, такъ и при критической оцѣнкѣ состоятельности уже установленныхъ отрицательныхъ предложеній.

Всѣ требованія отъ отрицательнаго предложенія при его непосредственной установкѣ сводятся исключительно къ тому, чтобы сознаніе не встрѣчало въ познаваемой дѣйствительности ни самаго того факта, о которомъ говоритъ это предложеніе, ни какихъ либо косвенныхъ указаній на него и не встрѣчало ничего подобнаго при своемъ обзорѣ дѣйствительности въ той ея широтѣ и въ тѣхъ именно отношеніяхъ, которыя предполагаются предложеніемъ, и при томъ при такихъ условіяхъ со стороны воспріятія, при которыхъ по вынесенному сознаніемъ изъ опыта убѣжденію искомый въ познаваемой дѣйствительности фактъ или то или другое его вліяніе не могли бы не быть констатированы, если бы существовали въ дѣйствительности. И совершенно согласно съ такимъ именно критеріемъ всякая удостовѣренная ошибка какъ въ опредѣленіи сферы исканія, такъ и въ оцѣнкѣ права смотрѣть на фактическія условія знанія, какъ на условія вполнѣ удовлетворяющія указаннымъ требованіямъ, или въ соотвѣтствующей степени колеблютъ вѣру въ ранѣе установившееся отрицательное предложеніе или ведутъ къ такому его ограниченію, которое дѣлаетъ его точно соотвѣтствующимъ фактическимъ условіямъ наблюденія. Этими требованіями достаточно опредѣленно характеризуется смыслъ того утвержденія, которое заключается въ отрицательномъ предложеніи, именно совершенное исключеніе точно опредѣленнаго факта изъ представленія познаваемой дѣйствительности. Правда, частію вслѣдствіе общаго несовершенства познавательныхъ способностей человѣка, частію вслѣдствіе недостаточно строгаго примѣненія критическихъ требованій, зависящаго отъ очень разнообразныхъ причинъ, отрицательныя предложенія иногда оказываются выраженными и при томъ безъ всякихъ ограниченій даже и въ такихъ случаяхъ, когда въ дѣйствительности существуютъ факты, отсутствіе которыхъ въ этихъ сужденіяхъ утверждается, или которые требуютъ того или другого ограниченія ихъ смысла. Но это, конечно, никакъ не значитъ не только того, чтобы для самаго сознанія лицъ, ихъ выражающихъ, они не были, пока не обнаружится ошибка, совершеннымъ исключеніемъ этихъ фактовъ изъ представленія о дѣйствительности, ни того, чтобы это именно понятіе совершеннаго исключенія ихъ изъ дѣйствительности не было руководящимъ въ установкѣ этихъ предложеній, конечно, въ той степени, въ какой пользующееся этимъ понятіемъ сознаніе или вообще или въ данныхъ условіяхъ оказывалось способнымъ критически примѣнить его къ этой установкѣ. Ошибка въ этомъ случаѣ есть результатъ

относительнаго несовершенства средствъ, какими владѣетъ или фактически пользуется сознаніе при своемъ примѣненіи понятія къ опредѣленному познавательному процессу, а не касается смысла самаго понятія. И законъ противорѣчія говоритъ о невозможности истинности какого либо изъ двухъ прямо противорѣчащихъ другъ другу положеній не при наличномъ существованіи другого, а при его истинности, т. е. при согласіи съ дѣйствительностію того, что въ немъ утверждается.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что соединеніе утвержденія съ отрицаніемъ того же сужденія, когда то и другое выражены безъ всякихъ ограниченій, невозможно, такъ какъ отрицаніе, какъ имѣющее единственное значеніе полнаго и безусловнаго исключенія факта, о которомъ говоритъ сужденіе, изъ дѣйствительности, лишается всякаго смысла, какъ скоро твердо установлено прямо противорѣчащее ему утвердительное сужденіе. Но отсюда же слѣдуетъ и нѣчто болѣе. Такъ какъ эта невозможность опредѣляется смысломъ отрицательнаго сужденія, то признаніе возможности соединенія утвердительнаго сужденія съ отрицательнымъ, несогласное съ закономъ противорѣчія, представляетъ простое злоупотребленіе терминомъ „отрицательное сужденіе“, ставя его въ такую комбинацію, которая безусловно несоединима съ этимъ терминомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда же слѣдуетъ, что такъ называемый законъ противорѣчія представляетъ на дѣлѣ самоочевидную истину, опирающуюся на непосредственное усмотрѣніе мыслію отношенія между смыслами терминовъ, въ нее входящихъ.

Правда, соединеніе съ нашими отрицательными предложеніями безусловнаго характера, исключающаго соединеніе ихъ съ прямо противорѣчащими имъ утвердительными предложеніями, предполагается и признающими двойственный смыслъ отрицанія; они думаютъ только, что это значеніе присоединяется въ нихъ къ понятію отрицанія, допускающаго утвержденіе, вслѣдствіе постоянно наблюдаемаго въ дѣйствительности несовпаденія существованія чего либо съ несуществованіемъ того же, хотя теоретически оно должно быть сочтено возможнымъ. Но если утвержденіе несуществованія, выраженное безъ всякаго ограниченія, есть рѣшительное исключеніе изъ дѣйствительности, то какимъ образомъ оно не потеряетъ всякій смыслъ, когда установлено будетъ существованіе того же факта? Какимъ образомъ это соединеніе не превратится въ соединеніе терминовъ, лишенныхъ всякаго смысла? Если понять это присоединеніе

въ смыслѣ замѣны ранѣе существовавшаго значенія термина другимъ значеніемъ, то его несостоятельность будетъ не менѣе очевидна. Понятіе отсутствія, предполагающаго возможность одновременнаго съ нимъ существованія того же факта, хотя и обособленное отъ понятія отсутствія, не соединяемаго съ существованіемъ того же факта, все же останется предложеніемъ, въ которомъ одинъ признакъ несоединимъ съ другимъ. При томъ же не только различеніе предметовъ по классамъ и видамъ, къ которому они относятся, но и простое обособленіе ихъ другъ отъ друга, постановка въ качествѣ особыхъ предметовъ предполагаетъ установку отсутствія въ каждомъ изъ нихъ тѣхъ или другихъ свойствъ или особенностей другого. Даже различеніе ихъ по мѣсту, въ которомъ они находятся, предполагаетъ отрицательныя сужденія о нетожествѣ одного съ другимъ мѣстъ, въ которыхъ они находятся. Если подобныя различенія совершаются у насъ постоянно въ утвердительныхъ сужденіяхъ, въ которыхъ особые другъ отъ друга предметы характеризуются отличными другъ отъ друга положительными свойствами, напримѣръ: „легкій—тяжелый“, „высокій—низкій“ и пр. п., если различныя мѣста характеризуются также положительными понятіями, напримѣръ „здѣсь—тамъ“, „ближе—дальше“, то вѣдь настолько эти положительныя характеристики и даютъ намъ понятіе о характеризуемыхъ ими предметахъ какъ различныхъ другъ отъ друга, насколько предполагается неприложимость ихъ къ одному и тому же предмету. А обособленіе предметовъ другъ отъ друга и соединенное съ нимъ различеніе несомнѣнно есть условіе всякаго познавательнаго процесса; оно предполагается даже въ психикѣ животныхъ. Съ другой стороны нѣтъ нужды разъяснять, что отрицательныя сужденія, предполагаемыя этимъ процессомъ различенія, могутъ имѣть смыслъ только тогда, когда полагаемыя въ ихъ основаніе отрицательныя сужденія толкуются какъ рѣшительныя исключенія отрицаемаго изъ дѣйствительности, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ отношеніе къ противорѣчащимъ имъ сужденіямъ утвердительнымъ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ отношенія другъ къ другу двухъ утвердительныхъ сужденій объ одномъ и томъ же предметѣ, различающихся по своему смыслу, но говорящихъ объ одномъ и томъ же предметѣ.

Если отрицательное сужденіе, выраженное безъ всякихъ ограниченій, означаетъ не допускающее никакихъ ограниченій исключеніе факта изъ познаваемой дѣйствительности, то съ установкой его по самому понятію о немъ исключается всякая возможность встрѣчи его

въ опытѣ съ фактомъ, ему противорѣчащимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ, конечно, всякая нужда индуктивнаго доказательства закона противорѣчія, такъ какъ несомнѣнность этого закона дѣлается очевидной изъ сопоставленія самыхъ понятій, въ него входящихъ. Индуктивное доказательство закона противорѣчія при правильномъ пониманіи отрицательнаго сужденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того понятія объ отсутствіи факта, которое утверждается въ этомъ сужденіи, дѣлается не только излишнимъ, но и невозможнымъ. Всѣ частные примѣры должны будутъ свидѣтельствовать, что въ опредѣленномъ частномъ случаѣ при отсутствіи или несуществованіи опредѣленнаго факта одновременно отсутствовалъ или не существовалъ этотъ опредѣленный фактъ. Но если отсутствіе, то есть утвержденіе его несуществованія, выраженное безъ всякихъ ограниченій, означаетъ рѣшительное, не допускающее никакихъ исключеній представленіе объ исключеніи факта изъ дѣйствительности, то каждый примѣръ въ такой индукціи будетъ утверждать одновременно отсутствіе опредѣленнаго факта съ самимъ собою. Но индукція въ качествѣ процесса, устанавливающаго связь явленій, въ каждомъ примѣрѣ, конечно, предполагаетъ совпаденіе двухъ явленій, между которыми въ выводномъ предложеніи и устанавливается закономѣрная связь, и поэтому она безусловно невозможна тамъ, гдѣ сознаніе при каждомъ случаѣ имѣетъ передъ собою одно и то же нумерически тожественное само съ собою явленіе. Самое примѣненіе здѣсь термина одновременности, съ которымъ мы соединяемъ представленіе о соединеніи во времени чего-нибудь съ чѣмъ-нибудь особымъ отъ него въ какомъ либо отношеніи, будетъ здѣсь представлять простое злоупотребленіе терминомъ. Это злоупотребленіе терминомъ, конечно, способствуетъ словесному раздвоенію одного и того же явленія, и на словахъ это явленіе выступаетъ то въ качествѣ несуществованія опредѣленнаго факта, то въ качествѣ отсутствія одновременнаго съ этимъ несуществованіемъ опредѣленнаго факта его существованія. Но понятно, что такое чисто словесное раздвоеніе одного и того же явленія не можетъ сдѣлать изъ одного явленія двухъ явленій, изъ одного отсутствія двухъ отсутствій, а поэтому вмѣсто индукціи, которая должна имѣть дѣло съ случаями совпаденія двухъ явленій одного съ другимъ, мы получаемъ простое лишенное всякаго смысла злоупотребленіе терминами, изъ котораго, конечно, никакого доказательства какого бы то ни было положенія сдѣлать нельзя [1]).

[1]) У Милля абсурдность подобной индукціи затемняется еще и тѣмъ, что въ

Если традиціонная логика не дѣлаетъ попытокъ констатировать и разъяснить умозрительную очевидность закона противорѣчія, который тѣмъ не менѣе она ставитъ во главѣ своего ученія о мышленіи, то, нужно думать, по крайней мѣрѣ однимъ изъ основаній этого служитъ укрѣпленное вѣковой традиціей убѣжденіе, что въ положеніи противорѣчія мы имѣемъ законъ мысли. Въ виду того, что подъ закономъ вообще понимается положеніе, имѣющее безусловное значеніе въ той сферѣ, къ которой онъ относится, естественно казалось, что нѣтъ настоятельной необходимости оправдывать законъ мысли путемъ чисто умозрительнаго усмотрѣнія отношеній между содержаніями представленій, входящихъ въ сужденіе, которымъ онъ выражается, такъ какъ и безъ того должно оставаться незыблемымъ значеніе его во всѣхъ познавательныхъ процессахъ, на сколько въ нихъ такъ или иначе участвуетъ мыслительная дѣятельность. Между тѣмъ превращеніе положенія о невозможности одновременной истинности утвержденія и отрицанія одного и того же предложенія изъ самоочевидной истины въ основной законъ мысли на дѣлѣ сопровождается очень серьезными, неблагопріятными для ученія о знаніи послѣдствіями. Такъ какъ это положеніе говоритъ о познавательныхъ объектахъ и въ то же время кладется въ основу познанія, постоянно предразумѣваясь въ познавательныхъ процессахъ, то при взглядѣ на него какъ на законъ мысли, не могущій получить логическаго оправданія по самому своему содержанію, въ позднѣйшее время ставится даже вопросъ о правѣ смотрѣть на независимую отъ сознанія дѣйствительность какъ на подчиняющуюся этому закону. Отсюда послѣдовательно возникло даже предположеніе о возможной неприложимости закона противорѣчія, а съ нимъ и всѣхъ мыслительныхъ процессовъ, на немъ опирающихся, къ независимымъ отъ мышленія вещамъ, подобно тѣмъ, также догматически принятымъ у Канта, синтетическимъ сужденіямъ a priori, которыя неразрывно связываются у него съ его ученіемъ о чистыхъ созерцаніяхъ и о категоріяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и для эмпиризма остается возможность сближать такого рода необходимую мыс-

---

примѣры положительныхъ и отрицательныхъ понятій вносятся не только дѣйствительно прямо противорѣчащія другъ другу понятія, каковы понятія положительныя и противорѣчащія имъ отрицательныя, но и такія, гдѣ противопоставляются другъ другу два положительныхъ понятія, каковы, напримѣръ, слѣдованіе въ противоположность предшествованію, послѣдовательность въ противоположность одновременности, которыя, хотя и не требуютъ индукціи для убѣжденія въ своей несовмѣстимости другъ съ другомъ, но все же допускаютъ ее.

лимость положеній съ ассоціаціями наивысшей крѣпости, образовавшимися при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ.

К) Заключеніе.

Изъ всего, изложеннаго выше, слѣдуетъ, что новѣйшій эмпиризмъ по своей тенденціи есть критическое направленіе. Онъ ставитъ въ вопросъ то отожествленіе такъ называемой необходимой мыслимости съ умозрительнымъ знаніемъ, которое предполагалось философами противоположной школы, и дѣлаетъ попытку объяснить ее изъ вліянія частаго и продолжительнаго повторенія въ сознаніи соединеній тѣхъ или другихъ представленій. Въ позднѣйшихъ фазисахъ своего развитія эмпиризмъ представляетъ два отличные одинъ отъ другого взгляда какъ на самую ассоціацію, производящую необходимую мыслимость, такъ и на ея познавательное значеніе. Для Милля эта ассоціація, подобно всѣмъ другимъ ассоціаціямъ, должна сполна завершаться въ жизни каждаго индивидуальнаго сознанія и она лишена у него всякаго познавательнаго значенія. Процессъ, твердо устанавливающій послѣднія посылки знанія, по его мнѣнію, есть индукція. Спенсеръ углубляетъ понятіе о самой индукціи, указывая на участіе въ ней активныхъ элементовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возвышаетъ надъ нею достигшіе безусловной неразрывности результаты ассоціативнаго процесса, какъ опирающіеся на безконечно большее число фактовъ даже въ сознаніи индивидуума, чѣмъ сколько можетъ объять ихъ индукція. Но, по его мнѣнію, неразрывныя ассоціаціи, которыя лежатъ въ основаніи знанія, представляютъ на дѣлѣ результатъ совокупнаго опыта цѣлаго ряда поколѣній и не только человѣческаго рода, но и міра животныхъ, такъ какъ задатки къ нимъ передаются отъ болѣе раннихъ поколѣній къ болѣе позднимъ наслѣдственно. Въ силу этого онъ признаетъ необходимую мыслимость общихъ принциповъ знанія не только высшимъ опытнымъ обоснованіемъ, но, преувеличивая ея значеніе, даже безусловно достовѣрнымъ доказательствомъ принциповъ знанія. Это преувеличеніе есть естественный результатъ, съ одной стороны, стремленія сохранить достовѣрность послѣднихъ посылокъ знанія, съ другой, основной ошибки эмпиризма, отрицанія всякой умозрительной очевидности. Будучи по своей основной тенденціи направленіемъ критическимъ, эмпиризмъ измѣняетъ этому направленію въ своемъ ученіи о высшихъ основоположеніяхъ знанія, дѣлая неудачныя попытки невозможнаго обоснованія ихъ на проходящихъ черезъ сознаніе, соотвѣтствующихъ имъ фактахъ опыта.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук